

**Биографии, статьи,
портреты**

Вл. Архангельский.	Петр Смородин	6
Д. Чернопыжский.	Так закалялась сталь (О школьных годах Николая Островского)	50
А. Кипаренко.	Первостроители	70
Е. Гарлинская, Н. Кузьмина.	Путь ученого	105
А. Родимцев.	Памятные вехи	120
Илья Белкин.	«Крылатый танкист» (Рассказ о Герое Советского Союза летчике Григории Полуянове)	136
Ирина Бразуль.	Высота идей, сила чувства (Дочь болгарских революционеров)	148
Н. Митрякова, Л. Самохвалова.	Жить просто — нельзя! Жить надо с увлечением! (Рассказ о юности С. П. Королева)	188

**Документы,
воспоминания**

Л. Петропавловская.	Кровью сердца (О дневнике и воспоминаниях А. Столярова)	206
А. Столяров.	Из дневника и воспоминаний	209
А. Ваарман-Зильбер.	Писать ли о себе?	224
Вл. Дмитриевский.	Когда я слышу эту песню...	232
В. Емельянов.	В Бакинском подполье (Из книги «На путях к высшей школе»)	242
Г. Семенов.	Из дневника фронтовой бригады	266
	КИМ — школа интернационализма, мужества и героизма. Вступительная статья и публикация документов М. М. Мухамеджанова	283
	Книги боевой славы. Публикация Е. Щагиной	318
	В тылу врага. Документы. Публикация Н. Андреевой	339

Историко-
биографический
альманах
серии
„Жизнь
замечательных
людей“

Издательство
ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
Москва
1968

Литературное
наследство

Александр Гладков.	О Викторе Кине	354
Виктор Кин.	По ту сторону (Отрывки и варианты)	356
Семен Гудзенко.	Из писем к матери	364
Борис Горбатов.	Автобиографические записи	372
Михаил Голодный.	Автобиография	375
Джек Алтаузен.	Из дневника	379
Ян Сашин.	Отрывки из фронтовых записей	381
Алексей Недогонов.	Из дневника 1943	384
Забутые страницы	«Безумству храбрых поем мы славу» (По страницам книги)	388

Редакционная
коллегия:

М. П. Алексеев,
И. Л. Андроников,
Д. С. Данин,
Б. И. Жутовский,
П. Л. Капица,
Б. М. Кедров,
Н. И. Конрад,
Ю. Н. Коротков (редактор),
Д. М. Кукин,
Ф. Н. Петров,
А. А. Сидоров,
К. М. Симонов,
С. Д. Сказкин,
С. С. Смирнов,
К. И. Чуковский.

Библиографический листок

А. Евстугов. Фототрилогия о комсомоле	398
А. Лукашин. Юность, которая спасла мир	399
А. Иванов. Первая книга новой серии	402
Л. Гафт. Они были первыми	403
Виктор Гиленко. Книги, адресованные романтикам . . .	405

Смесь

Письмо комсомольцев А. В. Луначарскому	408
Из писем читателей Н. А. Островскому	411

Редактор-составитель Е. Любушкина
Художник Ю. Соболев
Худож. редактор А. Степанова
Техн. редактор Л. Курлыкова

Е. Розенталь.	К истории одной записки	414
Ал. Мильчаков.	Дорогой отважных (Слово о Благое Попове)	421
Н. Михайлова.	Один из комсомольцев 30-х годов	425
А. Башкиров.	Семь старых фотографий	430
И. Пятнова.	Хаджи	438
Илья Френкель.	Так мы начинали	443

В томе использованы фотоматериалы Центрального архива ВЛКСМ, Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, Центрального Государственного архива литературы и искусства, Центрального Государственного архива кинофотодокументов, Государственного Исторического музея, из коллекции Н. С. Тагина.

Вл. Архангельский

Петр Смородин

Не прославим — покажем того,
Кто заводской чеканкой

высечен.

Я хочу показать одного,
Чтоб о нем говорили тысячи.

Говорят мне: воспев одного,
Ты его над другими

возвысишь...

Нет! Я песню пою про него,
Потому что он сколок

с тысяч!

В этой песне о нынешнем дне
(В звуке имени: Петр Смородин)
Только гимн комсомольской

весне

И стальной большевистской
породе.

А. Безыменский

У деревенского паренька Пети Смородина, конечно, не было никакой родовой поленной росписи или родословного дерева. Не записывались его предки в фамильные книги священников или купцов. В доме не держали даже семейного альбома фотографий. Сам он рассказывал о себе без охоты. И о детских его летах сохранились самые скудные сведения.

Одно лишь известно, что родился он в селе Боринском Задонского уезда Воронежской губернии в 1897 году. Его мать Анна Петровна, в девичестве Лебедева, в семнадцать лет вышла замуж за оставшего солдата Ивана Зотича Смородина. Но семейная жизнь сложилась горько. Едва Петру минуло сорок дней, Иван ушел куда-то в поисках счастливой доли — и пропал бесследно: ни жена, ни сын никогда его больше не видели.

Анна Петровна ничего определенного не говорила об этом шаге своего мужа. Внуке она рассказывала, что Иван Зотич ничем не выделялся и в селе его считали мужиком обыкновенным: в политику не связывался, с плохими людьми не являлся и каких-либо причуд за ним не замечалось. Просто был старше Анны годов на десять и мало-мальски разбирался в грамоте. А кроме него, лишь один мужичок в селе мог бойко читать вывески и писать за соседей письма с поклонами их родичам. И женился бывший солдат не по чужой прихоти, не по приказу родителей, а вроде бы по душе. Но пропал, вот и весь сказ! Фотографии по себе не оставил — это было в деревенских обычаях тех дальних дремучих лет. Петр даже не мог представить себе образ родителя и во всех анкетах позднее писал о нем: «Отец — неизвестно где».

Словом, получилось как по горькой старинной пословице: «С мужем нужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой хоть вой!» Анна горевала больше года в семье у свекра Зота, потом оставила на попечение ему да бабне Анне своего Петеньку и ушла из Боринского на ближайший сахарный завод, где ее отец, Петр Лебедев, работал в цехе выпарки.

Завод принадлежал барину Гарденину. Отцу пришлось бить челом хозяину, и Анну подрались работать у него на сушке сахара. Однако вскоре она перешла из цеха к барину в услужение, на кухню. Помог случай: старый повар-француз, задумав отбыть на родину, в Париж, стал приглядывать, где бы найти себе замену. И обнаружил Анютку: она была молода, миловид-

на и сметлива. Да и не противилась новой должности.

Быстро она освоилась на кухне, барской семье пришлось по нраву и проработала у Гардениных четверть века: с весны до осени в летней усадьбе барина, зимой — в его Санкт-петербургской квартире.

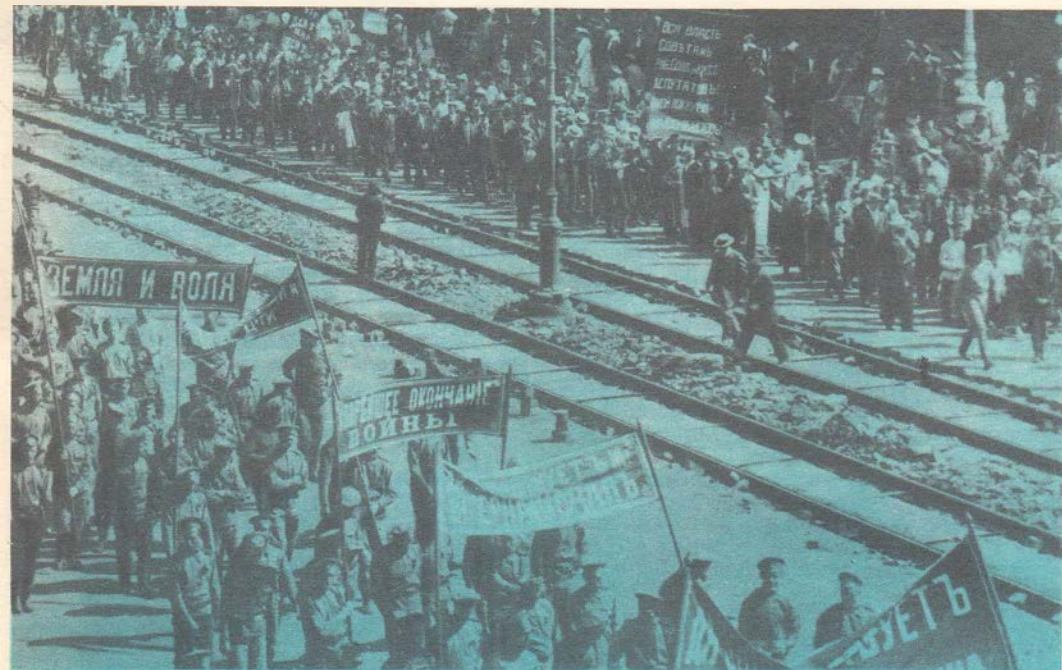
Маленький Петя больше десяти лет воспитывался по крестьянству у деда с бабкой. Люди они были бедные, сердечные, справедливые и внуку старались передать лучшие свои качества.

— Живи по правде, Петруха! — наставлял его дед. — Только она и есть истина на деле. Палат каменных с ней не наживешь, да только она много чище солнышка. Вот и в священном писании про то говорится у апостола Матфея: «Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не ввидите в царствие небесное!»

Отгремела первая русская революция. Маленького Петра она обошла стороной — он кончал трехклассную церковноприходскую школу. И когда ему исполнилось тринадцать, мать решила, что пришла пора выводить его в люди. На год пристроила его в имении для всяких подсобных работ — у садовника и у конюха. А потом увезла в Питер и определила учеником слесаря на фабрику хирургических инструментов Шапльгина, на Лахтинской улице, дом № 25.

От деревенской жизни осталось мало воспоминаний, да и все они были самые обыденные: шумный и крестный праздник — с ярмаркой и крестным ходом, почти как на картине И. Е. Репина; шалости в кругу сверстников, и самые яркие среди них — ночные налеты по яблоки в чужой сад; изредка рыбалка на реке Воронеж, — но до реки путь дальний, охотников бегать туда было мало, а одного не отпускали. Вставали в памяти кой-какие дела по дому, особенно в огороде: каждую весну он с бабкой готовил грядку под подсолнухи, а зимними вечерами они дружно лужгали семечки — это заменяло разговоры. И помогал месить тесто, когда бабка заводила на ночь новый хлеб. И ни с чем не сравнимый счастливый миг в барской усадьбе — Петр на горячем коне мчит к водоюу у ставка: верхом без седла, голым пяткам жарко от разгоряченных боков коня, на ветру разлетаются выцветшие от солнца русые волосы. Простор, полет, радостная истома в груди под расхристанной ситцевой рубахой!..

Как помнят люди, видевшие Петра в годы ученичества на фабрике Шапльгина,

Демонстрация в Петрограде.
18 июня 1917 года.

был он паренек рослый, худой, по характеру гордый и молчаливый. Это был знак его сиротства. И старшие рабочие, сочувствуя его нелегкой доле, относились к нему сердечно. Он это понимал и отвечал им лаской. Пытливые серые глаза с золотистыми крапинками теплели, Петр оживлялся и работал с воодушевлением.

Но вообще-то на фабрике было не сладко. Учили плохо — о станке приходилось лишь мечтать; зато затрецины раздавали запросто. «Если получали затрецин в день десять — это хорошо, а то и двадцать, — вспоминал об этом времени Смородин. — Били от старших учеников до мастера, а то и приказчика. Положение ребят, особенно из деревни, — забитость, нищета... Вот почему после нескольких лет ученики легко воспринимали революционные идеи... Мы ненавидели городского, пристава, околоточного, хозяина, приказчика, мастера... уважали только своих, кто вместе с нами поступил».

Тем, кто не знал его близко, Петр ка-

зался болезненным: острые лопатки зримо выпирали из-под рубашки, и кожа на лице была слишком белая — без румянца и без загара. А он был здоров, только для нормального роста не хватало ему харчей при бедном заработке ученика: первые шесть месяцев ему платили по восьми копеек за смену. Ходить же к матери всякий день на барскую кухню и подбирать гарденинские объедки не позволяла рабочая совесть.

Пять лет провел Петр в учениках, прежде чем стал слесарем-инструментальщиком. Он раздался в плечах, сделался коренастым — при среднем росте — и как бы пожизненно определил для себя покрой одежды: пиджак, косоворотка или верблужий свитер под шаю, кепка и брюки в сапоги — типичный питерский мастеровой, так хорошо знакомый нам по киноленте «Юность Максима».

Годы ученичества на фабрике Шапльги-на были для Петра открытием мира. Как-то он начал горевать, что маловато у него

Демонстрация солдат и рабочих
Петрограда в первые дни
Советской власти. 1917 г.

образование, а учиться дальше — нет пути. Старшие познакомили его с большевистской «Правдой», которая стала выходить в Питере. И он помалу пристрастился к чтению. Теперь он держал под подушкой такие книги, как «Овод», «Спартак» и томик стихов Некрасова с «Парадным подъездом» и «Железной дорогой». А вскоре нашел и людей, незримыми нитями связанных с партией Ленина.

Когда началась первая мировая война и пошли вначале всякие ура-манifestации во славу русского оружия, а затем появились рабочие лозунги: «Долой войну!» — Петр уже разбирался что к чему и иногда разносил по адресам листовки Петербургского комитета большевиков против империалистической войны. Но в семнадцать лет он не мечтал о партии. Ему доставало того, что молодые рабочие парни приглашали его на тайные вечеринки в подвал, который принадлежал детскому очагу попечительства о бедных № 19. Там бывали горячие парни с фабрик Шаплыгина и

Керстена, с заводов Семенова и «Лангеншипен». Они обсуждали статьи из газет и свои заводские дела, читали «Мать» Максима Горького, декламировали революционные стихи.

Однажды Петр привел в подвал партийного пропагандиста-большевика, и он рассказал им, как относится к войне Ленин: войну эту надо повернуть против царя, помещиков и капиталистов! Война — войне!

Смородин в этот вечер предложил создать нелегальный кружок, привлечь в него побольше новых ребят и шире обсуждать политические вопросы. Все согласились с Петром и признали его своим вожаком.

А этот вечер просидели до полуночи. И закончили его песней — боевой, вольной, в рефрене у которой был откровенный призыв к борьбе:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Но пели песню приглушенными голосами: за нее полагалась каталажка, а то и «Кресты» — мрачная тюрьма на Выборгской стороне...

Гарденины в войну не выезжали из Петербурга, который теперь непривычно именовался Петроградом. Молодой Смородин раз в месяц непременно заходил к Анне Петровне со скромными гостинцами и почти всегда наталкался на гарденинских гостей. Бывали среди них и высокие особы, кичившиеся дворянской статью, и такие «громкие» люди, как Григорий Распутин. Этот тюменский мужик, в расшитой шелковой рубаше, на которую спадала широкая холеная борода, до неприличия обрызганный духами, как-то заглянул на кухню, наткнулся на Петра и спросил сурово:

— Ты откуда, малец? И чего тут околичаешься?

— Гощу у мамани, и вам до этого дела нет! — отрезал Смородин.

— Погише, малец, а то я тебе живо язык прикушу!

— Бросьте вы его, Григорий Ефимович! — в дверях показался доктор Бадмаев. — Вас ищут, и мадера уже на столе.

Распутин икнул, одернул рубаху и ушел за доктором в барские покои...

У Гардениных было два сына — офицер и студент. Но они почти никогда не интересовались тем, что на кухне иногда сидит молодой мастеровой. Правда, с офицером был однажды разговор о настроении рабочих на фабрике. И Петр сказал про то, что думал:

— На кой им черт война, когда они и в мирное время вдоволь не едали! А теперь и совсем плохо, особенно у тех, где кормильца взяли на позицию.

Офицер не выдал Петра, но в разговор с ним больше не вступал. Их уже разделяла пропасть: один скоро пришел в партию, другой поспешно убежал к белым.

Сам Гарденин и его младший сын, студент, политикой не интересовались. Повидимому, им хватало веселого и сытого мира своей семьи. Доходов у них не поубавилось. Рабочих, что ушли на фронт, заменили женщинами: им можно было платить меньше. И все сбалансировалось в лучшем виде, тем более что с сахаром вскоре начались затруднения и он день за днем повышался в цене.

О барине сложились совсем неплохие впечатления у Петра Смородина к девяносто шестнадцатому году, когда он стал руководителем нелегального кружка в подва-

ле детского очага № 19 и под самое рождество получил «хвост» в виде долгового шпика в рыжем пальто и барашковой шапке.

Очень запахло арестом, и друзья посоветовали ему сказаться больным, а затем всю рождественскую неделю не высывать носа на улицу. Петр так и сделал и отсиживался у Гардениных в каморке у Анны Петровны. Барин о нем не заявил в полицию, ну и слава богу!

Да и после Октября Гарденин показал себя в отличном виде: он передал свой сахарный завод и имение задонским властям и получил от В. И. Ленина охранную грамоту. С барыней своей расстался, женился на машинистке и даже пытался служить по ведомству Алексея Егоровича Бадаева — в Центральной продовольственной управе.

В 1921 году, когда Смородин стал генеральным секретарем ЦК РКСМ и Анна Петровна жила вместе с ним в гостинице «Париж», превращенной во 2-й Дом Советов, бывший барин пришел в гости к бывшей своей кухарке.

Петр принял его по долгу вежливости и был с ним в меру учтив. Но после его ухода накинулся на Анну Петровну:

— Ходят тут всякие! Пора бы тебе, мать, и поразборчивей быть, мы ведь теперь на виду у всех!

— Да полно тебе, Петенька! — обиделась Анна Петровна. — Я от него зла не видела. И тебе забывать негоже. хоронился у него, когда в Питере хотели под жабры взять!..

Весь девятьсот семнадцатый год шел Петр правофланговым в боевых рядах питерской рабочей молодежи.

В буднях, что бывали ярче прежних праздников, в кипении страстей на митингах, просто на глазах у старших день ото дня расправлял плечи, рос и мужал молодой большевик.

Февраль дал ему крылья. А в апреле он уже точно знал, куда направить свой полет.

День 3 апреля начался обычно: на фабрике не работали, Петр навесил большого товарища и забежал к матери. А поздно вечером узнал, что в Питер приезжает Ленин.

В десять вечера построилась колонна рабочих Петроградской стороны. И у всех, кто шел встречать вождя, настроение было приподнятое: вот он, какой-то необыкновенный миг в жизни!

С красными знаменами, горланя песни,

петроградцы скоро влились в колонну рабочих Выборгской стороны и ходко вошли на площадь перед Финляндским вокзалом, уже запруженную народом от края до края.

Мощно подвалили путиловцы. Они несли над головой горящие факелы, и отсвет огней падал на большое алое полотнище: «Привет товарищу Ленину!» Гремела музыка, перекатывались от вокзала до Невы песни, лица светились — так было и торжественно и радостно!

Близко к полуночи над площадью проесся гул: «Поезд подходит к перрону!» — и наступила настороженная тишина. А потом началось движение в передних рядах, и волнами прокатилось над головами громовое «ура!». Кто-то очень ясно и громко запел «Марсельезу», ее тотчас же подхватили тысячи голосов.

Петр увидел Ленина уже на броневике: он щурился и закрывал лицо рукой от яркого света прожекторов. Петр сорвал с головы кепку и кинул ее в воздух, где уже взлетали, кружили и падали картузы, кепки, бескозырки, фуражки, шляпы и даже шапки.

Пробиться ближе он не смог: люди стояли впритык. И не все слова Ленина слышал: Владимир Ильич говорил глухо, не задывая голоса. Но последние слова он произнес так, что их услышали все:

— И да здравствует социалистическая революция!

В сумятице дней, на крутом перевале, все вдруг встало на место. Революция продолжалась! Крики одобрения, грохот оркестров, гудки броневика — все шумы слились воедино. И автомобиль с Лениным, еле прокладывая путь в толпе, двинулся к Петроградской стороне.

— Никогда не прощу себе, что не победил за броневиком, — вспоминал Петр. — Мне и в голову не приходило, что Ильич еще будет выступать ночью с балкона дворца Кшесинской...

Всю весну, лето и осень был Петр свидетелем и участником важнейших событий в Питере: дважды ходил на демонстрации — в мае и в июле, готовил товарищей для отпора мятежному генералу Корнилову, брал штурмом Зимний дворец.

Две задачи решал он ежедневно. Его избрали в фабком, и он без усталости добивался охраны труда подростков. И сделал все, чтобы создать на Петроградской стороне первые ячейки Социалистического союза рабочей молодежи. В канун Октября

Петр Смородин стал одной из самых ярких фигур в юношеском движении столицы.

Почва была для этого благодатная: движение требовало вожаков, и они появлялись, поднятые на гребень революционной борьбы этим самым движением.

Рабочие парни духовно и материально были ограблены при царском строе. Временное правительство никаких льгот им не дало. Более того, оно запрещало им работать укороченный день — шесть часов, как того требовали большевики. Керенский перевозил до небес силу русского оружия в войне, ссылался на нехватку рабочей силы и разрешал хозяевам использовать подростков в ночных сменах.

Молодежь жадно присматривалась к борьбе старших. И сама искала формы борьбы, создавая всякие юношеские союзы. Так появились молодежные комитеты «заводских мальчиков», исполкомы и комиссии «несовершеннолетних рабочих». Профсоюзы и партийные организации помогали юношеству занять место в клубах и в кружках, в Советах и в милиции.

Ярче всего молодежное движение проявилось на Выборгской стороне, где духовным руководителем юношества была Надежда Константиновна Крупская. Петр Смородин вспоминал: «Вся молодежь Выборгской стороны организовалась в коллективы, с Выборгской стороны, как огненное пламя, движение стало перебрасываться во все рабочие районы».

Правда, далеко не вся рабочая молодежь ясно представляла себе, где большевики, где меньшевики, эсеры, анархисты. Многие шарахались в сторону тех, кто кричал громче других и казался более радикальным.

Большевики не кричали на всех перекрестках, они делали свое дело, исподволь готовя смену. «Старые члены партии, — рассказывал Смородин, — на заводах нам помогали, приходили и наталкивали, чтоб молодежь организовать».

На Путиловском заводе, где интересы подростков направлял Вася Алексеев, и на Петроградской стороне, где вожаком был Смородин, коммунисты стали душой юношеских организаций. Они ставили ясные ленинские лозунги, расширяли политические горизонты подростков. И оберегали молодых рабочих от всяких пагубных явлений: от картежной игры, пьянства и дебоширства. А заодно и от пустых вечеринок и танцулек.

У Смородина дела шли столь успешно, что к первомайской демонстрации 1917 го-

Военное обучение на Семеновском плацу комсомольских отрядов, отправляющихся на фронт. Петроград, май 1919 года.

да в его коллективах появились и свои четкие лозунги: «Довольно работать на барышников и капиталистов!», «6-часовой рабочий день для подростков!», «Трепещите, угнетатели, юноши на страже!»

Второй раз слушал Смородин Владимира Ильича Ленина на Марсовом поле 1 мая 1917 года: туда стянулись все молодежные организации Питера. Ленин говорил о том, сколь враждебно трудовому народу Временное правительство, которое бросает в пекло империалистической войны рабочих и крестьян в солдатских шинелях. Только Советы могут дать народу всю полноту власти и заключить долгожданный мир!

С грузовика — в ответ Ленину — звонко и дерзко выступали подростки. И в их речи много было вложено пролетарского инстинкта, отмечала Н. К. Крупская.

Владимир Ильич смущенно улыбался — никогда еще он не был на таком митинге, где рабочие парнишки так бы здорово раскрывали душу.

— Кто начал кровавую бойню? — с запалом спрашивал первый оратор. И отвечал себе: — Отцы наши льют кровь за чужие интересы. Взгляните на наших матерей! Они плачут, обремененные горем и... семьей. Они пошли на фабрики вместо отцов. И мы рядом с ними; в душных, мрачных стенах фабрик и заводов трудимся с утра до ночи — не люди, а машины! Долой капитализм!

— Пришло время кончать войну! — вторил ему другой оратор. — Мы требуем полного запрещения труда малолетних!

Ораторы сменяли друг друга под гром аплодисментов. И закончили митинг пением «Марсельезы» и «Интернационала».

Максим Горький был на этом собрании и через два дня написал в газете «Новая жизнь»: «Дети — самое значительное явление дня, это — завтрашние хозяева жизни и творцы ее... Когда из детских уст льются слова «Отречемся от старого мира», — эта детская клятва волнует до слез...»

После демонстрации Петр Смородин стал членом партии большевиков и получил билет № 0000189. Рекомендовали его старые коммунисты Гозикер и Сарина.

Молодой коммунист принял участие в разоблачении некоего П. Г. Шевцова, который при поддержке меньшевиков, эсеров, анархистов и национал-социалистов создал «беспартийную» юношескую организацию «Труд и свет».

Шевцов — бывший сотрудник шовинистической и бульварной «Новой маленькой газеты» — оказался человеком оборотистым и ловким. Он открыл филиалы союза в районах Петрограда и возомнил себя вождем всего столичного юношества.

Вася Алексеев, Петр Смородин и Иван Канкин вошли в эту организацию, не вдруг разгадав ее небошевистскую сущность, хотя по составу она и была пролетарской.

Но вскоре состоялся пленум Петроградского комитета РСДРП(б). Большевики столицы говорили о деятельности юношеских организаций и дали негативную оценку «Труду и свету».

Большая группа молодых коммунистов — В. Алексеев, П. Смородин, И. Канкин, Е. Герр, М. Глебов, Л. Левенсен, Г. Петров, О. Петропавловский, Е. Пылаева, О. Рывкин, А. Семчуков, С. Соболев, С. Соколов, И. Тютюков, Н. Фокин, Б. Шишкин — начала намечать и проводить в жизнь программу и устав Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ).

Шевцову и его дружкам-либералам дан был решительный бой во всех районах Питера. Петр Смородин вспоминал позднее об этой драке: «Мы не приняли программу «Труда и света». Мы на собрании районного актива провалили программу».

К концу лета 1917 года СССРМ стал мощной и активной организацией питерского юношества и выражал подлинно большевистские взгляды.

Его цели и задачи определились сразу же после VI съезда РСДРП(б) — на 1-й городской конференции 31 августа. За несколько дней до этого Василий Алексеев — депутат съезда — заверил своих старших товарищей, что рабочая молодежь Питера — юноши и девушки — выполнит любое поручение ленинской партии.

Конференция избрала исполком Петроградского городского СССРМ из одиннадцати человек. Среди них Василий Алексеев (от Нарвско-Петергофского райкома), Петр Смородин (Петроградская сторона), Сергей

П. Смородин у гроба Владимира Ильича Ленина. 1924 г.

Соболев (Васильевский остров), Оскар Рывкин (Коломенский район города). Елизавета Пылаева была связной от союза с Петроградским комитетом большевиков.

Союз разместился в здании бывшей Коломенской полицейской части: этот особняк экспроприировал Оскар. Затем подыскали более подходящее помещение — на Фонтанке, дом № 201, возле Калинкина моста.

Оскар Рывкин был избран председателем Петроградского горкома СССРМ. Петр Смородин остался в райкоме Петроградской стороны.

Активисты петроградского комсомола на субботнике по очистке города. 1920 г.

Его образ тех дней колоритно выписал в своей книге «Под большевистское знамя» Александр Адаркин: «Энергичному Смородину приходилось поспевать всюду: отработав смену, забежать в райком, побывать на каком-либо заводском собрании молодежи, выступить с докладом, дать поручения членам райкома. Молодежь собиралась в клубе, и необходимо было успеть и туда. Часто приходилось уходить с фабрики, чтобы помочь подросткам какого-либо завода в борьбе с администрацией. Скоро молодежь всей Петроградской стороны уже знала «молодежного председателя». Стоило на собрании выступить меньшевику или эсеру, как гонец стремглав бежал за Смородиным. Он спуска соглашателям не давал».

В райкоме Петр создал несколько комиссий, в том числе конфликтную и культурно-просветительную, был у него и свой клуб — в доме № 16 по Большой Спасской улице. Работа в клубе закипела и увлекла молодежь: спектакли драматиче-

ского кружка и экскурсии, гимнастика, игры, лекции. И — военное дело. Петр Смородин неизменно напоминал своим товарищам:

— Каждый член союза должен быть готов с оружием в руках бороться за власть рабочего класса!

Именно о таких, как Петр Смородин, писал Владимир Ильич Ленин в канун Октября, детально готовя план восстания: «Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях...»¹

И, доверяя молодым рабочим, Владимир Ильич не ошибся: поверив в победу пролетарской революции, они со всей страстью, мужеством и беззаветной преданностью готовы были бороться за ее идеи.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 383—384.

Комсомольский воскресник по очистке фабричного двора. 1932 г.

Петр Смородин в октябре 1917 года создал в своем районе молодежные отряды Красной гвардии: они встали под знамя 1-го пролетарского отряда Петроградской стороны.

И в историческую ночь, которая открыла новую эру в истории человечества, секретарь райкома ССРМ Петр Смородин вывел с фабрик Керстена и Шаплыгина своих товарищей на Дворцовую площадь. В рядах самых первых бойцов Великого Октября они ворвались в Зимний дворец...

Такова уж судьба целого поколения молодых русских рабочих, родившихся на рубеже XX века: стоять у истоков Красной гвардии, формировать первые отряды Красной Армии.

Ушел добровольцем на фронт Оскар Рывкин и сражался на юге против атамана Каледина. Партия вернула его в Питер, когда многие молодежные райкомы были закрыты на замок: «Все ушли на фронт!»

Ушел добровольцем Вася Алексеев. Воевал в составе команды бронепоезда № 44 против банд Юденича: заболел сыпным тифом и умер 29 декабря 1919 года.

Ушел добровольцем и Петр Смородин. До наших дней сохранилось одно изначальное формирование Вооруженных Сил молодой Советской России, которое он создал с братьями по оружию. Это гвардейский механизированный Ленинградский Краснознаменный полк. Ему — полных пятьдесят лет. Первым комиссаром в этом полку был Петр Смородин.

Поколение Смородиных помогло победой завершить гражданскую войну. А потом всю свою взрывную силу, волю, самоотверженность и пролетарскую сплоченность обратило на строительство нового мира — без царя, помещиков и капиталистов. И воспитало в своих рядах много ярки личностей. Этим молодым большевикам путеводной звездой была жизнь профессиональных революционеров, сподвижники

Ленина, жизнь героическая — страшная и радостная.

Враги пророчили им перерождение. Меньшевик Абрамович кричал из берлинской подворотни:

— Ужо, ужо! Был человек с ружьем, появится человек с портфелем. Переродится в бюрократа, тут ему и крышка!

А они и не думали перерождаться. Их отличала во всем партийная простота и ясность, кому-то казавшаяся грубоватостью. По сути же, это было умение судить о делах независимо, иногда даже резко, говорить только правду и делать с чистым сердцем только добро. И во всем этом раскрывалась их удивительная внутренняя сила...

Минует семнадцать лет с того заснеженного и морозного февраля 1918 года, когда Петр Смородин уйдет на фронт, а Борис Чирков создаст в картине Григория Козинцева и Леонида Трауберга волнующий образ питерского большевика Максима, навеянный поколением Смородиных.

Конечно, Чирков не лепил свой образ только с Петра, но был вдохновлен им. Сергей Миронович Киров говорил актеру:

— Присмотритесь к Смородину, очень подходящий для вас человек!

Старейшая ленинградская актриса Екатерина Павловна Корчагина-Александровская с присутствием ей юмором рассказывала Чиркову, как задумали направить Смородину за границу в составе профсоюзной делегации, а он заартачился:

— Вы что? Хотите, чтоб я фрак надевал на приемах? — и сделал выразительный жест, будто раскидывая фракные фалды.

— Только в райком к нему не ходите, он этого не любит. И горяча может выставить за дверь так, что слух пойдет по всей Выборгской стороне! — шутил предупредил Киров.

Чирков иногда направлялся по горячим следам Смородина на заводы и фабрики. Видел секретаря райкома партии в общении с людьми, вглядываясь в его манеру говорить, ходить и одеваться.

В картине «Великий гражданин» все узнавали Сергея Мироновича Кирова. В Максиме — Петра Смородина. На просмотре первой серии в Выборгском доме культуры старые большевики поздравляли своего Петра:

— А ведь это ты! Ну просто вылитый! Он отнекивался:

— Да не я это, а человек моего времени. Если же из биографии что схоже, так

удивительного нет: на одних дрожжах замешаны.

Но пока был февраль 1918 года.

С Запада ползли тревожные вести: Антанта отклонила призыв новой России к прекращению войны. Старый мир готовился подавить и разгромить Советскую республику.

Россия предложила Германии сепаратный мир, Троцкий не подписал договора. Войска кайзера Вильгельма 18 февраля перешли в наступление на широком фронте. Им встречались на пути разрозненные отряды Красной гвардии да почти развалившиеся полки старой армии Николая II и Керенского. Немцы брали город за городом, спешили к Петрограду и Киеву, готовя удар по Москве.

Нависла угроза над столицей, и в ночь с 21 на 22 февраля всей стране было передано воззвание В. И. Ленина: «Социалистическое отечество в опасности!»

До рассвета подняли на ноги питерских рабочих тревожные гудки заводов. Люди получали в цехах оружие, шли к Смольному, слушали вдохновенное слово оратора и уходили на фронт.

В ночь на 23 февраля завязались упорные бои под Псковом, Ревелем и Нарвой. Насмерть бились с немцами отряды Красной гвардии, балтийские моряки, латышские стрелки и красные летучие отряды эстонцев. Немцев на ряде участков задержали и опрокинули: 23 февраля стало днем рождения Красной Армии.

В эту же ночь в Смольном, в комнате № 75, вокруг В. И. Ленина над картой военных действий склонились бывшие генералы Бонч-Бруевич, Новицкий, Лукирский, Ратэль, Гришинский и Сулейман. И военные комиссары Подвойский, Мехоношин и Еремеев. И член ВЦИК, старый ленинец с 1903 года, вечный каторжанин, как он называл себя, по кличке «Железный Мартын» — Ян Фабрициус.

Ленин — худой и необычно суровый — спросил генералов в упор: сдавать или защищать Питер и уезжать ли правительству в Москву?

Генералы молчали: непосильную ответственность взваливал на их плечи председатель СНК.

Молчание нарушил Фабрициус — не генерал, а всего лишь старший унтер-офицер бывшей царской армии, когда-то служивший в Литовском лейб-гвардии полку под началом Бонч-Бруевича:

— Отсидиваться в обороне нельзя, так

врага не победишь. Революция должна сохранить за собой боевую инициативу, а для этого надо идти к массам, в поле, в открытой бой. О сдаче Питера больше ни слова! Лично я прошу отправить меня на фронт немедленно!

Генералы поворачали: все, мол, это прописные истины. Но и заговорили: кратко, толково, ясно. Выходило так: немцы Питера брать не будут; оборону города далеко выдвигать не следует; правительству лучше выехать в Москву.

В. И. Ленин согласился с мнением военных специалистов. В тот же день на большевистской фракции ВЦИК в Таврическом дворце он выступил с резкой, суровой и ясной речью — немедленно принять немецкие условия мира. Фракция его поддержала.

Из Таврического дворца Ян Фабрициус отправился на Путиловский завод, отобрал там сорок три красногвардейца и отбыл с ними на фронт.

Через несколько часов отряд остановился на полустанке Третий разъезд, возле Гдова. В городе хозяйничали белогвардейцы. А на глазах у Фабрициуса грузились в теплушки солдаты-окопники, чтоб ехать по домам. Это был батальон 4-го Капорского пехотного полка — 550 пехотинцев и 35 конных разведчиков. Ими командовал Нил Клямичов Блинов.

«Железный Мартын» попросил собрать батальон на митинг. Капорцы неохотно сбились полукругом возле груды бревен. Винтовки со штыками, подсумки, саперные лопатки, гранаты. Боевая сила! Вот бы повернуть ее на Гдов! Только как ее склонить?

— Тише, товарищи! — крикнул Блинов. — Слово имеет представитель от Ленина, военный комиссар Фабрициус!

«Железный Мартын», сын батрака, продавший в царских тюрьмах — и в кандалах на каторге и в ссылке десять лет, умел закипать сердца.

Он вынул из кармана «Правду», прочитал, как молитву, как клятву, ленинское воззвание: «Социалистическое отечество в опасности!» И от себя добавил одну лишь фразу:

— Кто против этой суровой и страшной ленинской правды?..

Через час эшелон был на пути к Гдову — бить немцев, бить контру!

Это был еще один великий миг в истории пролетарской революции, с которого ведем мы летопись Красной Армии. Банда прапорщика Белова бежала под натис-

ком капорцев и питерских красногвардейцев. Вечером Ян Фабрициус телеграфировал в Петроград: «Гдов освобожден!»

А через три дня конная разведка капорцев и конный отряд путиловцев — братьев Новиковых — начисто уничтожили крупное подразделение немцев на узкой улице в деревне Самолва.

24 февраля прибыл на гдовский участок фронта Петр Смородин, с ним 150 его товарищей с Петроградской стороны. Да еще путиловцы и обуховцы — 450 человек. Фабрициус сформировал из них 1-й Гдовский батальон пограничной стражи. Он и стал праотцем Ленинградского Гвардейского полка, одного из старейших в Советской Армии.

До мая 1918 года батальон дрался с врагами непрерывно. Петр Смородин делал с ним отчаянные рейды, хотя и не всегда: ему поручили руководить Гдовским уездным комитетом партии.

В мае был объявлен прием добровольцев в часть. Батальон превратился в 1-й Гдовский полк пограничной стражи. Командир — Н. К. Блинов, комиссар — П. И. Смородин.

В те дни полк входил в состав троштинского боевого участка. Возглавлял его Ян Фабрициус.

Летом и осенью части готовили удар по Пскову. Там окопались немцы и белогвардейцы, туда стекались фабриканты и кулаки: они исподволь готовили «Добровольческую Северную армию» для Юденича. Там же держался и ставленник Троцкого, переметнувшийся к белым, бандит первой статьи Булак-Балахович.

Перед штурмом Пскова Блинов и Смородин отвели свой полк на отдых в Лугу. Он пополнился новыми бойцами из Петрограда и стал именоваться 49-м стрелковым полком.

Комиссар Смородин вел большую политическую работу, чтобы сплотить бойцов, истребить партизанщину и расхлябанность. И помогал командиру обути, одеть и накормить бойцов.

К сожалению, нет возможности проследить хотя бы главные события в жизни Петра Смородина в те недели и месяцы. Кое-что помогла нам восполнить Татьяна Гамазенко. Ее муж в августе 1918 года вступил на станции Луга в полк Блинова — Смородина, а сама Татьяна, приехав вместе с мужем из Петрограда, помогала комиссару полка ставить пьесы, создавать духовой оркестр и проводить беседы с бойцами.

Ей врезался в память образ комиссара — человека молодого, горячего, прямолинейного и удивительно чуткого.

Полк прибыл на отдых в таком виде, что и сказать страшно: бойцы завшивели, грязные и рваные шинели пробиты пулями, на одной ноге сапог, на другой — ботинок, а кто и в лаптях. Да и голодали почти все время: даже картошки не было в досталь.

Интендант, которому дали поручение допустить полк к складу с продовольствием и обмундированием, не торопился: вот, мол, герои! Видали мы таких! Завтра поутру допущу, не раньше. Натянул кожаные перчатки и помахал Смородину рукой.

Тот побелел от злости. Но сказал спокойно, вынув наган:

— Остановись, контра! Либо помещение наше сейчас же и все твоё барахло мы берем под расписку. Либо глянь на меня в последний раз, потому что будешь ты сейчас лежать в земле сырой!

В тот же вечер была у бойцов баня и кулеш. И свежее бельё и кое-что из обуви. И ребята судачили промеж себя у ночного костра:

— С таким комиссаром не пропадешь! Сам ничего еще в рот не брал, а мы уже червяка заморили!

Только начали налаживать армейский быт — отстирались, вычистили казармы; только вышли на плац для учений, объявились в полку сектанты:

— Винтовку не возьмем, в бой не пойдем!

— С чего бы? — удивился Смородин: он и думать не мог, что заведутся в полку такие сморчки.

— Бог не дозволяет!

Конечно, время военное, и всякие такие разговоры — прямой путь в трибунал. Но Смородин рассудил иначе, направил их ухаживать за лошадьми:

— Проверю я вас, Христовы души, — подвозите патроны, хлеб и воду, черт с вами! Только за лошадьми — глаз да глаз! Кончим войну, будем на них землю пахать!

Сектанты опешили: видимо, в их планы входило принять мученичество, пострадать на виду у товарищей за веру Христову. А все повернулось так, что из них сделали ездовых.

Один из штундистов все же рискнул пойти на «подвиг»: забрался на карниз крыши в день усепия пресвятые богородицы и крикнул:

— Нынче праздник, работать не буду! Сейчас вознесусь на небо!

Прыгнул с третьего этажа на клумбу и поломал ребра. Положили его в лазарет. Смородин собрал сектантов и сказал им по-рабочему:

— Вот что, хлопцы, подурили — и хватит. Если еще пикнете, будет вам бог судья на том свете: вы мой характер знаете...

Да, они знали комиссара: он и письмо напишет за товарища с поклонами многочисленной родне, и сапоги обменяет, если жмут, и каши добавит, если у бойца ослабли силы. Зато в гнев страшен, когда видит неправду или зло. И говорит тогда на двух языках: на русском и на таком, что самому ответому морячку с Балтийского флота никогда не выдумать!..

Отдых в Луге был прерван — к Пулковским высотам пробивали брешь банды Юденича. Погрузились в вагоны, а машинист не везет: сидит на земле и крестится.

Смородин подошел, взял его за шиворот, подтолкнул на ступеньки.

— Считаю до трех, шкурал! Потом сам поведу паровоз: я ведь не белоручка и машину твою знаю!..

Видимо, можно написать детективный рассказ о том, как Петр Смородин бегал от Булак-Балаховича, а тот от него. Два месяца шли бои с переменным успехом: то бандит теснил части 49-го полка, то удирали от них в неизвестном направлении, оставляя за собой пепелища и виселицы.

Петр, покидая деревню, писал письмо бандиту; тот, удирая, клял комиссара последними словами. Но верх остался за Смородиным, ему могли бы позавидовать запорожцы, которые сохранили для потомков уникальное письмо турецкому султану!..

23 ноября 1918 года Ян Фабрициус докладывал Ленину, при каких условиях собирается он брать штурмом Псков: «Продовольствия есть на один день... Люди и теперь голодают... Всего на 4-ре гаубицы 198-мь снарядов».

Помогло то, что в рядах немцев началось брожение: их кайзер Вильгельм убежал в Данию, новая власть держалась неуверенно. Фабрициус воспользовался ситуацией. 24 ноября его войска с трех сторон ворвались в Псков. 49-й полк действовал на главном направлении: он первым вошел в город, захватил на реке Великой три бронированных катера, много продовольствия и вооружения. В тот день здорово растрепали корпус генерала Драгомирова, который готовился к удару по Петрограду.

Один из братьев Новиковых, Василий,

захватил в плен генерала и отбил у беляков два пулемета. Он и Ян Фабрициус были награждены рабочими Путиловского завода именными шашками в серебряных ножнах.

Ликование вызвала в революционном Петрограде телеграмма Фабрициуса, адресованная Ленину и Свердлову после уличных боев в городе: «Вечером 25-го ноября сего года, в 16 часов 30 минут, доблестными красноармейскими частями Трошинского участка с бою взят город Псков. В городе приступлено к восстановлению Советской власти».

Тут уж на посту был комиссар Смородин. Когда бойцы бросились грабить богатый дом купца Батова, он преградил им дорогу:

— Все это теперь наше, братцы, нажитое кровью и потом ваших дедов и отцов! Не трожьте, на это есть законная власть!..

В Пскове не задержались, и полк немедленно развернул боевые операции на участке Юрьев, Феллин, Пернов. Особенно тяжело было под Юрьевом, где Булак-Балахович действовал с генералом Драгомировым и многочисленными отрядами белых.

Бой за Юрьев шел три дня. Командиру Блинову и комиссару Смородину пришлось не раз ходить в штыковую атаку. За личное мужество в ожесточенных боях оба они были награждены орденами Красного Знамени.

Петр Смородин был одним из первых комсомольцев, получивших эту высокую награду.

Александр Безыменский через четыре года написал в своей поэме о Петре Смородине:

Вот он пылающей речью
Старый ворочает мир,
Миг — и винтовку на плечи. —
Он полковой командир.

В Пскове ли, Ямбурге, Нарве
Белогвардейцев бьет.
Миг — и в заводском зареве
Снова тачает болт.

В бою под Нарвой Петра тяжело контузило. Его положили в госпиталь, но он досрочно ушел оттуда, узнав о городской конференции Социалистического союза рабочих молодежи в Питере.

Именно к этим дням и относится легенда о «воскрешении» Петра Смородина.

Будто прошел в Питере слух, что погиб

он в бою под Нарвой. И молодежь начала конференцию с заупокойной речи по своему другу. Его любили от чистого сердца и говорили о нем с теплотой и нежностью.

Позже других вошел в зал молодой человек с перевязанной головой, в папаше до бровей и попросил дать слово вне очереди фронтовику.

На трибуне сбросил папашу и крикнул громовым голосом:

— Вы что это, черти драповые, панихиду по мне устроили? Контузило — верно. Да вот он я! И я вам прямо в лицо скажу, где вы плохо работаете!

Зал долго грохотал от аплодисментов и восторженных криков...

Больше двух лет был Петр Смородин комиссаром в полках у «Железного Мартина» — Яна Фабрициуса, человека огромного мужества: он стал вторым после В. К. Блюхера кавалером четырех орденов Красного Знамени. Комиссара Смородина наградили боевым орденом и серебряными часами «За выполнение боевых задач».

Питерские товарищи не забывали о нем все эти тридцать месяцев. Петр воевал, а они его выбирали в Петроградский Совет и направили делегатом на исторический III съезд РКСМ, где с программной речью выступал В. И. Ленин. Затем избрали в состав ЦК комсомола, а на сессии ВЦИК — кандидатом в члены парламента Российской Федерации. И оставили на работе в Москве — он заведовал экономическим отделом Ценамола.

Паровоз революции стремительно летел вперед, менялись обстоятельства, изменился и возмужал Петр Смородин — комсомолец, перешагнувший рубеж двадцатилетия, с боевым орденом на левом лацкане пиджака.

Но главное оставалось неизменным — он рвался работать среди старых друзей, с которыми закладывал основы молодежного движения. В Москве он тосковал по красному Питеру, скоро уприсился домой и с декабря 1920 года стал секретарем Петроградского городского комитета комсомола.

Зима выдалась ужасная: завелась волянка на заводах и фабриках, в конце февраля вспыхнул мятеж в Кронштадте.

В. И. Ленин на X съезде РКП(б) четко объяснил причины этого взрыва мелкобуржуазной стихии, более страшной, чем Деникин, Колчак и Юденич, вместе взятые. «Истощение от нужды и бедствий, — писал Ленин, — связанных с семилетней

войной и разорением, и переутомление от почти сверхчеловеческого напряжения сил, которое проявлено было рабочим классом России за последние три с половиной года, настолько обострились в настоящее время, что требуют экстренных мер от Советской власти»².

И съезд предложил «выработать немедленно ряд мер по улучшению положения рабочих и облегчению их бедствий во что бы то ни стало». И — «по улучшению положения нуждающихся крестьян».

Действительно, беды свалились страшные. Транспорт в развале, из-за этого нет хлеба и топлива. Все разуты и раздеты. В деревнях — открытое недовольство продразверсткой времен военного коммунизма.

Питерцы голодали четвертый год. И кой у кого из них надомилась стойкость. А многие новые рабочие, которые подвалили из деревень на смену стойким, кадровым пролетариям, развешанным гражданской войной по всей стране, не столько работали, сколько кричали: «Даешь хлеба, даешь ситца и обуви, даешь топлива!» — и всякое контрреволюционное охвостье разжигало страсти и пыталось вдолбить отсталым элементам бредовые мысли: «Даешь Советы без коммунистов!»

На заводах красного Питера, славных своими революционными традициями, началась волна забастовок. И сейчас же вспыхнул мятеж в Кронштадте под лозунгом: «Власть Советам, но не партия!»

Во всех странах буржуазия закричала о «народной революции» в России, надеясь вернуть старый режим насилия и беспорядка. Помогая мятежникам, буржуазия считала, что Кронштадт станет центром всероссийского восстания, так как большевики не смогут взять крепость с суши силами своей Красной Армии.

У вчерашнего комиссара Петра Смородина тоже была слишком слабая опора в молодежной организации. Многие первые комсомольцы в Питер не вернулись, а сырые деревенские паренки на заводах не всегда вызывали доверие.

Петр митинговал с утра до ночи. Однако и он и маленькая группа агитаторов просто физически не успевали бывать повсюду. И Смородин принял решение — написать зубастую листовку, обращенную к молодежи, чтобы сбить неустойчивых с вредной позиции и сплотить всех ребят вокруг партии и комсомола. Ведь были листовки против царя и капиталистов, даешь листовку против контрреволюционной сволочи!

Говоря откровенно, не любил он писанину: ему легче было командовать полком или идти в штыковой бой. Да и душа не лежала: на четвертом году Советской власти, и вдруг заниматься таким делом!

Он вспомнил про Алешку Дорохова — организатора молодежи в Спасском районе, одного из редакторов журнала «Юный пролетарий». И поручил ему набросать текст листовки. А в это время приехал из Москвы Саша Безыменский: пригласить группу пролетарских поэтов для выступления в столице.

— Ну вот! — сказал Смородин. — Вы-то мне и нужны, голубчики! Давайте шпарьте листовку, да поживей! Иначе — голову с плеч!

Дорохов набросал текст, Безыменский предложил завершить его стихами.

— Документ-то политический, удобно ли? — усомнился Дорохов.

— Давайте и стихи, еще крепче будет! — бросил Смородин. — Только не тяните, черти, каждый час дорог!

Безыменский быстро написал концовку:

Неужели молодежь, чьи пламенные души
Горели, как костры, в их огненной груди,
Хотя б на миг один ту мысль в себе

задушит,
Что юность и в труде и в битве впереди?

Не в битве за себя, но в битве за Советы,
За подлинную власть мозолистой руки,
А не за тех врагов, чьи подлые наветы
Сулят царя и трон. Нам — гибель, им —
мешки.

Неужли этот день из сердца сразу вытер
Тот пыл, с которым мы три года гордо

шли?
Иль рабства мы хотим? Иль Питер уж не
Питер?

Иль нас меньшевики не к гибели вели?

Изменникам позор! Предателям проклятье!
Рабочие, к станкам! На помощь,
молодежь!..

Через час Дорохов был в Смольном, в губкоме партии, где показал листовку и бойко продекларировал ее стихотворную концовку.

К вечеру листовка была расклеена на всех городских тумбах, раскидана по ули-

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 85.

Командиры комсомольского особого разведывательно-сторожевого отряда. Шувалово, 1919 г.

дам. Первые политические комсомольские стихи метко ударили в цель. Большая группа молодых рабочих одумалась и прекратила волюнку. А остальные поджали хвост после 18 марта 1921 года, когда делегаты X съезда РКП(б) и отряды Красной Армии, сделав нечеловеческий бросок по весеннему льду Финского залива, штурмом взяли мятежную крепость. Сам Смородин рвался к бойцам, но его не пустили: он был в штабе обороны Петрограда...

Через полгода, в ноябре 1921 года, состоялся IV съезд РКСМ. Оскар Рывкин — первый председатель ЦК РКСМ — сделал доклад об очередных задачах союза. Это была его лебединая комсомольская песня. Ему исполнилось двадцать три года, и он считал себя стариком среди комсомольцев, уже давно работающим в партии. Его отпустили на учебу.

Александр Мильчаков — член Цекамола в те дни — написал в своей книге «Первое десятилетие»: «Живо помню, как выбрали мы первым секретарем ЦК Смородин-

на. Можно пожелать любому руководителю, чтобы его любили так, как комсомольцы любили Смородина. И все Смородина звали любовно и ласково — Петя. Комсомольцы чувствовали его сердечность, честность и искренность.

Если бы меня спросили, кто был самой яркой, колоритной, выдающейся фигурой в комсомольском движении, я бы, не задумываясь, ответил: петроградский рабочий-большевик Петр Смородин, всегда и во всем верный сын партии, подлинный вождь трудовой молодежи...»

Смородин стоял во главе ЦК РКСМ с ноября 1921 по июль 1924 года. Потом он отчитался за свою работу на VI съезде комсомола, его избрали почетным членом РЛКСМ и отпустили на учебу в Комакадемию — на курсы марксизма...

Между IV и VI съездами у комсомола на счету много горячих и ярких дел. Но важнейшим была борьба с троцкизмом, который претендовал на такую роль в революции, гражданской войне и в период

нэпа, что пытался свести на нет значение большевистской партии и Владимира Ильича Ленина.

Молодежи предстояло занять ясную позицию в этой борьбе. И она действительно заняла ее, имея во главе своего движения таких людей, как Петр Смородин.

Главный бой шел по линии «старика» — «молодежь», так как Троцкий выдвинул идею о неизбежном бюрократическом перерождении «старой гвардии» и якобы видел единственное спасение в опоре на молодежь, главным образом на студенчество. Он писал, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм... Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем...

Конечно, это был чуждый партии бред, особенно в устах Троцкого: он никогда не принадлежал к старой большевистской гвардии и не мог нести ответственность за ее «перерождение».

И не имел он права обвинять в оппортунизме старых большевиков: они ведь выросли в борьбе с оппортунистами всех мастей, в том числе и с Троцким.

Наконец, как можно было противопоставлять старым кадрам молодые кадры партии, если они всегда шли единым фронтом, в чем и состояла их реальная сила в революции?

Разумеется, ретроспективно решать эти вопросы легко. Но если учесть обстановку тех лет — популярность Троцкого, его отличное умение жонглировать звонкой фразой, да принять в расчет его крикливых последователей, которые активно действовали против партии на идеологическом фронте, то борьба с троцкизмом требовала больших знаний, большевистской убежденности, силы воли и умения вести полемику.

Петр Смородин и восемь его товарищей по Цекамолу выступили с отповедью Троцкому на страницах «Правды».

«Провести грань между молодежью и стариками в нашей партии — это значит сказать, что нашей Коммунистической партии будущее уже не принадлежит, подобно тому как оно не принадлежит Каутскому, русским меньшевикам. Только там всплывает проблема «отцов и детей», где отцы стоят уже одной ногой в гробу. Мы хотели бы рассматривать рабочую демократию, новый курс партии не как замену влияния старых кадров партии взаимодействием самых различных влияний, но как еще большее по объему и еще более глубокое втягивание всей молодежи под ру-

ководящее влияние большевистских кадров партии».

Борьба со всякими проявлениями оппозиции к генеральной линии партии стала важной вехой в жизни Смородина и в Москве и в Ленинграде, куда он приехал работать в 1928 году. И не случайно, что VI съезд комсомола, отпуская своего генерального секретаря на учебу, подчеркнул, что ЦК РЛКСМ «отразил волю и мысль всей союзной массы, когда твердо и решительно поддержал старое большевистское ядро партии, осудив выступление партийной оппозиции».

Были решены при участии Петра Смородина и другие важные комсомольские дела.

Яснее определились исходные позиции комсомола. Он — добровольная массовая организация рабочей и крестьянской молодежи. Его главная задача — воспитание подростков в духе ленинской партии. Решить эту задачу можно лишь в труде вместе со взрослыми и в ежедневной борьбе за культурную революцию. Молодежь должна показать свою доблесть в труде — восстанавливать и укреплять промышленность и сельское хозяйство.

По почину комсомола созданы были в те годы школы фабрично-заводского ученичества. Комсомол принял шефство над Военно-Морским Флотом и создал пионерскую организацию, вскоре названную именем В. И. Ленина.

Петр Смородин — от имени комсомола — дал клятву над гробом Ленина всегда быть верным идее коммунизма. По инициативе Смородина VI съезд комсомола принял решение о переименовании РКСМ в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ).

Между IV и VI съездами комсомола страстная и деловая натура Петра Смородина проявлялась весьма разносторонне.

Он активно помогал органам ЧК и Феликсу Дзержинскому бороться с беспризорностью, сам ловил ребят на вокзалах и с большой выдумкой находил для них надежное пристанище.

Зинаида Немцова, бывшая сотрудница Хамовнического районного отдела народного образования, рассказывает об одной такой уловке Смородина:

— В нашем районе под детский дом был отдан бывший купеческий особняк. Внутри он был разрушен, мебели не осталось никакой. Как принимать туда детей? Посоветовались с Петром Смородиным. Он поинтересовался нашими денежными

Бюро Петроградского губкома комсомола.
В центре П. Смородин. 1920 г.

средствами. Мы назвали цифру. «Не густо, — заключил секретарь ЦК комсомола. — А что, если...»

На другой день в роно дружно явились члены комитета торговцев Смоленского рынка. Нэпманам очень понравилось, что их «пригласили», а не просто «вызвали» или «предложили явиться».

— У нас к вам есть деловые предложения, — сказал Смородин. — Гражданская война, в которой вы и ваши коллеги были, как известно, не на нашей стороне, лишила родителей и крова многие тысячи детей. Они бродят по всей стране, погибая от голода и холода, становясь нередко преступниками. Все мы без исключения, и вы в том числе, в ответе за их судьбу. Все вы сейчас советские граждане, вам дана возможность торговать. Почему бы вам, в благодарность за это, не проявить благородство и не взять шефство над детским домом в Хамовниках?

Это предложение секретаря ЦК комсомола и озадачило и польстило.

— Дело, конечно, хорошее, — услышались голоса.

Словом, торговцы дали деньги на ремонт здания, завезли мебель, щедро «отвалили» продуктов...

Два эпизода, как бы дорисовывающие портрет Смородина тех дней, связаны с поэтом Александром Безыменским.

О том, как создавался комсомольский гимн двадцатых годов «Молодая гвардия», уже появились сообщения в печати. Но вспомнить об этом нелишне.

Цекамон помещался тогда на Воздвиженке, где теперь центральный универмаг Венторга, на третьем этаже, вход через левую парадную. Безыменский и еще кое-кто из комсомольцев первого призыва жили на пятом этаже.

Однажды Смородин вызвал Безыменского, редактора газеты «Красная молодежь», на заседание бюро ЦК РКСМ и открыл заседание:

— На повестке дня один вопрос — о написании комсомольской песни. Даже

молодежного гимна, чтоб его пели на всех собраниях молодые большевики. И мы поручаем Безыменскому в три недели представить этот гимн на наше рассмотрение. Если он напишет раньше, пусть вызывает нас в любое время дня и ночи!..

— Первые строки сложились сами собой, на мотив старой тирольской песни: «Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе! Штыками и картечью проложим путь себе!» — рассказывал нам Александр Ильич. — Но покоя не было... Короче говоря, ушел с заседания в три часа дня, а через двенадцать часов, глубокой ночью, песня была готова. Я тут же позвонил Смородину. Через полчаса бюро ЦК РКСМ, со всеми заведующими отделами, собралось в кабинете Петра, и я... запел! Вероятно, плохо, но от души. Потом все повторили текст. Запели хором. Одобрили, похвалили и разошлись, когда уже рассвело. Так получила путевку в жизнь «Молодая гвардия»...

Второй раз Безыменский столкнулся со Смородиным в 1923 году, когда весной была напечатана в «Правде» его известная поэма о генсеке.

Часов в одиннадцать дня разъяренный Смородин явился к Безыменскому на пятый этаж. Приказал его жене выйти с сыном, запер дверь на ключ, сел у стола, против себя положил наган.

— Слушай, ты! — сказал он дерзко. — Что ты со мной сделал? Мне некуда податься! Непрерывно звонит телефон, разные люди говорят со мною так, будто я прославленный герой!.. Но ты меня знаешь, Сашка, я это дело так не оставляю! Я придумал тебе казнь: отведу сейчас в мой кабинет, слушай все звонки и кайся. Что же касается этого нагана, то он должен напомнить тебе, как надо расплачиваться за глупость. И что это ты написал в «Правде»?

Странного много на свете.
Есть и еще грехи...
Знаю... Смородин Петя
Пишет тайком стихи!

Это же чепуха! И если в твоей книжке будут перепечатаны эти четыре строки, вступишь в действие наган!.. Я готов нести ответ за должность секретаря ЦК. Но отвечать за свои стихи, которые никогда не появятся, не желаю! Понял?..

Конечно, все это можно было обратить в шутку. Но с Петром шутки были плохи. И в окончательном тексте поэмы о Смородине эти четыре строки были изъяты...

От фронтовых дней, от жарких боев возле Чудского озера, в районе Гдова, Нарвы и Юрьева, где Петр Смородин с товарищами громил отряды белой гвардии и банды авантюриста Булак-Балаховича, остались горькие следы.

После тяжелой контузии почти вовсе пропало зрение в правом глазу, и довольно часто — по погоде или от волнения — мучали боли в виске. Но Петр это скрывал. А в двадцать девятом году неожиданно обострился ишиас, да так здорово, что Смородин уже страдал зримо для окружающих. Иногда он не мог разогнуться, а в ноге так тянуло и ныло, хоть хватайся за палку.

Немедленно вмешался Сергей Миронович Киров — сам давний узник царских тюрем и герой гражданской войны, сам завзятый охотник и рыболов, которому были ведомы мучительные страдания от воспаления седалищного нерва. Без лишних слов он вручил своему другу путевку в Сочи и приказал выехать на курорт в тот же день.

Был конец июля — пыльное, знойное, красивое южное лето. Впервой оказалась Смородин без дела, да еще на берегу Черного моря. И в совершенно непривычной обстановке: врачи обхаживали его, как старика; удручали диагнозы и ванны.

Роскошные пальмы, ласковая синева моря, ленивые часы на каменистом пляже — все это было не по душе: в нем жил нестремимый комсомольский дух, жаждавший активной деятельности в привычной российской обстановке.

Он даже захандрил. С неделю лежал на койке, иногда без книги, и все никак не мог смириться, что рядом с его фамилией непременно ставят какое-то противоестественное прилагательное — «больной».

Но вскоре подвалила компания товарищей из Ленинграда, и санаторная жизнь помалу вошла в колею. Были два газетчика — люди шустрые, шумные, на слова острые. Они через день-два звонили в Питер и получали ворох городских новостей. Были старые питерские рабочие, с ними Петр не разлучался. Но самой колоритной фигурой был Алексей Егорович Бадаев. Подступало ему под пятьдесят лет, но держался он молодцом — фигура могучая и просто сказочные усы (он их при желании мог растягивать до ушей!), аккуратная чечуковая пара, спокойные манеры и громовой голос. Его имя недавно присвоили крупнейшему пивоваренному заводу страны, и в сочинской колонии ленинградцев

он шел под кличкой «пивной король». Но сам пиво не пил, и это было забавно.

Бадаев подкупал не только колоритной внешностью. Но и по складу характера, и по рабочей закалке, и по жизненному пути был личностью весьма интересной. Много лет довольно близкие отношения связывали его с Лениным, особенно в те годы, когда он был большевистским депутатом в IV Государственной думе.

По скромности он не любил рассказывать о себе. Когда же товарищи упрасивали, начинались удивительные вечера воспоминаний. И Петру хорошо запомнилась такая картина: ноябрь 1913 года, громадный зал Таврического дворца. Идет очередная «дебаш» депутатов правого крыла: улюлюкают помещики, стучат пюпитрами фабриканты, профессора и лощеные адвокаты, гремят по полу каблуками священнослужители в шелковых рясах. Это они так реагируют на выступление мастерового Бадаева, который бросает в зал суровые, зажигательные фразы:

— Известно, что бессмысленно прививать оспу телеграфным столбам. Не менее бессмысленно говорить о положении рабочих в этой черносотенной помещичьей думе!

В партию Алексей Егорович вступил в 1904 году, когда Смородину исполнилось лишь семь лет. И Петр слушал этого старого большевика с большим почтением: и как встречался Бадаев и другие депутаты думы с В. И. Лениным в местечке Поронин под Краковом в 1913 году; и как под руководством Ильича Бадаев стал официальным издателем «Правды», а затем по инициативе Ленина вошел в 1914 году в состав Русского бюро ЦК, и как гневный протест Алексея Егоровича против империалистической войны обернулся для всех депутатов-большевиков ссылкой в забытый богом Туруханский край.

Петр смирился, наконец, с положением больного: приезд Бадаева заметно оживил обстановку.

А в Питере тем временем уже распорядилась судьбой коммуниста Смородина: Сергей Миронович Киров подписал 7 августа 1929 года решение обкома партии — рекомендовать Петра Ивановича Смородина первым секретарем Василеостровского райкома ВКП(б).

Заместитель Кирова — Струппе, тоже Петр Иванович, на другой день отправил телеграмму в Сочи, известив Смородина об этом решении.

Новость упала как снег на голову

в жаркий августовский день. Петр размышлял в одиночестве пять суток и ничего пока не говорил ни Бадаеву, ни другим товарищам, опасаясь, что они начнут приносить поздравления и собьют его с твердой позиции, на которой он решил держаться до конца. 14 августа он отправил Струппе большое письмо, написанное карандашом, по-видимому, в два приема. В этом документе весь Петр Смородин — и человек, сформировавшийся в грозные годы революции, и взыскательный коммунист.

«Тов. Струппе! Получил твою телеграмму. Она окончательно пришибла меня. Решительно возражаю против своей кандидатуры по следующим причинам.

Молод, как в возрастном, так и партийном отношении, недостаточно выдержан (бывают временами заскоки). Горяч. Еще слишком мало партийного опыта работы.

Есть ряд столкновений с работниками района, которые неизбежно обостряются; не коренной василеостровец, плохо знаю предпочтения района.

Абсолютно не имею никакого желания работать секретарем. Если будут заставлять работать, так это будет работа из-под палки.

Итого: молод, мало опыта, горяч, мало выдержки, плохо знаю район, нет желания работать...»

Затем он приписал, что поправляется слабо и надо бы еще отдохнуть ему тут сверх месяца дней семь-десять, так как все еще одолевает ишиас.

Но, как можно судить, дела района его уже захватили, и он спрашивал у Струппе, что нового на Васильевском острове, как идет чистка партии и перевыборы в партийных организациях. И как подписываются рабочие и служащие на 3-й заем индустриализации...

Я не располагаю сведениями о том, что Струппе написал несколько слов Алексею Егоровичу Бадаеву, чтоб он воздействовал на стропливого нового секретаря. Но знаю, что разговор у них был, и старый коммунист Бадаев мог сказать молодому коммунисту Смородину:

— Петя, когда я говорил про оспу в IV думе, мне было столько же лет, как тебе сейчас. И неужели ты думаешь, что мне было легче, чем тебе, секретарю Василеостровского района?

Во всяком случае, при первой же встрече с Кировым Петр дал согласие.

А через два года, зимой 1931-го, я сам был свидетелем, с каким уважением ва-

силеостровские коммунисты слушали доклад своего секретаря на 15-й районной конференции. Да и С. М. Киров весьма ценил деятельность Петра в этом большом районе: она была и смелой и яркой.

Сморodin в короткий срок выполнил много больших дел. Отмечу лишь три из них. Он открыл первый в Ленинграде постоянно действующий пионерский лагерь, сумев привлечь значительные средства из директорского фонда крупнейших предприятий. Так была решена проблема отдыха и оздоровления рабочей детворы, рывшейся в голодные и холодные годы революции и гражданской войны.

Затем он возвел первоклассную фабрику-кухню, в то время единственную в СССР. Это было большим подспорьем в строительстве нового быта, да и просто помогало преодолеть затруднения с продовольствием бесхозяйным и семейным рабочим.

Наконец, он задумал сооружение грандиозного Дома культуры. Правда, об этом доме некоторое время шли споры, так как место для него было выбрано на пустыре, в отдалении от заводов и жилищ. Но Смородин настойчиво отстаивал свою идею:

— Мы совершили пролетарскую революцию, чтобы иметь возможность пользоваться всеми благами новой жизни. Мы развернем невиданное доселе строительство жилищ, школ, больниц, детских учреждений. И все это будем наращивать вокруг Дома культуры, который станет новым центром всего Васильевского острова!

Настойчивость Смородина победила. И на 15-й партийной конференции уже никто не спорил со своим секретарем: Дом культуры поднимался, вокруг него возводились новые кварталы...

По долгу журналиста я давал в молодежной газете «Смена» отчет об этой конференции. А чтоб понятней была ситуация, вынужден привести один факт из своей биографии.

Осенью 1931 года вышла из печати небольшая книга «Энтузиасты цехов», которую я написал вместе с секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ Иосифом Вайшлей. Сергей Миронович Киров благоприятно отзывался о нашей работе: в ней шла речь о замечательном почете питерской молодежи по социалистическому соревнованию в первой пятилетке.

Я только что выслушал отчетный доклад Петра Смородина, расположился в комнате за сценой и делал наброски статьи: ее через час надо было сдавать в набор.

Неожиданно распахнулась входная дверь

и на пороге показался Сергей Миронович. Как всегда, он шагнул стремительно, огляделся с живым интересом, сбросил кепку, рядом с ней положил выдавшую виды кожаную туфурку. Большие пальцами — по армейской привычке — расправил под ремнями синюю суконную гимнастерку.

— Добрый вечер! Что подельваете?

Я раньше не беседовал с Кировым, хотя видел и слышал его десятки раз. И конечно, был сконфужен неожиданной встречей.

Сергей Миронович глядел на меня добродушно, он был прост и доступен и располагал к беседе. А его шофер — по должности или по характеру — казался замкнутым и подозрительным, бурвил меня острым взглядом серых прищуренных глаз и просто вязал по рукам.

Я все же предоставился после неловкого молчания и услышал лестное для себя признание: Киров читал и одобрил нашу книжку, хотя и не во всем с нею согласен.

— Поймите меня правильно: не очень мне нравится ее залихватский стиль. Я ведь сам старый газетчик и очень люблю слово — точное, яркое, зажигающее. Особенно если оно стоит в тексте на должном месте и выполняет свою роль определенно, а значит, просто и доступно. Слово не любит, чтобы им играли, оно имеет только одно назначение — достоверно выразить мысль. Недаром умные люди напоминают нам: писать и говорить нужно так, чтоб словам было тесно, а мыслям просторно. Кстати, об этом я говорил с Иосифом: побольше фактов, поменьше словесного шума вокруг почина. Комсомольцы делают доброе дело, впервые они мыслят как хозяева, и писателям следует шире и глубже раскрывать их душу и поменьше восторгаться своим умением оперировать приятными словами.

Конечно, Сергей Миронович был прав — все мы писали тогда слишком звонко, иногда в ущерб смыслу. Не по злому умыслу, конечно, а по молодости лет и оттого, что нам не ставили рогаток. И мы думали, что «открываем Америку», а на самом деле бухали в колокола, не заглянув в святцы.

Я не смог возражать Кирову и — промолчал. Он, видимо, понял, что крепко взял быка за рога, подошел к моему столу, заглянул в текст и спросил спокойно:

— А что в эти минуты делает Петр?

— Он только что закончил доклад, сейчас там выбирают редакционную коллегию конференции, и скоро начнутся прения.

— Слушали хорошо?

— Да! — ответил я восторженно, не скрывая своих давних симпатий к Смородину. — Вы же знаете, Сергей Миронович, как он говорит: без бумажки, от души!

— Знаю, знаю! — улыбнулся Киров. — Скажите ему, что я хочу его видеть.

Я подал Смородину знак из-за кулис:

— Петр, приехал Киров, хочет тебя видеть.

— Иду! — Смородин оживился: Киров был для него таким отцом и наставником, о котором мог мечтать любой коммунист...

Время, наступившее вскоре после 1 декабря 1934 года, когда в расцвете сил был злодейски убит выстрелом в голову любимец народа Сергей Миронович Киров, скомкало многие факты из биографии Петра Смородина.

Прекрасные их отношения, их нежную дружбу проследить не легко. Но даже жалкие крохи, что остались после трудной, мрачной години, достойны внимания. Неоценимую услугу оказала нам дочь Сморо-

дина — Майя Петровна — любимица отца, сопровождавшая его на всех ленинградских демонстрациях и празднествах, во многих поездках за город и многократно наблюдавшая, как дружили Киров и Смородин.

Не удалось проследить, как произошла первая встреча Петра с Сергеем Мироновичем. Но несомненно, она состоялась в деловой обстановке, и наверняка до 1924 года, когда комсомолия проводила на VI съезде РЛКСМ своего генсека на учебу.

Могло это быть в Цекамоле, где часто видели Кирова, или на очередной сессии ВЦИК РСФСР или ЦИК СССР — Смородин избирался в советский парламент с 1920 года. Одно вне сомнения: когда Петр окончил курсы марксизма в 1928 году, Сергей Миронович истребовал его в Ленинград, где уже более двух лет был секретарем обкома партии. В 1928 году Смородин восемь месяцев работал заместителем заведующего орготделом Василе-

М. И. Калинин, П. И. Смородин,
С. М. Киров и Г. Н. Пылаев среди рабочих
Металлического завода. Ленинград,
1932—1933 гг.

Беспризорники. Москва, 20-е годы.

островского райкома ВКП(б), затем — в 1929 году — заведовал, до половины августа, этим отделом. А после поездки в Сочи был избран первым секретарем райкома партии на Васильевском острове. А последние годы жизни С. М. Кирова Петр Смородин был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и руководил Выборгской партийной организацией в Ленинграде. В это время и окрепла их дружба.

Сергей Миронович был человек подвижной, на подъем легкий, доступный каждому в любой час дня и ночи, способный немедленно ехать на завод, в Академию наук, в пионерский лагерь. Но — и властный: можно было спорить в его присутствии о любом предмете, он никогда не давил инициативу товарищей, но последнее слово всегда оставалось за ним — не по должности, а по силе мысли, вдохновению, по железной логике доказательств.

Так было на «Красном путиловце», где Киров состоял на партийном учете. Не клеилось дело с первыми тракторами,

и у многих инженеров опустились руки: мол, где уж нам без Форда... Просто пропадем без него.

Киров высказался резко, но определенно:

— Довольно нам фордов! Учиться мы готовы хоть у самого черта, если эта учеба идет на пользу социалистическому строительству. Но кто утверждает, что победивший пролетариат никогда ничему не сможет научиться, ничего не сможет освоить, тот дурак или враг. А когда народ строит социализм, ни дуракам, ни врагам ходу на этой стройке давать нельзя!

Так было в годы продовольственных трудностей, когда Киров предложил развивать в Ленинградской области зерновое хозяйство, молочное животноводство, больше сажать картофеля, овощей и — всеми силами, немедленно — разводить свиней.

— Никто вас кормить огурцами из Воронежа или Дагестана не будет, хоть вы почтенные и очень уважаемые строители социализма в Ленинграде. Пора и честь

Борьба с беспризорностью. Занятия в классе с бывшими беспризорниками. 1924—1926 гг.

знать: овощи надо выращивать самим!.. А свинью — эту почтенную особу — надо взять под самое высокое партийное руководство. И поставить в сколько-нибудь подходящие советские условия. Вот тогда она завалит нас поросятами!

Так было с апатитами на Кольском полуострове и с синтетическим каучуком профессора Лебедева: искали, спорили, сомневались. А Киров решал, делал!

Этот человек — удивительно волевой вождь партии, с лицом война и отважной фигурой — в быту и в кругу близких товарищей был на диво простой, ясный, сердечный и отходчивый. А на охоте, которой он самозабвенно отдавался в редкие часы отдыха, превращался в большого и послушного ребенка. И беспрекословно поступал в распоряжение опытных егерей, звавших его запросто — Мироныч. И когда он сгоряча мазал по дичи, ему наставительно говорили:

— Не горячись, Мироныч, это тебе не на работе. Тут всему делу голова — кря-

ковая утка. Только про нее и думай: с какого она боку летит и как ее мигом — да точно — взять на прицел!.. А мимо шлепать — это даже секретарю негоже!

Киров только кряхтел да посмеивался...

И Петр Смородин был под стать Сергею Мироновичу: в работе — жаркий, в спорах — смелый и даже дерзкий, с людьми — не лукавил, не хитрил, в обхождении всегда оставался доступным и чутким.

Образ его нам ясен из письма к П. И. Струппе. Только в том перечне собственных черт кое-что выпячено нарочито, чтобы избежать назначения на большую и ответственную партийную работу. И разумеется, не за это любили его ленинградские рабочие и все первые комсомольцы нашей страны.

Под нарочитой грубоватостью не удавалось ему скрывать удивительной деликатности в общении с товарищами, чуткости к их запросам и совершенно забывать о себе, когда у других возникали нужда или горе.

Все знали, что он такой по натуре, по совести — без прикрас, открытый во всем — настоящий рабочий питерский парень с морской походкой вразвалку, в тельняшке, синей косоворотке или свитере — смотря по сезону. Чертами крупен, с непослушной прядкой волос, часто падающей на лицо. И речь — грубовато-шутливая, добродушная, без всякой иронии.

Даже в своих анкетах комсомольской поры он оставался верен себе — шутник и озорник. Образование? — стоял в анкете вопрос. Он отвечал: церковноприходский университет! Пол? — Деревянный! Какими иностранными языками владеет? — Обежать могу на всех!..

Сергею Мироновичу Кирову полюбился этот младший товарищ — непримиримый к любым оппозиционным шатаниям, коммунист стойкий, разводитель мыслящий, с большевистским размахом, тесно связанный всю сознательную жизнь с рабочим классом. А вне служебного кабинета — дома, на природе, в кругу друзей — рубаха-парень. И подлинный оптимист, каким и должен быть настоящий большевистский вожак.

Его редко видели сумрачным. Плакал он два раза в жизни: по деду Зоту, заменившему ему отца в детстве, и над гробом Владимира Ильича Ленина в Колонном зале Дома союзов. Он стоял в почетном карауле и не скрывал слез, хотя мимо проходили тысячи людей. Но люди и не замечали этого: их тоже душили горькие слезы. И не знал Киров, что Петр Смородин — почти до истерики — будет плакать в третий раз — над гробом своего дорогого Мироныча, приткнувшись к белой колонне в актовом зале Смольного...

А семь лет — с января 1928 по конец 1934 года — они были столь близки, что казались неразлучными. Виделись почти каждый день — завод, обком, райком, университет, школа, новостройка. Раз в пятидневку бросали все и уезжали на базу отдыха в Пушкино, в так называемую Володарку. Сергей Миронович обычно наминал перед выездом:

— Собери белье, Петруха!

Третьим в компании был шофер Кирова Костя. Он подъезжал к бане, и начиналась натуральная русская парилка с березовым веником и пенным квасом. Нахлестывали друг друга, вовсе не считаясь с чинами и возрастом. Часто Смородин оставался и ночевать в Володарке, а то и прихватывал там выходной день. И конечно, разговоры

шли по душам и обо всем, что занимало и волновало обоих.

Сергей Миронович временами страдал жуткой бессонницей. Тогда он вырывался на несколько дней в Томилино, на базу отдыха обкома. Проходил день, и Петр получал приглашение приехать немедленно, а еще лучше с Майкой. Пока она не ходила в школу, отец брал ее всегда. Для нее там были санки и пианоло, для Кирова и Смородина — лыжи и охота, хотя Петр всегда считал, что охотник из него неважный.

Как-то Майя сильно соскучилась по отцу — он был с Кировым в Москве на партийном съезде. Упросила шофера взять ее с собой на вокзал. Скоро подошел поезд: в одном вагоне приехали Киров, Чудов, Позерн, Струппе, Смородин и другие ленинградские руководители.

Машина Кирова почему-то задержалась, и Петр пригласил Сергея Мироновича поехать вместе с ним.

Киров очень любил детей, умел с ними разговаривать и сейчас же завел беседу с Майей Смородиной:

— А что у нас нового в городе, Майя Петровна?

Конечно, ей было смешно, что Киров обратился к ней так почтительно. Но такое бывало не раз, Майя знала, что Киров большой шутник, и ответила серьезно:

— Была демонстрация у вокзала, мы со школой ходили встречать безработных из-за границы. Только какие же они безработные, если одеты лучше вас?

Киров ответил не вдруг.

— Понимаешь, Маечка, их одели товарищи, когда направляли к нам. Ты будешь одета лучше их, мы с папой боремся за это!.. Ну, а еще какие новости?

— До вашего отъезда ириска стоила одну копейку, а теперь две. И в школе у нас обвалился потолок в актовом зале. Константин Иванович, директор, ходил в райисполком, а ему сказали: «Жди до весны!» Где же мы будем устраивать утренники?

Киров снова задумался.

— Это частники подняли цену на ириски. Подумать только, за ириску две копейки! Ну, скоро мы выбросим этих нэпманов из торговли... А потолок ты, Петр, поправь: это не дело, если ребятам негде собираться на утренники...

Домой к Смородиным Киров приезжал редко, как и Петр к нему. И вообще у этих двух друзей домашний быт не был в чести. Сергей Миронович по приезде

в Ленинград долго жил один, без Марии Львовны, в номере гостиницы «Европейская». И старый, верный его друг Серго Орджоникидзе, зная за своим Сергеем это безразличие к условиям быта, написал ленинградским товарищам: «Ребята, вы нашего Кырыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды».

И только с приходом Марии Львовны удалось перетащить Сергея Мироновича из гостиницы на улицу Красных зорь, в большой старый дом, где жили многие ленинградские большевики.

Но к нуждам товарищей Киров был чуток бескрайно. И когда Петр Смородин занедужил, Киров позвонил, что явится к нему часов в десять вечера.

Конечно, Петр обрадовался этой встрече в домашней обстановке, хотя болезнь-то снова была пустячная: вырвали ему зуб мудрости, но три дня не могли остановить кровотечение.

Анна Петровна, как старшая в доме хо-

зайка, переполошилась. И спросила у сына — по простоте душевной, без всяких причиндалов:

— А жрать-то Сергей Мироныч будет?

Петр осуждающе поглядел на мать.

— Я хотела сказать, кушать-то будет?

— И это спрашивает придворная кухарка господ Гардениных! Непременно будет! Он вкальвал нынче с восьми утра и, бьюсь об заклад, ничего во рту не держал!

— Понятно, Петруша. А что он любит?

— Он же охотник, любит рябчиков с моченой брусникой! — через силу пошутил Петр.

— Батюшки! — всплеснула руками Анна Петровна, мигом накинула платок на плечи и умчалась куда-то с авоськой. А через час действительно красовались на столе рябчики с моченой брусникой. И Петр — ему вдруг стало легче — со смехом рассказывал о своей выдумке, а Киров хохотал, как мальчишка:

— Вот уж выдал меня за тонкого гас-

С. М. Киров, П. И. Смородин и М. С. Чудов.

ронома! Мне бы картошку в мундире, это же еда богов!..

Квартира Смородина произвела на Кирова в этот приезд гнетущее впечатление. Василеостровский секретарь, построивший десятки новых домов, ютился в двух маленьких комнатах: в одной — он с женой, в другой — Анна Петровна с внучкой. На кухне готовила себе постель бабкина племянница Маришка, вызванная из деревни для вывода «в люди». А в передней на двух креслах, когда-то присланных Кировым, безмятежно спал бабкин племянник Федька, тоже новый абитуриент «в люди».

— Петя, так ты и живешь? — с недоумением спросил Киров, надевая тужурку над Федькиной головой.

— В лучшем виде живу, Сергей Миронович! У меня все есть!

— А Маришка с Фейей? Их даже прикнуть негде. И письменного стола у тебя нет. Где же ты читаешь, пишешь?

— На кухне, когда все улягутся. А Маришка с Федькой — люди временные, устроятся, когда будут работать. Сейчас им отлично: тепло, светло. Другие хуже живут. Я с неделю назад был в рабочей семье с завода Козицкого: так там семь человек в одной комнате!

— Ну, знаешь что, я с тобой и говорить не хочу! — Он обратился к жене Петра Елене Михайловне, женщине красивой и взыскательной, которая давно страдала от бытовых неурядиц: — Вы позвоните мне завтра, и мы все устроим без этого примитивного секретаря. Сами и квартиру выберете. А Петра погрузите на машину и перевезите без лишних слов.

Так появилась первая в жизни Смородина большая и удобная квартира на Кронверкской улице, в доме № 21. Почти рядом жил Киров, и два друга стали чаще встречаться вне работы.

Иногда это случалось даже в третьем часу ночи. Сергей Миронович, закончив дела в Смольном, привозил Петра, поднимался с ним в лифте на четвертый этаж, открывал дверь и зажигал все светильники:

— Киров любит свет! — говорил он смеясь...

1 декабря 1934 года. Пасмурный, зимний день.

Все мы, партийные и комсомольские активисты города Ленина, после трех часов

дня забили до отказа огромный круглый зал бывшей Государственной думы в Таврическом дворце.

Передние кресла были отданы старшим. Молодежь сбилась кучками поодаль — ребята из Нарвского, Невского, Выборгского, Московского и Василеостровского районов. Шутили, смеялись — под сводами стоял невообразимый звонкий гул. Но все поглядывало на часы. Сейчас они пробьют четыре, стремительно выйдет к трибуне Сергей Миронович Киров — минута в минуту. И зачарованный зал будет не дыша слушать самого яркого оратора партии.

Но пробило четыре, Киров не вышел. Стали переглядываться в президиуме Борис Позерн, Петр Струппе, Михаил Чудов, Петр Смородин.

Прошло еще минут десять. Позерн вышел за сцену. Его не было долго, и в президиум полетели записки: «Где Киров?» На них никто не отвечал.

Борис Павлович Позерн, шатаясь и тряся головой, еле добрался до товарищей и что-то шепнул им. Слово пуля пронзила их сердца: на миг они окаменели. Потом Смородин схватился за голову и, повалив стул, выбежал за сцену. Струппе комкал черную бороду, Чудов поднес к глазам носовой платок.

Борис Павлович потянулся к звонку дрожащей рукой. И не своим громовым баритоном, а приглушенно, по-стариковски, еле сдерживая рыдания, сказал нам:

— Дорогие товарищи! Сергей Миронович не придет. Собрание отменяется...

— Почему?

— Что случилось? — слышались голоса.

Позерн махнул рукой, опустился в кресло и зарыдал...

После смерти С. М. Кирова Петр Смородин продолжал работать секретарем Выборгского райкома партии. С его именем связано строительство прекрасного Дома культуры, кинотеатра «Гигант», больших жилых массивов для рабочих — Бабуриного и Батенинского.

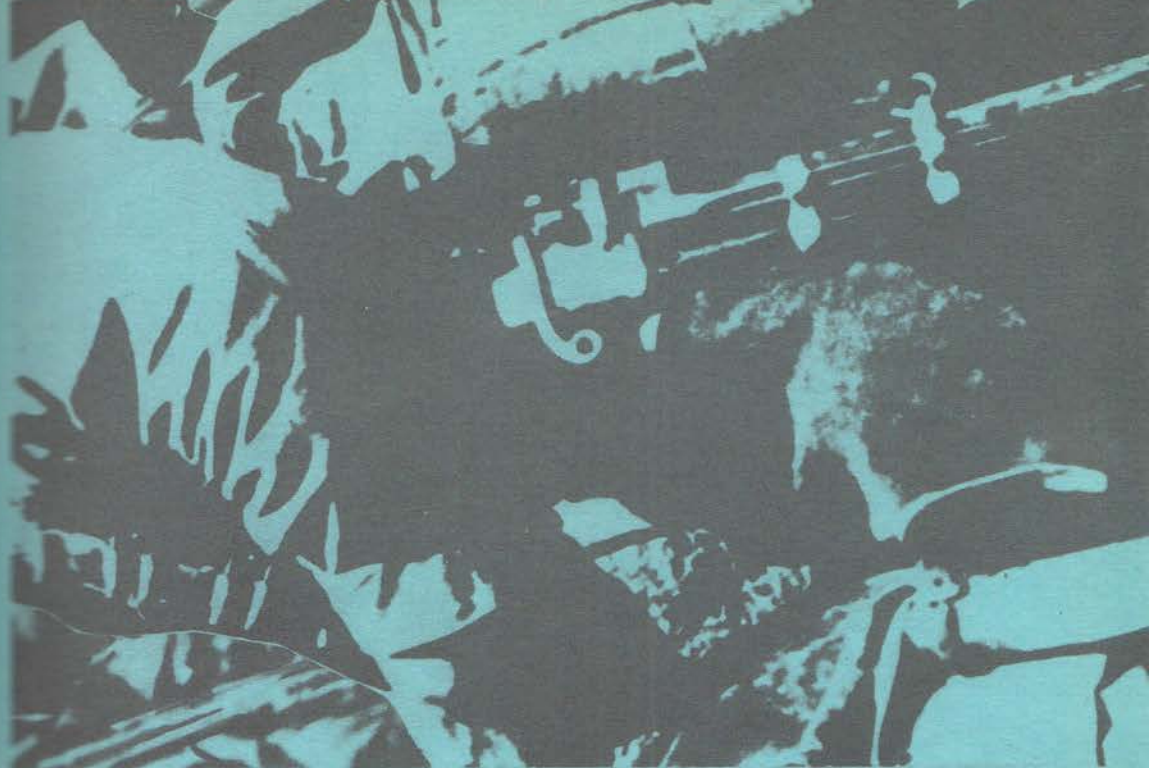
Затем он был первым секретарем Московского райкома, вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б). Его избирали членом ЦИК СССР, а на XVI и XVII съездах партии — кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б).

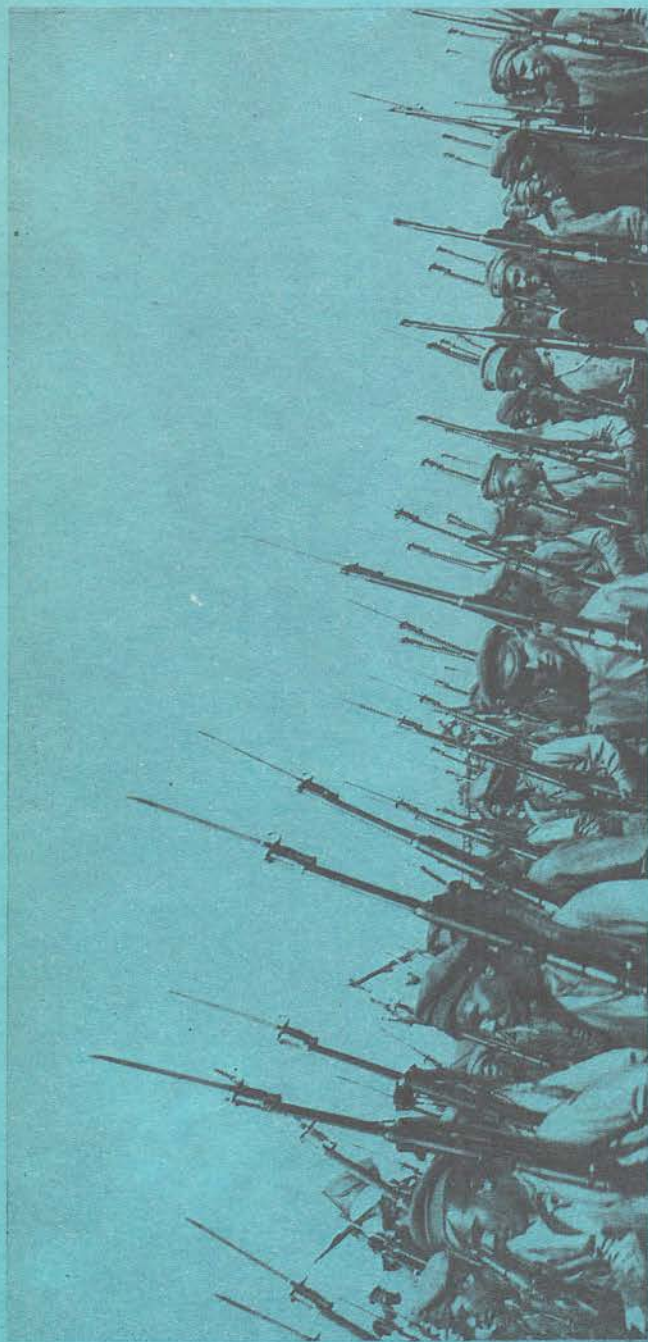
В июне 1937 года Смородин был направлен в Сталинград первым секретарем обкома. А через полтора года жизнь его оборвалась.

1928

Центральный Исполнительный Комитет
Союза Советских Социалистических
Республик в ознаменование боевых заслуг
Всесоюзного Ленинского Союза Молодежи на
фронтах гражданской войны в период 1919—
1920 гг. против Колчака, Деникина, Юденича,
белополяков и Врангеля, когда всеююзные
мобилизации членов ВЛКСМ влили в ряды
Красной Армии десятки тысяч революционной
молодежи, доказавших свою преданность
делу пролетариата героическими подвигами
и отдавших свою жизнь за победу
социализма, награждает его орденом
«Красное Знамя» — символом мировой
социалистической революции.

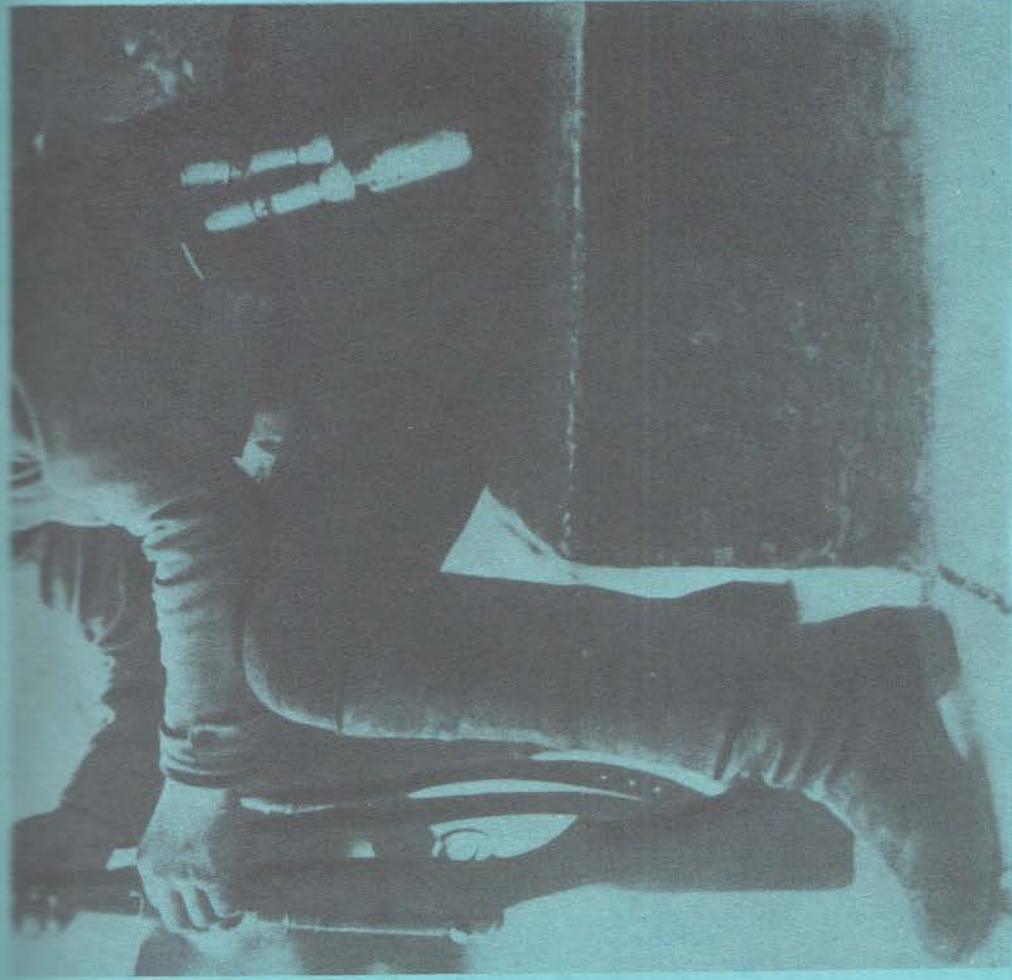
Я — юноша рабочий,
Я — пламя и пожар,
Вселенной новый зодчий,
Великий коммунар!!!

Со мной идет свобода,
Свобода и любовь,
Я — друг и сын народа,
Я — радостная новь!

В бою суровом драться
Зову я каждый час
За равенство и братство
Среди народных масс!

Я — юноша рабочий,
Великий коммунар.
Я — мира новый зодчий,
Я — пламя! Я — пожар!

Иван Булатов

Парад частей Красной
Армии в Харькове, 1920 г.

Солдат революции Иван Рясанский, Москва, 1918 г.

Василий Алексеев.

От первых боев
до последних
мы шли
без хлеба и без сна —
союз
восемнадцатилетних
рабоче-крестьянских сынов.

Владимир
Маяковский

Комсомольский билет
Московской организации.
20-е годы.

Мордан Гвардия.

Вперед, заре мастречу,
Товарищ в борьбе!
Шагаем и маршем
Проложим путь себе.
Смелей вперед и тверды шаг
И выше юношеской ступи
Мы молодик—гвардия } 2 раза.
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подвоянный труд.
Мы юности не знали
В тисках рабочих пут.
На душах все носили мы —
Своей и чужой — клятву.

Простите мои описки, стили, орфографические!

РОССИЙСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

БИЛЕТ

№ 34681

Члена РКСМ. *Лавровские*

Тов. *Саводер*

Имени *Ю. В. К. П. К. З.*

Ты не знаешь,
 Богатства нет у других
 Но этот труд в конце концов
 Из нас же плакала Европа
 И молодую гвардию } 2 раза,
 Рабочих и крестьян. }
 Мы поведем этаки,
 Товарищи, сюда!
 Идите строить с нами
 Республику Труда
 Чтоб труд владыкой мира стал
 И всех в одну семью спаял —
 В бой, молодая гвардия } 2 раза,
 Рабочих и крестьян. }

Николай Чаплин.

Рузия Черняк.

Группа делегатов I съезда РКСМ. 1918 г.

Отъезд продотряда
в Деревню, Москва, 1919 г.

Митинг в Подтаве в связи
с мобилизацией
комсомольцев по призыву
ЦК КСМУ на врангелевский
фронт, 1920 г.

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Эдуард Багрицкий

НИ ВЪ СЪ СТРАШ
ИЛИ ТЕРЬ
РАВСТВУЕТ
ТУНИСТИЧЕСКИ
НАЦ.

СМЕРТЬ
БАРОНУ
ВРАНГЕЛЮ.

КРЫМ ДОЛЖЕН БЫЛ
ВЗЯТ
ВО ЧТО БЫ ТО
НИ СТАРО.

БАРОНЫ И ГЕНЕРАЛЫ
ДОЛЖНЫ ПОГИБНУТЬ
РАЗ И НАВСЕГДА.

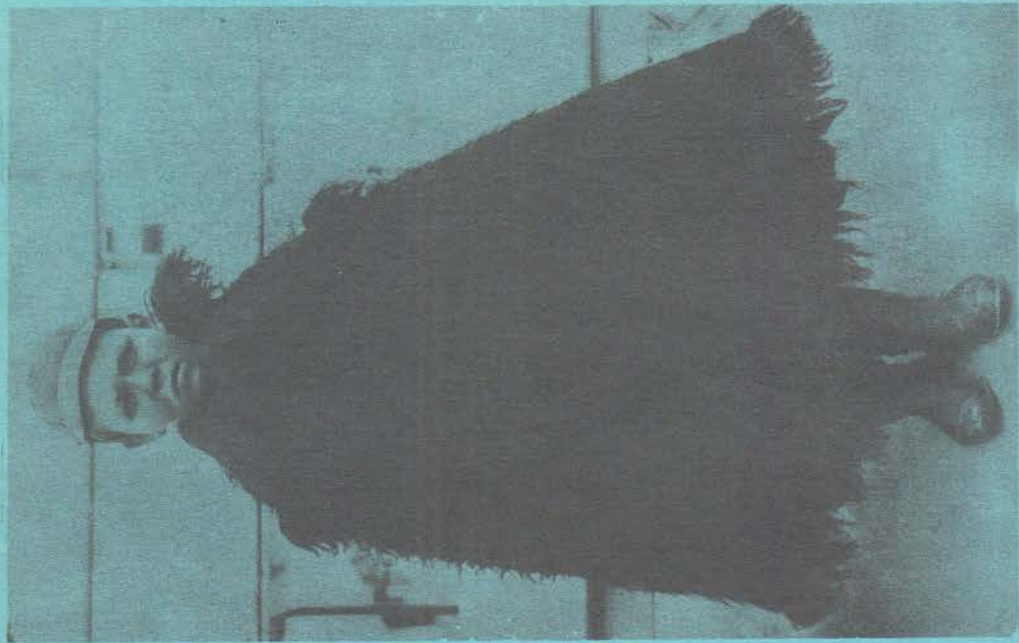

Командир бронепоезда
Людмила Мокшеская
и командир 13-й армии
Н. С. Кожеников среди
красноармейцев,
Куляиск, 1919 г.

Комсомольцы города
Николаева перед отправкой
на врангелевский фронт,
1920 г.

Мы восстали хмурым днем,
Но знамена рдели яро,
И в дыму огней пожара
Счастье мы себе ищем.

Сергей Ручьев

Володя Алексеев, 12-летний
телеграфист Чапаевской
дивизии. 1918 г.

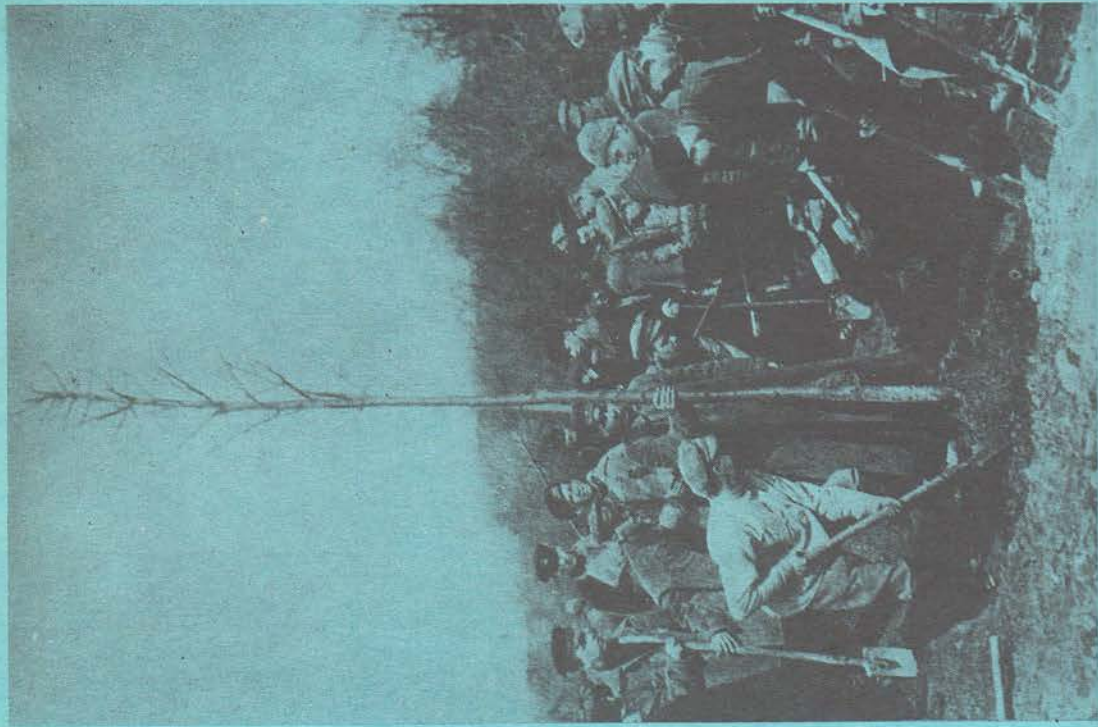
Аркадий Гайдар.

Костя Забелин — герой
Западного фронта. Погиб
при взрыве склада. 1920 г.

Мы поднимаем знамя,
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику труда!

Александр
Безыменский

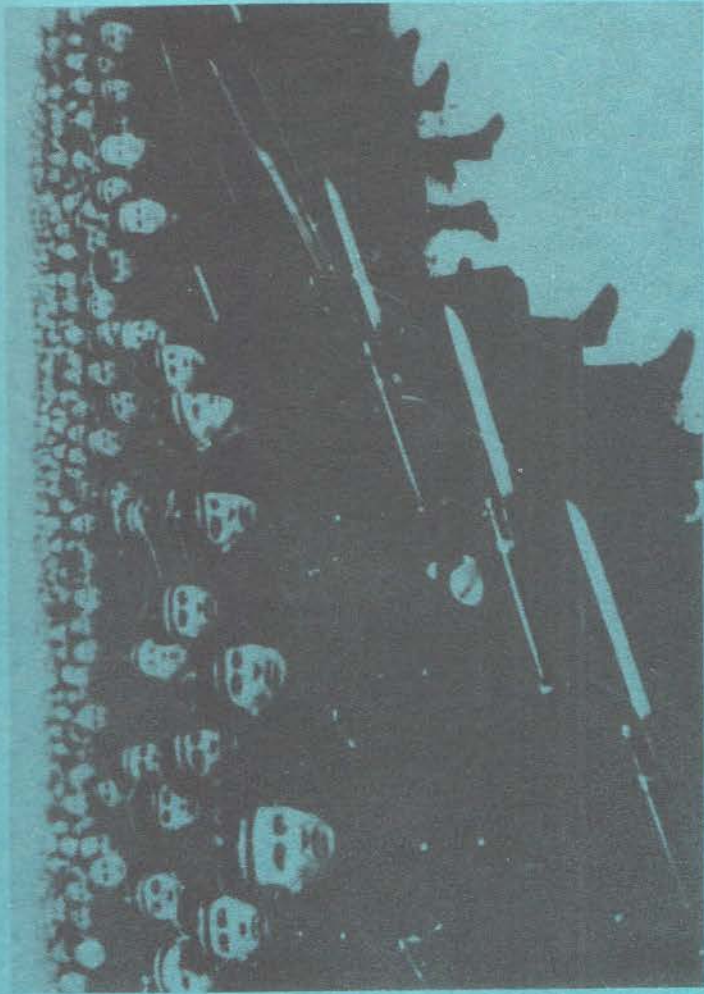

Посадка деревьев во время субботника. Москва, 1920 г.

Краснофлотцы комсомольского призыва принимают присягу. Петроград, 1922 г.

Субботник на Александровской железной дороге. 1920 г.

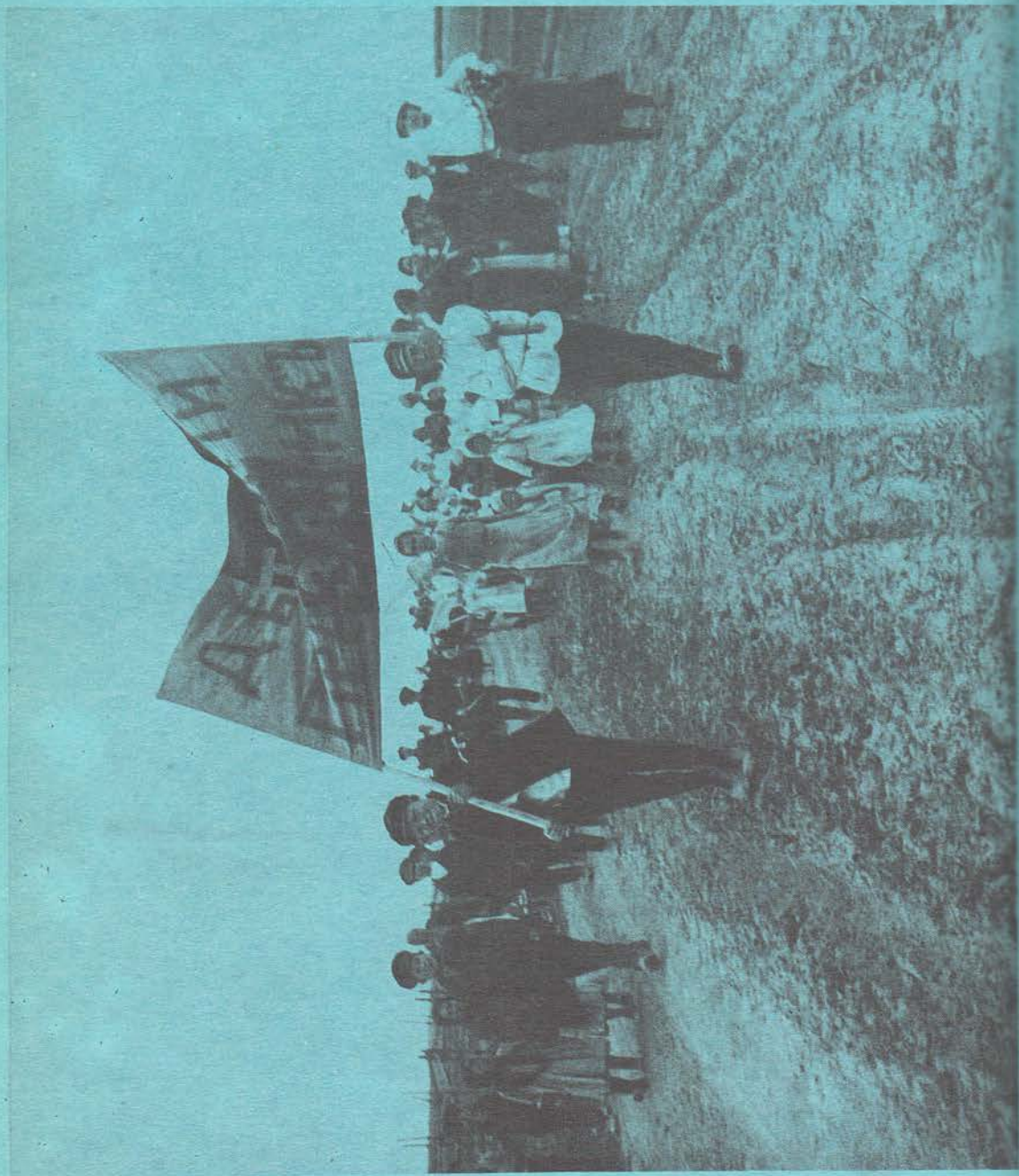

Беспризорные дети около
агитпоезда.

Занятия в школе грамоты.
1920 г.

Дети на первомайской
демонстрации в деревне.
1918 г.

Детская демонстрация во
время праздника весны.
Москва, 1921 г.

Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Александр
Безыменский

Д. Чернопыжский

Так закалялась сталь

(О школьных годах
Николая Островского)

Николай Островский — ученик высшего начального училища Шепетовки. 1918 г.

Последние встречи

В конце мая 1932 года, вернувшись в Москву из командировки на Дальний Восток, я нашел в почтовом ящике открытку, написанную незнакомой рукой.

Мой бывший ученик, которого я давно не видел, просил зайти, так как нуждался в моей помощи. Подпись была такая: «Твой друг Н. Островский».

На следующий день я нашел указанный в открытке Мертвый переулок и двухэтажный дом под номером 12, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж.

На пороге меня встретила молодая женщина (как потом оказалось, Рая — жена Островского), открыла дверь в комнату и крикнула:

— Коля, к тебе пришли.

Я увидел комнату почти без мебели — стол, пару стульев и столик. На железной кровати лежал Н. Островский. Я остолбенел.

Нынешние поколения молодых людей знают Николая Островского по фотографиям последних лет жизни, когда он уже был недвижим и слеп. Но я-то помнил его другим! Пятнадцати-шестнадцати лет Коля Островский был живым, всегда улыбающимся, красивым мальчиком.

И вот теперь я увидел его лежащим на кровати, в солдатской гимнастерке с расстегнутым воротником, прикрытого до пояса стареньким военным одеялом. Слепого, недвижимого...

В горле у меня начались спазмы, я слова не мог вымолвить, не мог переступить порога..

Островский приподнял голову и произнес слова, которые и теперь, много лет спустя, я помню слово в слово:

— А, Дмитрий Григорьевич, я узнаю твой силуэт! Ты все такой же стройный и худенький, каким был когда-то. Не обращай внимания на мое состояние. Садись около меня. Рядом садись... Дай мне руку: я через твою руку узнаю, как настроено твое сердце...

Я приблизился к нему, сел, дал руку. Он прижал ее влажными, еще двигавшимися пальцами обеих рук к груди и не отпуская во все время разговора. Николаю было что рассказать.

Просил он меня зайти вот почему: надо было для пенсии уточнить его трудовой стаж. Я тут же написал следующую справку:

«Настоящим я, Чернопыжский Дмитрий Григорьевич, бывший в 1920 году членом

Шепетовского ревкома, удостоверяю, что тов. Островский Н. А. в 1920 году, тогда еще 16-летний юноша-комсомолец, служа телефонистом комендантской роты, дежурил все время при ревкоме, принимал различные рядовые поручения ревкома. Принимал активное участие в производстве обысков городской буржуазии, которые проводились ревкомом.

В ночь эвакуации перед наступлением поляков тов. Островский Н. А. помогал добывать подводы и охранял перевозимое на вокзал имущество опродкомдива и ревкома¹.

Островский рассказывал:

— За время нашей разлуки я не переставал трудиться. Я очень счастлив — наконец нашел свое место в жизни: окончил первую часть своей повести «Как закалялась сталь». Я и о тебе там тоже упомянул... Я пришлю тебе повесть, когда выйдет.

Мы говорили тогда часа три или четыре. Под конец лицо Островского побледнело, на лбу и щеках заблестели капли пота, а рука стала совсем влажной. Было видно, что он очень устал.

Я сказал:

— Коля, тебе надо успокоиться, отдохнуть. Я приду опять...

Я был у Островского еще дважды, потом он уехал в Сочи.

Свое слово он сдержал: в декабре 1934 года я получил заказную бандероль — первую часть повести. На титульном листе рукой Раи было написано: «Дмитрию Григорьевичу Чернопыжскому, комиссару проещения г. Шепетовки в 1919 году, моему другу и учителю. Н. Островский. Декабрь 1934».

Несколько предварительных слов

Чтобы все дальнейшее было понятно, следует рассказать, как я оказался в Шепетовке летом 1918 года.

Весной 1917 года буржуазное правительство Керенского призвало оканчивающих высшие учебные заведения студентов в армию. Я тогда только что окончил в Москве училище живописи, ваяния и зодчества и стал архитектором.

Будучи мобилизован, попал на Кавказский фронт. Там был тяжело контужен.

Пришлось ехать на Украину, к родителям, которые как раз и жили в Шепетовке.

В то время вся Правобережная Украина поговору гетмана Скоропадского с германским кайзером была захвачена немцами.

Оккупанты расправлялись со всеми, кто словом и делом боролся против незваных гостей, реквизировали урожай, скот, сводили леса. Награбленное добро огромными эшелонами уходило в Германию.

Что же тогда представляла собой Шепетовка?

Николай Островский в романе «Как закалялась сталь» пишет о Шепетовке как об одном из «маленьких городишек-местечек», где «середина — городок, а окраины — крестьянские». В то время жило в ней около восьми тысяч человек.

В 1918—1920 годах в Шепетовке была только одна мощенная булыжником узкая улица — Шоссейная, которая тянулась на три-четыре километра от сахарного завода до вокзала. Мостил ее польский магнат граф Потоцкий, владелец сахарного завода и сельскохозяйственных земель вокруг, чтобы перевозить гужом на железнодорожную станцию сахар и зерно.

По обеим сторонам Шоссейной, ближе к заводу, находившемуся в центре местечка, разместились дома местных торговцев и кустарей. Это были обычно двухэтажные постройки. В первом этаже располагалась лавочка или мастерская, а во втором жил сам хозяин с семьей.

Эти дома застраивались по типу феодальных городов, когда дом к дому лепился. Между ними оставалось узкое пространство, представлявшее из себя клоаку — тут были уборные.

В центре Шоссейной улицы — базарная площадь, маленькая, грязная, немощеная, с трех сторон окруженная торговыми домами, мастерскими и заезжими дворами. На площади стояли рундуки — деревянные столы, у каждого две палки и навес. Когда петлюровцы или поляки проводили на площади парады, рундуки убирались.

Вообще-то старая Шепетовка была одноэтажной. Увидев дом, можно было точно определить, кто в нем живет: буржуй или пролетарий. Дома богатых клали из кирпича и покрывали железом или гончарной черепицей, которую изготовлял местный кустарь Ставницер, а крестьянские и рабочие избы — из бревен и штукатурили с двух сторон известковым раствором с соломой. Их и крыли соломой. Были они с маленькими, у самой земли окошками, с глиняными полами.

Все другие улицы, кроме Шоссейной, были такие узкие, что если грязно, то две

¹ «Николай Островский». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1966.

подводы не разъедутся, а если сухо — то с трудом. Улицы почти постоянно были заболоченные, пройти по ним можно было только в сапогах.

«Мы вас знаем!»

В Шепетовку я приехал в конце июня 1918 года, когда в ней хозяйничали петлюровцы с польской буржуазией. Месяца через полтора в домашних условиях я почувствовал себя значительно лучше. Есть дома было нечего, приходилось устраиваться на работу.

Архитекторы, разумеется, не требовались. Я мог заняться только педагогической деятельностью.

В 1918 году в Шепетовке было две школы: общественная гимназия и высшее начальное училище. В гимназии занимались только дети состоятельных родителей, потому что обучение там стоило дорого. Беднякам это было не под силу.

В Москве уже в 1917 году закон божий исключили из школьных программ, в шепетовской же гимназии закон божий — польский, русский и еврейский — обязательный предмет. Было чудно: приходишь на педагогический совет, а там в первом ряду весь синклит — поп, ксендз и раввин.

В гимназии я преподавал черчение и рисование.

Так как на эти предметы выделялось очень мало часов, то у меня оставалось еще много свободного времени. Я решил преподавать и в высшем начальном училище, хотя, конечно, знал, что о каком-то особом материальном обеспечении там и речи быть не может: в нем занимались дети чистейших пролетариев, шепетовской бедноты. Не мудрено, что между ребятами из училища и гимназистами существовал антагонизм.

Одноэтажное здание школы, сложенное из красного кирпича, было неоштукатурено, обшарпано. Часть окон была без стекол. Потолки и стены покрыты копотью, точно в кузнице.

Деревянный забор, наполовину изломанный, огораживал небольшой школьный двор. На дворе торчали высокие пни, трава была вытоптана, двор запущен.

Около здания школы виднелись коновязи — вкопанные в землю деревянные столбы с положенными на них жердями; к ним гайдамаки, а до них немцы привязывали лошадей.

Отправившись на переговоры в школу, я встретил на дворе группу мальчиков лет

13—14. Из этой группы выделился мальчик в поношенной сатиновой косоворотке и полосатых штанах, подхваченных ремнем с медной бляхой, босой, без фуражки. Густые волосы его были зачесаны назад, голова слегка опущена, исподлобья глядели пронзительные глаза. Таким увидел я впервые Николая Островского.

Он первым обратился ко мне:

— Здравствуйте, Дмитрий Григорьевич. Вы, наверное, хотите быть нашим учителем? Мы знаем, что вы москвич. А мы хотим много знать о Москве...

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: откуда Островский знал мое имя и отчество, как узнал меня, где слышал, что я собираюсь преподавать в школе? Ответить очень просто.

Шепетовка была сравнительно небольшим местечком. Как и во всякой деревне, «телефон без проводов» в ней работал отлично: через несколько часов после появления любого человека, — конечно, если не приезжал он тайно, ночью, если специально не скрывался, — было известно, кто он, чем дышит, зачем приехал и что собирается делать. Каждый мог узнать о приезде все, что хотел.

Что же говорить обо мне: я вернулся с фронта контуженый, многие дни отлеживался дома, у матери и отца. К тому же был я с высшим образованием, да и учился «в самой Москве». В нынешней Шепетовке специалистов сотни, но пятьдесят лет назад приезд такого человека, как я, был для местечка чрезвычайным происшествием, и о таком приезде знали все — даже до личного знакомства с ним.

Следует упомянуть и еще одно: мой отец и отец Коли были приятелями — Островский-отец приходил к нам каждый вечер покурить на завалинке.

Тогда голодно было. Достаточно сказать, что чехонь — сушеная рыба, «родная сестра» воблы — считалась лакомством.

В Шепетовке существовал натуральный обмен: если вы хотели купить, скажем, молоко или мясо, то должны были иметь для обмена рожь или другие продукты, потому что никакие деньги не шли: царские уже никто не брал — все понимали, что со старым строем покончено, — но и любые новые деньги в уплату не принимали: власть менялась иногда несколько раз за неделю и ни в одной уверенности не было. Поэтому доверяли только товарам или продуктам.

Но откуда Островские могли что-то взять для обмена? Своей земли они не имели —

Островские были беженцами: раньше жили в районе города Острога, потом бежали в Шепетовку от немцев.

Старик Островский в царское время был мелким служащим по сбору налогов с винокуренных предприятий. В Шепетовке он устроился на сахарный завод, где приемщиком жома — а потом и вообще кем придется — работал мой отец. Там они и познакомились.

Когда в конце 1918 — в начале 1919 года Шепетовку захватывали поляки, сахарный завод, принадлежащий Потоцкому, начинал работать, и старики могли кое-как свести концы с концами. При петлюровцах завод стоял, и Островским, не оседлым, не имевшим ни клочка земли, приходилось туго. Как могла, выручала мать Островского: она подрабатывала даже стиркой белья у панов — у «индюков», как звал их Коля.

Тяжело приходилось со всеми продуктами — с табаком тоже. Но мой отец имел небольшой приусадебный участок и сажал тютюк — табак-самосад. Вот старик Островский и приходил к отцу покурить.

О многом они говорили, сидя за заливкой, — разумеется, и обо мне. Видимо, Островский отец и сыну, Коле, многое рассказывал, почему тот знал и обо мне, хотя мы и не были знакомы.

Вот отчего я помню Николая Островского только с момента встречи на школьном дворе.

Председатель учкома

Заведующий училищем Рожановский встретил меня с распростертыми объятиями: учителей вообще не хватало, в училище — особенно; преподавало в нем всего человек пять. Договорились, что я буду преподавать рисование в первых двух классах, поскольку в четырехклассном училище в тот год двух старших классов не было. Занималось тогда в школе около пятидесяти ребят. Во втором, где учился Островский, все были примерно одного возраста — 13—14 лет.

Выйдя из квартиры заведующего училищем, я наткнулся на гурьбу ребят — моих новых знакомых, которые не расходились.

Ребята тут же рассказали, что с ноября 1916 года здание было занято немцами под госпиталь, а позднее превращено в казарму. Лишь недавно немецкий комендант освободил школу.

На прощанье ребята наперебой говорили о том, что их родители, заводские рабочие,

обязательно отремонтируют классы и даже сделают новые парты.

Дело в том, что школа считалась народной и должна была содержаться на средства государства. Но прошел уже почти год непрерывной смены властей и безвластия. Поэтому, будет существовать школа или нет, зависело только от учителей, учеников и их родителей.

Надо сказать, рабочие помогли в ремонте школы: заводской комитет сахарного завода решил выделить необходимые материалы — мел, доски, гвозди, стекло и прочее, помочь людьми. Большое участие в ремонте приняли сами школьники. И я думаю, что без ребят мы тогда школу не подняли бы.

Как-то само собой получилось, что Николай особенно энергично участвовал в работе: добывал материалы, привозил их, подталкивал товарищей — словом, работал в полную силу.

Вскоре ремонт классов был закончен, и в начале октября, впервые в новом учебном году, собрался педагогический совет. Вопреки старым школьным традициям мы пригласили на него нескольких старшеклассников, среди них — Николая Островского. Это было сделано для того, чтобы все ученики через своих товарищей знали о трудностях, которые испытывала школа.

А трудности были немалые: в то голодное время надо было хоть как-то поддержать учителей, да и сама школа требовала отопления и освещения. В этом деле без школьников и их родителей нельзя было обойтись.

Так возникла необходимость организации родительского комитета и — как посредника между ним и педсоветом — ученического комитета. Отныне они должны были заботиться об изыскании средств на содержание школы.

В состав ученического комитета вошли ребята из второго класса: Антонюк, Гудима, Лена Сюсько и Локтионов. Председателем учкома учителя и ученики назвали Колю Островского.

Так как никакие деньги уже не шли, решили ввести натуроплату. Установили, что каждый школьник — в зависимости от материального положения родителей — должен приносить ежемесячно от одного до четырех фунтов ржи. Учителям собирать с ребят зерно — все равно что милостыню просить. Поэтому распределение зерна поручили ученическому комитету.

Вот Островский в качестве председателя этого комитета и принимал зерно, вел соот-

ветствующие записи и распределял полученное среди учителей. Образовавшийся продуктовый фонд шел не только на оплату преподавателей. Если требовалось, скажем, подвезти дрова и нанять подвод, то Островский договаривался с крестьянами, а потом списывал несколько фунтов ржи, что шли в оплату за подвод.

В школе тогда занимались при коптилках. Школьники обязаны были принести по полстакана керосина. Тогда зимой, когда занятия происходят в сумерки, можно было зажигать коптилки.

Ребята по очереди приходили вечером в школу, чтобы протопить помещение на ночь, затем топку повторяли на рассвете и утром занимались в теплых классах.

В таких трудных условиях начался учебный год.

Работа в ученическом комитете, а еще раньше участие в ремонте школы выявили незаурядные организаторские способности Островского. И пожалуй, для того чтобы объяснить, почему именно его избрали председателем учкома, и понять некоторые дальнейшие события, следует чуть подробнее сказать о 14—16-летнем школьнике, каким я его тогда знал.

Глядя на своих детей, мы всегда думаем одно и то же: дети. Будь им хоть 20, хоть 30 лет — дети. Тем более то же самое, казалось бы, можно сказать о 14—15-летнем мальчике. Это так и не так.

Современный читатель не должен забывать, что мальчиков и девочек, своими глазами видевших войну, голод, разруху, грабежи, расстрелы, — их и сравнить нельзя с «мирными» ребятами.

Николай же Островский был на голову, что называется, на две головы выше даже «взрослых» детей восемнадцатых-двадцатых годов: за его плечами были уже и бегство с семьей от наступавших на Россию немцев и каторжный труд в вокзальном буфете. Потом он в 1917 году кочегарил на Шепетовской электростанции и даже получил опыт работы в качестве добровольного разведчика и связного большевистского подполья Шепетовки, чего я в первое время нашего знакомства еще не знал...

Я упоминал только о двух «университетах», которые проходил Коля в самой Шепетовке. А сколько еще было их в его короткой жизни? Поэтому он рано повзрослел.

Самое интересное заключается в том, что уже тогда, в 1918 году, 14-летним мальчиком, Николай Островский имел связь с большевиками-подпольщиками и с красны-

ми партизанами. Я узнал об этом гораздо позднее, когда познакомился с предревкома Иваном Линником, прототипом предревкома Долинника из романа «Как закалялась сталь». Сам Линник о начале знакомства с Островским в воспоминаниях пишет так:

«Я познакомился с Н. Островским в 1917 году у списков кандидатов в учредительное собрание. Я выступал на летучем митинге, призывая голосовать за список, по которому шла наша партия на Вольни. Вдруг подходит ко мне мальчик и спрашивает: «Что это за большевики такие?» Я разъясняю ему, и он говорит решительно: «Я буду голосовать за большевиков». Пришлось разочаровать его, сказать, что он еще не дорос. Это был Коля Островский»².

Коле тогда еще не было тринадцати...

С другими детьми почти не о чем было говорить — ну, разве о житейских делах: как живут, как родители, что делают. Но во время революции самая интересная тема — политика. А о политике со школьниками говорить было неинтересно — кроме обычных рассуждений, подхваченных от шепетовских обывателей, ничего не услышишь. Коля же, развитый не по летам, был совсем взрослым. И, обычно уклоняясь от общежитейских тем в разговорах, он со знанием дела обсуждал именно политические вопросы. Оценки его были иногда неожиданными.

Островский умел молчать о том, что не должен был рассказывать. Вспоминается один случай. Когда в первое время он расспрашивал меня о Москве, о революции, о войне, о моем отношении к немцам, полякам, петлюровцам и прочим бандитам, я разговаривал с ним, как со своим учеником. Мне и в голову не приходило, что Коля выполнял задание подпольного ревкома: выяснить, что я за человек и каково, так сказать, мое политическое лицо. Содержание наших разговоров он передавал ревкомовцам, и к моменту моей встречи с партийной группой подпольщиков те знали обо мне все, что нужно было в то тревожное время. И когда Линник предложил мне войти в ревком в качестве комиссара просвещения, я согласился — к немалому удовольствию ученика второго класса Николая Островского, — ведь это он меня «завербовал»...

² Архив Музея Николая Островского в Москве.

«От можа до можа»

В ноябре 1918 года по Шепетовке разнесся слух: приезжает маршал Пилсудский. Стало известно, что небольшой польский гарнизон, сменивший немцев, готовится к параду, а польская общественность — к приезду ясновельможного гостя. Заводская верхушка тоже решила принять участие в церемонии.

Еврейскую общину обязали прибрать базарную площадь и устроить достойную встречу маршалу. И хотя еврейское население совсем не было расположено чествовать Пилсудского, оно выполнило распоряжение об уборке площади, так как знало, чем грозило невниманию к гостю.

И другие жители отнюдь не горели желанием участвовать в затеваемом маскараде — это хорошо понимали местные поляки. Но никто не возражал: евреи опасались погрома, русские и украинцы — арестов.

В напряженном ожидании прошло несколько дней...

Раннее октябрьское утро. Сыро и пасмурно.

К базарной площади, с трудом вытаскивая ноги из густой уличной грязи, медленно движутся люди.

В проездах и на задворках небольшими группами уже собираются обыватели. Озабоченно переговариваются, шущукаются, обсуждают последние слухи.

Между ними протискиваются, направляясь в школу, ребята. Останавливаются, прислушиваются к разговорам взрослых и застревают, не дойдя до школы.

Не обошлось и без Николая — он захотел увидеть все, что произойдет. Вот что рассказал он мне на следующий день.

На базарной площади установили небольшой дощатый помост. С четырех сторон его окружил отряд пилсудчиков.

В центре, перед помостом; стояли высшие офицеры и местная польская знать, а во главе их — ксендз в черной сутане, с серебряным крестом на груди.

Ждали долго. Наконец около одиннадцати часов со стороны вокзала подъехал забрызганный осенней грязью «форд» и остановился у въезда на площадь.

Подали команду «смирно». Из машины вылез Пилсудский. К нему подошли два офицера, отдали рапорт. Пилсудский поздоровался с солдатами. Затем просеменил ксендз и протянул крест. Маршал, как положено, поцеловал крест.

Последовал короткий молебен — гость торопился, потом Пилсудский произнес речь.

Ясновельможный пан сообщил, что давняя мысль о создании великой Польши — «от можа до можа», то есть от моря до моря, от Балтийского до Черного — близка к осуществлению: скоро будет захвачен Киев. Он признал, что украинское население не поддерживает идею великой Польши, где украинцы будут лишены всяких прав. Что украинцы организуют повстанческие отряды, поджигают поместья, нападают на польские воинские части.

Призвав солдат к решительной и беспощадной борьбе, Пилсудский наскоро простился, сел в автомобиль и отбыл на другие парады в другие местечки.

По окончании церемонии Коля встретил польских школьников. Он удивился: ребята прикрепили на пиджаки алюминиевые бляхи, подаренные ксендзом, с орлом из польского государственного герба. Голова орла — украинцы прозвали его петухом — была повернута на восток. Кроме того, по наущению ксендза с этого дня ребята стали разговаривать со своими товарищами только по-польски.

Парад и речь Пилсудского на всех нас подвешивали удручающе: сложилось впечатление, что поляки надолго застрянут в Шепетовке. Но, помню, рассказав о параде, Николай в сердцах бросил фразу:

— Ну, сукины дети, недалеко то время, когда повернем мы голову петуха с востока на запад!..

Бандиты мельчают — парад принимает полковник

Не могу припомнить, сколько раз менялась власть в Шепетовке — сколько раз захватывали ее немцы, гайдамаки, белополяки, петлюровцы, разные маруси и прочие. Иногда два-три «хозяина» менялись за неделю. Одним из таких факиров на час стал на короткое время петлюровский полковник Голуб, бывший царский прапорщик, агроном по специальности.

Весной 1919 года положение у пана полковника было неважное: храброе воинство его понемногу разбежалось, поддержки населения он не имел. Да и о какой поддержке могла идти речь, если петлюровцы жили за счет того, что грабили население?

Вот в это время Голуб и решил приподнять моральный дух своего воинства. В начале он устроил еврейский погром, описанный Островским в романе, затем разослал

по местечку верховых, от его имени приглашавших жителей на войсковой парад. Не забыл Голуб и про школьников, которые должны были прийти организованно и «с национальным флагом».

Не пойти нельзя было: сразу станет понятно, что не выходим мы демонстративно. Но с каким флагом выходить?

Со дня свержения царя мы считали своим национальным флагом красный, за который сейчас расстреливали на месте. А «национальный украинский флаг» мы никогда не выдвали. Это была такая же загадка, как петлюровский герб — трезубец.

Пришлось обратиться за разъяснением к самому Голубу. Это сделал Николай при содействии дочери вокзального буфетчика Паньковского — у него он раньше самовары разжигал — гимназистки, невесты пана полковника. («Пышногрудая, с ржаными волосами девица», — так описал ее Островский в романе. Через несколько дней после парада Паньковская бежала вместе с Голубом из Шепетовки.) Паньковская сообщила, что украинский «жовто-блакитный флаг» состоит из двух горизонтальных полос — желтой и голубой.

Но не так-то легко было смастерить «жовто-блакитный»: у местных торговцев не нашлось цветной материи. Тогда мы решили выкрасить отдельно в желтый и голубой цвет две полосы белой материи, и Николай раздобыл где-то краску. Он трудился с большим энтузиазмом, можно было подумать, что он работает на революцию.

Я иронически смотрел на него, но он делал вид, что ничего не замечает. В чем дело, я понял только тогда, когда помогавшие в работе ребята ушли и мы остались вдвоем: оказалось, что Островский выкрасил не две, а три полосы — третья была красной.

— Надо взять на парад красный флаг, — сказал он.

Мягко выражаясь, я возражал против его затеи: за красный флаг петлюровцы жестоко расправятся не только с заведующим и с Николаем, но и с учителями и школьниками. Пока я говорил, Коля молчал. Я был уверен, что убедил его. Мы попрощались и разошлись по домам.

На следующее утро строем мы пошли на базарную площадь, где должен был состояться парад; в голове колонны шли ученики, а в хвосте — учителя. Коля держал флаг. Помня о нашем вчерашнем разговоре, я с тревогой поглядывал на него, но все было в порядке — он нес «жовто-блакитный».

На площади школьники построились по два в ряд. С левого фланга колонны стояли преподаватели во главе с Рожановским, крайним справа был ученический комитет во главе с Николаем. Порядок поддерживали цепи конных и пеших петлюровцев.

Собравшаяся публика грызла семечки в ожидании приезда пана полковника. Потом залыхавший верховой прокричал сотнику отряда о приближении Голуба, а вскоре пожаловал и он сам в сопровождении старшин.

Все спешились, была подана команда к парадному маршу.

Когда Рожановский на мгновение отвлекся от созерцания конного оркестра и петлюровских эскадронов и посмотрел направо, он замер от страха: в руках у Островского был «национальный украинский флаг» с пришитым к нему красным полотнищем. Не заметить его нельзя было. Просто загадка, как Островский смог так быстро прицепить красный флаг. Коля держал флаг высоко и твердо.

Пока Рожановский испуганно переглядывался с учителями, Голуб, стоявший спиной к школьникам, приветствовал свой отряд и желал ему успехов в боях с врагами самостийной Украины. Затем он со свитой сел на лошадей и отбыл в сторону вокзала.

Николай с легким сердцем перенес выговор заведующего и навсегда потерял его доверие...

Как же могло случиться, что инцидент с флагом, который видели сотни людей, сошел Островскому с рук? Ответ прост: Голуб на школьников внимания не обратил — у пана полковника были другие заботы, а кроме него, очевидно, никто не имел ясного представления о «национальном украинском флаге». Может, если бы петлюровцы были более «образованны», мы никогда не встретились бы с Павкой Корчагиным...

«Вот это дайте мне прочесть»

Преподавание в училище велось на русском языке, потому что родители категорически требовали преподавать на русском, ребята — тоже. Родители говорили:

— Научите наших детей балакать по-русски, а по-украински мы сами их научим.

Нет ничего удивительного в том, что Коля привязался к Марии Яковлевне Рожановской, которая преподавала русский

язык. И тогда и позже он очень тепло о ней отзывался, в отличие от ее мужа, заведующего училищем Рожановского, которого недолюбливал за украинский национализм.

Мария Яковлевна была культурной и образованной женщиной, с прогрессивными взглядами. Она прекрасно понимала, что будущее за социализмом, и верила в него вместе с нами. Мы не знали, конечно, когда и как он наступит, но прекрасно понимали, что страна стоит на пороге новой эры.

За Рожановского Мария Яковлевна вышла замуж вторично. От первого брака у нее было два сына: старший, моряк, плававший где-то за границей, и младший, Шурка Локтионов, одноклассник и друг Островского, будущий комсомолец.

Жили Рожановские тут же, на территории школы, и Коля часто забегал к Шурке. Все мы, учителя, хорошо знали быт каждого ученика. Что Островские очень бедствовали, ни для кого не было секретом. По этой причине Мария Яковлевна часто оставляла Колю обедать, а если видела его до начала занятий, то приглашала завтракать. Но в мальчике жила какая-то неистребимая гордость. К тому же Коля, энергичный и решительный во всем, что относилось к революции или общественным делам, в том, что касалось его лично, был необыкновенно застенчив. Услышав от посторонних приглашение к столу, он тут же порывался сбежать. Но тогда Мария Яковлевна молча вставала на пороге, и в такие моменты спорить с ней было бесполезно.

Купить книжки тогда негде было. И поэтому непосредственный рассказ учителя, урок, оставался почти единственным источником знаний.

У Рожановских нашлось несколько школьных книжек, и они давали их ребятам на очень короткое время — на час-два. Брал их и Коля. Но интересовали его не только учебники.

Вполне естественно, что Коля расспрашивал Марию Яковлевну о России, и она много рассказывала ему. Одной из тем их бесед были также литература и искусство. Бывая у Рожановских, Островский с завистью смотрел на их небольшую библиотеку. Скоро он так освоился, что приходил запросто к Марии Яковлевне и говорил, выбрав какую-то книгу:

— Вот это дайте мне прочесть.

Конечно, Мария Яковлевна никогда ему не отказывала.

«Умры, умры, мий индыку»

Когда вспоминаешь о школьнике Коле Островском, то прежде всего перед глазами встает его улыбающееся лицо: он почти всегда — кроме очень редких минут — улыбался, почти всегда был в хорошем настроении. Можно сказать, что по натуре своей Островский был ярким оптимистом и никогда не унывал.

У Коли было мужественное красивое лицо. Небольшого роста, худенький, подвижный, он с первого же взгляда производил впечатление энергичного и смысленного паренька.

А каким Коля был обаятельным!..

Даже не могу точно сказать, в чем заключалось его обаяние: во всегдашней ли улыбке, в обычной ли доброжелательности или в совсем взрослых рассуждениях.

Островский обладал даром сразу, с первой минуты знакомства вызывать симпатию собеседника, располагать к себе, завоевывать доверие. Вот и мне в день знакомства на школьном дворе он сразу понравился, потому что обратился как-то особенно: чрезвычайно просто, точно мы старые знакомые, однако без какого бы то ни было намека на развязность или фамильярность. Это трудно объяснить: «секрет» заключался не в словах — фразы были обычные, а в том, как он произнес их, как смотрел, как улыбался.

Все мы знали: на Колю можно положиться, можно послать с любым секретным заданием. И он не выдаст, никому никогда не скажет, куда и зачем идет, что делает. Ему можно было сказать любую вещь в полной уверенности, что он никому ничего не разболтает. И вместе с тем паренек он был горячий. Если что-то было не по нему, вспыхивал как порох.

Сын бедных родителей, он ненавидел богатеев.

Обычно Островский говорил спокойно, но когда был взволнован, говорил отрывисто, что называется, рубил сплеча. Например, если надо было что-то сделать, а ребята ленились, он «взрывался» и начинал «рубить» — очень звонко говорил так:

— Не хочешь, иди в гимназию: там папа сошьет тебе мундир с золочеными пуговицами, и будешь гулять! А у нас работать надо!

Это была его любимая фраза, повторял он ее часто.

Помню и другое любимое выражение Коли.

Дело в том, что в ту пору некоторые

ребята матерщинничали. От Островского же я никогда не слышал мата, в трудные минуты он только говорил:

— У, едят тебя мухи!

Или:

— Пусть едят тебя мухи!

В романе это выражение Островский передал брату Павки — Артему. «По-братски»...

Вот еще что характерно: мы с ним были на «ты». Единственный случай в школе — обычно ребята педагогов называли по имени-отчеству и на «вы». Коля же, хотя никогда и не обращался ко мне просто по имени, только Дмитрий Григорьевич, но — на «ты».

Николай любил петь. Это была типично украинская черта: в тяжелое время он обращался за помощью к песне. И песня помогала. В такие минуты Островский говорил товарищам:

— Ребята, поляки нас донимают. Давайте сегодня организуем в клубе выступление хора.

Хор был школьный — пели ученики. Рожановский, руководитель хора, великолепно дирижировал. Ребята охотно ходили на спектакли, которые устраивались в школе. Выступали с хоровыми представлениями в клубе сахарного завода.

Что же представлял из себя клуб? Это было деревянное, оштукатуренное с двух сторон здание, состоявшее из сеней и небольшого зала, примерно равного по размерам двум классам современной школы. В холодное время топились две печи, но все равно люди сидели на простых дощатых скамьях, не раздеваясь, в платках и шапках.

Первые ряды занимала польская и петлюровская знать. А наш брат, украинец, сидел подальше или стоял.

Коля пел вместе со всеми и исполнял также обязанности конферансье. Впрочем, по сегодняшним понятиям, он скорее был ведущим — не острил, не рассказывал какие-то интересные истории, не придумывал ничего, чтобы позабавить публику. Просто в начале концерта Островский, в сапогах, темной косоворотке, своих полосатых штанах и в одолженном у кого-то пиджаке, выходил вперед и говорил примерно так:

— Сегодня у нас хоровое представление с такой программой...

Пели только украинские песни, не помню, чтобы когда-нибудь исполняли хоть одну русскую.

Тому была причина: исполнение именно украинских песен — и по-украински —

было своеобразной формой протеста против насильственной полонизации Украины.

Пели любимые украинские песни: «Реве та стогне Дніпр широкий», «Гей ви, хлопці, слави молодці», «Ничь твоя, господи, мисячна, зоряна» и другие. Выступали ребята и с любимой сатирической песней.

Учтите, напыщенные и надутые белополяки знали, конечно, что украинцы зовут их индюками. И вот прямо в лицо неется песня — я запомнил из нее одно четверостишие:

Умры, умры, мий индюку,

Поховаю на смитнюку.

Буду смиття вымитати

И про тебе вспоминати.

Это было очень смело. Поляки предпочитали «не понимать» настоящего, политического смысла куплетов и должны были аплодировать, потому что «из песни слова не выкинешь» — даже такого, ненавистного...

Коля был горячий малый. Лишь много позднее научился он себя сдерживать. И позже, в романе, он заставил, например, Павла Корчагина, который в холодное время работал на прокладке железнодорожной ветки, принять теплую куртку, присланную Ритой Устинович, и валенки, подаренные Федором Жухраем. Это было разумно. Но в жизни Николай поступал совсем не так. Мне рассказывал Дмитрий, старший брат его, следующее.

После окончания гражданской войны Островский, выйдя из госпиталя, работал в железнодорожных мастерских и учился в электротехнической школе Юго-Западной железной дороги. Как известно, комсомольцы решили помочь заготовить к зиме дрова для Киева. И Николай отправился вместе со всеми налегке, не взяв теплых вещей.

На станции Боярка под Киевом, куда приехали комсомольцы, стоял холодный барак, нежилой, нетопленный. Вот в нем поселились несколько сот ребят и девочек, которые пилили лес, нагружали в вагоны и подвозили к вокзалу. Спали на холодном полу. Островский простудился, что называется, капитально.

Узнав об этом, Дмитрий прислал ему валенки. Вы думаете, Николай надел их? Как бы не так! Он наотрез отказался и вернул их брату. Больше того, Николай обиделся — это ударило его по самолюбию: у других ведь валенок не было, что он, слабеет ребят?

В середине марта 1919 года усилились схватки петлюровцев и поляков с красными повстанцами.

Школьная жизнь снова замерла. Я не видел Николая более недели. При очередной встрече он с увлечением рассказал о знакомстве с красными повстанцами. Слыша выстрелы, он не мог спокойно сидеть дома и отправился в том направлении, откуда доносилась ружейная стрельба. В селе Плесне он натолкнулся на загорелых молодых парней, опоясанных патронными сумками. Они были в простой рабочей одежде, а на их измятых шапках красовались алые ленты. Это были красные кавалеристы. Николай провел с ними несколько дней, подружился и так увлекся их боевыми делами, что совсем забыл о доме.

Коля быстро завоевал их доверие. Командир отряда поручил ему вернуться в Шепетовку и собрать некоторые сведения о петлюровских частях. Николай выполнил эту задачу. Это было первое задание, полученное им от красных бойцов. Он и не заметил, как стал неплохим красным разведчиком.

Петиция

В конце марта 1919 года в Шепетовке появился отряд сечевиков. Усилилась охота за местными большевиками. Коля рассказал мне об этом со слов Линника. Вскоре петлюровцы арестовали членов подпольного большевистского ревкома рабочих сахарного завода Линника и Клопотовского. Арестованных увезли в Ровно, в штаб петлюровцев.

К тому времени я был уже хорошо знаком с Линником. Он иногда даже присылал мне с Колей советские украинские газеты. Знать, что Линник и Клопотовский в тюрьме, что может случиться самое худшее, — знать это и ничего не делать для их освобождения было невозможно. Но как их освободить?

Я уже говорил, что положение в то время было сложное. Поляки и петлюровцы то воевали друг с другом, то объединялись для совместной борьбы против большевиков.

Иногда случалось так: в Шепетовку одновременно входили и белополяки и петлюровцы, между ними начиналась перестрелка. Потом становилось известно, что они заключили между собой что-то вроде альянса и договорились, что поляки наступают на красных в одном направлении, петлюровцы — в другом. А как будут делить между собой власть, решат потом.

В дни ареста Линника и Клопотовского поляки были сильнее. Петлюровцы стара-

лись завоевать симпатии местного населения. Поэтому мы надеялись, что при определенных условиях арестованных отпустят.

Чтобы выручить Линника и Клопотовского, была составлена петиция, где говорилось, что арестованные всегда вели себя корректно и, по-видимому, кем-то оклеветаны. Что хотя они и большевики (это петлюровцы и без нас хорошо знали), но не выступают против украинской власти, представителями которой считали себя петлюровцы.

Конечно, это была правда — с той только «маленькой» поправкой, что подпольщики выступали за Советскую украинскую власть, а, разумеется, не за бандитскую власть Петлюры...

Взрослые нерешительно и боязливо собирали подписи, поэтому к этой работе привлекли ребят. В частности, много домов обошел Коля; приходил он и ко мне. Обращение подписали десятки уважаемых людей Шепетовки.

Как ни удивительно, но по упоминавшейся уже причине петицию встретили благожелательно: Линник и Клопотовский избежали расстрела и 1 мая 1919 года были амнистированы и вернулись в Шепетовку, уже захваченную белополяками. А так как оставаться здесь было опасно — в любую минуту их опять могли арестовать, — они перешли на нелегальное положение и вскоре скрылись из местечка. Вот тогда белополяки и петлюровцы всполошились и начали их усиленно разыскивать, но найти не смогли...

Красный флаг над Шепетовкой

Дни были тревожными, а ночи не лучше. Ночами врывались в дома, грабили, убивали. Поэтому, когда на рассвете 9 мая 1919 года постучали в окно моей избы, я отозвался не сразу: мало ли кто рвется в дом в ночную пору...

Стук повторился. Я начал одеваться, не откликаясь. Постучали еще раз, настойчиво и продолжительно. Я подошел к двери и спросил:

— Кто?

— Петлюровцев и поляков уже нет. Ты очень нужен Линнику, он просит, чтобы ты пришел в волостное управление, — это ответил хоть и охрипший, но знакомый голос Коли.

Мы ненадолго задержались в сенях, и он торопливо сообщил, что белополяки бежали, а в Шепетовку с отрядом красных вернулся Иван Линник и организует революцион-

ный комитет. Коле поручили пригласить еще несколько товарищей, он торопился...

Ревком уже гудел, как улей; я застал там Линника, других знакомых подпольщиков и незнакомых вооруженных людей. Около них, прижавшись к краю стола, подремывал Коля.

Когда я вошел он проснулся и, пока Линник был занят, рассказал, где провел всю прошлую неделю. Оказалось, узнав, что Линник скрылся, Коля, не задерживаясь, направился по его следам. На счастье, по пути он наткнулся на отряд красных, руководимый Линником, и вместе с ним вернулся в Шепетовку.

Встреча с Иваном Линником была взволнованной и радостной. Он напомнил о данной мной подпольной группе большевиков обещании войти в состав ревкома и просил помочь в быстром налаживании ревкомовского аппарата.

Вслед за тем состоялось первое заседание ревкома. Повестки дня не было, и предложили начать с рассмотрения неотложных вопросов. Тогда каждый член ревкома стал выдвигать вопросы, казавшиеся ему первоочередными, и получилось, что все вопросы срочные.

Сразу же решили устроить встречу членов ревкома с населением. Мне поручили составить обращение с призывом присутствовать на общем собрании. Текст я тут же написал, его обсудили, приняли и решили опубликовать. Но напечатать обращение было нелегко.

Дело в том, что никаких — ни денежных, ни иных — средств у ревкома еще не было, а владелец типографии, как мы знали, к Советской власти относился недружелюбно. Мы сомневались, согласится ли он выполнить просьбу ревкома. Присутствовавшему тут же Коле поручили пригласить владельца типографии на заседание.

Наши опасения оказались напрасными: тот довольно легко согласился напечатать объявление, но добавил, что не сможет заставить наборщика работать бесплатно.

По нашему предложению Коля направился к наборщику типографии, который вначале отказался печатать объявление. Как потом рассказал Островский, старик ответил:

— А что со мной будет, если снова вернутся поляки или петлюровцы? Моему хозяину отрежут бороду. Это ничего. Это не страшно — борода будет новая. А что будет с моей головой? С моими кишками? Где возьму новые? Они в этом деле больше мастера.

Коля сказал:

— Ты за кого? За петлюровцев, от которых не так давно прятался? Ты за атамана Голуба?

Наборщик задумался, потом спросил:

— А как ты думаешь, большевики справятся с этими бандитами?

— А как ты думаешь, — ответил вопросом на вопрос Островский, — полмиллиона большевиков в России — это жук на палочке? А большевики среди украинцев и поляков?

В конце концов он убедил старика набрать текст, а потом вместе со школьными товарищами расклеил объявление по городу и на железнодорожной станции. Там же он увидел товарный вагон, на котором было прибито красное полотнище с надписью «Агитлетучка».

Дежурный красноармеец агитлетучки дал ему большую охапку газет и свертки платков, и счастливый Коля прибежал в ревком — он не знал, что делать с таким богатством.

Члены ревкома предложили плакаты и газеты расклеить по улицам Шепетовки. Коля со школьными товарищами бросился выполнять новое поручение. Потом он нередко с восторгом вспоминал содержание многих плакатов, среди которых ему особенно врезался в память знаменитый плакат: «Ты записался добровольцем в Красную Армию?» Впоследствии Николай часто навещал агитлетучку и расклеивал плакаты по местечку.

Так прошел первый трудовой день ревкома.

Наступил второй.

В неустроенном помещении из двух комнат, где было по одному столу и несколько некрашенных табуреток, плавали тучи марочного дыма, здесь толпилось много народу: красноармейцы, крестьяне, рабочие, просто любопытные, пришедшие посмотреть на первых представителей Советской власти.

Красноармейцы хлопотали о продовольствии и фураже, требовали крестьянские подводы для тыловых обозов. Беженцы просили материальную помощь или бесплатные билеты для проезда на родину. Торговцы боялись открывать лавчонки и спрашивали, можно ли продолжать торговлю.

Колю особенно интересовали лихие чубатые кавалеристы с красными бантами на груди.

Первоочередными задачами ревком призвал организацию связи и охрану ревкома и Шепетовки. В качестве телефониста пригла-

силы Николая. Он был очень сметлив, подвижен, хорошо знал местное население, помнил все фамилии.

Работа в ревкоме Островскому нравилась до страсти, да и ревкомовцы его полюбили. Помощников у ревкома на первых порах было не особенно много, и поручения сыпались на мальчика со всех сторон. Надо сказать, что любое задание он выполнял четко и без промедления.

Но вот начались школьные занятия. Надо было закончить учебный год, а работу в ревкоме Островский не хотел бросать.

Выход нашел Линник: он предложил зачислить Колю в комендантскую роту и возложить на него охрану помещения во время дежурств членов ревкома. Мальчик с радостью согласился: еще бы, ведь он стал бойцом, ему вручили солдатскую винтовку!

Приглядевшись к жизни комендантской роты, он вспомнил о красных кавалеристах. В комендантской роте ему было скучновато. Это, по его мнению, всего лишь сторожевая охрана ревкома и уездной чека, которая снабдила роту оружием. Бывало так, что чека поручала ей слежку за петлюровскими бандами.

В середине мая состоялось заседание школьного совета — учителей, родительского и ученического комитетов. У всех было приподнятое, торжественное настроение. На повестке дня стоял один вопрос — возобновление занятий.

Заседание началось необычно: все хотели говорить, и первые несколько минут все говорили одновременно. Потом навели порядок и стали выступать по одному.

Предлагали занятия начать немедленно и закончить их к началу июля или даже августа.

В те дни, еще до прихода красных, Коля много раз говорил, что, когда на Украине утвердится Советская власть, она обязательно предоставит школе хороший барский особняк — он читал в попавшейся ему советской газете, что большевики так поступали с барскими особняками в России. Вот и теперь он упрямил меня убедить членов ревкома отдать под школу особняк Собещанского, управляющего сахарным заводом, — двухэтажный дом с большими залами, с лужайкой перед ним, которую можно было использовать под площадку для гимнастических упражнений и отдыха. Я обещал эту просьбу поддержать.

На очередном заседании ревкома, когда зашла речь об использовании особняка ба-

жавшего Собещанского, я высказался за передачу его школе. К сожалению, доводы мои показались неубедительными, я остался в одиночестве.

Большинство считало, что представительный барский особняк должен занять ревком, как орган Советской власти, чтобы таким путем продемонстрировать, так сказать, власть пролетариата над буржуазией. Может быть, мои товарищи и были правы, но Николай, узнав о решении, расстроился.

Он ведь уже побывал в пустовавшем особняке, мысленно распланировал кого куда. Впрочем, время было такое, что некогда было долго огорчаться.

Коля аккуратно посещал школу, а после уроков бежал в ревком. В дополнение ко всему он стал еще и ревкомовским связистом, потому что энергии у него было слишком много и надо было ее куда-то девать вечерами, когда занятия в школе уже кончались, а ночное дежурство еще не начиналось.

Островскому нравилось отвозить служебные пакеты коменданту вокзала и получать у него почту для ревкома. Но, думается, особенно приманивал его агитпоезд, откуда он привозил кипы газет и брошюр, а также — красивые конники, которые по своим делам приезжали на вокзал.

К пехоте Николай относился безразлично. Зато рассказы лихих и бесстрашных кавалеристов в буденовках со звездами он мог слушать часами...

У кого-то возникла мысль организовать школьный ларек, где на советские деньги можно было бы купить книги и необходимые принадлежности для занятий в новом учебном году. Ребята уже беспокоились об этом.

Но где взять деньги, да и у кого можно все купить? В Шепетовке ничего нельзя было приобрести: мелкие торговцы отказывались продавать что-либо на советские деньги и до поры до времени припрятали школьные товары.

Специально собравшийся школьный совет, на котором очень горячо выступал Островский, одобрил идею организации школьного кооператива. Решили, что весь процесс — от сбора средств до распределения закупленного — должен осуществлять Островский, выбранный председателем кооператива, под руководством заведующего школой. Закупку необходимых принадлежностей за пределами Шепетовки поручили мне.

Вскоре с мандатом ревкома я побывал в губернском городе Житомире и поручение

выполнил. Коля уложил все добро в специально приспособленный им для этого шкаф.

К председателю кооператива приходили товарищи, каждый раз требовали открыть шкаф и показать, что именно получено, восхищенно смотрели, засыпали вопросами, когда начнется продажа, и огорченно вздыхали, услышав, что продажа откроется лишь к началу занятий, осенью.

Немного смешно и грустно сейчас вспоминать, что все привезенные мной школьные принадлежности и учебные пособия, вызвавшие такой бурный восторг и ликование ребят, поместились на одной полке небольшого Колиного шкафа...

Предревкома Линник часто навещался в школу, видел тесноту и убогую обстановку. Всякий раз ребята забрасывали его вопросами о новом помещении, и Линник еле успевал отшучиваться. В конце концов он сдался и пообещал, что ревком отдаст школе особняк Собецанского, о котором так мечтали дети. Все закричали «ура!», и Линник вместе со всеми тоже кричал «ура!».

В начале июля в девять часов утра ребята и учителя собрались в один из классов. Все оделось празднично, настроение было приподнятое. Все стояли.

После небольшого вступления Рожановский прочел акт о переводе ребят в следующий класс. В числе прочих Николай Островский стал учеником третьего класса. В заключение все спели «Заповит» Шевченко. Так закончился учебный год.

К окончанию учебного года ревком предоставил школе особняк Собецанского, и работа закипела.

Комнаты особняка остались чистенькими, все стекла — целыми. Только кое-где на стенах еще висели приклеенные объявления ревкома и плакаты, но с этим нетрудно было справиться позднее. В первую же очередь ребята решили заняться подготовкой площадок для гимнастики и игр.

Как я уже говорил, перед особняком была открытая лужайка. С трех сторон ее окружали высокие липы и кусты сирени, а с четвертой был заросший спуск к небольшому пруду; за ним высились корпуса сахарного завода. Вот эту-то лужайку ребята и решили за лето превратить в спортивную площадку.

Прежде всего Коля выхлопотал в ревкоме разрешение на бревна из помещицкого леса и наряд на три подводы. Прошло не больше недели, как ребята смастерили кольца, турник, параллельные брусья, установили скамьи, разбили спортивные пло-

щадки, из которых одна — для игры в гордки — пользовалась наибольшим успехом.

Весть о спортплощадке мгновенно разнеслась по Шепетовке, сюда повалили ребяташки. В любую погоду с утра до позднего вечера здесь было полным-полно ребят — от дошкольников до взрослых парней.

После устройства спортплощадки начали готовить к новому учебному году школьные помещения. У нас должны были быть четыре классные комнаты вместо двух в старом здании, учительская, зал для собраний и игр. Школе до зарезу нужна была и библиотека, в организации ее Коля также принял самое горячее участие.

Часто собирался учком, на котором мне приходилось присутствовать, и каждый раз заходил разговор о том, где взять книги для библиотеки. Все думали, гадали... Год спустя выход нашелся, но об этом речь впереди.

Однажды после очередного посещения агитпоезда Островский принес «сверх программы» цветные плакаты. Один из них особенно полюбился Коле — он даже решил повесить его в библиотечной комнате. Я видел, как Островский, развернув плакат, всматривался в рисунок и вчитывался в подпись: «Тільки братська спілка Радянської України с Радянською Росією визволіт ратників та селян от всесвітніх грабників, та ворогів, куркулів та гетманів».

Я как-то спросил:

— Коля, почему так часто разворачиваешь этот плакат?

Он улыбнулся и ответил:

— Потому что русские товарищи помогут избавиться нам и от польских панов.

Коля прикрепил над классной доской небольшой портрет Ленина, вырезанный из какой-то газеты. Он был невелик, без рамки. Ребята приклеили портрет к листу белой бумаги, а по краям ее провели красные полоски.

Помню и еще один портрет Ленина, который Коля принес вместе с плакатами. В школе был хороший вестибюль. Вот этот вестибюль он оклеил плакатами и повесил портрет Ленина, который сам окантовал.

Если в первые дни Советской власти народ приходил в ревком больше поглядеть, «яки ж таки ревкомовцы», то потом к нам шли уже потоком с конкретными делами и вопросами.

Приходило много крестьян-бедняков, спрашивали, будут ли делить помещичью землю, и если да, то когда начнут. Кто будет

собрать свеклу и вновь засеять свекловичные поля.

Приходили солдатские вдовы, просили материальной помощи и защиты от притеснений родственников погибших мужей...

Члены ревкома выезжали в села, созывали сходки, рассказывали о важнейших мероприятиях Советской власти. В этих поездках Линника и меня сопровождал Николай. Выбрали его вот почему.

В ту пору всякое случалось — время было тревожное. Поэтому выезжать без охраны, в одиночку, не стоило. Но в тогдашних условиях мы считали очень важным, чтобы крестьяне не подозревали, что к ним приехали вооруженные люди, — ведь оружие требовалось для защиты не от них, а от бандитов. А в 15-летнем подростке никто не мог заподозрить охранника, да и наган он прятал под шинелью, в каких ходили многие. Позже, когда в комендантскую роту поступила партия конфискованного оружия, я передал Коле маузер; во время наших поездок он зарывал его в солому на дне телеги.

Во время поездок Коля не пропускал ни одного митинга, особенно вначале. Он жадно слушал все выступления Линника. Потом, когда, так сказать, требовалось по ходу дела, Островский оставался в телеге и тогда, незаметно наблюдая за происходящим, читал книги или занимался.

Возвращаясь в Шепетовку, Островский много рассказывал о виденном и слышанном сверстникам, которые постепенно принимали все большее участие в общественной жизни. Эти несколько ребят образовали первую школьную комсомольскую ячейку — именно они положили начало комсомолу Шепетовки.

В ревком Коля приходил обычно во второй половине дня. Он дежурил у телефона и прочитывал все газеты и книги, которые получал для ревкома в агитлечушке. Особенно жадно интересовался он всем, что связано с Лениным и с Советской Россией, и часто рассказывал об этом. Не удивительно, что Островский больше других ревкомовцев знал об обстановке в России.

После вечерней работы Коля часто оставался на ночное дежурство у телефона. Не раз и мне приходилось дежурить с ним ночью.

Ночи тогда были тревожными: в окрестностях Шепетовки бродили петлюровские банды.

При керосиновой лампе мы с Колей, сменяясь, дежурили у телефона, поглядыва-

вая на стоящие в углу две винтовки — единственное наше оружие

Опять белополяки

В ночь на 16 августа 1919 года в мою избу постучали. Слегка отодвинув занавеску окна, я разглядел два знакомых силуэта и открыл дверь. Вошли Иван Линник и Коля. Линник очень торопился, был возбужден и просил не зажигать света.

Он рассказал, что советские войска, быстро наступавшие на Варшаву, отрезаны польскими частями, которые приближаются со стороны Львова к Шепетовке. Поэтому политотдел предложил всем коммунистам оставить Шепетовку и уйти в подполье или влиться в партизанские отряды.

Беспартийным ревкомовцам рекомендовалось по мере возможности не скрываться и поддерживать связь с партизанами.

Скоро Линник и Коля исчезли в темноте. К вечеру следующего дня появились «канарейчики» (так местное население называло служащих польской политической полиции, носивших фуражки с желтым околышем) и пилсудчики.

Поляки, очевидно готовя к массовым арестам, приступили к срочному ремонту старой тюрьмы. Затем они освободили часть соседнего больничного здания, где разместились дефензива — польская политическая полиция.

С первого же дня оккупации украинский язык был полностью исключен: объявления, приказы, разговоры — все только польски.

Вскоре появились первые приказы на польском языке: предписывалось в течение суток сдать имевшееся у населения оружие. За невыполнение — расстрел.

Объявлялась крупная денежная награда за поимку Ивана Линника.

Сообщалось, что гражданская власть сосредоточивается в руках польского старосты, что польские денежные знаки, злоты, обязательны к приему. Что польский язык отныне становится государственным языком на Украине...

В общем о многом писалось в приказах. Староста вызвал Рожановского. Разговор был короткий: немедленно освободить самовольно занятый под школу особняк Собещанского. В будущем же, как сообщил староста, в Шепетовке останутся лишь польская школа и общественная гимназия. Польская казна может содержать и украинскую школу, но тогда педагоги должны освоить польский язык, принести

присягу на верность Польскому государству и подписать специальную декларацию.

Не зная о разговоре Рожановского со старостой, я наведалься на школьную площадку, где застал много ребят. Коля был там же.

Школьники наивно полагали, что паны не посмеют расправиться с украинской школой. Такого же мнения был и Николай, который не любил гимназистов за их пренебрежительное отношение к украинской школе, а польскую школу — за то, что от нее «сильно ксендзом пахнет», по его выражению.

В первые же дни оккупации Коля как-то переменялся, стал более сосредоточенным и скрытным. Он безразлично относился к усилиям учителей и ребят, пытавшихся возобновить занятия в нашей школе, и часто жалел, что ревком не организовал боевых дружин и что панские сынки так легко, без всякого сопротивления захватили Шепетовку.

Коля не мог успокоиться. Он жаждал борьбы. В которой раз он говорил, что в эти дни его место не в школе, а в Красной Армии...

Из особняка Собещанского нас, конечно, выбросили. Школьный совет, собравшийся на квартире у Рожановского, решил возобновить занятия с сентября, собрать деньги и арендовать под школу две избы. Так и сделали. В середине сентября начали занятия два старших класса.

Коля признавался, что не видит смысла в дальнейшей учебе, что сейчас его место в армии.

В середине сентября 1919 года белополяки оккупировали западную Волынь и часть Подолии. Шепетовка и соседние местечки превратились в военный лагерь.

Польские солдаты размещались на постой в крестьянских избах, требовали продуктов для себя и фуража для лошадей. Рынок опустел. Росла безработица.

Жизнь в городке была парализована. Людей носил сыпной тиф. На воротах некоторых домов торчали плакаты с буквой «Т», предупреждавшие о наличии здесь тифозных больных. Целые тифозные улицы объявили закрытыми.

Стояла холодная дождливая осень, улицы топили в непролазной грязи.

Коля теперь подолгу не появлялся в школе. Незримые агенты дефензивы следили за всеми. Мы стали реже встречаться.

По вечерам в нашей избе собирались на перекур старые рабочие сахарного завода.

Каждый прихватывал свой самосад и расхваливал его перед другими.

Бывал у нас и давно безработный старый столяр Семен Линник, отец большевика Ивана Линника. Часто заживал старик Островский.

Он жаловался, что Коля в школу не ходит, подолгу не бывает дома. Иногда появляется на вокзале или у своих приятелей-комсомольцев.

Колю я встретил в конце ноября. Он рассказал, что часто встречается с товарищами-комсомольцами из железнодорожной школы. К тому времени обстановка на фронтах несколько изменилась: ребята знали, что красные уже подходят к Житомиру, что Иван Линник организовал красный отряд в районе Проскурова. Оставшиеся в Шепетовке большевики поддерживали с ним связь, в чем активно помогал Островский: временами он исчезал из местечка и отправлялся к красным...

Расстрелы

Первые месяцы 1920 года были самыми кровавыми в жизни Шепетовки. Террор достиг предела.

В январе дефензива напала на след большевиков, принимавших участие в реквизициях хлеба в польских фольварках — поместьях. Арестовали и заключили в тюрьму на Славутской улице троих, в том числе украинца Денищука и поляка Гижицкого, ревкомовского комиссара по продовольствию, который забрал у панов все зерно и отправил в Россию голодающим.

Арестованных пытали и всё хотели узнать, где скрывается Иван Линник. Но подпольщики его не выдали.

Вскоре объявили приговор военно-полевого суда: смертная казнь через повешение.

В предрассветной январской мгле из тюрьмы под усиленной охраной «канарейчиков» вывели приговоренных.

Им дали топоры и лопаты, они срубали несколько сосен, соорудили три виселицы и выкопали могилы.

Два дня спустя польская пехота оцепила это место, и состоялась казнь. Три дня висели обледеневшие трупы большевиков и только затем были захоронены.

Наступило страшное время, люди просто боялись выйти из дому — только изредка по улице быстро проходил человек. Если соседу надо было повидать соседа, он пробирался к нему огородами.

В это время мы почти не занимались,

только поддерживали связь между школьниками и учителями.

В таком невероятном напряжении прошли январь и февраль 1920 года, а в марте на столбах и заборах появились объявления на польском языке, что в воскресенье, 25 марта, в Шепетовке произведут расстрел комсомольцев, привезенных из Ровно, где находился штаб дефензивы.

Арестованных доставили в местную тюрьму, и дефензива вела допросы, пытаясь установить связи ровненских комсомольцев с комсомольцами-подпольщиками других городов Волыни. Но ни пытки, ни издевательства ничего не дали: комсомольцы никого не выдали. 25 марта мы решили встретиться в доме школьника Кулеши, сына рабочего сахарного завода, — его изба на Славутской улице была недалеко от места казни. Забежал и Коля.

Белополяки приказали всему населению собраться к месту казни. Мы вышли на Славутскую, увидели, что никто не идет, и вернулись в избу. Коля ходил из угла в угол, нервничал, возмущался, ругался, потом сказал:

— Я должен видеть! — и выбежал.

Вскоре хлестнули залпы...

В избу Кулеши Островский не вернулся, а на следующий день пришел ко мне и рассказал следующее.

В конце Славутской улицы был песчаный карьер, а перед ним на развилке дороги огражденная высоким частоколом высилась тюрьма, откуда и вывели русских и еврейских ребят — комсомольцев.

Осужденных провели сквозь ряды польской пехоты, оцепившей место казни. На дне карьера десять комсомольцев вкопали десять столбов. Их привязали к столбам, на головы надели мешки.

В ясный солнечный весенний день солдаты подняли ружья...

Много лет спустя Островский приведет Корчагина сюда, на место казни комсомольцев, где «мужественно умирали братья для того, чтобы жизнь стала прекрасной для тех, кто родился в нищете, для тех, кому самое рождение было началом рабства»³

И здесь Павка мысленно скажет слова, ставшие знаменем миллионов: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества»⁴.

«Неуместная шутка»

Помню, вечером 7 июня 1920 года кто-то из моих знакомых обратился к польскому коменданту Шепетовки:

— Почему в местечке снуют заводские подводы? Что случилось?

Комендант пожал плечами:

— Я ничего не знаю.

— А что слышно на фронте? Как у вас там дела идут?

— Дела идут отлично!

Но комендант откровенно врал: он знал, что красные «штопают» белых «весьма прилично», что идет эвакуация... Вот почему в местечке шныряли подводы...

На следующий день распространился слух, что Шепетовку без боя — поляком уже не было — занял небольшой отряд красных во главе с Иваном Линником. Многие обыватели приняли эту весть за неуместную шутку.

Но уже вечером все поняли, что сообщение было чистой правдой, потому что на митинге, организованном на базарной площади, выступил сам Линник.

Он рассказал, что красные кавалерийские дивизии прорвали польский фронт в районе Белой Церкви и разбитые польские армии, боясь окружения, обратились в беспорядочное бегство.

Линник сообщил, что вся Волынь освобождена от оккупантов и отныне возобновляется деятельность ревкома.

На следующий день он собрал оставшихся верными революции сотрудников ревкома и распределил между ними обязанности...

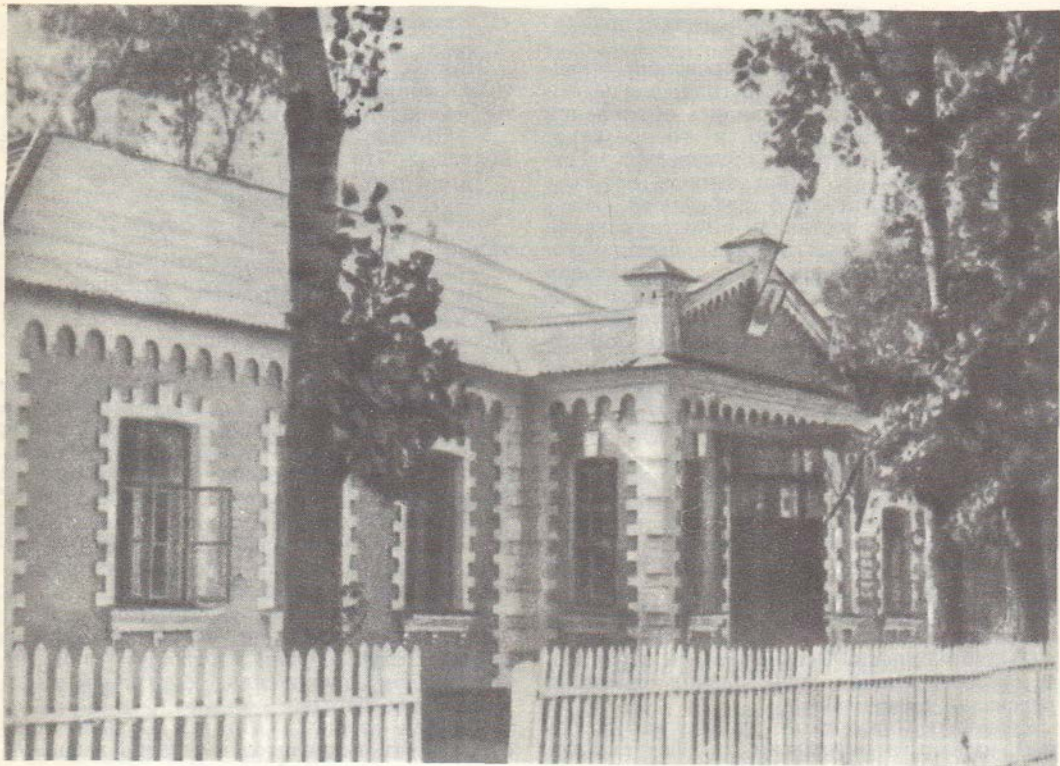
В середине июня в ревкоме появился Коля, отсутствовавший месяца полтора. На нем была длинная, с чужого плеча, довольно потрепанная солдатская шинель и рваные сапоги. Волосы, которые он обычно зачесывал назад, теперь были зачесаны набок. Он заметно похудел — щеки втянулись, но улыбался, как всегда. Да это и было понятно — победа...

По предложению Линника Островский сразу же включился в работу ревкома.

После бегства белополяков осталось значительное количество продуктов, присланных им Американской администрацией помощи (АРА). По решению ревкома на одной из панских усадеб была организована

³ Н. Островский, Как закалялась сталь. М., «Молодая гвардия», 1962, стр. 254.

⁴ Там же, стр. 254—255.

Здание высшего начального училища Шепетовки, в котором учился Н. Островский.

детская кухня, куда и передали все оставшиеся продукты АРА. Работу в детской кухне поручили учителям высшего начального училища, а в помощь им направили Островского.

Коля помогал на детской кухне, но эта работа его мало интересовала. Он искал более активной деятельности.

Наиболее трудным делом ревкома было снабжение Красной Армии продовольствием и фуражом, чем непосредственно руководил сам Линник. Он регулярно выезжал в села, выступал на сходках, убеждал крестьян помогать армии.

В поездках председателя ревкома, как и прежде, неизменно сопровождал Николай, охранявший его.

Коля высмотрел на Шоссейной улице пустующее торговое помещение, владелец

которого сбежал в Польшу, и предложил организовать там общественную библиотеку. Мы поддержали его и снабдили следующим официальным документом:

«Удостоверение.

Предъявитель сего сотрудник Шепетовского волревкома Николай Островский действительно командирован в оставленные буржуями дома для сбора в них книг, что удостоверяется»⁵.

Подписали документ Линник и я.

С этим удостоверением Коля с комсомольцами обошли много домов, откуда бежали хозяева, подбирая оставленную литературу. Кое-что удалось наскрести.

Так в библиотеке появились разрозненные

⁵ «Николай Островский». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1966, стр. 41.

Первый выпуск Шепетовской единой трудовой школы. 1921 г.
В третьем ряду второй слева — Н. Островский,
во втором ряду первый справа — Д. Г. Чернопыжский.

экземпляры сочинений Тургенева, много книг Гоголя, кое-какая другая литература и даже энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

Возобновил работу ученический комитет, а вскоре был созван школьный совет. Хотя училище работало с перерывами и всей учебной программы не выполнило, решили занятия не возобновлять, а ограничиться экскурсиями в лес, которые нравились ребятам, и организацией хорового кружка.

Промелькнули июль и половина августа 1920 года. На носу был новый учебный год.

Ревком вернул школе особняк Собещанского. С большой охотой школьники — в их числе и Коля — занялись знакомым делом: приводили в порядок помещения,

убирали территорию, сооружали гимнастические снаряды.

Как и год назад, Островский активно работал в ревкоме. Но однообразная работа бойца комендантской роты и телефониста уже не могла его удовлетворить. По душе ему больше пришлось поручения ревкома, с которыми он ездил в окрестные села.

Поездки позволяли Коле близко знакомиться с настроениями крестьян, своими впечатлениями он делился с Иваном Линником.

В это время торговцы стали повышать цены на предметы первой необходимости; когда же ревком потребовал прекратить спекуляцию, торговцы демонстративно закрыли лавки.

По поручению ревкома Николай расклеил объявления с призывом прекратить бой-

кот и открыть магазины и палатки. На обращение никто не откликнулся. Мы поняли, что пора от слов переходить к делу.

В Шепетовке хорошо знали злостного спекулянта Янкеля Дона. Это он первым закрыл свой магазин, за ним последовали другие.

На заседании ревкома, где Дону предложили открыть лавку, он клялся, что давно не имеет никаких товаров и что ку-стари, производящие мыло и другие предметы первой необходимости, не желают продавать свою продукцию оптом, предпочитая самостоятельно торговать в розницу.

Дону никто не поверил. Было решено произвести у него обыск в ближайшую же ночь, так как днем такое мероприятие вспугнуло бы других спекулянтов.

В обыске приняли участие два члена ревкома во главе с Линником и два бойца комендантской роты. Взяли и Островского, которому хотелось посмотреть на все своими глазами: он давно слышал о каменных подземельях под складами спекулянтов и хотел знать, как устроены тайники.

Разбуженная в полночь наймишка узнала Линника и открыла дверь. Полусонный Дон заверял, что у него ничего нет, что товарищ Линник напрасно тратит время и мог бы спокойно отдыхать.

Дон раскрыл огромный склад, где оказались только горы пустых ящиков и бочек и штабеля дров.

Пока Линник и другие помогали Дону перекладывать тару и дрова в другое место, Коля выстукивал прикладом винтовки земляной пол сарая, но безуспешно: везде слышался одинаково глухой звук. Тогда Островский перевернул винтовку и стал прокалывать землю штыком.

Шло время. Дрова, бочки и разный хлам постепенно разбирали, но продуктов не оказывалось.

Настроение падало.

Дон по-прежнему уверял, что он честный торговец и не собирается обманывать товарища Линника, а Коля продолжал терпеливо обследовать каждый клочок земли, пока штык не уперся во что-то твердое.

Тогда оба бойца взяли лопаты и начали разрывать землю. Показался деревянный люк, ведущий в подземелье. Но когда все спустились вниз, то увидели, что погреб пуст.

Это казалось загадкой, но только на первый взгляд. Ведь если погреб пуст, то зачем его прятать. А если его скрывают, то, значит, есть в нем секретный лаз, ко-

торый ведет в другое хранилище. Коля вошел в азарт.

Снова начал он тщательно, сантиметр за сантиметром, простукивать прикладом каменный пол и кирпичные стены подвала. И наконец крикнул:

— Есть!

Долго работали два охранника, разбирая кирпичную кладку стены и добираясь до склада. Только на рассвете попала комиссия в хранилище, где нашла много товаров.

Все найденное было конфисковано и роздано беднякам Шепетовки, а часть по просьбе Коли передали на детскую площадку.

На следующий день, узнав об обыске у Дона, все торговцы открыли свои лавки.

Об этом случае Коля часто рассказывал товарищам, а позднее описал его в романе. Только там в обыске у спекулянта Бориса Зона вместо Павки Корчагина участвует Сережа Брузжак...

«Я иду в кавалерию...»

Так шло время.

К началу учебного года отдел народного образования получил новые учебные программы, а вместе с ними указания о новом наименовании школ. Отныне высшее начальное училище стало именоваться Первой единой трудовой школой. Нам прислали и первую партию советских учебников на украинском языке.

В сентябре начались занятия.

16 сентября 1920 года я, как член ревкома по народному образованию, был приглашен в уездный город Изяслав на совещание школьных работников. Возвращаясь я на следующий день и, сидя в крестьянской телеге, обдумывал план созыва совещания школьных учителей волости, на котором хотел ознакомить их с новым положением о советской школе.

Вернулся я в полдень и застал принесенный Николаем в мое отсутствие служебный пакет: Линник предлагал по возвращении из уезда немедленно зайти в ревком.

Обстановка в ревкоме была необычной: охрана усилена, в одной комнате много незнакомых людей, в другой кто-то из членов ревкома разбирал и связывал документы.

Линник сообщил ошеломившее меня известие: этой ночью надо было эвакуироваться в Киев. Оказалось, польская армия опять перешла в наступление и все прифронтовые ревкомы на линии Ровно — Новоград-Волынский — Шепетовка —

Проскуров должны были свернуть ценное имущество и выехать в Киев.

Эвакуация происходила в строжайшей тайне. Вечером продовольственные запасы, архивы и ценное имущество сложили на телеги и подвезли к железнодорожной ветке сахарного завода, где уже стояли товарные вагоны. В погрузке помогала комсомольская пятерка во главе с Колей. Когда поступили сведения, что в окрестных селах появились бродячие петлюровские банды, предусмотрели меры предосторожности при следовании в пути.

Неожиданная эвакуация застала меня врасплох. Стояла прохладная осень, надвигалась зима, а теплой одежды не было — одна потрепанная солдатская шинель. Были у меня, правда, овчинки, но кто возьмется сшить полушубок за несколько часов, оставшихся до отъезда? Что делать?

Позвал я Колю, пошли мы к местному портному и вдвоем еле уломали его: обещал он сшить к ночи полушубок. Николай должен был ночью принести полушубок к поезду.

Островский помогал нам во всем — и архив вместе с другими укладывал, и нары в вагонах сколачивал, и подводы добывал, и охранял перевозимое имущество ревкома. Вообще выполнял все, что поручалось.

Ночью он принес полушубок к поезду. Я взглянул на его легонькое пальтишко и сказал:

— Ты же замерзнешь — до Киева ехать долго, дни холодные. — Я был убежден, что он уедет вместе с нами. Я предупредил его, что наш отъезд может быть более тяжелым, чем мы предполагаем.

Коля помолчал. Минуту, наверное, молчал, и я начал понимать: что-то неладно.

Потом улыбнулся и, словно трудно было это ему выговорить, сказал:

— Я с вами не поеду.

— Что ты задумал?!

— Я хочу осуществить свою мечту — завтра, если придет кавалерийская часть, пойду в Красную Армию добровольцем.

Он опять помолчал и добавил:

— Я люблю кавалерию, я не могу сидеть на одном месте — хочу поездить на коне. С вами мне будет не по себе.

Я не стремился переубедить Колю: он давно хотел воевать с оружием в руках, и я понимал, что уговаривать его ехать с нами в тыл — напрасная затея.

Помню, стояла глубокая ночь. Было прохладно, сыро.

Шепетовка спала.

Отъезжающие разместились в вагонах на самодельных нарах. У кого нашелся самосад, тот курил.

Огней не зажигали.

Я предложил Коле войти в вагон и попрощаться с товарищами. Он отказался — не захотел огорчать их.

Постояли молча.

Подбежал кто-то, на ходу вполголоса бросил:

— В вагон! Едем! — и побежал дальше.

Мы стояли молча.

Поезд тронулся без гудка, тихо-тихо.

Мы обнялись, пожали друг другу руки и расстались в надежде, что скоро встретимся в освобожденной Шепетовке, в ревкоме, как прежде...

С тех пор прошло почти полвека, и Николай Островский ушел в легенду. Но в памяти моей он остался все тем же мальчиком-школьником Колей Островским...

Литературная запись Г. Цитриняна

Первые дома будущего Комсомольска.
Село Пермское, 1932 г.

А. Кипаренко
Пятигорск

Первостроители

И этих дней вернейшее
наследство
Я берегу, как дружеский союз...

О. Берггольц

На этот раз нас было четверо. Все — представители поколения «вечных комсомольцев». Говорили главным образом, конечно, о Комсомольске. При помощи магического «А помните?..» сквозь три десятилетия всматривались мы снова в лица людей, бок о бок с которыми жили, работали, страдали и радовались. Как всегда, с волнением и нежностью вспоминали погибших. Это неправда, что «друга лучший друг забудет»... Не забудет. Кто из нас не обнажит мысленно голову перед тем куском растрескавшейся земли, в которую лег в августе 1942 года Иван Сидоренко?

Комсомольск-на-Амуре, проспект Мира.
1950—1960 гг.

Николай Крикун, перевозивший в лютую стужу по льду из Комсомольска в Хабаровск больных цингой первостроителей. Сам больной, ослабевший, из последних сил он донес товарищей до Хабаровска. Вернулся на стройку, слег и больше не поднялся. Лев Качаев, Павел Швец, Михаил Тарлинский — многих потеряли мы за эти годы. С каждым из них ушел для нас кусок жизни. Нелегкая доля выпала и тем уцелевшим, кто сейчас сидит за столом. Александр Грачев, автор романа «Первая просека». Этот донской казак давно принес свой камень на стройку. Принес и уло-

жил основательно. Роман он написал уже потом, когда город был.

Во главе дружеского застолья, сияя белой рубашки, хозяин дома Исаак Минкин. Рядом Полина Александровна, жена. Сколько мы их знаем, она всегда рядом, всю жизнь. Писать о Минкине особенно трудно. Он секретарь первого горкома комсомола на стройке города юности.

О секретарях горкомов пишут часто либо слащаво, не скупясь на розовую краску, либо для «правдоподобия» разводят розовый цвет детем. Ну, а Минкин, этот крепкий, коренастый человек с веселыми, цвета

спелой вишни глазами, он... да что там искать слова, он секретарь горкома, которому абсолютно не к лицу ни розовый, ни черный цвет. Минкин имеет собственный колорит.

Спросите теперь любого из первостроителей, кто такой Минкин. Вам ответят: секретарь горкома. Не добавляя слова «бывший». Потому что слово это к Минкину не подходит. Уже проверено: сразу никто не говорит, что Исаак Иосифович Минкин сейчас начальник Ростовской товарной станции, которая обслуживает крупнейший областной центр России. Что он один из самых известных и сведущих работников транспортно-экспедиционного дела на железных дорогах страны. Не скажут, хоть и знают. Потому что он для первостроителей остался секретарем горкома. Даже Костя Зангиев, популярный среди нас человек, несколько бурного характера, делается и теперь много тише в присутствии Минкина. Как-то Костя взахлеб перечислял Минкину, сколько разных почетных значков и званий он получил за последний год.

— Исак, слушай, я теперь еще почетный энергетик... Здорово! Да? Один я из наших такое звание имею... Здорово! Да?

— В-о-от ты какой у нас большой человек, Костя, да-а-а! Ты, Костя, конечно, один такой, куда-а-а другим до тебя!.. — ответил Минкин, пошевеливая густыми черными бровями и глядя на Костю в упор.

Костя раза два хихикнул и умолк. Потом уже, спустя часа два, Костя сказал мне:

— Слушай, какой он умный черт, этот Минкин, а?

Кстати, этим вот умением смотреть в упор в случаях крайних и трудных Минкин был известен всегда. Вспомнилась такая, например, история.

Известная на стройке бетонщица Надя К. неожиданно вышла замуж за беззаботного хулиганистого парнишку Вальку Сербина. Целый год увалился Сербин вокруг Нади, клялся ей и окружающим, что жить без Нади не может и утопится в Амуре «на самом глубоком месте», если она не пойдет за него замуж.

— У меня намерение, а не просто так... — доказывал Валька, и какие-то искренние ноты прорывались у него сквозь шелуху привычной наигранности и квалифицированного тона. Жениться, Сербин остепенился и заважничал. «Моя супруга» или «мы с супругой» не сходило у него с языка.

Надя относилась к мужу ласково и звала

его «мой Валечка». Казалось бы, совет им да любовь, как говорится. Но... бывает же! Надя ухитрилась родить на шестом месяце после свадьбы мальчишку. Как выяснилось, Валечка ни в каком родстве с новорожденным не состоял. Дальше события разворачивались так.

Глубокой ночью кто-то бешено заколотил в окно квартиры Минкина. Исаак вскочил, бросился к дверям и едва успел повернуть ключ, как в комнату ворвался Сербин. Пьяный, растерзанный, он метался из угла в угол, дико вскрикивая:

— Убью-у-у сте-ерву!.. Всех убью!.. Ты слышишь, Исак?! Полина, скажи... а? Убью все равно... Я окна побил в больнице... Родила, а? Полина, ты женщина, скажи мне, как же это, а?..

Обезумевший от горя и водки человек бился головой о стену, хватал за руки выбежавшую на его вопли из спальни Полину и, наконец, расплакался. Закрыв лицо руками, прислонившись к стене, плакал уже молча, вздрагивая всем телом. Молчали и Минкины. Полина, опомнившись, указала мужу глазами: уйди. Вслух сказала:

— Пойди вскипяти чайник и завари пореоче...

Теперь, спустя тридцать с лишним лет, я пыталась узнать у Полины подробности разговора, но она отвечала уклончиво.

— Так, знаешь... «за жизнь» говорили: Трудный разговор был. Невозможно, да и не нужно его пересказывать. Есть такие стороны человеческой души, которых касаться нельзя. Даже с самыми лучшими побуждениями.

Валентин ушел от Минкиных на рассвете. Утром, хмурясь и озираясь, он вставлял стекла в больницу. Передал Наде две банки сгущенного молока (большая редкость в те годы), а через несколько дней на чай-то вопрос, откуда он идет, ответил слегка вызывающе:

— Ходил проведать жену и сына!

Однако же свет, как говорят, не без «добрых» людей. Нашелся такой, который указал Сербину пальцем на виновника его тяжелых переживаний. Напоил водкой и, убедившись, что Валька снова «осатанел», сунул ему в руки нож.

Шло заседание бюро горкома комсомола, когда резким рывком распахнулась дверь, на пороге появился бледный как мел Сербин. Он был без шапки, густая охапка волос присыпана снегом, рука недумосмысленно засунута за пазуху. Медленно обводил он злобными глазами всех сидящих, отыскивая того, кто был ему нужен сейчас, сию

минуту. В битком набитой людьми комнате воцарилось молчание. Трудно сказать, что было бы дальше, если бы с места не поднялся Минкин.

— А вот и сам товарищ Сербин, — заговорил он обычным приветливым тоном. — Очень кстати ты пришел. Мы о тебе говорили сейчас, только закрыл дверь, пожалуйста, дует. Нам срочно нужен надежный парень, уполномоченный горкома по борьбе с хулиганством на стройке. Что-то распустились у нас ребята, ты же понимаешь, позорное дело. Надо с этим кончать. Мы тебе решили поручить, согласен? — Минкин, поймав взгляд Сербина, смотрел на него в упор. Смотрели на Сербина и все присутствующие. Смотрели молча, выжидательно, но ко всему готовые. Впрочем, не все, один спрятался за чьи-то широкие плечи. Сербин молчал. Слышно было только его шумное дыхание. Наконец он отвел глаза от глаз Минкина, переступил с ноги на ногу и машинально вынул руку из-за пазухи, хотел достать папиросы из кармана. Тоненько звякнул упавший на пол нож. Сербин быстро наступил на него. Секунду помедлив, поднял, хотел было сунуть в карман, но вдруг протянул через стол Минкину:

— На возьми его, Исак... Плевал я, слушай, в конце концов... Черт с ним, с подлюкой... Я тоже не мальчик. Раз доверяете мне, я согласен... Посмотрим еще, пусть кто попробует... Город будет в порядке!

Он опять обвел глазами все лица, смущенно усмехнулся Минкину и, не обнаружив того, кого искал, успокоился окончательно. Сел на табуретку, кем-то подвинутую, и, облегченно вздохнув, закурил, жадно затягиваясь. Обыкновенный парень, взъерошенный и усталый.

В кабинете секретаря горкома в углу стоял старый диван. Очень засаленный широкий, удобный. Замечательный диван! На нем хорошо думалось, мечталось, спорилось. Бывали там длинные вечерние «сидения», велись порой очень личные, откровенные разговоры. Рождались и обдумывались самые дерзкие замыслы вроде проекта молодого инженера Василия Сухнева. По этому проекту был организован в феврале 1934 года знаменитый сплав леса зимой с Пивани через Амур, по ледовому каналу. Длина канала была больше девяти километров, ширина и глубина около метра. Воду в канал накачивали помпами. Вдоль канала цепочкой стояли люди. Они баграми гнали бревна, очищали намерзающие края, черпаками вылавливали «сало». Так сплавили

свыше пяти тысяч кубометров леса. Впервые в мировой инженерной практике.

«Э-эх! Сяду я на диван да подумаю!» — говорили ребята, искавшие выхода из очередного, казалось бы, безвыходного положения. Словом, диван-«самодум». Прямая противоположность тургеневскому «самосону» что, впрочем, закономерно.

На этом же диване сидел однажды вечером бригадир прославленной бригады плотников Аркадий, в позе почти наполеоновской. Руки скрещены на груди, взор мрачен, лоб нахмурен. А по кабинету шагал Минкин, засунув руки за свой отличный командирский ремень.

Битый час ждал он ответа на один-единственный вопрос: «Что с тобой случилось?» Аркадий молчал. Минкин то присаживался к столу, то снова ходил и, наконец, взорвался:

— Ты человек или пень таежный, черт тебя возьми? Хватит дурака тут строить! — Аркадий молчал. — Отвечай! Требую! Почему подводишь всю организацию? Почему забросил бригаду? Отвечай! — Тут Минкин вдруг так грохнул кулаком по столу, что стекло, лежавшее там, брызнуло во все стороны.

Аркадий вздрогнул, вскочил и тоже заорал, глядя на Минкина отчаянными глазами:

— Манька! Понимаешь, Манька уходит собирается!.. Отбили, с-сволочи! — Он плюхнулся опять на диван и добавил уже совсем тихо: — Думай, что хочешь, Исак, а я без нее не могу... Верить? Ничего не мило!..

Минкин сел рядом. Машинально потирая ушибленную руку, спросил тихо:

— Кто?

Аркадий безнадежно мотнул головой.

— Кто, я спрашиваю?

— Ну... Гришка, моторист... ты знаешь его...

Через пять минут дежурный связной (связные тогда дежурили в комитете круглые сутки) мчался в барак за Гришкой. Коварный обольститель явился и уставился заспанными глазами на Минкина.

Исаак некоторое время разглядывал Гришку так внимательно, будто на нем были узоры нарисованы.

— Ты... что же это наделал? — спросил он, наконец, с недобрим спокойствием.

Гришка недоумевающе развел руками:

— Честное слово, Исак, я ничего не наделал!

— Ничего? Так-таки совсем ничего? А Манька? Кто Маньку с пути сбивает?

Молодые строители проезжают по городу. Комсомольск-на-Амуре. 1934 г.

Гришка осмелел и ухмыльнулся самодовольно:

— А что, нельзя? В комсомольском Уставе вроде про это не сказано...

— Плохо, значит, Устав понял, — сурово оборвал Минкин. — А про совесть человеческую, про порядочность по отношению к товарищам не слышал? Ты думаешь, я твоих проделок с девушками не знаю? Дон-Жуан, ты ж понимаешь, какой объявился на нашу голову. Из-за твоей дурости человек мучается, наш с тобой товарищ. Ты с ним какие трудности прошел, кусок хлеба пополам делил. А теперь ему плохо, а ты радуешься... улыбаешься еще, чертов сын. Как тебя назвать после этого?

— Почему радуюсь?.. — растерялся Гришка. — Я не подлец какой-нибудь, я не знал вообще... И с Манькой я... пошутил, Исак, и теперь... ну, все! Конец этому, раз так... Честное слово даю! — Гришка даже руку к сердцу прижал.

Минкин, откинувшись на спинку стула, смотрел на него с интересом.

— Хорошо бы она тебе по морде надавала, — проговорил он с надеждой в голосе.

— Она может, — охотно согласился Гришка, — она такая...

— А ты попроси ее, пусть как следует отхлестает... — продолжал Минкин, и что-то было в его голосе и взгляде такое, что Гришка попятился к двери.

Проходя мимо связного, он попросил у него закурить и спросил шепотом, сворачивая самокрутку:

— Слушай, ты не слышал, кто это такой Дон-Жуан?

Связной длинно зевнул, пожал плечами:

— Не знаю, народу теперь понаехало разного много.

Город застраивался быстро, но в общем беспорядочно. Каждая строительная организация строила, где хотела и что хотела. Генерального плана застройки не было. Первостроители говорили на собраниях:

— Мы, когда дома строим, хотим и должны всю будущую улицу видеть, какая

она будет... Весь город, какой он будет... Мы с мечтой работаем...

В 1936 году делегаты X съезда ВЛКСМ Минкин и Алексей Смородов, лучший плотницкий бригадир стройки, на бюро ЦК ВЛКСМ рассказывали обо всем этом. ЦК комсомола и ЦК партии поддержали комсомольчан. Александр Косарев принимал живейшее участие вообще в делах стройки. К составлению генерального плана приступили немедленно.

— Нам очень хотелось, — вспоминает Минкин, — добраться до Надежды Константиновны Крупской. Мы мечтали рассказать о наших делах именно ей. Добрались. В назначенный день волновались, конечно, с утра. Чистились, брились, гладили гимнастерки и, что интересно, никакого плана разговора не составили. Пробовали — не получилось. Наконец пошли. В приемной бесконечно причесывались, откашливались и оглядывали друг друга. В кабинет вошли в общем скованные, как аршин проглотили... Ты ж понимаешь — Крупская!

Ну, и тут же расковались. Обрели вдруг свободу поведения. Ох, как она нас встретила, как давних друзей, что ли... Трудно это выразить словами. Только у нас чувство такое было, будто она нас давно знает и ждала с нетерпением. Улыбаясь, пришла нам на помощь вопросами. А нам только этого и надо. Дар речи прорезался такой, которого мы за собой не подозревали. Короче, выложили мы все, что думаем, чувствуем, делаем, уже сделали, будем делать. Надежду Константиновну особо интересовали люди. Как живут, что читают, чем увлекаются. Есть ли библиотеки, какие есть уже учебные заведения и какие нужно открыть. Подарила нам Надежда Константиновна библиотеку в 20 тысяч томов самых лучших, новых книг. Мы эту библиотеку сами получали и отправляли. Носились по Москве как угорелые. Вот так, успела-таки Крупская приложить свои добрые руки и к нашему городу юности, а мы успели пожать ей эти руки. Бывают в жизни события, которые потом вспоминаешь, как сон. Мне теперь иногда самому не верится, что я ее видел и говорил с ней. Такое будто бы это далекое прошлое, а я, кажется, не такой уж старик.

Если рассказывают об интересном человеке, принято упомянуть о его происхождении: Петров был сын... Иванов был сын... и т. д. Когда я писала об одном из самых ярких людей, строивших Комсомольск-на-Амуре, Иване Сидоренко, я тоже упоми-

Секретарь Комсомольского горкома комсомола И. Минкин и бригадир плотников А. Смородов. 1936 г.

нала, что он родился в семье крестьянина на Украине. Однажды я спросила Ивана: — Слушай, в кого ты уродился такой... умный?

Он потер пальцем свои густые черные брови (жест, обозначающий, что Сидоренко обдумывает).

— Я не сразу родился, а постепенно, понимаешь? Кто бы тебя ни породил, себя надо делать самому, время теперь такое. Готовую голову ни у кого не займешь, да и за каким чертом нужна такая голова?

Просматривая архивные материалы, связанные с постройкой Харьковского тракторного завода (июль — август 1931 года) и работой на этой стройке Ивана Сидоренко, имя которого тогда знала вся страна (его бригада установила пять мировых рекордов на укладке бетона), я обратила внимание на разговор Ивана с журналистом, фамилии которого, к сожалению, установить не удалось. Сидоренко ездил на теплоходе «Украина» вокруг Европы летом 1931 года в числе лучших людей страны. Кто-то вече-

рами читал со вкусом и умением стихи Маяковского вслух. Всем сердцем откликнулся Иван на обращенные прямо к нему слова поэта:

...встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
социализм.

Помчался Иван в книжный киоск тут же, на пароходе, купил томик стихов Маяковского и положил в каюте рядом с любимым «Кобзарем». Журналист, горячий поклонник Маяковского, увидев на столике обе книжки, спросил: «К которому из двух больше симпатии имеешь, Сидоренко?»

— Не сравнивал, они ведь очень разные, — ответил Ваня. — Конечно, Тарас на облако штаны не натягивал... время тогда было другое. Время тоже делает человека. Но на время надейся, а сам не плошай, как говорится. Я вот тоже не ехал бы сейчас в Англию, нудился бы над быками, хвосты им крутил да «цоб-цобе» кричал, если бы не мое время да не желание социализм делать. А раз есть желание, надо добывать и меньше.

— Это правда, что вы нигде не учились, Сидоренко? — спросил журналист.

— В школе не учился, за партой не сидел, это правда, — уточнил Ваня.

В восемнадцать лет это был юноша с хорошо развитым чувством собственного достоинства и большим запасом прочности для любых испытаний. За привычной сдержанностью в манере говорить и во всей повадке крылась натура страстная, активная. Приметным был весь его облик. На худощавом смуглом лице резко выделялись густые, сросшиеся у переносья черные брови, как птичьи крылья в большом размахе. Взгляд блестящих карих глаз всегда прямой. Крупные губы держал плотно сжатыми. В сильном гневе слегка бледнел. Просто в сердцах любил упоминать «рассобачьего сына», «бисовских душ» на родном украинском языке или «мокрого муравья» на русском. Изредка, когда хотел выразить презрение, отвращение, пускал в ход «подлюку», но скорее не как ругательство, а как определение. Других скверных слов не употреблял, обходил. Таким он пришел на Харьковский тракторострой в момент царившей там серьезной неразберихи.

Рабочие прибывали по несколько сот человек в день, а подготовка к приему была проведена плохо. Спали вповалку, где по-

пало, суп в столовых хлебали через край, и редко кто знал, где он завтра будет жить и работать. Ваня рассказывал об этом периоде так:

— Настроение у ребят было «летучее». При первой возможности удирали кто куда. Многих соблазняла возможность поступить в пограничные войска, геройская служба... Меня один дружок здорово уговаривал, а я его. Я сказал, если мы с тобой уйдем, кому же тогда оставаться?

Злился он на меня, аж зубами скрипел.

Как-то вечером мы здорово опять поспорили, он собрался и ушел, не попрощавшись даже. Утром просыпаюсь, а он спит рядом. Так и остался. Когда построили завод, он там литейщиком работал.

Важнейший участок стройки — бетонные работы — систематически отставал. Норма на австрийской бетономешалке «Кайзер» была 240 замесов в смену, а выполнялась едва наполовину.

Вот тогда-то и был создан из молодежи первый штурмовой батальон красногвардейцев пятилетки. Этот батальон направляли на бетонные работы. Число сменных замесов поднялось до 190 и дальше не пошло. Зато пошли разговоры о невыполнимой норме, о том, что бетонному делу надо специально обучаться, а не на ходу и что чернорабочие не смогут давать норму, рассчитанную на специалистов-бетонщиков. Словом, началось то, что сами ребята определяли точным словечком «раздрай». Тогда во главе батальона поставили Ивана Сидоренко. «Справишься?» — задали ему обычный вопрос, но вместо ожидаемых обычных фраз «при вашей помощи... постараюсь... приложу все силы...» услышали одно слово: «Справлюсь».

Человек, задававший вопрос, рассмеялся: «Вот это я понимаю, без ложной скромности!» — «А при чем тут скромность?! — удивился Ваня. — Кто же будет справляться, если не мы сами? Чего же отговариваться?»

Ваня перебрался на житье в барак, где жили рабочие штурмового батальона. Разобравшись в людях, выгнал лодырей и набрал пополнение.

«Мы больших требований не предъявляем пока, — говорил Ваня, обращаясь к новичкам на собрании. — Нам нужно, чтобы ты был рабочим хлопцем, чтобы не поддавался брехням и разной панике. И еще чтобы ты был нам товарищем в беде и в радости».

Ваня вместе с несколькими ребятами за-

нялся бетономешалкой «Кайзер». Они внимательно изучали ее «потроха», отдавая этому все свободное от работы время. Зимой в щелястом бараке было холодно, ледяной, свирепый ветер продувал его насквозь. Ваня забирал свой актив, и они шли к бетономешалке, пускали ее в ход, практикуясь по очереди на всех операциях.

Мокрые от пота, они замерзали на ветру и, чтобы согреться, опять пускали в ход бетономешалку. Назывались эти ребята — комсомольский рационализаторский кружок, работавший под лозунгом «За 280 бетонозамесов в смену!».

Ваня исписывал целые блокноты своим характерным, размашистым почерком самоучки, проверяя выводы, к которым пришли кружковцы. А выводы были интересные. «Кайзер» может дать больше 240 замесов в смену, указанных в его паспорте. Кружковцы доложили батальону и предложили: «Даешь 280 замесов в смену!»

Спорили яростно: «Не залетайте за хмуру... Только-только к норме подходим, и то хорошо!»

В разгар спора в барак пришел прораб литейного цеха, коммунист-инженер Слипченко. Он получил задание в декадный срок забетонировать шихтарную стену, но у него еще не было на руках чертежей. Не было и материала, с которым можно начать работу.

Слипченко пришел в батальон за помощью, и батальон постановил: забетонировать стену литейного цеха досрочно, считать эту работу делом чести. Тут же распределили, кто кому делать. В течение трех дней комсомольцы вырвали в техническом отделе застрявшие там рабочие чертежи.

Заготовили щбенку и подвезли ее к месту работы. Кружковцы готовили «Кайзер», «как быка к пахоте». Наконец первая смена во главе с командиром батальона приступила к делу.

Сначала шло хорошо. Работали ровно, без суеты и дали 180 сменных замесов. Но уже на другой день сорвался ролик у подъемника. Ребята затоптались на месте и кидали бешеные взоры на Слипченко. Он бросился к подъемнику и сам исправил повреждение. Ночью вместе с Сидоренко они тщательно проверили подъемник и надежно укрепили ролик. Работа опять пошла полным ходом.

Сидоренко и еще два комсомольца, отработав смену в общем строю, выходили на всякий случай и со следующей сменой — «как резерв главного командования». Глаза

у них, что называется, позападали. Чубы слиплись от пота и пыли.

За четыре дня вместо десяти по плану стена в 350 кубометров была забетонирована.

С работы шли медленно. Изредка перебрасывались замечаниями, не имеющими отношения к событию. Надо было сделать — они сделали. Трудно было, конечно, но сделали. Ваня пристроился было где-то сбоку, но ребята потребовали: «Сидоренко, давай вперед!»

Ваня вышел вперед и, оглянувшись на густо заудренные серой пылью лица, улыбнулся быстрой своей улыбкой: «Шире шаг, бетончики!» Все приосанились, взяли ногу. Должно быть, такое чувство испытывают солдаты, когда им скажут: «Поздравляю вас гвардейцами!»

Норма в 240 замесов осталась далеко позади. «Что такое кайзер? Ах, немецкий царь! — ехидничали хлопцы. — Долой царские нормы! Даешь комсомольские!.. Заставим кайзера строить социализм!» И поставили. 19 июня батальон получил задание забетонировать пол в литейном цехе.

Посмотреть, как работает Сидоренко со своими хлопцами, пришли делегаты Всесоюзного съезда бетонщиков, начавшего в эти дни свою работу в клубе Харьковского тракторостроя. Сотни людей с любопытством смотрели на подготовленную к работе площадку.

За двадцать минут до начала работы появился хмурый Сидоренко, а за ним 65 человек штурмового батальона. Ваня понимал, что такой показ нужен, но все это было ему очень не по душе. Ребята по пути на работу ободряли командира: «Не журишь, Иван, все будет в порядке, пусть себе смотрят, а мы будем работать каждый делает что может!» В этот день батальон дал 801 замес!

Лаборатория сделала анализы и сообщила: качество — хорошее, прочность — выше нормы. На съезде батальону Сидоренко вручили знамя газеты «Труд» как победителю во Всесоюзном соревновании.

Имя Ивана Сидоренко узнала вся страна. О нем писали «Правда», «Комсомольская правда», «Труд», все украинские газеты. Портреты чернобрового украинского хлопца можно было встретить во многих журналах. «Знаменосцы наших побед! Пять мировых рекордов на укладке бетона!» Слава росла, ширилась, гремела.

Как же относился к славе сам герой? Спокойно? Нет. Сказать так — значит сказать неправду.

Он был взволнован и горд всеобщим вниманием и уважением. Ему нравилось читать в газетах и журналах о себе и своих хлопцах, особенно первое время. Потом этот повышенный интерес пропал. Ваня не любил долго останавливаться на пройденном. Не замечал, что рядом с чувством гордости и радости по поводу пуска завода («Какой завод, а? Не завод, а картиночка!») где-то пока еще в подсознании зародилось стремление к новому делу, такому, где можно начать... опять сначала. Он узнал уже ни с чем не сравнимое творческое чувство первостроителя, создателя и остался в плену этого чувства на всю жизнь.

Подмигивая озорным глазом в ответ на восхищенные взгляды девчат, отплясывая с ними на клубных вечерах и пуская в ход самые завлекательные улыбки, он, однако, бдительно охранял свою свободу от малейших посягательств. Да и сердце его понастоящему никто еще не затронул.

Ваня знал, что ему открыты двери в любой цех нового завода. Он мог выбирать любую специальность. Мог, наконец, ехать учиться. Думал обо всех этих возможностях, и ни одна из них не то чтобы не нравилась, нет, как-то не находила полного отклика в его душе.

Привычная сдержанность изменила Ване, когда он узнал, что премирован поездкой вокруг Европы на теплоходе «Украина».

Птицей влетел в барак и заорал во всю глотку: «Хлопцы! За море поеду! Чужие земли смотреть!»

В бараке поднялось такое, что сунувшаяся было к ним уборщица немедленно выскочила обратно и уже на крыльце, шлепнув себя по бокам, определила: «З глущу з ихалы чертячы герой!» Герои, давая выход молодой силе и тому восторгу, который называют «телячьим», носились по бараку, опрокидывая скамейки и награждая друг друга увесистыми «лещами».

Теплоход «Украина» стоял на Темзе у нового лондонского моста — Лондон-бридж. Все пассажиры теплохода разгуливали по Лондону. Одна группа остановилась у памятника адмиралу Нельсону.

«Только что собирались отойти от памятника, — вспоминает один из участников поездки, тов. Гриневский, — как услышали сзади:

— Хлопцы! Одну минуту!..

Мы оглянулись. Через площадь шел, спокойно поглядывая по сторонам, моло-

дой человек в коричневом прорезиненном плаще. Смятая кепка зажата в руках. Сомнений не было, наш парень.

— Здравствуйте, хлопцы, скажите, как добраться до Лондон-бриджа... В этом пекле закрутиться — раз плюнуть!

Мы провели на корабле больше двух недель, но никто не знал фамилии подошедшего.

— С теплохода, Сидоренко... А я вас всех запомнил.

— Сидоренко? Тот, что постагил мировой рекорд по бетонозамесам на Харьковском тракторном?

— Тот самый...

Перед нами стоял черноволосый парень с почти детской припухлостью губ и щек, покрытых смуглым румянцем. Густые черные брови, сросшиеся у переносья, высокий лоб, а под прямым точеным носом, что называется, ни думки, ни пушинки. Никто из нас не думал, что Сидоренко может быть так молод.

До теплохода пошли пешком.

— Сколько же тебе лет, Сидоренко? — спросил кто-то.

— С одиннадцатого года, считай.

— В Красной Армии, выходит, не служил?

— Ну, брат, извини, служил, даже в красных партизанах был...

— Когда же успел? Младенцем, что ли?

— Успеешь, если захочешь, такое время наше, хлопцы. Восьми лет ушел из родного села с красногвардейским отрядом. Там обули, одели, дали в руки книжку Якимчука «Пидрушник для малограмотных». Я ее осилил между делом. Потом пас стадо и тоже учился сам читать и писать. Потом комсомол, Тракторострой и... вот Лондон! — Иван расстегнул свой москвошвеевский плащик, глубоко вздохнул и добавил: — Надо все успеть».

Известно, что Иван Сидоренко, вернувшись из своего путешествия, обошел все цехи Харьковского тракторного, полюбовался, порадовался и... поехал на Дальний Восток корчевать тайгу, строить теперешний Комсомольск-на-Амуре.

Там живет и работает сейчас вся его семья: жена, четыре сына и два внука. Старший внук тоже Иван Сидоренко. В конце 1967 года меня навестила жена Ивана Сидоренко, Евдокия Петровна Селютина-Сидоренко. Почетная гражданка города Комсомольска-на-Амуре. Двадцать пять лет прошло, как погиб Иван под Сталинградом. Вырастила и воспитала Евдокия Петровна четырех сыновей. Всю

жизнь свою отдала она заводу и детям. Замуж больше не вышла.

— Такого, как Ваня, больше не будет, а другой не нужен. За ним всегда как за каменной стеной бывало, — так ответила мне Евдокия Петровна.

Стоит на Мамаевом кургане памятник вечной славы. Растет в Комсомольске новый Ваня Сидоренко. Воистину бессмертен ты, Иван! И за такими, как ты, как за каменной стеной.

Поздним зимним вечером дочитываю «День второй» Эренбурга. Завтра в парткабинете читательская конференция.

В наших приземистых, длинных бараках на Брусчатом поселке уже паровое отопление. Трубы горячие, не дотронешься, а холодище в комнате такой, что ноги в валенках замерзают. На полу в уголке виднеется ряд аккуратно вылепленных снежков. Это покрылись инеем банки с консервами, мой месячный паек по карточке. Был у меня в комнате еще жилец, бурундучок. Спал в рукаве старой телогрейки. Он любил катать по полу банки с консервами. Потом исчез. Видимо, не понравилось паровое отопление. Читать сидя становится невозможно. Пытаюсь читать на ходу, бегая с книжкой из угла в угол.

В коридоре взвизгивает входная дверь. Слышатся быстрые шаги и мелодичное посвистывание. Это возвращается с занятий мой товарищ, пропагандист ЦК комсомола Ваня Шариков. Значит, уже поздно.

«Ты не танцуешь, Ленский...» — отчетливо доносится музыкальная фраза. Ваня любит насвистывать что-нибудь из «Онегина» и делает это виртуозно. Особенно когда входит вот так поздно домой, в свой барак, что ни говори, а с паровым отоплением, когда на дворе «давит на тридцать пять с плюсом», как у нас говорили, «и плюс еще пять с плюсом».

Вижу, что из моего чтения ничего ровным счетом не выйдет и, как ни крути, а спать ложиться надо. Заставляю себя раздеться, сжав зубы, быстро залезаю под ворох одеял. (И шуба сверху!) Думаю о прочитанном. У нас есть такие, как Колька Ржанов, только наши как-то интереснее, а вот Сафонов Володя кажется мне придуманным. Надо поговорить с Шариковым... На этой мысли я засыпаю.

В жизни почти каждого человека бывают какие-нибудь события, встречи, которые запоминаются надолго. Иногда на всю жизнь. И не только запоминаются, а

оставляют след в характере, меняя зачатую отношение к окружающему и к самому себе. Особенно в молодости такие встречи иногда просто меняют характер человека, заставляют иначе думать, поступать и расценивать поступки других.

Так через много лет не раз вспоминала я Ивана Шарикова. Он выделялся уже тогда серьезными знаниями в философии, истории, искусстве и литературе. Главной чертой его характера была самостоятельность во всем. Склонность к анализу. Что дважды два — четыре, он, кажется, тоже проверил, прежде чем утверждать. Самостоятельность, независимость, умение размышлять он сам ценил в людях прежде всего. Ценил и воспитывал.

— Думай! — требовал он на занятиях и беседах. — Рассуждай! Что ты повторяешь наизусть, пройди, прежде чем проглотить. Умей доказать другому то, что знаешь сам.

— Ты веришь, Ваня, что в Комсомольске можно будет в один прекрасный день приехать поездом? — спрашивали его ребята.

— Я это знаю, могу доказать. — И доказывал.

Не очень многословный по природе, он легко и непринужденно говорил с аудиторией. В частной беседе растормошить его было трудно, но, уж если он был заинтересован темой, слушать его было очень интересно. Обсуждая вопросы, казалось, чисто теоретические, умел блестяще раскрыть смысл и значение этих вопросов на конкретных фактах, близких и понятных тем, кто его слушал. «Отжимая» смысл, вел к выводу, и вывод был всегда логичный, точный, неоспоримый, как истина. Философский склад ума и обостренная наблюдательность давали ему возможность иллюстрировать речь примерами. Весь он был какой-то очень внимательный, поэтому видел и слышал больше других.

Внешне Иван был сдержан в манерах, вежлив в обращении, даже чуть суховат, пожалуй. Однако эти часто контрастные черты не отталкивали от него, а, наоборот, привлекали людей. К нему шли за решением трудных вопросов, путанных споров, по самым разным поводам.

Женат Шариков тогда еще не был, занят с утра до позднего вечера, но воротник рубашки у него отличался всегда чистотой и отглаженностью. Собственно, из-за этого да из-за привычки чистить сапоги кое-кто считал его щеголем и чистолюбом, потому что ватник и валенки

у Шарикова были того же сорта, что и у всех. Только аккуратнее. А сапоги он чистил каждый день, с завидным постоянством, а грязь была кругом чуть не по колено. Одним словом, «чистоплюй».

— Шариков в душе лирик, потому и насвистывает из «Онегина», — говорили одни.

— Какой там лирик, он будет ученым, а это не совмещается... — утверждали другие. (Вот, оказывается, когда еще зрел конфликт между физиками и лириками!)

Через много лет я узнала, что Иван Степанович Шариков — кандидат философских наук.

В дни празднования 35-летия Комсомольска-на-Амуре я увидела на экране телевизора москвичей, ветеранов строительства.

Сергей Семенович Шефтелевич рассказывает:

— После пожара деревянного здания банка, где деньги тоже хранились в примитивных ящиках, подсчитывали деньги. Не пропало ни рубля. А пожар тушили с полсотни добровольцев, и главным образом глыми руками. Очень характерно для нашей моральной атмосферы.

Закончив свой рассказ, Шефтелевич обратился к седому человеку, скромно сидевшему где-то у края стола:

— Иван Степанович, как считаешь, какие еще характерные черты того времени у нас можно назвать?

Я чуть не подпрыгнула на месте... Ваня!

— Ну, что ж ты молчишь, Ваня?! — завопила я, не выдержав.

Знакомый короткий взмах руки, и, убежденно тряхнув седой головой, Шариков ответил:

— Самостоятельность! Инициатива!

«В августе 1932 года, — вспоминает Евдокия Петровна Сидоренко, — в Хабаровске собирали краевой слет физкультурников. Прислали приглашение и в глухую деревушку Пермское (будущий Комсомольск-на-Амуре), где в эту пору уже полным ходом шла раскорчевка тайги, постройка барачков, вступило в строй первое предприятие — лесозавод. В приглашении говорилось, что в составе делегации обязательно должны быть девушки».

Вообще-то, если сказать честно, было нам тогда не до физкультуры еще. К вечеру так спину наломалось, что только бы до подушки добраться. Но Лева Качаев заявил категорически:

— Осталось до выезда три дня, тренируйтесь!

Маруся Дорошева притащила откуда-то лохматую веревку, привязала один конец за забор, другой за высокий кедр:

— Прыгай, Дуся, не бойся, тут метра два высоты всего...

Дуся взяла разбег и понеслась вихрем, только пятки мелькали, подпрыгнула и... повисев на веревке животом, шлепнулась на землю.

— Ничего, — невозмутимо сказала Дорошева, — значит, надо на метр ниже, на метр-то уж прыгнешь. Давай!

Короче говоря, поехали мы на слет. Выдали нам майки, трусики, все честь честью. Прошагала по Хабаровску в общем строю и наша делегация. Прыгать, к счастью, не заставляли. Такая была у нас заря физкультурного движения. Лева Качаев успел во время слета жениться в Хабаровске. Обрато вернулся уже с женой. Она и сейчас работает в Комсомольске, Нина Тимофеевна Боровицкая, начальник цеха одного из заводов. Тоже не может Леву забыть, очень хорошо они жили.

Когда пять лет исполнилось Комсомольску, подарки нам, строителям, прислала чуть не вся страна. Лева тогда председателем горсовета был, и ему поручили раздать их. Он сам это сделал, распределил и rozdal сотням людей эти подарки. Без всяких ведомостей, расписок и прочей волокиты. На собраниях, из рук в руки, и все! И что интересно, ни один человек не был обижен или недоволен. Качаеву верили безусловно, уважали и любили его первостроители. Открытой и чистой души был человек».

Вызвал меня однажды секретарь горкома партии М. А. Жданов и дал поручение, от которого я была готова бежать сломя голову в тайгу.

Судите сами: «Отправляйся к причалу. Скоро подойдет «Калинин» и привезет писательницу Веру Кетлинскую. Устрой ее с жильем, питанием и познакомишь с нашими первостроителями. Словом, шефствуй, лицом в грязь смотри не ударь...»

ТЬфу ты, напасть какая! Писательница... как же ее узнать? Пошла в гараж за машиной и по дороге поделилась новостью с Сережей Шефтелевичем. Но он только сказал: «Ого!» — и помчался своей дорогой.

«Калинин» подошел, пассажиры сошли все до одного, а писательницы никакой не было. Стояла, правда, в сторонке какая-то

молодая женщина в черном берете, с чемоданчиком, да ведь мало ли народу приезжает. Оглядев еще раз причал, я направилась к машине. Не приехала! Тут женщина в черном берете окликнула:

— Товарищ, вы не меня ли ищете? Моя фамилия Кетлинская.

Ну вот, пожалуйста, с самого начала конфуз! Однако все обошлось. Привезла я Кетлинскую к себе домой. Жили мы тогда уже в приличных домах (шел 1934 год) в поселке с не очень уютным названием Аварийный. Выставила на стол весь запас консервов и, пробормотав что-то вроде:

— Не стесняйтесь, будьте как дома! — попыталась улизнуть.

Но гостья вдруг заявила:

— Гостеприимные хозяйки так не делают. Я буду есть только вместе с вами... Так мы познакомились.

Вера Казимировна очень быстро сумела стать своим человеком на стройке. Ее можно было видеть часто в комитете комсомола, на бетонном заводе, в столовых, в бараках и домах, где жили комсомольцы, на собраниях.

Однажды, когда она сказала, что едет

на катере в Дземги на 126-ю стройку, я, чертыхаясь в душе, поехала с ней. Амур в этот день бушевал как зверь. Катерок маленький, мало ли что бывало на Амуре в такую погоду. Нельзя допустить, чтобы Кетлинская утонула. Так я ей и сказала. Поехали, и как мы добрались? Я и сейчас удивляюсь. Эй, видите ли, было необходимо побывать в Дземгах на очень интересном собрании.

Кетлинская жила с нами бок о бок довольно долго. Несколько месяцев. Буквально впитывала в себя все, что ее окружало. Рождался роман «Мужество», любимая наша книга, выдержавшая больше десятка изданий. Вот уже тридцать лет читают эту книгу в нашей стране и за ее пределами с неослабным интересом. А тогда... тогда мы еще не знали, что ждет «Мужество» и его героев. Сколько испытаний предстоит автору. Один ныне здравствующий литератор в лихой момент в лихой статье обозвал «Мужество» «троцкистской клеветой на комсомол...». Сегодня я имею право спросить этого литератора по праву первостроителя и журналиста:

— Ну как?! То-то же!

1931

Президиум Центрального Исполнительного
Комитета Союза СССР постановляет:
За проявленную инициативу в деле
ударничества и социалистического
соревнования, обеспечивающих успешное
выполнение пятилетнего плана развития
народного хозяйства Союза ССР, наградить
Всесоюзный Ленинский Коммунистический
Союз Молодежи орденом «Трудовое
Красное Знамя».

Колонна комсомольцев на
Красной площади. Москва,
1925 г.

Бюро комсомольской ячейки
Первой табачной фабрики,
Москва, начало 20-х годов.

Ударная бригада
комсомольцев-
монтажников, работающая в
доменном цехе Кузнецкого
металлургического
комбината, Кузнецк, 1931 г.

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.

Николай Майоров

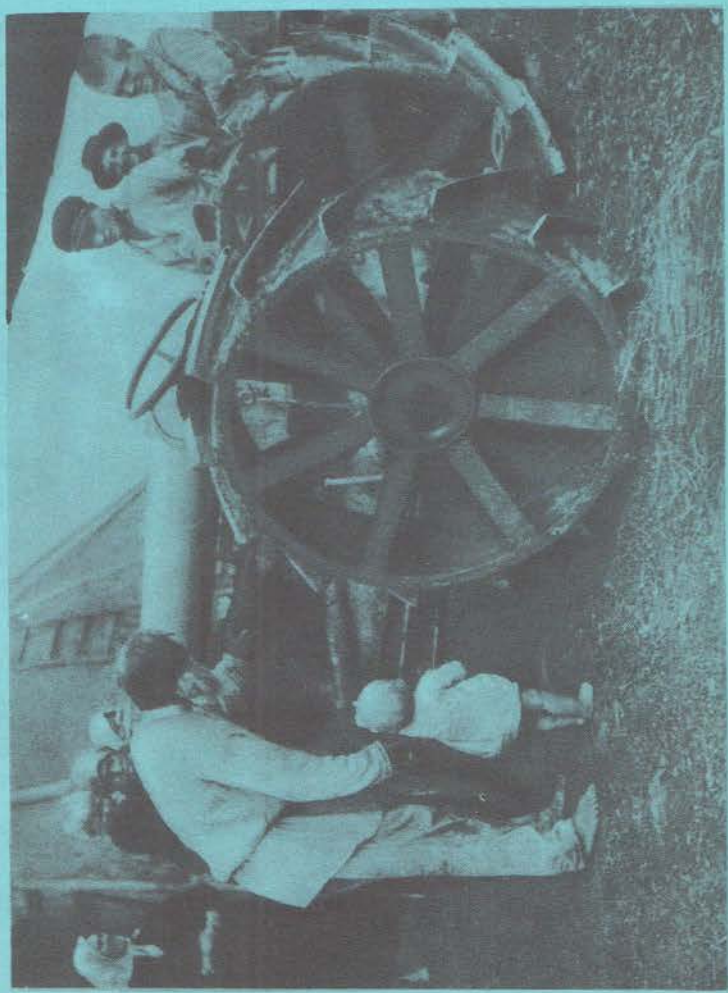
Первый советский
автомобиль завода АМО.
1924 г.

Орехово-Зуево, колхозники
окрестных деревень на
демонстрации. 7 ноября
1929 г.

Первый трактор в деревне.
1926 г.

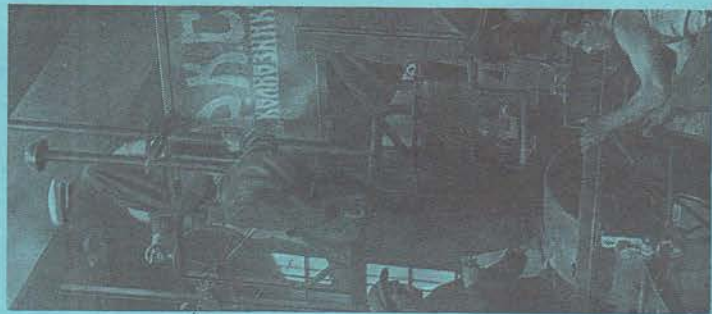

Общий вид президиума
IX съезда ВЛКСМ.
На трибуне А. Косарев,
1931 г.

М. И. Калинин и
А. С. Енукидзе на Первом
Всероссийном слете пионеров,
1929 г.

Монтаж первого комбайна
на Ростовском заводе
сельскохозяйственного
машиностроения.
Ростов-на-Дону, 1930 г.

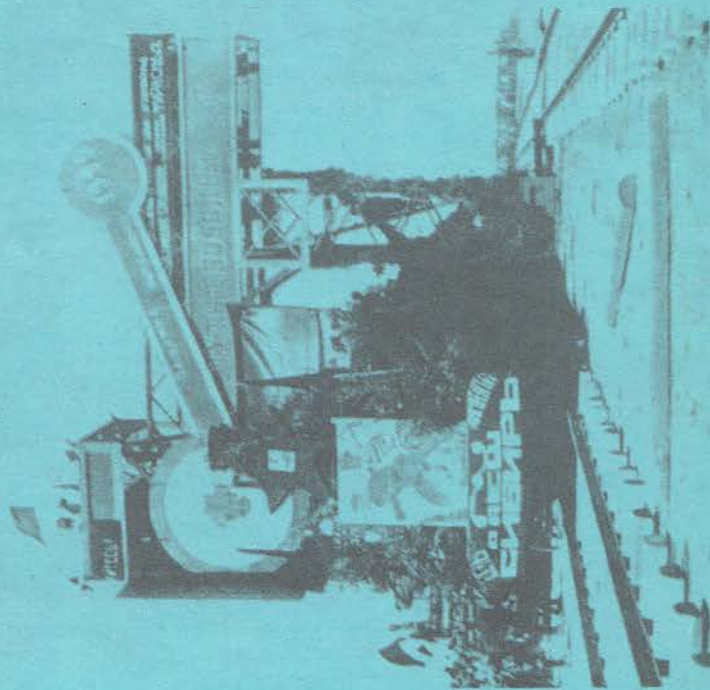

Я буду там, где должен
быть,
Куда поставит класс...

Сергей Чекмарев

Молодежь приехала на
стройку. Магнитострой.
1929 г.

Открытие Турксиба. Первый
поезд. 1930 г.

Ликбезники агитируют за грамотность и учебу.
Москва, 1929 г.

Маяковский среди молодых
рабочих.

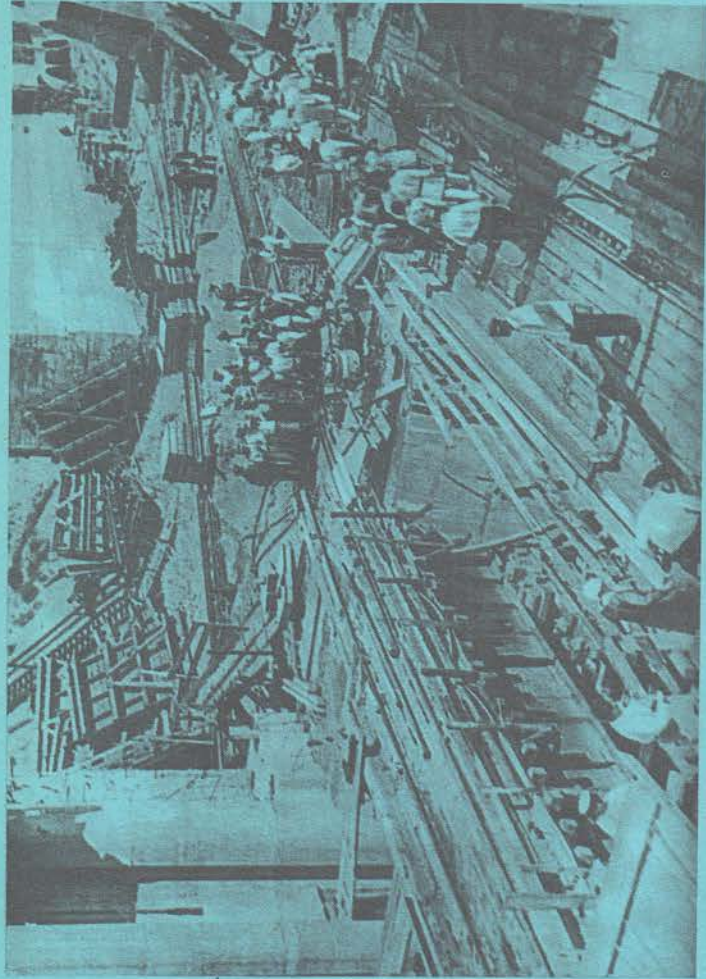

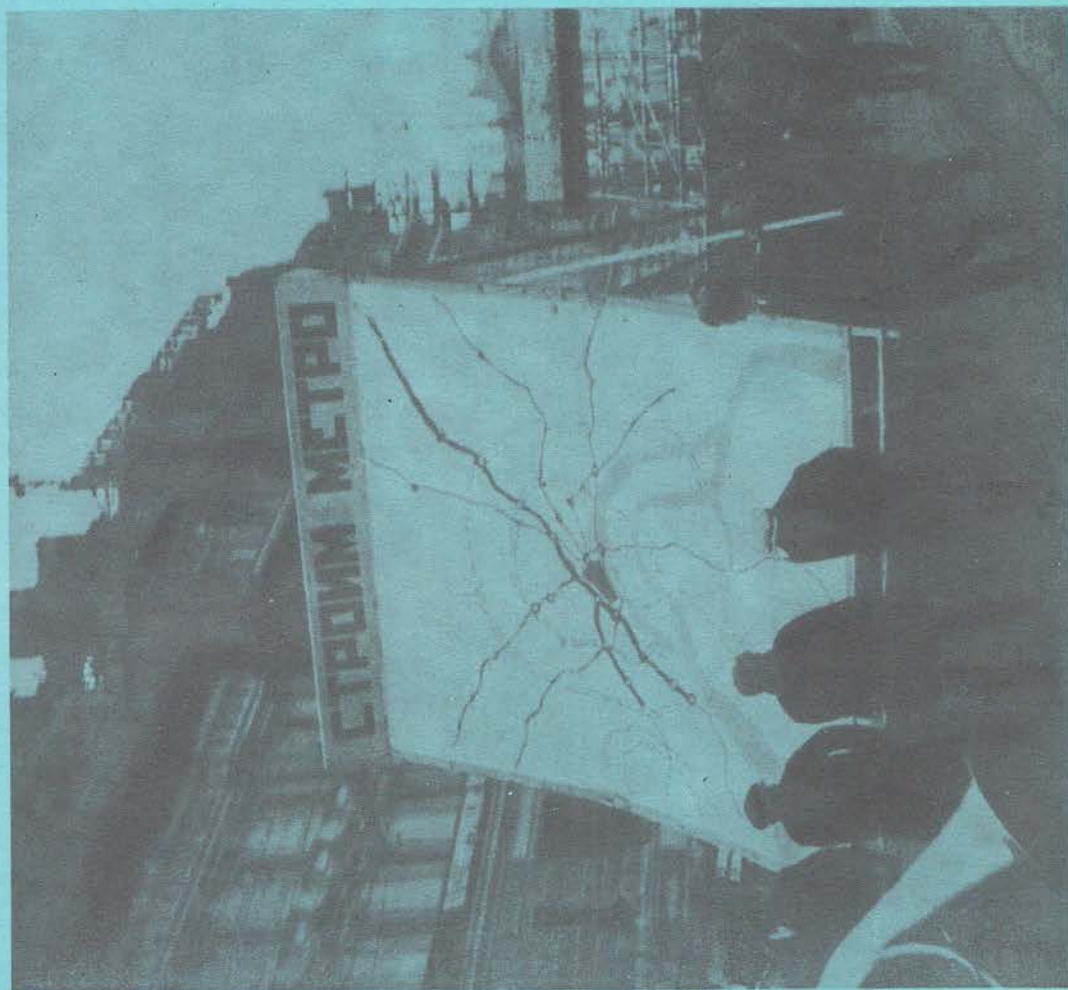
Комсомолец —
это застрельщик
в борьбе
за чистку
и труд.

Владимир
Маяковский

Двух пятилеток суровый
огонь
Нам никогда не забыть.

Павел Коган

Ударные бригады на
строительстве шлюза,
Днепрострой, 1930 г.

Колонна строителей
Московского метро на
демонстрации, 1932 г.

ОТВЕТ 1° АВГУСТА.
 НА ВЫЛАЗКУ ИМУЩЕСТВЕННОГО Дворянства
«БУРЕВЕСТНИК» СДАЕТ 1500 ЦЕНТОВ
 НА ЗАБОРОНУ СТРАНЫ 90-м
ДРАВСТВУЕТ МЕЖ. АРМИИ
 РОДНОЙ ДЕТИ
 ДЕТЯМ
 ЖДАТЬ БИ

Первая полярная
исследовательница
комсомолка Демме. 1930 г.

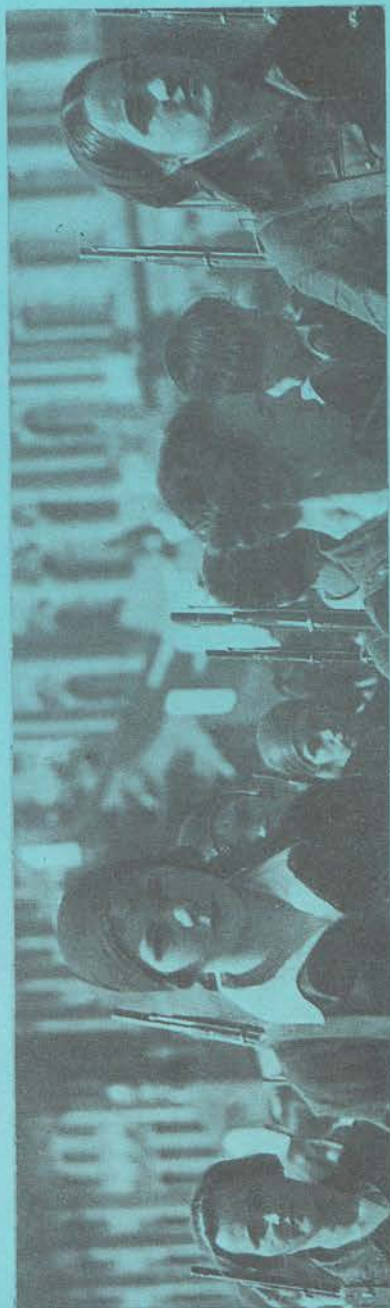
Н. К. Крутская с группой
делегатов X съезда ВЛКСМ.
Слева направо:
Е. Виноградова,
П. Ангелина,
М. Демченко. 1936 г.

Красное знамя на сопке
Песчаной у реки
Хатхин-Гол. 1939 г.

У озера Хасан. 1938 г.

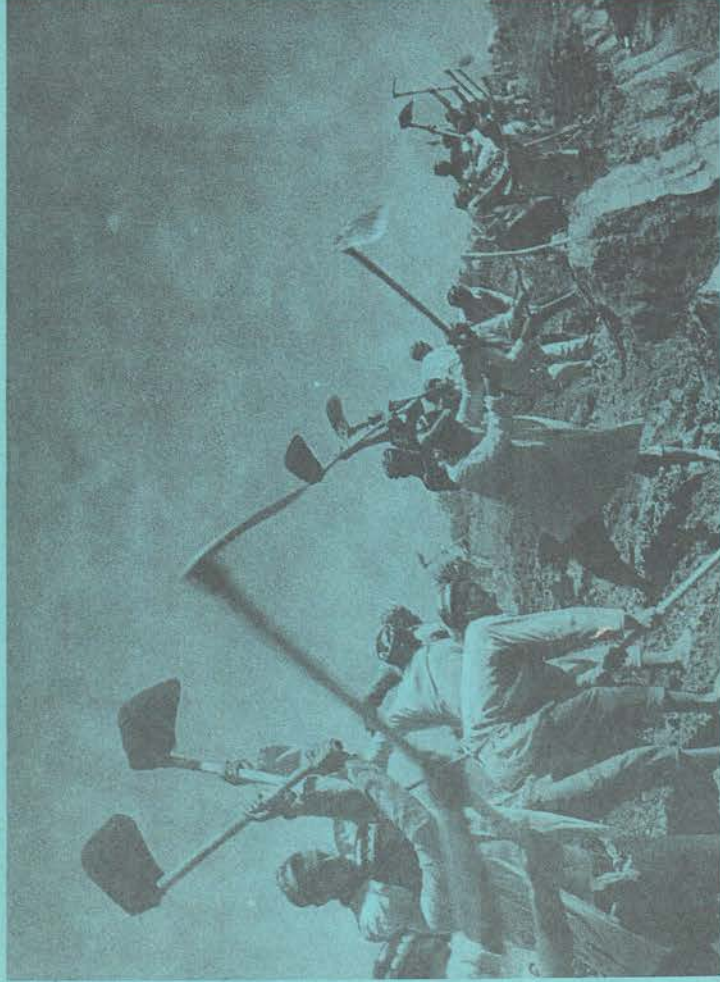
Вооруженные комсомолки
на параде. Ленинград.
1 мая 1930 г.

Мы жгли костры и вспять
пускали реки.
Нам не хватало неба и
воды,
Упрямой жизни в каждом
человеке
железом обозначены
следы...

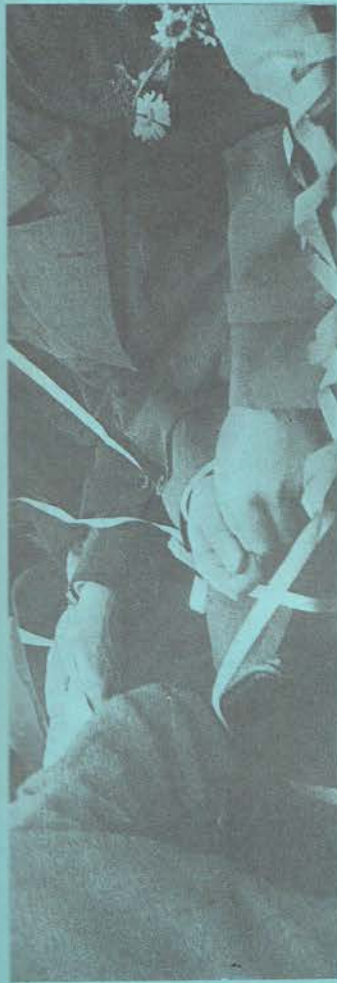
Николай Майоров

На строительстве
Ферганского канала. 1939 г.

В. В. Куйбышев,
О. Ю. Шмидт и Герой
Советского Союза летчик-
комсомолец Николай
Каманин во время встречи
челюскинцев, Москва,
1934 г.

Комсомолец Евгений
Федоров делает последние
метеорологические
наблюдения на дрейфующей
станции «Северный полюс»,
1939 г.

Друзья мои,
Пронзил нас теплым
светом,
Нас выннчил,
В цеха и в штольни ввел,
Нам указал маршрут,
Дал эстафету
Наш самый лучший
друг —
Наш комсомол.

Джек Алтаузен

Е. Гарлинская, Н. Кузьмина

Путь ученого

I

Раздвоенную вершину Эльбруса опять скрыли серо-свинцовые тучи. Дует ветер, здесь, наверху, всегда ветер. К вершине карабкаются люди. Ветер прижимает их к земле, заставляя сгибать и без того согнутые под тяжестью рюкзаков спины. Чертова погода! Три недели ждали они этого дня, и вот опять тучи! Три недели метели и снежные бураны делали путь к «Седловине» непроходимым.

Трудна дорога в царство вечного снега. Где-то, около 5000 метров внезапно злобно обрушивается на путников «горная болезнь». Сердце начинает бурно колотиться, тошнота подступает к горлу, тело наливается усталостью. На расстояние, которое проходили за пять минут, теперь уходит чуть не час.

5300 метров — вот высота, к которой стремятся путники...

Еще недавно они сидели в Москве, в своей лаборатории, эти кабинетные работники, впервые в жизни преодолевающие высоту. Они не альпинисты и не географы. Они — физики, изучающие загадки микромира. Высочайшая вершина Европы понадобилась им лишь как естественная «подставка», позволяющая приблизить приборы к космосу, откуда в составе космических лучей обрушиваются на землю частицы столь высоких энергий, получить которые искусственным путем пока невозможно. Изучение процессов, происходящих при взаимодействии этих частиц между собой и с атомными ядрами, может привести к открытию новых физических законов, новых элементарных частиц.

Интенсивность космических лучей на высоте много выше. Поэтому и возникла мысль подняться на горную вершину.

Исследование космических лучей, радиации Солнца, атмосферная оптика, геофизи-

ческие и физиологические проблемы, связанные с освоением высоты, — вот комплекс вопросов, которыми занималась экспедиция. Физической группой ее руководил Владимир Иосифович Векслер.

II

Четырнадцатилетним мальчиком Володя Векслер, не желавший мириться с порядками, установленными в семье отчимом, ушел из дому, чтобы жить в доме-коммуне.

Коммуна объединяла старших ребят Детского городка имени III Интернационала, созданного по инициативе А. В. Луначарского для детей, потерявших родителей, или из таких семей, где ребятам не могли быть обеспечены необходимые условия.

Мы говорили с друзьями Векслера по дому-коммуне Е. Н. Горюновой и В. Я. Поляковым и поняли, как много значила коммуна для всех ее участников. С какой любовью, гордостью вспоминали они годы, проведенные там! «Ведь ни один из нас двадцати пяти не сошел с пути, не оступился, — говорила Е. Н. Горюнова, — все получили высшее образование, и каждый на своем месте умел отдать Родине все свои силы».

В старинном особняке Хамовнического района, отданном под дом-коммуну, живут 25 мальчиков и девочек — коммунаров. У них широкое самоуправление и полное самообслуживание. Все они разные, и разные у них судьбы, но всех их роднит большая дружба и верность «духу коммуны».

Живут коммунары по строгому регламенту: с утра дежурные отправляются на кухню и на уборку, потом на завтрак и в школу, после уроков обед. Вечером кружки, внешкольные занятия, после ужина в 10 часов отбой. Все серьезные вопросы решает общее собрание, решению обязаны подчиняться беспрекословно. Ну, а пока не решили, спорить можно сколько хочешь. И спорили, конечно, и ссорились, а все же спайка была крепкая, на всю жизнь.

Педагоги в школе были прекрасные, А. В. Луначарский сам подбирал туда кадры. Сумели они так заинтересовать ребят, что учеба была для них всегда радостью. Особенно любили они преподавательницу истории Екатерину Алексеевну Сидорову; она так сжилась с коммуной, что казалось, была одним из ее членов.

В коммуне прошли пять лет жизни Володи Векслера. Здесь формировался его характер, здесь нашел он друзей, которым оставался верен всю свою жизнь.

В. Векслер (в центре), помощник
электромонтера ситценабивной фабрики
имени Я. М. Свердлова. Москва. 1926 г.
Слева — В. Поляков, чехольщик,
справа — С. Гуревич, возчик.

Он редко рассказывал о своих детских годах, может быть, потому, что не успел дожить до тех лет, когда любят вспоминать прошлое. Но привычки, приобретенные в доме-коммуне, навсегда укоренились в его поведении. Он любил простые вещи, скромную обстановку. Уже будучи академиком и имея большую, хорошо обставленную квартиру в Москве, он, приезжая из Дубны, жил в самой маленькой комнатке, где стояли железная кровать, табурет и будильник.

Еще в коммуне Володя увлекался физикой, заберется куда-нибудь в уголок и мастерит. А потом удивит товарищей новой поделкой вроде радиоприемника, который тогда казался чудом.

Были и кружки по философии и политэкономии, где часто выступал Володя Векслер.

Ячейка коммуны была самой активной в районе, она руководила всей пионерской внешкольной работой в городке. Во время своих поездок в деревню коммунарки вели там большую работу — и школы ликбеза умели наладить, и с женщинами, поговорить, и с попами поспорить.

«А почему успевали? — говорит Е. Н. Горюнова. — Мы тогда научились каждую минутку использовать, была у нас организована «Лига времени» — модное тогда общество, и такое было строгое расписание, что только держись и поспевай».

И попевали — и в театре Художественном ни одной постановки не пропускали, и Маяковского слушать ходили, и в состязаниях спортивных участвовали, и в огороде коммунаром работали.

По окончании школы-девятилетки всем коммунарам были предложены путевки

в вуз. И тут состоялся «большой разговор». Должны ли они идти учиться или сразу, немедленно включиться в жизнь страны, помочь в новом трудном деле создания технической мощи государства? Спорили долго, даже перессорились все. Да, вопрос был трудный, и решили они его так, как в то время подсказало им горячее комсомольское сердце. «Как наши отцы шли в гражданскую защищать республику, так и мы должны идти строить коммунизм своими руками». Решив, были уже единодушны — все 25 коммунаров отказались от путевок в вузы и пошли на производство.

Володя Векслер вместе с несколькими товарищами поступил на ситценабивную фабрику имени Я. М. Свердлова и стал учеником монтера в электромеханической мастерской, которая обслуживала все электрическое хозяйство фабрики. Работавший вместе с ним Н. С. Анищенко рассказывал, что Володя стал работать как одержимый, оставался вечерами, приходил в выходные дни. Его способности и рабочую смекалку оценил заведующий мастерской С. Н. Птицын и стал давать ему все более ответственную работу. Вскоре ему поручили обмотку моторов, которая делалась тогда вручную. От качества моторов зависела работа всего станочного парка, и Володя очень гордился оказанным ему доверием.

И здесь, в мастерской, Володя был в гуще комсомольской жизни — его избрали секретарем.

Сразу оживилась работа ячейки. Вот уже новый секретарь взволнованно указывает необходимость максимального уплотнения рабочего дня, организует летучие бригады по борьбе за чистоту рабочего места, по борьбе с хищениями. Потом подошло и более трудное испытание стойкости ячейки — борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией, дни горячих дискуссий в защиту линии партии.

Комсомольским делам, как и работе на производстве, Володя отдавал себя полностью, горячо и безотказно. Свободного времени совсем не оставалось, даже читать приходилось урывками, даже в шахматы, которые он очень любил, некогда было сыграть, разве что иногда в обеденный перерыв, перехватив что-нибудь всухомятку.

Так, может быть, и остался бы Володя Векслер фабричным монтером, если бы старшие товарищи не обратили внимание на редкую сообразительность юноши и большую любовь к книге, а призыв партии говорил: «Стране нужна своя техническая ин-

теллигенция». Через два с половиной года Векслер по комсомольской путевке был направлен в Плехановский институт.

III

Занятия в институте Векслер начал по тому же методу, что и работу на фабрике, — набросился на книги как одержимый. Теперь, наконец, он мог удовлетворить привитую в коммуне любовь к учебе и присущее ему стремление узнать изучаемый предмет во всей полноте. Ему доставляло наслаждение подводить теоретическую основу к известным уже практическим навыкам и, наоборот, доказывать практическими примерами правильность теоретических положений.

Способности у Векслера были исключительные, схватывал он все удивительно быстро. «Я убедился в этом, — рассказывал его друг Б. М. Исаев, — когда мы, уже окончив вуз, начали преподавание на кафедре МГУ и ощутили недостаточную свою подготовку по математике. Вместе зашли мы за 3-й том «Высшей математики» Смирнова, Володя усваивал все гораздо быстрее меня, хотя я уже занимался по этой книге, а он читал ее впервые».

Языки он выучил самоучкой, зубря слова по дороге, в трамвае. Он свободно читал по-немецки и по-английски, хотя произношение у него было, конечно, плохое.

Несмотря на большую загрузку общественной работой, Векслер вскоре оказался впереди своих сокурсников, сдав многие зачеты досрочно. Когда позднее в связи с реорганизацией вузов он был переведен в Электротехнический институт, то решил кончать его экстерном и в 1930 году поступил на работу в лабораторию рентгеноструктурного анализа ВЭИ. В материалах Векслера, хранящихся в архиве Академии наук СССР, нам попался маленький пожелтый листок — выписка из приказа № 94 по МЭИ от 18/V 1931 года: «Студента Векслера В. И. считать окончившим и дать квалификацию инженера по специальности рентгенотехника с 17/V 1931 г.».

В это же время Векслер женился на Нине Александровне Сидоровой, дочери любимой учительницы коммунаров Екатерины Алексеевны. Давно уже семья Сидоровых стала для Володи родным домом, дружба с Ниной началась еще в годы коммуны и прошла через всю их совместную жизнь, которая была удивительным примером настоящего содружества двух коммунистов.

Группа бывших воспитанников детского дома имени Коминтерна. Первый слева — В. И. Векслер, вторая — его жена Н. А. Сидорова (в будущем доктор исторических наук, профессор МГУ). Москва. 1931 г.

На равных правах шли они по жизни рядом, вместе начинали учиться, почти в одно время защитили кандидатские, потом докторские диссертации. Оба сначала активные комсомольцы, потом члены КПСС, вели постоянно большую общественную работу, отдавали себя полностью любимой науке (Нина Александровна была историк).

«Работа отнимала все их время, некогда им было позаботиться об удобствах личной жизни, иной раз с болью в сердце приходилось приносить в жертву даже заботу о дочери, но они считали своим долгом и своим счастьем отдать работе всю свою жизнь», — так говорили нам люди, близко знавшие семью Векслеров.

Вот несколько штрихов из жизни Векслеров, рассказанных их друзьями: «Жили Векслеры в комнате, переделанной из ко-

нюшни, очень сырой и холодной». Долго у Владимира Иосифовича не находилось времени и желания, чтобы позаботиться об улучшении своих бытовых условий. И только когда Нина Александровна заболела туберкулезом, он обратился к Вавилову с просьбой о предоставлении жилплощади. Был он в это время уже профессором и давно мог рассчитывать на устройство своей семьи. Получив отдельную квартиру, Владимир Иосифович предложил жить с ними рядом работнице с мужем переехать тоже и занять одну из комнат предоставленной ему квартиры. Вот еще эпизод, характерный для семьи Векслеров. В годы войны, в Казани, они подружились с семьей одного местного работника; внезапно он и его жена умерли, оставив двух детей. Старшего взяли родственники,

а младшего, девятилетнего Артура, решила взять Нина Александровна. Но мальчик полутатарин-полубашкир отказался, сказав: «Не хочу к русским». Прошло какое-то время, и однажды утром Нина Александровна услышала, как кто-то скребется в дверь. Открыла — за дверью стоял Артур, худой, грязный. «Вот я пришел к вам», — сказал он. Векслеры, конечно, взяли его, и он прожил в их семье до семнадцати лет. Они очень баловали мальчика, особенно Владимир Иосифович, который всегда в ссорах его с дочкой говорил: «Уступи — у тебя есть отец и мать, а у него нет».

Все звавшие Владимира Иосифовича рассказывают о большом его внимании и заботе о людях и полном пренебрежении к своим собственным интересам. Так, в трудные годы, когда у всех были огороды, Векслер безотказно предоставлял свою персональную машину буквально любому, кто просил ее, и только сам с семьей таскал картошку на собственных плечах.

В 1941 году, когда началась Отечественная война, Владимир Иосифович решил идти добровольцем на фронт, а Нина Александровна — в ополчение.

IV

О годах работы В. И. Векслера в лаборатории рентгеноструктурного анализа Всесоюзного электротехнического института вспоминает Б. М. Исаев: «Ходил Володя в то время в военной форме и огромных кирзовых сапогах, которые спадали с него. Роста он был маленького, и моя мама, крупная женщина, шутя говорила: «Открываю дверь — никого, посмотрела вниз, а это Володя!»

Работали много, причем настоящая работа обычно начиналась после 4 часов, так как Володя имел бесчисленные общественные нагрузки и вечно был в бегах. Засиживались на работе так поздно, что часто уже не было трамвая, и тогда шли пешком из Лефортова на Zubovskuyu площадь, через всю Москву».

Лаборатория рентгеноструктурного анализа не была похожа на лаборатории современных физических институтов, она была тесновата, темновата и плохо оборудована. В ней не хватало самых необходимых вещей, начиная с осциллографов и других измерительных приборов и кончая паяльными горелками. Словом, это была лаборатория, типичная для первого десятилетия становления советской науки.

Именно с измерительной аппаратуры и начал Векслер тут свою работу.

Еще не так давно мир был поражен необыкновенной картиной вселенной, которую открыли ему физики, сумевшие заглянуть в тайны строения вещества. Рентгеновские лучи, радиоактивное излучение, частицы, приходящие из далекого неведомого космоса, — все эти открытия посыпались на головы ученых, не подготовленных еще к принятию и освоению новых сведений об окружающем мире. Неподготовленной была и техника измерений этих новых физических факторов. Несоввершенство ее приводило иногда к курьезным открытиям, вроде нашумевших опытов Шленкленда, которые опровергали закон сохранения энергии. Абсолютные значения интенсивности излучений, получаемые различными авторами, так отличались друг от друга, что практически были несравнимы. Векслер занялся изучением методов измерения ионизационного излучения. И только разобравшись он в существующем положении, как поток идей захлестнул его. Идеи приходили внезапно — за письменным столом, при сборке схемы, на трамвайной остановке, за тарелкой пшенной каши в институтской столовой... Он изменял от идей, он не мог с ними справиться!

Каждое утро в лаборатории начиналось так: прибежал Векслер, маленький, взъерошенный, запыхавшийся, и провозглашал: «Ребята, у меня идея!» Выложив идею, он поглядывал на товарищей — будут ли возражения. Возражения, конечно, были, тысячи возражений! Начинался жаркий спор. Иногда в споре рождалась истина, иногда его осеняла в это время новая идея, и, пока друзья ожесточенно критиковали первую, он, пристроившись в уголке за столом, лихорадочно чертил новую схему, подсчитывал возможные результаты.

Иногда, махнув рукой на неудавшийся опыт, Владимир Иосифович садился играть в шахматы с А. Бибергалем. Исаев сердился, что работа стоит, а Векслер говорил: «Ты там меряй, меряй, а я сейчас». Тогда Исаев подходил и снимал какую-нибудь фигуру, игра поневоле прекращалась, и Векслер, вздохнув, принимался за работу.

Работал он очень быстро, бесконечные припаи при сборке делал прочно, но неаккуратно, так что собранные им схемы выглядели неказисто. Впрочем, за красотой он и не гнался, главное, чтобы схема правильно работала, а «проверяли правильность, — шутит Б. М. Исаев, — методом пережигания пробок». Прекрасно разбира-

В. И. Векслер. Конец 20-х годов.

ясь в электротехнике, Владимир Иосифович любил делать все своими руками, всегда сам устранял все неполадки в оборудовании, с которым работал. Даже стеклодувные работы он делал сам, причем друзья поражались причудливым формам сделанных им деталей, в которых он опять-таки не стремился к внешнему изяществу.

В своих воспоминаниях о В. И. Векслере один из его учеников, М. С. Рабинович, писал: «Почти 20 лет он сам собирал, монтировал различные придуманные им установки, никогда не чураясь любой работы. Это позволяло ему видеть не только фасад

современной физики, не только ее идейную сторону, но и все, что скрывается за окончательными результатами, за точностью измерений, за блестящими шкафами установок. Он всю жизнь учился и переучивался. До самых последних лет жизни вечерами, в отпуске он тщательно изучал и конспектировал теоретические работы».

Необходимость широкой теоретической подготовки в области физики стала ясна Владимиру Иосифовичу уже с первых лет его работы, и сейчас же он взялся за книги по теории. Будучи по специальности инженером-электриком, Векслер за короткий срок, по существу, переквалифицировался в ученого-физика.

Уже в те годы Владимир Иосифович поражал диапазоном эрудиции и великолепной конкретностью своего мышления. Он обладал редкой способностью облекать теоретические положения в ясную, конкретную форму. «Володя мог объяснить любую самую сложную вещь на пальцах», — рассказывал Б. М. Исаев.

Другую особенность его мышления подчеркивает в своих воспоминаниях М. С. Рабинович: «При бурной творческой работе у Векслера возникало много идей, иногда были и неправильные, но по большей части весьма интересные и настолько на первый взгляд фантастические, что они вызывали у многих физиков, привыкших к традиционному медленному, «солидному» движению по дороге науки, возражения, порой даже насмешку...»

«Мысль его слишком парадоксальна», — сказал как-то один из таких ученых, но это, пожалуй, неверно ни в научном, ни в житейском смысле.

По распространенному у нас мнению, физики вообще любят парадоксы и афоризмы. Владимир Иосифович как раз опровергал это мнение: парадоксов он не любил, о Бернарде Шоу, например, говорил: «Это кривляние». Афоризм употреблял главным образом один, собственного изобретения: «Еще в библии сказано, что дураков много». Дураков он недолюбливал и довольно ехидно умел их высмеять. С умными же любил спорить, но всегда был готов выслушать любое, даже самое абсурдное на первый взгляд положение до конца.

В лаборатории рентгеноструктурного анализа Векслер проработал шесть лет, пройдя путь от лаборанта до заведующего лабораторией. В это же время он защитил диссертацию и получил звание кандидата физико-математических наук. В результате его работы по методам исследования

ионизационных излучений родился новый метод «пропорциональных счетчиков», или, как иначе его называли, «пропорциональных усилителей». Он отличался от обычного метода счетчиков Гейгера-Мюллера тем, что позволял не только считать число частиц, но и определить их ионизирующую способность. Больше того, установка с пропорциональным счетчиком могла быть «настроена» таким образом, что избирательно регистрировала частицы, обладающие ионизирующей способностью не менее определенной заданной величины.

V

В 1936 году В. И. Векслер перешел из Электротехнического института в Физический институт Академии наук. Произошло это так: группа молодых физиков, работавших тогда в ФИАНе — И. М. Франк, П. А. Черенков, Л. В. Грошев, — узнали о его работе с пропорциональными усилителями и попросили сделать доклад у них на лабораторном семинаре. Заведующим этой лабораторией был в то время С. И. Вавилов, а научным консультантом Д. В. Скобелев. После семинара Владимира Иосифовича спросили, не хочет ли он поговорить с Вавиловым о возможности перехода в ФИАН. В своих воспоминаниях о встречах с С. И. Вавиловым Векслер писал: «...Я, конечно, мог только мечтать о возможности работать в таком замечательном коллективе. В ФИАНе тогда работали и такие замечательные ученые, как Л. И. Мандельштам и Н. Д. Папалекси со своей группой выдающихся теоретиков, И. Е. Тамм, Г. С. Ландсберг и многие другие.

Помню, как в назначенный день И. М. Франк встретил меня в здании на Миусской, где прежде помещался ФИАН, и прямо проводил в кабинет Сергея Ивановича.

В этом кабинете, в котором стоял большой старинный письменный стол и стеклянный шкаф, в котором хранились различные приборы, выполненные, в частности, Лебедевым и др., меня встретил высокий, еще очень молодой и красивый человек. Это и был С. И. Вавилов.

Естественно, что, идя на прием к академику Вавилову, я очень волновался, не представляя себе, как я буду разговаривать с этим широко известным ученым. Первое наиболее сильное впечатление произвело на меня то, что Сергей Иванович держался необыкновенно просто и добро-

желательно. Он заговорил со мной, и буквально с первых минут разговора я совершенно успокоился. Сергей Иванович предложил мне перейти в ФИАН в докторантуру и выразил согласие быть моим научным руководителем. Это была для меня единственная возможность уйти из ВЭИ, так как по закону аспиранта-докторанта нельзя было задержать.

Впечатление удивительной простоты осталось у меня на всю жизнь. Впоследствии я много раз убеждался, что простота в обращении со всеми людьми независимо от их рангов, ученых званий и возраста, постоянная доброжелательность к людям были наиболее привлекательными чертами Сергея Ивановича как человека...

Характерной чертой Сергея Ивановича, особенно ярко бросившейся мне в глаза в те времена, когда я только начал работать в ФИАНе, было стремление осуществлять простой, но глубокий эксперимент с использованием минимума технических средств. Он всегда приводил нам, молодым физикам, когда мы хотели создавать сложную аппаратуру для экспериментов, множество примеров из истории науки, показывая, что большие открытия достигались за счет напряженной работы мысли, а не за счет создания сложной аппаратуры».

Свое умение проверить сложнейшую теоретическую гипотезу на простом, самим сконструированном приборе Векслер развил, по-видимому, под влиянием С. И. Вавилова. Владимиру Иосифович считал, что во всем его научном развитии большое значение имела работа в Физическом институте.

О Физическом институте Академии наук работавшие там в те годы физики рассказывают: «В институте царил замечательная атмосфера безграничной преданности науке. Все научные вопросы по самым различным разделам физики обсуждали всем коллективом, без деления на младших и старших, без деления на оптиков, ядерников, теоретиков».

Темой своей докторской диссертации Векслер взял «Исследование сильно ионизирующих частиц в составе космической радиации». Давно уже мечтал он «пощупать, что там творится в космосе», что представляют собой космические лучи, мчащиеся со скоростью света, разрывающие тоненькую оболочку газа, окружающего нашу планету, разбивающие молекулы на осколки. Что известно о них? Да почти ничего. Американские ученые Андерсон и Наддермайер указывали на наличие в кос-

Эльбрусская экспедиция. 1937 г.

мическом излучении тяжелых электронов с массой, превышающей во много раз обычные электроны, но это обосновывалось только косвенными соображениями. Большое значение имело открытие Д. В. Скобельцыным в 1927 году с помощью камеры Вильсона следов заряженных частиц, обладающих очень высокой энергией. Работы Л. В. Мысовского и С. Н. Вернова дали возможность проникнуть еще на шаг в тайну космоса. Векслер решил — с помощью своих пропорциональных усилителей он поймает эти таинственные частицы и выяснит их истинную сущность.

Экспедиция на Эльбрус сулила для этих работ громадные возможности, ведь, поднимаясь на высоту, они оставят за собой около половины массы всей атмосферы, и притом наименее прозрачную ее часть, ин-

тенсивность космического излучения должна там возрасти в несколько раз. Векслер ждал экспедицию с большим нетерпением. Отправлялись вместе со старыми товарищами: Исаевым, его соавтором по конструированию пропорциональных счетчиков, и Н. А. Добротинным.

Б. М. Исаев вспоминает, с какими трудностями доставляли они свою аппаратуру из Москвы на Эльбрус. Денег на экспедицию отпущено было мало, и, чтобы не тратиться на дорогостоящий багаж, решили взять все с собой в вагоне. Основной тяжестью были бруски свинца, используемые в качестве непроницаемых экранов. Весили они по 60 килограммов каждый, а пронести их в вагон надо было, небрежно помакивая свертками, делая вид, что это легкие коробки с карандашами или папиросами.

Н. А. Добротин и В. И. Векслер.
Эльбрусская экспедиция. 1937 г.

Друзья, по-видимому, не очень удачно исполнили свою роль, так как вскоре в купе явилась поездная бригада с представителями ГПУ. «Вы везете динамит», — сказали они. Векслер, спокойно ткнув в один из свертков горячей папиросой, сказал: «Да, динамит, вот, пожалуйста, образчик». Недоразумение кое-как уладилось. Но это было только началом трудностей с доставкой их груза к месту испытаний. После поезда груз везли на машине, затем его взгромоздили на ишаков. Дальше, на высоту, груз поднимали вручную проводники, опытные высокогорники. Эта операция оказалась одной из самых дорогих статей расходов экспедиции — платили за перенос «бешеные деньги», уж очень тяжел был подъем.

Теперь, когда наши ученые имеют возможность проводить свои исследования на

благоустроенных высокогорных станциях Эльбруса и Памира, трудно представить себе условия экспедиции тех дней. Дороги к высокогорным точкам не были еще проложены, специальных зданий не было, снаряжение было бедным, одежда малоприспособленной... Словом, хотя экспедиция по тому времени была организована прекрасно, она была трудным делом, поистине научным подвигом.

Экспедиция располагалась в трех пунктах: лагерь нижней базы «Терскол» на высоте 2200 метров над уровнем моря, лагерь «Приют девяти» (4250 метров) и приют «Седловина» на высоте 5300 метров.

На базе «Терскол» весь состав экспедиции проходил период акклиматизации, проводилась сборка и опробование аппаратуры, вся подготовка для развертывания ра-

Н. М. Рейнов, В. И. Векслер.
Эльбрусская экспедиция.

бот на высоте. Здесь оставались в дальнейшем метеостанция, аэрологический пункт, биохимическая лаборатория. Дальше путь к «Приюту девяти», зоне вечного снега. Температура там днем 0° , ночью — -10 — -15° . «Приют девяти» расположен на скалистом острове среди снежных полей, рядом с маленьким домиком высокогорной метеостанции. Жили в палатках, установленных на камнях или прямо на снегу. Высота 4250 метров давала возможность ставить уже целый ряд исследований первостепенной важности, но работать на такой высоте было трудно: атмосферное давление здесь значительно ниже нормального, вязкость крови резко увеличена, нарушается ее циркуляция, повышается нагрузка на сердце.

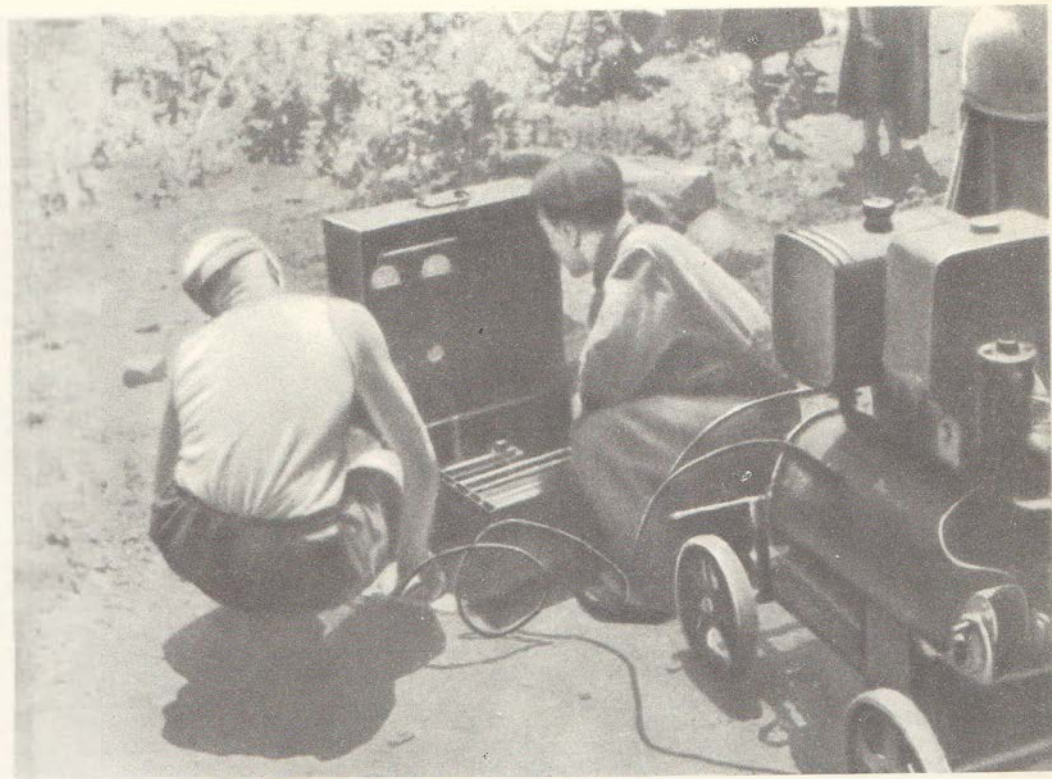
На самой высокой точке — «Седлови-

не» — работу вели только физики. Иногда туда поднимались физиологи, чтоб на них, как на «подопытных кроликах», провести свои наблюдения о влиянии высоты на организм.

VI

Снеговая вершина Эльбруса. К крутому склону прижалась крохотная будка-коробка. Будка загромождена приборами, свинцовыми экранами, запасными частями, мешками с продовольствием и одеждой. Передвигаться в ней надо с крайней осторожностью, чтоб не задеть горящих на полу керосинок. В будке сидят два физика — Векслер и Исаев.

Начали сборку аппаратуры, руки плохо слушаются, сводит пальцы. Щелкают

включатели, один за другим вводятся в работу счетчики, они начинают лихорадочно отстукивать импульсы — целый шквал невидимых частиц навалился на установку. Тонкие стрелки на белой шкале приборов дрогнули и двинулись по кругу. Прибор работает. Теперь надо наладить его для избирательной регистрации частиц большой массы. До чего же тяжелы свинцовые экраны, никак не сдвинешь их с места! Холодно; керосинкам, которые поставлены для отопления, не хватает кислорода, и они чадят, лениво потрескивая. Не хватает кислорода и людям, очень болит голова, совершенно отказывается соображать. Вот Векслер подключил анод вместо катода. «Черт, пережгли все лампы!» Начинаются поиски запасных. Делают это медленно, двигаясь как тяжелобольные. На-

ткнулись на мешок с конфетами «Мишка косопалый». Кто-то из хозяйственников решил побаловать энтузиастов науки и распорядился затащить мешок в будку. «С отращением посмотрели мы тогда на «Мишек», — вспоминает Исаев, — а потом, внизу, вспоминали о них с сожалением, особенно Володя, который любил сладкое, а в те годы это была малодоступная роскошь».

Наконец они настроили установку, напряженно слушают. Тишина. Частиц нет! Проходят минуты, может быть, часы, забыли отметить время... Вдруг тишину прерывает резкий звук — удар! Еще удар! Потом снова тишина и напряженное ожидание... И снова несколько ударов!

Вот они — эти неизвестные, предсказанные частицы! Если до сих пор в миро-

вой литературе существовало только несколько фотографий следов тяжелых частиц, теперь с помощью пропорциональных счетчиков их можно будет зарегистрировать сотни, тысячи, десятки тысяч! Впрочем, вспоминает Исаев, в то время им удалось поймать всего около сотни импульсов.

Они сидели часами, поджидая свою добычу, сидели, не обращая внимания на головную боль и тошноту, не замечая холода, сводящего пальцы, забывая, что надо хоть немного поспать, хоть насильно поесть что-нибудь...

Они провели на высоте целую неделю и спустились вниз тощие, заросшие, похожие на привидения, но совершенно счастливые.

В итогах работы Группы физики за 1937 год, опубликованных в «Вестнике Академии наук СССР», отмечено, что Физический институт дал целый ряд прекрасных работ, в числе которых можно назвать премированную академией работу Векслера, создавшего оригинальную систему счетчиков частиц и выполнившего очень интересную работу на Эльбрусе над жесткой компонентой космического излучения. Этой работой было доказано, что найденные частицы обладают массой в 50—300 раз большей, чем электроны. Был указан и механизм образования этих частиц и факторы, на него влияющие.

Открытие громадного значения, исследование первостепенной важности — так характеризовали эту работу ученые.

Владимир Иосифович продолжал изучение космических лучей в течение нескольких лет. Важнейшим результатом следующего этапа его работ было открытие нового типа ливней, названных электронно-ядерными: в них наряду с вторичными ядерно-активными частицами образуются и электроны. Исследование свойств этих ливней и процесса их генерации создало целое направление в физике космических лучей. Более 20 научных исследований Векслера посвящено вопросам, связанным с космическими лучами. Даже переключившись на работу в другой области физики, он не терял связь с этой долговременной ему тематикой и часто наезжал летом в экспедиции на Эльбрус и Памир. Несколько раз он брал с собой Нину Александровну и дочку. Характерно, что он ни в коем случае не допускал, чтобы семья просто отдыхала во время этих поездок. Екатерина Владимировна вспоминает, что ее, тогда еще девочку, Владимир Иосифович приспособил

крутить ручку какого-то аппарата и требовал, чтобы обязанность эта выполнялась добросовестно.

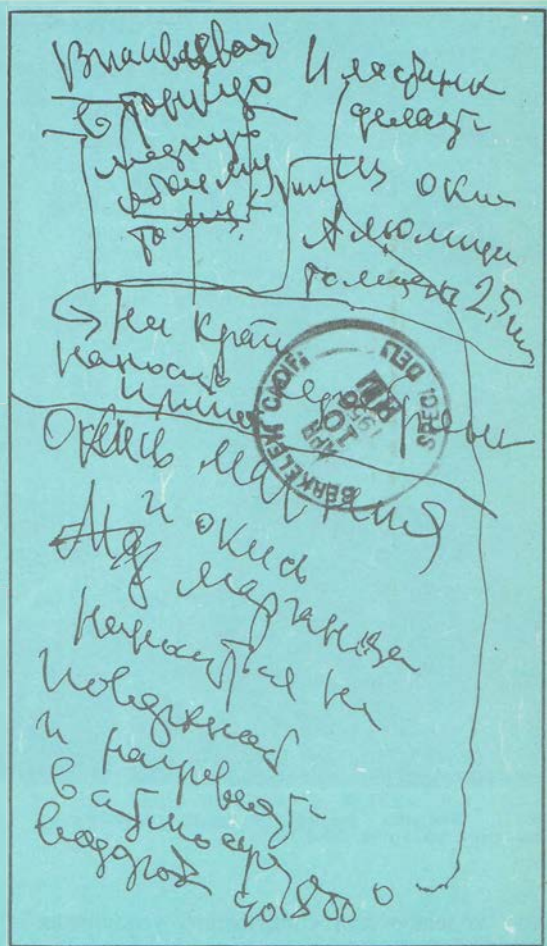
VII

В годы Великой Отечественной войны, проводя работы, необходимые фронту, Владимир Иосифович не оставлял и свои исследования в области экспериментальной физики. И как в первые годы работы в ФИАНе, когда он взялся за исследование космических лучей, открывающих физикам новые пути постижения тайн природы, так и теперь он был снова на переднем крае науки — снова искал новые пути.

Уже давно физикам, занимающимся исследованием элементарных частиц ядра атома, стала ясна необходимость создания искусственных генераторов частиц очень высокой энергии. Впервые ученый Лоуренс сделал решающий шаг в этом направлении, создав свой циклотрон, основанный на резонансном принципе ускорения. Прибор этот сыграл значительную роль в создании ускорителей элементарных частиц, позволив повысить предельную энергию их в 10—15 раз. После этого в проблеме ускорителей наступил застой, преодолеть который казалось невозможным.

В 1944 году В. И. Векслером был предложен новый принцип ускорения релятивистских частиц (частиц, движущихся со скоростью, близкой к скорости света), который привел к прогрессу ускорительной техники во всем мире. Это был качественный скачок в решении проблемы создания ускорителей, позволивший увеличить предел достижимых энергий более чем в 1000 раз. Через год независимо от него те же идеи были высказаны американским физиком Макмиланом. Все работающие, строящиеся и проектируемые ускорители сверхбольших энергий используют этот метод, названный Векслером методом автофазировки.

Принцип автофазировки схематически сводится к следующему: электрическое поле изменяется таким образом, что частицы, движущиеся в камере, как бы сами определяют свою судьбу. Те из них, которые «замешкались», проходя мимо ускоряющего электрода, получают повышенный импульс и благодаря этому догоняют общий поток. Те же частицы, которым удалось забежать вперед, оказываются у ускоряющего электрода в тот момент, когда импульс еще сравнительно мал, это замедляет их скорость и приводит их к общему уровню.

Записи, заметки Векслер обычно делал на клочках бумаги, на старых конвертах.

Однажды, вспоминая о разработке метода автофазировки, В. И. Векслер сказал: «Я думал над этим несколько лет, но основное, что позволило решить эту задачу, пришло в одну ночь».

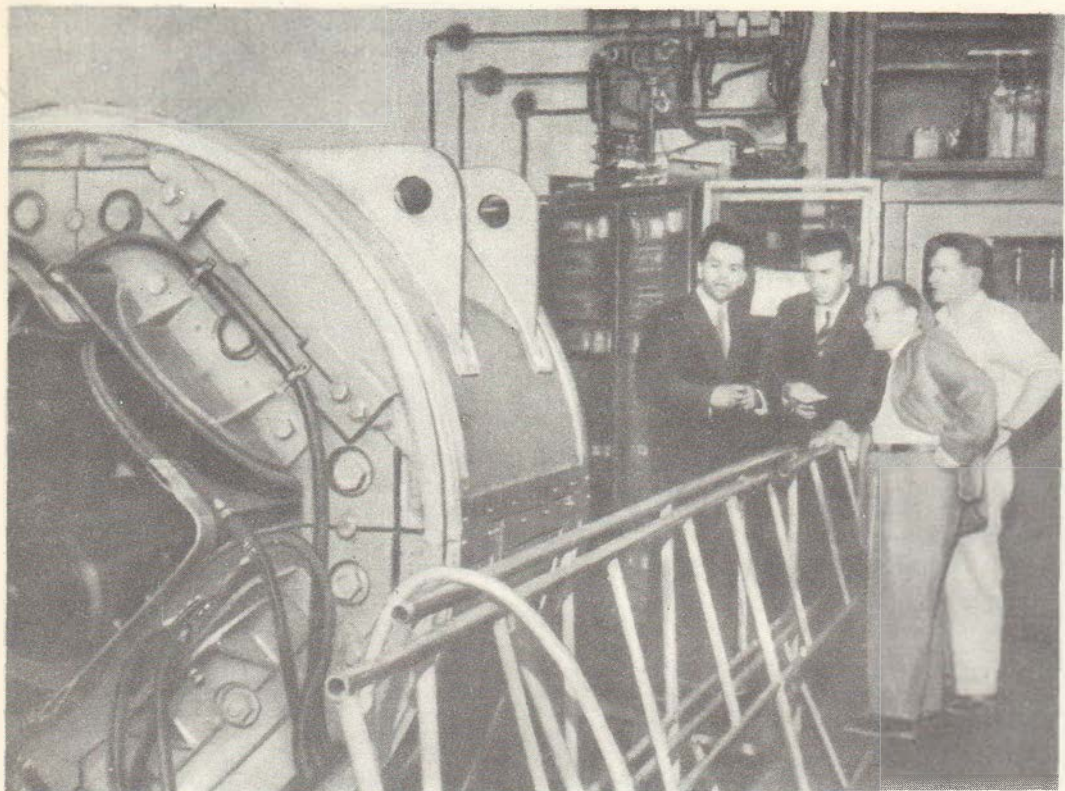
Так бывало с ним не раз. Озарение приходило внезапно, и он записывал пришедшую мысль где придется: на конверте письма, странице книги, на полях газеты.

«Некоторые даже очень хорошие физики, — пишет М. С. Рабинович в статье, посвященной В. И. Векслеру, — насто-

женно встретили его блестящую идею — принцип автофазировки, который привел к перевороту в методах создания ускорителей частиц».

Используя принцип автофазировки, В. И. Векслер предложил целый ряд ускорителей.

В конце 1944 года под руководством и при непосредственном участии Владимира Иосифовича началось строительство ускорителя, и через три года был пущен первый в СССР циклотрон, который послу-

В. И. Векслер в лаборатории токов высокой частоты. 50-е годы.

жил моделью для следующего ускорителя большой мощности.

Этими работами было положено начало создания в Советском Союзе новой научной области — экспериментальной физики высоких энергий.

В 1957 году синхрофазотрон дал пучок протонов в 10 миллиардов электрон-вольт. Это была огромная победа советской науки. Перед учеными открылась возможность проводить эксперименты, позволяющие проникнуть в сокровенные тайны строения материи.

О создании синхрофазотрона Нильс Бор, посетивший Дубну в 1961 году, сказал: «Для того чтобы создать такой гигантский и современный инструмент, нужны были огромная прозорливость, смелость и, я бы сказал, мужество».

На синхрофазотроне в основном работала молодежь, молодые физики, недавно окончившие вузы, и переведенные сюда из ФИАНа. Работы было много, людей мало. Молодые физики и инженеры должны были не только работать по специальности, но и выполнять многие, казалось бы, не свойственные им дела — вместе с монтажниками участвовали они в сборке и наладке отдельных узлов машины, вели проверку схем и приборов, делали тысячи замеров магнитного поля. Эта «работа своими руками» была стилем их директора В. И. Векслера и принесла им огромную пользу.

Векслер очень любил работу с молодежью, особенно с молодыми теоретиками. Опять, как когда-то в лаборатории Электротехнического института, он прихо-

дил утром и говорил: «У меня есть идея, — только теперь он из осторожности добавлял: — Я пока прошу широко не рассказывать об этой идее, так как из нее, может быть, ничего хорошего не выйдет». Но почти всегда идеи его были плодотворны. Владимир Иосифович вводил в первоначальную схему новые и новые усовершенствования. Многие весьма важные изменения были введены им по ходу работы. «Трудно полностью оценить огромный творческий вклад, внесенный В. И. Векслером на всех этапах сооружения этого ускорителя, — писал академик Д. В. Скобельцын. — Надо сказать, что на все вопросы теории и эксперимента его идеи оказывали существенное влияние».

VIII

Мощные ускорители дали возможность получить огромный поток новых фактов, создавших, по существу, новую главу в физике элементарных частиц. И как это всегда бывает, быстрое развитие этой области науки непрерывно выдвигало все новые и новые задачи. Физики остро чувствовали необходимость создания ускорителей на сотни и даже тысячи миллиардов электрон-вольт, и Владимир Иосифович начинает новый поиск, он ищет новые пути для создания сверхмощных ускорителей. Вскоре он приходит к методу, принципиально отличному от всех ранее предложенных. Это когерентный метод ускорения, открывающий совершенно новые возможности.

В обычных ускорителях частицы получа-

ют энергию от внешнего электромагнитного поля, которое синхронизируется с движением частиц. По когерентному методу сами частицы создают ускоряющее поле, величина которого оказывается пропорциональной числу ускоряемых частиц. Это позволяет получать в пучке такое число частиц одновременно, какого нельзя обеспечить другим методом, и дает возможность ускорить небольшое число протонов до сверхбольших энергий.

Над развитием когерентного метода Владимир Иосифович работал до последних дней своей жизни. Друзья его детства рассказывают, что за полгода до смерти он, оправившись после инфаркта, говорил им: «Вот хоть бы еще два года пожить, и я решу действительно громадной важности проблему».

Фундаментальные исследования Векслера в области ускорителей получили всеобщее признание и были удостоены Ленинской и Государственной премий. Он был награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и медалями.

Признанием значения работ Векслера для мировой науки было и награждение его в 1963 году медалью «Атом для мира» за научные исследования в области создания ускорителей атомных частиц.

В. И. Векслер скончался 22 сентября 1966 года на 60-м году жизни. В официальном сообщении о смерти его сказано: «В. И. Векслер был образцом советского ученого-коммуниста, безраздельно отдавшего всю свою энергию и знания делу развития отечественной науки».

А. Родимцев,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-полковник

Памятные вехи

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Родимцев — активный участник многих битв и сражений. Он воевал у стен Мадрида и защищал Сталинград, участвовал в грандиозной битве на Курской дуге и освобождал Злату Прагу.

За мужество и отвагу, проявленные на испанской земле, А. И. Родимцев награжден двумя орденами Красного Знамени и удостоен в 1937 году высокого звания Героя Советского Союза. Вторично этого звания он удостоен в годы Великой Отечественной войны.

Вся жизнь А. И. Родимцева связана с армией, а значит, и с молодежью. О своих встречах с комсомольцами, с представителями молодежи разных поколений и рассказывает Александр Ильич в этих заметках.

Тяжелая, кровопролитная гражданская война закончилась. В наше захолустное уральское село Шарлык в сиянии солнца и в громе духового оркестра вошла красная конница. Я сам не помнил, как очутился рядом с могучим буланым рысаком, как вцепился в стремя усача кавалериста, а он, смеясь, наклонился и, легко подхватив меня с земли, усадил перед собой на луку седла. В тот час я забыл и о придире хозяине, у которого батрачил, и о его некормленном скоте.

Красные конники остановились в Шарлыке на отдых, и я ходил за бойцами по пятам, с замиранием сердца прислушиваясь к их разговорам. Как сейчас помню третью орловскую батарею, куда и меня зачислили «бойцом». Пока она стояла в нашем Шарлыке, я ел армейскую кашу, «занимался» и спал вместе с кавалеристами.

С тех пор военные походы стали моей детской мечтой.

Я хотел стать красным кавалеристом, чтобы так же лихо позванивать шпорами,

носить изогнутую, с золоченой рукоятью саблю, владеть длинной, в три метра, пикой, бесстрашно мчаться в атаку на врага на горячем скакуне, чтобы и меня труженики степей встречали с радостью, как родного...

И вот осенью 1927 года я предстал перед призывной комиссией. Опасаясь, как бы меня не забраковали, я нарочно выпячивал перед врачами грудь, напрягал мускулы, старался ступать тяжело и вразвалку: вот, мол, какая силенка — полы подомной дрожат. Но физический труд, знакомый мне с детства, зной, стужа и непогода достаточно закалили меня: врачи сказали — годен. Все произошло очень быстро, и я не успел сказать о своем страстном желании служить в кавалерии, как меня назначили в караульную роту.

В армии я с жадностью взялся за книги, отдавал им каждую свободную минуту. Особенно увлекался географией и авиацией. Мечтал о парашютных прыжках. В те годы парашютизм в нашей стране пользовался большой популярностью.

В армии я был принят в ряды комсомола, а звание комсомольца налагало новые обязательства. Два года действительной службы не прошли даром: я нашел свое призвание, свой путь в жизни. Теперь мне не мыслится жизнь вне рядов Красной Армии, с которой сроднился навсегда.

По окончании действительной службы, наконец, сбывается моя мечта. Я выдержал экзамены в училище ВЦИК и попал на кавалерийское отделение.

В школе ВЦИК я подружился с Митей Цюрупой, сыном известного государственного деятеля Александра Дмитриевича Цюрупы. Мне нравилась скромность этого умного, эрудированного парня. Его постоянство, рассудительность, твердость характера. И самое главное — его непреодолимая жажда знаний. Митя говорил мне, что напутствие отца — быть всегда скромным, решительным, трудолюбивым, принципиальным — стало главным его требованием. А трудолюбия, усидчивости Мите надо было занимать. Только кончатся дневные занятия в училище, усталость валит с ног, а Митя с новой книгой — учит иностранный язык. Осилит английский — покажется мало. Взялся за испанский.

Митя был душой нашего коллектива. Возникнет где спор — зовут Митю Цюрупу. Надо решить сложную задачу — ищут Митю.

Учился на нашем курсе один курсант, Линьков Вася. Парень веселый, общитель-

ный, лихой рубака, отличный наездник, но с ленцой. Ребята самоподготовкой занимаются, а он баклуши бьет. Учился неважно. Назначат контрольную, дадут домашнее задание — списывает. Так и повадился со шпаргалками отвечать. Решили мы его проучить. Да только метод выбрали жестокий: обмануть парня и подсунуть ему на контрольной по математике неправильное решение задачи. Списывал он обычно не думая и, конечно, на этот раз попался бы «на удочку».

Митя, узнав о нашей затее, неодобрительно покачал головой: «Не надо. Не так надо учить». И взялся сам за парня. Со следующего дня идет Митя в класс заниматься и как бы ненароком Васю зовет: «Пойдем посмотрим, что сегодня задали». Так и стали вместе они готовиться. А че-

рез месяц-другой Линькова было не узнать. Отвечал у доски бойко, вдумчиво. А когда кто-нибудь шутя предлагал ему списать, сердито хмурил брови.

Курсантские годы. Ох, как дороги и трудны были они! Но зато сейчас я всегда с гордостью вспоминаю это время.

Однажды после занятий в коридоре ко мне подошел Митя:

— Новость, Саша! Нас включили в состав почетного караула поста номер один.

— Где этот пост номер один? — спросил я Митю.

— Помнишь, Саша, в прошлом году мы ходили на экскурсию в квартиру, где жил и работал Владимир Ильич? Так вот при входе в квартиру есть небольшой коридор. Здесь и был пост номер один, где стояли курсанты в почетном карауле еще

На командном пункте. Сталинград.
28 октября 1942 года. Первый
справа — А. Родимцев.

при жизни Ленина. Теперь, после смерти Ленина, этот пост перенесен к Мавзолею. Вот, Саша, где мы будем стоять на вахте.

Кроме нас, в список были включены Семен Семенов, Вася Линьков, Митя Ско-робогатов и Николай Ларин.

И вот впервые с Митей Цюрупой мы стоим на посту номер один у саркофага Владимира Ильича Ленина. Мы стоим лицом друг к другу — Митя у изголовья вождя, а я напротив. О многом думалось в эти минуты.

Так бежали наши дни в училище. Мы несли почетную вахту, учились, знакомились с Москвой.

Помню, мне очень хотелось побывать в театре. Однажды под выходной Митя встретил меня:

— Сегодня, Саша, пойдем в Большой театр! Я достал билеты.

Думаю, вот тебе и номер! Пойдем в Большой театр! Мы, кавалеристы, когда идем в кино, и то от нас шарахаются в сторону.

— Шинель-то, — говорю, — пропитана аммиаком, да и обмундирование-то рабочее. А что касается парадного — разве старшина разрешит?

— Я все обдумал. У меня есть гражданские костюмы, в обеденный перерыв забежим и примерим. Какой подойдет, тот и наденешь.

Митя жил тогда в Кремле, в квартире своего отца.

Я долго отказывался, стеснялся. Он все-таки настоял на своем, и вечером того дня мы слушали «Ивана Сусанина».

После окончания училища нас с Митей назначили в один кавалерийский полк, который дислоцировался в Октябрьских казармах в Москве. А отсюда его, грамотно-го военного, владеющего иностранными языками, отозвали на дипломатическую службу.

Мы встретились с Митей в самый разгар боев под Мадридом. Он был сотрудником атташе при советском посольстве в Испании.

В Испанию приехали тысячи интербригадцев со всех концов земли. Среди них немало было и советских добровольцев. Они принесли с собой глубокие военные знания, умение грамотно вести наступательный бой и держать оборону. Они принесли с собой новые идеалы, новую мораль, новые взаимоотношения между людьми. И наши друзья-испанцы, глядя на этих веселых, загорелых русских парней, коммунистов и комсомольцев, добровольно пришедших им на помощь, многому учились у них.

Вспоминая бои в Испании, я вспоминаю наших отважных ребят, защищавших свободу испанского народа, вспоминаю замечательных испанских товарищей, горячих, смелых, самоотверженных. Мне не забыть историю двух молодых людей — испанской девушки Франчески и ее друга Мигеля. На моих глазах крепла их дружба.

Они были знакомы друг с другом давно. Еще со школы. Вместе ходили на выпускной вечер. Сообща устраивались на работу, радовались первым полученным песетам. Знакомые говорили, что из них «получится хорошая супружеская пара». Франческа, конечно, видела, что парень неравнодушен к ней. Но робкий, застенчи-

А. Родимцев. 1938 г.

вий Мигель никак не решался признаться в любви.

Были у них и свои разногласия. И даже большие. Когда Испания стала республикой, Франческа вступила в партию анархистов. Мигель был коммунистом. Они часто спорили, пытаясь доказать друг другу свою правоту, отстаивали позиции своих партий, и все эти перепалки кончались длительными ссорами.

Листок календаря показывал 17 июля 1936 года.

В этот день Мигель зашел к Франческе, и они отправились на пляж. Утром он слышал, как радиостанция небольшого городка в Ипанском Марокко Сеута передавала сводку погоды. Диктор многообещающе произнес: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Но недолго Мигель пробыл на пляже. Его разыскал товарищ и сообщил о начале контрреволюционного мятежа. Безобидная фраза о безоблачном небе над всей Испанией, переданная утром по радио, была сигналом для контрреволюционеров.

Мигель не вернулся ни в этот вечер, ни на следующий день. Впрочем, Франческа уже знала, почему так неожиданно он ушел с пляжа. Мятеж, поднятый генералом Франко, всколыхнул всю страну. На защиту республики поднялись все демократические силы. И анархисты тоже готовились к обороне Мадрида.

Мигель появился в доме Франчески через месяц. Осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами, с пистолетом на боку, он стеснительно переступил порог. Он пришел проститься.

Испанские бойцы и советские добровольцы у трофейного танка. Испания.

Вечером Мигель со своей частью уже отправился занимать оборону в одном из предместий Мадрида.

Через полмесяца оказалась на фронте и Франческа. Как и хотела, она воевала у анархистов. Мигель был бойцом одной из рот 5-го коммунистического полка. Случилось так, что два эти подразделения держали оборону смежными флангами, были соседями.

В один из поздних вечеров франкисты предприняли на этом участке большое наступление. Атака следовала за атакой. Несколько суток оборонялись бойцы роты. Оставалось патронов наперечет. По телефону сообщили, что подкрепление придет только утром. Надо было выдержать еще одну ночь. И вдруг, когда над окопами повисли фиолетовые сумерки, с правого фланга к командиру прибежала запыхавшаяся девушка в военной форме. Это была Франческа. Сквозь слезы горечи, обиды и стыда она сообщила, что часть анархистов снялась с места и оставила позиции. Они ушли тихо и незаметно. Их командир считал, что держать оборону еще ночь было бы безумием. Это походило на предательство. «Трусые, лжецы, хвастуны!» — ругалась Франческа, размазывая по лицу слезы. Она не хотела возвращаться в свою часть.

Командир роты, выслушав ее сообщение, принял срочные меры, чтобы прикрыть огненный фланг. Он отобрал небольшую группу и приказал ей выдвинуться вправо, создать, таким образом, видимость, что фланг прикрыт. Девушку-анархистку, пожелавшую участвовать в ночном бою, назначили вторым номером к коммунистической пулеметчику Мигелю. Так молодые люди встретились вновь. Встретились и через несколько дней поспорили. Мигель осуждал анархистов, которые хотя и сражаются на стороне республиканцев, но действуют нерешительно. Франческа же, как и прежде, не хотела слышать ни одного плохого слова о своих товарищах по партии.

Командование республиканцев тщательно готовилось к наступлению. В ночь перед атакой решено было провести разведку. Лучшие бойцы роты ушли на поиск, с тем чтобы разведать проходы в проволочных заграждениях перед зданием телеграфа, выявить пулеметные точки.

Спать в эту ночь никто не ложился. Ждали возвращения разведчиков. Прошли уже все обусловленные сроки, а от них ни слуху ни духу. Единственное, что всех успокаивало, это тишина возле телеграфа.

Значит, прошли незамеченными. Неожиданно прямо перед окопами республиканцев, километрах в трех, раздались пулеметные очереди, разрывы гранат, одиночные винтовочные выстрелы. Противник принялся освещать ракетами передний край. Стрельба приближалась. Пулеметные очереди заставили бойцов укрыться за бруствером. А еще через некоторое время в окоп свалились запыхавшиеся разведчики. Один, второй, потом показались ноги в лакированных сапогах — пленный офицер. Следом за ним свалились еще два наших разведчика. Здоровяк сержант и небольшого роста, щупленький солдат, который норовил вывернуться из стальных объятий сержанта, залез на бруствер и пуститься наутек. Наконец солдатик обессилел в этой неравной борьбе и, размазывая руками хлынувшие слезы, устало опустился на дно окопа. Когда солдата подняли, все увидели, что это была Франческа.

— Жених ее остался там, — показал рукой в сторону противника здоровяк сержант. — Наткнулись мы на засаду, когда возвращались обратно, фашисты накрыли нас на голом месте. Ну, парень ее и вылезался прикрыть наш отход. На верную смерть, конечно, остался, но иного выхода у нас не было. Хотела и она остаться с ним вместе, но Мигель приказал ей уходить — зачем двоим гибнуть? Девчонка взбунтовалась, кричала все про свободу личности, отказывалась подчиняться и все норовила за пулемет лечь вместе с Мигелем. Ну что нам оставалось делать? Пришлось силой увести.

Всю ночь ждала Франческа своего жениха, но он не вернулся. К рассвету республиканцы были готовы к бою. Франкистский офицер, взятый ночью разведчиками, дал ценные показания, которые облегчали теперь задачу наступающим. Республиканцы могли уже вести бой не вслепую, зная точно, где расположены сильно укрепленные огневые позиции врага, где он расставил минные поля, где есть проходы. Все это гарантировало жизни многим бойцам, можно было избежать больших потерь. Словом, не зря ходили разведчики в поиск.

Рано утром после тщательной артиллерийской подготовки республиканцы атаковали здание телеграфа. И вскоре оно было штурмом взято. Республиканцы захватили много пленных, оружие. Усталые солдаты, наспех организовав оборону, разбрелись по разным углам отбитого здания:

кто открывал консервы и собирался завтракать, кто рассказывал другу смешной анекдот, а кто и просто сладко спал, уютно привалившись к полуразрушенной стенке.

Во дворе здания большая группа солдат и офицеров скорбно стояла, склонив головы над двумя трупами, на которые кто-то набросил простые солдатские одеяла.

— Кто это? — нарушил общее молчание молодой капитан.

На него посмотрели удивленно и раздосадованно, словно обвиняя в том, что он не знал, кто эти два героя, сложившие головы за республику. Капитан смутился, отошел в сторону и уже шепотом спросил у сержанта-разведчика.

И тот рассказал ему следующее. Когда республиканские войска с боем ворвались в здание телеграфа, разведчики, хорошо знавшие дорогу, бросились искать следы своего друга Мигеля, прикрывавшего минувшей ночью их отход. Впереди всех бежала Франческа. Ничто не брало ее: ни пуля, ни мина. Даже три марокканца, попытавшиеся захватить ее живьем, пожалели об этом. Двоих она меткими выстрелами уложила на месте, а третий поспешил скрыться в спасительных развалинах. Ворвавшись в здание, Франческа и ее друзья бросились осматривать все закоулки, все комнаты. Они переходили с этажа на этаж, выкуривая гранатами державшихся еще кое-где фашистов. Но поиски были безрезультатны. Нигде они не обнаружили следов Мигеля. Наконец сержант, увидев забившегося в угол фашистского солдата, спросил его о Мигеле.

— Он жив, — сказал фашист. — Его не успели расстрелять. Поздно ночью его отвели в подвал.

Разведчики бросились во двор. Бежавшая впереди всех Франческа в дальнем углу двора, в полуподвальном помещении, за решетчатой дверью увидела растерзанного Мигеля. Он лежал на каменном полу в луже крови. Фашисты отрубили пулеметчику ступни ног и кисти рук. Но он еще был жив. Громко закричав, девушка в отчаянии бросилась вперед, резко рванула на себя дверь. Раздался оглушительный взрыв. Когда подбежали разведчики, они уже ничем не могли помочь. В нескольких метрах от подвала нашли пудреницу Франчески и маленькие часы с выбитым стеклом. Стрелки часов показывали ровно двенадцать.

Кто-то из разведчиков, осматривая помятую, побитую осколком пудреницу, на-

шел в ней короткую записку, написанную, очевидно, перед боем. «Я поняла, что мое место с коммунистами. Раньше я ошибалась. Ты был прав, Мигель. Зачем мы так часто ссорились?..»

Похоронили Мигеля и Франческа вместе, в одной могиле. Рядом с испанскими бойцами стояли над скромным холмином и мы, интербригадовцы, и думали о молодых испанцах, отдавших жизнь за свободу и независимость своей родины.

К смерти нельзя привыкнуть. Она всегда приходит неожиданно. В сотни раз она неожиданней, когда уносит с собой молодые жизни.

Мне, военному человеку, воевавшему на испанской земле, пережившему горечь неудач в первые месяцы Великой Отечественной войны и радость победы под Сталинградом, не раз приходилось отдавать последний салют павшим юным героям.

Трудно это было. И хотя с тех пор прошло немало времени, я всегда помню этих безусых молоденьких парнишек в солдатских шинелях или просто в отцовских ватниках, веснушчатых девчушек с косичками, которые, не жалея жизни, вытаскивали раненых из-под обстрела. Так же как и в те суровые годы, я не перестаю восхищаться их целеустремленностью, верностью идеалам коммунизма, непреклонностью, патриотизмом. Честно говоря, эти парнишки и девчонки своей самоотверженностью, бесстрашием оказывали огромное влияние даже на людей намного старше себя. Их ненависть к врагу, жажда мести за поруганную землю не знали границ.

Я вспоминаю первые, самые трудные месяцы Отечественной войны. Наша дивизия только что выбила из небольшого городка Тим немецкую пехоту и танки. Мы получили короткую передышку.

Домик, где мы остановились с комиссаром Федором Филипповичем Чернышевым, действительно был на загляденье: новенький, чистенький, аккуратный. От него еще пахло свежим тесом. полы в первой комнате хозяева не успели покрасить. В столовой на тумбочке приятно шумел самовар.

Как-то не верилось ни этому уюту, ни покою — где-то далеко, за гранью войны, осталась такая обстановка: чисто, тихо, светло.

Приветливая хозяйка, по-русски гостеприимная и радушная, и ее сын, рослый четырнадцатилетний Володя, встретили

нас, как родных, — пригласили умыться, усадили за стол. В каждом их слове, взгляде, жесте чувствовалось желание как-то скрасить наш суровый быт.

За столом мы разговорились, и хозяйка стала рассказывать о муже: он ушел на фронт добровольцем и теперь служил в армейском хирургическом госпитале.

Она печально улыбнулась:

— Нынче все воюют. И мне приходится воевать... с Володей. Ума не приложу, что с ним делать: каждый день твердит одно и то же: «Уйду в армию и буду бить фашистов. Стыдно мне, — говорит, — мама, сидеть без дела, когда каждый, от старика до мальчишки, должен пользу Родине приносить».

Комиссар похвалил Володю.

Я заметил: Володя покраснел от удовольствия, ясные глаза заблестели. Женщина продолжала:

— Мы недавно построили этот домик. И вот оно, несчастье — война. Только бы жить, работать, растить и учить сына — нет, выискались проклятые фашисты: жгут, грабят, убивают, ни стариков, ни детей не щадят. Я мать, и каждой матери жаль своего ребенка, но я понимаю сына и не стану его удерживать. Если это окажется возможным, Александр Ильич, и вы, Федор Филиппович, возьмите Володю в свою часть. Уверена, он будет смелым солдатом.

Володя робко попросил разрешения вычистить наши автоматы, стоявшие в этой комнате в углу; в последние дни, когда зачастую приходилось вести бои в населенных пунктах и фашистским войскам иногда удавалось проникать через наши боевые порядки, мы, командиры, не расставались с автоматами: эта предусмотрительность не раз оправдывала себя.

Получив разрешение, Володя бережно поднял мой автомат, легко и быстро его разобрал.

— Оружие в образцовом порядке! Все же смазать нелишне.

— Молодцом, Володя! Действуй...

Он унес автоматы на кухню, а мы продолжали беседу с хозяйкой. Она говорила негромко:

— Если Володя уйдет в армию, я попрошусь на работу в госпиталь. Что мне эти стены охранять?

Я обещал хозяйке взять Володю с собой, если нам придется оставить город, и поручить паренька нашему политруку Савелию Никитичу Ржечку.

Как она обрадовалась, мать!

Мне нравилась эта семья, одна из миллионов патристических советских семей, для которой понятие нашей победы было равно понятию жизни. Мать — простая русская женщина, с ее готовностью к любым испытаниям в борьбе; ее муж, сморщенный с фронтовой фотографии, человек с открытым и спокойным волевым лицом; мальчик с решительным взглядом синих глаз, с желанием казаться взрослее, с любовью к оружию.

Мог ли я подумать в те минуты, что этот спокойный синеглазый мальчик, не успев стать солдатом, проявит себя как герой?

Судьбы людей на войне складываются подчас неожиданно и всегда по-разному. Я вспоминаю этого мальчика и сейчас.

Ранним утром комиссар Чернышев отправился в село Второе Выгорное, где занимал оборону батальон капитана Никифорова, а мы с батальоном комиссаром Иваном Степановичем Зеленьком решили навестить наш правый фланг, на который противник оказывал сильное давление.

На северной окраине города неподалеку от дороги был расположен наблюдательный пункт командира батареи старшего лейтенанта Комоля, и едва мы добрались к неглубокому окопу, как над окрестными кварталами, над дорогой, над батареей Комоля стала разворачиваться девятка вражеских бомбардировщиков.

Мы спрыгнули в окоп, и почти тотчас же в десяти метрах от окопа грянула взрывом первая бомба. Засыпанные землей, мы ожидали окончания бомбежки, и в эти долгие минуты мне не давала покоя мысль о возможной танковой атаке противника. По опыту мы знали, что вслед за налетом вражеской авиации в дело должны вступить их танки: почти все атаки противника были отмечены определенным стандартом.

Из соседнего окопа послышался голос:

— Танки идут... Танки!

Комоль обернулся ко мне:

— Товарищ полковник, вам нужно уходить.

— А ведь уходить-то, братец, некуда!

— Вы командуете бригадой и не имеете права так рисковать.

— Уверен, что вы, артиллеристы, не пропустите врага.

Комоль козырнул:

— Спасибо за доверие, товарищ полковник...

Танки противника стремительно мчались прямо на батарею Комоля. С расстоя-

ния в пятьсот метров они открыли пушечный огонь, однако разрывы снарядов загромыхали далеко в городе.

Ловко, по-спортсменски Комоль выскочил из окопа, его фигура мелькнула у орудий, и голос прозвучал спокойно и деловито:

— По вражеским танкам... по три снаряда... огонь!

Пять артиллерийских стволов грянули одновременно, и почти тотчас залп повторился, потом еще раз и еще раз...

Две машины противника резко остановились, три загорелись, но продолжали двигаться на батарею. Впрочем, двигались они, вероятно, по инерции: передний танк словно бы споткнулся, тяжело сполз с дороги и нырнул в кювет.

Я сосчитал машины: их было четырнадцать.

Комоль не замедлил воспользоваться замешательством в стане врага.

Снова звучит команда, и снова грохочет залп, и вот еще две машины окутывает пламя.

— Молодчина; товарищ Комоль!.. Смотрите, остальные отходят!

Танки противника торопливо разворачивались, пятились, выкатывались с дороги на огороды и отползали назад, направляясь в сторону села Станового.

Я подошел к артиллеристам, крепко пожал каждому из них руку.

Во второй половине дня над городом повисла девятка вражеских бомбардировщиков. Затем появилась вторая, третья... Маленький деревянный Тим загорелся. Тяжелые орудия противника открыли бешеный огонь по горящим кварталам домов. Около получаса они громили, рушили и перепаживали город. Перед вечером крупное соединение вражеских танков вошло в Тим.

Я подробно вспоминаю здесь о тех тяжелых днях потому, что именно тогда решилась судьба Володи.

Второе Выгорное мы все же отстояли. Противник пытался с ходу ворваться в село, но понес огромные потери и отступил. Вечером он прекратил атаки.

У домика, в котором разместился штаб, я встретил политрука Савелия Ржечука и спросил о Володе.

— Что с мальчиком, политрук? Я поручал его вам и надеюсь, вы помогли ему уйти из города?

Ржечук огорченно вздохнул, растерянно развел руками.

— Это единственное ваше задание,

товарищ комбриг, которое я не смог выполнить. Когда немецкие танки прорвались в город и стало ясно, что нам придется отходить, я взял наших лошадей и поспешил к Володе. Он немного замешкался, побежал за вашим автоматом. Тут нужно было сразу же махнуть со двора, но пареньку стало жаль оставлять противнику ваш автомат. А когда Володя появился на крыльце, два танка сломали ворота и вкатились во двор. Я успел вскочить на коня, а вашего Буяна ранил автоматчик. Мой конь вздыбился и понес...

— Если фашисты видели его с автоматом в руках...

Ржечук опустил голову.

— Да...

Передо мной знакомо заблестели синие радостные глаза.

— Передайте нашим разведчикам, товарищ Ржечук, что, если им доведется пробраться в город, пусть обязательно узнают о судьбе паренька. Если он жив, пусть разведчики приведут его в бригаду.

...Хотя гитлеровская дивизия и вошла в Тим, но праздновать взятие города ей было еще рановато. Ночью мы контратаковали врага и заняли восточную окраину города.

Пленный немецкий офицер говорил, что в штабе его дивизии переполох — никто не ожидал этой контратаки русских. Немецкое командование озадачено: почему маленький, заштатный городок советские войска отстаивают с такой решимостью?

Причины нашей решимости объяснять ему не приходилось: мы получили приказ о переходе к жесткой обороне и выполняли его, как и подобает советским воинам.

В следующую ночь мы повторили контратаку и выбили фашистов из центральной части городка.

Навестив одно из наших передовых подразделений, я вспомнил, что отсюда было совсем близко до того домика, в котором мы с комиссаром недавно останавливались на ночлег, — всего лишь два квартала, однако эти кварталы еще удерживал противник. Тут я подумал, что очень уж часто вспоминаю синеглазого паренька: его судьба действительно меня заботила. И еще я подумал, что, если останусь жив и когда-нибудь доведется рассказывать товарищам о пережитом в Тиме, возможно, найдутся такие, которые спросят: как же, мол, ты, командир бригады, в сумятице непрерывных боев мог отвлекаться второстепенными событиями и судьбами?

Но дело в том, что для меня никогда не существовало второстепенных судеб. Раненый солдат или ребенок, утерьянный беженцами в дороге; старушка, плетущаяся на восток, чтобы не остаться под пятой врага, и юноша, мечтающий стать воином бригады, — все они, такие разные, неуловимо соединены одной живой, незримой нитью, и эта нить проходит и сквозь мое сердце.

Через четыре дня на рассвете, когда я находился в штабе, мне доложили, что меня спрашивает разведчица Маша Боровиченко и что с нею пришла какая-то женщина.

Набросив шинель, я вышел на крылечко. Замеяно усталая, с залепившими глазами, Машенька пристукнула каблуками и отrapортрoвала:

— Ваше задание, переданное политруком Ржечукoм, выполнено, товарищ полковник. Разведчики, уничтожив трех фашистов, пробрались в тот домик, где вы останавливались с комиссаром. Хозяйку, Веру Яковлевну, мы нашли у соседей и перевели через фронт... Разрешите отвести ее в медсанбат?

Только теперь я обратил внимание на пожилую женщину, сидевшую на скамейке у соседнего домика, но не узнал ее.

Женщина еще не заметила меня и, подперев щеку рукой, задумчиво смотрела на дорогу.

— Что с Володей? — спросил я. — Что удалось узнать?

Я пригласил ее в дом, и она вошла как-то тяжело, нерешительно ступая, и устало опустилась на табурет.

Нет, это была не прежняя наша гостеприимная, улыбочивая хозяйка: горе сразу состарило ее, провело по лицу морщины, погасило взгляд. Я, конечно, понял, какое это горе, понял еще в ту минуту, когда спросил о Володе, а теперь окончательно убедился в своей догадке.

Глаза ее были сухие, губы дрожали.

— Вы хорошо отнеслись к моему мальчику, Александр Ильич. За это вам сердечное спасибо. Когда вы пообещали взять его в армию, он не спал от радости всю ночь. Но это была его последняя радость...

Мы молчали долгую минуту.

— Об этом трудно рассказывать, но вам я должна рассказать. Чем больше я думаю о том, что случилось, тем отчетливее вижу свою вину. Ведь я могла уехать на восток. Из горькома партии ко мне два раза приходили и предлагали эвакуиро-

ваться. Муж — коммунист, сын — комсомолец, да и сама числюсь активисткой, задания горсовета часто выполняла... Муж в письмах настаивал, чтобы мы уехали. Я даже собиралась в дорогу, но все откладывала со дня на день: не верилось, что и сюда может добраться враг. И потом ведь тысячи людей остаются, всем невозможно уйти.

Она достала из-под фуфайки фотографию сына, бережно разгладила ее на ладони.

— Мы ждали вас и комиссара, Александр Ильич. Как только вы ушли, фашисты начали бомбить город, и мы с Володей очень беспокоились за вас. Прибежала испуганная соседка и сказала, что видела на главной улице фашистские танки. Теперь, в последние минуты, в самые последние решила уходить и я. Сборы у меня недолгие: взяла полотенце, мыло, две пары белья — Володе и себе, буханку хлеба, узелок за плечо, вот и готова в дорогу. А политрук торошил: «Скорее, скорее!» Он стоял на дворе, с трудом удерживая пару испуганных лошадей. Володя легко вскочил на коня, политрук — тоже. Он протянул мне руку: «Не бойтесь, выведу!» И надо же было случиться такому, что Володя вдруг вспомнил о вашем автомате. Какие-то секунды — и он уже в доме, появляется на крыльце с автоматом в руках, и в эти секунды два немецких танка с фашистскими автоматчиками на броне подкатывают к нашим воротам.

Володя бросился к своему коню, а я хотела выбежать на огород, чтобы потом добраться до окраины, но второпях не заметила нашего недостроенного погреба, оступилась и полетела вниз. Упала я на песок и не сильно ушиблась; тут же поднялась по лестнице и выглянула во двор. Право, не знаю, сколько прошло времени после того, как я свалилась в погреб. Я видела, как вороной рысак политрука перемахнул через невысокий заборчик, а другой, Володин, конь вздыбился, упал и забился на земле: его расстрелял немецкий автоматчик. Рыжий фашист медленно шел через двор, и автомат в его руках дымился. Еще два фашиста вбежали во двор, припали к заборчику и открыли огонь по вашему политруку. Ему, однако, повезло: он был уже далеко и мчался прямо к оврагу.

Сначала я не могла понять: куда же девался Володя? Может быть, вернулся в дом? Нет, фашисты погнались бы за ним, а дверь дома была закрыта. И тут

я увидела приоткрытую дверь сарайчика. Значит, Володя спрятался там, среди старой мебели и дров. Если бы его не заметили фашисты! Но они, как видно, уже заметили его, разом повернулись и двинулись к сараю. Кажется, я вскрикнула. Они не расслышали. Из сарая донеслись автоматные очереди. Меня будто огнем обожгло: они убили Володю!

Я вошла в сарай и в полутьме споткнулась о что-то мягкое. Присмотрелась и увидела труп немецкого солдата. Это был тот, рыжий, что расстрелял Володино коня. Но он был не один. Дальше, у штабеля дров, лежали еще два убитых фашиста. А на дровах, будто загнанный зверек, сидел с автоматом в руках Володя. Глаза его лихорадочно блестели, а на губах запеклась пена.

— Мама... — прошептал он чуть слышно. — Мамочка... Уходи! Запомни, родная, что я умру не напрасно. Если ты останешься жива, передай товарищам, комсомольцам... И Машеньке, обязательно Машеньке передай, что я сражался до последнего патрона... Да, передай, что она права: нет страха, есть ненависть к врагу и долг...

Только теперь я заметила, что он ранен. По белым березовым поленьям стекала кровь. Я бросилась в дом, чтобы взять бинт и перевязать рану. Здесь все было изломано и разбито, фотографии, стены изрешечены пулями. Я открыла аптечку, взяла бинт и флакон с йодом и выбежала на крыльцо. В это время фашистский офицер и два солдата подкрадывались к дверям сарая. Я потеряла вдруг равновесие и упала. Хотела крикнуть: «Володя, беги!» — но вместо крика у меня вырвалось хрипение. Теперь и сама затрудняюсь объяснить, как мне удалось сползти с крыльечка. Все же у меня оставалась какая-то капля надежды: быть может, Володя убьет и этих троих? Но от потери крови он потерял сознание, и фашисты выволокли его на двор... Как они мучили его, как били! Наверное, рассудок мой в те минуты помутился: я даже не заметила, когда наступила ночь.

Двое суток я пролежала под крыльцом, слышала чужую речь, тяжелые шаги по ступеням, гул мотора, стрельбу. Я могла и совсем замерзнуть, но меня, оказывается, разыскивали соседи. Они вытащили меня из-под крыльца, приютили, отогрели.

Трудный экзамен выпал на долю совсем еще юного парнишки Володи. Но он вышел победителем, сдав этот экзамен на

мужество, отвагу, преданность своей Родине.

За годы войны мне довелось встречаться, воевать бок о бок с тысячами таких же мальчишек и девчонок. Многие из них были комсомольцами. Война оторвала их от школьных парт и институтских аудиторий. Они оставили учебу и взяли в руки оружие. Но никакие тяготы фронтовых бурь не могли в них убить желания учиться.

Навсегда в памяти моей остался фронтовой шофер, комсомолец Михаил Косолапов. Его мечта была стать первоклассным водителем. Михаил никогда, ни при каких обстоятельствах не расставался с учебником. И это стремление как можно лучше постичь свою профессию помогло ему выйти победителем в трудной схватке с врагом.

Это случилось в 1941 году. Наша воздушнодесантная бригада держала оборону на одном из участков реки Сейм.

Бойцы устали, но передышки не было. Батальоны спешно оборудовали новые позиции обороны. Штаб бригады переместился в Казацкое, большое украинское село, своеобразный узел проселочных дорог.

Всех обрадовала вновь установившаяся связь с тылом бригады. Она находилась недалеко от Казацкого, в деревне Бочечки и ее окрестностях.

...Под вечер мы с капитаном Аракеляном и шофером Мишей Косолаповым возвращались в Казацкое из штаба корпуса. Потрепанная «эмка», подпрыгивая на ухабах, мчалась по заросшей травой дороге. В лесу было тихо, но в этой тишине украинского леса все же было что-то тревожное. Война грохотала совсем рядом. Стальными гусеницами танков топтала золотистые хлеба, снарядами и бомбами выжигала деревни, в захваченных селах гитлеровские палачи расстреливали детей и стариков.

Тревожные, горькие мысли прервал резкий толчок. Машина выехала на полуразвалившийся мостик. Проехали Бочечки. И не обратили внимания на беспорядочное движение машин, повозок и беготню красноармейцев.

Косолапов прибавил газу. Этот открытый участок дороги был небезопасен. Немцы часто обстреливали его из минометов.

Только бы проскочить! Миша старался изо всех сил. Он всегда старался, но ему почему-то часто не везло. То дерево кры-

У командного пункта.

Сталинград. 1942 г.
В центре — А. Родимцев.

лом заденет, то воду в радиатор забудет залить, то в кювет заедет.

Сейчас Косолапов гнал машину, умело объезжая выбоины и лужи. Лицо его было напряженно.

Миновал опасный отрезок дороги, мы почувствовали облегчение и теперь вспоминали боевые дела вчерашнего дня. В село въехали незаметно.

Но что такое? В 150—200 метрах перед нами стояли немецкие танки, бронетранспортеры, шумела и жестикулировала грязно-зеленая толпа гитлеровцев. На лбу выступила холодная испарина: «Вот так влипли!» Спрятаться было негде, да и времени не было. Дорога узкая, а по обочинам сплошное месиво. Бросить машину и отходить назад — верная смерть.

Решение созрело мгновенно: ехать пря-

мо на площадь, там на глазах у немцев развернуться и на предельной скорости выскочить из ловушки.

— Ну, товарищ полковник, — сказал Косолапов, — держитесь крепче. Командовать теперь буду я.

Он прибавил газу и еще сильнее сжал в руках баранку. Машина застонала и понеслась через центр площади, в гущу немецких мотоциклистов. В нас не стреляли. Может быть, уже предвкушали награды за пленников. Ведь немцы знали, что в машинах ездят только штабные офицеры и командиры частей.

Машина неслась.

А в памяти вдруг замелькали картины прошлого. Москва, дом на Кропоткинской, величавый Крымский мост. Неужели ни-

Оборона Сталинграда. Бронбойщики-гвардейцы ведут огонь по фашистским танкам. 1942 г.

когда больше не придется идти по нему спокойно, неторопливо, рядом с женой, ласковыми дочками?.. Какие они сейчас? Неужели так нелепо придется погибнуть? Нет, не так страшна смерть, как обидно, что мало сделал, не успел отомстить этим высокомерным тупым выродкам за все горе, причиненное нашим людям. А капитан Аракелян, наверное, вспоминает свою солнечную Армению. Зачем-то прикрыл голову чемоданом. Разве это поможет? Но молодец, сидит совершенно спокойно. Не струсил.

Не доезжая метров десяти до орущих гитлеровцев, водитель так круто развернул машину влево, что она едва не перевернулась. Это произошло мгновенно. Поставив «эмку» на прямую, шофер выжимал из нее все, на что она была спо-

собна. От сильных толчков машину бросало из стороны в сторону.

Когда фашисты спохватились и открыли огонь, мы отъехали уже метров триста.

Косолапов остановился на северной окраине села Вочечки. Мы осмотрели машину и нашли в ее кузове три пулевые пробоины. Никто из нас не был ранен.

— Ловко мы их обставили, — заговорил шофер и, неожиданно смутившись, подобрал выпавший из-под шинели учебник автомобилиста. А нам хотелось расцеловать этого парня. Ведь он выдержал самый трудный экзамен на первоклассного шофера.

Комсомольцы! Они были верными и надежными помощниками комиссаров и командиров. На них мы всегда могли положиться, поручить самое трудное дело.

А. Родимцев у блиндажа в трубе.
Сталинград. Октябрь 1942 года.

Им мы верили, как себе. Слово «комсомолец» для нас было надежным паролем. И не важно, были ли одеты эти ребята в военную форму, в поношенные, аккуратные заштопаные отцовские пиджаки, если они назывались комсомольцами, к ним относились, как к боевым соратникам, товарищам по оружию.

Я вспоминаю сейчас, какую добрую помощь оказали нам в трудные месяцы 1941 года два неизвестных комсомольца из села Гутрова. Они рисковали при этом жизнью своей и своих родных, но все же выполнили долг — передали нам ценные сведения о вражеском гарнизоне.

В тот трудный месяц наша бригада с боями отступала. По пятам за нами шла моторизованная пехота гитлеровцев. И вдруг, когда вот-вот мы должны были

оторваться от наседавших фашистов, разведка донесла, что впереди нас, в районе деревни Шумеково, саперы тыловых частей отступающей 40-й армии взорвали мост через Сейм. Мы не верили своим ушам, а между тем это была правда. Мост, по которому можно было переправиться на противоположный берег, по чьему-то ошибочному приказу был взорван. Бригада осталась на берегу, где с часу на час могли появиться немецкие танки. Брода вблизи найти не удалось. Пришлось наводить переправу под огнем немецкой артиллерии. А по пятам шла моторизованная пехота гитлеровцев.

Тяжелые всплески холодных фонтанов обдавали бойцов. Свистели осколки разрывавшихся снарядов. Мост еще не был готов, а передовые подразделения немецкой мотопехоты уже завязали бой с десанниками капитана Наумова. Фашисты рассчитывали опроринуть нас в Сейм. Но меткий огонь десантников охладил пыл зарвавшихся гитлеровских вояк. Немцы оставили поле боя и отошли на исходные позиции.

Когда работы по восстановлению моста подходили к концу и мы уже готовились к переправе, гитлеровцы вновь предприняли попытку сбросить нас в Сейм. И опять их постигла неудача. Тогда налетела немецкая авиация.

Незаметно подкралась ночь, а вместе с ней и затишье. Накрапывал дождь. Мост был восстановлен. По шаткому настилу бригада переправлялась на восточный берег Сейма. Машины шли с потушенными фарами, на ощупь, одна за другой.

В стороне неожиданно вспыхнул и так же неожиданно погас робкий лучик карманного фонаря. Из темноты вынырнул начальник оперативного отделения бригады капитан Зайцев. Он доложил, что с немецкой стороны перебежали два молодых парня. Говорят, что комсомольцы из Гутрова. Рассказывают, что в их селе и в деревне Букреево скопилось большое количество немецких автомашин. Все улицы, огороды, сараи забиты бронетранспортерами, тягачами, грузовиками. Охраны почти никакой нет.

Вихрастые, в мокрой одежде, парни, переминаясь с ноги на ногу, повторили

В разрушенном Сталинграде. 1942 г.

свой рассказ, высказывали готовность сопровождать десантников в ночную вылазку.

Начался отбор десантников для участия в ночной вылазке.

На следующую ночь отряд в составе сорока отборных десантников направился в тыл врага. Командиром назначили молодого энергичного офицера старшего лейтенанта Сабодаха. Он тщательно подготовился к ночной вылазке. Было продумано все до мелочей.

На следующий день десантники догнали уже переправившуюся бригаду. Потери наши оказались незначительными. Но зато фашисты понесли большой урон: почти полностью был уничтожен немецкий гарнизон, выведено из строя около ста автомобилей, взяты в плен офицер и четыре солдата, угнан грузовик с бочками горючего.

Война шагала по родной стране. Лучшие гитлеровские части, которые с барабанным боем прошли почти всю Европу, рвались к Волге. 6-я армия Паулюса уже вела бои на улицах Сталинграда. Враг ликовал. Геббельсовские пропагандисты на весь мир кричали, что через несколько дней они сбросят русских в Волгу. Но сделать им этого не удалось ни через несколько дней, ни через несколько месяцев.

В самое тяжелое время переправилась наша 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия в осажденный город. С ходу занимали боевые рубежи наши солдаты, сержанты и офицеры. И в первых рядах мужественных защитников города, как всегда, были комсомольцы.

Едва наша часть под огнем врага переправилась на противоположный берег, комсомольцы дивизии провели свое собрание. На повестке дня стоял один вопрос: «Комсомолец — всему пример». Молодые наши однополчане приняли резолюцию, которая требовала мобилизации всех сил от членов ВЛКСМ, призывала к скорейшему разгрому врага.

И они сдержали свое слово. В уличных боях комсомольцы показывали чудеса храбрости и геройства. И в подвиге, который совершил «малый гарнизон «дома Павлова», есть вклад наших комсомольцев. Ведь не случайно Гитлер больше своих солдат потерял в боях за «дом Павлова», чем при взятии Парижа.

А каждый день обороны этого здания требовал колоссального напряжения сил, выдержки, беззаветной преданности Родине.

Я вспоминаю одно серое осеннее утро, когда фашисты в который уже раз открыли ураганный огонь по дому. Снаряды рвались под стенами дома, их осколки влетали в проломы стен, окна. Гвардейцам это было не внове. Почти каждое утро начиналось подобным образом. Они уже знали, что, как только закончится артподготовка, появятся фашистские танки. И действительно, вскоре зарокотали моторы. На площади, заваленной щепбнем разрушенных зданий, усеянной трупами гитлеровцев, появились танки, которые, ведя огонь из орудий и пулеметов, устремились к дому. Под прикрытием танков, короткими перебежками, прячась за развалины, груды щепбня, наступала фашистская пехота. Гвардейцы вступили в бой. Один из гитлеровских танков внезапно закружился на месте: гвардейцы повредили ему гусеницу.

Однако тем временем другая машина врага сумела совсем близко подойти к дому и начала в упор бить по укрывшимся за разрушенными стенами бойцам. Минута была опасная. Но гвардейцы не растерялись. Комсомолец Ефремов, взяв связку гранат и противотанковую мину, выбрался из-за укрытия и пополз к танку.

Тесно прижимаясь к щепбню, он миновал пролом в стене, выполз на площадь. Гвардейцы, напряженно следившие за ним, видели, как он взмахнул рукой и бросил связку гранат. Воздух содрогнулся от взрыва, и все вокруг заволочло дымом. Потом раздались звуки часто-часто рвущихся снарядов и патронов. Стало ясно, что танк подбит и горит.

С новым ожесточением вспыхнул бой. Фашисты с остервенением рвались к дому. Несколько раз они прорывались почти вплотную к его стенам, забрасывали в окна гранаты. Однако под метким ружейно-пулеметным огнем были вынуждены всякий раз откатываться назад, устилая подступы к дому своими трупами.

Когда дым от горевшего танка рассеялся, защитники дома увидели, что Ефремов неподвижно лежит рядом с подбитым им танком. Что с ним, ранен или убит? Недолго раздумывая, комсомолец Мурзаев под свистящими пулями, лавируя между рвавшимися вокруг снарядами, пополз к товарищу. Мурзаев был дважды ранен, но вынес тело Ефремова.

В короткую минуту затишья, выдавшуюся уже к вечеру, сержант Павлов подошел к телу героя-комсомольца и достал его комсомольский билет, обычный билет чле-

на ВЛКСМ с родным силуэтом Ленина на обложке, билет № 5348253, залитый кровью героя. В него была вложена записка: «Клянусь мужественно и храбро драться с врагами нашей Родины — немецко-фашистскими оккупантами. За нашу славную большевистскую партию, за наш народ не пожалеем своей крови и самой жизни. Ефремов».

Герой выполнил свою клятву...

В повседневных, ежечасных схватках с врагом закалялся характер бойцов. Дивизия успешно выполняла свою боевую задачу, заключающуюся в уничтожении противника в центральной части города и обороне переправы. В решении этой задачи мы получали постоянную и разностороннюю помощь. С нами был весь город. Не смыкая глаз, под огнем трудились рабочие в цехах заводов. У каждого станка стояла винтовка. И нередко, оставив станок, рабочие вступали в бой. Многие и многие горожане вместе с гвардейцами отстаивали каждый метр родной земли, обильно поливая ее своей кровью.

По инициативе горкома ВЛКСМ был создан добровольческий комсомольский отряд. В него вступило около 500 комсомольцев. Командование прислало отряд на пополнение нашей дивизии.

Медленно проходил я перед строем бойцов, всматриваясь в юные лица тех, кому предстояло принять участие в боях, равных которым не знала история. Жизнерадостные, веселые, они выглядели как подростки. Да они и были такими, ибо большинству было не более 17—19 лет.

Беседуя с комсомольцами, я призывал их драться храбро, с достоинством и честью.

— Вам будет очень трудно, иногда даже невероятно трудно. Но вы не дрогнете. Мы верим в это.

И они не дрогнули, стойко защищали свой родной город, в котором им была знакома каждая улица, каждый дом.

В течение месяца гвардейцы с большим упорством дрались с врагами и, хотя им противостояли две пехотные и одна танковая дивизии, успешно решали задачу, поставленную перед ними командованием. Противник, понесший большие потери, был вынужден постепенно переходить от массивных ударов к действиям отдельными группами пехоты с танками при поддержке авиации.

...В итоге боев, которые не прекращались в течение всей второй половины сентября, дивизия прочно закрепилась в городе. Невиданно трудное наступление, начатое нами от кромки волжского берега, почти от самой воды, завершилось успехом. Теперь более чем когда-либо мы знали: «Враг не пройдет!»

Так в годы больших испытаний мне довелось познакомиться и ближе узнать молодых парней и девочек, задиристых и неутомимых, умеющих любить и ненавидеть, стойких, преданных нашему делу. На всю жизнь я проникся любовью и уважением к этому беспокойному племени юных. И сейчас, когда я вижу девушку или юношу со значком ВЛКСМ, я верю, что на такого можно спокойно положиться, такой не подведет — ведь он комсомолец!

Илья Белкин

«Крылатый танкист»

(Рассказ о Герое Советского Союза
летчике Григории Полуянове)

Утро 18 марта выдалось теплое, солнечное, по-настоящему весеннее. Как будто сама природа чувствовала приближение Победы, до которой оставалось чуть больше месяца... Было это в Восточной Пруссии.

Заместителя командира эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Григория Полуянова сразу же после завтрака вызвал командир полка. Полуянов выслушал приказ: его группе ИЛ-2 (называемых «летающими танками»), состоящей в основном из молодых пилотов, предстояло сегодня уничтожить немецкие зенитки под Хайлигенбайлем.

Полет как полет. Он не обещал ничего экстраординарного.

...Полуянов уверенно вел группу. Он славился своим умением находить цели на земле и безошибочно накрывать точки огненным грузом своего штурмовика. Вот внизу тот самый квадрат, где спрятались фашистские зенитки. При виде приближающейся «красной опасности» зенитки открыли огонь. Сплошная разноцветная завеса разрывов преградила путь летчикам Полуянова, но группа, быстро сориентировавшись, перешла в пикирование. Бомбы полетели на артиллерию врага. Некоторые из зениток тотчас умолкли, другие же остервенело продолжали стрелять по советским самолетам.

Сильным взрывом машину Полуянова резко швырнуло в сторону. Двигатель за-

Григорий Полуянов.

глох. Кабина заполнилась едким дымом. Подбили!..

— Выхожу из боя, — сообщил Григорий по радио. — Группу назад поведет Ветров.

Ветров привел группу на аэродром благополучно. Но самолет Полуянова не вернулся ни в этот день, ни на следующий. Он не вернулся вообще...

Что же произошло?

Скоро Григорию стало ясно, что до линии фронта его ИЛ не дотянет. Пылающая машина продолжала терять высоту. Прыгать? Поздно: слишком близко земля. Остается одно: садиться во что бы то ни стало...

Удалось приземлиться на какой-то маленькой лесной полянке...

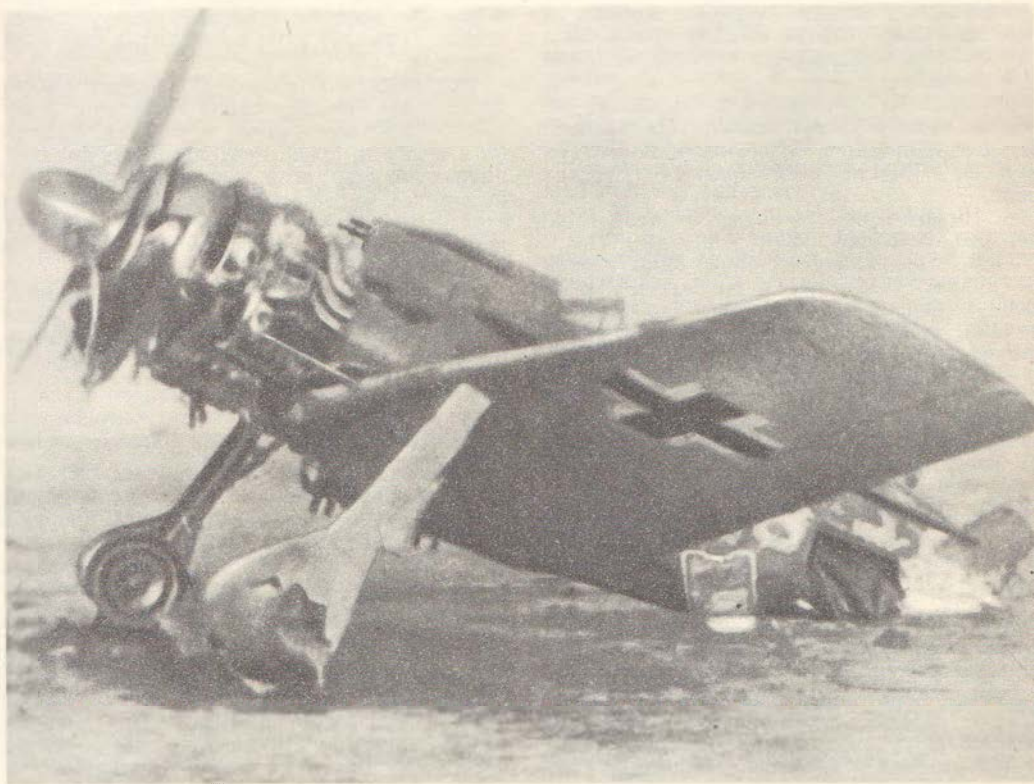
И тотчас, едва самолет остановился на

черном, раскисшем снегу, летчик потерял сознание.

Со всех сторон к горящему самолету бежали люди. В первую минуту воздушный стрелок Борис Вайсброт даже и не сообразил, что машина приземлилась на вражеской территории. Осторожно вытаскивая из кабины обмякшее тело Полуянова, он думал только об одном — успеть отвести командира в безопасное место и предупредить бежавших людей о том, что с секунды на секунду самолет может взорваться. Взвалив на себя Полуянова, Борис, тяжело ступая, направился к лесу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как почувствовал резкую боль в голени, все потонуло в черноте, все окружающее исчезло.

Борис очнулся, почувствовав холодную

«Фокке-вульф», сбитый штурмовниками группы Г. Полуянова. Октябрь 1944 года.

воду, струившуюся по его лицу. Боль была нестерпимой. С трудом приоткрыв глаза, увидел человека в фашистской форме. Человек этот, видимо стараясь привлечь его в чувство, лил ему на лицо и грудь эту холодную воду, а в двух шагах рядом с неподвижно распластавшимся Полуяновым стояла группа немецких солдат. Они громко переговаривались, словно и не замечая, что на Полуянове тлеет комбинезон. Они не гасили одежду летчика. Один из солдат, так же как и тот, что склонился над Борисом, лил на лицо Григория воду, а другой, расстегнув комбинезон летчика, уставился на его ордена: три — боевого Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны первой степени. Незадолго до этого трагического полета Григорий Полуянов был представлен к званию Героя Советского Союза. Но этого, вполне понятно, гитлеровцы не могли знать.

Полуянов пришел в себя. Одежда на нем продолжала гореть, но погасить ее у летчика не было сил. Когда же Борис, попытавшись заглушить огонь, бросил на ноги командира горсть жидкой грязи, немцы немедленно оттащили стрелка в сторону и связали.

Увидев, что Полуянов в сознании, немецкий офицер начал допрос. Он задавал обычные вопросы о численности полка Полуянова, о месте расположения русских войск.

— Ничего я вам не скажу, — единственное, что услышал офицер в ответ.

Тогда по приказу офицера один из солдат принес канистру с бензином. Немец плеснул бензин на тлеющий комбинезон летчика, пламя вспыхнуло, но на лице Полуянова не дрогнул ни один мускул.

— Будешь отвечать?

— Нет.

Полуянова стали остервенело бить ногами по лицу, методично поливая бензином тлеющую одежду. Полуянов молчал.

На поляну въехала легковая машина. Из нее неторопливо вышел долговязый немец в пенсне. Солдаты, толпившиеся вокруг советского летчика, моментально встали по стойке «мирно». По тому, как встретили долговязого солдаты, как подбостранно докладывал ему офицер, покаяваясь на Полуянова, Вайсброт понял, что прибыло большое начальство.

Прежде всего вновь прибывший приказал загасить тлеющий комбинезон. Затем на чистейшем русском языке обругал солдат за недостойное обращение с пленным. Под-

черкнуто вежливо он осведомился, не хочет ли летчик выпить воды. Но не успел Полуянов запекшимися губами прикоснуться к котелку с водой, как долговязый выхватил у него котелок и пообещал много воды и немедленную медицинскую помощь в ответ на совсем незначительную услугу: сообщить, где находится русская эскадрилья и сколько в ней боевых машин.

Полуянов закрыл глаза и молчал.

Невозмутимость и спокойствие летчика бесили офицера. Вежливый тон, которым начал он допрос, сменился грубостью и руганью. Летчик упорно молчал.

Наконец фашист медленно отстегнул кобуру, неторопливо достал из нее револьвер, взвел курок.

— Стреляй, сволочь! — раздался голос пленного. — Стреляй! Все равно дни ваши сочтены... Да здравствует победа!..

...Обо всем этом, о героической смерти Григория Полуянова рассказал спустя несколько дней, вернувшись в полк, Борис Вайсброт. По дороге в концлагерь ему удалось бежать. Когда он появился в полку, территория, на которой совершил вынужденную посадку самолет Полуянова, была уже освобождена.

Похоронили Григория Полуянова в городе Летцене (теперь город Гижико). У могилы собрались летчики и стрелки, механики и техники, представители штаба дивизии, других полков, армии. Они говорили о славных делах «крылатого танкиста», клялись отомстить врагу за смерть любимого командира, вспоминали его короткую, полную событий жизнь...

Летчику Григорию Полуянову было тогда двадцать два года, он пришел на фронт в 136-й гвардейский краснознаменный авиационный полк в марте сорок четвертого, за год до своей гибели...

А начиналось так...

Григорий учился в Оренбургской военно-авиационной школе и, как большинство его друзей и ровесников, мечтал попасть на фронт. Потому и дни учебы казались ему нестерпимо длинными. Вот, наконец, закончено училище. Значит, на фронт, на самолет, в бой!.. Но опять задержка: еще полгода занятий в учебно-тренировочном полку на Четвертом Украинском фронте. Конечно, все эти занятия, особенно по изучению высшего пилотажа или подробной тактики вражеской авиации, были необходимы будущим летчикам, но тем не менее нетерпение Григория нетрудно понять...

Едва ли не самым счастливым днем в его жизни (если не считать дня первого боевого вылета) был тот, когда с фронта в полк приехал «купец». «Купец», представитель Первой гвардейской штурмовой авиадивизии, должен был отобрать из числа молодых пилотов тех, кто подойдет ему по летным качествам.

Полуянов получил направление в 136-й гвардейский штурмовой авиаполк, которым командовал Герой Советского Союза гвардии майор Василий Жихарев.

Коллектив в эскадрилье оказался на редкость дружный, свойский. Уже через день Григорий перезнакомился со всеми и чувствовал себя так, будто знает их давным-давно. Да и летчики сразу полюбили веселого, остроумного, обаятельного новичка. И вскоре у Полуянова появилось много настоящих друзей, первый среди них — командир звена Федор Буслов. Как и Григорий, Федор пришел в авиацию добровольцем, прямо со школьной скамьи. Но он начал свой боевой путь двумя годами раньше Григория, под Сталинградом. И он и другие летчики эскадрильи как могли помогали Полуянову освоиться в новой обстановке, подготовиться к самостоятельным полетам.

Настал день сдачи зачета по карте Крыма. Григорию казалось, что изучил он эту карту досконально. И вдруг произошло невероятное: он завалил зачет, не смог по памяти начертить один из районов.

Ну, уж во второй раз Григорий так изучил карту, что обычно не склонный к особым восторгам штурман был доволен. В тот же день и командир эскадрильи Герасимов дважды вылетал с Полуяновым в учебные полеты и тоже остался доволен.

А вечером, докладывая об успехах новичков командиру полка, Герасимов сказал о Григории:

— Отточенного мастерства у него еще нет, но уже проглядывается свой летный почерк. Думаю, из него должен получиться хороший пилот. В бой пускать можно...

Боевое крещение

Наконец Полуянову показали его ИЛ. Машину, на которой ему предстояло летать. Познакомили и с воздушным стрелком, двадцатичетырехлетним Воронцовым. Оказалось, что на счету у Воронцова было уже пятнадцать вылетов, и он чувствовал себя в полку старожилом.

Боевое крещение Григория Полуянова состоялось на следующий день после их знакомства.

В то утро готовился сильный удар авиацией по немецкой артиллерии и танкам в районе Каранки. Пока механики и оружейники старательно снаряжали боевые машины, летчики, собравшись на командном пункте, обсуждали детали предстоящего полета: намечали план действий, договаривались, как подходить к цели, четким распределяли обязанности между группами. Внимательно слушал их разговор Полуянов. Слушал и чувствовал, как какая-то внезапная тревога, нерешительность охватывают его.

— По машинам! — гулко разнеслось по аэродрому.

Спустя пять минут шестерка самолетов взвилась в воздух и взяла курс через Симаш. Самолет Григория шел в последней паре, рядом с машиной Феди Буслова.

Было еще далеко до цели, когда вражеские зенитки дали о себе знать. Трассирующие снаряды рвались впереди, сзади, сбоку. Чтобы увести от них машину, приходилось маневрировать, резко бросать ИЛ в сторону, вверх, вниз, не давая противнику вести прицельный огонь.

Около цели ИЛы встретились с группой «мессершмиттов». Часть истребителей прикрытия бросилась к ним и завязала бой, оставшаяся часть истребителей не отходил от ИЛов. Тем временем штурмовики стали разворачиваться, готовясь к атаке.

Затрещало в наушниках. Григорий услышал команду ведущего:

— Под нами цель. Атакуем!

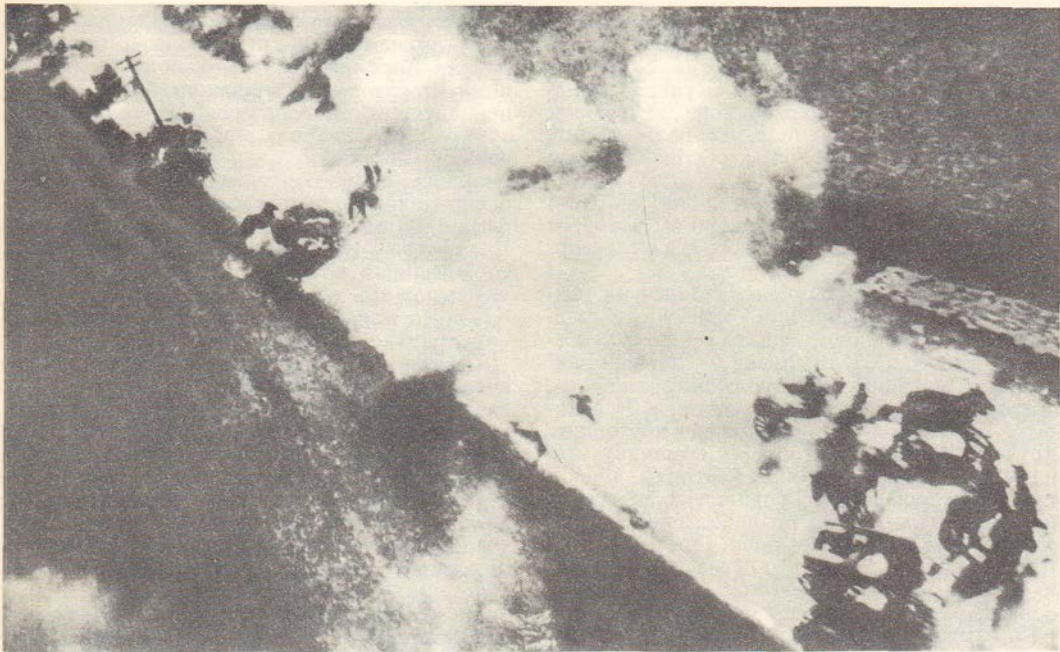
Самолет Герасимова, выйдя из виража, начал круто пикировать на зенитную батарею. Вслед за ведущим устремились вниз и другие самолеты. Батарея немцев была искусно замаскирована в редком леске.

Поймав на перекрестье прицела большое темное пятно, видневшееся в редколесье, точно, как на полигоне, выдержав нужную высоту, Полуянов нажал кнопку электро сбрасывателя. Машина вздрогнула, освобождаясь от тяжелого груза.

На земле в это время творилось нечто необычайное: стокилограммовые бомбы обрушились на батарею.

В воздухе дело обстояло куда сложнее. Два «мессершмитта» бросились на самолеты ведущего. Они старались подойти к немцам сзади, а воздушный стрелок почему-то мешал, не открывал огня. Сейчас они собою Герасимова! Надо что-то делать, помочь!

Оторвавшись от группы, самолет Полуянова устремился наперерез фашистам, преследовавшим Герасимова. Когда машины сблизились, Григорий дал по ним залп и

«Крылатые танки» из группы Герасимова штурмуют отступающую колонну гитлеровцев. Белоруссия. Июнь 1944 года.

реактивных установок. Промажнулся. Тем не менее «мессершмитты» испуганно шарахнулись в разные стороны и быстро пропали из виду. А где же свои? Григорий удивленно заметил, что ИЛы куда-то исчезли. Вон они, уже далеко... Надо догонять...

И довольный собой Полуянов вскоре присоединился к своей группе.

Едва самолеты приземлились, ведущий Герасимов вызвал к себе Григория. Поздравив его с боевым крещением, Герасимов неторопливо достал из планшета чистый лист бумаги, набросал на нем схему только что закончившегося боя и сказал уже очень по-деловому:

— На фронте оценок за полет не ставят. Это не учебный полк. Здесь за ошибки летчик часто платит жизнью. Ваш сегодняшний вылет, к счастью, окончился благополучно, но ошибок в нем вы сделали немало... Какие? Самовольно оторвались от группы и бросились на немецких истребителей. Это раз. Этим вы поставили под угрозу себя и

своего ведущего. Два. А разве вы не знаете, что немцы очень любят воевать против одиночек? Не забывайте впредь: бой в воздухе — это дело коллективное и требует большой выдержки от каждого. Если мы будем действовать каждый в одиночку, ничего хорошего из этого не получится. Ясно?

Да, теперь Григорию особенно стало ясно, что далеко не всему научился он в училище. Что надо еще очень многое узнать и узнавать придется в напряженной боевой обстановке. Обстановке, в которой нет скидок на молодость или неопытность, обстановке, где никто не имеет права ошибаться. За ошибки здесь платят жизнью товарищей, своей собственной.

Хочу воевать коммунистом

Дни стояли напряженные — весна сорок четвертого года. Битва за Крым. Бои под Севастополем. Иногда приходилось совершать по три-четыре вылета в день. Но с каждым таким вылетом приближалась побе-

В районе Сувалки штурмовики группы Г. Полуянова нанесли удар по огненным позициям фашистов. Октябрь 1944 года.

да, приближалось полное освобождение Крыма. И летчики были даже недовольны, что в день Первого мая их полк находился в резерве командира дивизии, и им удалось сделать только по одному вылету.

Для Полуянова Первое мая было особенно знаменательным днем именно в этом году. За мужество, проявленное молодым летчиком во время боев в Крыму, советское командование наградило его орденом Красного Знамени.

...Вот праздники и позади. Сегодня трудные военные будни. Но у Григория Полуянова в эти будни был и еще один, самый главный в его жизни праздник: его приняли в партию.

Последние часы перед собранием показали Григорию вечность. Мысленно он уже не один раз повторил свою биографию.

Родился в селе Нижние Деревеньки, неподалеку от города Львова, на реке Сейм. Окончил семилетку. Отец настаивал, чтобы сын десятилетку кончал, а Григория тянуло к технике куда больше, чем к

наукам. Пoblзости средних технических заведений не было, и вот в тридцать девятом году с десятью рублями в кармане уехал Полуянов в город Донской Тульской области и поступил там в ремесленное училище, готовившее электрослесарей.

Учиться было трудно. Труднее, чем он предполагал. Нелегко было и жить на стипендию — у отца Григорий категорически не хотел просить помощи. Днем учился, ночами грузил вагоны, зарабатывал деньги. Обычная, впрочем, история. Да и трудно было в основном только на первом курсе — на втором прибавили стипендию, появились друзья, которые помогали в трудную минуту. А в свободное время Григорий стал ходить на занятия в аэроклуб, его увлечение авиацией выросло в твердое решение стать летчиком. Окончив одновременно училище и курс в аэроклубе, Григорий пошел по набору в Таганрогскую военную школу пилотов.

Началась война. Школу эвакуировали в Пермь. Весной сорок второго, после окон

чания школы, Григория направили в Оренбург — переучиваться для полетов на штурмовиках, «летающих танках». Летом сорок третьего ему было присвоено первое офицерское звание. Затем учебный полк Четвертого Украинского фронта и, наконец, гвардия...

На собрании Григорий услышал о себе много хорошего.

— Полуянов прибыл к нам недавно, но спросите любого летчика полка о нем, и каждый с уважением скажет, что он отличный товарищ, человек беспредельной смелости и честности, настоящий боец.

— Полуянов — это смелость, отвага, благородство.

...За полтора месяца фронтовой жизни Полуянов научился одинаково точно действовать и в группе, и по воле ведущего, и, что особенно важно, научился быстро принимать самостоятельные решения, в том числе и в критических случаях. Так, в одном из сложнейших боев, когда группа, в которую он входил, бомбила немецкие зенитные батареи под Севастополем, фашисты взяли его самолет в прицел. Десятки снарядов рвались вокруг его ИЛа. Казалось, гибель неминуема. Чтобы обмануть врага, Григорий имитировал беспорядочное падение «сбитого» штурмовика. Немцы попались на его хитрость — огонь прекратился. Но, вырвавшая машину у самой земли, Полуянов серией пушечных залпов поразил фашистскую батарею.

Это всего лишь один случай. А было их довольно много. Например, такой...

— Завтра, на заре бомбим немецкие корабли и транспорты в районе Севастополя, — объявил майор Герасимов.

Собравшись над аэродромом, восьмерка «летающих танков» взяла курс на юг. Туда, откуда черными тучами поднимался дым. Город горел, и эти пожары были видны издалека. Вскоре среди разрывов в дымных тучах показалось море.

Перед летчиками открылась панорама беспорядочного, отчаянного бегства врага.

— Атакуем транспорты в бухте! — под командой Герасимов.

Связь стену разрывов зенитных снарядов самолет Полуянова рванулся туда, где стоял огромный транспорт.

Скорость росла, навстречу бешено неслась морская пучина. Мгновение — и Григорий нажал на кнопку электросбрасывателя. Когда штурмовик вырвался и пошел по горизонтали, внизу и сзади раздались взрывы страшной силы. Транспорт загорелся и стал крениться набок.

Два транспорта были уничтожены. Один из них отправил на дно Григорий Полуянов...

Прекратились бои под Севастополем. Фашисты были вышвырнуты из Крыма. Наступила кратковременная передышка. 136-й гвардейский полк готовился к перелету на новый для него участок фронта.

Прошел месяц, и «крылатые танкисты» отправились на север.

Бескрайние степи и поля Украины сменялись перелесками, потом начались леса. Два дня отдыха в Харькове — и снова в путь.

— Готовь, Грища, письмо домой, — сказал накануне вылета из Харькова Герасимов. — Летим через Львов. Завтра увидишь с высоты родные места.

«Дорогие мои, — писал Григорий, — приближается день нашей окончательной победы над фашизмом. Очень хотелось бы дожить до него и увидеть, как будет прекрасен мир без войны. За меня не беспокойтесь — я верю, все будет хорошо...»

Григорий свернул трубочкой письмо и вложил в гильзу от снаряда. А перед стартом передал гильзу стрелку Воронцову.

Эскадрилья Герасимова в четком строю звеньев шла по маршруту. Приближался Львов. Полуянов жадно вглядывался в знакомые места.

Самолеты приблизились к Нижним Деревенькам.

Здесь Григорий родился, учился в школе, здесь впервые увидел самолет и впервые испытал страстное желание летать.

— Внимание! — раздался в наушниках голос ведущего. — Под нами родное село Полуянова.

Самолет пошел на снижение. На шум самолета выскочила из хаты сестра. Григорий видел, как она бросилась со всех ног в огород, куда упала гильза с письмом.

Григорий сделал еще два круга над домом, приветственно покачал землякам крыльями и стал быстро удаляться вслед за группой.

На Оршанском направлении...

22 июня 1944 года началось решительное наступление советских войск в Белоруссии. Сюда-то, на Оршанское направление, и прибыл для участия в военных действиях 136-й гвардейский авиаполк. Наступление планировалось в стремительных темпах, а это требовало тесного взаимодействия между авиацией и наземными войсками.

Между тем с утра погода явно не благоприятствовала боевым вылетам «крыла-

тых танкистов». Но едва лишь прояснилось самую малость, самолеты поднялись в воздух. Три четверки штурмовиков, руководимые такими опытными командирами, как Герасимов, Желтухин и Козенков, прорвались сквозь плотную завесу зенитного огня восточнее Орши и атаковали вражескую артиллерию. Задание выполнено, можно было возвращаться на свой лесной аэродром близ местечка Литивля, как вдруг в шлемофонах летчиков послышались тревожные голоса ведущих:

— Внизу и сверху «мессеры». Справа — «фокеры». Плотней круг! Плотней круг!

Полуянов, действовавший, как всегда, в группе Герасимова, быстро оглянулся по сторонам. Вверху истребители прикрытия схватились с «мессершмиттами», а внизу, с запада и юга, к штурмовикам неслось вражеское подкрепление — больше двадцати «фокке-вульфов»...

Начался трудный бой. Три самостоятельные действующие группы штурмовиков четко определили линию боя, образовав три самостоятельных очага схваток. Каждая четверка Илов, таким образом, отбивалась от непрерывных атак шести-восьми «фокке-вульфов».

В разгар боя Григорий заметил, как из плотного слоя облаков вывалился «мессершмитт» и стал приставаться в хвост машины Герасимова. Полуянов, дав полный газ, поспешил на помощь командиру. Увлеченный преследованием, немецкий летчик не замечал грозящей ему опасности. Улучив удобный момент, Григорий пустил длинную очередь из пушек и пулеметов. «Мессершмитт» качнулся, потом повалился набок и, оставляя за собой черную полосу дыма, упал в лес...

Бой продолжался. Воздушные стрелки точными короткими очередями держали врага на почтительном расстоянии от Илов, а фашисты, разделившись на три группы, метались вокруг советских машин, выжидая, чтобы в каком-нибудь кругу обозначился разрыв.

Вскоре подоспела шестерка Яков, и «фокке-вульфы» ушли на запад.

В этом бою были сбиты три вражеских истребителя. Все боевые машины советских летчиков — в полной сохранности. В тот же день командующий воздушной армией генерал Хрюкин прибыл на аэродром и вручил капитану Козенкову орден Красного Знамени, а Полуянову объявил благодарность и назначил на должность командира авиазвена...

Наступление на Оршанском направлении

развивалось стремительно. Пять дней упорных боев — и враг дрогнул, побежал. На пути отступления фашисты зверствовали — жгли белорусские села, расстреливали стариков и детей, разрушали города, взрывали железные дороги и мосты, увозили ценности. Двухколейная железная дорога от Орши на Минск была забита вражескими эшелонами. Грузенные боевой техникой и награбленным в Белоруссии имуществом, они уходили на запад. Их следы «за метали» специальные путеразрушители, прикрепленные к хвостовым вагонам. Через каждые два-три метра они перебивали стальные рельсы, кромсали на части шпалы. Пройдет путеразрушитель — и железная дорога надолго выбывает из строя.

— Сохранить дорогу! Не дать эшелонам уйти на запад! — таков был приказ командующего воздушной армией.

На задание вылетел весь полк — четырмя восьмерками штурмовиков. Полуянов — в группе майора Герасимова. Герасимовцам предстояло разбить головные эшелоны на станции Кожаново и прервать дорогу остальным. Другим группам поручалось уничтожить замыкавшие эшелоны и, главное, путеразрушители.

...Вылетели, едва только занялась зари. Пересекли линию фронта и уверенно взяли курс на запад.

Вскоре среди леса и болот сверкнули серебристые нити рельсов. По этим серебристым нитям, оставляя легкие дымки, тянулась длинная вереница вражеских эшелонов. Вот показалась и станция Кожаново.

Немцы, наверняка заметив советских штурмовиков, молчали. Молчали и штурмовики. Словно не замечая эшелоны, они прошли стороной и скрылись.

Зайдя с тыла, штурмовики резко развернулись и устремились к цели полета. Ведущий, введя свою машину в пики, сбросил несколько бомб. Прямым попаданием одного из них был разбит паровоз. Вслед за Герасимовым начали пикировать и остальные эшелоны потонули в пламени и черных клубах дыма.

Возвращаясь к Литивлю, Полуянов обнаружил искусно замаскированный вражеский аэродром.

— Под нами немецкий аэродром, — передал Григорий по радио ведущему.

Герасимовцы выпустили последние снаряды по немецким машинам.

В этот день Григорий Полуянов еще дважды вылетал бомбить эшелоны на станция

Трацилово и Толочин — разбил паровоз и сжег три вагона.

Через несколько дней летчикам 136-го полка стало известно о захвате нашими войсками двадцати пяти вражеских эшелонов, которые вследствие действий «летающих танкистов» не могли продвигаться дальше. Стокилометровый участок от Орши до Толочина достался советским путейцам в полной исправности. За это участники «битвы на рельсах», в том числе и Григорий Полуянов получили почетные значки железнодорожников. За проявленную смелость и тактическую грамотность командующий армией генерал Хрюкин объявил ему благодарность, а спустя два дня товарищи по полку поздравляли Григория со вторым орденом Красного Знамени.

Илы против «тигров»

Однажды августовским днем сорок четвертого, когда боевые действия переместились на территорию Литвы, командир полка Жихарев вызвал на КП Герасимова, Козенкова, Асадчих и Полуянова.

— Вот срочная телефонограмма. От командующего воздушной армией, — сказал он. — «По точным данным разведки, три немецкие танковые дивизии готовят контрудар в районе между Вилкавишкисом и Марьямполем. Начало контрудара планировалось на десятое августа, но из-за отсутствия горячего танки стоят в лесах юго-восточнее Вилкавишкиса. К утру одиннадцатого августа они должны заправиться горючим, которое с нетерпением ожидают. Это горючее — два эшелона. Сегодня утром они были на подходе к станции Эйдткунен. Там бензозаправщики должны перекачать горючее из цистерн и развести по дивизиям. Прошу разыскать и во что бы то ни стало уничтожить эти два эшелона».

— На задание пойдут две шестерки под прикрытием десяти Яков, — продолжал Жихарев. — Первой взлетает группа Герасимова...

В назначенное время двенадцать штурмовиков поднялись с аэродрома и скрылись в сплошном тумане. Выйдя к назначенному пункту, летчики не обнаружили эшелонов. Провиравшись на запад было бессмысленно: оттуда надвигалась черная стена проливного дождя. Самолеты повернули назад и почти на бреющем полете пошли вдоль железной дороги, тщательно просматривая ее. У разъезда Альвитас Герасимов заметил, что железнодорожные нити в двух местах пропадали под какими-то странно наброшен-

ными щитами. А вдруг здесь и спрятаны эшелоны? Так и есть. Они!..

Спустившись ниже, летчики насчитали в одном из эшелонов тридцать, а в другом двадцать цистерн. Невдалеке, прижавшись к станционным постройкам, стояло больше двух десятков автомашин-бензозаправщиков.

Набрав высоту, штурмовики круто спикировали. Одна за другой взрывались цистерны... Через несколько минут можно было выходить из боя, как вдруг произошло непоправимое: один из зенитных снарядов попал в машину Герасимова.

Штурмовик начал быстро терять высоту.

Прыгать? Но внизу немцы... Плен? Нет, лучше смерти!..

— Прощайте, друзья! Умираем за Родину! — в последний раз услышали летчики голос своего командира. Они видели, как горящий ИЛ, ведомый твердой рукой Герасимова, врезался в центр второго эшелона...

На аэродром группу привел Полуянов. Приземлившись, он доложил Жихареву об уничтожении эшелонов и о героической гибели Герасимова и стрелка Александра Зубкова, повторивших подвиг капитана Гастелло...

Теперь первая эскадрилья осталась без командира и заместителя. Первое время после смерти Герасимова Жихарев водил летчиков в бой. Потом, когда из штаба дивизии прибыл новый командир эскадрильи, гвардии капитан Яков Коровин, надо было срочно найти и заместителя. Жихарев предложил кандидатуру Григория Полуянова.

Через неделю приказом по армии младший лейтенант Полуянов был назначен заместителем командира эскадрильи. Это назначение совпало с награждением его орденом Отечественной войны первой степени за успешные боевые действия в Белоруссии и Литве.

О ратных подвигах Полуянова к тому времени стали уже писать в армейской и фронтовой печати, а заместитель командира полка по политчасти майор Федоров написал от имени командования и партийной организации письмо отцу Григория: «Ваш сын — это наша гордость, а Ваша слава. Командование надеется, что он и впредь будет служить примером для других».

...В конце августа стремительное наступление войск Третьего Белорусского фронта сменилось временным затишьем. Советские части подтягивали тылы, получали пополнение. Готовился к новым боям и враг.

Погода была нелетная, почти непрерывно

шли холодные дожди. 136-й авиаполк усиленно занимался боевой подготовкой. Самые опытные летчики, в том числе и Григорий Полуянов, вели занятия с молодежью. «Коньком» Григория были способы отыскания наземных целей в плохую погоду, методы поражения их в условиях сильного противодействия зенитной артиллерии и истребительной авиации противника.

Став ведущим, Полуянов заботливо учил своих подчиненных. На теоретических уроках задавал летчикам трудные тактические задачи и, не торопясь с подсказкой, старался, чтобы ребята самостоятельно искали и находили решения. Перед каждым вылетом проверял, как они знают обстановку, маршрут полета, как станут действовать в случаях непредвиденных обстоятельств, которые он сам создавал. Когда же группа возвращалась на аэродром, он тщательно анализировал итоги каждого боя...

А бои уже шли на территории Восточной Пруссии. Фашисты сопротивлялись отчаянно, но под напором советских войск отступали. Особенно трудные схватки разгорелись на подступах к городу Гумбинену, где немцы сосредоточили несколько танковых дивизий. Здесь они и попытались дать решительное сражение — нанести мощный контрудар по частям 11-й гвардейской армии и 2-го танкового корпуса, чтобы в конечном счете окружить их и уничтожить.

...Был обычный боевой день. Получив задание шестеркой штурмовиков разбить танки врага в районе Штанайтшена, группа Полуянова под прикрытием двух истребителей направилась в тыл врага. Они еще не успели подойти к цели, как навстречу им на бреющем полете вырвались восемь «фокке-вульфов». Но, словно не замечая ИЛов, удалились на восток. Значит, решили атаковать с востока. Внезапностью хотят взять!..

За десять месяцев непрерывных боев Полуянов уже отлично изучил тактику вражеской авиации, в том числе и «фокке-вульфов». Он был убежден, что ИЛы могут успешно бороться с самыми совершенными машинами врага, если летчики предельно внимательны в воздухе и свободно владеют своими машинами.

Большая колонна немецких танков, притаившаяся в лесу, хорошо просматривалась с высоты. Группа спикировала на нее и сбросила бомбы. Несколько танков загорелось. В ответ на штурмовиков обрушился ожесточенный огонь крупнокалиберных

пулеметов. Но ИЛы, умело лавируя, продолжали бомбить танки. Набирая высоту для очередного захода, Полуянов увидел приближающуюся с востока восьмерку «фокке-вульфов». Одновременно с этим ведущий истребителей прикрытия сообщил о начале боя с шестеркой «мессершмитов» сверху, над облаками.

— Под нами «фоккеры». Становись в круг! — скомандовал Григорий.

Самолеты мгновенно перестроились так, что каждый был готов прикрыть идущего впереди.

Начался воздушный бой. Его особенно осложняла плохая видимость и малая высота. Немцев с земли поддерживала зенитная артиллерия. ИЛы попали в очень тяжелое положение. На Полуянова набросилось разом три «фокке-вульфа»; один из них уже через минуту, подбитый Григорием, повернул на запад.

В то время как Полуянов и его воздушный стрелок Воронцов отбивались от остервенелых «фоккеров», откуда-то из-за облаков вынырнули два «мессера» и стремительно атаковали машину Геннадия Лебедева, приближаясь к нему, несмотря на огонь стрелка.

— Белов, ударь по нему ракетами! — раздался голос Григория. — Анферов! Прикрой Белова, теснее круг!..

Петя Белов — меткий стрелок из реактивных установок — первым же залпом поразил вражеский истребитель. Увидев, как машина врезалась в землю и взорвалась, второй «мессер» не рискнул продолжать бой и повернул в сторону, к «фокке-вульфам».

Бой подошел к концу. Несмотря на численное превосходство врага, исход схватки решил мастерство советских летчиков, смелость и хладнокровие Полуянова.

В тот же день группа Полуянова еще раз вылетала на задание в район Штанайтшена. В итоге разбито еще восемь танков и три автомашины. Два танка сжег Полуянов.

За мастерское вождение шестерки и уничтожение двух танков Григорий награжден третьим орденом Красного Знамени. Вместе с ним ордена получили командир эскадрильи Яков Коровин и летчики Федор Буслов, Евгений Вейшторт, Петр Белов, Василий Анферов...

В декабре, когда полк в ожидании начала генерального наступления стоял в Восточной Пруссии, Григорий получил письмо от сестры. Наталья писала, что отец

тяжело болен, болен неизлечимо, и что мечтает он увидеть сына. Полуянов написал рапорт — просил предоставить ему кратковременную командировку, чтобы проститься с отцом. Но отца он уже не застал. Стараясь меньше думать о непоправимости случившегося, он, казалось бы, с головой ушел в работу по дому, все хотелось сделать для сестер, помочь им в осиротевшем хозяйстве. Но чем больше захватывала его работа, тем настойчивее будоражили горькие мысли и воспоминания. Терзался он потому, что мало писал отцу с фронта, особенно в последний месяц. Казалось ему, что был он к отцу нечуток, что мало радости принес ему. Теперь уже он пожалел, что не сообщил отцу о том, что награжден двумя боевыми орденами: отец был бы доволен, гордился бы им, Григорием...

Десять дней отпуска промелькнули быстро. Мир воспоминаний детства, охвативший Полуянова на родине, неизбежно возвращал его к думам об отце. Обо всем, что прямо или косвенно было связано с ним. Он вспоминал, например, как в далеком детстве мечтал посадить в огороде сад и вырастить много-много яблонь, чтобы угощать яблоками всех родных и знакомых. Сказано — сделано: ранней весной он воткнул в землю несколько веток тополя с разбухшими почками. Ветки принялись, и Григорий с гордостью рассказал отцу, что осенью угостит его собственными яблоками. Отец объяснил тогда, что на тополя яблоки не родятся, а за добрую задумку сына похвалил, сказал, что всякое дерево — человеку радость.

Прошли годы. Многое с тех пор изменилось в Нижних Деревеньках. Лишь посаженные Григорием тополя сохранились на пригорке, всего в нескольких метрах от скованной льдом реки Сейм...

В «волчьем логове»

В феврале сорок пятого 136-й гвардейский авиаполк переместился в Растенбург и расквартировался в хвойном лесу, в роскошном двухэтажном особняке. Когда-то в этом тихом уголке мазурской земли, в глухом лесу, подальше от людских глаз, была оборудована ставка Гитлера — «волчье логово». Накануне прихода русских немцы, отступая, подорвали все сооружения ставки — как наземные, так и расположенные глубоко под землей. Лишь один наземный особняк, что стоял в стороне от главных, уцелел. Его-то и заняли

советские летчики. В трех километрах от особняка на ровной возвышенности находился аэродром. С него почти ежедневно группами поднимались на запад штурмовики. Далеко не все благополучно возвращались на аэродром.

Однажды не вернулся с задания Загидулин.

Григорий вспомнил свою первую встречу с Загидулиным в Крыму — тогда он показался ему угрюмым и замкнутым: обманула внешность. Человеком Загидулин был общительным, энергичным, веселым. Увлекался математикой, все свободное время корпел над сложнейшими формулами. Был он одним из самых опытных в полку летчиков: участвовал еще в боях на Халхин-Голе, на Отечественной — чуть не с первого дня...

Григорий задумался о павших друзьях. Немногие из тех, с кем он начинал войну в Крыму, остались в живых. Сергей Герасимов, Хай Загидулин, Павел Смирнов, Петя Белов. Кто еще не вернется домой?..

В тот же день после ужина к Полуянову подошел молодой летчик. Заговорив о завтрашнем вылете на очень сложное задание, он откровенно сказал своему командиру, что его мучают нехорошие предчувствия.

Завязался серьезный разговор.

— Мы прежде всего бойцы, — говорил Полуянов, — и должны думать о победе, а не о смерти. Пусть фашисты думают о смерти, а нам надо жить. И если уж суждено умереть, то... Читал роман Фурманова «Мятеж»?

— Нет, не приходилось.

— Жаль. Там в одном месте очень здорово сказано. Я наизусть запомнил. «Если быть концу — значит надо его взять таким, как лучше нельзя... Так умри, чтоб и от смерти твоей была польза... Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — и в мозгу и в сердце, не жалея, что много растратишь энергии, — это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо...» Вот так-то!

Над заливом Фриш-Гаф

Много было решительных и отважных людей в полку. И вот однажды полковнику Жихареву пришлось выбрать тех, кому поручить выполнение особо важного задания.

Шли бои за Кенигсберг. Прижатая к морю группировка войск противника пыталась уйти через залив Фриш-Гаф к городу Данцигу. На пути была коса Фриш-Нерунг.

Тысячи автомашин и подвод забили входы и выходы из местечка Пассарге на морском берегу. Сюда чуть ли не со всей объятной пламенем Восточной Пруссии хлынули немецкие офицеры и генералитет. Необходимо было срочно остановить их, преградив пути к отступлению. В создавшейся ситуации решающая роль принадлежала «крылатым танкистам». Но выполнение задания тормозили разыгравшийся буран и сильный снегопад. Уже не одна группа штурмовиков безуспешно пыталась пробиться во вражеский тыл. Надо было сделать невозможное. И командир полка вызвал Полуянова.

— Для него ничего невозможного нет, — сказал Жихарев замполиту Федорову.

Через час эскадрилья скрылась в крошечной мгле снегопада. К цели шли трудно, почти вслепую, мокрый снег и вода плотно застилали лобовые стекла кабин. И так пятнадцать минут в страшном напряжении, в темноте, на минимальной высоте. Неожиданно небо как бы расколосось, и эскадрилья очутилась в большом про свете между снежными тучами, над ровной ледяной гладью залива. На белом льду резкими змееподобными лентами тянулись восемь колонн, они направлялись в сторону косы Фриш-Нерунг.

И Полуянов, желая перехитрить врага, повернул самолет в сторону, скомандовал по радио:

— Заходим с головы колонн!

Самолеты быстро удалялись к косе. У самой косы они резко развернулись и, снизившись до брющего, ударили по фашистам. Только единицам удалось добежать до косы, но и там их настигал огонь «крылатых танков».

Задание командования было выполнено.

Потом было еще немало успешных вылетов Полуянова в ходе наступления в Восточной Пруссии. 10 марта командование армией представило гвардии старшего лейтенанта Григория Павловича Полуянова к званию Героя Советского Союза. Он был удостоен этого почетного звания посмертно. Из полета 18 марта 1945 года отважный молодой командир не вернулся...

Полуянов бомбил аэродромы в Крыму и Восточной Пруссии, уничтожал эшелоны с горючим и танками в Белоруссии и Литве, топил вражеские корабли и транспорты в Черном и Балтийском морях, громил танковые колонны и взрывал склады боепри-

пасов в Прибалтике. Лаконичные сводки и отчеты командования раскрывают его героические дела:

— 8 апреля 1944 года разбил 8 орудий;

— 17 мая потопил в Черном море транспорт с живой силой и техникой;

— 23 июня сжег три танка за один вылет;

— 26 июня поджег железнодорожный эшелон с танками и уничтожил один «юнкерс»;

— 14 января 1945 года уничтожил 4 орудия и до роты пехоты;

— 6 марта летал с четверкой в район Альбинард, взорвал огромный склад с боеприпасами, над целью был атакован восемью истребителями, в воздушном бою сбил один «фокке-вульф»...

Таких фактов в военной биографии Полуянова много.

За год войны Григорий Полуянов совершил 110 боевых вылетов, провел пятнадцать воздушных боев и во всех одержал победу. Он лично уничтожил 38 танков, 7 самолетов, свыше 100 орудий, около 4 тысяч вражеских солдат и офицеров, сжег 4 эшелона с танками и горючим, разбил 150 автомашин с живой силой и техникой, потопил в море два крупных транспорта с фашистами...

Имя Григория Полуянова, прекрасного летчика и прекрасного товарища, вожака своих сверстников-пилотов, не сходило со страниц оперативных сводок, боевых донесений, армейских и фронтовых газет. Еще при жизни он стал популярнейшей личностью, живой легендой не только в полку и дивизии, но и в армии. В его аттестациях и характеристиках записано: «признанный и непревзойденный воjak групп самолетов, в силу одаренности и необычайной храбрости имеет очень большие перспективы на будущее», «мастер штурмовых ударов», «умный повелитель грозного оружия», «всегда жизнерадостный офицер, опрятный, точный, кристально честный».

И теперь, спустя двадцать три года после своей героической гибели, Григорий Полуянов живет в воспоминаниях боевых друзей как «юноша с отважным сердцем и красивой душой». Навсегда двадцатидвухлетний, голубоглазый, улыбающийся, с непокорным русым чубом, выбивающимся из-под пилотки...

Ирина Бразуль

Высота идей, сила чувства

(Дочь болгарских революционеров)

«Красота женщины измеряется высотой ее идей, силой ее чувства, глубиной ее знаний», — так написала мне мама на книжке, подаренной к совершеннолетию.

Л. К.

Перед нами фотография 1922 года. На снимке две маленькие девочки. Вглядитесь в лицо старшей — Лилии. Ее необычайной судьбе посвящен этот рассказ.

Прежде чем познакомиться с Лилей, необходимо узнать, кто были ее родители, потому что они сыграли огромную роль в формировании ее характера.

Отец Лили — болгарин Александр Кара-Стоянов в девятисотые годы покинул родину, чтобы учиться в России. В ту пору так часто поступала прогрессивно настроенная молодежь Болгарии. Самый ближний к ней крупный русский город — Одесса, и Кара-Стоянов поехал туда.

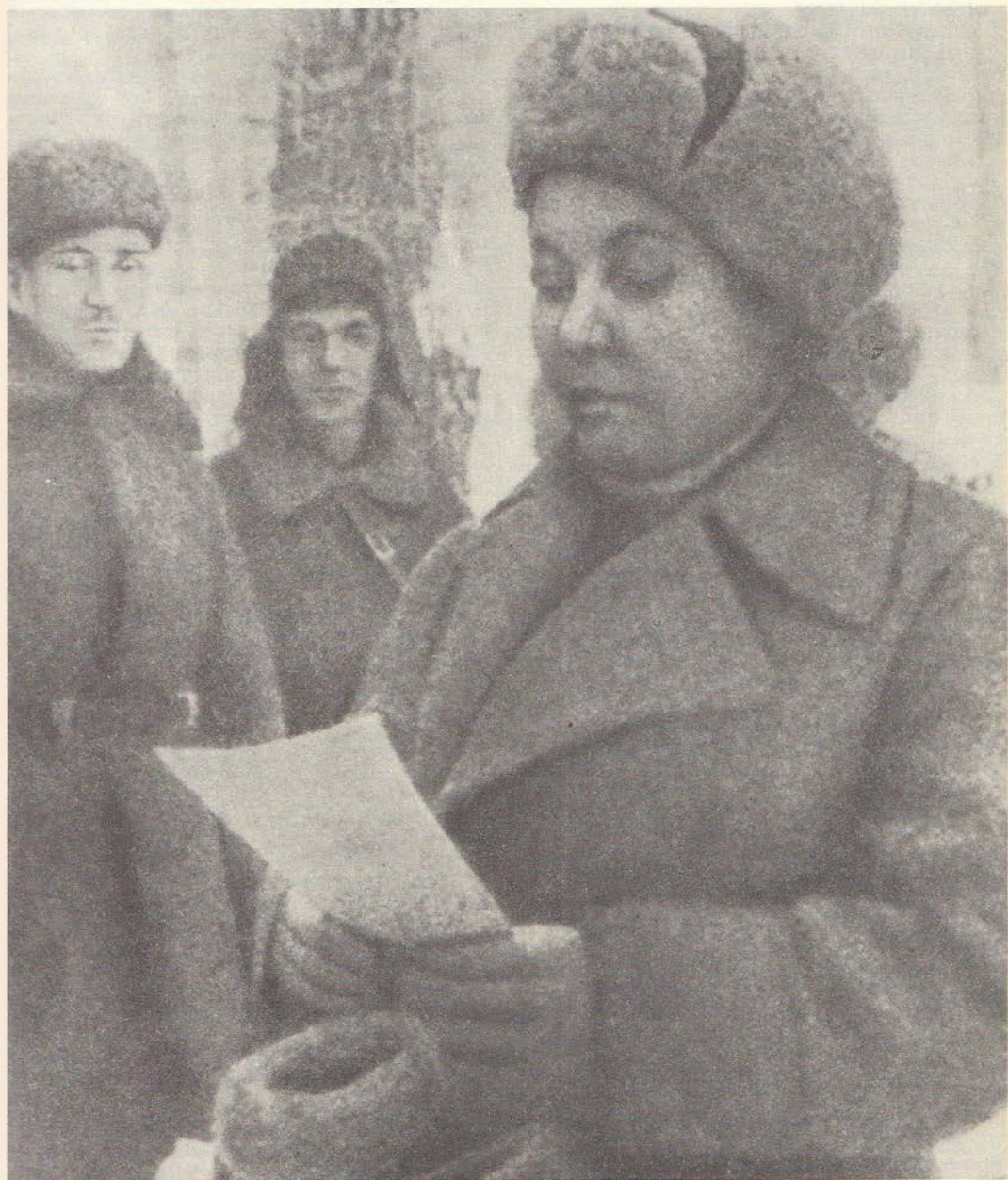
Александр не удалось, как он хотел, попасть на факультет общей медицины. Не было средств. Он поступил на зубо-врачебный курс, который был короче и дешевле, и нанялся в порт грузчиком.

Однажды, когда Александр затянул во время работы песню, к нему подошел какой-то доброжелатель и посоветовал обратиться в оперный театр, где нужны хористы. Кара-Стоянова приняли сразу. Он оказался очень музыкален и обладал от природы поставленным голосом.

Лилия (справа) и Лена Кара-Стояновы.
Декабрь 1922 года.

Лилия Кара-Стоянова принимает партизанскую присягу. 15 января 1943 года.

Через небольшой срок, по болезни солиста, Александр неожиданно получил первую партию в опере Верди «Травиата». Удачный дебют открыл перед ним артистическую карьеру.

Однако преуспевающий тенор не оставил зубоврачебный курс, а закончив его, не спешил вернуться на родину: за это время Кара-Стоянов стал деятельным участником нелегальных марксистских кружков и вел партийную работу.

Вскоре после восстания на броненосце «Потемкин» Кара-Стоянова, как и многих большевиков, арестовали. В тюрьме у него развился сильный туберкулез. Последовал приговор о ссылке на вечное поселение в Сибирь. Это, по существу, означало осуждение на смерть.

Театральные друзья — ценители таланта приняли хлопотать. Есть версия, что по их просьбе в дело вмешался Л. В. Собинов. Это весьма вероятно, так как великий русский артист не раз использовал свое имя и связи для помощи политическим. Так или иначе — вечное поселение удалось заменить высылкой на родину.

Молодой большевик вернулся в свой город Лом, где стал очень популярным доктором. Под партийной кличкой Пурко (Петр) Кара-Стоянов развернул активную политическую деятельность. Живой, энергичный, отзывчивый Кара-Стоянов удивительно умел расположить к себе людей. Это был один из самых любимых и уважаемых руководителей.

Здесь, в Ломе, Александр познакомился со своей будущей женой Георгицей. Она происходила из семьи переселенцев-болгар, бежавших от турецкого ига на другую сторону Дуная — в Румынию. Семья была большая, бедная, а в Ломе оставался дядя Георгицы, ведущий довольно богатую торговлю. Он взял к себе пятилетнюю Гицу — так ласкательно сокращают это имя в Болгарии — и настолько полюбил девочку, что удочерил ее. Она училась в хорошей варненской гимназии с привилегированным пансионом для состоятельных.

К семнадцати годам Георгица превратилась в самую красивую, богатую, да и самую образованную невесту всей Ломской околии. В 1916 году она познакомилась с доктором Кара-Стояновым, придя к нему на прием, а вскоре они поженились. В 1917 году родилась первая дочь Лилия.

В зубоврачебном кабинете Кара-Стоянова был центральный партийный сборный пункт. Сюда приходили с перевязанными

щеками под видом пациентов, а иногда «в гости», чтобы послушать музыку.

Георгица быстро вошла в курс партийных дел. Она помогала вести прием «пациентов», знала, какие «медикаменты» надо получить припрятать в подвале дома, кому и когда передавать их.

В 1920 году у Кара-Стояновых родилась вторая дочь. В память об удачном дебюте в Одесском оперном театре, девочку назвали двойным именем — Елена-Виолетта.

Лилии было шесть лет и Елене-Виолетте три, когда в стране началось известное Сентябрьское восстание 1923 года. О том, как в те дни сложилась судьба семьи Кара-Стояновых, расскажет сама Лилия. Ее запись немного сбивчива, есть и некоторые неточности. Но в основном этот рассказ о пережитом представляет события верно. Добавим, что он написан по просьбе вожакого в «Артеке» одиннадцатилетней девочкой, еще не вполне овладевшей русским языком.

I

«До 22 года в Болгарии коммунистическая партия работала легально. Но к 23 году она до того увеличилась, что стала самая большая в Болгарии. Тогда буржуазная партия увидела, что коммунистическая партия сильнее, и тогда она приняла нужные для нее меры. Она арестовала ЦК ВКП(б)¹. Но рабочие не спали и взамен на это подняли восстание.

II

В нашем городе Лом тоже было восстание, этим восстанием руководил мой отец. Много дней шли бои. Но врагов становилось все больше, и нашим — все труднее. Однажды папа пошел на разведку. С ним 14 человек...

Около школы их окружают белые и арестовывают. Стали допрашивать их, но никто ничего не сказал. Тогда их отвели под мост и начали расстреливать. Когда расстреляли их, то не похоронили, а прямо бросили. Но доктор, который проходил случайно мимо, увидел трупы — сказал, что так нельзя потому, что могут завестись разные болезни. Тогда на 20 шагов от берега их бросали в одну яму и засыпали песком.

¹ Так в рукописи. Имеется в виду ЦК Компартии Болгарии.

Мама, узнав, что папа убит, приняла руководство двумя отрядами, а остальные приняли другие товарищи. Но скоро из Софии прислали войска, и восстание стало потухать. Потому что некоторые, увидев войска, испугались и многие убежали. Но зато товарищи, которые были смелей, то с трое больше силами боролись за свободу. Но вот стали все больше и больше падать убитых, и рабочих становилось все меньше. Но, конечно, и войска становилось все меньше. Но они были лучше вооружены, и потому они стали побеждать. И вот восстание совсем ослабло. Слышались выстрелы кое-где. Но вот опять рабочие собрали последние силы. Бу-у-у-у! — раздалось на весь город и повторилось: бу-у-у-у. Но то было в последний раз. Больше выстрелов не слышали.

III

В это время мы находились у одного товарища. Там нас оставила мама. Вот когда кончилось восстание, я решила идти ее искать. Я пошла первым делом домой. Но там не было никого, потом я пошла в полицию искать, но там меня только изругали. Я уже стала отчаиваться, как меня встретил знакомый товарищ. Он сказал мне, что мама арестовали и что она находится в тюрьме. Пошла я в тюрьму и там искала, но не нашла. Тогда я пошла в школу, но там сказали, что ее направили в гостиницу, и там я ее тоже не нашла, но у меня уже заболели ноги, и я решила вернуться домой. И решила завтра пойти опять спросить у товарища. Он обещал поискать ее. И я вернулась домой. На другой день я нашла ее в товарной лодке². Там их было пятьдесят человек, было там очень душно. Когда я вошла, там все лежали и дышали очень прерывисто. Я спросила маму, почему это и отчего она такая бледная, похудела. Она сказала — ничего, только попросила — если можешь, принеси воды. Я принесла. Все попили понемножку, и тогда мама сказала мне: «3 дня не давали ничего пить, а перед ними вода — целый Дунай!» Но почему же нельзя пить? Ведь вода чистая. Мама показала на воду. Тут я испугалась не на шутку. По Дунаю плыли трупы. Я спросила маму, почему это так. Буржуазия наполнила все тюрьмы, школы, гостиницы, и больше некуда было помещать. Тогда они брали рабочих, к горлу привязывали колени и бросали в воду.

Я потом вернулась домой и увидела

бабушку, которая приехала за нами. Мы поехали с ней к тете. Там нам жилось все-таки хорошо.

IV

Маму в это время посадили в тюрьму. Там, через 2 месяца, родился мой брат. Тогда, когда ему стало 6 месяцев, ее выпустили из тюрьмы. Вот мама написала, чтобы мы ехали к ней обратно и что она свободна. Мы, конечно, очень обрадовались. Но вот приехали мы. Как я обрадовалась, когда на кровати увидела брата! Каким красивым, милым он мне показался! Но к нам опять стала приходить полиция. Они обыскивали нас, но ничего не нашли. Уехали. Мама свободно вздохнула. Но через час полиция опять пришла, теперь около 50 человек. Перед отрядом скакал на белом коне офицер. Он сказал, чтобы мама одевалась: «От имени закона вы арестованы». Мама с этим уже была знакома и потому пошла за ним. Мы остались одни. Сестра начала плакать, от этого брат проснулся и тоже стал плакать. Я не знала, что делать, начала сестру успокаивать. Когда она перестала плакать, я распеленала брата. Всю ночь никто из нас не сомкнул глаза. Брат плакал, хотел есть, сестра плакала про маму.

Но вот стало светать, а мамы все не было. Пропели петухи, зачирикали ласточки. Вот к девяти часам часовой, который стерег, встал и постучал, попросил воды. Мы дали ему. Тут Саша (так зовут моего брата) перестал плакать. Вот послышались шаги. «Кто-то идет! Неужели мама?» — вскричала я. Сестра побежала открыть. Вошла мама, встревоженная и усталая, села на кровать и через несколько минут заснула. Мы притихли, и в доме было тихо. Слышалось только ленивое шагание часового. Мама спала долго, только к обеду проснулась. Не успела она протереть глаза, как к ней подбежала Елена, спросила, есть ли чего покушать.

Я уже представляла себе, как мама скажет: «Нет», — и будет смотреть с жалостью на нас. Но вдруг лицо мамы прояснилось, она привлекла нас к себе и распеленала, потом сказала, что «сейчас я пойду и куплю что-нибудь. Деньги есть». Мы до того обрадовались, что стали кричать. Но вдруг мы услышали шаги часового. Я спросила маму: ведь больше нас не бу-

² Баржа.

дет стеречь часовой? Но она покачала головой и вздохнула. «Нет, Лили, — сказала она, — я арестована домашним арестом».

Вот уже один день прошел, никто из знакомых к нам не пришел, потому что кто приходил, того вызывали в полицию. Поэтому все и боялись приходиться к нам. Ночью я никак не могла заснуть, был дождь. Но вот дождь стих, и мама, которая все время стояла у окна и смотрела вниз, подошла ко мне и стала говорить.

— Лили, ты любишь папу?

— Да.

— Ты хотела бы, чтобы он был жив?

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я была жива?

— Хочу.

— Хочешь меня спасти?

Тут я спросила:

— От чего тебя спасти, мама?

— А вот. Я ведь позавчера была в полиции, там меня расспрашивали, но я не сказала им ничего. Мне сказали, что возьмут в тюрьму, каждый день будут бить, и если я ничего не скажу, то меня убьют. Я решила убежать. В этом ты должна помочь мне.

— Но чем могу я тебе помочь?

— А вот. Ты сейчас притворись, что у тебя болит живот, я пойду вынести горшок и убегу. Постараюсь переплыть Дунай и там, в Румынии, буду в безопасности.

Мама убежала. И мы опять остались одни.

Утром мы проснулись, было поздно. К нам стучался кто-то, я открыла. Вошел начальник полиции. Он подошел к столу, сел на стул и начал расспрашивать.

— Ты знаешь, где мама?

— Мама! — вскрикнула я как будто с удивлением. — Она пошла в уборную и потом пойдет в полицию. Она мне так сказала, что вызвали ее. И велела, чтобы я приготовила обед.

— Но она тебе ничего не говорила, что убежит?

— Убежит? — опять вскрикнула я.

— Да.

— Нет, — я покачала головой.

Тут он переглянулся с одним офицером и, махнув рукой, сказал:

— Она ничего не знает.

— Ну, обыскивать их или не надо?

— По-моему, нет. А в общем как вам угодно.

— Ну, уж так и быть, не буду возиться с ними.

..Тут для того, чтобы не быть подозрительной я сделала так: начальник собирался уже уходить и уже взялся за ручку, как я подбежала к нему:

— Начальник, если увидите маму, скажите, что мы — сестра, брат и я — просим, чтобы она пришла к нам, а то нам страшно одним.

Он в первый раз улыбнулся.

— Вам не может быть страшно, потому что у дверей будет стоять часовой.

Он ушел, слава богу. Я вздохнула свободно.

V

Мы опять остались одни, но теперь уже гораздо легче.

Во-первых, маму не могут бить. Она свободна. А во-вторых, у меня теперь были деньги.

Вот я принялась спокойно за работу.

Во-первых, Саша был еще не мыт, а во-вторых, нужно было готовить обед.

Я взяла корыто, скипятила воды и налила в него. Потом раздела брата и стала его купать. И так кончила я первое дело.

Потом я подумала, что мне делать, и, подумав, решила, что не смогу готовить, и решила лучше сходить в гостиницу и там купить; но что купить для Саши? Вдруг подумала я и спросила сестру. Она сказала, что лучше всего будет купить ему молоко. Когда наелись, Елена и Саша начали играть. Я сперва поиграла, потом начала стирать. Когда выстирала, что надо было, то я стала думать, что будет дальше...

А теперь посмотрим, что делала мама.

Когда мама покинула наш дом, то она очутилась в одном глухом переулке. Она остановилась, задумавшись на минуту: как, куда идти? Ей пришлось в голову пойти к одному из товарищей, чтобы он пока скрыл ее.

Она пошла к нему, но, к счастью, он встретился ей по дороге. Тут она сказала ему, что ей нужно спрятаться. И рассказала, что она убежала.

Он сказал, что может ее спрятать, но не в доме, а в более безопасном месте. В стоге сена. Мама согласилась, и они пошли. Он зарыл маму, только оставил там немного отверстия для воздуха. Они стоворились, чтобы вечером он сказал ей как-нибудь — ищут ли ее или нет?

Вот настал тут же теплый летний вечер.

Александр и Георгица Кара-Стойновы.
Лом. Декабрь 1921 года.

Тут к товарищу пришли гости. Он сказал им: не лучше ли им выйти на улицу? Они вышли. и он поставил стол близко к сену. Потом стали разговаривать:

— Ты знаешь ли, что творится в городе? — спросил гость.

— Да я сегодня был на сенокосе, так что газету еще не читал.

— Ну так я тебе скажу, это не пишут в газете, а весь город говорит, ты ведь знаешь, кто убежал? Весь город ее ищет, и главное, как она могла убежать? Ведь на границе сейчас очень много караулов! Пробраться она не могла через границу! Она прячется здесь где-нибудь.

VI

Я сидела и думала, наверное, 2 часа и все ничего не надумала.

Так прошло до обеда. К нам никто не приходил. Только к обеду пришли сменить часового.

Прошел день. Настал вечер. Тут сестра спросила: а что мама? не придет?

...Настал день.

Я все сделала. И пошла с сестрой и братом гулять по двору. Вдруг к нам вбежала соседка и, волнуясь, кричала:

— Полиция ее поймала! Что теперь будет с вами?

Георгица Кара-Стойанова.

Я посмотрела на нее и ничего не понимала.

— Кого? Кто поймал? И какое нам дело?

Она сказала:

— Кого? Твою маму!

Тут брат и сестра, когда услышали, что мать поймана, то брат не понял и засмеялся, но сестра заплакала.

Мне нечего больше было делать, как пойти в дом и ждать, пока не позволят пойти к маме.

Наконец пришел один солдат и сказал, чтобы шла в полицию.

Я оделась и пошла.

Когда я пришла, она взяла меня на верхнюю полку и начала разговаривать. В полиции спят не на кровати, но на полках, как в поезде.

— Лили, ты уже не маленькая, и тебе бы следовало понимать меня.

Я кивнула головой.

Открытка с рисунком Кета Кольвиц, посланная Георгицей Кара-Стойановой детям. 1930 г.

— Так вот, мне здесь очень плохо, тут каждый день бьют и вообще издеваются надо мной. Если я перейду в тюрьму, то мне будет легче. И вот ты должна будешь пойти к начальнику и просить, чтобы меня перевели.

Тут я призадумалась, но все-таки я твердо решила пойти и во что бы то ни стало добиться этого. Я пошла и до того с жаром рассказала ему, хотя немного расстрогала его холодное сердце. Он позволил маме переехать в тюрьму и даже позволил нам жить вместе с ней в тюрьме.

Мы стали жить в грязной сырой каморке около кухни. Тюрьма была большая. Там было много народу.

Мы поместились в каморку. Тут было одно окно, и то такое маленькое, да вдобавок на потолке.

Света было мало. Тюрьма находилась недалеко от реки Дунай. И здесь было недалеко большое болото. Так что тут было много комаров малярийных. А брат был немного нездоров. И на него подействовал плохой воздух и сырое помещение. И он заболел малярией. Тут мы не знали, что делать. При таких условиях нельзя было лечить.

А Саше становилось все хуже. Наконец подумали спросить, если можно — позвать доктора.

Мы с мамой пошли к надзирателю. Но он сказал, что тут есть доктор тюрьмы и что он придет и увидит, что там. Вечером пришел доктор. Он осмотрел на быструю руку и сказал, что ничего особенного нет. Это только малярия в легкой форме. Он ушел. Саша заснул. Елена уже спала. Мы с мамой только сели, как Саша проснулся и начал плакать. Мы качали его. Потом мы с мамой решили, что будем спать по очереди. Первая спала мама. Но вот стало светать. У меня слипались уже глаза, до смерти хотелось спать.

Вот совсем стало светло. Елена проснулась, встала и подошла ко мне.

— Лили, ты не спала? — спросила она.

— Нет.

— А ты поспи немного, я посижу за братом.

— А ты его не разбудишь и вообще что-нибудь с ним не сделаешь?

— Нет, — обиженно сказала она, — я уже не маленькая.

Я легла и крепко заснула. Когда я проснулась, солнце так пекло, что было жарко до невыносимости. Я увидела, что мамы нет и что сестра обедает. Я догадалась, что я спала до обеда. Я спросила, где

мама. Она сказала, что мама пошла за доктором...

Так плохо мы жили 11 месяцев.

Потом маму вызвали в столицу Болгарии Софию. Там ее вызвали в Центральный суд.

Но там не нашли, чем обвинить, и ее оправдали.

И мы тогда, пожив немного в Софии, поехали в Австрию, потом в Германию, а потом в СССР.

В СССР мы приехали в 27 году и только трое — брат, сестра и я.

И мы стали жить свободно в СССР.

Конец».

Как уже говорилось, события здесь описаны довольно точно. Ничего не рассказала Лилия только о том, что касалось ее собственной роли в тюремной жизни. Это сделала ее мать. В болгарской печати есть документ, опубликованный другом Георгицы — Анной Христовой. Она передает свой разговор с матерью Лилии:

«Моя Лили с малых лет была деловой и хорошим конспиратором. Когда она выходила из тюрьмы в город, жандарм самым тщательным образом обыскивал ее. Я как сейчас вижу перед собой ее светящиеся детские глаза в момент, когда она мне передавала записки от товарищей с воли: «Мама, я так ловко вертелась около жандарма, так крепко сжимала записку в кулаке, что он ничуть не догадался! Передала твою записку сразу же. А после этого пошла взять другую, для тебя. Опять закружила жандарма — и пожалуйста, получай!»

Ее маленькая ладошка открывалась... Так при помощи Лили была восстановлена связь между мною и товарищами с воли. «Но, Лилиенце, — обращаюсь я к ней, — смотри! Будь очень осторожной! Это очень опасно!.. Скажи мне, ты не испытываешь страха?» — «Нисколько! И как это меня может взять страх? Ведь я выполняю работу!»

Другим дополнением к рассказу о Лили служат воспоминания ее сестры, кстати исправляющей существенную ошибку насчет суда в Софии (где Георгицу будто бы «не нашли, в чем обвинить, и оправдали»). В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

Елена Кара-Стоянова ответила на мою просьбу и рассказала о преследовании их семьи известным жестокостью правительством Цанкова:

«...Мать не помню где арестовали. Мы нашли ее на Дунае, в трюме товарной баржи. А дома мы с Лилией остались одни.

Дом наш почему-то пустой. Ни папиного кабинета, ни нашей детской, нигде нет за занавесок. Есть нечего. Мы с Лилией голодны. Почему-то обе босиком. Я, как всегда, держусь за Лилину руку, то ли она меня держит, но это постоянно, как будто это уже не две, а одна рука. Мы с Лилией одно целое — идем босиком по пыльным улицам.

Лом славится своей особенно тонкой, как пудра, пылью; ступишь, и между пальцами сразу поднимаются фонтанчики. А Лилия говорит, чтобы я смотрела под ноги, искала денежки. Найдем — хлеба себе купим. Друзья не могли помогать, дать открыто деньги или приют. За это полагался арест. Так мы и бродили, держались сама не знаю чем, пока маму не перевели в тюрьму. Тогда друзья все же выхлопотали, чтобы нас узаконили, пусть хоть тюрьмой. «Раз держат мать, пусть возьмут и детей». И нас пустили. Это было счастье...

Лилия до этого периода была живой, веселой, с очень нежным, круглым овалом лица и такой матовой, смуглой, как у мамы, кожей. А после похудела, осунулась, глаза наполнились глубокой грустью. Лилия очень тяжело пережила гибель отца. Понимала потерю и заботу обо мне приняла на себя.

После появления на свет Саши и неудачной попытки к бегству маму страшно истязали в тюрьме. Мучили ее невероятно».

К этому времени относится протест Георгия Димитрова и его призыв о помощи брошенным в застенки участникам восстания. Он писал, что жену врача Кара-Стоянова так истязают, что она потеряла дар речи.

А в письме Елены указано, что «...в этот период связи с мамой нет. Никто не знает, что с ней. Бай Илия — хороший друг, который всегда помогал, — решает сделать пробу с Сашей: малыша передают в тюрьму, к матери, но она отказывается принять его, и тогда решают, что она сошла с ума.

В это время в центре болгарской эмиграции, в Женеве, уже решался вопрос, как помочь маме. Об этом знаю от матери Карло и Белы Лукановых. Партия решила требовать судебного процесса, и три адвоката с риском для жизни взяли защиту на себя...

Первый суд был в Ломе. Там удалось заменить приговор о смертной казни, ко-

торую сперва только отсрочили до появления ребенка, пожизненным заключением. Нас снова пускают к маме в тюрьму. И только позже нас перевозят в Софию, в Центральную тюрьму. Партия передает защиту мамы второй группе адвокатов. Их опять трое, во главе с Любеном Дюкмеджиевым. И они сумели подвести второй приговор о пожизненном заключении под амнистию.

Помню, какое-то время Лилия и я жили у тети Зорницы в Варне, потом опять в Софии — у Благоевых³. Тогда и узнали дочерей Благоева — Стеллу и Наташу, с которыми после постоянно встречались в Москве».

Письмо Елены подводит к 1927 году, когда Международная организация помощи борцам революции вывозила детей в СССР. Договорились с командой австрийского парохода. Двенадцать ребят тайно, порознь доставили в Вену. Оттуда в Берлин. Большинство ребят оказались в очень плохом физическом состоянии. Их разместили на поправку в детском лагере МОПРа в Тюрингии. На все это ушло около года. И лишь после через Польшу они прибыли в Советский Союз. Самый младший, Саша Кара-Стоянов, был доставлен сюда последним. Теперь Александр тоже живет и работает в Болгарии. Он рассказал мне все, что узнал о судьбе матери после того, как МОПР вывез детей.

Георгице нельзя было оставаться в Болгарии. Нельзя было и легально покинуть ее. Осенью 1927 года пастухи горными тропами перевели ее через границу, в Югославию. Полиция напала на след. Кладбищенские сторожа скрывали ее в свежевырытых могилах, пока не удалось переправить дальше.

Так разделились судьбы матери и детей. С момента бегства Георгица целиком ушла в жизнь революционера-подпольщика. Работала вместе с Димитровым в Германии, потом в Париже, нелегально приезжала в Болгарию. Несколько раз ей удалось побывать в Советском Союзе.

Тем временем привезенные в Москву маленькие Кара-Стояновы оказались в до-

³ Димитрий Благоев (1856—1924) — деятель рабочего движения, положивший начало распространению марксизма в Болгарии, основатель и вождь революционной партии «тесяняков», переименованной в 1919 году в коммунистическую партию.

ме, который впоследствии все трое стали считать своим.

Это был дом видного государственного деятеля Емельяна Ярославского и его жены Клавдии Ивановны Кирсановой, тоже крупного партийного работника. Оба они обладали свойством становиться родными и близкими всем, кто нуждался в какой-либо помощи. Оба прошли трудный путь революционного подполья на самом опасном его участке — в военной организации большевиков. Сидели по тюрьмам, отбывали каторгу, ссылку. И те чувства, с которыми они боролись за блага для всех, как-то весьма органично и естественно проявлялись и внутри их собственной семьи.

Не было такого периода, чтобы у них не находили гостеприимного и притом длительного пристанища самые разные люди, начиная от детей и кончая глубокими стариками: товарищи по ссылке, просто друзья, члены семей преследуемых за границей революционеров. Кирсанова по роду работы хорошо знала коммунистов других стран. И когда они попадали в беду, принимала на себя заботу об их семьях. Особенно о детях, к которым относилась так же, как к своим, если не внимательней.

На одной моей памяти (а наши семьи сблизилась еще в гражданскую войну) здесь была постоянная база Христо Кабакчиева⁴, конечно, с детьми; долгое время тут жила жена арестованного в Польше коммуниста: привезенная из Испании маленькая девочка Мерседес; старые большевики, товарищи по подполью Владимир Урасов и Адольф Владимировский — оба с сыновьями: тут доживал свои последние годы оставшийся одиноким друг Ленина Василий Шумкин.

Здесь же я познакомилась и с Кара-Стойновыми.

Думаю, что не случайно в семье Ярославского осталась жить постоянно именно Лена, а не Лиля, которая росла в пионерском доме.

Лиля была старше и уже привыкла к чувству ответственности за других. Ее энергия требовала выхода в активной общественной жизни, она тянулась к большому коллективу. А коллектив первого пионердома на Красной Пресне был очень дружным и своеобразным.

Вместе с осиротевшими советскими ребятами здесь воспитывались дети, вывезенные МОПром из других стран. В том числе немало из Болгарии. Дети были очень разные и отлично дополняли друг

друга. Дом на Красной Пресне, близ зоопарка, был когда-то очень знаменит.

На встречи с ребятами сюда приезжали большевики ленинской гвардии — Людмила Сталь, Емельян Ярославский; командир Первой Конной Буденный; тут бывали такие поэты и писатели, как Маяковский, Серафимович; шефство над пионердомом принял театр Мейерхольда, и ребята с увлечением участвовали в массовых сценах его спектаклей. Они и у себя ставили пьесы, писали рассказы, стихи, рисовали декорации, устраивали какие-то особенные походы. Всегда тут придумывали что-нибудь новое и неожиданное.

Не мудрено, что в дом у зоопарка постоянно сбегалась молодежь — все московские пионеры и комсомольцы тридцатых годов хорошо помнят его и до сих пор.

Лиля нашла тут возможность проявить свой темперамент. Она пела в хоре, танцевала, играла в драмкружке, была заядлым болельщиком театра Мейерхольда, редактировала пионерскую газету, председательствовала в совете отряда, помогала отстающим в учебе, потом стала секретарем комсомольской ячейки.

Все это ни в какой степени не отрывало ее от семьи Ярославского, от «Пятого Дома», как друзья называли квартиру в бывшем Пятом Доме Советов. Здесь Лиля видела сестру и брата, сдружилась с младшим поколением Ярославских. Большие и малые ее всегда встречали как родную.

Совершенно особое чувство привязывало Лилю к Клавдии Ивановне. Кирсанова была человеком такой же героической биографии и редкой привлекательности, как и Георгица Кара-Стойнова. В прошлом остались подполье, дни гражданской войны, когда Кирсанова была и командиром и пулеметчицей отряда, сражавшегося с белочехами. В настоящем была большая государственная работа, участие в организации международного женского движения и тьма других дел, о которых младшему поколению было знать не дано.

Лиля смотрела на свою вторую, русскую мать восторженными глазами. Детский восторг со временем перешел в сознательное глубокое уважение и привязанность. Все эти чувства еще более упрочились с тех пор, как Лиля увидела отношение собственной матери к Кирсановой

⁴ Христо Кабакчиев (1878—1940) деятель международного рабочего движения, член ЦК Коммунистической партии Болгарии.

Когда именно и как состоялось их знакомство, сказать сейчас трудно. Каждый, кто видел этих двух женщины вместе, затруднился бы ответом на вопрос: какая из них больше ценит и любит другую?

Я не стану дальше делиться воспоминаниями о них, так же как и о Лиле, потому что мой рассказ несравненно менее интересен, чем подлинные документы. А документы нашлись. Прежде всего это письма Георгицы Кара-Стояновой:

«Милые мои дети!

Сколько времени я вам не писала, столько же думала о вас... А как я радуюсь, когда от вас что-нибудь приходит! Получаю снимки — смотрю на них целыми днями, и письма читаю без конца.

Знаю, что лучших попечителей и наставников, чем ваши, не найдется, и это дает мне спокойствие и радость. Но беспокоюсь по другому поводу. Умеете ли вы хорошо использовать все эти условия и прекрасную обстановку, в которой живете, чтобы вырасти умными и добрыми людьми? Как успехи Лены, Сашко? В каком классе он сейчас? Какие у него способности?»

...Называя Ярославского и Кирсанову «хозяйном» и «хозяйкой», Георгица пишет: «Ты, Леночка, писала мне, что хочешь быть такой, как хозяйка. Ну, я хочу узнать, что ты делаешь для того, чтобы догнать ее.

Тут видела от 21 января статью хозяйна — была так рада! Жду с нетерпением, что вы мне о них напишете. Сколько раз сама хотела написать, как и вам, но из-за отсутствия связи ничего нельзя было сделать. Но ты скажи хозяйке, которую я так высоко ценю, что если бы она могла бы на меня посмотреть, то осталась бы очень довольна... Как мне хочется их услышать, их увидеть! Такие хорошие у меня воспоминания, дорогие воспоминания. Хочется знать, как там все мои близкие — сестры Благоевы? Довольны ли они вами?

Что еще могу о себе сказать? Живу одна, утонула в работе и в думах о вас и об этих моих подругах, которые так далеко... Я крепка и сильна.

Ваша м а м а »

«...Я очень выстрадала то время, что между нами не было связи. Как измучилась, чтобы восстановить их! Но теперь все пошло на лад... Жду с нетерпением снимков. Когда увидела Сашко на фото — узнать не могла... Как я его люблю, хотя столько лет не видела... Когда встречаю

на улицах детей его возраста, всегда сравниваю с ним. Непременно пришлите еще снимок!

Здесь время так быстро идет, и нам его не хватает. Все жалуемся, что в сутках только 24 часа, а не 48. Но хотя все мое время идет на работу, у меня всегда есть время думать и тосковать о вас. Когда вы мне пишете и я знаю, что у вас все хорошо, становлюсь в десять раз сильнее.

Чем больше я вас люблю, тем больше работаю, а чем больше работаю, тем больше вас люблю».

«Леночка, десять месяцев назад пришла Анна. Она мне рассказала кое-что о вас, только мне все было мало. В моей памяти осталось, что ты очень хорошо одеваешься. Это меня радует и пугает. Боюсь, что это заставляет тебя тратить много времени. А важнее всего для тебя учиться. Все мы здесь следим за каждым вашим шагом и хотим гордиться вами».

«Девочка моя, твое письмо мне очень понравилось. Из него видно, что ты стала уже взрослой девушкой. Тебе придется побольше трудиться, чтобы у тебя была профессия, с которой ты найдешь работу в любой стране, и тебе никогда не придется голодать. А ты, девочка моя, не забывай, что должна будешь вернуться сюда, ко мне, к нам! Будет? Ты должна воспользоваться хорошими условиями, крепко к этому приготовиться. Приедешь сюда — будешь полезной. Учись серьезно, с любовью, потому что все хорошее добывается только трудом и терпением. Ты должна, девочка моя, закалять свою волю. Не разрешаю тебе говорить: «У меня нет терпения». Такие слова не может оправдать ничто. Если бы у тебя было представление в каких условиях мы работаем, живем и учимся, ты непременно нашла бы у себя силы, чтобы делать все свои дела с великим желанием и буйволовым терпением».

Последнее письмо адресовано Лиле, которая в 1934 году кончила школу и была, как говорится, «на взлете». Московский комитет комсомола премировал ее поездкой в Ленинград; другую премию Лиля получила от всесоюзного жюри за лучший очерк по конкурсу «Комсомольской правды». Поступила на курсы по подготовке в вуз и была полна планов один заманчивее другого.

И вдруг неожиданно для всех не вышла, а, что называется, «выскочила» замуж.

Встретилась на каких-то соревнованиях со спортсменом, который потерпел жестокое, даже, кажется, едва не стоившее ему жизни поражение, чем-то помогла ему. Результатом этого сочувствия было замужество.

Брак оказался совершенно несостоятельным, и Лиля очень скоро поняла это. Характерная деталь: она ни разу не пришла в Пятый Дом с мужем, никого с ним не познакомила. Когда же она полностью отдала себе отчет в том, что ошиблась, — со всей решительностью ушла, несмотря на то, что уже знала — ей предстоит быть матерью.

Пришла она, конечно, в Пятый Дом. Держалась стойко — как будто ничего не случилось. Но о том, что было на душе у Лили, рассказывают ее письма к дочери Ярославского и Кирсановой Марианне, которая была в отъезде.

«Милая Марианна.

Сегодня утром Клавдия Ивановна принесла мне твое письмо. Сейчас время к обеда — у ребят каникулы, все куда-то разошлось. Одна Федосья Ивановна в пустой столовой гремит стульями. От этого грустно, очень грустно, и, читая твои строчки, взяла и всплакнула. Излишняя сентиментальность? Может быть.

Последние дни особенно хотелось тебе написать — поделиться наболевшими вопросами. Собственно, я все откладывала писать тебе до тех пор, пока у меня в жизни будет что-то определенное. А очевидно, этой определенности придется порядочно ждать, так что лучше сесть и написать тебе как оно есть.

С комнатой все еще не улажено, все откладывается на завтрашний день. Нервничая, хотя рассудком понимаю, насколько это бесполезно и как надо этого избегать.

С первого декабря я в декретном отпуске. Малыша я ожидаю в конце января. Он стал большой и не теряется — еще с нулевых лет проводит такие физкультурные зарядки! В консультации мне сказали, что все нормально. Сама я округлилась до безобразия, но, несмотря на все то горе, которое Малыш мне причиняет, люблю я его, Марьянушка, и бесконечно он мне дорог.

Вопрос ухода от его отца я решила правильно, только мне безумно жаль моего Малыша. Но раз я сделала верно, я собираю всю свою волю, чтобы держаться. А как мне тяжело, Марьянка, милая...

Иногда задумаешься — сидишь и, как глупая девочка, плачешь... Но «человек, побеждающий других, силен, побеждающий себя — могуществен». Посмотрим, на что способны мы. Пусть скорей бежит время.

Я знаю твою жажду знать побольше о твоём сынишке.

Сейчас его только уложили спать. Под знакомое тебе синее одеяло. Спит порозовевший.

Как-то недавно Федосья Ивановна делала пельмени. Он видел, и ему очень понравилась возня с липким тестом. Вчера он упросил Клавдию Ивановну тоже сделать пельмени. Ну разве ему можно отказать?

Веселый, с блестящими глазами, следил, пока резали мясо, и за всей процедурой. Тут Клавдию Ивановну позвали к телефону, а Федосья Ивановна хотела ему замесить тесто водой. Он рассердился — давай молока! Давай яйца! Если бы ты видела его — сосредоточенного, с бутылкой, раскатывающего тесто! Это была картина! А я право и не знаю, кто из них больше получил удовольствия — Малыш или Клавдия Ивановна?

От мамы есть замечательное письмо. Много спрашивает о тебе. Я написала о тебе. Я написала ей то, что ты мне тогда сказала. Она здорова, очень хорошо работает. Очень хочет приехать, но... А как мне надо увидеть ее! Мне кажется, только теперь я начинаю ее понимать во многом».

О каком именно письме матери говорит Лиля, неизвестно — их сохранилось немного.

Лиля хорошо понимала, что с появлением ребенка все ее планы потребуют коррективов. Она поступила на работу — секретарем издательства «Молодая гвардия», добивалась получения комнаты и старалась определиться в жизни, раз уж так сложилось, пока без высшего образования. К этому же периоду относятся ее первые шаги в литературной работе, как и говорит ее следующее письмо:

«...Последнее время особенно хорошо у меня с творческой работой. Мой второй рассказ гораздо лучше первого, а я над третьим работаю еще тщательнее. Печатать не тороплюсь. Пока слушаю во все уши критику — и растет желание все больше и больше работать в этой области. Есть наметка, вернее, предлагают мне после отпуска работать секретарем у Николая Островского. Что ты на это скажешь?

От мамы ничего нет. Деда Ярославский купил твоему сынке ковер, и мы подолгу играем с игрушками, которые ты ему присылаешь».

В бумагах Лили действительно очень много литературных работ. Она не раз возвращалась к прошлому, вспоминала Болгарину, тюрьму, а особенно ей хотелось написать о матери. Но все это уже не воспоминания, а попытки создать литературно-самочинные рассказы. По молодости и неопытности Лили не понимала, что пережитое не нуждается в преувеличениях. Призывала на помощь фантазию, сгущала краски. Ей еще предстояло овладеть той глубиной знаний, о которой писала мать.

С течением времени рассказы становились строже. Из них видно, как Лили билась, чтобы овладеть искусством художественной прозы, искала пути, чтобы взволновать читателя своими думами. В конце концов она выбрала нелегкий путь, решила идти работать в газету. Рос маленький сын, а рабочий день корреспондента не нормирован, длится иногда далеко за полночь. Было трудно. Но Лили справлялась. В альбоме, куда она вклеивала вырезки всего напечатанного, десятки корреспонденций, написанных, когда ее сыну было всего два, три, четыре года.

За все это время Георгице Кара-Стояновой не удалось ни разу приехать в Советский Союз. Связь вообще оборвалась на длительное время. И тогда Лили опубликовала письмо к матери в «Правде», подписавшись, как и следовало, вымышленным именем: если газета попадет в руки матери — она узнает!

«...Ты далеко. И только твой портрет, твои дорогие черты напоминают мне о том, сколько нам пришлось вытерпеть горя в тюрьме.

Я ничего не забыла — ни голодных дней, ни сырого карцера, ни расстрелянного отца, ни того, как умирал мой брат...

Мое счастье добыто ценой дорогой крови революционеров. Здесь, на русской земле, я, дочь болгарских революционеров, обрела новую родину. В простых, рабочих буднях я нахожу много увлекательного...

Я часто бываю в кино, в театрах, много читаю.

Мои подруги, друзья, которых я нашла здесь, спокойно работают, учатся. Мы все уверены в завтрашнем дне.

Родная, ни дальность расстояния, ни время не изгладят чувства нежной любви и благоговения перед тобой, лучшая из матерей. Мне хочется обнять тебя крепко и нежно. Звать тебя сюда я не имею права — ты нужна там. Но я верю, что настанет время, когда мы встретимся с тобой на свободной, счастливой земле...»

Рядом с этим письмом в бумагах Лили отрывок из ответа матери:

«...Ты, конечно, идеализируешь меня! Я совсем не героиня и далеко не совершенство.

Я революционерка, а это значит, что я живу не только для себя — ради семьи. Я свое личное счастье не могу отделить от необходимой борьбы. И я, борюсь потому, что верю в торжество нашей победы. Это требует жертв, мы это знаем и готовы на них».

Это было написано накануне вторжения Гитлера в Европу, накануне того, как старшую Кара-Стоянову арестовали. Она попала в концентрационный лагерь. До нападения фашистов на Советский Союз осталось три года. Как прожила их Лили?

Сын рос здоровым, на свежем воздухе, в Серебряном бору, где Лили получила комнату; она сама любила Серебряный бор и привыкла к нему с детства — долгие годы здесь прожили на даче Ярославские. Друзья и соседи помогали доглядывать мальчика во время отлучек матери. Она много печаталась в «Комсомольской правде», работала в редколлегии выездной редакции на строительстве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, на заводе комбайнов. Работала так много, что иногда приходилось подписываться по отчеству «Л. Александрова» или просто «Стоянова», искать другие псевдонимы.

В это же время пришло большое личное счастье: ее мужем стал Александр Слепнянов, сотрудник «Комсомольской правды», талантливый журналист. (Тогда появилась еще одна подпись: «Слепянова».)

«...И счастье было», — как написала Лили позже. Но началась война.

Муж ушел на фронт. Ушел на фронт и брат. Сестра уезжала с институтом в Ташкент. Лили работала. Сына отправила в тыл с эвакуированным детским садом «Правды». Один раз вырвалась — съездила проведать. Потом постоянно переписывалась с воспитательницами. Есть ответ одной из них: «С удовольствием прочла твоё письмо и, признаюсь, даже прослезилась».

Уж очень ты нас, руководительниц, возносишь...»

К письмам прилагались рисунки сына и его приветы — большими печатными буквами. С ним было все в порядке.

Первый год приходили частые вести и от мужа: он писал, что носит ее письма с собой: «Это родник всех сил моей души...» «Как чудесны эти дни, дни получения писем! Пусть будет и холод, и бой, и множество прочих неизбежных спутников фронтовой жизни, но если я вижу, что несут письма, и на мой немой, уже привычный для нашего почтара вопрос он отвечает: есть! — радость разливается по моему телу, как опьяняющее вино. Радость! Да то ли это слово?!

И вот уже три дня кряду я слышу это: есть!

Час назад вручили мне твое письмо. «Слепяныч! — хором кричит братва. — Гопака!» Все ясно. Бегу, бегу...

Труженик мой! Горжусь и славлю! Узнаю тебя! Любимый мой и боевой друг, успеха тебе!»

«Через день будет годовщина со дня существования нашей дивизии и 8 месяцев, как я в ней. Никогда не думал, что так можно привыкнуть к части, к людям. Не представляешь себе, родненькая, сколько замечательных друзей будет у нас с тобой после войны. Так решается еще одна выдвинутая тобой проблема: «Люблю, чтобы в доме были люди». Будут! Ох, сколько их будет!

...Пиши так же и даже еще чаще! Заopak не волнуйся! Пляшу как бог!

Трудись, родненькая!

И я не подкачаю!

Твой Сашуля — радостный, веселый».

И Лиля трудилась так же радостно и весело, как воевал ее Саша. А нагрузка была очень велика. Она много печаталась, несла ночные дежурства; организовала военное обучение сотрудников редакции; работала секретарем комитета комсомола; была в составе выездной редакции на оборонном заводе; ездила в командировки.

Успевала она проведать и родителей мужа, заботилась о сестре — писала, высылала часть гонорара. Забот у нее было очень много, а окружающим оставалось незаметным, что она сама, пожалуй, нуждалась в заботе. Еще за три года до войны Лиля писала в дневнике: «Со здоровьем плохо. Сердце пошаливает. Я думала, Маджеста меня закалила. А может быть, и пе-

рекалила?..» Ревматические боли были знакомы ей с детства — осталась память от сырости тюремной камеры.

Закаленное или «перекаленное» сердце это выдерживало многое. Страх за судьбу матери (связь была порвана с 1938 года), за мужа, за брата, разлука с сыном, напряженная работа под бомбежками в Москве. А на фронт регулярно шли веселые письма, да и сама она держалась весело. До того дня, когда пришла повестка, что пропал без вести Александр Ефимович Слепьянов.

Лиля никому тогда не сказала, что решение приняла сразу. Клавдии Ивановны в Москве не было — она много ездила по фронтам. И, ни с кем не советуясь, Лиля обратилась прямо к гостю редакции, партизанскому командиру Алексею Федоровичу Федорову: просила взять в отряд.

Он отказал. В редакции тоже не соглашались отпускать с работы, тем более что уже не раз препятствовали ее стремлению уехать на фронт. Как она добилась своего, рассказано в книге «Подпольной обком действует»⁵. Вот разговор автора с партизаном В. Павловым о Лиле. Павлов говорит:

«— Вот к нашему командиру Алексею Федоровичу сколько раз приходила Лиля, в гостиницу «Москва», уговаривала, упрашивала: «Возьмите в отряд». Молодая журналистка, сын у нее. «Вы же слабенькая, а у нас тяжелые переходы, иногда и голодовка. Приходится сырую конину без соли кушать. А вы такая нежненькая...» Верно, Алексей Федорович?

Я кивнул головой. Володя продолжал:

— А на следующий раз она приходит в белом полшубке, в валенках, в шапке. «Теперь я не такая нежненькая?» Рассказала Алексею Федоровичу, кто ее родители, какое у нее было детство. Тогда наш командир согласился. «Полшубок, — говорит, — всякий может надеть, это разве доказательство силы? Вот то, что вы рассказали, — другое дело. Действительно, имеете право быть партизанкой!» Понимаете, товарищи, право!»

Лиля Кара-Стоянова добилась своего. Получила направление от редакции и от ЦК ВЛКСМ. В архиве ЦК комсомола Украины лежит ее анкета с пометкой: «Переброшена 26/ХІІ самолетом». Тут же характеристика и предствление к награде орденом Отечественной войны II степени и

⁵ А. Ф. Федоров, Подпольный обком действует. Литературная запись Евг. Восняцкого.

новая пометка: «Награждена указом от 7/III 1943 г.».

Вскоре после Лилиного отъезда к Клавдии Ивановне Кирсановой пришло письмо:

«16 января 1943 г.

Лесогорад — так называют наш лагерь. Когда я узнаю, что есть возможность написать на Большую землю, я прежде всего хочу написать Вам, Клавдия Ивановна. Правда, когда начинаю писать, всегда останавливаюсь — то, что пишу, мне кажется неинтересным, а другое и по давню — глупым...

А знаете, Клавдия Ивановна, очень часто, почти всегда, когда речь шла о серьезных делах, я старалась посмотреть на вещи Вашими глазами. Я уважаю и люблю Ваши глаза, хочу не просто подражать Вам, а быть похожей на Вас.

Об этом я говорила много лет назад, когда, помните, я начинала работать в «Комсомольской правде». Об этом я говорю сегодня, накануне больших событий.

Хочу, чтобы Вы знали это и передали об этом матери, если мне не удастся ее увидеть.

Горячо целую Вас.

Лилия

Р. С. Привет Ярославскому — хороший партизанский привет. Я знаю, что он одобряет мой приезд сюда.

Л.».

В Пятом Доме той зимой было очень безлюдно, поражала его необыкновенная тишина. Только Ярославский и Кирсанова жили здесь, а вернее, бывали урывками, поглощенные круглосуточной работой. Двое их сыновей-летчиков — на фронте. Дочь — в эвакуации, куда на ее попечение Клавдия Ивановна отправила вместе с собственным внуком еще троих ребят. (Характерно, как она «нашла» одного из них — на работе, в раздевалке, обратила внимание на какого-то человека: «Что с вами?») Он ответил: «Две недели, как похоронил жену. Сегодня — повестка из военкомата. Сын маленький. Родных нет. За сутки не успею никуда устроить». — «Приведите его ко мне, — попросила Кирсанова, — отправим в тыл с моей дочерью». Так Толя Пулин поехал в эвакуацию.)

Это первое и последнее письмо Лилии пришло в середине января. А в середине февраля 1943 года из «Комсомольской правды» в Пятый Дом переслали копию радиограммы:

«В бою за деревню Б. смертью храбрых

погибла верная дочь народа Лена Кара-Стоянова».

На другой день друзья-журналисты писали в прощальном слове:

«Мы почти не знаем боевого пути партизанки «Лены», но мы помним хорошо Лилю Кара-Стоянову, с ее черными живыми глазами, порывистыми, всегда энергичными движениями...», «...радиограмма пришла глубокой ночью, когда работа над номером была в разгаре, на столах — еще сырые оттиски... Обычно в эти часы Лилия работала с нами...»

В некрологах говорили о детстве, о том, как она умела увлеченно работать, — вспоминали все, вплоть до дней прощания в редакции, даже о запомнившемся белом полубуке. Никто только ничего не мог сказать о ее партизанской жизни и самой гибели. Подробности тогда не запрашивали.

...Одна из самых молодых, выросших в семье Ярославских — в мае ей исполнилось бы двадцать пять лет, Лилия открыла собой список потерь в этой семье.

В декабре того же 1943 года не стало Емельяна Ярославского.

Пришел 1945-й, и в канун победы, до того как Советская Армия освободила Софию, там погибла Георгида Кара-Стоянова. Еще через два года умерла Клавдия Ивановна Кирсанова; незадолго до того она потеряла одного из сыновей.

После победы над фашизмом с отъездом в Болгарию Елены и Александра Кара-Стояновых (которые после вызвали туда и сына Лили), казалось, рассеялись когда-то связанные Пятым Домом человеческие судьбы.

Рассеялись по свету и люди, которых объединяло партизанское соединение дважды Героя Советского Союза генерала А. Ф. Федорова. Сам он мало мог рассказать о Лиле — накануне ее гибели был вызван в Москву. Так и случилось, что многие годы жизнь партизанки «Лены» оставалась неизвестной.

Но вот из Запорожья прислал свои воспоминания Герой Советского Союза Г. С. Артозеев. Он воевал в федоровском соединении. Артозеев участвовал в бою, который стоил Лиле жизни, и писал об этом. Позже Артозеев рассказал мне подробно о бое, по которому мы нашли других товарищей. В Киеве, Запорожье, Днепропетровске, Чернигове —

всюду мне старались помочь. Рисовали планы расположения села Будище (в радиограмме «деревня Б.»), отмечая крестиками избы и домиками огневые точки. Но как это часто бывает, особенно по прошествии времени, каждый видел бой и участие в нем Лили по-своему. Так возникло несколько версий об обстоятельствах ее гибели.

Артозеев говорил, что в начале неожиданного столкновения с врагом Лиля помогла ему выстрелом из пистолета закончить рукопашную схватку «с длинным, как телеграфный столб, немцем». Ему помнилось, что после она упала как подкошенная на бегу. Но этого не видели другие.

Герой Советского Союза В. Павлов по рассказам товарищей (поскольку сам он на месте не был) рисует такую картину:

«Неподалеку от крайнего дома стояли сани, брошенные врагом. Из них торчал ствол миномета. Кто знает, что руководило Леной, когда она поползла к саням? Быть может, ей хотелось собственными руками доставить трофей? Или свойственная ей отвага?

У самых саней Лена привстала на колени. Так было удобнее снять тяжелый минометный ствол. И в этот момент сухо протрещала автоматная очередь... Пуля попала ей в сердце».

Разные люди рассказывают по-разному о ее последних минутах, и самое важное в этих рассказах — отношение к Лиле партизан.

А. Ф. Федоров передает разговор своих бывалых воинов с молодежью, которой «придется еще много шишек на лбах понавивать, чтобы стать настоящими партизанами»:

«...подрывники Кара-Стоянову узнали за два месяца очень хорошо. Она к нам чуть не каждый день приходила, расспрашивала, спорила. Она, помните, должна была вместе с нами на железку идти и просила, чтобы ей разрешили мину подложить...

...она стоит того, чтобы о ней рассказать нашим молодым товарищам... погибла она героически...»

Г. С. Артозеев сознавался, как настороженно относился к корреспондентам, а с Лилей он познакомился, зная, что она представитель «Комсомольской правды»:

«Многие из наших считали, что работникам печати надо всякие «чудеса» расска-

зывать, а правду сказать — сотрудники газет часто именно о «чудесах» и расспрашивали». Но после первого же разговора с Лилей он понял, с кем имеет дело. «Мы не видели в Лене корреспондента, литератора. Свой основной труд она делала незаметно. Не подходила к нам с блокнотом и карандашом, не смущала вопросами. А за день успевала сделать столько простого, будничного, партизанского, что стала она всем нам близким товарищем — нашей Леной.

...Пыла у Лены было много. Она хотела делать все.

Выходит свежий номер нашей газеты «Коммунист» — статья Лены Кара-Стояновой. Кто готовит группу молодежи к выступлению в комсомол? Лена. Надо послать агитатора в деревню со свежими листовками... Кто пойдет? Кара-Стоянова — она писала листовку, она и пойдет!

Кем доставлен в отряд такой интересный альбом рисунков из соседнего лагеря? Корреспондентом «Комсомольской правды».

— Не знаете где сейчас Лена?

— Помогает после бомбежки раненых носить...

Через полчаса она уже на расчистке аэродрома».

В. Павлов говорит примерно то же:

«Я наблюдал, как она работает. Ее вечное обуревал страх, как бы не пропустить чего-то очень важного, как бы не проглядеть чего-то, что непременно надо увидеть, и не узнать то, о чем непременно надо узнать... Она работала везде, где бы она ни была, что бы ни делала. И говорила:

— У журналиста не может быть переывов. Его труд — без конца.

— А во сне?

— И во сне... Знаешь, я сегодня не могла уснуть. Ворочалась, ворочалась, наконец, кажется, задремала. Вдруг... вспомнила: а что я знаю о вашей Софье Осиповне?

— А что о ней знать? Ну, повариха. Старая уже. Ну, суп варит, лепешки печет. Сердится, если стацим! А что еще?

— Эх, ты! Суп, лепешки! А что она бежала из гетто, обману немцев? Не одна, с Веркой, с дочкой... Что пережила, передумала? Про это ты знаешь? А почему ее вызывают в штаб всякий раз, когда допрашивают пленных мадьяр?

— Кажется, она понимает по-мадьярски...

— А кто ее научил?

К. И. Кирсанова и Е. М. Ярославский с внуком.

Я пожал плечами.

— Ага! А у нее муж венгр. И жила она в Будапеште. Видишь, какая судьба! Ну, а что ты знаешь про Артозеева?

Она рассказывала мне о моих же товарищах, о ближайших моих друзьях, с которыми я уже больше года бси о бок жил, ел из одного котелка, ставил мины на железных дорогах, ходил в разведку, участвовал в боях... Но именно она всякий раз открывала мне десятки мелких, не подмеченных мною подробностей, в которые она вникала с необыкновенной тщательностью».

«Помню, — рассказывает далее В. Павлов, — она явилась к нам в землянку перед боевой операцией: мы шли в село Мужиново громить вражеский гарнизон.

— Ты с нами?

— Нет, не пускают... — с горечью передернула она плечами. — Это твой вещмешок? Ну-ка, покажи, что там у тебя?

Я развязал «сидор».

— Так, — проговорила Лена, деловито перебирая мои нехитрые пожитки. — Ру-

бах, портянки... Сало. Понятно. Листовки. А это?

— Это тол. А это биффордов шнур.

— А для чего тебе метелочка?

— Мишу маскировать... Да зачем тебе?

— Надо. Все, что пишешь, должно быть достоверно. Начнешь выдумывать — читатель не поверит.

— Ну уж, не поверит!

— А ты как думал? В малом соврешь — в большом веры не будет... А обо всем этом еще писать и писать!

— Почему же ты не сядешь и не напишешь?

Она улыбнулась.

— Рано... Еще знаешь сколько надо понять и осмыслить!»

Артозеев тоже понимал, что «для того чтобы стать, как она хотела, подрывником, совсем не нужно было интересоваться тем, что думает партизан, когда возвращается в лагерь после удачной операции. Но она обязательно между делом узнает

Лилия — воспитанница 1-го пионердома в Москве.

что у тебя на душе... И главное — не то, какой из нее получился бы подрывник, сколько она уничтожила бы врагов, а какая бы получилась книга...»⁶

Оба отметили еще одну — второстепенную, но в тех условиях важную черту поведения Лили: Артозеев прямо говорил, что, увидев впервые в землянке своего взвода какую-то девушку, «вовсе не обрадовался. Что ни говори, лишняя особа женского пола в наших условиях представляла некоторую опасность. Слишком много было неженатой молодежи и...». А потом: «Ни с кем мы так не сблизились, как с Леной».

В. Павлов дополняет:

«...Умение рассказать и поспорить, и тонкое женское обаяние, от которого мы из-

рядно поотвыкли, и еще что-то влекло всех нас к ней. И более всего из этого «что-то» влекло нас, пожалуй, что мы чувствовали в Лене настоящего друга, готового на все ради друзей, ради нас. Да, каждому из нас хотелось быть лучше и заслужить ее одобрение. Мы стали покладистей, терпимей друг к другу. И даже самые заядлые ругатели, которые в иное время по всякому поводу и без повода поминали всех святителей до двадцатого колена, в присутствии Лены дальше «черта» не шли...

Всякий раз, когда диверсионные группы возвращались с боевых заданий, командир взвода Алексей Михайлович Садиленко оглядев трофейные яства, откладывал лучшее «на вечер». Но мы-то знали — к приходу Лены... Меня не раз отряжали встречать и провожать ее. И хоть я и не показывал виду, эти поручения радовали меня»⁷.

Многое рассказывали о Лиле и другие партизаны: Кухаренко, Днепровский, Герои Советского Союза Клоков, Резуто, Цимбалист.

Отношение всех этих людей к Лиле было единодушным. Рассказанное ими само по себе могло бы составить своеобразную повесть. Но как бы ни были ценны воспоминания, оказалось, что это еще не все, что ими еще не исчерпывается возможность больше узнать о том, как Лиле жилось и о чем ей думалось на Малой земле. Многие товарищи определенно утверждали, что Лилия вела дневники. Часто сидела ночами, пристроившись на ящике возле остывшей печки, с которой светил самодельной каганец. Не раз окликали, просили: «Хватит тебе, будет. После напишешь». Лилия только качала головой.

Да, точно — дневники были. Но вот о том, где они находятся, высказывались разные предположения. Один товарищ уверял, что они в каком-нибудь архиве. Когда все уже было перерыто, другой заметил, что блокноты могли бы храниться у кого-то из участников последнего боя. Вспоминали, что Лилину полевую сумку взял комиссар Горелый. Он вскоре погиб. Мог бы знать что-нибудь про эту сумку юный Вася Коробко. Но убит и он. В конце кон-

⁶ Г. С. Артозеев, Партизанская быль. Литературная запись Ирины Бразуль.

⁷ В. Павлов, Корреспондент «Комсомолки». В кн.: «В редакцию не вернулся». Книга вторая.

цов решили, что документы, вероятно, закопали в лесу, как это часто делали в опасные дни.

Никому и в голову не приходило, что дневники в Москве. Я узнала об этом много позже, когда пришла к Слепяновым.

Родители Лилиного мужа долго не верили, что он пропал без вести. Искали, запрашивали, надеялись. Безмерно дорожа всем связанным с сыном и невесткой, они хранят по сей день, как реликвию, даже билеты на спектакль, на котором побывали «дети». Они берегут последнее письмо от Лили. Оно на плохой бумаге, набросано наспех, карандашом, но каждое слово читается, как вчера написанное:

«Прошло по времени немного, но я уже привыкаю и, пожалуй, искренно начинаю считать себя партизанкой. Позавчера приняла перед строем партизанскую присягу. Дней десять назад отправлялась в первый поход. Правда, получилась неудачным, но все благополучно. Из него я вынесла впечатление, что самое страшное в тылу врага — это холод. Видимо, впереди будут такие дела, что мнение это изменится.

Сейчас в основном живем в землянках — это почти избы, только вкопанные в землю. Ну, дров, конечно, не жалею, но печка наша, как бандура, — пока топлишь — греет.

Бывала в деревнях, откуда немцы выбиты. Народ встречает трогательно — угощает чем только могут, жадно расспрашивают про Большую землю.

Вообще интересного много, все интересно. Но самое замечательное, поражающее здесь — это люди. Народ, окружающий здесь меня, — ежеминутно рискующий жизнью, но жалеющий себя. Идут в смертельный, неравный бой не дрогнув. Перед ними нельзя не преклоняться...

Если бы вы знали, как безумно тоскую я без Саши, как не хватает его — любящего и понимающего меня! Какая изумительная жизнь была у нас с ним! Теперь я еще больше ощущаю ее красоту, и честное слово — кажется, что это было сказкой.

И если нам уж не суждено больше встретиться, я всегда буду гордиться и чувствовать себя богаче внутренне, потому что был в моей жизни Саша. Мне будет не тяжело и в последние минуты от сознания, что было и у меня много светлого — того, что дано далеко не всем.

Получаете ли вы по моему и Сашиному аттестату? Как у вас с топливом? И что нового на Большой земле? Есть возмож-

ность прислать мне сюда письмо через ЦК ЛКСМУ на Тверском бульваре.

Радостные новости о наступлении Красной Армии мы слышим регулярно. Скорее бы! Но нелегкое, ох, нелегкое дело это! Только думаю я, что осень наша будет радостной. Летом мы их прижмем. Так, а?

Будьте здоровы, бодрь. Жду от вас вестей, после которых мне захочется помчаться на Большую землю быстрее наших долгожданных самолетов.

Все будет хорошо, и, наверно, Саша в лесах ведет такую же суровую, благородную и полную боев жизнь, думая о нас. Скажите мне, что это так!

Л.

Р. С. Если будет возможно, Ефим Яковлевич, пошлите с Марией, которая привезет это письмо, маскхалат (как он спасет!), чернила в таблетках или несколько чернильных карандашей, цветных карандашей, краски — можно и детские, акварельные. Нужно для стенных газет. Если нашлась бы плащ-палатка, она была бы очень кстати, в поле особенно, когда будем останавливаться, да и в лесу. Это спасает. «Коммунист» — наше коллективное творчество. Молодежная листовка — мое.

Посылочка собрана наспех, но с очень большим чувством и большим желанием доставить вам несколько приятных минут.

Это не просто картошка — это наша «электролампочка». При ее свете я работала все эти дни. Зажгите ее в день рождения Саши — мне будет приятно знать это.

Компас — трофей после боя с мадьярами, елочка — наша, партизанская.

К сестре Лене должна попасть пленка, где среди прочих исторических кадров запечатлена и я. Думаю, вам будет интересно иметь ее.

Если ее не напечатали — попросите Митю Черненко в «КП», — ее отпечатают.

Я хорошо сделала, приехав сюда, — писать есть о чем, обо многом изумительном.

Какие необыкновенные люди вокруг Чистые и беспредельно преданные. Нельзя не победить. Будет и скоро будет светлый день. А уж приеду — готовьте селедочку — целую ночь буду рассказывать Я здоровья. К трудностям привыкаю.

Нежно целую хлебнувших горя, но крепко держащихся.

Ваша Лилия»

Это письмо было в большом конверте со штампом редакции — точно таким же

какой пришел когда-то к Кирсановой. А на другом туго набитом конверте размашисто отчеркнуто:

«ДНЕВНИК 23 ноября — Москва
17 января — Клетнянский лес —
Лесоград.

Ефим Яковлевич.
Читать только Саше».

Так написала Лиля, уверенная в том, что родители не дотронутся до предназначенного ему. Она не ошиблась. Конверт лежал нескрытым. Надежда на возвращение сына была уже окончательно потеряна, когда эти замечательные люди отдали мне дневник, так и не прикоснувшись к нему.

Еще позже Ф. С. и Е. Я. Слепяновы прочитали, наконец, блокноты и разрешили мне закончить ими документальный рассказ о жизни национальной героини Болгарии Лилии Кара-Стояновой.

«Начало

23 ноября 1942 г.

Я начинаю писать не только потому, что есть много такого, что хочется высказать. Мне хочется запечатлеть сегодняшний день — последние сутки в столице.

Да, хочется, чтобы они были значительными. Прочь обыденное — пусть больше не волнуют меня талоны, дрова, кондуктора в троллейбусе. И мерзость после разговора с Н.

В другое время я бы и не взволновалась ее поведением — ну забыла, ну вычеркнула бы из памяти, и все... Но тут обидно — ведь на смерть идешь, и вот не хочется видеть этих людей, ради которых не пойдешь на смерть! Не хочется... Больно. Не могу отделаться от обиды за себя и за нее. Ведь если она не чувствует благородство — так хоть притворялась бы, что понимает...

Ладно, хватит об этой...

Но сегодня, когда эта мысль пришла мне в голову, я подумала и о том, за кого же я побегу навстречу немцу, потому что ведь не только я буду стрелять — пули пустит и он. И — они есть:

За сына,
За Сашу (но его нет),
За Левина,
За маму,
За Пророкова,
За Риту Кирклисову,
За Стеллу Благоеву,
За Клавдию Ивановну,

За старика*...

Я могу еще добавить многих. Значит... Значит, рука не имеет права дрожать.

А вести себя в военной среде не умею... В гостинице — смешная, необычная для меня обстановка. В номер первоклассной «Москвы», где портьеры ярко-нежно-кремового цвета, где борта кровати замысловато и изящно выдуманы (не иначе — художник рисовал), где мебель фигурная в белых чехлах, внесли и небрежно кинули по углам мешки, кули, ящики с патронами и автоматы и наганы.

Народ чувствует себя свободно... неприужденно и весело. Именно потому я как ворона.

А какая противная вещь самолюбие... Все боишься оплошность сделать, все в корсете — и тебе тяжело, и другим скучно...

В номере есть один украинец — брат Алексея Федоровича (оказывается, мне брат!), до чего самобытный, колоритный человек! На первый взгляд флегматичен, а энергии в нем неумный родник. И острит и веселый все будто бы нечаянно, мимоходом — но выходит-то легко. Хохочу от души. «Капелюшечка...»

Только что едет в кабинет вбежал Лева Ющенко — едет сейчас в Сталинград. Возбужден. Уверен. Летит туда, как на праздник...

Расцеловались.

— Давай, — говорит, — назначим свидание. В Киеве, на Крещатике, 1 Мая! Идет?

— Ладно!

Он серьезно, и я серьезно.

— Давай, Лева, давай, дорогой, на Крещатике.

27 ноября 1942 г.

— Ты проводишь меня, иначе я не пойду, — говорит Л., развываясь на диване, а в кабинете присутствуют три наших работника. Мне неудобно, я нервничаю.

Она громко повторяет требование. Ну что? Капризы глупой или избалованной девушки? Да нет. Баловать-то ее некому, просто взбалмошная. Увидела меня в ватном костюме: «Ты похожа на сезонника!» Да еще не раз это повторила.

Мне больно. Отчего? Не очень твердо, но все же могу сказать, что не оттого, что у нее изящное пальто, а я в ватнике, а оттого, что этот когда-то близкий мне человек так говорит! Как чужды мы! Мы не

* Отец мужа Лили Е. Я. Слепянов.

Лиля с мужем Александром Слепяновым.

говорили и не виделись два месяца. И это лучше. Сглаживается мое нетерпимое отношение.

Что делать? Ну, мне надо реже на бумаге писать эти слова. Об этом больше надо думать. Ну, а с Л. ничего не надо делать. Пусть так. Только обе они, и Н. и Л., люди, которые могли бы так скрасить предстоящее, так обедняют последние дни на Большой земле.

Пускай, пускай у меня вид сезонника. Не время мне сейчас быть привлекательной женщиной. Война. (Л. при первом же моем слове сказала: «Не говори лозунга-

ми», — а разве это так, тебе ведь виднее, а?)

Лозунги, а? Нет, пусть только у меня хватит силы выполнить на деле то, о чем я искренно думаю. Должно хватить. Но я хочу целиком, без малейшей боли знать, что делается — это все не отвлеченно, а вот за конкретные дела. Вот за то, что я хочу жить так, как хватит у меня сил и желаний. За то, чтобы Леник учился музыке и стал инженером. За свободную любовь мою, ну и за мои высокие идеалы. А вот эти люди мешают, потому что они смотрят на жизнь, на то, что происходит, чу-

Последняя фотография мирного времени.

жими глазами. Они не хотят завоевывать. Они хотят и приспособляются все получать.

Хорошо это или плохо — я так не могу, не хочу!

Это неправда — сказать, что не выходит, — не хочу!

Сашка, милый, дружок мой, ты бы меня понял, ты бы оценил, ты... как тяжело, когда нет друга, нет человека, который тебя понимал бы и оценил? Да, конечно, оценил.

Ну, пусть нет. Все равно — он был!

Да, был. И счастье было. И виноват Гитлер. Я могу этому виновнику нанести вред. Надо ли медлить?

Все вышло просто: было хорошо — пришло несчастье. Страшное, черное не-

счастье. Почему виновнику я могу хоть капельку того простить?

Не хочу!

Хочется сказать что-то сильное — слов нет!

...Мы долго получали одежду на складе. Приехали второй раз и с 9 утра ждали до 2 дня. Голодные, в холоде. Разные мысли приходили в голову, но все равно вот есть такой центрик внутри, «не пойдешь назад, не дам», — говорит он! Да и большого желания нет. Это так, минутное бывает. Несерьезно.

Вперед трудно. Никогда в жизни не было еще так трудно. Но никогда еще я так правильно не решила большой вопрос. Теперь дело за силами. Это вот те силы — внутреннее богатство, которое я должна была накопить за четверть века своей

Машу
 Машино
 15 января 1943г.
 Присяга партизана.
 * * *

Я, красный партизан, даю партизанскую клятву перед родиной, своими боевыми товарищами — красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей — партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Я буду до конца жизни верен своей родине, партии,

Текст партизанской присяги.
 Его прислала Лилия Слепяновым.

жизни. Те качества, которые должны были подарить мне дружная семья, умная школа, друзья, многообещающий коллектив, которые я сама должна была понять и утвердить в себе. Это то (я многим говорила), о чем мы пишем не всегда хорошо.

Кончилась молодость.

Началась сознательная жизнь.

Кто я? Буду ли такой, чтобы собой гордился? Сумею ли быть такой, чтобы мною гордились?

Почему нельзя заглянуть вперед?

Надела белый кожух. Он-то сам хорош, да на мне плохо сидит. Тепло, но, конечно, одежда не для столицы. Как приятно было услышать комплимент от кассирши магазина стандартных цен:

— Вы похожи на Наташу из «Фронтальных подруг».

Стоит пурга. Нельзя лететь. Томительно. Кажется, всем надоедает меня видеть. Но деться-то ведь некуда!

Где, например, сегодня спать? Хоть иди на улицу и начинай партизанскую бивачную жизнь. Ну, не ныть!

Скоро ли кончится?

«Монтигомо Ястребиный коготь», или страшная правда о партизанской жизни». Правда лучше. Но правда хорошая и красивая. Это как на нее посмотреть. Все можно поднять, и все можно унизить и растоптать. Об этом хорошо говорится в сказках. Я не могу припомнить, в каких, но, конечно, об этом где-нибудь здорово сказано... Об алмазной горе, птице, чистившей клюв и одним миге вечности. Это красиво и против мелочности. Сказка про ко-

ролевскую дочь, не потерявшую присутствия духа, когда узнала, что на двух билетах написана смерть, — это против того, чтобы теряться в опасности. Сказка про благородство — героиня выбрала того, у кого было золотое яблочко.

Да их много, много...

2 декабря, 1942 г.

Мы еще не уехали. Я со всеми попрощалась и больше показываться в комбинат не буду. Неприятно — как-то не у дел. Трудно так решительно рвать, когда тянется, и такая еще неопределенность.

Ну, об этом все.

Сегодня весь день провела с ребятами на нашей базе — в 209 номере. Много такого, к чему надо привыкать — вернее, научиться не замечать.

Но эти дни — все мелочи и, пожалуй, подготовка — одно из самых неприятных из предстоящей кампании. Люди чудесные. Настоящие люди.

Сейчас в одном углу номера интимничают, в другом чистят оружие.

5 декабря 1942 г.

Сегодня мой первый подвал в «Комсомолке» — 5 декабря 1942 г. Запомни.

Гостиница Москва.

Погоды нет. Нервничают все, но занимают неожиданное свободное время по-разному. Быт более чем прост, но осуждать не за что...

Некоторые вещи надо уметь не замечать, как в другой, мирной жизни не быть мелочной. У моих товарищей два вида... могут повернуться и так и так. Но когда они открывают душу свою — до чего ж хорошо! Никогда еще не было около меня таких людей! Не детский восторг — осмысленное восхищение.

«Большевик». Все, что он делал, — будь то серьезная работа или приготовление завтрака, — получалось у него непринужденно ловко, будто только именно это он всю жизнь только и делал.

Картошку (его любимое блюдо) он чистил неторопливо, аккуратно, выковыривал глазки и тоненько снимал кожицу. На тарелке он со вкусом, красиво раскладывал колбасу, и делал это с таким невыдуманым удовольствием, не рисуящимся удовольствием, как выходит только у настоящих, признанных хозяек.

Его простота, непринужденность пришла оттого, что он свободен от тщеславия, гордости. Он знает себе цену и в то же время всегда чувствует — это не все, надо лучше. Потому, что он «Большевик».

За его голову немцы обещали: 100 гек-

таров земли, 5000 настоящих немецких марок, 50 литров спирта и еще что-то.

Он весело смеялся, но серьезно говорил: — Да, они слишком дешево ценят меня — Советской власти я дорожу. Еще в мирное время она доверяла мне.

Его интересует все. В одном доме, где мы были, на абажуре на тоненьких резиновых висела крошечная обезьянка. Он первый ее заметил и спокойно не мог смотреть на нее — дергал, обезьянка прыгала, и он смеялся, да так, что невольно с ним смеялись и мы.

17 декабря 1942 г.

Москва. Когда сегодня утром мы открыли шторы, все обрадовались — погода явно летная. Это пятнадцатый день мы начинаем взглядом в окно: летная ли?

Мы поехали в штаб, и там сказали, что дают три самолета. Командир Воробьев и я пошли вниз мерять парашюты. В складе на длинном столе укладывали новый парашют. Он совсем не был такой красивый, какие я до сих пор видела на парадах, и даже не шелковый — только низ шелковый. Я сказала об этом вслух — все рассмеялись, и укладчик сказал — барышне-партизанке подберем шелковый. (Я подумала — ну что я им морочу голову? Если придется пользоваться парашютом — это, конечно, будет только на вражеской территории... то уж не все ли равно мне какой — шелковый или простой?)

Парашют тяжелый, а лямки-ремни жесткие, и как не подгоняли, все равно жмут. Но это всем.

Поехала в «Москву». В номере суета. Теперь я верю — мы летим. Поднялось невообразимое, и вдруг все нашли много неслеланных дел: у Воробьева еще не запакованы сапоги, а я вспомнила, что не зарядила «лейку», а в ателье на 3-м этаже не стали заряжать. Бегу к Яше. Он достал черный рукав и стал заряжать.

Мои брюки оказались широки — я все собиралась их перешить, да забыла. Стала укладывать в вещевой мешок лыжный костюм (я его вчера отутюжила — жалко мять) — не входит! Срочно выпростила у Васи парашютную сумку. Вдруг я вспомнила, что в музее, где готовится выставка «Комсомол в Отечественной войне», мне подобраны фото. Но сейчас уже уходит нельзя — пришла машина, надо грузиться.

Начинаем. Пришел командир⁹, заказы-

⁹ Дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров.

вает обед. Шампанское долго не несут. Он такое сказал по телефону директору, что шампанское принесли через три минуты, а мне хотелось выйти из номера и заплакать. Конечно, я знаю, что он не грубый, но...

Сели обедать. Зашел украинский поэт Владимир Сосюра. Он читал свои стихи, посвященные командиру, новую пьесу о партизанах. Конечно, его никто не слушал. Он сердился и читал. Мы не слушали. Ели и немощно слушали. Всем было приятно, что о нас так пишут. И мне тоже. За будущее. Каким сам становишься чистым и большим, когда побудешь в обществе умных, милых людей! Таков истый украинец Микола Бажан. Жена его красавица и умна. А как приятно, когда женщина сначала красива, а потом умна!

Когда я утром перебежала из музея через площадь, меня чуть не раздавила машина. И когда я была уже в безопасности, на тротуаре, страшно испугалась. Ведь случись что-нибудь — я не полечу! Я стала ходить медленнее и смотреть вокруг и под ноги.

Захотелось побывать в дорогих местах. Я зашла на Красную площадь, побывала у входа в метро на площади Революции — там мы впервые встретились с Сашей. Он был в кепке, а я в синем пальто, Марусином. Мне было неловко оттого, что я была дурно одета, и Саша очень стеснялся. Но потом мы обо всем забыли. Я не помню, что говорили, но нам было хорошо. Как давно, как хорошо это было... Но все-таки было!

Потом я постояла на улице — кругом наша светлая такая, разношерстная и в целом неповторимая московская толпа! И в памяти прошли одна за другой картины из прежнего — яркие воспоминания, встречи, люди... Мать, Клавдия Ивановна, Ярославский, Стелла, Сева, Леонид, Лешка...

Со всеми я прощалась. Впереди новое... Не то! Впереди — борьба.

Шампанское пенится. Грубые руки поднимают бокалы. Около меня партизаны.

Пришел Всеволод Иванов.

— Я написал о вас статью в английскую газету, — говорит он командиру. — А на днях будет в «Известиях» статья...

— Хорошо, — говорит командир и меньше всего думает об этом. По его лицу я вижу, что он наблюдает, как говорит Иванов, оценивает его (он очень наблюдателен и тонок, наш командир, но не любит показывать это).

И верно. Мы идем вниз, и командир говорит:

— А хороший он человек, этот Иванов. Прощай, Москва. Грузовик везет нас по Маросейке, Бауманской — через Сокольники...

...Ух, как холодно! Москвичи на нас смотрят. О, эти наши москвичи, ко всему привыкли! Мы в кобухах, в руках автомагнитолы, пушки — все необычно, но столичных никак ничем не удивить. Они все торопятся.

На аэродроме много огоньков — непрерывно поднимаются самолеты. Идут на бомбежку — вот как близко стала война. Погрузились. Надели парашюты. Но еще нет командира и нескольких товарищей. Сняли парашюты и пошли греться к землянку, а здесь здорово. Я никогда еще не была в настоящей землянке. Бревна. Чисто, тепло и очень светло, как-то очень уютно. На нарах лежат два летчика. Мы с Яшей тоже легли. Разговорились. Вот они, те герои, которые летают бомбить, которых я искала для газеты. Они расспрашивали нас, мы их. Мне хорошо. Я чувствую себя в этой землянке лучше и больше дома, чем в Серебряном бору.

— На старт! — кричит ст[арший] лейтенант Мозговой. Бегом к самолету, там уже все укр[аинское] правительство. Проводить нас приехал и председатель СНК Украины т. К.¹⁰ и секретарь ЦК т. С.¹¹ и [представитель] штаба ЦК и... ну, словом, все.

Произнесли короткую теплую речь.

Мы входим в самолет, команда отдана, он рулит, и в 8.11 самолет поднялся в воздух. Гаснет свет, моторы ревут, под нами белая земля, над нами звезды.

Через врага — к друзьям. На борьбу!

Расселись. Молчим. Холодно. Спокойно. Рядом командир. Он подобран. Сидит неподвижно. Видно, он зачеркнул Москву и уже целиком решает только вопросы, связанные с отрядами.

Чудесная лунная ночь. Летим медленно. Когда я гляжу в окошко, иногда кажется, что неподвижно парим в воздухе. Под нами снег и черные пятна лесов. Высота 1200—1300 м. Полтора часа идет. Становится скучно. Клонит ко сну. Я говорю командиру, что обидно перевезти через линию фронта такие обыденные переживания, как желание спать. Он сдержан, не отвечает.

¹⁰ Д. С. Коротченко.

¹¹ Т. А. Строчак.

Приближаемся к линии фронта. Переходим ее. Нас обстреливают, но почему-то не страшно. Самое сильное чувство — это любопытство. Летим. Погода начинает портиться. Штурман что-то шепчет командиру. Стоп — волноваться нельзя. Не имею права. Набираем высоту. Идем быстрее. Я иду по самолету. Ребята ничего, но Павлик делает мне какое-то глупое, раздраженным тоном замечание — он волнуется. Что-то есть. Погода еще хуже. Мы то опускаемся, то вновь поднимаемся. Самолет теряет спокойствие. Кругом хмарь. Летим очень низко. А под нами — наша земля. Но там враги. Там немцы.

Летчик докладывает: «Приближаемся к цели». Мы идем на снижение. 2000 метров. 1500. 1000. Под нами огни. Я бросаюсь к командиру. Он весел, возбужден — поет. — Костры! — кричу я.

Подходит штурман. Вдруг он бросается к пилоту. Командир прильнул к окошку, я смотрю, и мысли как-то особенно четко работают. Я еще продолжаю петь: «Я вас любил, как дай вам бог любимой быть другим...» — и слышу свой голос.

Но я очень хорошо, основательно и неторопливо понимаю — мы летим прямо на немецкий аэродром. Разноцветные огни — это идут на посадку самолеты. Белые огни — это сигналы; и тех и других очень много.

Вражеский аэродром метрах в 400 от нас и левее. Мы на высоте 1000 метров.

Как близко смерть!

У меня в руках ордена. Мы возьмем их героям. Гвардейское знамя — рядом. О, эти трофеи не попадут врагам!

Самолет круто сворачивает вправо. Мы бешено набираем скорость. Туман нас подвел, он нас и спас. Еще с полчасика мы ищем костры. Их нет. Ничего не видно. Мы летим обратно.

Над Москвой царит роскошная северная ночь, богатая зеленым светом и яркими звездами.

Итак, мой партизанский стаж — 6 часов в воздухе над вражеской территорией.

Мы ужинаем в гостинице. Полковник Гризодубова приезжает за нами. Нас везут в санаторий.

Вместо партизанского лагеря мы попадаем в теплую комнату на чистую мягкую постель. На столике «Таис» Анатоля Франса. Вот кстати!

18 декабря.

Мы приехали в гостиницу. Номер почи-

щен. Стал чужой — настоящий гостиничный номер. Уехали в гости к Дусе. Уже есть воспоминания...

19 декабря 1942 г.

На улице пасмурно, хлопьями падает снег.

Я любила всегда такую погоду, теперь ненавижу — она нелетная.

21 декабря — то же.

22 декабря 1942.

Все еще Москва. Падает снег. Как и всегда, без дела тоскливо и теряешь себя. С самого утра, с того момента, как я поднялась, жду телефонного звонка.

Падает снег. Стены против гостиничного окна в тумане. Погода совсем не та, что мы ждем. Каждый день просыпаешься с одной мыслью: как погода?

Ждем погоды. Буднично и тоскливо. От берега отстали и к кораблю не пристали. Утешенье — не одна. Второе — это еще же дым, а впереди есть огонь.

1943

29 декабря 1942.

19 января 1943.

Л. Кара-Стоянова

29 декабря 1942 г. Лесоград в тылу врагов.

— Который час?

— 12.45

— Мы перелетели линию фронта?

— Да. Только сейчас.

Мы поднимаемся. Под нами снег, но больше чувствуешь небо, богатое сегодня звездами, и холодный, роскошный свет, разлитый луною. Мы любим в этом свете мир неземной, чужой, но прекрасный. И не хочется верить, что мы едем навстречу войне, дергать смерть за усы. Нет, кругом так романтично и хочется быть поэтом, воспевающим эту красавицу — ночь — и одновременно любимой и любящей.

Самолет резко пошел на снижение, а штурман вышел из рубки и крикнул:

— Костры!

Мы начинаем крутить над партизанским аэродромом, и там всыхивают все новые и новые костры. Всего их пять.

Еще два круга.

— Видишь, люди бегут! — возбужденно кричит командир.

Я не сразу различаю их, но мы опускаемся все ниже, и тогда я различаю движущиеся сани, людей.

Видны уже домики близкой деревни, различаем бегущих людей. Еще круг, небольшой толчок, и самолет начинает рулить. Почему-то объезжаем весь аэродром и ставим самолет к взлету.

Все встали и начали снимать парашюты. (Ох, и противные они, и вид как у марсиан, и невозможно повернуться, и очень тяжело.) Но штурман пробежал по самолету и резко приказал:

— Все по местам! Не двигаться! Парашюты не снимать! — И снова заревели моторы, но и через их шум мы слышим множество голосов. Штурман открыл дверку самолета, но лестницу держал в руках:

— Один ко мне!

Небольшого роста — очень энергичный, в романовском тулупе — подбежал:

— Да вы на месте. Я Попудренко!

Штурман сбрасывает лестницу. Моторы мгновенно утихают, и слышны тяжелые шаги командира. Я слышу крики «ура». Сама почему-то начинаю суетиться и медленно выйти из самолета: пусть все немного отвлекутся, а то я не знаю, как себя вести.

В самолете уже один только адъютант. Я иду навстречу — море людей. Нет, конечно, не так много, но все же столпились, приветствуют. И я здороваюсь, жму руки. Кто-то сажает в сани, советует опустить мех ушани, и легкие сани-розвальни (так по литературе называются) тронулись.

Я оглянулась — самолет уже выгрузили, и началась посадка людей: раненых и командированных. Не думала я, что так скоро он улетит. Не успела поблагодарить ни летчика, ни экипаж. Но эта мысль мелькает и тут же тонет, потому что так много впечатлений.

Жадно смотрю. Ночь роскошная: высоко — черное небо, а звезды не то чтобы яркие, а так блестят, что я начинаю понимать, что такое блеск бриллиантов. Ну, пусть это напыщенное выражение не звучит банально, именно так я думала, подъяв восторженное лицо.

И луна и сказочный русский лес зимою.

И главное, такое состояние неповторимое, когда стоишь накануне большого изменения в жизни и веришь, что это значимое и, сказать откровенно, что-то очень хорошее.

Через три километра — остановка в русской избе в селе Николаевке. Николаевка как Николаевка, немцы были — тронуть боялись, простая, бревенчатая, русская изба, но народу много — пожилые старушки и средних лет обыкновенные подмосковные бабы; если бы лица не были

чуть строже, да в гостях у них не был бы вождь партизанского движения, все было бы обычным.

— Знакомьтесь.

Две женщины в пушистых белых платках стоят в стороне, одна чувствует себя свободно, другая напряженно и неприятно смотрит на меня:

— Девушки, давайте знакомиться, — говорю я.

— Успеем, — односложно отвечают они.

Впереди дорога по орловской деревне. Еще 10 км до лагеря. В санях, кроме Ани и меня, молодой, живой парень. Сдержан. Я представляюсь ему. Он с сознанием своего достоинства, но и что-то очень непосредственно детское.

— Начальник штаба.

Конечно, я изумлена. Искренно. Не подумала бы никогда, встретив в Москве, что это один из «страшных» народных мстителей.

Штаб. Он бревенчатый, и почти не чувствуешь, что он вкопан в землю, но все-таки это не изба. Опять же ничего не скажу, народу много, особый подъем. Конечно, всегда здесь не так.

Маленький парнишка поет нам частушки. Голос хорош. Песенки на знакомые мотивы с местным текстом. Им все гордятся. Еще в Москве А. Ф. рассказывал о нем.

Пришел гармонист. Ужинаем.

Ребята — сбоку Яша, с другой стороны Павлик — ухаживают.

...Нас провозжат спать в 3-ю роту Ст. отряда.

Если бы все жалеющие меня знали, как хорошо, по-домашнему было мне в тот вечер в землянке!

Два каганда ярко горят, и дрова в печке потрескивают, и отблески пламени лижут стены, сложенные из ровных красивых березочек. Трое партизан — да полно, партизаны ли они? — тепло, гостеприимно встречают нас. Симпатичные рабочие парни. Одеты только странно. Один почему-то в пижамной кофте — фланелевая, красивая. Спим на шелковом парашюте. Жарко. Мы о многом должны рассказать, но куда охотнее слушаем.

Утром завтракаем. Жирные щи и жареное сало, потом перловая каша. Вкусно, но слишком жирно.

Парад партизан.

Их больше, чем можно было представить.

Торжественно выходит командование Пред[ставитель] ЦК КП(б)У М. А. Петрин произносит речь, вручает знамя.

16-го января 1943.

Место раб - так называлой наши
лаги.

Когда я узнаю, что есть возможность написать
на больнично giấy, я прежде всего хочу написать
Вам Клавдия Ивановна. Правда, когда начинаю писать
всегда останавливаюсь - то это я пишу мне кажется
неинтересным, а другое и недавно - пишут. Так было
и в Кузбассе, когда я узнала что Вы там, и как-то
день с раннего утра соприкасалась к Вам, а потом
оттаивалась - ну, то я пойду, меня не звали,
сидеть неинтересно. Так бывало всегда. Мне
кажется, что мое почтение, и то, что я не прихо-
дила Вы расценивали по своему, и, видимо, не-
правильно.

А знаете Клавдия Ивановна, очень часто, когда всегда
когда речь шла о серьезных делах я ~~_____~~ старалась
смотреть на вещи Вашими глазами. Я убавляю,
и маю Ваши глаза, хочу не просто подражать
Вам, а быть похожей на Вас.

В этот я говорила много лет назад, когда -
помните, я пришла работать в "Ком. пр" об
этом я говорию сейчас, как о чем-то больших событий.
Хочу чтобы Вы знали это и передали об этом матери,
если мне не удастся ее убедить.

С любовью целую Вас
Лилия

Его пронесят.

Хорошо. Я снимаю.

(Отвинчивается объектив.)

— Ну как, хорошо? — спрашивает А. Ф.

— Да, да, все так, как я себе представляла! — отвечаю я.

Обедаем у чудесного человека — ком. роты Митрофана Степановича Малявко — русский украинец с лицом Николая-чудотворца, с лучистыми умными глазами (боже, и откуда у партизан такие божественные лица!).

Вечером в самой большой избе — штаб Ст. отряда — вручение орденов. Героям вручают правительственные награды. Празднуем. Это значит — пьем. Потом танцуем. Потом кино. Наконец спать.

Нет, это еще, конечно, не партизанская жизнь.

Наша землянка одна из лучших. В ней три окна, железная печка (бывший бак из-под нефти), стол и в одном углу, за которым я пишу, а рядом наборщик набирает первый номер, который мы готовили и составляли макет. На одной стороне нар наши мужчины — Шеремет, Петрик, Леонид Степанович. Напротив нар поменьше — наши женщины: Лида Кухаренко — лектор ЦК КП(б)У, наборщик Галя и я.

Я пишу при свете, каждый раз при свете копилки. В жестянке, изогнутой так, что похоже на блюдечко, залит коровий жир и вставлен фитилек. Около такой копилки обязательно надо иметь нож — ежесекундно подрезать фитилек, поправлять его. Свет мигает. Но мне нравится.

Я пишу на табуретке, около печки. Рядом сидит греется Лида. Микита Алексеевич рассказывает анекдоты. Леонид Степанович все возится, удивительно скромный, работающий, безропотный человек.

Шеремет — умный, сдержанный, Петрик показывает себя лучше, чем можно было ожидать. Лида Кухаренко — средних лет женщина, развитый и, видимо, неплохой лектор... Очень нервная... Но милая женщина. Павло Васильевич Днепровский,

Письмо Л. Кара-Стойановой
к К. И. Кирсановой из партизанского
отряда.

К. И. Кирсанова.
Май 1943 г.

наш редактор, — работяга, добродушный, преданный...

Все характеристики даны с первого взгляда, очень возможно, что мнение изменится.

Сейчас ровное, хорошее настроение. В землянке тепло, уютно. Все-таки дом. Все готовятся спать. Леня Трифон рассказывает, как они вылетели первым самолетом из Москвы сюда, как их самолет обстреляли. Пули поцокали, и то ли попало в мотор, то ли чистая случайность, но левый мотор забарахлил. Самолету пришлось сесть на самый близкий аэродром, в партизанском крае — Стелене. Сели. Пока исправляли самолет, испортилась погода. Наши будущие (теперь нынешние) партизаны пробыли в том краю 8 дней и вернулись в Москву. Вот почему я, подъезжая к аэродрому, из машины вдруг увидела Трифона, которого думала встретить только в Лесограде.

Петрик стрижет ногти, я мылась за занавеской, старшина готовил ужин. Леон. Ст. храпит, Леня и Лида переговариваются.

30 декабря 1942 г.

Знакомимся с лагерем, с людьми.

31 декабря 1942 г.

С раннего утра с самым большим диверсантом отряда делаем выставку «Комсомол в Отечественной войне». Он со своим помощником рассказывает, как они «кончат» старост и полицейев, и в то же время быстрыми движениями художника распределяет на щитах фото.

Настроение приподнятое. В землянку то и дело входят многие бородатые, помогают то склотить, то поднести. Вот они, суровые мстители! Диверсант убегает хоть на несколько минут, чтобы готовить свечки для елки.

Привезли из отряда Шемякина нашу Лиду. Она с восторгом рассказывает о теплой встрече, которую устроили ей там москвичи. Перечисляет, чем угощали: жирной картошкой, молоком, медом...

— Медом? — переспрашиваю я. — И ты не принесла?

Все рассмеялся, и сопровождавший ее Шемякин спросил:

— Вы любите мед?

— Конечно, люблю, а вот Новый год у нас будет без меда...

Они приглашают приехать к себе. Обещают приехать.

Наши диверсанты усиленно просят к себе, и мне самой хочется к ним. Думаю зайти.

Мы готовим подтекстовки, размещаем фото, обдумываем композицию щитов (называем их даже стендами, а это ящики из фанеры, которые по инициативе Малявки обиты суровым полотном), и такое мирное это дело, что и партизан-диверсант не партизан, а сидим мы где-нибудь в подмосковной даче и готовимся к празднику...

Самолет. Один круг, второй, третий. «Юнкерс» обнаглел совсем: идет низко, метров сто. Очередь... Жертв нет. Продолжаем работать.

Выставка готова. Не ахти какая. Торопились. Смертельно устала. Ложусь отдохнуть. 9 часов. Да, забыла: я говорю моему художнику-диверсанту:

— Платье надо погладить, нельзя мне так идти, и не знаю, что делать.

Он молчит, но через полчаса исчезает его помощник, а немного позже девушка приносит разведенный утюг.

Зеленое, зеленое платье! Ты вынута из мешка...

Опять ложусь отдохнуть.

В 10 часов вечера разбудил связной из штаба — немедленно просят туда.

Вечер самодетельности был уже в разгаре. Поют песни: «Тройка», «Споем же, товарищи, песню»... Живая газета-монтаж советских песен. Маруся Коваленко читает Исаковского, «Прощай» — сильное стихотворение, и читает она проникновенно. Володя — помощник художника-диверсанта — читает Маяковского «Паспорт».

Пляски.

Живой Попудренко суетится, он хозяин. После первого тоста хлопали так, что стены дрожат, — и начинается. Правда, 12 еще нет, но народ мы не сентиментальный — так вот и встретили Новый год.

Около меня Павло, напротив Петрик, рядом Лида и Волошин. Весело.

Поем, едим гуся, котлеты, картошку, салат, винегрет, сало... Ближе знакомлюсь с Григорьевной — интересный человек. Командир играет на барабане — аккомпанирует танцам. Местный поэт-демократ читает стихи.

Танцуем много. 3 часа. Пора уходить...

С наслаждением растягиваюсь на нарах.

1 января 1943 г. Все проспало до 11 часов — ну и партизаны!

В землянку входят двое — это знакомые ребята, приехавшие от Шемякинского отряда за сводкой Информбюро. Один из них вынимает кружку с медом.

— Вот вам.

Я, конечно, поблагодарила, но растерялась.

— А чай у вас есть? — спрашивают они.

Отвечаю: нет.

Вынимают из кармана и чай для заварки. Вот Новый год у меня и с медом!

Какие чудесные, симпатичные ребята! Едем в село проводить беседу. Я и Костя. Нам запрягли две лошади, приказали проверить оружие.

Легкие сани, много сена. В руках у меня ППШ. Лошади мчат нас по хорошо укатанной дороге, «партизанскому большаку». Правда, до села по прямой 3 км, а нам ехать 8 км, объезжаем укрепления.

До чего же красиво! Зимний лес... И сани мчатся, только снежная пыль летит позади. Высокие сосны под тяжелым снегом искрятся на солнце... Если бы не ППШ в руках, была бы полная иллюзия чудесной прогулки в лес. Наслаждаюсь.

Один верховой, двое саней... пешеходы. Три раза мы уже вынуждены были останавливаться, чтобы дать дорогу — и все из разных отрядов партизан! Вот так дорога в лесу, в тылу врага...

Свои — с красными ленточками — здороваются...

Проезжаем Мамаевку — село, дотла сожженное немцами. Торчат столбы, кое-где уцелели заборы. Вдалеке на пригорке можно различить землянки, в которых живет народ. Война.

Снова сказочный, оживленный лес или, как их там, «елисейские поля».

Нас обгоняет на горячем жеребце такой же горячий Шемякин. Вот командир!

Ни разу не перевернулись! Костя, который взялся ехать без возницы, страшно доволен. Здесь это редкость, куда чаще вылетают из саней, да еще на мины наворачиваются.

Позавчера шемякинская повозка с начальста, его адъютантом и комиссаром наскочила на мину, которую ереминцы приготовили, а связной опоздал до отъезда предупредить их. Еремин прислал специально связного. Извиниться. Вот «некорректность», которая могла стоить четырех изумительных жизней.

Деревня. Русская деревня Тельча Орловской области в Клетнянских лесах. Немцы здесь были всего несколько часов, но полиции дай боже... Думали так: Костя проведет беседу, а поговорю с народом. Но комендант посоветовал провести две беседы. Я иду в село.

Комендант молодой, высокий, голубоглазый военный. Нервный, хотя прекрасно держит себя в руках. Белорус.

— Я, знаете, чувствую себя хорошо, даже на ночь раздеваюсь.

Вдруг он резко поворачивается налево и напряженно слушает. Мы стоим около группы партизан.

— Узнать, где стреляют. Доложите... Вот так спокойно!

В избе десять стариков. Много хорошо одетых баб с малыши детьми. Мне поставили столик со скатерью под иконами.

Я рассказываю им о Москве. Слушали очень тихо. Много спрашивали о крепостях...

Ждут освобождения. Жалуются на недостаток соли. Я говорю с ними и никак не втолкую себе, что это и есть люди оккупированной территории. Видно одно: сейчас под крылышком партизан, им живется лучше...

Комендант провожает в ту первую избу. Там настоящая, беспредельно, беззастенчиво преданная советская семья. Старик хромой, мать сморщенная, с молодыми, яркими глазами. «Ох, и красивая вы были, мамаша!» — «Да, да, доченька, было...» — оживляется она. И до того она характерна в платке, повязанном на манер тюрбана, что нарисуй ее — покажется манерным. Рассказывает: сын — летчик. Другой в армии, и от обоих нет сведений. Жена летчика живет в соседней деревне с внуком. Одна внучка живет с бабушкой. Чудесный восьмилетний мальчуган. Белоголовый и тоненький, как Ленка. (Но о нем заставаляю себя не думать. Нельзя.) Выспрашивает и охотно рассказывает сам. Откровенности полной, конечно, нет: они крестьяне. Мы народ незнакомый, но люди наши. Головой ручаюсь. Угощают...

Едем обратно. Темно. Слышна стрельба. В 13 километрах от нас идет бой с немцами.

Костя говорит:

— Лена, а это здорово — на занятой немцами земле идет жаркий бой, а по дороге на санях едет представитель ЦК комсомола и инструктор райкома партии — проводить беседы...

Забыла: меня теперь зовут Леной. Это еще в 209-м был Гриша Балицкий. Он спросил, как меня зовут. Я ему раза три отвечала, он все никак не мог выговорить, а как услышал Лиля — сморщился: что за партизанка — Лиля!

Так я стала Леной.

Едем. Замерзли. Темно.

— Может, по короткой поедем? — спрашивает возница.

— Конечно.

— Но там мины были вчера. Но комендант говорил, что сегодня можно.

— Раз можно — едем. Кстати, виден свежий след.

Поехали. На 5 км сократили дорогу. Скоро лагерь. Неожиданно догоняет на саях комзвезда минометчиков.

Еще издали оно кричит:

— Стой, вы куда? Кто?

— Едем к себе домой, — пишу я.

— Да вы... Там шарики! (Я уже знаю, что это мины.) Вертай назад!

Оказывается, смерть-то была близко.

2 января 1943 г.

Рано приехали от Шемякина за мной. Просят выставку; много москвичей, они хотят узнать про Москву. Беру «лейку» — еду.

Просторная землянка похожа на избу. Чисто. Обито парашютом. Занавески. Патефон. Красивое, хоть и не кричащее рядом — им покрыты опятные нары. Дисциплина, порядок — военные...

В огромной землянке — москвичи. Чудесные юноши, славные партизаны. Долго и тепло беседуем. Потом они поют. Люблю, когда поют юноши, — проникновенно, слаженно, скромно.

Распелись ребята. Чудесную песню поют: «Прости, прощай, подруга дорогая». Закроешь глаза — и чудится Москва. Вдруг — гул. Самолеты. Тревога. Это значит — отдают приказ надеть маскхалаты. Выходим из землянок. Три раза разворачиваются «юнkersы». Сброшено до 100 небольших бомб. 8 самолетов. В деревне Кременец идет бой. Там бомбили больше всего. Пострадал чудесный командир — молодой чекист Галюга. Убито человек 15. Около отряда Шемякина упало 2 бомбы. Разрушения: выпали окна у радиоземлянки и на кухне.

Бомбежка не больше 10—15 минут. Снова в землянке. Я рассказываю ребятам последние американские фильмы «Три мушкетера» и «Очарован тобой».

Когда я похвалила повара Шемякина, услышала:

— Кушайте! У нас не всегда так, а то и на аплодисментах жили! (Выдавались горстки муки, ее замешивали в котелке и на руках месили лепешки, которые пекли прямо на костре.)

Едем обратно вместе с Шемякиным. Не едем, а летим...

3 января 1943 г. Лесоград.

После завтрака встретились с Марусей Коваленко. Поговорили. Она откровенно рассказала о последнем годе своей работы,

о приезде сюда, впечатления о людях там. Сказала, что завтра двигаемся, — оно и чувствуется — в нашем «подмосковном царстве» оживление. Все засуетились около конюшен, чинят сани, командиры на ходу отдают приказания. Вот теперь, перед походом, когда ожил лагерь, очень легко найти, отличить партизанского командира. Он везде. Он думает обо всем. Ему по-товарищески иногда отвечают, но не всегда беспрекословно слушают.

На кухне и в хозчасти идет раздача продуктов. В пекарне усиленно пекут хлеб, в колбасной коптят, бани все топятся. И так, мы партизаны.

(Записи начались карандашом.)

5 января 1943 г.

Лагерь оставлен. Огромным обозом двинулись из Клетнянских лесов.

Вчера я лежала. Чем-то легко отравилась и немного простудилась. Знала, что едем, но когда — точно не известно.

Сегодня с утра — приказ: в 12.00 выступаем.

Суеты не было. У всех все готово. Подвели лошадей на просеку.

Картина неповторимая: на санках — лагерных, деревенских — едет артиллерия, бойцы в маскхалатах и просто партизаны, а это значит — в папахах, в ушанках, в кубанках, в ватниках, тулупах, кожушках, в валенках, сапогах, бурках, есть и в лаптях; синие, ярко-красные, бордовые, зеленые — то трофейные, большие мажарские костюмы.

Едут возбужденные. Мимо то и дело на горячих лошадях гарцуют начштаба в черном тулупе, на черной лошади — подвижный, молодцеватый, нач. Ст. отряда молодой и потому немного рисуется. Приехал на саях командир. Здоровается. Ему дружно отвечают.

Володя — 22-летний парень. Мать — известный врач в Москве... Воспитан. По-юношески влюблен в своего командира, готов жизнью жертвовать за него и счастлив оказать ему мелкие услуги.

Дана команда разойтись. Так и знали, говорят многие. Разочарование. Мы медлили — пропускали всех. Подъезжает Вася Козлов — нач. шт. Ст. отр. Показывает новенький восьмикратный бинокль. Проезжает начштаба, громко отдает команду — всех в колонну. Выступаем.

В нашем обозе на наших саях меньше всего сена. Кто-то замечает это. Посылаем нашего ездового. Молодого интеллигентного парня. Он уходит. Появляется быстро, но вместо сена в руках у него...

рис. В. Смирнов

ЖИТЬ — ЗНАЧИТ БОРОТЬСЯ С ВРАГОМ.

Жить — значит бороться с врагом — таков мой лозунг патриота Советской Родины. Я горжусь тем, что я советский партизан, бью немецких оккупантов их же оружием — трофейным пулеметом. Много боев позади. 73 фрица, пришедших

Из газеты «Коммунист». В ее выпуске участвовала Л. Кара-Стоянова.

МОЯ КЛЯТВА.

Шестнадцать месяцев нахожусь я в рядах партизан и веду беспощадную борьбу с немецкими захватчиками за освобождение своей родной Украины.

Я истребила 7 оккупантов, изучила винтовку, автомат, пулемет. Спасла жизнь десяткам

толстый... том «Романсы Даргомыжского!» Хохот.

Выезжаем. Прощаюсь мысленно. Лагерь омертвел. Заставы сняты. Доты какие-то безжизненные (но это уж, конечно, дорисовка, они, наверное, всегда такие!).

Лес почернел, снег стаял с деревьев. Пою Даргомыжского...

Примерно так начиналась война. В то

воскресенье мы смотрели с Сашей «Песню о любви».

18 января 1943 г. Лесоград. Лагерь. В той деревне, где мы вчера два раза останавливались, сегодня немцы. Была на комс. собрании в роте подрыльников. Говорили мало. «Мы говорим мало, зато дела шумные», — сказал секретарь.

Собрание при свечке, на нарах в землянке. Сверху капало, было прохладно.

Разговорились откровеннее после собрания — об отношении к женщине...

Готовлю молодежную листовку.

Вчера вечером откровенно горячо разговаривала с Павлом. Почему-то я доверяю ему и неожиданно тепло к нему отношусь. Он внушает настоящее доверие. Командир сделал его своим адъютантом. Для командира хорошо, для Павла плохо, если он до конца не играет свою роль.

У меня флюс. Самочувствие среднее. Но завтра еду в село. Пожалуй, скоро можно будет начать писать.

Вернулся из гостей в дер. Тельчи наш писатель и поэт Никола Шеремет. Рассказывает: из Тельч видно огромное зарево. Надо проверить оружие. Жалко, что не могу пристрелять.

Надо было ездовых. Минита Алексеевич спрашивает старшину.

— Да их нет. Они с утра поехали за сеном. Сегодня сено будет наверняка, они взяли ротный миномет, два станковых да автоматчиков.

Вот и обоз с сеном. Это обычно. Спички, соль ли, картошку ли — едут на хозяйственную операцию, берут 25—30 бойцов, автоматы, пулеметы и едут поближе к полицейским.

Митрофан Иванович уехал сегодня за скотом. Как он сказал: «Не идеализируйте. Я еду воровать скот». Немного странно слышать, когда этот святой на вид человек говорит так. Кажется, что он удачно рисует, и это ему идет, пожалуй. На прощанье поцеловал руку. Долго, но красноречиво вздыхал. Дешево. Но зачем его природа наделила такой подкупающей внешностью? О, он опытный, пожалуй, слишком опытный...

Я хочу из войны выйти не опустошенной. И если я сейчас говорю правду, утверждая, что не верю в счастливую семейную жизнь для себя, я все равно знаю — после победы у меня будет полная и интересная жизнь. И в жизни у меня есть еще сынок. Прекрасный голубоглазый человечек (с испорченным характером, но прекрасный натурой. Конечно, если так можно сказать про моего семилетнего сына).

Хочу прийти победительницей. Должно быть так. Сколько противоречий я несу в себе и как еще я себя не знаю! Но узнав, могу сделать многое.

Глубокая ночь. В печке гудит, и в землянке жарко. Каганец догорает. Скоро кончать...

Неожиданно, но здесь я больше чем когда бы то ни было мечтаю. Мечтаю обо всем, о послевоенной жизни, о широком круге знакомых, об отдыхе, об отдыхе. И почему-то мало о работе...

Без нотаций! Обойдемся.

От каганца здорово портятся глаза.

Сегодня перед сном вынула портрет Саши. Какого человека я потеряла! Как хорошо знать, что есть такие люди! И он меня любил!

А ведь мне можно этим гордиться!

Помнишь? Такой же блокнот и такое же сильное желание говорить с бумагой, облегчая себя...

И любил мы...

И росли!

Далекий, просветленный Ростов.

Как погиб ты, любимый?

Знаю, думал обо мне.

13 января 1943 г. Клетнянский лес, Лесоград.

Все еще лагерь. Завтрак. Потом едем в деревню. Я, Шеремет, Днепровский и Мик. Алексеевич — бригада отряда пропаганды. Берем листовки, я беру еще и книжку «Комсомол в О. войне».

По вечерам мы всегда поем. Невольно. Горит наша бандура (пока играет — звенит, пока подкладываешь — жарко), мигает каганец, все лежат на нарах. А спать еще не хочется.

Поем: «Ой, Днепро, Днепро», «Идет война народная» и «Любо, братцы, любо!..»

Вечер. Только что приехала из партизанской деревни Василевка. Большое русское село — 75 мужиков ушли в местный партизанский отряд. В селе ни одного предателя. Живет там народ (а большинство многодетные — 5 малолетних, 4 малолетних)... как на вулкане.

— Немцы! — вдруг раздается клич. И мгновенно запрягаются лошади, стаскиваются с теплых печек малыши, наспех кутают их и или в кусты, или в лес, или, если успеют, то в ближайшую деревню, Николаевку (мою первую деревню после приезда). Ребятишки чувствуют в партизанах добрых дядей. Не успели мы въехать в деревню, попрятали на сани — едут, все торопятся.

В избе меня усадили на печку. Тепло. Хотелось бы денек понежиться... Старушка угощала молоком с крахмальной лапшой. Вкусно и приятно. Я им невзначай рассказала о Москве, о том, что сама только что оттуда.

Стеленно, как это, видно, полагается у

Смерть немецким оккупантам!

КОМУНИСТОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТУ КП(б)У
і ВЕРХОВНОЇ РАДИ УКРАЇНСЬКОЇ РСРС НОВЫМ ГОДОМ
ТОВАРИЩИ!

1 ЯНВАРЯ 1943 года.

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Успешное наступление наших войск под Сталинградом, на центральном фронте и в районе среднего Дона, колоссальные потери противника в живой силе и технике свидетельствуют о крахе планов немецкого командования. Гитлеровцы просчитались. Каждый день войны приближает их неминуемую гибель.

Красная Армия представляет собою в данный момент грозную силу способную не только устоять против немецко-фашистских войск, но и разбить их и погнать назад.

Небывалый патриотический подъем в стране, тыл и фронт как никогда крепки и неразрывны.

Истекший год характерен могучим развитием партизанского движения в тылу врага. Святая месть движет сердцем советского патриота, воспи-

Первая полоса газеты «Коммунист», органа ЦК КП(б) и Верховного Совета УССР. 1 января 1943 года. В выпуске газеты участвовала и Л. Кара-Стоянова.

крестьян, расспрашивали про нее, про тыл. Но о том, что это их трогает за живое, сужу по тому, что не успела я выйти из избы, как меня окружили девушки и расспрашивали про Москву, а было это через 2 минуты.

Беседовал с ними агитатор из отряда 3. — его зовут «Проповедник» за повскую манеру разговаривать.

ОТ СОВЕТСКОГО**ИНФОРМБЮРО**

31 декабря 1942 года

Наступление Красной Армии в районе среднего Дона, на центральном фронте, в районе Сталинграда и на Северном Кавказе продолжается

За время наступления в районе Сталинграда с 19/XI, на центральном фронте, в районе Великие-Луки — Ржев с 24/XI и в районе среднего Дона с 16-XII, Красная Армия уничтожила и захватила у немцев: самолетов 1791, танков 3505, орудий 7071, пулеметов 11902, минометов 3649, огнеметов 370, винтовок 135481, автомашин 20184, ж.-д. вагонов 2866, патронов свыше 57 млн., снарядов и мин более 7 млн., складов 580. За это время Крас-

...Только что вошла Шура-партизанка. Пришла узнать, который час, она успела заступить с 10.30 дневальить, хотя днем готовила для роты обед. Рядом Лидия Ивановна готовится к очередной лекции. Микита Алексеевич режет корни на курево. Кончился столичный табачок! Зашел из роты минометчиков неказистый паренек, за книжкой. Выбирал, выбирал да вдруг:

— А вот как я в плену у немцев был... И полился бесхитростный рассказ о беспрерывных подвигах, одна из джек-лондонских повестей...

Так я, как богач, — вокруг меня столько интересных материалов, что я разбираюсь ими.

Приходил Володя Павлов, посланец Алексея Михайловича из роты подрывников.

Вели интересный разговор. Ребята на операции прихватили у полицейских трех лишних кабанов и не сдали их в хозроту, а съели сами взводом. Это получило огласку и, конечно, лично мое большое осуждение. Алекс. Мих. послал Володю в разведку. Я резко и прямо высказала свое мнение — ему было неприятно.

Я рада.

Утром была в штабе. Заходила оставить письмо на отца и... на Большую землю, поговорить с Марусей.

Первые мои трофеи — толстая, переплетенная в зеленое бо́льшая книжка «Романы Даргомыжского». Чаще всего пишу на ней, подложив под нее огромный сухарь.

14 января 1943 г.

В эти дни было много интересного. Вечером 10-го во время ужина входит Володя и еще двое ребят.

— Лена, мы за вами, Алексей Михайлович просит вас и вот прислал делегацию.

Я немножко смутилась, думала сразу, что ему плохо (он ведь лежит с растяжением ноги), спрашиваю. Они говорят: идемте, увидите...

Пошли. Открывают. Володя докладывает — привел. Какой-то прожектор прямо в лицо. Я что-то шутливо говорю. В землянке на нарах по обеим сторонам, как на проводе воробушки, сидят подрывники. Диверсанты-юноши. Но воробушки находились. Встречают негромко, шутят между собой, но реплики все касаются меня, сдерживают возбуждение.

Короче — я должна ответить за свои слова «ваши поступки граничат с бандитизмом».

Я ушла взбудораженная, не могла заснуть всю ночь. Разговаривали горячо, искренно, долго, правдиво. Нег, это было не просто желание влюбленного командира устроить встречу со мною, это было горячее желание всего коллектива оправдать свой не очень красивый поступок перед человеком с Большой земли — перед корреспондентом. Вылилась беседа в яркие обнаженные рассказы о партизанской жизни.

Тут был рассказ о том, как, добывая соль для подразделения, они потеряли трех товарищей, как ставили недавно мины и один, задев полюю шинели, взорвал себя и оглушил остальных, как иногда обходчики, завидя партизан, демонстративно сворачивают в сторону: «Мы вас не видим, вы нас не трогайте»; как, готовясь на операцию, идущему товарищу отдают валенки, маскхалат. Как коллектив внимательно следит, чтобы у него было сало и сухие спички для запала в кармане.

Цимбаллист (их политрук) рассказал:

— Я строил укрепления. Приезжаю домой. Отец спрашивает:

«Ну, как, сынок, сдержите?»

«Не пустим», — уверенно отвечаю я.

«Ой ли», — сомневается отец, воевавший с немцами в 18-м году.

Я хорохорюсь.

Ну, а через несколько дней немцы были дома. Я бежал. Только месяца через три-четыре я снова попал домой. Мать встретила как мать. А отец с печи только одно слово: «Довоевался?» — И на другой бок, спиной ко мне. Так наутро я ушел.

Голос дрожал, когда он рассказывал.

Все просили написать о шестнадцатилетнем Васе Коробю, который спустил 9 эшелонов. Очень о многом говорили. Через месяц я обещала закончить этот разговор.

Выпустили первую молодежную листовку: «Красная Армия наступает — час победы близится» — передовая, а на второй — письмо Людмилы Павличенко. Не очень плохая.

Сегодня все партизаны по подразделениям принимали присягу. И я принимала. Я партизанка.

Сейчас я пишу. Горит новый каганец. Из картошки: засечка, коровий жир, в середине ватка. Леня читает Васю Теркина. Я, конечно, читала «О награде». Я очень люблю эту часть.

«Надо иметь сердце из стали».

Алексей Михайлович и его команда — подрывники. Их 25. Юноши из разных мест, с противоположными характерами и совсем неожиданными профессиями. Их командир — профессиональный художник, их политрук — преподаватель института.

Правда, все выделяют мое подчеркнуто хорошее отношение к подрывникам. Конечно, все заметили и их частые приходы.

16 января 1943 г.

Я знаю: читать дневник постороннему — будет выглядеть бледно. Записаны в основном события — мало впечатлений, и почти без рассуждений. Отрывки мыслей, то, что

додумываю, не всегда записываю, не потому, что не откровенна, нет. И еще недодуманно — и сознательно сдерживаю себя. То, что волнует меня и будет значительным, должно быть не в дневнике — об этом надо громко сказать. И так родится то, ради чего я приехала, если вообще оно сможет родиться.

Не раз мне приходила мысль: почему у музыкантов, артистов, художников-неудачников не хватает ума, такта, силы воли оставить задуманное, если не можешь добиться результатов? Больших — ну, таких, настоящих. Видеть это в другой области — ты большего добиться не могла. Так вот и теперь я думаю так — если я пройду поход с нашим отрядом и если после этого я не напишу взволнованных, прочувствованных вещей, оставляющих след в душе человека, я обязана уйти из журналистики. Значит, мне не место здесь. Что, трудно? И самолюбие поет?

В конце концов все решает человек. Перед собою я должна быть чиста и довольна собой. Не самодовольна, нет, но и не чувствовать неудовлетворения. А в жизни у меня есть большая радость — мой человек, голубоглазый, чистый, собственный... Где ты, сынок? Думаешь ли о матери? Когда вспомнишь, всегда щемит. Неужели я виновата? Разве я хоть когда-нибудь обвиняла маму?

Нет, не обвиняла, но много раз в отчаянии звала и еще беспомощно страдала.

А если погибну я?

Во-первых, он мальчик. Во-вторых, у него есть родные. В-третьих... Материально в случае моей гибели он будет обеспечен.

Я знаю, что, идя в операцию, рискуя жизнью, я ни о чем не буду думать — только о том, чтобы в случае моей смерти сын не очень осуждал меня. Чтобы я не заслужила его упреков.

Он — я. Он вырастет и будет думать так, как думаю я. У меня не будет трагедии матери и сына. О, только бы кончилась страшная, опустошающая война!

Пусть не мне — другим будет очень светло и очень хорошо!

Пришел старшина с хозяйственной операцией. Он ввалился в землянку, когда мы «снедали». За ним ездовые бросили пару мешков картошки, ведра с капустой.

— Вот черт, — смеется старшина, — уходил в операцию — пропуск на заставе проверил сын. Вечером выезжаем — часовой окликает. Я спускаюсь с саней, чтобы отдать пропуск, а ночь темная, не видно. Часовой снова:

«Стой, ни с места! Кругом!»

Я рассмеялся. На посту дочка стоит — Таня.

Ну, я, конечно, смеюсь, она ругается, сердится.

Наш старшина здесь семьей — жена, сын, дочь. Он директор маслозавода. Был в роте, оглох.

Это верно — люди представляют себе, что мы живем в берлогах и озверели больше, чем робинзон-крузовский Пятница. А между тем в нашей просторной землянке окно, если его поставит нормально, будет больше, чем большие окна в новых домах. Пол моют через день-два, у всех пока есть одеколон, моемся по утрам теплой водой и в баню ходим каждую неделю. По вечерам читаем самые последние новости — пьесы «Фронт», «Русские люди», Васю Теркина и «Черноморцы» Соболева, «Комсомол в Отечественной войне» и спорим, откуда начинается русское княжество — от Рюрика или от Ольги сына — Святослава.

День сегодня солнечный, ясный. Только что доложил командир Щорсовского: «Гудят антихристы». Будет, наверное, бомбежка. Она здесь, конечно, страшнее, чем в огромной Москве, где наше оружие производит не меньше впечатления, чем их смертоносные самолеты.

Одно дело — бомбежка в Москве, в огромном столичном городе, где больше чувствуешь грозную силу нашего оружия, чем невидимую опасность их самолетов. А здесь он кружит — раз-два круга, ниже, ближе, гул все противнее и страшнее, а ты ничего не можешь сделать с этим брюхатым, сильным, неуловимым чудовищем. Зная это, иногда дается команда дать пару выстрелов из наших «грозных» пушек. Они... несколько раз — и нам не так страшно и безнадежно.

Уезжает наш кинооператор. Неожиданно. Его отъезд не одобряют товарищи и коллеги, хотя аргументы его почти убедительны. [Он] все же повел себя нехорошо... хочет увезти отсюда и пленку и одежду, а здесь есть бойцы, которые ходят в лаптях. Правда, Яша снимает с него свои сапоги и отдает мне, но по этому поводу был большой и неприятный для всех разговор. Еще одна сторона медали — нет, не так: еще одна медаль с двумя сторонами.

А фотографии-корреспонденты все-таки похожи друг на друга. Яша, взволнованный тем, что увозит пленку, проговорился: — Я и ей не хотел заряжать, у меня

уже 15 метров пленки вышло, а он уво- зит...

А в Москве совсем по-другому речь шла...

Мне даже не противно, смешно...

Полудренко — командир, достойный ува- жения...

Позавчера он зашел ко мне за кассетой для своего трофейного фотоаппарата, и мы договорились устроить беседу с ним.

Вчера вечером мы пошли туда... он был вчера чудесен. Какой-то чистый, весь про- никнутый желанием толково, подробно, ум- но рассказать нам, как родился партизан- ский отряд...

А вообще это очень цельный человек. Энергичный и жизнерадостный. В разгово- ре тоже ярок...

Идет разговор. У нас заболел ездовой. Пришел Тарасенко — командир Щорсовско- го отряда, чтобы договориться, кого дать.

Предлагает — разведчик есть, но, види- те ли, его часто приходится отрывать. Возьмите лучше нашего инженера, он спо- койный. Был заместителем начальника треста или зав. школой...

Это будут ездовые.

Шли с Миколой Шереметом обратно. Лунная высокая ночь. Зеленый холодный свет. Почему вспоминается все тот мерт- вый партизан? Не то что страшно, но на душе становится холодно...

Вчера я была у подрывников, Мария рассказала, что они пишут письмо комсо- мольцам автозавода Сталина. А пришел Павло и сказал, что уходит самолет. Я по- бегала, чтобы предупредить их и отнести конверты...

Поговорили о листовке. Ребята дали цен- ные указания. Жалко, что надо было идти на совещание и прервать беседу. У Алек- сея Михайловича как раз были дела — он что-то командовал, я была увлечена, мало обращала внимания, хотя мне было инте- ресно. А когда он освободился, мне уже надо было уходить.

О взводе надо писать. Пусть только хват- ит сил написать. Шире глаза, глубже мыс- ли! Сегодня мы идем туда беседовать.

Конечно, у партизан все не как у лю- дей. Все мерзнут в непогоду, а мы ругаем солнечные дни. На улице мороз щиплет носы, а «яркое солнце играет в косматой его бороде». Хорошо бы потрескивала кра- сивая березка — и было бы радостно греться у очага, но приказ категоричен:

— Не топить. Над лагерем не должен виться дымок. Наверху враги. В небе вра- жеские самолеты. Они ищут нас.

В землянке быстро стало холодно. Руки мерзнут писать. Пришли командир и на- чальник Щорсовского штаба: у них спор — построили ли мы полностью социа- лизм или еще не окончательно?

Спорт сначала двое. Теперь горячатся шестеро.

Откровенно говоря, в землянках неплохо. Куда тяжелее в походе. Какое страшное истязание для человека — голод и холод! И одно обычно сопутствует другому. Да я не хочу писать. Не хочу. Мне противны бе- личьи шубки и паразитические суще- ства — вроде красивой Н.

Не хочу. И некому писать.

Если бы Саша был жив!

Хорошо, когда люди понимают друг дру- га. Так хорошо, как не ценила я раньше. Никогда еще я так не ощущала великое значение в моей жизни надоевшей раньше, красивой фразы «хорошо, когда люди по- нимают друг друга»...

Саша! Саша! Самое красивое, самое луч- шее в моей жизни был ты...

Знаю, это никогда не повторится.

Благодарю небо, могу жить — потому, что внутреннее богатство дал мне ты.

Любимый! Нежная, благородная любовь моя...

Великое дело, когда характеры допол- няют друг друга и люди дышат, сердца бьются в унисон.

Я с радостью поговорила бы сейчас с Володей Павловым. Он хорошо понимает, то есть искренно, безыскусно старается это сделать. Сам прекрасно рассказывает. Скучно без друзей. Их еще нет.

Кстати, надо поговорить с Володей. Ему достается от ребят. Его разыгрывают, по- своему расценивая его частые визиты ко мне. А он ведь ни при чем.

Конечно, ему приказывает командир. Спрошу-ка я, поговорю с ним откровенно. Жалею, что его сейчас нет.

Скорее бы день прошел. Холодно. Но- мер готов. Его набирают. Делать прямо не- чего. Посплю. 3 часа дня.

Конечно, не спала.

Посмотрела в зеркало. Не понравилась. Лицо опухшее, под глазами намечаются мешки. Появились прыщи. Ох, уж эти мне железы внутренних секретов!..

Стреляют из орудий. Говорят, что бьют и минометы. Уже три операции у нас про- ходят неудачно. При последней погибло 5 и ранено 18.

Ночью был авиационный праздник. С самого вечера прилетели с Большой зем- ли и с Брянского фронта и «дугласы», и

Р-5, и У-2. Привезли кое-чего и увезли командира, Дружинина и Павло.

Сегодня улетает Мария. С ней посылаю письмо Ефиму Яковлевичу и хочу отдать дневник. Везти с собою рискованно, надо будет закапывать, а это меня, конечно, не устроит.

Вчера была интересная беседа с подрывниками. Разговорились просто. Писать будет что. И Алексей Мих. был откровенен: он недоволен своей судьбой, ему хотелось бы больших операций, большей активности.

Еще лучшее впечатление оставил Цимбалист. Он напоминает Сашу внутренним благородством и глубиной. Всегда легче, когда знаешь, что есть такие люди. Тем более около тебя, тем более здесь, тем более сейчас.

Договорились — я с ним иду в операцию. Только бы Петрик отпустил. Это, кажется, легче, пока нет Алексея Федоровича.

Опять солнышко — и вместе с ним в землянке появляется дежурный:

— Прекратить топить!

Моментально похолодало. Уже стынут руки.

Сегодня все пишут, готовят посылки домой. Я посылаю Ефиму Як. наш каганец, трофейный компас, бритву и партизанскую елочку.

Если бы я могла послать старику что-нибудь существенное — как приятно было бы! Ну, так хоть почувствует мое желание обрадовать его.

А жизнь идет.

Заходили шемакинцы — завтра уеду к ним за материалами.

Читаем очередной 5-й номер «Коммуниста», там мой подвальчик.

Вслух читаем сводку. Знаменательный последний час — наши взяли Россошь, передвинулись на 50—90 километров; и почти уничтожена сталинградская группировка.

Читаем. Кричим, радуемся. На душе празднично.

Вперед — через страшный бой к светлой победе!

За сына, За Москву не пожалею жизни! Все».

Диля не думала, что «все» окажется последним, написанным ею словом. Но им закончить рассказ о «Большой жизни маленькой Лили» (так говорят в Болгарии) нельзя.

Лили знают и помнят в Советском Союзе. Ее портреты можно увидеть в наших школах, где созданы дружины и отряды ее имени, а самое имя встретится на мраморных досках памяти павших и в Артеке, и в редакции «Комсомольской правды», и в Центральном доме журналиста в Москве.

В Болгарии память о дочери национальных героев чтут наравне с памятью ее родителей.

В центре города Лома воздвигнут монумент Александру и Георгии Кара-Стояновым. Поставлен скульптурный портрет и Лили.

Пионерский дом этого города носит ее имя. Здесь собрано множество документов, связанных с ее жизнью.

В ряду борцов против фашизма трое Кара-Стояновых занимают почетное место. Отданные ими одному делу жизни еще долго будут служить примером будущим поколениям.

Н. Митракова, Л. Самохвалова

Жить просто — нельзя! Жить надо с увлечением!

(Рассказ о юности С. П. Королева)

Эти слова, написанные Сергеем Павловичем Королевым еще в довоенные годы, сохранились на небольшом листке бумаги, пожелтевшем от времени. Они были девизом всей его жизни, на редкость целеустремленной, наполненной смелыми дерзаниями и огромным повседневным трудом.

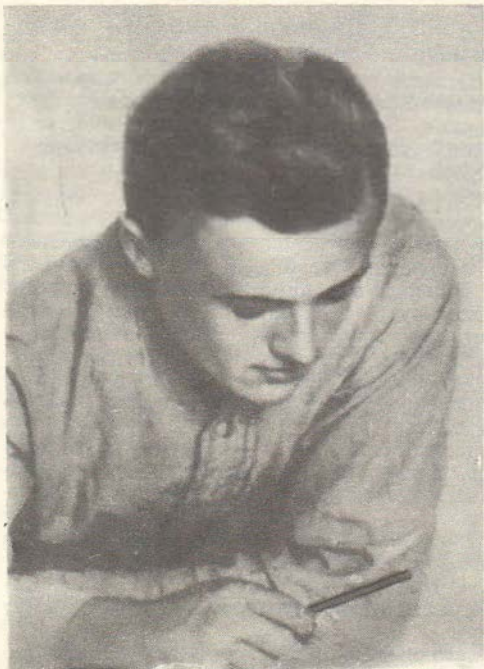
В личном фонде Сергея Павловича, который собирает сейчас Архив Академии наук СССР, среди документов, особенно бережно хранившихся Королевым, мы нашли переписанную его рукой исповедь-завещание талантливого американского летчика-испытателя Джимми Коллинза: «...У меня была мечта... Я не могу Вам сказать, в чем она заключалась. Могу только сказать, что желание летать было одним из ее проявлений. Так было в дни моей ранней молодости. Так было с тех пор, как я себя помню. Когда я стал старше, я почувствовал это еще сильнее. Такой большой мечте, такой сильной страсти нельзя противостоять.

И вот я стал летать.

Я помню эту мечту в дни моих первых полетов. Я помню вспышку славы и как ее сияние озарило мир и мою сверкающую молодость. Мечта творила меня. Она сотворила мою жизнь. Человек живет не одним лишь хлебом. Не может так жить»¹.

Такая же страстная мечта — летать овладела и пятнадцатилетним юношей Сергеем Королевым. Они были ровесниками, коллегами по профессии, оба стали коммунистами.

Но судьба Джимми Коллинза была трагична. Выйдя из рабочей семьи и рано оставшись сиротой, он благодаря своей энергии и настойчивости преодолел все препятствия и в числе лучших закончил военно-воздушную школу. Человек незаурядной одаренности, став летчиком высшего класса, из-за своих идейных убеждений не мог найти себе применения в мире

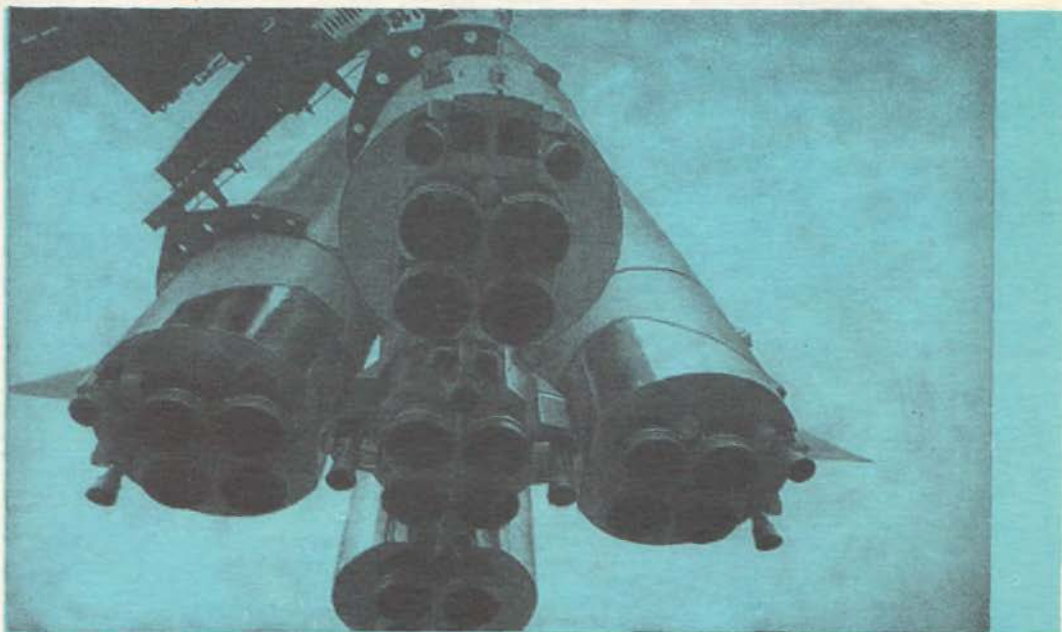
С. П. Королев. Начало 30-х годов.

бизнеса. Коллинз погиб при испытании нового бомбардировщика в пикирующем полете. За шесть месяцев до гибели он оставил свой некролог.

Мечта Сергея Королева воплотилась в космические корабли, которые первыми в мире вывели человека на околоземную орбиту и проложили пути межпланетных трасс.

В своей автобиографии, написанной уже в 50-х годах, очень сдержанно и лаконично Сергей Павлович рассказал о пути, приведшем его к разработке проблем космической техники: «...Среднее образование получил, окончив две последние группы строительной профшколы в г. Одессе по специальности рабочего строителя-черепичника. Далее учился 2,5 года на аэромеханическом отделении Киевского политехнического института, а в 1927 году, в связи с закрытием в КПИ этого отделения, был

¹ ААН СССР, ф. 1546, оп. 1, д. 16, л. 8.

Так выглядит одна из ракет, созданных под руководством С. П. Королева.

переведен на аэромеханический факультет Московского высшего технического училища имени Баумана (МВТУ) в г. Москву. МВТУ окончил в 1929 году, защитив в качестве дипломного проекта проект построенного к тому времени и летавшего легкого двухместного самолета своей конструкции.

За весь период учебы жил на свой заработок, работая с 1924 до 1927 года на разной работе (разносчиком газет, столяром и др.).

С 1927 года начал работать на заводах Всесоюзного авиационного объединения.

Имел свои осуществленные конструкции легких самолетов и планеров, а также написал ряд печатных работ по авиационной технике.

С 1929 года после знакомства с К. Э. Циолковским и его работами начал заниматься вопросами специальной техники...»²

Сохранившиеся документы и старые га-

зетные вырезки дополняют эти скурые строки.

Об отдельных эпизодах из детских и юношеских лет Сергея Павловича Королева рассказывает в своих воспоминаниях его мать, Мария Николаевна.

Мальчик рос смелым, настойчивым, фантазером. Когда ему было шесть лет, он увидел первый в его жизни настоящий аэроплан — это демонстрировал свои полеты известный летчик Сергей Иванович Уточкин. Немного позже, совместив этот очень запомнившийся ему полет с любимой сказкой о ковче-самолете, Сережа просит две простыни. Он хочет привязать их к рукам и ногам и с их помощью спрыгнуть с высокой фабричной трубы, стоящей во дворе их дома. В нереальности этой затее мальчика удалось убедить с трудом.

² ААН СССР, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 259, лл. 15—16.

С. Королев с родственниками. 1912 г.
Слева направо: няня,
А. Н. Москаленко (тетка),
М. М. Москаленко (бабушка),

Н. Я. Москаленко (дедушка),
М. Н. Королева (мать), С. Королев,
В. Н. Москаленко (дядя).

Учился он, по словам матери, всегда с большой охотой, шел первым учеником.

В 1923 году Сергей поступил в строительную профессиональную школу, где ребята наряду с общеобразовательными предметами работали в мастерских, на стройках, получали профессиональную подготовку строительных рабочих.

В эти же годы детская мечта о полетах все больше овладевает им. Он поступает в кружок по планеризму.

Чтобы не волновать мать, он не рассказывал дома о своих полетах. Мария Николаевна узнала об этом из случайной реплики сына: «Как-то я обратила внимание, что на редкость красивы на ярко-синем небе отдельные кучевые облака. Он мне неожиданно сказал: «Буду я летать немножечко смелее, обязательно тебя возьму, ведь сверху еще красивее смотреть на волнующееся розовое море облаков».

Так я узнала, что он уже летает на планере. Тогда это было дело новое и тре-

бовало большой смелости и самообладания».

Вместе со своими товарищами, такими же энтузиастами, как и он сам, Сергей вел занятия по планеризму с рабочими Одесского порта, читал лекции на заводах, привлекая молодежь к захватившему их делу.

Уже в это время Сергея увлекали не только полеты, он много читал об авиации, теории планеризма, начал серьезно осваивать высшую математику. В последнем классе профтехшколы им созданы первые собственные конструкции планеров. Одна из моделей была отмечена Обществом воздухоплавания и авиации Украины.

Так юношеская увлеченность становится делом всей его жизни, и никаких колебаний в выборе дальнейшего пути нет. Он решает стать инженером-авиаконструктором.

После окончания профтехшколы в 1924 году Королев в виде исключения был принят без экзаменов в Академию воздушного

флота. Основанием для приема послужил созданный им проект планера.

Но вскоре в Киевском политехническом институте открылось аэромеханическое отделение. На семейном совете было принято решение поступать туда.

В институт было послано следующее заявление: «Прошу принять в КПИ. Закончил первую строительную профтехшколу в Одессе. Имею стаж на ремонтно-строительных работах. Работал в губотделе Общества авиации, активно участвовал в конструкции самолета К-5. В течение года руководил кружком. Все необходимые знания по высшей математике и специальному воздухоплаванию получил самостоятельно.

С. Королев»³.

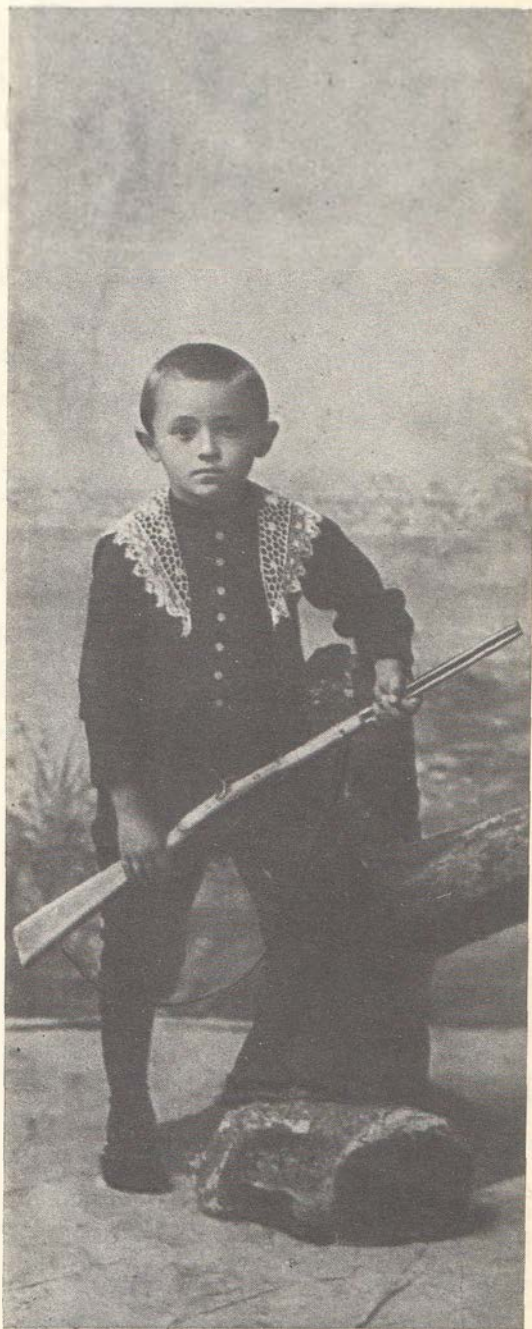
Начался новый период в жизни С. П. Королева — период упорной учебы и труда, формирования его как инженера-конструктора.

Наиболее плодотворными были годы обучения в Московском высшем техническом училище, куда Королев перешел после двух лет обучения в Киеве.

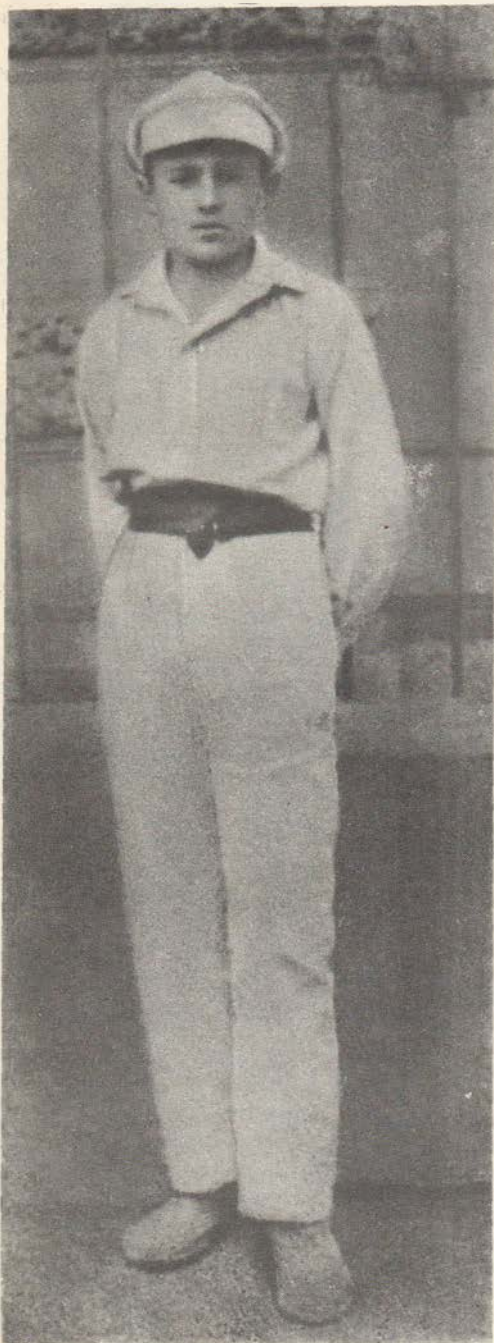
МВТУ было в то время центром подготовки авиационных инженеров. На факультете аэромеханики царил творческая атмосфера. Здесь сильны были традиции, заложенные Н. Е. Жуковским, здесь работали такие первоклассные преподаватели, как С. А. Чаплыгин и В. П. Ветчинкин. Создаваемая в стране новая авиационная промышленность требовала все новых и новых специалистов, ставила новые проблемы авиационной техники. К их решению факультет широко привлекал и студентов.

Уже в студенческие годы ярко проявились способности С. П. Королева, его умение воплощать конструкторскую мечту в схемы и чертежи летательных аппаратов. Он продолжает совершенствовать конструкции планеров, сам их испытывает, работает на авиационных предприятиях.

В 1929 году на VI Всесоюзных планерных состязаниях в Крыму Королев добился крупного успеха на созданном им вме-

³ «Московский комсомолец», 1968 г., 9 февраля. Из репортажа обозревателя ТАСС Романова А. П.

сте с С. Н. Люшиным планере «Коктебель».

Об этом свидетельствует краткая запись из дневника состязаний: «15 октября наблюдалось сильное оживление среди рекордсменов. Продолжительность полетов была до 3 часов, а молодой паритель Королев на «Коктебеле» парил 4 часа 19 минут»⁴.

А вот как сам Сергей рассказывает в письме к матери о подготовке к состязаниям и захватывающих минутах полета:

«Суббота. Пароход «Ленин».

С утра уже не видно ни кусочка земли, и нас окружают вода да небо, словно накрывшее наш пароход голубым колпаком.

Итак... еще один этап моего путешествия: я на пути в Одессу. Почему я выбрал морской путь, сейчас не могу вспомнить, но и не жалею об этом, так как ехать прекрасно. Я все время один в своей каюте. Отсыпаюсь вдоволь и досыта люблюсь морем. Приятно побыть одному среди такого количества воды, тем более что я первый раз совершаю такое «большое» морское путешествие.

Вчера еще, когда мы шли вдоль крымского берега, я все время торчал на палубе и не мог глаз отвести от Крымских гор, окутанных лиловатым туманом. До чего изумительно красивы их громады с каймой из белых облаков на вершинах!!! Места все страшно знакомые, порою узнаешь отдельные камни и скалы, на которых бывал так недавно.

Хорош все-таки Крым — воистину здравница всесоюзная, точно громадный сад, омываемый морем!

Только в утро моего отъезда из Коктебеля, когда я провожал авто, увозившее моих товарищей на старт, — только в это утро я почувствовал, как мне трудно уезжать одному, в то время когда все еще остаются. Одно утешение, что полеты кончатся в воскресенье, и я, в сущности говоря, ничего не теряю, а работы в Москве много — надо спешить в Москву скорей...

В этом году на состязании много новых впечатлений и ощущений, в частности у меня. Сперва прибытие в Феодосию, где все мы встретились в четверг, 24 сентября.

⁴ Ж-л «Авиация и химия», 1929, № 11 (40).

У.С.С.Р.

СПРАВКА.

НАРКОМПРОС

ОдессгуброФобр
Строй-Проф-Школа № I
8/УІІІ дня 1924 г.№ 175
г. Одесса, СтарапортоФранков
ская 18.

Дана сия т. КОРОЛЕВУ С. в том что он действительно состоял учеником стажир. триместра Строй-Проф. Школы в 1923-24 году уч. и сдал зачеты по следующим предметам:

1/ Политграмота	7/ история культуры
2/ русский язык	8/ украинский язык
3/ математика	9/ немецкий " "
4/ сопромат	10/ черчение
5/ физика	II/ работы в мастерских
6/ гигиена и охрана труда	

Место
печати

Зав Школой /подпись/

за Секретарь /подпись/

Зав. Школой
Л. Самохвалова 14Справка об окончании
стройпрофтехшколы. 1924 г.

Потом нескончаемый транспорт наших машин, тянувшихся из Феодосии на Узын-Сырт — место наших полетов. Первые два дня проходят в суете с утра и до полной темноты, в которой наш пыхтящий грузовичок АМО отвозит нас с Узын-Сырты в Коктебель. Наконец готова первая машина, и летчик Сергеев садится в нее и пристегивается. Слова команды, и Сергеев на «Гамаюне» отрывается от земли. Все с радостным чувством следят за его полетом, а он выписывает под нами вдоль Узын-Сырты виражи и восьмерки.

«Гамаюн» проходит мимо нас, и наш командир тов. Павлов кричит вверх, словно его можно услышать: «Хорошо, Сергеев! Точно сокол!» Все радостно возбуждены: полеты начались... Сергеев стремительно и плавно заходит на посадку. Проносится мимо палатки и кладет машину в

крутой разворот и вдруг... То ли порыв ветра или еще что-нибудь, но «Гамаюн» взбивается сразу на десяток метров вверх, секунду висит перед нами, распластавшись крыльями, точно действительно громадный сокол, и затем со страшным грохотом рушится на крыло... Отрывается в воздухе корпус от крыльев. Ломается и складывается, точно детская гармоника. Миг — и на зеленом пригорке, над которым только что реяла гордая птица, лишь гряда плоских колочих обломков да прах кружится легким столбом...

Все оцепенели, а потом кинулись туда, скорей, скорей! Из обломков поднимается шатающаяся фигура, и среди всех проносится вздох облегчения: «Встал, жив!» Подбегаем. Сергеев действительно жив и да-

С. Королев. 1928 г.

же невредим каким-то чудом. Ходит пошатываясь и машинально разбирает обломки дрожащими руками... Раз так — все в порядке, и старт снова живет своею нормальной трудовой жизнью. У палаток вырастают новые машины. Нас пять человек в шлемах и кожаных пальто, стоящих маленькой обособленной группкой. А кругом все окружают нас словно кольцом. Нас и нашу красную машину, на которой мы должны вылететь в первый раз. Эта маленькая тупоносая машина по праву заслужила название самой трудной из всех у нас имеющихся, и мы сейчас должны это испытывать.

Нас пять человек — летная группа, — уже не один год летающих вместе, но сейчас сомкнувшись еще плотнее. Каждый год перед первым полетом меня охватывает странное волнение, и хотя я не суеверен, но именно этот полет приобретает какое-то особое значение. Наконец все готово. Застигиваю пальто и, улыбаясь, сажусь. Знакомые лица кругом отвечают улыбками, но

во мне холодная пустота и настороженность. Пробую рули, оглядываюсь кругом. Слова команды падают коротко и сразу... Только струя студеного ветра в лицо... Резко кладу набор машину... Далеко внизу черными точками виднеется старт и нелепые вспученности гор ходят вперемежку с квадратиками пашен. Хорошо! Изумительно хорошо! У палатки собрана большая красная с синим машина. Кругом копошатся люди, и мне самому как-то странно, что именно я ее конструктор и все, все в ней, до последнего болтика, все мною продумано, взято из ничего — из куска расчерченной белой бумаги. Сергей (Люшин), очевидно, переживает тоже. Подходит и говорит: «Знаешь, право, легче летать, чем строить!» Я с ним сейчас согласен, но в душе не поборю всех сомнений. Не забыто ли что-нибудь и [не] сделано [ли] неверно, неточно?... Впрочем, размышлять некогда. Наш хороший приятель садится в машину и шутливо говорит: «Ну, конструктора, волнуйтесь!» Да этого и говорить не нужно, и мы прилагаем все усилия, чтобы сдержаться... А потом нас хором поздравляют, и вечером в штабе я слушаю, как командир (начальник возд. сил МВО) связывает мою роль летчика и инженера в одно целое, по его мнению, чрезвычайно важное сочетание. Впрочем, я с ним согласен. Наутро приказ: я вылетаю на своей машине сам. Все идет прекрасно, даже лучше, чем я ожидал, и, кажется, первый раз в жизни чувствую колоссальное удовлетворение и мне хочется крикнуть что-то навстречу ветру, обнимающему мое лицо и заставляющему вздрагивать мою красную птицу при порывах...

И как-то не верится, что такой тяжелый кусок металла и дерева может летать. Но достаточно только оторваться от земли, как чувствуешь, что машина словно оживает и летит со свистом, послушная каждому движению руля. Разве не наибольшее удовлетворение и награда самому летать на своей же машине?! Ради этого можно забыть все и целую вереницу бессонных ночей, дней, потраченных в упорной работе без отдыха, без передышки. А вечером... Коктейбель. Шумный ужин вместе, и, если все (вернее, наша группа) не устали, мы идем на дачу Павловых танцевать и слушать музыку. Эта дача — оазис, где можно отдохнуть за день и набраться сил для будущего. Впрочем, когда наступили лунные ночи, усидеть в комнате очень трудно, даже под музыку. Лучше идти на море и, вобравшись на острые камни, слушать ропот мо-

ря. А море шумит бесконечно и сейчас тоже и покачивает слегка наш пароход... Оно-то, наверное, и навяло мне это письмо, вероятно, самое большое из всех полученных тобою от меня...

Сейчас жду Одессу с нетерпением. Ведь именно в ней мною прожиты самые золотые годы жизни человека. Кажется, это так называется...

Целую тебя и Гри⁵.

Привет. Сергей⁶.

Вскоре после соревнований Королеву присвоено звание пилота-парителя с правом совершать полеты на всех типах планеров.

В эти же годы им были разработаны проекты планера «Красная звезда» и легкого двухместного самолета СК-4. О созданных конструкциях в разделе «Новости авиации» писала «Вечерняя Москва» от 2 апреля 1931 года: «В конце прошлого года известным инженером С. П. Королевым, автором планера «Красная звезда», на котором в прошлом году в Крыму тов. Степанченко впервые сделал мертвые петли, сконструирован новый тип легкого двухместного самолета СК-4. Летчик тов. Кошиц уже совершил на нем несколько опытно-испытательных полетов, которые показали хорошие качества новой машины».

Только тяжелая болезнь помешала Королеву самому испытать эти машины. Обычно он стремился сам пилотировать сконструированные им модели, чтобы более точно определить их летные качества и возможность внести усовершенствования. Для этого-то он закончил Московское летное училище и получил диплом летчика.

В самом начале 30-х годов С. П. Королев познакомился с трудами Константина Эдуардовича Циолковского о космических полетах человека. Смелые, многим тогда еще казавшиеся неосуществимыми, идеи выдающегося ученого увлекли молодого талантливого конструктора — ему было тогда 22 года. С этого времени вся многогранная деятельность и огромная энергия С. П. Королева была направлена на создание ракетной техники.

Прекрасная инженерная подготовка, большой конструкторский опыт и организаторский талант позволили Сергею Павловичу вскоре после окончания института возглавить творческий коллектив Группы по изучению реактивного движения (ГИРД) — одного из первых научно-технических отечественных центров по ракетной технике. Отличительной чертой Королева в подходе к

С. П. Королев. 1928 г.

решению проблем новой техники был реализм, который сыграл решающую роль на этапе первых практических шагов советского ракетостроения.

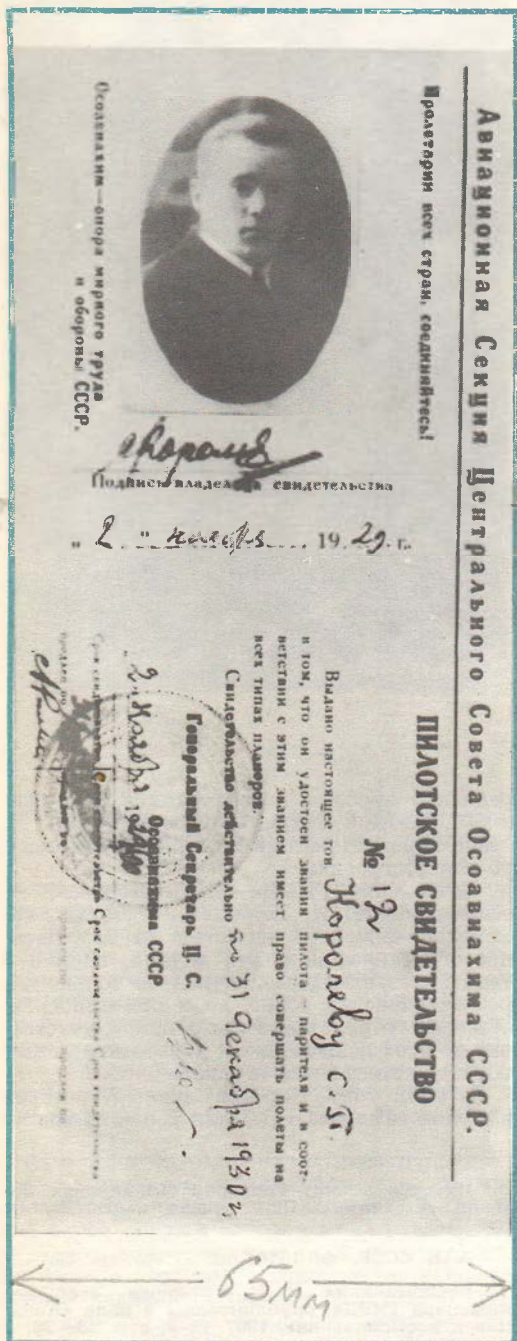
«Начальник ГИРДа С. П. Королев, — вспоминает Н. И. Ефремов, — тогда еще молодой инженер, несмотря на загруженность организационными делами, вникал в тематику всех подразделений не только через технический совет, но и при непосредственной отработке конструкций, участвовал во всех испытаниях и доработках новых образцов двигателей и ракет»⁷.

В 1932 году Королев лично участвует в облете самолета РП-1 для решения вопро-

⁵ Имеется в виду Григорий Михайлович Баланин — отчим С. П. Королева, выростивший его.

⁶ ААН СССР, ф. 1546, оп. 1, ед. хр. 25.

⁷ Воспоминания Н. И. Ефремова, старшего инженера ГИРДа, опубликованы в ж-ле «Авиация и космонавтика», 1967, № 9, стр. 26—30.

са о возможности установки на нем специального реактивного двигателя. Сохранились его донесения об этих полетах.

Об атмосфере творческой активности и увлеченности мечтой о космических полетах, о повседневной занятости практическими делами и горячем желании пропаганды в широких слоях молодежи основ ракетной техники ярко свидетельствуют письма С. П. Королева к Я. И. Перельману.

«31/7 1932 г.

Многоуважаемый Яков Исидорович!

Простите, что так долго молчал, но дела меня так одолели, что нет ни минуты свободной.

Вашу книжку получил вскоре после своего приезда из Ленинграда и с большим интересом прочитал ее — большое Вам спасибо за подарок.

К сожалению, здесь больше нигде нет ее в продаже, а я не успел захватить с собой для библиотеки.

Несмотря на большую нагрузку по линии разных экспериментальных работ, все мы очень озабочены развитием нашей массовой работы. Ведь несомненно, что базироваться только на военную современную засекреченную сторону дела было бы совершенно неверно. В этом отношении хорошим примером нам может послужить развитие нашего гражданского воздушного флота. Ведь прошло только 1,5—2 года, а как далеко и широко развернулось дело, как прочно сложилось общественное мнение! Поэтому нам надо не зевать, а всю громадную инициативу мест так принять и поправить, чтобы создать определенное положительное общественное мнение вокруг проблемы реактивного дела, стратосферных полетов, а в будущем и межпланетных путешествий. Нужна, и конечно в первую голову, и литература. А ее нет, исключая 2—3 книжек, да и то не всюду имеющихся.

Мы думаем, что вполне своевременно будет издавать целую серию (10—15 шт.) небольших популярных книжечек по Р. Д.⁸,

⁸ Ракетные двигатели.

Пилотское свидетельство С. П. Королева, 1930 г.

С. П. Королев в планере своей конструкции. 1929 г.

С. П. Королев, С. Н. Люшин и летчик-испытатель К. К. Арцеулов. Коктебель, 1929 г.

причем в каждой книге осветить какой-либо один вопрос, например: «Что такое Р.Дв», «Топливо для Р.Д.», «Применение Р.Дв» и т. д., но популярных и в то же время технических книг, в дальнейшем могущих быть замененными серией более специальной литературы.

Вообще у нас слишком много написано всяких сложных и несложных вещей и расчетов о том, как будет межпланетный корабль приближаться к Луне и что с ним будет происходить в пути и т. д., а вот для кружковца-гирдовца, жаждущего поучиться, поработать, — для него материала абсолютно нет. В письме приходится писать очень сжато, но я думаю, что Вы поняли мою мысль. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу и ту конкретную форму, в какой Вы себе представляете такого типа литературу. На кого она должна быть рассчитана главным образом, темы, размеры и пр. Может быть, и Вы согласились бы принять участие в этой работе и написать кое-что?

Вы знаете, наверное, что предполагено праздновать юбилей Циолковского. Когда это будет точно, я не знаю, но пока что находятся люди, которые прямо-таки заявляют, что празднование этого юбилея неце-

лесообразно, что, мол, оно поставит в несерьезное положение всех работников Р.Д. и т. п., что празднования не следует делать и т. д. К сожалению, все это говорится людьми, имеющими достаточно большой вес, чтобы с ними не считаться.

Мнение ГИРДа в этом деле будет решающим, и поэтому мне очень хотелось бы знать мнение Ленинграда, и в частности Ваше, многоуважаемый Яков Исидорович.

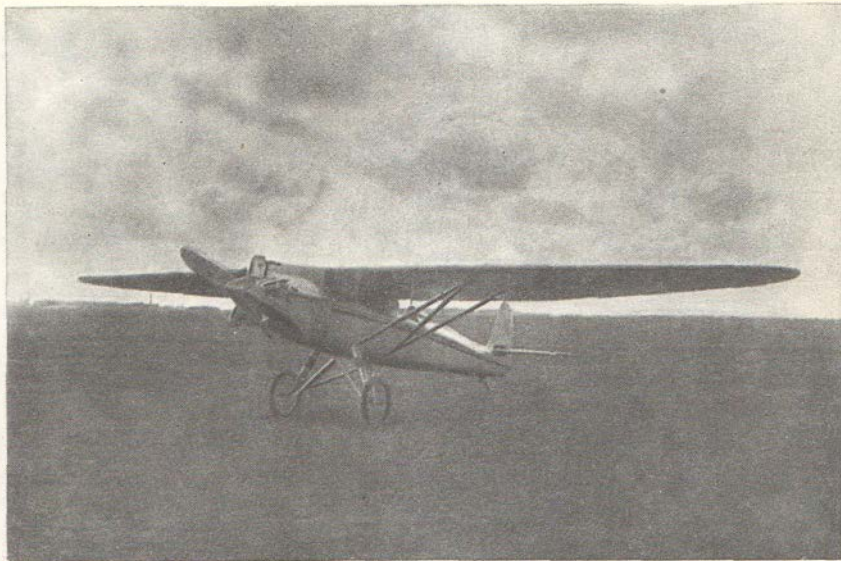
Очень давно не имею никаких вестей от ЛенГИРДа, как идут дела по проектированию? Был ли проведен пленум ЛенГИРДа, он, кажется, был назначен на 22 июля. Мы здесь пленумов не созываем, так как каждое заседание ГИРДа так многочисленно, что само по себе является пленумом.

Сейчас ставят вопрос о созыве Всесоюзного съезда по Р.Д., но я еще очень неясно представляю себе вопросы и задачи, стоящие перед таким съездом. Не преждевременно ли?

Всего наилучшего.

Искренне уважающий Вас

С. Королев».

Самолет SN-4, дипломный проект
С. П. Королева. 1930 г.

«18/04 1935г., Москва

Глубокоуважаемый Яков Исидорович!

Ваша просьба поставила меня в довольно затруднительное положение, так как что, собственно, можно сказать рядовому инженеру о своей личной работе? Характеризовать работу моих товарищей по институту⁹ мне тоже не хотелось бы. Могу сказать, что они очень знающие люди, глубоко преданные ракетному делу и мечтающие о будущих высоких путях наших советских ракет. Я лично работаю главным образом над полетом человека, о чем 2 марта с. г. я делал доклад на I Всесоюзной конференции по применению ракетных аппаратов для исследования стратосферы в гор. Москве. Этот доклад будет напечатан в июне — июле в «Технике возд. флота» или в «Самолете» (точно еще не знаю).

Полагаю, что для Вашей работы он представил бы известный интерес своим изложением и выводами, тем более что весь материал оглашался впервые. Конференция решила строить в текущем году крылатую ракету-лабораторию для полетов человека на небольших высотах (до 6—8 км). Вот сейчас и работаю над этой темой.

Очень большое значение придаю воздушным реактивным двигателям, над которыми работает Юрий Александрович Победоносцев (у нас же в РНИИ).

РНИИ занимается полным комплексом вопросов по созданию разных ракетных летательных аппаратов, по ряду частных прикладных случаев использования ракетных двигателей плюс многочисленные побочные и сопутствующие исследования. Работаем над созданием ракетных двигателей на разных топливах, над стратосферными ракетами и над крылатыми ракетами для полета человека. Боюсь, что все сказанное мною очень мало поможет Вам в составлении соответствующего раздела В[ашей] книги, но на эту тему писать довольно трудно.

Если Вам что-либо понадобится еще, то обязательно напишите мне, и я постараюсь, если это будет возможно, ответить Вам. Ваши книги я всегда читал с большим удовольствием и поэтому буду ждать выхода в свет и этой Вашей работы. Хотелось бы

⁹ Имеется в виду Ракетный научно-исследовательский институт, созданный на базе ГИРДа и Ленинградской газодинамической лаборатории (ГДЛ).

-1-

"Клеветы" в 1929 г.

Суббота.. Понедельник "Миним"

Сутра утре невидно ни кривата тени
и нас окружават вода да небо, словно
накувиле. наш паромол голубини
колчаном.

Итак ... еще один этап моего
путешествия: я на пути в одессу.
Почему я выбрал военный путь -
сейчас не могу вспомнить, но и не
знаю об этом, т.к. есть трудности.
Я все беру один в свои карго
отсутствие вдоволь и достаю надруг
лицем. Куплено подобие одному
среди разных компаний лодки,
тем более, это я и ввела раз собрание
наше "Большое" военное путеше-
ствие.

только, чтобы Вы в своей дальнейшей работе, как знающий ракетное дело специалист и автор ряда прекрасных книжек больше уделили бы внимания не межпланетным вопросам, а самому ракетному двигателю, стратосферной ракете и т. п., так как все это ближе, понятнее и более необходимо нам сейчас. А ведь на межпланетные темы написано очень много всякой чепухи, которая и посейчас еще сильно вредит нам.

Вот на днях в одном журнале мне прямо сказали: «Мы избегаем печатать материал по ракетному делу, так как все это лунные фантазии и т. п.». И мне большого труда стоило их убедить, что это не так, что ракеты — это оборона и наука.

Очень бы хотелось видеть и Ваши прекрасные книжки в рядах тех работ, которые агитируют за ракетное дело, учат и борются за его процветание. А если это будет, то будет и то время, когда первый земной корабль впервые покинет Землю. Пусть мы не доживем до этого, пусть нам суждено копошиться глубоко внизу — все равно, только на этой почве будут возможны успехи.

Простите, что заболтался я на такие общепонятные темы. Всегда буду рад получить от Вас известие о Вашей работе, и хоть и загружен я выше всякой человеческой меры, но с удовольствием отвечу Вам.

Искренне уважающий Вас

С. Королев»¹⁰.

Уже первые годы упорного, кропотливого труда дали свои практические результаты: 17 августа 1933 года с нахабинского полигона стартовала первая советская ракета 0,9, набрав высоту 400 метров; 5 мая 1934 года поднялась в воздух первая советская крылатая ракета.

Итоги этих работ и теоретические проблемы, связанные с дальнейшей перспективой разработки ракетной техники, были изложены С. П. Королевым в книге «Ракетный полет в стратосферу». Она была послана К. Э. Циолковскому в знак глубокого уважения к его опередившим время смелым научным дерзаниям, которые уже начали воплощаться. В одном из писем к замести-

Мария Николаевна Баланина (мать С. П. Королева).

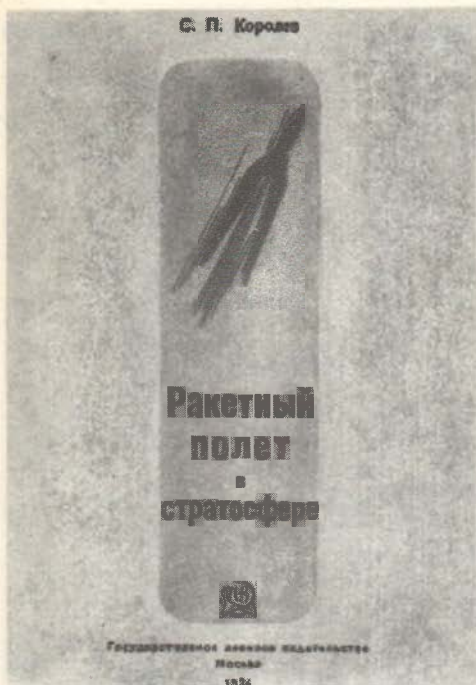
телю председателя Комитета по изучению стратосферы В. А. Сытину К. Э. Циолковский отметил эту работу: «С. П. Королев прислал мне свою книжку «Ракетный полет», но адреса не приложил. Не знаю, как поблагодарить его за любезность. Если возможно, передайте ему мою благодарность или сообщите его адрес. Книжка разумная, содержательная и полезная...»¹¹

Но самое заветное желание Сергея Павловича — осуществление ракетного полета человека. На разрешение этой задачи были направлены его основные усилия.

Первая страница письма к матери. 1929 г.

¹⁰ ААН СССР, ф. 796, оп. 3, ед. хр. 36.

¹¹ ААН СССР, ф. 555, оп. 3, ед. хр. 152, л. 11.

Обложка книги С. П. Королева.

В марте 1935 года в докладе на Всесоюзной конференции по применению реактивных летательных аппаратов к освоению стратосферы со свойственной ему ясностью цели и практическим подходом к решению самых сложных вопросов С. П. Королев особо подчеркнул, что «крылатая ракета имеет большое значение для сверхвысотного полета человека и для исследования стратосферы. Задача дальнейшего заключается в том, чтобы упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми высоты страто- и ионосферы»¹².

Все возрастающий объем ракетных исследований и их захватывающее будущее

были с чувством глубокого удовлетворения отмечены в приветствии, направленном К. Э. Циолковскому участниками конференции:

«Мы уверены в блестящих перспективах развития реактивного летания в нашей стране. Наши советские ракеты должны летать выше и дальше, чем ракеты какой-либо другой страны в мире.

В виде ракет советская наука получает ценнейшее техническое средство для изучения физических свойств верхних слоев атмосферы. При помощи реактивных моторов будут успешно решаться многие задачи, связанные с созданием советских стратопланов, что подготовит почву для осуществления самой смелой идеи человеческой мысли, над которой Вы много лет успешно работаете, — идеи межпланетных сообщений».

Среди других членов президиума Всесоюзной конференции под приветствием Циолковскому стояла подпись С. П. Королева, который вместе с возглавляемым им коллективом вплотную подходил к осуществлению полета человека на реактивном летательном аппарате.

Первый управляемый полет с ракетным двигателем был совершен летчиком В. П. Федоровым на планере конструкции С. П. Королева (СК-9) 28 февраля 1940 года. Это была исторически важная и необходимая ступень в овладении человеком ракетной техникой.

Через 20 лет сбылась и страстная мечта С. П. Королева о полете человека в космос.

Родина доверила ему возглавить подготовку к штурму космоса, и он блестяще справился с этой задачей. 12 апреля 1961 года космический корабль, созданный под его руководством, впервые в мировой истории вывел советского человека на околоземную орбиту. Полетом Юрия Гагарина началась эра освоения человеком космического пространства.

В трудные годы подготовки этого штурма С. П. Королев пишет письмо своей дочери Наташе: «Наташа, через несколько дней наступает день твоего совершеннолетия, и ты по праву можешь считать себя взрослым человеком. От всего сердца приветствую тебя в этот день и желаю быть достойным гражданином нашей великой Советской Родины.

¹² Ж-л «Техника воздушного флота», 1935 № 7, стр. 56.

Группа гирдовцев на полигоне после испытаний. 1935 г. Второй справа — С. П. Королев.

Несмотря на тяжелые испытания, которые мы все вынесли за минувшие годы, ни на один миг наша Родина не оставляла заботы о тебе. Как ни было трудно, но ты росла и училась и жизнь для тебя была светлой... Помни об этом всегда и всегда люби наш народ и землю, на которой ты выросла. Это я тебе желаю во всем и навсегда!

Желаю тебе также радостного труда, хорошей учебы, а также счастья в твоей личной жизни. Я не сомневаюсь в твоих успехах в учебе и работе.

Ты выбрала себе благородный путь в жизни, и я уверен, что ты окажешься достойной своего избрания.

Личная жизнь во многом в твоих руках, а хороших людей на свете много встретишь.

Будет и большая любовь и дружба — все это обязательно будет!

Сейчас я нахожусь опять далеко от тебя, но 10 апреля знай, что буду тебя вспоминать, здесь, в этой пустыне.

Не забывай своего отца, который тебя очень любит, всегда помнит и никогда не позабудет.

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую. Всегда твой друг Сергей»¹³.

Эти слова выдающегося конструктора и ученого, воплотившего свою мечту в космические корабли, могут быть обращены ко всей советской молодежи, вступающей в жизнь.

¹³ ААН СССР, ф. 1546, оп. 1, ед. хр. 26.

5 апреля 1953г.

(1)

Кашама — через несколько дней
наступают дни своего содружества
и тебе по прозу морены считают
себя взрослым человеком.

От всего сердца уверяю тебя
в зрании дел и делаю лишь доводо-
выми графическим нашей великой
Советской Родины.

Решаются на потребности человека,
каждые мы все делаем за мигу-
щие часы, ни на один шаг наша
Родина не оставила забуги ордена.
Как шило трудно — но за роста
и усталость и труды для себя наша

С. П. Королев и Ю. А. Гагарин.

Люсик Лисинова. Офорт художника А. Захаряна.

Кровью сердца...

Л. Петропавловская

(О дневнике и воспоминаниях А. Столярова)

Среди многочисленных свидетельств участников Великой Октябрьской социалистической революции дошли до нас дневники и воспоминания Алексея Столярова.

Сын сельского учителя Алексей Константинович Столяров, подобно многим другим представителям трудовой интеллигенции, рано связал свою судьбу с революционной борьбой. Став студентом Московского коммерческого института¹, он вступает в партию большевиков. После Февральской революции участвует в создании «Союза рабочей молодежи III Интернационал», впервые возникшего под руководством большевиков в Замоскворецком районе Москвы. Совместная работа в партии и Союзе молодежи сблизила и сдружила его с группой студентов-большевиков Коммерческого института, среди которых была и Люся Лисинова.

Замоскворецкий райком партии прикрепил А. Столярова, Л. Лисинову, Е. Карманову,

¹ Ныне Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Е. Троицкую и др. в помощь «Союзу рабочей молодежи III Интернационал».

Имя Люси Лисиновой, погибшей в дни Октябрьских боев 1917 года в Москве и похороненной в братской могиле у кремлевской стены, широко известно многим. В ее честь Малая Серпуховская улица в Москве названа Лисиновской, здесь находилась студенческая кооперативная столовая, бывшая местом сбора замоскворецких большевиков.

Наиболее интересные из сохранившихся писем Люси уже опубликованы². О ее революционной деятельности и гибели известно из написанных о ней очерков и статей³.

Но мало кто знает о жизни и деятельности А. Столярова. И лишь немногие знают, что верная дружба и большая искренняя любовь связывала Люсю Лисинову и Алексея Столярова. Об этом сокровенном для нее чувстве она почти не писала своим сестрам. Только два три раза, и то косвенно и вскользь.

Летом 1917 года Алеша едет с Люсей к ней домой в Тифлис. Но туда доходят вести о предательстве меньшевиков и эсеров и расстреле в Петрограде июльской демонстрации рабочих и солдат, о том, что Временное правительство готовит арест Владимира Ильича Ленина и суд над ним.

Резкие нападки, гнусные клеветнические обвинения, которые буржуазные газеты обрушили в эти дни на большевиков, свидетельствовали о том, что политическое положение резко осложнилось.

Люся с Алешей решают возвратиться в Москву.

После VI съезда РСДРП(б) и еще более активно после разгрома корниловского мятежа начинается подготовка к вооруженному восстанию. Под руководством большевиков формируются красногвардейские отряды, добывается и изготавливается оружие. Замоскворецкий райком партии большевиков организует обучение рабочих стрельбе. Люся Лисинова, окончившая еще в Тифлисе курсы медсестер, учит девушек-работниц оказывать первую помощь раненым. Алеша Столяров по поручению Замоскворецкого райкома большевиков работает в это время в редакции газеты «Социал-демократ» — органе московских большевиков.

Наступил октябрь 1917 года.

«Ура, может, завтра в Питере Советы возьмут власть в свои руки... — писала Л. Лисинова родным. — Да здравствует международный Совет рабочих депутатов».

Вскоре вся Москва узнала о том, что петроградские рабочие, солдаты и матросы взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство, что на II Всероссийском съезде Советов образовано Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, председателем которого избран Ленин.

В Москве создается партийный большевистский военный центр для руководства восстанием и Военно-революционный комитет. По районам Москвы передается телефонограмма: «Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат...»⁴

Вокруг Замоскворецкого военно-революционного комитета, где военными операциями руководил профессор астрономии, участник революции 1905—1907 годов П. К. Штернберг, сплотился крепкий большевистский актив.

А. Столяров нес патрульную службу, ходил на обыски, передавал донесения, ходил в разведку. Л. Лисинова была одним из секретарей Замоскворецкого военно-революционного ко-

митета и почти все время находилась в штабе. Несклько раз они вместе шли на задания: участвовали в разведке, передавали донесения, приносили в штаб инструкции центра.

Ожесточенные бои происходили на Остоженке⁵, где находился штаб Московского военного округа — опорный пункт белогвардейских войск. Надо было все время укреплять Остоженские позиции новыми бойцами. Их посылали туда небольшими отрядами, в 5—10 человек — так легче было пробраться.

Вот в составе одного такого небольшого отряда и пришли на Остоженку А. Столяров и Л. Лисинова. Это было 1 ноября 1917 года. И здесь же во дворе одного из переулков в глазах у Алеши и других красногвардейцев белогвардейцы убили Люсю...

А через несколько часов рабочая Москва торжествовала победу. Социалистическая революция победила.

В эти дни (5 ноября 1917 года) Алеша вновь возвращается к своему дневнику, который он начал 19 апреля 1917 года. Это было накануне отъезда в Петроград, куда он был направлен в качестве гостя на VII Апрельскую Всероссийскую конференцию. И Люся тоже была там. Последняя запись сделана была еще 23 августа...

Думы о Люсе, живой и мыслящей, страдающей и радующейся, захлестывают его. И он записывает все, что вспоминается ему: их возвращение из Тифлиса в Москву, дни, выстеленные радостью разделенной любви, первую размолвку и примирение... Мысли его отрывочны, и он опять в своих воспоминаниях возвращается назад в Коджоры — предместье Тифлиса, — где были они вместе с Люсей на даче у ее родных, затем снова пишет о том, как они ехали из Тифлиса в Москву, приводит почти дословно тот памятный разговор в поезде, когда произошло между ними объяснение...

Он воспроизводит навсегда запомнившиеся ему слова Люси в минуты, когда он сомневался в своих силах, а она подбадривала его, укрепляла его веру в себя.

«Она была хорошей марксисткой и замечательно умной девушкой. Когда мне было тяжело, я обращался к ней, и она умела разрешить многие вопросы, какие я разрешить не мог».

Он ясно сознавал, что она была духовно сильнее его, мужественнее, тверже.

В последующих записях дается много подробностей о начавшихся Октябрьских вооруженных боях, о положении в Замоскворецком районе. Но в центре всего повествования — Люся. Он старается записать дорогие его сердцу подробности. И хотя его воспоминания безусловно достоверны, тем более что написаны они буквально через несколько дней после свершения событий, и дают много ранее неиз-

² См. журнал «Юность» № 6, 1957; сборник «Октябрь в Замоскворечье», М., 1957; сборник «Вышли мы все из народа», 1963 и 1966 и др.

³ См. журнал «Работница» № 10, 1957; сб «Они жили для тебя», М., 1964; сб. «Вечная слава», М., 1967, а также Л. Петропавловская, «Люсик Лисинова». М., Политиздат, 1968.

⁴ Партархив МК и МКГ КПСС, ф. 3, оп. 1. ед. хр. 4, кор. 1. д. 112.

⁵ Ныне Метроостровская.

вестных фактов, относящихся к деятельности Л. Лисиновой в дни Октябрьских боев, тем не менее не следует забывать, что в документе этом дается все же несколько однобокое, субъективное освещение событий. Во-первых, писал он в состоянии тяжелого душевного потрясения, поэтому не всегда мог дать объективную оценку фактам. Во-вторых, записи эти делались для себя, и он вовсе не заботился о том, чтобы давать полное освещение тех или иных событий, а говорил о самом для него дорогом и важном: о своих взаимоотношениях с Люсей. Таким образом, личное дается здесь первым и крупным планом, а общественное, важнейшие события, связанные с боями, упоминаются лишь мимоходом или служат как бы фоном повествования. Так, говоря о своих встречах в дни Октябрьских боев с Люсей, он описывает в большинстве случаев те редкие часы, когда она не была занята работой в ревюеме. О ее деятельности там он упоминает вскользь. Например: «Люсю задержали в штабе». А за этой лаконичной фразой подразумевалась напряженная и многообразная работа. Будучи одним из секретарей Замоскворецкого ВРК, она не только принимала донесения, но участвовала в организации, а затем в деятельности Красного Креста, организовывала реквизиции оружия и автомобилей, принимала пришедших с позиций связанных — в общем выполняла целый ряд разнообразнейших обязанностей, как и другие секретари ВРК. Не пишет он и о том, что в последний день перед смертью она под видом белогвардейской санитарки дважды пробиралась на Остоженские позиции, чтобы передать распоряжения штаба и узнать о положении дел. Обо всем этом он не упоминает, ибо в центре его внимания было совсем другое.

В этих записях Стоялова много сокровенного, интимного. Часть такого рода страниц приводится с купюрами. Однако нам кажется, что было бы неверным совсем скрыть то, что уже принадлежит истории, а следовательно, людям будущего. И современному молодому читателю полезно знать не только то, как работали и боролись люди, сражавшиеся за победу Советской власти, но и как они любили, как решали те моральные, этические вопросы, которые волнуют молодежь каждого поколения. Ведь многие борцы революции, имена которых мы читаем в названиях улиц, черты которых узнаем в скульптурных портретах, тоже любили и страдали, волновались и трепетали, потому что ничто человеческое не было им чуждо.

Люся страстно хотела беречь то высокое и чистое в их отношениях, которое (она боялась этого) могло бы ослабеть, а может быть, и исчезнуть под натиском других более сильных и вместе с тем грубых чувств. Но было и нечто другое, что властно заставляло ее оставаться для Алеши, такого любимого и желанного, голько другом. Это — ясное сознание того, что теперь, когда совершается колоссальный сдвиг истории, когда оба они являются борцами, рядовыми солдатами великой классовой битвы, теперь не время растворяться в личном счастье. Многие борцы революции и гражданской войны в те годы считали, что не время обзаводиться семьей и устраивать свое счастье, пока не завершено еще великое дело революции, служению которому отдали они свою жизнь. Поэтому, несмотря на сильное влечение друг к другу и тесную душевную близость, отношения Люси и Алеши оставались целомудренными.

«Тогда, как и всегда после, мы были прежде или лучше — только товарищами. Но в этом была бесконечная нежность, женственность и чуткость», — писал А. Стоялов.

Но они не могли запретить себе любить и любил со всем пылом юности — горячо и чисто, — и эта их любовь не мешала, а помогала их борьбе и работе, наполняя жизнь радостью и светом...

Следующие записи в дневнике сделаны спустя почти целый год и относятся к концу 1918 года. Они отражают смятение чувств и борьбу, проходящую в его душе. С одной стороны — прорывающаяся через все муки радость бытия: приближается первая годовщина Октябрьской революции. «Хотелось что-то запеть, что-то свое большое и красивое. Крикнуть о борьбе, победе и о коммунизме», — пишет он. С другой стороны — непроходящая тоска по Люсе. Он все еще не хочет примириться с тем, что ее нет.

Последняя запись — 5 октября 1919 года. Стоялов уже может как бы со стороны посмотреть на себя, перед тем как окончательно бросить дневник: «Мне было плохо прошлой зимой. Я был болен так, как никто не мог подозревать. И вот теперь мне лучше». Дневник заканчивается словами: «И путь у меня прямой».

Тяжелый душевный кризис, вызванный смертью Люси, преодолен, он вышел из него победителем, он опять может жить, работать.

Во время гражданской войны он с оружием в руках защищает Советскую власть. Затем ведет партийную работу в Москве, Баку, в Донбассе и в других местах.

В 1922 году А. Стоялов в числе первых слушателей созданного по инициативе Владимира Ильича Ленина Института красной профессуры. Свойственный ему от природы философский склад мышления находит свое дальнейшее развитие в его трудах по марксистско-ленинской философии.

«Труды А. К. Стоялова, — читаем мы в статье, посвященной его памяти, — убедительно показывают, что он сумел правильно понять учение В. И. Ленина о социалистической культуре и пропагандировал его основные положения в массах народа. Всюду, на любом участке своей работы, он беззаветно и до конца своей славной жизни верно служил делу партии. Его плодотворная и вдохновенная деятельность была рано оборвана»⁶.

До самых последних дней своих он сохранил благоговейную память о Л. Лисиновой.

Дневники и воспоминания А. К. Стоялова много лет пролежали в семейном архиве. И только в 1957 году некоторые небольшие выдержки из них (главным образом относящиеся к Октябрьским боям) были опубликованы⁷.

В этом наиболее полном объеме дневники и воспоминания А. К. Стоялова публикуются сейчас впервые.

⁶ Журнал «Вопросы философии» № 12, 1967; М. С. Каспарова, И. А. Анчишкин, А. Л. Максимов, «Памяти А. К. Стоялова».

⁷ См. сборник «Октябрь в Замоскворечье». М., 1957.

А. Столяров

Из дневника и воспоминаний

19 апреля 1917 г.*

Завтра уезжаю в Питер¹. Кажется, уезжаю... Илья — один из комитетчиков района — протестует. Говорит, что здесь нужны работники.

Начал писать. Хотел писать о 1 Мая. И вот услышал в соседней комнате слово о «ленинцах». Вступил в спор с гостем отца, «интеллигентом», со злостью заявил, что «всем надо побольше почитать». Вообще... «срезал». И теперь не могу дальше писать дневник.

2 мая 1917 г.

«...Изменения общественной жизни совершаются с такой быстротой, что в сравнении с ней изменения природы мало заметны» (Л. Клейнборт, О партии и партийности).

Редко, но последнее время все чаще бывает у меня такая полоса настроений, когда непреходящие факты и демагогические выкрики создают настроение и уверенность в победе. Сердце еще тревожно, и настроение готово скакать, но над этим и сквозь это, как солнце сквозь дождь, почувствовал величественность и железную неизбежность мировых событий. Грандиозная история творится на наших глазах. Вопреки всем препонам и падениям — впереди солнце социализма. Что бы ни случилось теперь, мы победим. «Мы» — наши идеи... Мир всего мира, социализм придет на землю... Может быть еще год ужасов и голода. Может быть еще разгром единственной революционной партии России, партии людей, готовых «штурмовать небо». Пусть даже победа капитализма, милитаризма, реакции, которая отбросит человечество на 50 лет назад! В результате снова будет развитие империализма и борьба: новые битвы людей, штурмующих небо, с грязной сворой

дураков, капиталистов и ренегатов. И так или иначе — победа.

История делается не отдельными людьми. Уверенность, спокойствие и работа. Только бы солнце светило и можно было бы жить и учиться, и учить.

Таково «настроение». В нем различают два элемента: 1) субъективный: «настроение», солнце, желание жить и спокойно и уверенно работать; 2) объективное: история делается не «настроениями», не отдельными фактами и выпадами; материалистическое понимание истории и законы исторического развития.

Я третьего дня приехал из Петербурга со Всероссийской конференции. Пока сижу дома и никуда не выхожу. Формально — потому, что отдал в починку башмаки. Фактически... и потому также, что не хочется бегать по митингам, хочется отдохнуть и позаниматься, почитать.

На конференции на меня, конечно, влияла спокойная уверенность Ленина и его друзей и самое обсуждение общественных вопросов «с высоты птичьего полета», а не с точки зрения настроения момента. А ведь раньше так и бывало: прочтешь в «Русском слове» или в «Р. ведомостях» что-нибудь «сногшибательное» о большевиках, и руки опускаются; и ненависть и чувство собственного бессилия. Прочтешь хорошие номера «Соц.-демократа», «Известий», «Солдата-гражданина», и снова бодрость и уверенность в победе. Довольно! Этого не должно быть. И пусть этого не будет!

14 мая 1917 г.

У меня охота писать беллетристику. Должно быть, ничего не поделаешь: весна, солнце, усталость от работы, веселый летний шум со двора — все вызывает определенные чувства, радостное, спокойное настроение, желание жизни, ярко освещенной лучами солнца. Кажется, именно по весне у меня является желание писать. Я думаю (мечтаю — маниловщина) о том, чтобы мог бы писать «записки пораженца». Писать, читал я где-то, имеет смысл только в том случае, если автор может вложить и вкладывает в свое произведение новую идею, которую желает передать «всем, всем, всем». Если автор хочет сказать что-то новое, свое. Что же я сказал

* Здесь и далее даты даются по старому стилю.

¹ А. Столяров был на VII Всероссийской Апрельской конференции в качестве гостя от Замоскворецкого района Москвы.

бы? Чем бы были мои произведения? Протестом против создавшейся культуры, цивилизации, проповедью новой жизни, проповедью новой философии, приемлющей жизнь как преходящее. Я протестовал бы против гнусного патриотизма, этого отвратительного пережитка, искусственно культивируемого в людях. Я протестовал бы против интеллигенции, которая только потому называется «интеллигенцией», что презирает всякое знание, топчет всякую истину, грязнит и развращает все истинно интеллигентное; я протестовал бы против подлой буржуазной интеллигенции. Я протестовал бы против всего уклада жизни и человеческих отношений, который установился и развращает души людей неискренностью, жадностью, пошлостью. Притворство, слащавость, обман, рисовка, «стыдливость», «принятость» движений, отсутствие смелого, свободного, честного в отношениях друг к другу — вот удел нашего «общества». Я протестовал бы против этого, потому что я сам, изломанный общественными условиями, касался иногда иного мира, видел иную жизнь. Я развернул бы картину жизни, которая представляет в зачатках отношения коммунистического общества — жизни нашей, свободной от традиций, коммунистической молодежи. Я рисовал бы просвечивающее сквозь грязь принятых отношений прекрасное жизни, яркие, солнечные пятна, душистость роскошных полевых трав, нежность любви, какой не знает буржуа, любви и дружбы и наслаждения душой любимого человека, жажду знаний и наслаждений ими, красоту душевных исканий, страданий чуткой философской души, прекрасность жизни, всей жизни и смерти...

...Жизнь текуча, жизнь есть процесс; личность также процесс — вот что хотел бы сказать я. Этот процесс, прекрасный по существу в своем целом, загрязнен до невероятности общественными формами, в которых он протекает. Эта грязь понемногу начинает опадать, боритесь с ней, сбросьте ее! — вот что хотел бы сказать я. Презрение культурной черни! Да здравствуют новые люди, новая жизнь!
21 мая 1917 г.

В эти дни, когда личное и общественное, чудесно переплетаясь, приносят мне столько дум и страданий, меня ничто не волнует так сильно, как вопрос о патриотизме и военной позиции наших и всемирных андреевых и шиловых, с одной стороны, и космополитизм и интернационализм стойкой кучки людей другого типа...

Алексей Столяров.

...Татур и К° называют себя соц.-революционерами, борются с нами на митингах, называют нас в своих листовках немецкими шпионами, а еще вчера (хотя бы и не в буквальном смысле) они шли во главе 4-тысячной студенческой манифестации с трехцветными знаменами, с портретами Николая II, под звуки «национального гимна» «Боже, царя храни!»... Я их презираю до слез — маленьких и больших, «плюющихся в врага громкими патриотическими тирадами».

Меня очень трогает всякая статья о немецких и других писателях, совесть которых не запятнана «патриотическими» выступлениями; о тех, кто сохранил в чистоте идеи о человечестве и человечности и не прививал людям гноем души своей заразы поистине отвратительной и стыдной болезни — шовинизма.

Люстик Лисинова.

29 мая

...Учиться (марксизму), писать («художественные» рассказы), отдыхать, предаться воздуху, воде, лесам, травмам и любимым друзьям. «Ах, три души живут в груди моей!»

Работаю в избирательном бюро 2-го Якиманского участка. Со мной — Люся, Наталка, Катя²... Наташа и Люся — мои новые друзья...

30 мая

Утро. Стычка с отцом...

Нет, недолго остается мне жить здесь. Это, наконец, становится для меня позором. «Хозяйские харчи»...

* Люстик меня мучает и высказывает нелестные взгляды по поводу дневника. Она не может понять, что окончательный разрыв с дневником означал бы для меня

гибель старого и решительное вступление в новый период жизни. А такой прыжок совершить так же трудно, как выпрыгнуть на отвесный берег из болота, в котором нога не находит точки опоры...

23 августа 1917 г.

«Ну, хочешь, пиши дневник!» — сказала ты мне недавно. Но я не хотел.

Теперь я немного захотел. Тебя нет. Третий день, как мы встречаемся лишь как чужие. Любовь претворяется в нечто другое. Сегодня ехал и думал: люблю ли тебя?.. О, джан! Джаник, клянусь: если не люблю — нет ничего в моей душе. Ничего. Ничего!

Ничего... О, джан-джан! Моя дорогая!

Если, чувствуя веры священное пламя, знаешь ты, что не в силах его погасить ни друзья, ни враги, что великое знамя в битве правой нести для тебя значит —

жить,

что любить, не страдая душой, невозможно для того, кому чуткое сердце дано, что спокойное счастье преступно и ложно, раз повсюду кругом безотрадно темно; если так, о мой брат, не сдавайся трусливо! Жизнь — борьба, а не рабство... Коль есть капля крови — борись! Сбереги горделиво до конца свою верность святыне и чести!

Запись³ Люси в дневнике

А. Столярова

«Как мне странно начинать писать эти строки, чудно как-то, пожалуй, и глупо... Но, черт возьми, давай напишу, уже больно тоскливо и грустно одной.

Я не могу забыть тех двух серебряных ночей, и как странно, ведь мы читали о 2 железных ночах вдвоем. Это были серебряные ночи, залитые сказочным сиянием луны, с темными дождевыми грозами, но которые не пугали своей грозностью. Нет, одну минуту стало безнадежно, я поняла тогда, что будет и плохо; нет, я ничего не подумала, только почувствовала темноту ночи. И хохочущий и любящий Гейне, которого я до сих пор не замечала, не заме-

² Наталья Ивановна Солюянова (род. в 1895), член РСДРП(б) с 1916 года, участница Октябрьских боев в Москве.

Екатерина Гордеевна Карманова (род. в 1897), член РСДРП(б) с 1916 года, участница Октябрьских боев в Москве.

* Запись не датирована. По-видимому, сделана после возвращения с Л. Лисиновой из Тифлиса.

³ Запись не датирована, сделана рукой Л. Лисиновой. По-видимому, относится к августу 1917.

чала потому, потому что я не любила, а теперь Гейне мои мысли похитил, меня украл...

И я знала, что и он то же самое, что так же радуется, как и я, что в этот миг любит Гейне... И мне было хорошо-ооо, хорошо, хорошо, хорошо... хочется крикнуть так, чтобы эхом ударило в лес и веселым смехом рассыпалось по деревьям, тяжелым скрежетом... отозвалось по горам, тихим стоном прокатилось бы ночью. Мне вспомнился Гейне, перевод Лермонтова...

...И в поезде он тогда нуждался в поддержке моей, нуждался в поддержке моей руки... Или тогда, на Воробьевке ночью, мне она представляется залитая солнцем, и закатывающимся смехом, и теллым весельем, когда он швырялся камнями, когда меня обливали водой, когда мы пили чай, когда я шла в забытьи в то солнечное утро и грелась вся в чудных лучах весны, жизни, любви, любви, любви.

Из воспоминаний Столярова

5 ноября⁴ [1917 г.]

Я не знаю, можно ли мне писать. Может быть, Люся была бы недовольна тем, что ее мальчик в момент напряженной общественной работы отдается грусти и воспоминаниям. Но пусть простит Люся: ведь и для нее я был не только Оводом, но и маленьким-маленьким мальчиком, который тоскует бесконечно.

Я помню прекрасную ночь и прекрасное утро, когда мы приехали в Москву. Мы сдали вещи на вокзал, и я убедил ее пойти ночевать ко мне. Нужно было много пройти пешком после утомительного переезда. Мы взялись за руки и в ногу, командуя себе, шли, широко шагая и высоко размахивая сжатými руками. Вспоминали Вечхайзера, который думает, что Люся намеренно шагает широко, убивая в себе женственность, которой в ней много. Радовались приезду; мечтали об отдыхе и работе. Бедной девочке не удалось отдохнуть на Кавказе. Катя вчера сказала мне, что она спросила однажды Люсю, было ли бы ей лучше в Тифлисе, если бы Алеша не ездил с ней, и она сказала: «О нет!» Я рад.

Мы условились тогда по дороге, что с утра, когда мы проснемся у меня на квартире, мы не будем больше говорить друг другу «вы».

Часа в четыре мы были у парадного нашей квартиры. Я зашел со двора — дома не было ни папы, ни мамы. Уже светало.

Спустился вниз и отпер девочке, которая сидела утомленная и счастливая. «Войдите, джан!» — сказал я, распахивая дверь. И она вошла и до утра проспала на моем диване в моей комнате.

Не очень давно она сказала мне: «Помнишь, когда мы приехали и ты сказал «Войдите, джан!», мне показалось, что ты раскрыл свое сердце и сказал: «Войди в мое сердце, джан».

Утром я встал и постучал в ее комнату. Было светло, и солнце накалило воздух. «Люся-джан, вставайте!» Это была первая ошибка. Я привык самым близким своим друзьям говорить «вы». Когда я в эти дни случайно или шутя говорил ей «вы», она содрогалась, как от боли.

Мы были все время вместе. Бодро и весело, держа друг друга за руки, мы ходили по улицам. Я помню себя идущим по Б. Серпуховке с лицом, поднятым к солнцу, с радостным сердцем, бесконечно потворяющим себе, воздуху и солнцу одно дорогое слово: джан, джан, джан, Люся-джан.

Мы поселились в квартире Раевых, где жил один Тер. Утром мы второем ставили самовар, приносили хлеб, кефир. Тер уходил; мы читали, ходили в комитет, на собрания и пр. ...

Иногда я читал ей стихи на память, все лучшие стихи, какие я знал и знаю. Она сжимала мне руки, целовала их, обнимала мою голову, которую она называла своей и «умной-умной». Я ласкал ее лоб, целовал ее глаза, ее пальцы, называл ее моей девочкой, моей ласточкой, моим шиповником... Мы берегли наши ласки; я берег ее, ее глаза и ее губы: «Они твои, побереги их», — говорила она.

Тогда, как и всегда после, мы были прежде всего или лучше только товарищами. Но в этом была бесконечная нежность, женственность и чуткость.

Она была хорошей марксисткой и замечательно умной девушкой. Когда мне было тяжело, я обращался к ней, и она умела разрешить многие вопросы, какие я разрешить не мог. Она очень хорошо разгадывала людей и судила о них. Я не замечал у нее ошибок, исключая одного случая: она называла меня умным, сильным, радостным и хорошим. Она постоянно утверждала, что радость зальет мои страдания, что в груди моей вспыхнет могу-

⁴ В этой и ряде последующих записей А. Столяров вспоминает о событиях, происшедших раньше.

чий огонь и ум заблестит искрами. Пройдет тоска, и я покажу себя как сильный, умный Овод.

И я успокаивался часто такими ее словами, и прощал себе, и верил, что я не такой тупой, как кажусь себе, что тоска пройдет.

О моя родная, родная девочка! Я всегда был таким слабым и жалким. Родная, милая, любимая. Родная девочка! Тоска и безумие заливают мою грудь, глаза, руки. На такие муки обречен твой мальчик, родная, милая, любимая, святая девочка.

Она всегда предвещала радость и солнце. Для радости и солнца живут люди III Интернационала. Как процесс воспринимают они жизнь и не любят сказки о бессмертии.

Однажды приехала Наталочка — некогда ближайший друг Люси. Она хотела поселиться с Люсей в ее комнате, которую она только что сняла. Мы уже говорили с Люсей о том, что она будет жить одна и я буду постоянно ходить к ней. Мы будем вместе заниматься, читать, писать. Теперь мне показалось, что моя девочка сама хочет поселиться с Наталочкой, и я ревновал. О, ревность иногда пробуждалась во мне. Нехорошее чувство, которое она так не любила, не понимая, как это «чуткий Алеша» может ревновать ее к Кате, Милочке⁵ и так далее.

Я говорил ей горькие слова, и она нервно смеялась, посылая меня домой спать и т. д. Мы наносили друг другу раны...

Мы говорили о том, кто как любит; кто любит больше, кто меньше. Я сказал, что иногда я не чувствую, что люблю ее. Что эмоция у меня не переходит в страсть. Что мы любим не одинаково...

На другой день мы встретились в чайной столовке. Она была спокойна, радостна и очень, очень нежна со мной и встретила меня ласковым «джаник». Сказала, что хочет поговорить со мной, что вечером в комнате никого не будет, и я должен прийти к ней. Мы пошли вместе.

Я сел на подоконник раскрытого окна. Это был, кажется, пятый этаж. Внизу, за Дровяной площадью, вплоть до конца города блестели рассыпанные огни. Похоже было на вид вечером с Коджор на Тифлис. Ей очень нравился этот вид из окошка. Она накинула на себя шаль, ее милую красную шаль, достала шоколад и угощала меня. Мы сели рядом, ели шоколад с хлебом, и она говорила: «Я хотела тебе рассказать, что было со мной вчера и по-

чему я сегодня решила, что мы вчера были не правы. Правда: ведь это не плохо, что мы сегодня все-таки встретились, хотя вчера решили разойтись?» — «О да, джан, конечно! Только я и не думал ни на минуту «расходиться». — «Ну, все равно: я не могла иначе». И она говорила, что у людей III Интернационала не может быть не простых отношений. У людей III Интернационала не может быть счетов и оглядок. Не надо думать о том, «кто больше любит», — разве можно мерить любовь аршинами? Не надо думать о качестве любви — надо любить просто, не думая о том, что будет завтра. «Зачем все эти предосторожности и расхождения? У нас все будет светло и просто — любовь и конец ее. Правда, Алешик?» — «О да!»

Она закутывала меня в свою шаль, потому что было холодно, и рассказывала, как вчера она вернулась домой и была точно деревянная. Не могла ни читать, ни думать. Все как будто застыло на одном. Мысль искала что-то и не могла понять — что? Сердце окаменело. Несколько часов пролежала так, не двигаясь, на постели. Да как бы то ни было, но она так жить не может... Случайно ее взор остановился на К. Либкнехте, портрет которого висел у нее над кроватью. «...Этот Либкнехт был для меня символом III Интернационала. Понимаешь, как-то вдруг, взглянув на него, я увидела как будто III Интернационал, новых людей, социализм — все, все новое, светлое, бодрое и решила, что ничего тяжелого, всех страданий и т. д. совсем не надо. Да! Понимаешь, Алешик?»

О да, джан! Я понимаю... Радостная моя, солнечная девочка. Но разве я боец III Интернационала? Но я буду им, я буду им, моя радостная, моя светлая, светлая девочка. Только как много крови и слез приходится оставлять по дороге!.. В крови и слезах душа моя.

...Я помню серебряную ночь.

«Ты знаешь, когда я начала тебя любить?» — спрашивала меня однажды Люся и через несколько дней отвечала: «Я начала тебя любить, когда ты читал стихи Гейне — помнишь? — в тот вечер в Коджорах». Да, я помню этот вечер. Она лежала на диване, где я обычно спал. Аник⁶ убаюкала Каренчика и легла. Я си-

⁵ Людмила Васильева Чеснокова (Айрапетян) (род. в 1899 г.), член РСДРП(б) с 1916 года, работала по заданиям Замоскворецкого ВРК.

⁶ Аник Артемьевна Лисинова — младшая сестра Люси.

ат. Я пришел часов в 11—12. У нее была новая брошюра Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Люся оставила ее до меня, чтобы читать вместе. Я читал вслух. Она сидела, что-то шила... Я отложил книжку, лег, закинув руки за голову и думал, попросив на это позволения. Потом подвинулся к Люсе и, глядя ей в лицо, тихо и несвязно, просто и путано рассказал ей, что думал. В общем я говорил, что такая работа, какую я работаю в редакции «Социал-демократа», хотя и необходимая, и «интересная», и партийная, не удовлетворяет меня, потому что не требует моей души, что я вообще редко чувствую радость (иногда после митинга, доклада и пр., да еще когда она, Люся, меня ласкает). И мне трудно поэтому работать, потому что мы работаем для радости; что у меня постыдное настроение, когда я думаю стихами Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и т. д., что мне надоело ныть, мне стыдно, что я ною, и мне не хотелось бы обо всем этом говорить Люсе, чтобы не мешать ее светлому настроению. Она выслушала молча. «Алешик-джан, ты не мог мне не сказать всего этого! И напрасно ты думаешь, что мне от этого будет плохо. Но я тебе ничего не скажу сейчас, и не потому, что я тебя нехорошо выслушала или еще что. Нет, джан, для меня это очень важно. Ты можешь судить об этом по тому, что я все-все запомнила, что ты сказал — понимаешь — от слова до слова. Все твои слова я навсегда бережно схоронила здесь (она приложила руку к груди). И я тебе отвечу непременно. Хочешь — я напишу тебе, джан? Или скажу как-нибудь потом: завтра, послезавтра... Да?» — «Хорошо, джан». — «Только понимаешь, мальчик, это пройдет, и тебе будет хорошо. Я знаю, я обещаю тебе: тебе сегодня же будет хорошо». — «Сегодня же? — подумал я. — Как странно!» Но я верил моей девочке, и сердцу было лучше.

Ей лучше было не выходить из дому, и я принес ей из столовки обед... В столовке услышал, что в Питере творится нечто большое, пришел, передал ей и тотчас купил газету. Это были первые вести о том, что Военно-революционный комитет Питерского Совета объявил питерский гарнизон подчиненным себе. Мы были в восторге. Сердце сжималось от сознания важности этого шага. О дурном настроении не могло быть и речи. Я читал вслух газету, сидя на книгах у Люси, продолжавшей шить; хозяйка квартиры рядом стирала и слушала. Люся-ка объясняла ей смысл событий. Когда хо-

зяйка ушла, я горячо-горячо обнял и расцеловал мою девочку, и она была в хорошем, хорошем до слез настроении. В пять часов я ушел выпускать «Социал-демократ».

7 ноября

На следующий день никаких новых вестей не было. Люся была до 3 в комиссариате. В четвертом мы встретились в столовке. Здесь настроение было повышенное. Конспиративно передавали, что наши занимают окраинные мосты, расставляют посты красногвардейцев и пр. Почти все мы (столовцы) были веселы и шумны: в том числе Люся и я...

К пяти часам я должен был быть в редакции «Социал-демократа». Люся ехала в центр за пальто (она его не взяла все же почему-то в тот день), и мы отправились вместе. Я купил газету из Питера, хотел читать в трамвае, но Люся попросила меня не читать, пока мы вместе. Мы почти не разговаривали, я только тихо-тихо ласкал ее руку. Предательский трамвай быстро довез нас до Каменного моста, и она вышла. Все ждали — что-то день грядущий нам готовит?..

На следующее утро (четверг, кажется) в 9 часов я был в районном комитете партии, в столовке. Образовался Военно-революционный комитет в Москве, который предложил партии мобилизовать агитаторов по районам к 12 часам. Я зашел к Люсе. Она только что закончила умываться, готовилась идти на работу. Я попросил ее зайти известить о приказе комитета Лену, Шурку и Женю⁷, но мы решили, что это делает Катя, Люся же хотела хотя бы до 12 часов побыть в комиссариате, потому что она уже много дней не ходила. «Или я служу, и тогда я должна сегодня пойти, или же я не служу, и должна сейчас об этом заявить». Мы прошли вместе до переулочка против столовой и разошлись. Я был в районном комитете. Часов в 12 отправился на митинг в типографию Сытина. У дверей столовки встретил вернувшуюся с Наталкой Люсю. Она хотела сейчас же догнать меня, но ей предстояли другие митинги, и она не пошла. Я произнес речь и вернулся. Они еще были в чайной.

⁷ Елена Ивановна Троицкая (род. в 1897 г.), член РСДРП(б) с 1916 года, секретарь Замоскворецкого райкома Союза рабочей молодежи «III Интернационал», Евгения Абрамовна Зелевинская (1897—1944), член РСДРП (б) с 1916 года, секретарь Замоскворецкого райкома Союза рабочей молодежи «III Интернационал», участница Октябрьских боев в Москве.

Скоро они (Люся, Женя, Наталка и Лена) отправились на митинг в Даниловку, в Даниловскую мануфактуру и на фабрику Алексеева⁸, а одновременно пошел в редакцию и типографию «Социал-демократ». Солыц выпустил вечерний выпуск, поэтому обычный номер газеты должен был выйти позже. Я поехал домой, а оттуда сейчас же в столовую, мне было скучно, хотелось видеть Люсю, хотелось взять ее с собой в типографию. Но Люся еще не вернулась. Я только узнал, что митинг прошел удачно, что рабочие-меньшевики все-цело присоединились к большевикам и что Люся пошла на другой митинг. Я уехал в типографию один. Пятница. Утром поздно уже пришел в столовую. Люся была там наверху, ждала меня. Сидела за столом в своей старой черной шубе, которую так любила. Она, очевидно, не хотела уходить, не встретив меня. «Не ходи в комиссариат», — говорил я. «Но здесь сейчас все равно нечего делать; и затем, если бы это была какая-нибудь письменная работа, которую можно делать и дома, а то ведь там приходят люди за удостоверениями и ждут. Неудобно их задерживать или заставлять ходить второй раз». Она хотела идти. «А вечером — хочешь — мы вместе пойдем в типографию «С.-демократ». Ты подождешь меня здесь, джаник, часа в четыре? Подожди, джан». Я обещал.

По газетам трудно было судить о чем-нибудь. Но наши солдаты стояли в Кремле, запертые у ворот юнкерами и казаками, которые не пропускали туда мужчин и всех обыскивали. Собирались тучи. В пять-шесть часов я хотел быть в редакции. Меня попросили пойти на большой митинг на заводе Густава Листа⁹, который начинался в 4 часа. Я сказал, что обещал в четыре быть здесь, а потому поеду на митинг только в четыре. Настаивали, чтобы я выехал вовремя, но я спокойно, глядя прямо в глаза ответственному агитатору, заявил, что я обещал и, хотя бы весь свет провалился, буду здесь в 4 часа. Взял и отставил для Люси обед и ждал. Она пришла спокойная и радостная. Поблагодарила за обед.

Я сказал ей, что должен сию же минуту уезжать на митинг. Я был огорчен по поводу невозможности сделать так, как мы предполагали, и несколько раздражен. «Ну хорошо, Алешик, ты поедешь туда, а я за пальто. А потом мы встретимся и поедим. Хочешь так? Ну хочешь, я приеду потом прямо в типографию?» Но я говорил, что будет поздно, что типографию ей одной найти будет трудно. Мне хотелось,

чтобы она поехала со мной к Листу, но было неловко таскать ее «ради своего удовольствия», и я ничего не сказал. «Ну что же. Сегодня, значит, нам не удастся. Ты будешь завтра здесь в 4 часа?» — «Не знаю». Не видеть ее до завтра до 4 часов?! Я усмехнулся и спросил: «Неужели и завтра ты будешь в комиссариате писать карточки, выдавать какие-то свидетельства?» Она, наконец, рассердилась. «Да. Что же еще делать в комиссариате? Будем ловить дезертиров...»

Она обедала. Я сидел рядом, одетый, готовый идти. «Что за глупости говоришь ты!» — сказал я, холодно пожимая плечами. «Нет, отчего же глупости?» Я промолчал. Мне было больно и жаль, что я сделал ей больно. «Не сердись, Люся».

Я спросил у Шурки адрес завода и, уходя, подошел и протянул руку Люсе. «До свиданья!» Она молчала.

Митинг прошел быстро и удачно. Я страдал и от «личного» и от «общественного» и поэтому, должно быть, удачно клеймил объединенца. Мои слушатели прерывали меня смехом и аплодисментами.

В редакции не было никого. Типография бастовала. Неизвестно было, где будет печататься газета. Я ждал, изучал материал. На улице было тревожно. Все были заняты. Надо было работников — корректоров, людей для сношения с [Почтовым] и [Телеграфным] А[гентством]. Я позвонил в район и просил прислать кого-нибудь из «Союза молодежи»: «хотя бы Люсю Лисинову и еще кого-нибудь!» Люся Лисинова, Чеснокова и еще одна девушка приехали в редакцию. К этому времени уже выяснилось, что газета выйти не может. Почти выяснилось. Все трое должны были ехать назад. Я советовал не ехать прямо через центр, чтобы не попасть в лапы юнкеров (у Люси с собой был револьвер). Через некоторое время сам я ехал в Замоскворечье через Триумфальную площадь,

Люся обещала быть в районном Совете часов в 9, но ее там не было. Мобилизовалась Красная гвардия. Располагался Красный Крест. Было тревожно. Юнкера предъявили ультиматум и готовились пойти в наступление. Люси все не было. Я беспокоился. Не взяла ли их юнкера по дороге? Они уже многих арестовали. Но вот она

⁸ Ныне фабрики имени М. В. Фрунзе и имени М. И. Калинина.

⁹ Ныне завод «Красный факел».

явилась. Я заметил, что она переодета. «Так это и есть твое новое пальто?» — «Да, оно самое». — «Гм! Недурно!» Я был рад. Мы прошли в конце коридора и поговорили о чем-то. О чем — не помню, но важно, что мы говорили нежно и ласково. Началась работа...

Не хватало оружия. Задерживали автомобили, рассылали разведку. Не помню, я или Люся предложили привезти со двора столовки тюки с шерстью для баррикад. Там, на М. Серпуховке, только что произошла стычка между красной и белой (студенты М.К.И.¹⁰ во главе с казачьим офицером) гвардией. Был убит один студент и двое ранено. Ехать было небезопасно. Дали грузовик и 4 солдат. Люся взялась руководить. Я сказал, что не Люся, а я поеду. «Это все равно, конечно. Но я все же лучше тебя стреляю из револьвера, поэтому лучше ехать мне». Но она решительно заявила, что поедет сама, и я остался.

После, когда в воскресенье мы были здесь у меня, за этим столом, за которым я пишу теперь, она мне рассказала, что с ней случилось после. Автомобиль вернулся с шерстью, проехал на Якиманку, где должны были быть баррикады. Все ушли, оставив Люсю сторожить одиноко стоящий в темноте улицы автомобиль. Проходили мимо солдаты 55-го полка. Один сказал какую-то мерзость по адресу Люси, и солдаты загоготали. «Знаешь, я до сих пор не понимаю этих мерзких слов. Но, должно быть, это была какая-нибудь гнусность, потому что солдаты нехорошо засмеялись. Один какой-то подошел ко мне и сказал «барышня» и еще там что-то. Я не знаю, что со мной случилось: было больно и досадно, и я громко, должно быть, со следами в голосе сказала: что вы, что вы делаете?! Ведь теперь, понимаете ли вы, великая революция, идет бой, а вы находите время и т. д. Солдаты, знаешь, все смутились, замолчали, а этот тоже сразу переменял тон, отошел и смущенно так говорит: «Простите, товарищ, мы пошутили...»

Я рад был, что она вернулась. В штабе уже начиналась та толкотня и сутолока, которая потом все время мешала работе. Люся собственноручно оторвала мне золотые пуговицы с воротника шинели и предложила снять кокарду, чтобы свои не приняли меня за студента-шпиона и не подстрелили бы. Однако это было сделано несколько поспешно.

Сообщения с центром не было. Телефон

в руках юнкеров. Все мосты за исключением Крымского заняты ими. Ездить на автомобиле опасно, потому что обе стороны их арестовывали, вылавливая... Нужны были инструкции от штаба на Тверской.

Туда отправился солдат, командир полка, видный работник Военно-рев. комитета Будзинский. Но так как его могли арестовать, вслед за ним хотели послать еще двоих-троих. Люся посмотрела на меня. «Алеша»... «Да, я поеду». Кроме того, пошла она и некая Муся. Четвертый должен был идти сзади всех и вернуться с полпути, чтобы известить, прошли ли мы. Я предложил известить «парочку» с одной из девочек, чтобы быть менее подозрительными в глазах юнкеров и белогвардейцев. Люся предложила идти мне с Мусей, чтобы той не было страшно, а сама пошла одна вслед за Будзинским. Я тотчас на это согласился, чтобы не дать думать Люсе, что я думаю о «парочке» ради своего удовольствия (потому что мне очень, очень хотелось идти с Люсей). В городе шла отчаянная перестрелка. Изредка работали пулеметы. Будзинский шел впереди, притворяясь не совсем трезвым и заплутавшимся солдатом (он очень интеллигентен). Мы с Мусей шли, прислушиваясь к шагам Люси, за ней, иногда почти теряя ее во мраке. Шли через Кудринскую площадь, Никитскую, переулками, и все дошли до Центрального совета. Там — масса народу, трещат пишущие машинки, спят на полу солдаты, офицеры рассматривают планы. На Красной площади 120 наших двинцев с берданками только что поколотили 600 юнкеров, предложивших им сдаться. Моих спутниц куда-то услали. Люсю послали в самое отчаянное место: мимо юнкеров, мимо кремлевских ворот пройти на центральную электрическую станцию (между Каменными мостами!) с приказом о вывозе бронированных автомобилей. Всюду стреляли, и она все же прошла: юнкера ее пропустили с пошлыми шутками, принимая за ту, не совсем порядочную «барышню», которой она притворялась. Прощаясь, я внятно сказал ей «до свидания», боясь сказать «прощай». Я думал: «до светлого, прекрасного свидания», потому что, казалось, сегодняшний бой решит все. «Как будет радостно, когда кончатся все эти ужасы!» — думалось мне.

В нашем центральном штабе думали, что в Замоскворечье идет большой бой. Нужно было пробраться в тыл нашим частям в бою и узнать место боя и расположение

¹⁰ Московский коммерческий институт.

частей. Сделать это взялась какая-то женщина-врач, которая, однако, не знала Москвы. Шофер при ее автомобиле тоже не знал ни одной улицы. Я предложил свои услуги в качестве проводника. На меня надели белый халат, и мы поехали на автомобиле Красного Креста искать сраженья. Ехали окольным путем, через Триумфально-Садовую. Нас часто задерживали, направляя дула винтовок прямо на автомобиль, но это были все свои.

Приехали в штаб Замоскворецкого Совета, узнали, что боя нет, что солдаты устали, бессменно дежуря двое суток, что нужно или идти в наступление, или отступить и пр. С этим же автомобилем я вернулся в центр, захватив с собой Наталку. Там встретился с вернувшейся Люсей. Перестрелка утихла. Светало. Мы четвером обходным путем по Садовой отправились домой. Все очень устали, тащили друг друга. Были в грязи, обращали на себя внимание прохожих. Трамваи стояли. Всеобщая забастовка началась.

От 10 до 12 я проспал дома. Пошел в Совет... Днем пришла Люся, спавшая, кажется, в З.Ж.К.¹¹ Я очень старался установить в штабе порядок и побудить своих к наступлению. Было много старых солдат, предлагавших услуги, и мало оружия, поэтому я, ни разу не стрелявший из винтовки, не становился в ряды красновардейцев. Когда я сказал об этом Люсе, она согласилась со мной. Она писала в штабе, поила чаем красновардейцев и пр. Я нес сторожевую службу, стоял на посту... Вечером она и Наталочка ушли в столовую отдыхать в комнате Каменюка. Когда я пошел туда же, Катя просила прислать Люсю дежурить в Красный Крест... Кругом шла шальная перестрелка. Белогвардейцы и офицеры стреляли из окон домов. На Серпуховской площади один красновардеец пал с простреленным черепом. Вдоль улиц свистели пули.

Я, Люся и Женя «златокудрая» пошли ночевать в комнату Наталки, Дуси и еще одной девицы. Их никого не было дома. Мы разделись. Я снял револьвер... Люся, которая очень нервничала только что по пути сюда, так что мне приходилось шутить, чтобы развеселить ее, успокоилась и была в хорошем настроении. Мы сели втроем на пружинную кровать и, откинувшись к стенке, отдыхали. Люся говорила мне «джан» и взяла мою руку в свои. Она теперь мало обращала внимания на «третьих». «Это хорошо, что мы ушли и отдохнем. Завтра нужны будут работники,

и что же будет, если все устанут, как собаки?» — говорила она.

...Сегодня вечером, когда мы были в столовке, так слышались совсем близко приближавшиеся к столовке выстрелы, что заставило меня выбегать вперед на подмогу посту, стоявшему у калитки... Может быть, это дало повод Люсе говорить о моей «храбрости».

«Устал, джан. Ляг, отдохни. Я только иногда боюсь — нет, так думаю, что вот будет что-нибудь там: перестрелка, набег — и мой мальчик, такой храбрый, выбежит первый вперед, попадет под пули, куда не надо, и будет убит. Убит первый...» — «О, не бойся!» Мне стыдно и больно: я не воспользовался своим «правом» умереть. Какая мысль! Я почувствовал сейчас, что мне... приятно было бы умереть, если бы Люся была жива. Умереть, чтобы девочка осталась довольна своим мальчиком, могла бы им гордиться. А теперь... теперь мне холодно умирать. У меня уже нет ни чувства стыда за трусость, ни чувства удовлетворения при храбрости. Нет честолюбия. Стыд и честолюбие могут быть только в отношении с людьми. Но для меня все, кроме Люси, почти уже не «люди», как бы я к ним ни относился. Если бы мне моя девочка сказала: иди прямо под пули (а она могла бы сказать это только, когда это нужно), я пошел бы. Но с тех пор, как нет ее, я внутренне скуп и беден, а потому ежусь и щажу себя.

...Мы долго не могли заснуть. Воображение рисовало картины пережитого дня. За стенами и окнами дома все время слышались отдаленные, а иногда и близкие выстрелы, залпы, пулеметная трескотня. Казалось, что там, в Кремле и у мостов, происходит решительный и решающий бой. Женя спала. Спустя некоторое время и Люся не откинулась на мой зов. А я не знал, сплю или нет, — это был сплошной кошмар. Зато Люся потом говорила, что она совсем не могла спать, проснувшись в середине ночи.

К утру пришли Дуся и другие. Мы втроем вышли и зашли в комитет завода Михельсона¹², напротив дома, где спали... Там настроение было хорошее. Но общее положение неопределенно. Перестрелка утихла. Говорили, что наши взяли Малый Каменный мост... На улице мокро. Моросит. Даль задернута туманом дождевых брызг. Мне это нравилось. Казалось, солн-

¹¹ Замоскворецкий студенческий кооператив

¹² Ныне Завод имени Владимира Ильича.

це в эти дни резало бы сердце дисгармонией.

Пришли в Совет. Я стал на посту при входе, стараясь не допускать внутрь лишней, хотя бы и «своей», публики. Люся сама придумала себе работу: она предложила разные донесения разведчиков и случайные записывать...

В 3 часа Люся предложила мне отправиться по делу в другой район. Надо было донести районным штабам о собрании представителей работников районных штабов в центре в 4 часа. Наталочка шла в Хамовники, Люся — в Пресненский район, я — в Бутырки. Наталка вдруг исчезла — мы не знали, пошла ли она или нет. Я сложил оружие, запрятали документы Военно-революционного комитета — Люся под разорванную подкладку шапки, я — под стельку башмака — и пошли. С середины Zubовского бульвара пришлось свернуть с прямого пути и пойти по переулкам: прямо впереди шла отчаянная пальба на Zub. площади. Случайно попали к Хамовническому Совету... Люся зашла и передала поручение. Как раз в это время площадь перед Советом обстреливалась из окон высоких домов белогвардейцами. Я старался пройти как-нибудь стороной, но Люся шла так прямо и спокойно с презрением к опасности, что мне стало стыдно... Мы проходили недалеко от моего дома. Погода была ясная. Мы шли бодро и быстро. Я прижимал к себе локтем ее руку, чтобы помочь ей идти.

«Ты не заведешь меня куда-нибудь, куда не следует, в этих переулках?» — «Не бойся, не заведу. Я все здесь знаю».

Недалеко от Плющихи мы заметили у ворот на другой стороне переулка человека. «Смотри, это не юнкера?» — спросила Люся. «Может быть. Не знаю. Мне какое дело!» — ответил я несколько резко и потом тише прибавил: «Дура, Люська. Разве можно глазеть на юнкеров, если это юнкера? А это, вероятно, так».

«А! Вишь ты! А я и не знала. Я до сих пор не умею различать юнкеров». Я рассказал ей о юнкерской форме. Только теперь я узнал, что мы проходили тогда мимо школы прапорщиков — настоящего гнезда врагов! О, как мне жаль, что Люся этого не знает!

Решили идти вместе до Пресненского Совета, который переехал на Прохоровскую фабрику и был почти в подполье, затем Люся пойдет ко мне на Смоленский и будет ждать меня. Она предложила пойти со мной на Бутырки, но я отказался. Она

устава. Шла, опираясь на мое плечо, бодро и весело...

«Раз, два, раз, два.левой, правой. Аleshik, тебе не тяжело оттого, что я на тебя опираюсь?» — «Нет. Я не устал — иди так».

Фабрика стоит на краю города. Здесь поля, река за ними. Прямо впереди запад. Горизонт — в рассыпанном свете заката. Синие, лиловые облака очень напоминают отдаленные горы. «О, Люся, смотри — горы! Облака это, но как они похожи на горы!» — «Да. Здесь ведь, кажется, не может быть такой местности. Это облака». — «Конечно... Как хорошо! Как я соскучился по горам!»

Люся опирается на мое плечо и спрашивает Нижнюю Пресню. Кажется, люди видят и нашу усталость и нашу невинность...

Найти Совет нелегко. Точного адреса не дали ни для Пресни, ни для Бутырок. Люся бранится: «в штабе нет плана Москвы! Каково! Из Военно-революционного комитета при Центральном Совете посылают: пойдите в Замоскворецкий Совет, там вам, может быть, дадут адреса районных Советов. Черт знает, что такое!» Встречные ничего не знают. Да и неудобно расспрашивать.

...Извещение передано. Сегодня воскресенье. На Пресне масса рабочей публики гуляет. Шумно, весело. Продают «Социал-демократ». Мальчишки везде играют в войну: бегают, стреляют, прячутся. Как в Севастополе (у) Толстого. Уже начало седьмого. Идти на Бутырки в это время, не зная даже точного адреса... Нет. Мы решили идти домой. «Еще двадцать минут осталось. Правда?» — спрашивает Люся. «Н-нет, пожалуй, побольше. Около получаса». — «Ой, не хочу!» — «Мало ли чего ты не хочешь!»

«Ну, вот теперь осталось минут пятнадцать». — «Ну, а теперь? Еще минут десять?» — «Нет! Теперь минуты три всего. и мы дома». Добрались! Мы у меня. Я прошу дать нам обед, если есть...

Умылись. Поели. Мне и Люсе рады. Что, как?... Люся должна быть самого хорошего мнения об отношении к ней моей матери.

...Говорили с братом. Люся рассказывала ему и маме о рабочих, об отдельных эпизодах сражений... Читали газету...

Ночью часто стреляли из трехдюймовых орудий. Это было «новинкой» и мешало спать. Однажды во время частой артиллерийской стрельбы я закутался в одеяло и прошел в ее комнату. «Джан, ты спишь?» Она спала. Я погладил ее волосы и ушел.

А поутру я разбудил ее. Мы прошли в Замокворечье...

Из Даниловки сообщают, что к нам в тыл идут подкрепления юнкеров. На Мыт-ной уже перестрелка...

Вчера вечером у меня в комнате я сказал Люсе об омрачающих мое настроение мыслях. Я не ходил на передовые позиции, как Пан¹³, Макс¹⁴ или Брун¹⁵. Не трусость ли это: остаться в тылу? Во всяком случае, я не доказал противного. В ответ Люся посоветовала мне пойти в окопы. Кстати, она сказала: «Алешик, никогда не говори больше: «Она не пойдет». Ведь как мне ни страшно за тебя, я никогда не удерживаю тебя, если есть опасность. Я думаю: это его право — умереть, право моего мальчика».

...Макс, Брун, Абгаров¹⁶ и Николай шли на Остоженку. Я пошел с ними. Был около передовых окопов. Свернули в переулок. Перестреливались с вражескими засадами в домах — мои товарищи, конечно, а не я: не палить же мне в дальние окна из браунинга. Потом ушли. Я, Макс и Абгаров отправились на Центр, электр. станцию за Мал. Каменный мост. Попали на автомобиле под обстрел кремлевских башен. Макс и другие стреляли, я смотрел. Вернувшись вечером, ходил два раза на обыски...

Ночью привезли на Калужскую площадь две шестидюймовки... Все было спокойно. Иногда с Ходынки палили наши орудия да где-то шла перестрелка.

Часов в шесть утра я пошел к Крокодилу¹⁷.

10 ноября

Постучал... Они все проснулись...

Я собирался лечь прямо на пол, но все запротестовали. Люся притянула меня к себе, и я лег головой на ее подушку, ногами на стул...

...Я сжимал и гладил ее руку, и она понимала, что я счастлив и люблю ее. Впрочем, ни она, ни я давно уже не сомневались в этом. Давно уже не могло быть больше разговоров о «качестве и количестве», о различии любви. Чем дальше, тем меньше могли мы видеть конец этому. Я помню, что раньше мы очень дорожили «свободой отношений». Люся не раз говорила, что совершенно не думает о будущем. «Я не забочусь о том, что будет после. Ну, мы разлюбим друг друга — тогда все так же будет просто и ничего не жаль, и о прошлом я не пожалею». Или: «Я не думаю об этом. Когда-нибудь у меня, вероятно, будут ребята, муж — что

же из того? Ты ведь тоже не думаешь об этом?..»

Но позже она однажды сказала уж несколько иначе. «Не все ли равно, что будет впереди, когда мы разойдемся, — хотя я, гм... что-то плохо представляю себе, как это может быть...» «Да, я тоже». — «Но все равно: будущее не должно влиять на настоящее...»

Светало... Я был в полусне... Обещанное на эту ночь наше наступление осталось обещанием. «Оставаться на оборонительных позициях — значит наверняка проиграть сражение», — думали все мы, молодые марксисты.

Зашли в столовку, чтобы поесть. Там — никого и ничего... О том, чтобы мне лечь спать, не могло уже быть и речи: надо идти. У меня было плохое настроение. Я сказал, между прочим, об упавшей уверенности в победу. Она на это сказала четко и громко: «Уверенность в победе!.. Алешка, одна мысль о возможности победы должна приводить в восторг и прогнать всякие дурные настроения». Она думала, что мы «должны радоваться», если хоть один шанс из десяти обещает нам победу. И после некоторых попыток развеселить меня она «сердито» и резко заявила: «Быть в дурном настроении в такое время — это...» Она не окончила. «Что — это? Трусость?» — подумал я про себя. И ничего не ответил, потому что ответить на это можно было только на деле, а не словами. И я решил дать ей такой ответ.

Впрочем, раньше, чем мы дошли до столовки, наше дурное и «сердитое» настроение растворилось в воздухе...

Был вечер. Мне поручил Макс составить новый десяток. Ничего не выходило.

Я помню в этот вечер, когда я еще был с берданкой, пришел Пан — один из виднейших и храбрейших красногвардейцев... Люся говорит ему: «Пан, посмотрите, что

¹³ Пан — подпольная кличка Михаила Владиславовича Кржеминского, члена РСДРП(б) с 1917 года, члена штаба Красной гвардии Замоскворецкого района.

¹⁴ Макс — Николай Столяров, красногвардеец.

¹⁵ Михаил Иосифович Брун, член штаба Красной гвардии Замоскворецкого района.

¹⁶ Рубен Иванович Абгаров (род. в 1893), член РСДРП(б) с 1917 года, член правления студенческой кооперативной столовой, красногвардеец.

¹⁷ Крокодил — партийная кличка Георгия Кузьмича Фельдмана-Павловца, секретаря завода Михельсона.

Алеше дали! Достаньте ему винтовку. А то берданка большая, а он маленький». Пан смеется, берет меня за плечо и говорит: «Вот вы (то есть Люся), вероятно, боитесь, что его убьют, а я вам говорю, говорил ему (он ничего мне не говорил), что он на мясо только годится, на мясо, на мясо!» (То есть только подставить себя под выстрелы.) И Люся ему весело и настойчиво отвечает: «О нет, спросите его, я ему никогда этого не говорила: не боюсь, что убьют...»

В штабе ее задерживают, и я нервничаю. Но там нервничают не менее по поводу того, что на Остоженке идет сильный бой и вообще юнкера переходят будто бы в наступление. Получили юнкера подкрепление или наши, или, наконец, ни те, ни другие, ничего не разберешь в этой путанице при отсутствии средств общения (телефона) и путей сообщения.

Зашел из комнаты красногвардейцев в штаб. Там Тер, Люся, Женья и др....

Они решили идти к Крокодилу... пить там чай.

Взяли с собой хлеба... Я раздражался, что никак не уйдем из этого места. Пошли вчетвером. Мы с Люсей вдвоем впереди. «Алешки, джан, это ничего, что мы задержались. Ты сердисься, джан?» — «Нет». Я не мог на нее сердиться, но мне было досадно и больно, что я не мог быть с ней, как хотел. В эти дни, когда не знаешь, будешь ли завтра жив, мне была дорога каждая минута, проведенная хорошо вместе...

...Приходим. Ворота заперты ...Стучанье в дверь и окна не помогает. Все трусят и запираются. Приходится идти назад. На улице темно и пустынно. Время новолуния, фонари не горят; свет из окон очень редок.

Решили пойти в З. Ж. К., где жила Женья. Помню, как мы быстро шли вперед. Люся впереди, с немного наклоненной набок головой. Около института красногвардейцы направили на нас ружья. «Стой, стой! Кто идет?» Но Люся, не останавливаясь, мчит вперед. «Свои!» — отвечает Тер. Я хочу показать билет красногвардейца, но нас узнают и пропускают. Стоило усилий заставить ЗЖКистов отпереть калитку. Мы в комнате и очень рады... Джан! Спи, девочка...

Я помню, как она смутилась однажды в начале нашего пребывания в Москве, когда я в чайной столовки назвал ее джаном. Она забыла даже в первую минуту, что крутом были только русские, для которых это слово — звук пустой. Она просила

меня не произносить этого слова при других. Теперь я замечал, что она, не стесняясь больше не только русских, но и грузин и армян, называла меня при всех джаном.

Наутро она сказала, что давно не спала так хорошо, как сегодня.

Встретили Макса, которого Люся упростила взять ее с собой в окопы, если штаб отпустит. Штаб отпустил, и она была очень рада. Я взял винтовку, Люся сама «выхлопотала» мне ее из штаба...

Мы вышли впятером: Николай (наиболее прославившийся храбростью, ловкостью красногвардеец, которого в царствование Керенского присудили было на фронте к смертной казни), очень интеллигентный рабочий-латыш, Макс, я и Люся. Все, кроме двоих «новичков», были испытанные воики и имели, кроме винтовок и револьверов, массу ручных бомб. «Ну, — сказал Николай серьезно, — из нашего отряда или никто не воротится, или...» Он не докончил. У меня мелькала мысль: зачем Люся с нами?.. Но самое важное — Люся этого хотела: она хотела быть с нами, с теми, кто борется впереди, поддерживать их и разделить с ними опасности святой битвы. Иначе она, вероятно, не вправе считала себя посылать туда других. Впрочем, она, думая то же, пожалуй, смотрела на все смелей, светлее, проще. Она хотела все видеть сама — могла ли она не презирать опасность? Это было ее право — пойти туда. «Алеша, возьми положи к себе этот револьвер. Не люблю я его». Она передала мне наган, который действительно был для нее неудобен: курок нажимается туго. Я обещал ей свой большой браунинг, только что купленный, который она тоже, впрочем, не любила. Мой старый маленький браунинг, с которым я ездил в Тифлис и который любила она, был только что потерян в суматохе гражданской войны.

Мое сердце немощно сжималось. Но я слегка фаталист. «Я знаю, что ни я, ни Люся не можем умереть скоро, — чего же еще думать?!» — рассуждал я про себя.

«Неужели мы когда-нибудь победим юнкеров? Что-то уж и не верится...» — говорит Макс. Я поморщился: идти в битву — и говорить такие вещи!..

Мне больно и трудно писать и вспоминать дальше. Но Люся была бы недовольна таким малодушием. Смерть на поле битвы есть все-таки прежде всего святой акт. И надо относиться к нему как к святому и мудрому подвигу, с благоговением и преклонением. Но... боже!

Зачем я не умер?! Как страшное проклятое пятно лежит на мне, бесконечное и непоправимое, страшной мукой — зачем я не пал рядом с ней? Я должен был выставляться под пули, сжимая ее в руках. Ах, смерть, как простое и удовлетворяющее решение и разрешение вопроса и страданий и как долг любви — смерть рядом с Люсей — это моя невозможная мечта теперь, когда не сделанного из трусости нельзя исправить.

Люся, джан, дорогая, мне остаются только мужественность страданий в будущем, чтобы отдать кровь своего сердца, принадлежащую тебе... храбрая, святая, бесконечно великая девочка.

17 декабря

Моей светлой, солнечной Люське посвящаю лучшее, что у меня есть теперь, — мои воспоминания, мои воспоминания, как и все хорошее, что мне еще приходится делать теперь.

О моя родная девочка! Как дорога мне каждая черточка из прожитого вместе, если бы ты знала, как я люблю тебя, бесконечно, Люська, родная, не оставляй меня.

...В мои солнечные дни... В мои прекраснейшие дни первых ласк, нежных названий и открытой, светлой, развернувшейся любви. Помню первое утро. Все уже кончили с чаем; нам приходилось пить вдвоем. Был солнечный день, как всегда в то время. Мы готовились сейчас же отправиться в Замоскворечье. Впереди ожидала живая партийная работа и много, много светлого. Разговаривая, я часто сбивался на «вы» и, помню, подумал, замечают ли это Женя и другие? Люся относилась к этому как-то серьезно и спокойно. Как будто решила, что эту болезнь надо терпеливо и настойчиво преодолеть. А потом — не помню, были ли мы в тот же день в комитете.

Съездили на вокзал за ее вещами. Помню, как открывали ее деревянный ящик с бельем и книгами. Я дал ей косарь, подпил, чтобы оторвать доску. Но у нее ничего не вышло. Мне пришлось помогать. Вдвоем мы оторвали одну доску. Потом оказалось, что надо отрывать и другую. Люся извлекала оттуда свои носовые платки, кофточки, книги. Некоторые из них так до конца и оставались у меня на шкафу. Потом мы поехали за моими вещами. Помню, я стоял на площадке вагона у дверцы с пачкой газет в руках. Тогда мы еще познакомились с Москвой и московской жизнью, с настроением в различных партийных кругах. Было много бодрости и

жажды работы и борьбы. Мы все время были заняты мыслями о том, какая именно работа, в какой форме является в данный момент самой продуктивной и необходимой.

Доехали до вокзала. Вошли во двор, пробираясь навстречу толпе, выходящей на улицу. Там только я вспомнил, что не захватил с собой квитанции. Ну что же? Посмеялись, накупили у вокзала яиц и яблок и отправились назад.

На следующий день я уже один отправился снова и с большим трудом вещи привез. Люся оставалась у меня дома. Когда я приехал, я нашел ее несколько обрадовавшейся мне после одинокого ожидания, сидящей в моей комнате за книгой.

Много, много спустя она сказала мне однажды: «Помнишь, как-то в первые дни ты уезжал куда-то, а я оставалась у тебя одна? В каком ожидании я провела тогда эти два часа, как скучала без тебя и обрадовалась, когда ты приехал».

Когда мы ехали в Москву, у нас были еще в голове различные планы о товарищеской квартире-коммуне, но такую квартиру найти было трудно, во-первых, а вскоре это оказалось и ненужным — вторых...

...Мы говорили о том, что мы больше чем товарищи. Люся хотела непременно знать, как я думаю о наших отношениях, кем для меня является она. Девочка была очень самолюбива, горда, чутка и поэтому очень чутко и нервно следила и боялась, как бы не стать навязчивой, как бы не очутиться в роли наивной Татьяны.

«Ты для меня девочка», — сказал я. «Девочка! — воскликнула она почти с ужасом. — Девочка?!»

С ней случилось то, что часто случалось в первые дни, в первые вечера. Явилось то, что она называла «злой волей», «моей злой волей». Она становилась мрачна, глаза не тускнели, но становились какими-то темными-темными (зрачки расширялись)... Между бровей ложилось складка. И в бровях и в глазах было выражение ужаса и отчаяния. Она вся становилась каменной и неприступной...

Я сам в таких случаях приходил в отчаяние, а иногда она чем-нибудь прямо оскорбляла меня. Но это никогда не длилось долго.

«Злая воля», которой я так боялся, уходила...

Она грозила мне этой «злой волей». «Смотри, — говорила она строго, угрожающе, с долей насмешки неизвестно над

нем, — придет злая воля моя!» — «Я не боюсь больше твоей злой воли! — отвечал я вызывающе. — Пусть приходит! Посмотрим — кто кого! Я люблю тебя и не боюсь!» И злая воля сдавалась и не приходила.

После мне уже не приходилось совсем с ней встречаться. А Люся как-то мне сказала: «Помнишь ты мою злую волю? Ее нет уже больше». — «Да», — сказал я, улыбаясь. «Знаешь, что это было? Это случилось со мной, когда мне вдруг казалось, что ты меня не любишь»...

В тот раз мне стоило труда разуверить ее, что «девочка» — это не значит для меня «игрушка», что здесь, в этом названии, нет ничего неуважительного и пр. и пр. Наконец она поняла, поверила, сразу просветлела и стала снова доверчивой и ласковой... «Прекрасная, дорогая, дорогая девочка, ласточка моя, шиповник мой!» — «О! Шиповник!.. Я твой шиповник! Правда?» Глаза ее сверкали и искрились, как звезды...

22 декабря

Тоскую, тоскую, тоскую... Тоскую, тоскую, тоскую... Люся, родная, приди и поцелуй меня! Люся родная, приди и дай мне нежно-нежно поцеловать твои пальчики! Люся, родная, не оставь меня, девочка моя, радость моя, солнце мое...

Ты советуешь мне быть простым и ясным теперь. Работать для радости и счастья, для светлого будущего жизни при социализме, быть радостным и спокойным и помнить тебя, нести тебя, мою девочку светлую, в своем сердце. Ты обещаешь быть со мной и вывести меня за руку на тот солнечный и радостный путь, который ты всегда предсказывала, предсказывала и для меня. А я — я хочу только, чтобы ты была все время со мною, и — пойдем вместе. Ты будешь моим ближайшим человеком. Другого на это место я не хочу и не хочу.

3 ноября 1918 г.*

В этом «дневнике» связь между прошлым и настоящим. Скоро годовщина Октябрьской революции. Заборы, торговые лари расписываются яркими красками. Украшаются площади.

Какая сила в этой мысли: вся прошлая история человечества — подготовка к моменту освобождения человечества в социальной революции, к нашей Октябрьской революции. Прошлое — нищета, бедность, рабство, кровь, кровь, страдания и грязь. Будущее — только оно есть культурная история человечества. Тяжелой

борьбой мы осуществляем желанный «прыжок из царства необходимости в царство свободы».

Шел из «Метрополя». Звонили колокола. Мысль несколько ослабила вожжи надежды и радости и отзвуки речей о революции в Австрии, взволновавшие сердце. Мы идем к победе над кошмаром прошлого. Хотелось что-то запеть, что-то свое, большое и красивое. Крикнуть о борьбе, победе и о коммунизме. Но я только смог бросить в воздух: «да здравствует человек — созидающий, творящий!» — и, подумав, прибавил: «Творящий жизнь и красоту человеческих отношений...»

Я пишу. Быть может, это мне поможет. Я болен.

Иногда... иногда я не верю тому, что Люси нет. Я чувствую, как будто она здесь. Иногда — иногда я всем существом думаю, верю, ощущаю, что Люся не прошла и она будет. Если я хочу без оговорок, без предела — как может быть иначе? Как может не быть того, что прекрасно?

Родная, не надо уходить от меня, если я болен. А впрочем... все зависит от меня. 3 декабря 1918 г.

Я всегда был очень высокого мнения о человеческой воле, о силе ее. Хочешь — живешь. Хочешь — будет тот, кого уже нет. «Тот, кто верой обладает в невозможнейшие вещи, невозможнейшие вещи совершать и сам способен». Это почти... «мистицизм» при моем материализме. Вера в волю человека и силу разума. В заметках о морали я передаю их мысль. Но сейчас я думаю об этом, потому что моей «волей» движет тоска. Моя воля побеждает ужас и тоску смерти, давившую меня последние недели...

26 января 1919 г.

Люся-джан, родная моя, свет очей моих, люблю, люблю тебя и — только тебя. Все прекрасное, что я нахожу иногда в людях, — это как отблеск твоей души, как иногда — блеск глаз твоих. Но дальше — только грусть утери, нежность воспоминаний. Солнышко мое ясное...

5 октября 1919 г.

Я, конечно, бросил дневник... Мне было плохо прошлой зимой. Я был болен так, как никто не мог подозревать. И вот теперь мне лучше. Теперь! Ну а дальше?

Жизнь покажет, что дальше... Я грубою, но так я становлюсь тверже... И путь у меня прямой.

* Далее даты идут по новому стилю.

А. Ваарман-Зильбер

Таллин

Писать ли о себе?

А. Ваарман — выпускница городского училища Таллин, 1915 г.

Я эстонка, мне 66 лет, я написала одну книгу и работаю над второй. У меня сын-инженер, ему 35 лет, и он бесконечно спорит со мной, чтобы я не тратила время и глаза на архивы, дабы писать о других, а описала бы те события, в которых сама участвовала. Я все сомневаюсь: как это я буду писать о себе?

Попробую все-таки написать и о других и о себе.

Родилась я в 1902 году, в самый веселый день, день Таллинской ярмарки — 26 сентября по старому стилю. Мать, зная, что вот-вот появится новый член семьи, рано утром отправилась на ярмарку и купила поросенка. Ее пугал шестой рот в доме, она решила «крестьянским путем» добыть мясо к столу фабричного рабочего.

«Ты родилась после обеда, была крепышка, а двухнедельный поросенок совсем дохленький, я за него боялась. Как только бабушка тебя вымыла и ушла, я встала и побрела в закуток, в конце хозяйского садика. Хозяйка, увидев меня в окно и зная, что я поросенка имею впервые, посоветовала мне дать ему тепленького молока, а в доме только хлеб, картошка и салака. Я нацедила бутылку своего молока — ах, как вкусно чмокал поросенок!.. Постепенно он ожил, стал розовеньким, а у меня была забота, чтобы скрывать от всех свое «богохульство». Так рассказывала мне, уже взрослой, мать, даже задним числом радуясь, что она так ловко «выдумала» мне «молочного брата».

В день моего рождения (когда мне исполнилось пять лет) мать дала мне копейку и разрешила идти на ярмарку, в этот волшебный мир. Зажав копейку в ладони, я весь день наслаждалась песнею жизни вокруг... Под вечер купила рисовый пирожок, горячий-горячий, с волнующим запахом сытости. Еще раз прошлась по рядам с пирожком. Отправляясь домой — до дому было два квартала, — я придумала, как есть пирожок, чтобы хватило до самой калитки. Год прожила в ожидании следующего дня рождения.

Комнату в десять квадратных метров домохозяйка даже на такой улице, как улица Марди (на ней находились публичные дома), семье «с такой оравой детей» согласилась сдать с условием, чтобы дети, выходя из комнаты, сразу же уходили и со двора. Летними утрами мы сидели на улице, у дома, на завалинке, вытягивая ноги на солнышке. Теперь пора сказать, что к 1908 году (об этом времени сейчас идет речь) в семье было восемь детей. Правда, один из них уже умер, двое работали, один

еще лежал в люльке, но вот четверо долгие часы просиживали на завалинке.

В 1910 году стала я ученицей городского начального училища. Все четыре года я приходила в школу первая. Школу любила преданно. Не умею сказать, за что, ибо власти, олицетворявшиеся двуглавым орлом, методично внедряя русификацию, запретили преподавание на эстонском языке, исключение составлял «закон божий». Да раз в неделю разрешался урок эстонского языка. За разговор в стенах школы на эстонском языке неизменно ставили в угол. Спасала нас умная и строгая Вера Андреева, заведующая училищем и учительница русского языка. Она заставляла учить наизусть стихи. Они были певучи, быстро запоминались. Так я усвоила русский язык, полюбила Пушкина и Некрасова, Лермонтова и Крылова.

Летом 1913 года два старших класса в неурочное время были вызваны в школу. Нас отвезли в Балтийский порт — ныне Палдиски, — где состоялась встреча

Николая II и Вильгельма II. Учащиеся Таллина при этой встрече «царствующих особ» стояли в почетном карауле и кричали «ура» по тайной указке учительниц. Мы приехали рано утром, репетировали полдня и весело следили, как городовые шашками разгоняли коров, свиней и птицу по закоулкам маленького городка, и удивлялись, почему это цари едут в город, где такая уйма непонятливых животных.

Осенью каждой ездившей в Палдиски в школе выдали коробку шоколада «от самого царя». На коробке золотая рыбка, внутри голубой бархат и два ряда конфет. Я до этого шоколад не ела и даже не видела. Недели две я никому не разрешила тронуть шоколад, сама не ела, спать ложилась с коробкой. Как-то вечером я услышала разговор матери с отцом: «Беда с девочкой, не знаю, как быть, носится с коробкой как сумасшедшая. Проклятый Колька (это про царя-то!!!) боится взрослых и подкупает детей...»

Я покрылась потом, боялась дышать —

Выпускной класс городского начального училища. Таллин, 1915. Крестиком отмечена А. Ваарман.

была обижена за царя и за себя, но с тех пор начала думать. Учиться я всегда любила — так интересно каждый день узнавать новое. А мне очень хотелось поумнеть.

Старшая двоюродная сестра училась в торговой школе. Она уговорила меня поступить туда после начального училища. Весной 1914 года я сдала экзамен и была принята. Осенью, придя первый раз в класс, села, как привыкла, на первую парту. Перед уроками вошел директор Бауэр. Заложив руки за спину, он ходил перед партами взад-вперед, «уточняя» вопрос о школьной плате. Недели через две между мной и Бауэром взаимоотношения стали предельно ясными:

— Как фамилия?

— Ваарман.

— Скажи родителям, чтоб прислали деньги.

— У них нет денег.

— Зачем же они тебя прислали в эту школу, если у них нет денег?

— Они не прислали, я сама пришла.

— За эту школу надо платить.

— А если нет денег?

— Возьми сейчас же книги и иди домой.

Я пошла к двоюродной сестре. Та меня бранила — не так я разговаривала. Наказала идти в кабинет, когда директор там один, — просить. Я уже боялась остаться с ним с глазу на глаз и решила, что не надо мне садиться на первую парту, если сзади есть две пустые. На следующий день я там и села.

— Деньги принесла?

— Нет.

— Зачем же пришла?

— Хочу учиться, а тут пустые скамейки.

— И за эти надо платить.

— Может, можно в долг, я вырасту и заплачу? У нас много детей и только одна мать, один отец и тот выпивает. (Я плачу, все смеюся.)

— Школа не мелочная лавка, где дают займы. Иди домой. Я скажу дворнику, чтоб он тебя больше не пускал.

С плачем бегу к Андреевой. Прошу задержать меня в начальной еще на один год, чтобы мне не остаться совсем без школы. Она оставляет.

Летом 1914 года все героически стремились на войну защищать царя и отечество: витрины полны портретов казака Крючкова с захватским чубчиком из-под заломленного картуза. С нашей улицы все парни, и среди них мой старший брат, как высокие и стройные, зачислены в грена-

дерский полк. Они прислали снимки. Щекотало душу при виде таких мундиров — одна каска с пером чего стоила! А через полгода вернулся Эрнст Аррас, самый красивый и веселый гитарист нашей улицы, вернулся слепым... Со шемящей душой я наблюдала из окна, как он ощупью, по знакомым стенам, пошел в лавку и оттуда вернулся с хлебом под мышкой, руки шарили по стене. Тут я вспомнила улыбающихся царей и разговор матери с отцом.

Весною 1915 года вторично кончаю свое любимое начальное и опять оказываюсь не у дел. Мать хотела меня устроить ученицей в магазин, но, к великому огорчению взрослых, меня из-за прилавка не видать.

В то время как я потерпела фиаско с поступлением в торговую школу, моя соседка по парте сумела поступить ученицей в типографию газеты «Ревельские известия» на улице Пикк. Теперь она мне сказала, что в типографию берут ссыльных студентов и учеников — пусть я приду на пробу. Пошла. Хозяин, русский, Тарунцов, поговорил со мной и принял на месяц без жалованья, «а там видно будет».

Студенты, как мне казалось, были отчаянные зубоскалы:

— Ишь какая, а тоже на работу! Леня учиться было...

— Не леня, а денег у нас нет.

— Родители небось пропойцы?

— Все время работают. Отец иногда, с горя...

— Это почему же у них денег нет?

— Потому что бедные. Детей много.

Оставив меня в покое, студенты серьезно рассуждают между собой: и отчего это так, что одни бедные, другие богатые?

Меня все больше и больше тянет к студентам. Один из них как-то доверительно шепнул: «Ничего, скоро будет революция!» Я не люблю полумер, настаиваю: «Когда?» — «Когда мы с тобой ее сделаем, тогда и будет!» Я чуть не плачу от обиды, что мне не доверяют...

1 марта 1917 года. Студенты велят мне перетачить очередную порцию бумаги. Выхожу (склад в коридоре), парадная дверь открыта, слышится какой-то гул. Выбегаю на улицу — из-за поворота валит народ: матросы, рабочие, солдаты, женщины в красных косынках, тесными рядами — держат друг друга под руку. Когда первые ряды повернули к ратуше, грянуло: «Отречемся от старого ми-и-ира!» Боже мой, это, наверно революция! Я забыла про бумагу и пошла с революцией!

На следующий день хозяин осведомляется, куда я это вдруг с работы пропала.

Как куда? Революция ведь! «А я и не сообразил... Так извольте же ее и дальше делать, только без моей помощи».

Подумаешь, пугает, теперь уже не страшно... Ушла, а у самой кошки на сердце скребут: вдруг еще не все? Не кончилась революция?

Перед празднованием Первого мая старшие дома рассказывают, что буржуазия готовит «номер», и поэтому лучше идти на демонстрацию каждому со своим коллективом. У меня нет коллектива. Мать советует не хныкать, а идти с типографией — «они ведь тебя знают». Придется — не могу же я остаться дома! Выхожу утром чуть позже других — надо, чтобы мои студенты были в сборе, вся надежда на них.

Погода чудесная. При виде площади возле пожарной части захватывает дух — сколько знамен! Сомкнутые ряды — как кубики. Трубы оркестров отвечивают на солнце сверкающим золотом. Чинные дежурные с красными розетками на груди. Тишина, все в ожидании. Ни души на тротуарах, даже на горке возле площади пусто — никто не хочет быть в стороне. Оркестры грянули «Марсельезу». Тысячеглавый колосс на площади радостно вздохнул и ответил пением. И — я среди всех! Удивительно хорошо!

Март, апрель, май, июнь, июль, август — я без работы, вроде революции и не было. В сентябре, наконец, удается поступить в типографию Калла, на Мююривахе, 17, — муж старшей сестры там машинистом. Тут и Октябрьская революция — сразу открылась вечерняя школа, бесплатно! Одна досада: мне только исполнилось пятнадцать. Даже в революцию плохо быть несовершеннолетней, в члены молодежного клуба и то не принимают. Зато на работе мне везет: с первым номером свежей газеты надо быстро бежать в ратушу. Там в одной из комнат сидит красивая женщина, Эльза Лелль, которая принимает у меня газету и тут же начинает ее читать (тем самым она дает мне возможность в очередной раз рассматривать ее). Ох, как я ей завидую, какая она должна быть умная, если от нее зависят поправки в газете!.. И совсем не гордая, часто спрашивает меня, как я живу, учусь ли. Через несколько лет я узнала, что Эльза — жена Виктора Кингисеппа.

Еще занимал меня один человек, с громадной рыжей бородой — Лилиенбах. К нему меня посылали за разными книгами или с записками. В его комнате не только стены полны книг, книги и на полу. Он длинными шагами перешагивает их, чтоб

найти то, за чем я пришла. Он жалуется на беспорядок, на отсутствие жены — никто за него не идет. Я разглядываю его, размышляю, сколько ему может быть лет. Советую ему сбрить бороду, тогда он сразу найдет себе жену. Он хочет так громко, как Мельник в опере «Русалка» (которую я через тринадцать лет услышала в Москве в Большом театре и вспомнила рыжего бо-родача). Тогда, в Москве, я уже знала, что Юхан Юрьевич Лилиенбах — старый революционер, эстонский поэт и писатель, очень талантливый старик.

Несмотря на мое страстное желание быстро поумнеть, умнела я медленно. Я мало читала. В школе была маленькая библиотека. Были книги Лидии Чарской с чудесными картинками. Учительница мне Чарскую не давала, а советовала читать «Дети капитана Гранта» — толстая книга, мелкий шрифт, без картинок. Теперь я ей благодарна, что она хотела меня отгородить от пустого чтения, но тогда я обиделась и не стала у нее брать книги.

Когда у старшей сестры в 1912 году родилась дочь и я летом должна была ее нянчить (сестра тоже работала в типографии), то перерыла все книги у ее мужа. С ужасом обнаружила у него книгу без переплета, в зеленой обложке, с заглавием «Капитал», на эстонском языке... Мне стало жаль сестру — значит, она вышла за буржуя, который интересуется капиталом, поэтому и живет в двух комнатах, да еще с кухней, и ходит на работу при галстукке. Я перестала интересоваться им и его книгами. В дни Октября я на первую получку хотела себе купить хорошую книгу. Пошла в магазин и просила дать мне настоящую, хорошую книгу. Мне дали о Распутине. Я по-прежнему продолжала таскать у братьев Шерлока Холмса...

Вся моя надежда была на школу, посещение школы дало мне не только много интересного, но и чувство самостоятельности: утром на работу, вечером в школу, прихожу поздно, никто меня не упрекает — я полноправный член семьи.

Дома жизнь очень занимательна — оба брата, их товарищи, все в Красной гвардии. Старший брат — ему двадцать два, он вернулся с фронта — даже в партии. Ружья имеются у всех, учимся стрелять у нас во дворе. Новый, 1918 год встретили всем кварталом вместе, на улице; пели, стреляли, кричали «ура».

...Стою на улице возле нашего дома. Тревожно, пушки где-то тяжело и гулко ухают. Бежит старший брат: «Скажи маме, что я уехал на корабле!»

Младший, никому ни слова не говоря, ушел с Красной гвардией в Кейла, где дали бой наступающим немецким оккупантам. Бой проиграли, брат, которому в марте исполнилось семнадцать, был взят в плен и посажен в лагерь Пяскюла — мы долго не знали, где он. Потом его выслали в Советскую Россию, где он, как и старший брат, пропал в огне гражданской войны. Учетная карточка члена компартии в архиве Института истории партии и пожелтевшая фотокарточка — все, что о нем напоминает. От старшего нет и этого...

В декабре 1917-го погиб отец. Он был рабочим завода «Двигатель». Получил на работе увечье. Три года дома лежал. Судился с заводом, пока ему назначили пожизненную пенсию — восемь рублей в месяц (он требовал сорок). Пробовал работать грузчиком — не мог, затем стал маляром. После Октября отец зачем-то поехал в Петроград, через два-три дня мы получили письмо, что отец попал под поезд.

Под оглушительный рев мотоциклов в Таллин въехали немецкие оккупанты. Я опять без работы и — без школы. В городе введен комендантский час, дома темно, нет керосина, есть фитилек в карбиде, еле светит. Совсем нет еды... Оккупанты все отбирают. Немецкие солдаты ищут знакомства с девушками, предлагая всякие пакетики: кофе, яичный порошок, гороховую муку — все эрзац, то есть из разных заменителей. Мать комментирует: все у них эрзац, пусть из... выпрессуют себе девушку-эрзац! Мне это нравится, я рассказываю всем, как моя мать здорово сказала, пока она меня не ставит на место: ты что, хочешь к брату к Пяскюла?

У меня появилась подруга Хильда, красивая девушка, познакомилась на работе. Она единственная дочь, она лучше меня одета — к меховому воротнику пришит букетик матерчатых незабудок. Идем по улице, навстречу пять-шесть немецких солдат. Один замечает, улыбаясь: «Wie hübsche Blüten!» Она, так же весело улыбаясь, отвечает: «Nur nicht Lebendigel!» «Как ты можешь им улыбаться?!» — «А знаешь ли ты, что молодость проходит?» А я и не знала, что она чувствует и думает не так, как я...

Единственный способ добыть пропитание — обмен. Собираю весь инструмент отца, кладу на санки, еду в деревню. За неделю удалось собрать полгуда муки. На обратном пути прошу возчиков сена спрятать муку, ибо на дорогах в город патрули безоговорочно отбирают все съестное.

Мать моя никогда в школу не ходила. Сама научилась читать, говорить по-немецки. Была неверующая. Рассказывала нам про войну буров и про «единственного хорошего буржуа» — Льва Толстого. Всех своих детей воспитала коммунистами. Теперь благодаря рекомендации барыни-немки, которой она (в течение всей своей жизни) стирала белье, мать взяла работать на кухню в наш «Рабочий дом», который немцы перекрестили в «Дом солдат». Хозяйка-немка, ведавшая делами этого дома, обыскивала мать при уходе. Мать жаловалась, что на кухню за день приходится очень много просителей, им хочется дать хоть одну картошку, но это строго запрещено под «предлогом»: один не Христос всем!

Однажды утром кто-то торжественно объявляет: в Германии революция! Как по взмаху волшебной палочки, все переменялось — орган Компартии «Коммунист», для печатания которого наладили полулегальную типографию на том же Мююривахе, 22/5, печатается опять у нас, на Мююривахе, 17, несмотря на все протесты хозяина, и вообще все чувствуют себя опять как рыба в воде: оккупанты засовывают в вещмешки что только туда влезет и стремятся «нах хаузе».

29 ноября 1918 года Нарва отобрана у белых! Затем власть коммуны в Тарту. Скоро орудийный гул слышен в Таллине... Боимся ложиться спать — вдруг проспишь главное: приход наших парней, красногвардейцев!

А затем на рейде английские крейсера... «Независимцы» сразу осмелели: сколотили «бронепоезд» — паровоз и платформу с пушкой, команда из 75 школьников. «Коммунист» запретили. В городе демонстрации, около завода «Двигатель» рабочие отняли у солдат пулемет. На Ратушной площади стреляли в демонстрацию, есть убитые, раненые, многих арестовывают — развязывается все больше и больше белый террор.

В начале января 1919 года Красная наша Армия вынуждена была отступить — то были для меня самые черные дни. Моя жизнь только начиналась, я так жаждала учиться, а теперь работы и той нет. В типографии управляющий мне заявил, что здесь мне больше искать нечего: «Вы не лучше этих мятежников-взрослых и наравне с ними теперь в черных списках».

У меня изнашивается последнее платье, каждый день «ремонтирую» парусиновые туфли на веревочной подошве.

Худая и голодная, выхожу утром искать работу...

Сестра принесла своих детей тоже к нам. Теперь у нас пятеро меньше меня. С едой круто.

Идет война с Советской Россией. Никто не хочет больше воевать ни с кем, тем более с Советами. Военнообязанные на острове Сааремаа отказались от мобилизации, подняли восстание. С помощью финских белых восстание жестоко подавили — «зачинщиков» расстреляли, остальным дали тюрьму и... розги в тюремной канцелярии. Розги уже семьсот лет применялись к эстонцам, и на этот раз инициатива исходила от эстонских белогвардейцев, которые сами охотно вызвались выполнить это «самое легкое» наказание.

В Тарту восстал четырехтысячный запасной полк, потребовавший удалить самодура-офицера. Офицера удалили. Казалось, все в порядке. Через два дня полк выстроили. «Рассчитайся на двадцать, каждый двадцатый выходи!» Эти двадцатые были тут же, на глазах всего полка, расстреляны. Еще двух, которые, очевидно, были на особом счету, повесили...

По Таллину ходили страшные слухи: будто в тихие вечера со стороны острова Найссаар слышны человеческие крики. Теперь мы знаем, что там творили расправу над матросами с захваченных советских кораблей — никто не ушел оттуда живым.

Нет рабочей семьи, где нет слез. 29 января 1919 года старост рабочих завода «Двигатель» Юльюса Шютца и Иоханнеса Купнара приговорили к расстрелу. Рабочие нашли их изуродованные трупы в болоте возле озера Юлемисте. Виктор Кингисепп (он вернулся в Эстонию в ноябре 1918 года и руководил борьбой Коммунистической партии) велел заснять трупы, послал снимки в Петроград, в журнал «Классивыйтлус». Журнал, уже со снимками, прислал нелегально обратно в Эстонию, и мы, молодежь, будто бы случайно нашли журнал, ходили и показывали всем.

У меня уже много друзей среди тех, кто идет за коммунистами, кто продолжает борьбу за свободу Эстонии.

Я познакомилась с Вильхельмине Клементи. Это была удивительная девушка, страстная, непримиримая, цельная натура. Она была одной из самых смелых и к тому же самых юных борцов. С ее именем связаны первые шаги комсомола Эстонии.

Орган Компартии «Коммунист» выходит подпольно. Мать регулярно приносит газету, и мы передаем ее товарищам с опас-

ностью для жизни: поймают — расстреляют. Газета зачитывается буквально до дыр. Все-все Кингисепп про нашу жизнь знает — откуда только! И молниеносно реагирует. Обрушивается на палачей-злодеев со всей силой наших изболевшихся сердец, вроде он живет с нами в одной комнате... Вот исчез 17-летний Арнольд Ляяц. Не стало мальчика, и все... Кингисепп писал, что его схватили на улице и охранники его замучили за то, что он не выдал типографию. Придет время — золотыми буквами надо писать о молодом герое. Сорок восемь лет спустя в архиве я нашла данные, что Ляяц был действительно схвачен охранниками и замучен...

В течение всего 1919 года в Эстонии шла отчаянная борьба между рабочими и всех мастей белыми: англичане, финны, датчане, Юденич, Булак-Балахович — все помогали эстонским «независимцам» встать на ноги... но больше всего старались местные социал-демократы, они и были у власти в этом самом террористическом в истории Эстонии году.

Положение рабочих было отчаянным — зарплата 175—300 марок в месяц, когда среднему служащему платили 800—900 марок, а министру 2000 марок. Купить кое-что можно было только у спекулянта за невероятные деньги. Рабочие бастовали, требуя хотя бы минимальных забот. Социал-демократы обвиняли Компартию — она, мол, во всем виновата, мутит воду, несознательный эстонский рабочий идет на поводу у коммунистов...

Рабочие решили созвать съезд профсоюзов, чтобы доказать свою правоту, чтобы сказать предателям народа всю правду: народ идет за коммунистами, он всей душой с Компартией, с таким кристалльным борцом, как Виктор Кингисепп, а Кингисеппа, говорят, знает сам Ленин! Таких борцов уважают и любят не только рабочие, но и весь честный народ Эстонии. И действительно, когда Виктору Кингисеппу во время очередной облавы в городе негде было приткнуться, его спрятали — по просьбе своего талантливого ученика певца Венникаса — композитор Топман в театре «Эстония», в органной комнате концертного зала.

Первый съезд профсоюзов Эстонии начал работу в субботу, 30 августа 1919 года, в Таллине, в «Рабочем доме». Почти 40 000 организованных рабочих избрали 416 делегатов. Буржуазия — и не только эстонская! — так и ахнула: и это несмот-

ря на террор! В условиях белого террора съезд был большой победой Компартии.

Вместительный балкон полон гостей, я среди других. Я тоже член профсоюза, я выполняю задания коммунистов. Заиграл оркестр, все запели «Интернационал». Приняли порядок дня, избрали секретариат. Вдруг встает комендант города (он присутствует со свитой из четырех военных) и объявляет, что согласно распоряжению министра внутренних дел социал-демократа Хеллата съезд должен быть закрытым, то есть без гостей. Председатель заявляет, что единственные непрошеные «гости» — это социал-демократы, соратники председателя-министра. Их и просят удалиться.

В воскресенье утром «мы» опять на месте. Председатель Аннус сообщает, что делегация была у министра и добилась открытого съезда — кого нам бояться?! Мы с восторгом аплодируем. Опять встает комендант и предупреждает, что по распоряжению министра на съезде нельзя говорить о политике или о войне и мире.

Тогда просит слова сам председатель Аннус для экстренного заявления. Он докладывает съезду о том, что несколько дней назад его официально пригласили к английскому консулу. Там ему посоветовали с помощью съезда свергнуть ничего не понимающих адвокатов, стоящих у власти, которыми рабочие шибко недовольны, а «мы поможем деньгами и людьми». Это явная провокация. Съезд негодует. Съезд единогласно постановляет: требовать от правительства высылки английского консула и заключить мир с Советской Россией. Съезд принимает решение о присоединении эстонского рабочего класса к III Коммунистическому Интернационалу. Все поют «Интернационал». Комендант вызвал солдат. У выхода проверяют документы. Часть делегатов арестована. До полуночи охотились в городе за теми активистами-коммунистами, которые не были на съезде. Количество арестованных достигло 102 человек.

Ночью их в товарных вагонах увезли в пограничный тогда Изборск. Здесь двадцать шесть отделили от других, куда-то увели. Остальных погрузили на открытую платформу броневина, довезли до фронта, там в какой-то избушке обыскали, отняли все ценное и велели пешком, не оборачиваясь, «идти в свой рай». Надеялись, конечно, что Красная Армия их примет за десант. Но все 76 благополучно перешли границу и были встречены как почетные гости. Судьба 26 еще на первой мирной

конференции 17 сентября была неизвестна — корреспонденты советских газет расспрашивали эстонских корреспондентов, а те с изумлением говорили: «Наши газеты пишут, что все делегаты переданы в Советскую Россию под расписку».

Позже одна финская газета написала, что 26 делегатов были расстреляны недалеко от Изборска 6 сентября 1919 года.

Так социал-демократы помогали белым. Поэтому самыми ненавистными в Эстонии среди рабочих считались два слова: «охранник» и «соц».

Вот в какой обстановке я провела детство, вступила в юность. Юность моя прошла в замечательное время — то была короткая, но очень яркая улыбка дорогого Октября в Эстонии. Как и тысячи других юношей и девушек, детей эстонских рабочих, я поняла, с кем надо идти. И когда возник Союз юных пролетариев Эстонии, я уже знала, что для меня иной дороги в жизни нет.

Союз юных пролетариев Эстонии существовал 129 дней — с 5 декабря 1920 по 14 апреля 1921 года. «Демократический» министр внутренних дел Эстонской независимой республики закрыл союз.

Несмотря на короткий срок жизни, союз оставил заметный след в истории эстонского комсомола.

Интересы молодежи всегда были интересами завтрашнего дня. Вслед за Коминтерном в 1919 году родился и Коммунистический Интернационал Молодежи: молодые руки всего мира сжались в один мощный кулак. В числе других был и эстонский комсомол.

Подготовка к созданию союза велась под руководством подпольного ЦК КПЭ и товарища Виктора Кингисеппа, которому помогала когорта молодых борцов 1917 года — братья Георг и Ян Креукс, Арнольд Соммерлинг, Вольдемар Туберик, Хендрик Аллик, Густав Меттус, Вильгельмине Клементи и многие другие. Всем им очень хотелось подарить Первому подпольному съезду Компартии Эстонии уже вполне работоспособный Союз юных пролетариев. Компартии нужны были новые борцы взамен уничтоженных страшным белым террором в 1918—1920 годы.

В январе 1920 года в Риге состоялось первое информационное совещание прибалтийской молодежи. Из Таллина нелегально туда поехал Вольдемар Туберик. Он только-только освободился из тюрьмы.

По его возвращении был написан Устав Союза юных пролетариев — 32 параграфа

на четырех листах. Арнольд Sommerling и Вольдемар Туберик представили устав для регистрации мировому суду. (В «независимой» Эстонии все законы царских времен были оставлены в силе.) Мировой суд однако с регистрацией не спешил...

Учредительное собрание союза состоялось только в воскресенье, 5 декабря 1920 года. А в субботу в десять часов вечера полицейский вручил сторожу «Рабочего дома», где должно было состояться собрание, бумагу: музыка на собрании союза строго запрещена. Поди опротестуй бумажку, когда до открытия союза осталась всего лишь ночь! Зато триста отборных борцов пели «Интернационал» и пение было слышно на улице куда лучше оркестра.

Собрание открыл Арнольд Sommerling, 22-летний бухгалтер, в котором ничего бухгалтерского не было: каждое его движение выдавало борца, уверенного, захваченного борьбой всецело. И при этом Sommerling отличался чувством юмора. Прирожденный вожак, за которым молодежь ходила стаей, ловила каждое слово, высмеивающее полицейских и шпиков.

Арнольд Sommerling был единогласно избран председателем союза. Его заместителем также дружно избрали Хенрика Аллика¹. От председателя Союза юных он «отстал» только в одном — был меньше его ростом, в остальном эти два наших руководителя были удивительная пара. Они отлично дополняли один другого. Два раза в неделю Sommerling с Алликом устраивали дискуссии на злобу дня. Мы тогда не знали, что дискуссии эти, которые многому учили нас, устраивались «понарошку».

На первом же собрании Союз юных пролетариев Эстонии объявил себя принадлежащим к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, признающим руководство Коминтерна. Работа закипела. На всех заводах, фабриках, в мастерских и школах за месяц были созданы коллективы союза, число членов союза быстро достигло тысячи и даже перевалило за эту цифру.

Работали решительно, дружно, с большим подъемом: всем было памятно короткое, но тем более волнующее время Советской власти в Эстонии (октябрь 1917 — февраль 1918), и все мечтали о возврате этого времени...

Филиалы союза были организованы в Тарту, Нарве, Пярну, Вильянди, Кунда, Халисте, Пыльсама, Хагуди, Вяйке-Маарья. На очереди дня стало создание своего органа.

Закупили бумагу, договорились с типографией. К союзу тянулася рабочая, школьная молодежь, все оживленней и многочисленней становились наши собрания. Буржуазия поспешила закрыть союз. Был устроен очередной погром и всех профессиональных союзов, отнят «Рабочий дом» — более двадцати тысяч организованных рабочих Эстонии были оставлены без единого помещения, где они могли бы собираться. Опять закрыли газеты. Наконец, был сфабрикован очередной процесс, на этот раз «процесс 115-ти». Суд состоялся весной 1922 года. Арнольд Sommerling и около 30 членов союза были приговорены к каторге сроком от 8 до 10 лет. До этого уже было несколько больших процессов, на одном из которых Георг Креукс был приговорен к смерти, но обменен в Советскую Россию.

Еще в январе 1920 года по предложению Виктора Кингисеппа в Тартуский мирный договор был включен пункт об обмене политзаключенных Эстонии на белогвардейцев. Теперь наши осужденные парни были обменены и уехали в Советскую Россию, откуда вскоре вернулись на подпольную работу. Около трехсот вернулись осенью 1924 года для подготовки восстания 1 декабря 1924 года, среди других и Арнольд Sommerling и Освальд Пийр — члены ЦК КСМЭ. Восстание не удалось. Три его участника, Sommerling, Пийр и Амбус (депутат Городской Управы Таллина, коммунист), три дня скрывались в лесах, без пищи, потом решили пойти в местечко Иру, под Таллином. Их выдал сын кулака, случайно услышавший их в лесу. Хутор окружили солдаты. Бой между батальоном солдат и тремя коммунистами, вооруженными всего лишь тремя револьверами, длился девять часов: коммунисты метким огнем уложили всех, кто приблизился к дому. Но — патроны кончились...

Так геройски погиб наш незаменимый председатель. Так погиб Освальд Пийр, мечтавший стать скрипачом: «Только скорей бы совершить революцию...»

Оставшиеся члены Союза юных пролетариев Эстонии после закрытия союза ушли в подполье и под руководством ЦК КП Эстонии и его члена Яана Креукса в апреле 1921 года создали нелегальный коммунистический Союз молодежи Эстонии. Борьба продолжалась.

¹ Хенрик Аллик ныне председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР.

На демонстрации в честь
Международного юношеского дня.
1935 г.

Вл. Дмитриевский

Ленинград

Когда я слышу эту песню...

Мне посчастливилось лично знать целую плеяду замечательных молодых революционеров, которым партия в трудные двадцатые годы доверила руководство стремительно растущей, набирающей силы массовой политической организацией советской молодежи — комсомолом.

С иными из комсомольских вожakov того времени я только встречался, с другими вместе работал.

Хочу сразу же оговориться. Сам я никогда не был на руководящей работе. И вот, чтобы не повторить ошибку, свойственную некоторым мемуаристам, — ста-

вить знак равенства между исторической личностью, ставшей объектом воспоминаний, и самим собой: «я и Наполеон Бонапарт», «я и Альберт Эйнштейн», — я попытаюсь объяснить читателям причины моей близости с некоторыми товарищами и характер сложившихся с ними отношений.

Я очень рано, явно в нарушение Устава, был принят в комсомол. Двенадцатилетним мальчиком, в марте 1920 года, пришел я в Тульский уездный комитет РКСМ и подал заявление, в котором пламенно просил принять меня в ряды комсомола. И меня... приняли, так как до этого я уже состоял в детской коммунистической организации, созданной, если не ошибаюсь, еще в 1919 году, — в Детской коммунистической партии — была у нас в Туле такая. Ну могли ли отказать в приеме в комсомол «руководящему товарищу» — председателю Федяшевского детского пролеткульта и, соответственно, секретарю тамошней ячейки ДКП?!

А став комсомольцем, я продолжал работать с детьми и первым в Туле надел на себя красный пионерский галстук, организовав там осенью 1922 года первый отряд юных пионеров.

Будучи совершенно заядлым, фанатичным пионерработником, я никогда не расставался с красным галстуком — разве что развязывал его на ночь. А так как, несмотря на то, что я был не по возрасту крупным парнем, по существу, я оставался обыкновенным мальчишкой, неизменно самым молодым среди товарищей по комсомолу, ко мне и относились с некоторой долей снисходительности — ну что возьмешь с юного пионера! — и охотно покровительствовали. Я этим довольно широко пользовался, конечно, несознательно, когда старался чего-то добиться для своих любимых пионеров. И вот получилось так, что я довольно близко познакомился со многими вожаками комсомолки двадцатых годов, чьи имена ныне стали уже историей.

Двоим из них, Оскару Тарханову и Александру Мильчакову, я обязан самым важным в жизни — они подписывали мне путевку туда, куда я стремился по властному велению собственной совести, — в партию большевиков.

Первый из них, Тарханов, рекомендовал меня в кандидаты в члены РКП(б) в 1925 году, а второй, Мильчаков, поручился за меня в 1927 году, как за молодого коммуниста, выдержавшего испытание и, следовательно, могущего уже стать членом партии.

И оба они были для меня не просто уважаемыми партийными поручителями, но старшими товарищами, друзьями, по которым я, как мог, равнялся и старался хоть чем-нибудь походить на них. Даже в мелочах. Так, например, я стал широко пользоваться любимой поговоркой Тарханова: «А ты говоришь — купаться!» — и безбоязненно насиловал свой почерк, пытаюсь писать, как Мильчаков, — прямыми, четкими и округлыми буквами.

Почему же так случилось? Быть может, потому, что оба они были ведущими, руководителями, очень ответственными и пр. деятелями комсомола и мне просто хотелось, что я имею таких «крестных отцов»? В какой-то степени, пожалуй. Но главное заключалось в их отношении ко мне. Я не стал им безразличен после того, как они дали мне свои рекомендации. Нет, их продолжала интересовать дальнейшая моя судьба. Они отвечали за меня перед пар-

тией, причем не формально, а по существу. Это означало, что они встречались со мной, переписывались, когда судьба разбрасывала нас в разные стороны, исподволь, через общих наших товарищей, следили за моим, так сказать, ростом. И я знал, что в любом случае, столкнувшись с непредвиденными трудностями или не умея ответить самому себе на какой-нибудь животрепещущий и почему-либо важный для моего душевного равновесия вопрос, я могу обратиться к своему «крестному» и получить от него добрый совет, а то и здоровенный «раздрай», коли я таковой заслуживал своим поведением или овладевшей мною «дурацкой мерехлюндией».

Я мог бы очень много рассказать об этих близких, дорогих моему сердцу людях, но тогда неизбежно пришлось бы нарушить тот самый принцип, который я пообещал положить в основу своих воспоминаний, а избрать удобную и неизъяснимо приятную для автора формулу «я и Александр Македонский»...

Итак, попробую не отступать от задуманного.

КИМ и кимовцы

Весной 1928 года ЦК ВЛКСМ направил меня на работу в аппарат Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Таким образом исполнилась давняя и сокровенная моя мечта стать кимовцем, или, как мне тогда представлялось, принять самое непосредственное участие в подготовке всемирной пролетарской революции.

К сожалению, нынешние комсомольцы ничего или почти ничего не знают о КИМе и о славной его деятельности, продолжавшейся в течение двадцати четырех лет (с 1919 по 1943 год). А в годы, к которым относится мой рассказ, комсомольцы всего мира носили на груди значок в виде алого флажка, в центре которого были вычеканены именно эти три буквы — «КИМ».

Все коммунистические союзы молодежи земного шара считались секциями КИМа, так же как сам КИМ был одной из наиболее многочисленных секций созданного под руководством В. И. Ленина Третьего Коммунистического Интернационала.

Исполком КИМа размещался на четвертом этаже довольно невзрачного дома на Моховой. Длинный узкий коридор, и по обе стороны его множество дверей, ведущих в комнаты, где в ужасной тесноте, но не в обиде сидели и секретари Исполкома,

Секретарь Тульского горкома РКСМ Коля Федотов выступает на митинге по случаю прибытия в город агитпоезда ВЦИК «Октябрьская революция». 1919—1920 гг.

и заведующие отделами, и обыкновенные, такие, как я, референты.

В 1928 году делегацию ВЛКСМ, или, как обычно говорили, «русскую делегацию», в КИМе возглавлял Рафаэль Хитаров. Вместе с ним в делегацию (уж не помню, кто с правом решающего, а кто с правом совещательного голоса) входили: генеральный секретарь Цекамола Александр Мильчаков и непосредственно работавшие в Исполкоме Амаяк Вартанян, Александр Григорьев, Николай Фокин, Иосиф Мазут, Павел Павлов, Георгий Беспалов, Насонов, Михаил Абугов.

Секретарем делегации сначала был Зусманович, а позже Иван Борецкий.

Из советских комсомольцев, работавших тогда в аппарате, помню еще Валериана Зорина — одного из первых зачинателей

детского коммунистического движения, Владимира Мачевариани и Самуила Черню, работавшего вместе со мной в агитпропотделе.

Из зарубежных комсомольцев помню секретарей ИК КИМа Рихарда Шиллера (Австрия), Роберта Лейбрандта (Германия), Милана Горкича (Югославия), Фридля Фюрнберга (Австрия); представителя Итальянского комсомола Луиджи Лонго, французов Раймонда Гийо и Франсуа Бийю, чеха Фрица Геминдера, финна Пекку Паасонена, ну и десятки других превосходных молодых революционеров из многих стран мира, чьи имена, к сожалению, не сохранила моя память.

Но и сегодня я вижу их такими, какими они были тогда.

Вот промелькнула стройная фигура Ра-

фика Хитарова в серой форме красного фронтовика — он взглянул на меня внимательно и дружелюбно: «Научись, Володя, не боги горшки обжигали!»

Вот ослепила сверкающе-белая улыбка Вартаняна. Коренастый, невысокий, быстрый, с такими иссиня-черными волосами и коричнево-смуглым лицом, что при первой встрече я принял его за араба или турка.

Удивительные ярко-синие глаза Милана Горкича. Озорная ухмылка Абугова. Серьезное, сосредоточенное лицо нашего «очкарика» Коли Фокина, уже польсевшего на своих трудных дальневосточных делах. А «индуса» Иосифа Мазута я вижу возле бильярдного стола в стремительном и каком-то хищном движении — посылает шар в угловую лузу. Иосиф был азартным и отменным бильярдистом.

Попав в КИМ, я сразу же окунулся в господствующую там героико-романтическую атмосферу. Ведь каждый из нас был убежден тогда, что всемирная пролетарская революция не за горами, что если не сегодня, так уж завтра трудящиеся какой-нибудь европейской страны, порвав пути реформизма и соглашения, вооруженной рукой свергнут власть буржуазии и установят свою, советскую. Особые надежды возлагались на рабочий класс Германии, где существовала очень мощная, вторая после ВКП(б) коммунистическая партия, возглавляемая Эрнстом Тельманом.

Верили мы и в силу боевых революционных традиций французских рабочих — сынов и внуков парижских коммунаров. Коммунистическая партия Франции, ведомая вперед такими выдающимися революционерами, как Марсель Кашен, Морис Торез и Пьер Семар, завоевывала все новые позиции.

Казалось также невероятным, что черная чума фашизма, поразившая Италию, не будет в самом скором времени развеяна могучим революционным ветром...

1928 год принес на своих плечах обострение внутренних и внешних противоречий в капиталистических странах, крах временной стабилизации капитализма и непосредственную угрозу новой империалистической войны. В этой обстановке Коммунистический Интернационал поставил перед своими партиями задачу осуществления новой тактики — тактики наступления пролетариата и усиления борьбы против капитулянтства и соглашения с социал-демократии.

Мне была предоставлена возможность присутствовать на заседаниях VI конгресса Коминтерна, происходившего с 17 июля по

1 сентября 1928 года в Москве. Я слышал, как в своем выступлении товарищ Тельман подчеркнул важность работы с молодежью, ибо она «благодаря своей энергии, своему воодушевлению, самопожертвованию и инициативе является одним из важнейших революционных факторов, при помощи которых коммунистическая партия должна проводить революционную работу против империалистической войны и за превращение империалистической войны в гражданскую».

Но вернемся к обстановке в КИМе и к впечатлениям моим о новых товарищах по работе.

Так как почти одновременно с VI конгрессом Коминтерна должен был начать свою работу и V конгресс Коминтерна Молодежи, в коридорах четвертого этажа что ни день появлялись новые люди. То были парни и девушки, правдами и неправдами, подчас с огромным риском и опасностью для жизни прорвавшиеся через многие границы в Москву, на предстоящий форум молодых коммунаров всего мира.

В работах V конгресса принял участие 261 делегат, представлявший комсомольские организации 43 стран, причем 46 делегатов были совсем недавно выпущены из тюрем и застенков охранителей существующего порядка. Ведь в большинстве стран комсомол жил и боролся, находясь в глубочайшем подполье.

И вот в КИМе появляются веселые темноголазые парни, говорящие на мягком и певучем языке Данте и Петрарки. Они шутят, распевают озорные канцонетты и популярные неаполитанские песенки... Антонио, Роберто, Эмилио, Фернандо... Так называют они себя, пожимая нам руки, хлопывая по плечу, обнимая. Но как зовут их на самом деле, нам неизвестно. Они представляют несломленную, непокоренную революционную молодежь Италии — страну, где самовластвует страшный и в то же время карикатурный дуче, где неистовствуют банды чернорубашечников, ОБРА и фашистский трибунал. Наверное, кто-то из них уже подвергался пыткам неведомых средневековых инквизиторов: касторка, электрический ток... Значит, это встреча с подлинными героями — смерть подкарауливает их за каждым углом! Такие молодые, такие славные, такие обыкновенные ребята...

В Югославии, Венгрии, Румынии, Польше охотятся на коммунистов и комсомольцев, как на диких зверей.

А что сказать о колониальных и полу-

Заседание бюро ЦК ВЛКСМ. Москва, 1928 г. В центре — А. Мильчаков, первый справа во втором ряду — А. Косарев, третья слева — А. Северянова.

колониальных странах, о «самой крупной жемчужине» британской короны — Индии, о Бирме, Индонезии, Индокитае? Там царит ничем не прикрытый жестокий террор. Ведь жизнь «цветного» ничего не стоит по сравнению с жизнью сагиба — белого человека. Но и оттуда приехали в Москву отважные молодые люди. Они «табунятся» возле Иосифа Мазута, и нетрудно заметить, что и их лица и продолговатое сухоощавое лицо Иосифа покрывает одинаковый восточный желто-черный загар.

В КИМе я чувствовал себя как «фабзаяц», впервые ставший к станку рядом с высококвалифицированными рабочими. По сравнению с товарищами я оказался совершенным неумекой и ничего, кроме энтузиазма, за душой у меня не было. Между тем почти каждый из советских комсо-

мольцев, работавших в КИМе, уже имел не только богатый практический опыт работы с молодежью, но и школу революционного подполья.

Вот, например, Амаяк Вартанян, которого все мы называли ласковым уменьшительным именем Амо. Он еще в 1918 году, шестнадцати лет от роду, вступил в подпольную организацию молодых коммунистов Эривани «Спартак». Под воздействием большевиков-ленинцев Аршавира Меликяна, Степана Аллавердяна и других вырос в настоящего коммуниста. Отличался удивительным бесстрашием. Будучи уже секретарем ЦК комсомола Армении, в феврале 1921 года, во время мятежа, поднятого дашнаками, был схвачен, жестоко избит и только чудом избежал казни: маузеристы приняли его за умирающего — нечего во-

зиться с падалью! Но Вартамян выжил и уже через год вместе с Николаем Чаплиным возглавил Закавказский краевой комитет комсомола.

В КИМе строго соблюдались железные правила конспирации, и потому никто из нас не позволял себе проявлять излишнее любопытство к биографиям сотоварищей. Но, бывая на заседаниях русской делегации, я не мог не знать, что Вартамян имеет и немалый опыт нелегальной деятельности в зарубежных странах. В качестве уполномоченного ИК КИМа он побывал в Германии, в Чехословакии и, кажется, в Латинской Америке.

И тут я задавался горьким вопросом: ну, а что ты делал в свои шестнадцать лет? Организовывал отряды юных пионеров в Туле и Ленинграде? Не слишком ли это мало, чтобы находиться в штабе всемирной армии комсомола?

Видимо, заметив мою растерянность и неумение найти себя, дружескую руку помощи протянул мне Рафаэль Хитаров, признанный руководитель КИМа.

Я впервые увидел Рафика, когда он зашел к нам в агитпропотдел — не очень большую комнату, в которой работали Роберт Лейбрандт, Фриц Геминдер, Франц Мюллер, которого почему-то звали Кучи, секретарь комиссии связи Дарси, Самуил Черня и я.

Так вот, в нашей комнате появился какой-то незнакомый парень в форме красного фронтовика, черноволосый и кареглазый — несомненно, немец, — подумал я, когда услышал величественный его берлинский выговор и когда Лейбрандт назвал его «геноссе Рудольфом». Но он подошел к моему столу, притронулся к моему плечу и сказал по-русски:

— Так это ты Дмитриевский? Ну, давай знакомиться. Меня зовут Хитаров.

Я даже немного растерялся: уж как-то очень по-домашнему произошло наше знакомство. Когда же Хитаров попросил называть его просто Рафиком и предложил «как-нибудь вечером, да хотя бы сегодня», вместе погулять по Москве, на душе у меня стало спокойно и хорошо. И я, конечно, тут же «влюбился» в Рафаэля Хитарова, дав себе слово постараться во всем походить на него. Мне тогда было двадцать, Хитарову шел уже двадцать седьмой год. И он действительно был достоин того, чтобы стать эталоном для каждого молодого революционера.

Спокойный, выдержанный, доброжелательный, он был непримирим и бескомпро-

миссен в серьезных политических спорах, страстно убеждал, а когда того требовала обстановка, и беспощадно громил своих противников, подавляя их зрелыми теоретическими аргументами.

Об исключительной скромности Хитарова, о его постоянной неудовлетворенности самим собой свидетельствует заявление, направленное им 3 января 1931 года в делегацию ВКП(б) в Коминтерне и в Центральный Комитет ВЛКСМ. Обращаясь с просьбой освободить его от работы в ИК КИМа, он в качестве основной мотивировки выдвигал необходимость серьезно заняться теорией марксизма-ленинизма. «Первая мотивировка, — писал он, — по моему возрасту несоответствие комсомолу (мне уже 29 лет). Одиннадцать лет непрерывно нахожусь на активной комсомольской работе и никогда не имел времени заниматься своей теоретической учебой, недостаток которой чувствую очень сильно».

Между тем в Коминтерне Молодежи Хитаров был, бесспорно, одним из самых образованных марксистов, причем глубокое знание теории сочеталось у него с многолетней практикой революционной борьбы.

От руководства полуполигальным кружком учащихся-армян, созданным в 1916 году в Тифлисской гимназии с целью способствовать объединению армянского народа, до поста генерального секретаря Коминтерна Молодежи, на который он был выдвинут в 1928 году, Рафаэль Хитаров прошел большой, славный и далеко не легкий путь революционного возмужания.

В 1919 году гимназический кружок, организованный Хитаровым, превратился в боевую организацию молодых коммунистов, умело, в условиях глубокого подполья, вступившую в борьбу с меньшевистским правительством Грузии. Дважды Хитаров арестовывался меньшевистской охранкой и заключался в Метехский замок. Там его подвергали жестокому круглосуточным допросам, рассчитывая легко сломить волю семнадцатилетнего гимназиста. Но сталь уже закалилась. Хитаров оказался слишком крепким орешком для начальника особого отдела господина Кедеи.

После второго ареста Хитаров был приговорен к высылке из Грузии. Ему пришлось уехать в Германию. Покидая родину, Рафик писал своим родным: «Единственным моим желанием и ожиданием от вас является то, чтобы никогда вы не забывали того дела и той идеи, во имя которой я начал работать и буду работать всю мою жизнь. Идея эта и дело это —

Группа делегатов V конгресса КИМ на Северном Кавказе. Октябрь 1925 года.

освобождение всего человечества, освобождение и материальное и духовное, освобождение от всех оков, которые опутывают трудящихся со всех сторон и делают вашу жизнь жестокой, грязной и несправедливой».

Изгнаннику едва исполнилось восемнадцать лет.

Очувтившись в Веймарской республике, Хитаров поступил рудоопом на крупную шахту возле Бохума Рурской области. Поразительно быстро овладел немецким языком и организовал на своей шахте комсомольскую ячейку. Секретарем ее единодушно избрали Хитарова, то есть теперь уже товарища Рудольфа. Но лишь только рухнул меньшевистский режим в Грузии, Хитаров вернулся в Тифлис.

И он неустанно борется за создание единой закавказской организации комсомола и за ее объединение с РКСМ. Выступая на первом совещании работников Кавказа, он говорил: «Пропасть, вырытую за три года стараниями меньшевиков, му-

саватистов и прочей дряни, одним прыжком не перепрыгнешь! Задача заключается в том, чтобы взять в руки рабоче-крестьянские массы, доказать им, что Советская власть пришла сюда не на штыках красноармейцев, а благодаря долгой и упорной борьбе трудящихся Закавказья, что нужно бороться с национализмом, что объединение организации нельзя мыслить себе иначе, чем объединение всей молодежи Кавказа с РКСМ».

После IV Всероссийского съезда комсомола Хитаров был направлен в Исполком КИМа и почти сразу же вновь уехал в Германию — конечно, уже в новом качестве. К отличному знанию обстановки в стране присоединяется и опыт руководящей работы в РКСМ. Товарища Рудольфа избирают секретарем рурской и рейнской организаций комсомола, а через некоторое время — одним из секретарей ЦК комсомола Германии. Его очень любит и ценит Эрнст Тельман. Молодой представитель ИК КИМа чист и тверд, как алмаз без всякого изъяна...

Вот с таким человеком мне и довелось встретиться сорок лет назад. Назвать его своим другом я, понятно, не могу. Рафаэль был намного старше меня и не столько годами, сколько жизненным опытом. Да и занят он был страшно. Но доброе к себе отношение со стороны Хитарова, живую заинтересованность в моей судьбе и постоянную поддержку я чувствовал все, правда, довольно короткое время моей работы в аппарате ИК КИМа.

И меня никогда не покидало чувство восхищения и, не побоюсь сказать, преклонения перед моими товарищами, которые, проходя комсомольскую школу, вырастали в незаурядных деятелей партии и мирового коммунистического движения.

Присяга

V конгресс Коминтерна Молодежи открылся в том же Колонном зале Дома Союзов, где еще продолжал свою работу VI конгресс Коммунистического Интернационала.

В памяти возникает фасад здания, украшенный кумачовыми полотнищами со словами приветствия на многих языках мира. Ну и, конечно, двухэтажное здание бывшей гостиницы «Большой Париж» (сейчас на его месте высится Дом Совета Министров), в котором жили делегаты конгрессов. Там можно было встретить и Тельмана в заломленной на затылок мягкой темно-синей

Группа делегатов КИМ на III конгрессе Коминтерна. 1921 г. Первый справа — П. Смородин.

фуражке, какие носили красные фронтовики, и создателя Японской компартии старого мудрого Сэн Катаяму, и всегда оживленных, перебрасывающихся шутками лидеров французских коммунистов, и таинственных для нас, глубоко законспирированных делегатов компартий Азии и Африки.

И хотя, работая в доме на Моховой, я, казалось бы, должен был привыкнуть к тому, что вижу легендарных революционеров не на портретах, а живыми, во плоти и крови, всякий раз, когда я встречался с тем же Тельманом или с только что выпущенным из тюрьмы Бела Куном или видел, наконец, улыбающуюся старую женщину, снискавшую любовь и уважение Фридриха Энгельса, подругу Лауры Лафарг, сотоварища Геда и Бебеля — Клару Цеткин, меня охватывало трепетное чувство восторга. Да, в эти дни они были рядом с нами: разговаривали, смеялись, спорили, давали советы.

Еще крепко запомнилась мне бильярдная

в том же «Большом Париже». Синеватые слои застоявшегося табачного дыма, ядовито-зеленое сукно двух огромных столов и бойцы, сжимавшие кии, словно смертоносные копыя. После окончания вечерних заседаний сюда на часок-другой заходили наши прославленные бильярдисты Александр Косарев и Амо Вартамян, Иосиф Мазут и Иван Борецкий. Окруженные своими болельщиками, они высокомерно обсуждали между собой условия предстоящей дуэли. Иногда заглядывал в бильярдную наш генсек Александр Мильчаков, но, насколько помню, он не принадлежал к рангу гроссмейстеров.

Так вот, о самом конгрессе. Воспоминания о нем слились у меня с воспоминаниями о VI конгрессе Коминтерна. Ну, может быть, молодые чаще поднимались со своих мест, чтобы оглушительными аплодисментами и дружными восклицаниями приветствовать того или иного оратора. Громче и задорнее звучали любимые песни: «Бандьера Росса» и «Карманьола», «Молодая

Празднование XII Международного юношеского дня. Демонстрация на Красной площади. Москва, 1919 г.

гвардия» и «Красная Армия всех сильней»... Было больше горячности и непримиримости, свойственных юности.

Но вот присягу, которую в едином порыве проскандировали все делегаты, все гости конгресса, я помню отлично.

Дело было так: после приветственных слов, обращенных к конгрессу (Эрнст Тельман по поручению VI конгресса Коминтерна; Марсель Кашен — от Компартии Франции; Надежда Константиновна Крупская — от старой большевистской гвардии; Александр Косарев — от ВЛКСМ), поднялся Рафаэль Хитаров и предложил, чтобы конгресс от имени коммунистической молодежи всей земли принял присягу на верность Советскому Союзу и пролетарской революции.

Все встали. В глубокой торжественной

тишине Рафаэль на немецком языке произнес слова присяги. И каждый из присутствовавших громко повторил ее на своем родном языке.

«Верные духу наших великих вождей Ленина и Либкнехта, клянемся:

мобилизовать всемирную трудящуюся молодежь во имя непримиримой борьбы против капиталистов всех стран, которые подготавливают войну против оплота рабочего класса мира — Советского Союза.

Мы клянемся:

быть в первых рядах в борьбе за коммунизм и, помня славные традиции КИМа, во всех сражениях, во всех армиях всегда действовать так, чтобы начавшаяся война превратилась бы в гражданскую войну.

Мы клянемся взяться за оружие: во имя защиты Советского Союза,

во имя оказания помощи угнетенным народам,

во имя сокрушения буржуазии,
во имя победы рабочего класса,
во имя победы всемирной революции».

Минуты, когда под сводами Колонного зала гремели слова торжественной присяги, бесспорно, были тем высочайшим духовным пиком, на который взметнулись мысли и чувства каждого юноши, каждой девушки, присутствовавших на первом заседании V конгресса КИМа. Достаточно было бы произнести теперь одно слово «вперед», и клятва обратилась бы в конкретное действие. Каждый, не задумываясь, пошел бы на подвиг, страдания и смерть, ибо видел в этот момент перед собой цель, выше и благороднее которой не было ничего на свете.

Еще мне запомнилась та часть доклада Хитарова, где говорилось о попытке буржуазных идеологов сделать ставку на советскую молодежь, не принимавшую непосредственного участия в революции. Высмеяв взлелеянную господами философами и социологами проблему «отцов и детей» с далеко идущими выводами, Хитаров воскликнул: «Мы знаем, что враг ошибается. Совершенно ясно, что буржуазии не удастся поднять советскую молодежь против диктатуры пролетариата, что рабочая молодежь Советского Союза так же крепко, так же решительно стоит за дело пролетариата, как и старшее поколение!»

Блестящий доклад о положении ВЛКСМ, сделанный на конгрессе Александром Мильчаковым, стал убедительнейшей иллю-

страцией к вышеприведенным словам Хитарова.

Зарубежная армия КИМа в те дни насчитывала в своих рядах сто тысяч молодых, беззаветно преданных идеям пролетарской революции бойцов. И нам казалось, что это огромная и непоборимая сила.

По окончании V конгресса из его делегатов было составлено несколько групп, которые должны были совершить поездки по Советской стране для широкого ознакомления с успехами и достижениями единственного в мире социалистического государства и для укрепления интернационального братства с ВЛКСМ.

Меня назначили сопровождать группу, отправлявшуюся по маршруту Северный Кавказ и Закавказье. В нее вошли два немецких товарища, одна француженка, один итальянец, один индус, один англичанин и один представитель комсомола Югославии. Немцев звали Францем Шейлине и Карлом Вебером, англичанина — Чарли Линчем, француженку мы звали Андриной, а партийная кличка индуса была Мамуд.

Наше месячное путешествие было просто чудесным. Но так как я попробовал рассказать о нем в своей повести «Давай встретимся в Глазго», нет смысла повторяться.

Мы очень любили петь «Бандьера Росса». И как только я слышу слова этой песни, сорокалетняя толща времени начинает подтаивать, расплзаться, и я вновь вижу вокруг себя молодые радостные лица моих друзей и товарищей по КИМу, по комсомолу. И мертвые всегда живы для меня.

В. Емельянов,
Герой Социалистического Труда

В Бакинском подполье

(Из книги „На путях к высшей школе“)

Поиски работы

Отец все-таки, видимо, рассчитывал, что хоть один из семьи выбьется в люди. Николая он сразу же поместил на телефонную станцию в рабочие, а меня ему хотелось устроить куда-нибудь в учреждение.

— Даром, что ли, ты столько лет учился, и вдруг в рабочие пойдешь. Вот поговори я еще с Николаем Михайловичем, может, он пристроит куда-нибудь по писучей части.

Николай Михайлович был хозяином дома, собственно, не одного дома, а нескольких одноэтажных построек. В одном домике, выходящем окнами на улицу, он жил сам вместе со старшей дочерью, а все остальные помещения сдавал. В этом же домике отец и снял небольшую комнату с чуланчиком. Это была даже не комната в современном представлении. В ней, правда, был деревянный пол, окно и дверь, но больше ничего. В доме не было ни водопровода, ни канализации, ни отопления, и в холодное время жильцы согревались как могли, сами строя небольшие печурки, а пищу готовили на керосинках.

...В первый же день приезда в Баку, когда мы встретились с матерью, она рассказала все, что было пережито семьей за то время, что мы отсутствовали¹.

— Как только турки вошли в Сураханыто, мы все опять в школу ринулись. Побросали все, только узелки с самым необходимым взяли и жили все время — больше месяца в школе. А когда отец вернулся из плена, пошли вместе с ним на квартиру. Одна без него я боялась. Нашли мы там голые стены. Только иконостас с иконой, которой меня родители благословляли, когда под венец шла, и остался да старая табуретка.

Вот когда отец-то пришел и увидел пустые комнаты, так и сел на пол. Ну, теперь

В. С. Емельянов. Начало 60-х гг.

не подняться мне, — охнул он даже. Только и сказал: «Сил не хватит все снова навивать».

Ведь он всю мебель — и кровати, и столы, и стулья, и этажерку — все своими руками по воскресеньям делал, дня за всю жизнь не отдыхал и всего враз лишился. Навзрыд сначала заплакал, я даже задрожала от страха. Встал как чумной перед иконостасом, да как закричит и кулаками загрозит на икону-то. «Какой ты бог, если мое имущество не укараулил!» — да по-матерному и бога и всех святителей. Встал на табуретку, схватил икону — и во двор и начал бить ее о ступеньки. Потом схватил топор — топор старенький, еще как-то

¹ В 1918 году, после образования Советского Азербайджана, семнадцатилетний Василий Емельянов вместе с шестнадцатилетним братом Николаем добровольцем вступил в Красную Армию. Сражался против белогвардейских и турецких войск, был в турецком плену и только в 1919 году вернулся в Баку, когда в городе уже хозяйничали мусависты и англичане.

Так выглядели нефтепромыслы Баку до революции.

чудом около плиты остался, то ли не приглянулся он грабителям, то ли не увидели его. Схватил он этот топор и давай икону в щелы рубить да приговаривать: «Не бог ты мне больше, раз не уберег моего имущества».

Соседи думали, ума лишился. Вот теперь и живем без иконы. Лоб не на што перекрестить, кто заходит — смотрит, а угол-то пустой.

...Николай Михайлович, когда мы с ним познакомились, сказал, что постарается пристроить меня в бакинскую контору одной из небольших нефтяных фирм и предложил написать прошение о приеме на работу. Когда я написал и показал ему, он усмехнулся.

— Да разве прошения так пишут. В первых, для прошения надо купить особую бумагу, она так и называется — бумага для прошений. Продается она отдельными листами. А во-вторых, надо выводить каждую букву. По тому, как написано прошение, человека определяют.

Я переписал снова прошение, так, как советовал Николай Михайлович, но все же места не получил, мне отказали не сразу, но все же отказали.

После этого я исходил много других контор и каждому начальнику писал прошения. Эти дни были днями мучений. Стоишь у дверей с большим листом «бумаги для прошений». В одной руке лист, а в другой кепка. Кепка рваная, какого-то неопределенного цвета, сворачиваешь ее трубочкой, чтобы не разглядели, стоишь и ждешь, когда войти позволят.

Входишь, встаешь около двери, а он, худощавый или полный, в очках, пенсне или без них, склонился над бумагами, или читает, или пишет, но внимания не обращает. Потом замечает.

— Что у тебя — давай.

Передаешь. Он читает, и лицо или кривится усмешкой, или каменеет. Вопрос:

— Сам писал или просил кого?

Прошения часто писали писцы с каллиграфическим почерком.

Родители В. С. Емельянова
 Анна Васильевна и Семен Петрович. 1914 г.

— Сам.

— Теперь вижу, что сам. Кто же так букву «к» пишет? Где учился-то?

— В реальном училище.

— Так вы реалист? — Он приподнимается со своего стула. Глаза ощупывают меня с головы до ног. — Реалист. Чего же вы так одеваетесь?

На мне подержанные штаны из грубой шерсти, купленные на барахолке, и черная шерстяная рубашка. Единственная вещь из моего скудного гардероба, которую сохранила мать, когда бежала с младшими детьми, спасаясь от занявших селение турецких частей.

Я молчу, а наниматель продолжает исследовать.

— Оставьте заявление и зайдите через три дня.

...Через три дня я получаю отказ. Нет места. Потом новая контора, где все повторяется примерно в той же последовательности. Только разговор несколько варьирует. На вопрос: «А где сейчас работаешь?» — я отвечаю, что пока не работаю, живу с отцом, а отец работает на телефонной станции. Я видел, как лицо смягчалось. Учился в реальном училище, а отец на телефонной станции. Все в городе знали, что телефонная станция принадлежала датскому консулу Бьерингу и работа на ней свидетельствовала о респектабельности. У меня появилась надежда получить место.

— Он не служит, а плотником работает.

— Плотником? А как же вы в реальное училище попали?

кого-нибудь? Но где-то в извилинах мозга возникали мысли: «Ну и что же, а почему это должно быть зазорным? Ведь я делом занимаюсь. Вот если бы я что-нибудь действительно позорное делал». В этой борьбе с самим собой все-таки начало побеждать убеждение, что ничего зазорного в том нет, что я таскаюсь по городу с лестницей. Вместе с тем укреплялось какое-то озлобление против тех, кто будет избегать встречи со мной, стыдиться нашего знакомства. Возникало и росло желание не бежать от встречи, а наоборот, повидаться с кем-либо из реалистов или гимназистов.

Вот хорошо бы встретить ту самую румяную, полную гимназистку, которая делала доклад в кружке «Знание» о лунатизме. Она была дочерью управляющего промыслом, и ее привозили в школу в фаэтоне. Вот бы увидеть ее теперь где-нибудь на улице и громко с ней поздороваться! Что бы она делать стала? Во мне зрела злоба против всех тех, кто имел недостатки, мог посылать своих детей учиться. Мне иногда хотелось концом лестницы сшибить с тротуара кого-нибудь из хорошо одетых.

— А ты осторожнее все-таки носи лестницу-то, а то ненароком кого-нибудь ступнешь, греха не оберешься, — стал мне как-то выговаривать монтер, с которым мы работали.

— Ты зови меня Гришей, — сказал он мне, когда я после зачисления на станцию явился к нему. — Хоть я и постарше тебя, но ненамного. Район у нас хороший — Кубинка входит, а там нет-нет да чего-нибудь и заработаешь, потому что торговцев много, а у них в руках всегда деньги.

Действительно, торговцы к нам часто обращались с разного рода просьба ми, то телефон попросят в другое место переставить, то трубку сменить — слышно плохо. За эти работы мы что-нибудь да получали, а Гриша в таких случаях после работы иногда позволял себе и выпить. Мы заходили на Кубинке в кишочную, где в огромных котлах жарились баранья кишки, и заказывали две порции кишок.

— Ты подожди немного, я сейчас, — и Гриша убежал за водкой. Возвращаясь с бутылкой, он ловко вышибал пробку ударом ладони по донышку, просил у хозяйки кишочной стакан и, выпив полный граненый стакан водки, с жадностью поедал кишки.

— Ты на меня не смотри. Не привыкай к этому. Я дело другое, мне вряд ли на хорошую дорогу выбраться, а у тебя, может быть, еще и по-другому все выскочит.

В свое время грамоте не обучился, а теперь не справлюсь я с этим делом. По складам еще кое-как наряды разбираю, а чего другого, не умею. Ты грамотный, может быть, и выйдешь в люди, поэтому не пей, хорони себя от этого. — И он тряс бутылкой. — А я уже допью, чтобы не выдыхалась. — И Гриша допивал.

Телефоны мы устанавливали в лавках, конторах и в богатых квартирах. Как-то мы вели телефонный провод под самым потолком через две комнаты огромной, хорошо мебелированной квартиры. Мне трудно было установить лестницу, она скользила по паркетному наощенному полу, я не удержался и вместе с лестницей упал, сильно ушибив колено. Вошла пышная дама и гневно произнесла:

— Нельзя ли все-таки поосторожнее?! Вы мне все здесь перебьете. Ваш телефон того не стоит, что на шифоньерке стоит. Верблюды какие-то!

И она прошла во вторую комнату, оставив за собой запах духов и пудры. Как я ненавидел ее в это время! О статуэтках она вспомнила, а то, что человек упал и ногу зашиб, так это так и надо, потому что он не человек, а верблюд.

...На работу мы приходили загадя. «Поздно придешь, с места выгонят», — говорил отец. Эту фразу я хорошо заучил.

Собравшись во дворе телефонной станции и ожидая, когда появится управляющий, а он часто сам раздавал наряды на проведение работы, мы сидели или стояли у стены здания станции. Разговаривали, обсуждая события прошедших дней, часто читали газеты.

Все чаще и чаще в мои руки попадала газета «Набат». Я уже не помню, как она появлялась у нас, но хорошо помню, что именно эту газету я чаще всего имел в руках. Не будучи ни с кем связанным и не имея никаких инструкций и указаний, я откровенно высказывал свои взгляды на происходящие события, радовался победам Красной Армии, горевал над ее неудачами и без всяких предвзятостей излагал свои мысли о том, что происходит. Мне опасаться было нечего.

Среди рабочих станции я был одним из немногих, кто мог читать и писать. Все это поставило меня в особое положение. Меня стали просить почитать. И я читал. Читал и комментировал прочитанное. Я не опасался делать свои комментарии, во-первых, потому, что не сознавал опасности последствий, а во-вторых, потому, что меня окру-

жали те, кто хотел именно такие комментарии слышать.

...После работы вся семья собиралась дома.

Иногда отец сидел около керосинки и, мешая ложкой варившуюся рисовую кашу, говорил:

— Эх, теперь бы жареной картошки поесты!

В то время в Баку было много рису, а картофель был малодоступным продуктом. Рис мы иногда покупали, но вот беда — масло было дорого, поэтому кашу ели без масла. Мы с братом рассказывали о приключениях, в которых нам суждено было быть невольными участниками, о том, что мы пережили в дни, когда вышли из турецкого плена и пробирались на Мугань, а также о жите-бытье в ауле Мосаллы.

Уже позже я сообразил, что эти рассказы возымели действие на брата Митю. Он слушал меня с Николаем, не спуская с нас восторженных глаз.

...А жизнь была трудной. Росли цены и на продукты питания и на одежду. Рабочие роптали. Этот ропот переходил в открытые возмущения — возникали забастовки. Рабочие вспоминали другие времена, когда можно было не только возмущаться, но и находить практические решения трудных вопросов повседневной жизни. Так формировалось сознание о необходимости борьбы за то, что было потеряно.

Моя первая забастовка

До марта 1919 года мне не приходилось участвовать в забастовках — я видел, как бастуют другие, в том числе отец и дядя, жил в среде забастовщиков и хорошо представлял себе все условия жизни и деятельности участников забастовки и членов их семей. Забастовка всегда являлась таким событием, которое затрагивало не только работающих членов семьи, но поголовно всех от мала до велика.

Только я начал работу на телефонной станции и не успел еще освоиться с работой и познакомиться с людьми, как была объявлена однодневная политическая забастовка. Забастовка была организована в связи с полученным известием о расстреле 26 бакинских комиссаров и объявлена на 20 марта, в день полугодщины их расстрела.

О судьбе увезенных в Красноводск бакинских комиссаров ничего достоверного не было известно вплоть до марта 1919 года.

Когда еще в конце января 1919 года

отец приехал к нам на Мугань — в село Привольное, Похлебаев², расспрашивая его о жизни в Баку, задал вопрос:

— Ну, а что слышно о наших комиссарах, где же они теперь находятся?

— Да, говорят, будто их вначале в Персию отравили в город Мешхед, а оттуда в Индию.

Но все-таки, несмотря на тщательно скрываемый факт убийства комиссаров, слухи об этом убийстве стали распространяться и в совершении его стали обвинять эсеров. Полгода ничего не было известно о судьбе 26 виднейших деятелей Закавказья. Они исчезли. Простое объяснение, которое мы иногда слышали: «Они в Индии и вернутся, когда закончится гражданская война и наступит успокоение», — больше уже мало кого удовлетворяло, а прямые обвинения в адрес партии эсеров в чудовищном преступлении привели к тому, что один из видных деятелей партии социалистов-революционеров, член ее Центрального Комитета В. А. Чайкин решил произвести тщательное расследование истории убийства комиссаров и роли в нем англичан. Чайкин хотел обелить эсеров, снять с них вину и показать, что социалисты-революционеры не имеют к убийству никакого отношения.

Материалы своего расследования Чайкин опубликовал 12 марта в выходящей в Баку эсеровской газете «Знамя труда».

Как только стало известно об убийстве комиссаров, было созвано экстренное заседание Центральной рабочей конференции, которая и приняла постановление провести однодневную политическую забастовку.

С 15 декабря 1918 года в Баку действовала Рабочая конференция. Это был исключительный орган, названный Сергеем Мироновичем Кировым «Рабочим парламентом», а Микояном — «своего рода Советом».

Основной задачей Рабочей конференции была организация забастовок и руководство ими. Председателем рабочей конференции с середины марта 1919 года был избран Иван Анашкин. Рабочая конференция и была нашим правительством. Любое решение мусаватистского правительства нами воспринималось с ропотом, — они были чужими для нас, и мы не принимали их, вели против них борьбу. Решения Рабочей конференции для нас были обяза-

² Похлебаев — командир отделения в Красной Армии, под началом которого служил Емельянов.

тельными, мы изыскивали все пути и возможности к неукоснительному выполнению всего того, что исходило от Рабочей конференции. Я помню, с каким вниманием мы всегда слушали обо всем, что делалось на Рабочей конференции, и как мы волновались, если нам что-то трудно было выполнить из того, что решила Рабочая конференция.

В принятой конференцией резолюции было сказано:

«Рабочая конференция выражает свое глубокое возмущение и негодование против гнусных убийц. В этот траурный день бакинский пролетариат дает клятву, что будет хранить заветы погибших товарищей и пойдет по их пути».

Материалы об убийстве и разоблачение роли англичан, опубликованные Чайкиным, вызвали невероятное возмущение.

В день забастовки на улицах города состоялась мощная демонстрация, а в театре Маилова большой митинг. Демонстранты запрудили обе улицы, на которые выходило здание английского штаба. Из среды демонстрантов неслись негодующие крики на русском и английском языках: «Убийцы, варвары! Вон из Баку!»

Англичане, получив сведения о нарастающем возмущении рабочих, еще с утра выставили около здания штаба усиленную охрану из сапаяв. Кроме того, им волею-неволею пришлось давать объяснения. Но опубликованные в печати разъяснения английского капитана Тиг Джонса не могли никого удовлетворить. Даже не сильно искусленные в политике люди легко усматривали, что ответственность за убийство лежит как на эсерах, так и на англичанах.

И те и другие начали замечать следы. Главный виновник убийства, член закаспийской директории эсер С. Дружкин был по распоряжению генерала Томпсона — представителя Англии в Тифлисе — увезен из Закавказья.

Англичане сильно боялись, что при дальнейшем расследовании их гнусная роль выявится еще более.

Впервые правду о комиссарах я узнал в эти дни из опубликованных разоблачений Чайкина, а также из выступлений на митинге в театре Маилова. Все это для нас было так неожиданно, что мы не могли прийти в себя, ошеломленные известием. С первых дней революции прошло ведь всего два года. Мы слушали тогда разных ораторов. Я вспомнил выступление социалиста-революционера на митинге в первые дни революции, в начале марта 1917 года.

На митинг он прибыл в одеянии арестанта — прямо из тюрьмы. На Мугани в советские органы власти входила половина эсеров, в том числе Сухарцев. Правда, уже тогда правые эсеры ушли настолько вправо, что кое-кто из рабочих-эсеров порывал со своей партией и переходил к большевикам, или формально или фактически, поддерживая предложения большевиков. Но допустить, что они вместе с англичанами учинят такие зверства в отношении избранных народа — революционеров! Нет! Это не укладывалось в сознании.

Тем более что в числе 26 комиссаров находились не только коммунисты, но и левые эсеры — Г. Петров и М. Везиров.

Обсуждение материалов расследования нанесло потрясающий удар влиянию эсеров во всех рабочих организациях. Слово «эсер» стало синонимом предательства. Падение престижа и влияния эсеров стало сразу же видно на первом съезде профсоюзов, происходившем в первой половине апреля, то есть после того, как стала известна правда о 26 комиссарах. На съезд прибыли не только представители профсоюзных организаций Азербайджана, но также Северного Кавказа и Закавказья.

С большим докладом о ближайших задачах профсоюзов на съезде выступил Иван Анашкин. Большинство съезда поддержало основные выводы его доклада, а в избранный на съезде Кавказский Краевой центр профсоюзов вошла группа выдающихся бакинских революционных деятелей большевиков — Б. Агаев, И. Анашкин, Ф. Губанов, А. Г. Караев, Л. Мирзоян и другие.

Меньшевики и эсеры остались в меньшинстве. Было ясно, что они окончательно потеряли свое влияние на массы, их больше не слушают и у них нет программ, которая могла бы быть привлекательной.

— Хватит, знаем мы вас, — нередко мне приходилось слышать раздраженные реплики на выступления меньшевиков.

— Вы это своему Айлло расскажите, он поддержит, а мы уже наслушались вас. Вот и сидим теперь у разбитого корыта.

Процесс дифференциации стал происходить быстрее. Кое-кто из рабочих членов партии меньшевиков, эсеров, партии мусават стали рвать с этими партиями и выходить из них. В наших газетах стали печататься письма рабочих о выходе из этих партий. Сам факт появления таких писем свидетельствовал, во-первых, о падении доверия к ним, а во-вторых, о росте доверия к коммунистической организации, так как эти письма направлялись в наши газеты.

Полгода, что прошли со дня расстрела 26 комиссаров, научили многому.

Слова Алеши Джапаридзе, обращенные к Айло на митинге рабочих Балаханских промыслов, когда обсуждался вопрос о приглашении англичан, ныне звучат по-новому.

Да, теперь рабочие поняли.

Уже в мае 1919 года А. И. Микоян писал в своем докладе В. И. Ленину: «Исключительно только наша партия стоит во главе бакинского пролетариата»³.

В Ленкорани Советская власть!

Мы узнали о том, что в Ленкорани произошло восстание и в городе установлена Советская власть, через несколько дней после того, как исчез брат Митя.

Дмитрий пропал все дни на пристанях, но он, оказываясь, занимался не только рыбной ловлей, а искал пути в Ленкорань.

Когда он не явился ночевать, мать перепугалась, думая, не утонул ли он. На розыски отправился отец и через два или три дня, наконец, от одного из своих знакомых на пристани разузнал, что будто бы по описанию очень похожий на Митю парнишка поднимался на пароход.

— Ищи его теперь в Ленкорани, мой-то тоже туда убег. Да разве их удержишь, раз такое началось. Мой-то постарше годика на три, а твой-то совсем малец. Там он. Больше нигде и не ищи.

О том, что Дмитрий бежал в Ленкорань, мы получили достоверные сведения уже через месяц от одного бакинца, вернувшегося из Ленкорани.

— Видел сына-то, — сказал он отцу. — В форме моряка встретил его в Ленкорани. На голове бескозырка, за плечами карабин, а сбоку револьвер. В морской разведке он. Такой тихоня был, а здесь нате. Сам подошел ко мне и сказал: «Увидите кого из наших, передайте — пусть не беспокоятся. Мне есть чем защищаться, вот они», — и он похлопал даже по револьверу да по карабину. «Патроны, — сказал, — тоже есть, а стрелять научился».

— Когда же это он научился стрелять? Вроде бы ни я, ни братья его этому не обучали, — сказал отец.

В отце боролись два чувства: с одной стороны, он явно был доволен, что Митю хвалят, а с другой стороны, он сильно тревожился — как-никак, а сын. Мне было очень тяжело. Ведь мы перед самым, по существу, восстанием уехали из Ленкорани.

— А может быть, о подготовке к восстанию Похлебаев знал? Знал, но не говорил нам. Боялся за нас. Не исключено, что Дмитрий теперь с ними. Мы с Николаем столько смешных и восторженных историй рассказывали о Похлебаеве, Мойсеюке Жилине, Ефимкове⁴, а вдруг Дмитрий там у них.

Я не пропускал, кажется, ни одной строчки из того, что печаталось о ленкоранских событиях в газетах и ни одного устного сообщения, что поступали из Ленкорани. Каждое утро ленкоранская эпопея была предметом обсуждения работников телефонной станции.

17 мая газета «Набат» сообщила о том, что собрание революционных солдат и трудящихся города Ленкорани 2 мая обсудило вопрос о создании Советской власти и после выступления на собрании коммунистов постановило всеми силами поддерживать Советскую власть как единственно стоящую на страже интересов рабочих и крестьян.

Нам было известно также и о том, что в Дагестане разрастается партизанское движение и на его территории действует многотысячная партизанская армия.

Таким образом, революционный пожар полыхал и на северных границах Азербайджана и на юге — на Мугани.

Руководство и тем и другим происходило из одного центра — из Астрахани. Мы из Баку оказывали дагестанцам посильную помощь. Но вот из Дагестана пришла тревожная весть — когда уже был разработан план свержения контрреволюционного горского правительства и Военный совет подпольной большевистской организации готовился совершить переворот, по доносу провокатора контрразведкой был арестован весь состав Военного совета. Это было для нас большим ударом. Арест был произведен в мае, а в июне все арестованные предстали перед Военно-шариатским судом. Мы знали, что, кроме смертного приговора, арестованным ничего другого ждать нельзя.

На защиту выступили бакинские рабочие. На собраниях, митингах и конференциях выносились резолюции, в которых делались предупреждения, что «мы также будем беспощадны».

...Рабочие понимали, какое значение имеет установление на Мугани Советской вла-

³ История Азербайджана. Баку, Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1963, ч. I, т. 3, стр. 188.

⁴ Мойсеюк, Жилин, Ефимков — товарищи В. Емельянова по Красной Армии.

В. С. Емельянов (во втором ряду первый слева) с братом Николаем (в третьем ряду справа) и товарищами накануне отправки на Польский фронт. 1920 г.

сти, и прилагали все силы к тому, чтобы поддержать борющуюся Мугань. Из Баку туда направлялись люди, оружие, деньги, литература.

В Баку было известно, что в Ленкорани не только установлена Советская власть, но происходит формирование регулярных воинских частей и налажена связь с Астраханью, откуда в Ленкорань также направляется помощь.

Все чаще стали поговаривать о том, что, как только красноармейские части двинутся из Ленкорани к Аджикабулу, в Баку начнется восстание.

Когда мы, идя на работу, проходили мимо здания, где размещался штаб английских войск, то говорили: «Ну, теперь недолго им здесь оставаться».

Но маленькая Мугань не могла долго продержаться. Против горсточки отважных людей, горевших пламенем борьбы и готовых на все ради торжества Советской власти, ополчились все силы реакции — белогвардейцы, мусаватисты, банды иранских ханов. В самом городе Ленкорани подрывную работу проводили эсеры и местные кулаки. Английские военные суда блокировали Ленкорань с моря.

Газета «Набат» писала в те дни о героизме борцов за советскую Ленкорань. Еще больше передавалось устных рассказов о подлинном героизме защитников Ленкоранской советской республики.

— Только отобьют наступление с западной стороны города, как бегут гонцы с восточной и говорят, что первые дома заняты бандитами и начались грабежи, тем же самым бойцам без передышки приходилось поворачиваться и отбивать напор с востока, — рассказывали мне уже позже живые свидетели этой борьбы.

Потом из Ленкорани стали поступать тревожные сведения. Говорили о том, что город окружен со всех сторон разношерстной многотысячной армией, куда вошли и местные кулацкие отряды, руководимые деникинскими офицерами, и разбойничьи банды во главе с местными ханами и беками, и регулярные воинские части мусаватистского правительства. Сообщалось, что бои идут вокруг города и в самом городе.

Ну, а затем все узнали о последних днях неравной борьбы, уже после падения Ленкорани.

Вернувшиеся из Ленкорани рассказывали нам о том, как защитники города дрались буквально за каждую улицу, за каждый дом. Прижатые к самому берегу моря, они долго держались у маяка и, отстреливаясь,

садились в лодки и уходили в море, а представители цивилизованной нации — англичане охотились за ними на военных катерах и топили.

Мы внимательно следили за всем, что касалось Ленкорани, и нас глубоко трогала судьба людей, принимавших участие в борьбе за Советскую власть на Мугани. Мы с братом пробыли на Мугани несколько месяцев, там были близкие нам люди. Кроме того, мы понимали, что результаты борьбы скажутся на нашей судьбе. Утвердятся на Мугани деникинцы, значит они быстро и в Баку проникнут. Возьмут верх большевики, тогда восстановление Советской власти в Баку произойдет значительно быстрее.

Отца, естественно, интересовала судьба Дмитрия. Один из возвратившихся из Баку после падения Ленкорани рассказывал отцу:

— Видел твоего сына. Он вместе с друзьями садился в лодку, а добрались они куда или нет, сказать не могу. Многих тогда потопили, а кого захватили, так все равно расстреляли.

Мать долго горевала, но все же окончательно не могла поверить, что Митя погиб.

— А может быть, еще вернется, — нередко я слышал, как она говорила соседкам, смахивая концом платка слезинку. — Ведь ему и четырнадцати-то не было, когда он из дому-то ушел. Неужели мальчонку расстреляли?

...Ленкоранские события всколыхнули не только население Мугани, но и всего Азербайджана и особенно бакинских рабочих.

Ленкоранская советская республика просуществовала недолго — всего около трех месяцев, но она оставила глубокий след. Мы получили жестокий практический урок и хорошо усвоили, как следует готовиться к борьбе, что необходимо предпринимать, чтобы добиться победы, и чем располагать, чтобы удержать власть.

Майская забастовка

С самого начала 1919 года в Баку не прекращались забастовки. Работники телефонной станции в них принимали деятельное участие. В это время активно действовали профессиональные союзы. Профсоюзам было организовано много политических демонстраций и манифестаций.

На телефонной станции профсоюзная организация также была очень активной и

Студенты Горной академии. Москва, начало 20-х годов. В первом ряду первый слева — В. С. Емельянов,

первый справа — И. Ф. Тевосян, во втором ряду первый слева — А. А. Фадеев.

инициативной и откликалась на каждое событие.

Во главе профкома в то время стоял монтер станции Умнов. Фактически он один вел всю работу профсоюзного комитета станции. Он подготовлял собрания и собирал народ на митинги, вел пропаганду, составлял проекты решений и резолюций и писал протоколы. Он умел находить выход из сложных ситуаций и никогда не терялся. Как-то на доске объявлений мы увидели наклеенный листок с решением профсоюзного комитета. Решение было написано хорошим почерком, а внизу стояли подписи: «Председатель комитета — Умнов, секретарь — подпись неразборчива».

Мы знали, что Умнов работает в одиночку, у него нет секретаря, тем более непонятно было, почему и кто написал слова — «секретарь — подпись неразборчива».

Когда я спросил Умнова, что это означает, он сказал:

— Порядок требует, так уж заведено,

чтобы протокол подписывали двое — председатель и секретарь. А что же теперь мне делать, если секретаря нет. Вычитал я на какой-то бумаге вместо фамилии слова: «подпись неразборчива». Ну, думаю, если им можно, почему мне нельзя.

С тех пор мы так и стали его звать не по фамилии, а «подпись неразборчива».

Майская всеобщая забастовка была второй забастовкой, в которой мне пришлось принять участие. Эту забастовку я хорошо помню. Мы готовились к первомайской демонстрации. Мы должны были собраться на станции, построиться там в колонну и двинуться к площади Свободы, где должен был состояться митинг.

Полиция пыталась сорвать демонстрацию, полицейские задерживали идущих на пункты сбора и старались вернуть их, но нам все же удалось проскользнуть.

Мне Умнов поручил привести на майскую демонстрацию по крайней мере десять человек. Это было одно из первых серьезных поручений, и я весь был погло-

щен заботами о том, чтобы вся десятка сумела добраться до места сбора — у станции.

Когда мы двинулись от станции, то свернули влево и прошли мимо здания английского штаба. Впереди нас шла большая группа демонстрантов. Они остановились, и я увидел молодого паренька, которого подняли вверх, и он звонким голосом начал что-то говорить по-английски, обращаясь к стоящим на балконе английским солдатам.

На балконе появился офицер и предложил солдатам уйти с балкона.

Раздались крики:

— А, боитесь, суочь отродье! Даже слова нашего боитесь!

— Кто это говорил по-английски? — спросил меня Гриша.

— Не знаю.

— А ты по-английски умеешь?

— Нет, мы в реальном только немецкий и французский учили.

— Жалко, вот тоже крикнул бы чего-нибудь солдатам.

— Если бы я знал, обязательно закричал бы. «Бейте их по мордам да сходите с балкона к нам на демонстрацию!»

Пошли дальше, кое-где демонстрацию останавливали большие отряды полицейских, тогда мы сворачивали в параллельные улицы.

Многие из участников демонстрации несли флажки и большие транспаранты с надписями на красных полотнищах: «Да здравствует Советская Россия!» Близо к трибуне мы не могли подойти, потому что на площади было уже много народу, но все же я видел Анастасу Ивановича Микояна, которого хорошо знал еще по его выступлениям в 1917 году. До меня долетали только отдельные фразы. Он клеймил английских колонизаторов и призывал к борьбе как с иностранными захватчиками, так и с местными порабощателями трудового народа.

6 мая началась всеобщая забастовка. Разговоры о забастовке велись еще во время первомайской демонстрации. Ко мне тогда подошел Умнов и сказал:

— Вот что, наверное, придется бастовать. Без борьбы ничего не добьешься. Больно они уж изнахальничались. Житья никакого нет. Нами разработан коллективный договор, а подписывать они его не хотят. На промыслах и в Черном городе все заполнено нефтью, а в Астрахань ее не отправляют. Нам говорят, что денег, мол, нет, нефть-то не продается, а сами не хо-

тят ее продавать Советской России. У нас только одно средство прижать их — объявить забастовку.

Забастовка началась 5 мая, когда моряки отказались грузить на пароходы английский оружие, предназначенное Деникину. Попытки английского командования отправить оружие по железной дороге вызвали забастовку на железной дороге. А 6 мая с самого утра по всему городу раздались тревожные заводские гудки, объявляя начало всеобщей забастовки.

Работы мгновенно прекратились на всех промыслах, заводах, фабриках, на электростанциях, на телеграфе и телефонной станции, в учреждениях, мастерских. Весь народ высыпал на улицы. Умнов предложил собрать работников станции: монтеров, рабочих и телефонисток за городом и провести там маевку.

— Там я и расскажу вам, как обстоят дела, чего мы требуем и что нас ожидает, — сказал он.

День был солнечный, и мы большой колонной пошли к Арменикенду. Собрались за городом, сели на траву и камни, образовав большой круг. Умнов долго рассказывал нам о том, как важно начать отправку нефти в Астрахань. «Поэтому мы и лозунг такой выбросили, — сказал он, — товарообмен с Астраханью».

Затем Умнов прочитал нам прокламацию, выпущенную Центральным стачечным комитетом, «Ко всему населению Азербайджана». В этой прокламации говорилось о том, что «разбойничья политика империалистических хищников, ворвавшихся в нашу страну, привела всю промышленность Баку к неминуемой гибели. Нефтяная промышленность — основа всего хозяйства и финансов Азербайджана — стремительно катится в бездонную пропасть вследствие отсутствия вывоза накопленных сотен миллионов пудов нефти из Баку... Бакинский пролетариат уже объявил борьбу. Он решил все боевые силы пустить в бой и во что бы то ни стало победить».

Все собравшиеся на маевку были в приподнятом настроении.

...Забастовка началась дружно, и это напугало и мусаватистское правительство и английское командование. Они решили во что бы то ни стало подавить забастовку. По городу поползли слухи, что бакинские большевики готовятся к захвату власти и что им для этих целей прислано из Астрахани оружие. Правительство заявило, что забастовка организована по приказу из Астрахани «агентами Российской Совде-

пии». Вслед за этим начались репрессии.

9 мая было арестовано более сорока видных руководителей стачечного движения, в том числе А. Микоян, Л. Мирзоян, И. Анашкин, Ф. Губанов, Б. Агеев и другие.

Генерал-губернатор Баку Тлехас объявил город на военном положении.

Но это не остановило борьбы, забастовка продолжалась, и для руководства ею был образован новый стачечный комитет.

...12 мая стачечный комитет вынес решение прекратить забастовку. Мы хорошо понимали, что выиграть забастовку было невозможно, она была чисто политической и ожидать удовлетворения наших требований было нельзя. Мы знали, что идем на поражение и значительные потери. За дни забастовок участники ничего не получали, а это сильно било по бюджету, так как у огромного большинства забастовщиков никаких сбережений не было. Несмотря на это, все же настроение у всех было боевым. Эта забастовка показала, что организованные рабочие — огромная сила, с которой нельзя не считаться. Забастовка объединила рабочих всех предприятий и еще раз подчеркнула исключительную интернациональность бакинцев.

Чувство силы и веры в безусловную грядущую победу было настолько велико, что я после забастовки сел за стол и написал стихи, которые начинались так:

Может быть, не одно поражение
Предстоит нам на трудном пути,
Но в битву, друзья, без сомненья —
Победа нас ждет впереди.

Написав стихи, я решил опубликовать их в газете «Набат» и пошел в редакцию. В редакции я встретил Бесо Ломинадзе, которого знал немного, так как слышал несколько раз его выступления на митингах. — Вот стихи принес, может быть, напечатаете?

Ломинадзе прочел и спросил:

— А может быть, еще у тебя есть — эти мы обязательно напечатаете.

Через несколько дней я получил газету с напечатанным стихотворением, под которой стояла подпись «В. Ем.».

Затем я еще написал стихи, также революционного содержания, и их тоже напечатали. В типографии я познакомился с молодым пареньком — Сергеем Тунемановым. Он жил в самом помещении типографии, где набиралась и печаталась наша газета. Когда первые экземпляры газеты

были напечатаны, я через него получил номер прямо, что называется, из машины. Позже меня судьба свела с Тунемановым, и мы до сих пор поддерживаем установившиеся в ту пору связи.

Вступление в партию

Дни проходили, наполненные работой на станции: ремонтом телефонных линий, копанием траншей и поисками поврежденных, лазаем по крышам и столбам, установкой изоляторов, натягиванием проволоки и многими другими работами, особенно тяжелыми в дни, когда пронзительный, холодный ветер норд затруднял работы на крышах и столбах.

А после работы, измученные, измокшие, иногда с расцарапанными руками, мы шли на собрания. То обсуждали вопросы о предстоящей забастовке, то рассматривали проект очередного коллективного договора, то другие вопросы, возникавшие в профсоюзной организации.

Активность профсоюзов в то время была чрезвычайно высокой — в Баку уже была создана мощная профсоюзная организация — профсоюз работников нефтяной и металлической промышленности. Во главе профсоюзного движения стояли блестящие организаторы, пользовавшиеся большой любовью и популярностью среди рабочих. Уже в апреле 1919 года руководство перешло в руки большевиков — меньшевики и эсеры, занимавшие в профсоюзах прочные места, их потеряли. Предательство летом 1918 года, в результате которого город Баку был сдан, а власть перешла в руки реакции, а те цивилизаторы, о которых распилился вожди меньшевиков и эсеров — англичане, не только не сдержали натиска турецкой армии, но фактически содействовали тому, чтобы при помощи турецких частей были разгромлены все рабочие организации, они вместе с эсерами физически уничтожили самых любимых и популярных руководителей рабочего класса, а потом пришли вновь, сформировали и поддерживали ненавистное нам мусаватистское правительство.

...Насколько я помню, у меня не было свободных вечеров, все чем-нибудь да был занят.

Вошло в практику чтение газет утром во дворе телефонной станции, перед тем как расходиться на работу. Грамотных было мало, и я почти ежедневно читал газету, сначала «Набат», а когда газета «Набат» была закрыта и вместо нее

стала выходить газета «Молот», то «Молот».

Мы комментировали газетные сообщения — радовались успехам Красной Армии, горевали, когда читали о ее неудачах, возмущались реакционными мероприятиями мусаватистского правительства, зверствами белых на захваченных ими территориях. По нашим комментариям легко можно было судить о политических настроениях и симпатиях участников дискуссии у стены здания телефонной станции.

Как-то во время одной из таких читок и бесед ко мне подошел один из находившихся в группе монтеров и рабочих и сказал:

— Сегодня ровно в шесть часов вечера приходи на подстанцию в Черном городе. Поговорить надо. Ты знаешь, где находится эта подстанция?

— Знаю.

— Так обязательно приходи — ровно в шесть.

«Кто он? — подумал я. — На станции я его раньше не видел, на работы он вроде бы не ходит. Видел я его всего два или три раза, когда мы собирались во дворе станции. Может быть, он работает на подстанции в Черном городе?»

Я спросил одного из работников станции — Бутикова, которого уже довольно хорошо знал:

— Кто это?

Бутиков засмеялся:

— А вот сегодня узнаешь, если придешь на подстанцию.

Весь этот день я находился в возбужденном состоянии. Зачем нас собирают в Черном городе?

Бутиков тоже будет. Умнов, вероятно, также придет, я видел, как тот, что предложил мне прийти на подстанцию, говорил с Умновым. Вероятно, предложил и ему явиться. Но зачем?

Зайти домой после обеда мне не удалось — мы проводили ремонт линии очень далеко от дома, и я мог к шести часам и не успеть в Черный город. Мы закончили работу, и монтер, сложив в сумку инструмент, сказал:

— Спрячь все, а я побежал, тороплюсь.

Я спустился в подвал дома, где мы вели работы, и, найдя укромное местечко, положил сумку с инструментом и моток проволоки, а лестницу поставил во дворе, сказав дворнику, что мы будем продолжать завтра работы и лестница нам понадобится. Руки хорошо бы помыть, да где уж тут.

И я отправился в Черный город. Хотя я и сказал, что знаю, где находится подстанция, но все же поплутал, пока нашел ее.

Подстанция размещалась под землей, и к распределительным устройствам вела узкая лестница с железными перильцами. Когда я спустился вниз, то, открывая дверь, услышал голоса.

— Ну вот, и начинать можно, — сказал Бутиков, увидев меня и обращаясь к незнакомому мне человеку с густой шевелюрой черных, курчавых волос. — Теперь все собралось.

Я, увидев Гришу, сердито проворчал:

— Чего же ты не сказал мне, что сюда идушь, вместе бы пошли.

— Я тебя тоже могу спросить, почему ты скрыл, что собираешься сюда идти.

Мы оба рассмеялись.

— Прежде всего я должен объяснить, почему мы решили собрать вас, — сказал курчавый брюнет. — Почти год тому назад власть, которая находилась в руках рабочего класса, была потеряна из-за предательства меньшевиков и эсеров. Это повело к трагическим последствиям — наши руководители, которых мы хорошо знали и ценили, погибли в песках Закаспия. Недавно мы отмечали полугодовую дату их гибели. Теперь обман, совершенный предателями рабочего класса — эсерами и меньшевиками, — очевиден каждому. Вы видите, как они теряют и свой авторитет и свои позиции, большевики же, наоборот, берут в свои руки руководство всеми рабочими организациями. Сила рабочего класса в его организованности, в его политической зрелости. Бакинский рабочий класс расширяет фронт своей борьбы, и эта борьба должна быть закончена установлением Советской власти в Азербайджане. Если хотите вновь установить Советскую власть, то надо самим и действовать. Кто же за вас будет ее восстанавливать? Нам никто ее не принесет на серебряном блюде — за нее надо бороться.

Далее докладчик перешел к объяснению тех задач, которые ставит в своей программе Коммунистическая партия, рассказал в общих чертах о построении партии, ее уставе. А в конце доклада сообщил, что бакинский комитет Коммунистической партии, работающей нелегально, принял решение об организации на телефонной станции коммунистической ячейки и вот с этой целью и решили устроить это собрание.

Все заявили о согласии вступить в партию. Тогда докладчик предложил избрать

бюро ячейки в составе трех человек — председателя, секретаря и казначея.

В бюро избрали Бутикова, меня и одного монтера, фамилию которого я уже забыл.

После избрания бюро собрание было объявлено закрытым, и все стали один за другим выходить из помещения.

— Выходите не все сразу, а то можно привлечь внимание полиции, греха не оберешься, — сказал Умнов.

В помещении остались члены бюро и докладчик. Он предложил нам распределить обязанности. Бутикова избрали председателем, меня секретарем, а казначеем — третьего члена бюро.

Докладчик, как мне позже сказали, был одним из членов Бакинского комитета, он порекомендовал нам собираться не реже раза в неделю, обсуждать все те вопросы, которые возникают в связи с политическим положением, рассматривать методы работы с беспартийными и вовлечение их в активную общественную деятельность, организовать занятия с членами ячейки по вопросам политики.

— У нас в бакинской организации есть кое-какая литература, мы вам ее предоставим. Нами организованы политзанятия в рабочем клубе, кое-кто туда сможет ходить — все эти вопросы вам также следует рассмотреть на заседании ячейки. Работой вашей ячейки будет руководить Городской райком. Секретарем райкома избран Ваня. С райкомом будет держать связь председатель ячейки Бутиков.

Позже я узнал, что Ваня — мой товарищ по вечерней гимназии И. Тевосян. Было ему тогда 17 лет.

Докладчик подробно инструктировал нас о том, как следует проводить собрания, как вести протоколы, где их лучше всего держать.

— Вы собирайтесь лучше как профсоюзная организация, профсоюзы легальны, и вы свои собрания можете всегда называть или заседанием месткома, или какой-нибудь комиссией по разработке коллективного договора, тем более что Умнов у вас председатель месткома и член вашей партийной ячейки.

После обмена мнениями мы решили, что будем собираться по четвергам на Каменистой улице, № 205, где размещался профсоюз работников нефтяной и металлической промышленности. К этому союзу имел прямое отношение Апраткин, а с Апраткиным мы уже несколько раз встречались после моего возвращения с Мугани.

В партийной ячейке было всего четырнадцать человек. При организации ячейки она состояла всего из одиннадцати работников телефонной станции, а затем в нее вошли еще трое, в том числе Ванников и Апраткин, и ячейка стала называться ячейкой металлистов. Ванников в то время работал в донах, а Апраткин вел работу в профсоюзах.

На собраниях ячейки по четвергам, если мы не были заняты обсуждением текущих вопросов, связанных с проведением каких-то очередных подготовительных мер в связи с предстоящей забастовкой или демонстрацией, занимались политической учебой, обычно что-нибудь читали и обсуждали прочитанное.

Помню, как Гриша во время одного из таких занятий задал вопрос:

— Ну, а вот, когда у нас будет установлена своя власть по всей стране и будет полная свобода и можно будет ехать куда угодно и работать где хочешь, кто же тогда здесь останется? Нефть-то нужна, очень нужна. Да кто же это пожелает добровольно здесь ее добывать?

Отвечал ему один из самых старых монтеров, он работал в Черном городе. Ответ его мне запомнился на всю жизнь.

— Вот я уже и раньше слышал об этом же, и кажется мне, что некоторые думают, что возьмем мы в свои руки власть, выгоним нынешних хозяев да их управителей, а сами бросим все это хозяйство и начнем тикать кто куда. Нет, товарищи, думать так могут только малые дети. А взрослые люди так думать не могут. Раз мы хозяйство в свои руки возьмем, им управлять нужно. В книжках, что мы с вами здесь читали, сказано, что капиталисты плохо управляют хозяйством, они грабят народ, они из земли берут только то, что им больше прибыли дает, доход приносит. Они не заботятся о том, чтобы по-умному да по-хорошему вести хозяйство. Вот мы видим с вами, сколько нефти у нас пропадает, когда фонтаны бьют и она разносится кругом, поливает сады и виноградники и губит их, а газ, так тот и вовсе зря пропадает.

Ну, а когда мы возьмем власть в свои руки, как мы будем действовать? Если мы будем так же действовать, как и они, так на какой же нам ляд их выгонять?

А мы должны все организовать по-умному, да по-хорошему. Плохого хозяина надо на хорошего менять и нам не о том надо думать как в Крым или в Сочи тикать, а как мы управлять хозяйством бу-

дем. А хозяйство у нас большое. Очень большое. А умеем ли мы управлять-то им? Нет, не умеем. И надо нам будет в одно и то же время и учиться, как управлять, и работу вести, ведь остановить дела-то нельзя. Вот я и думаю, что если мы власть-то в свои руки возьмем, то не только нам меньше работать придется, а куда больше надо будет трудиться, потому что никто за нас делать ничего не будет, а наоборот — многие из тех, которых мы выгоним, будут борьбу с нами вести, а которые потрусливее, исподтишка шкодить будут. Вот и выходит, что на первые-то годы нам и придется одной рукой отстреливаться, второй рукой управлять, а в то же время учиться, как нашу страну поднимать да жизнь нашу из темноты да бедноты вывозить.

Говорил он просто, тихо, без жестикующий, спокойным голосом, и мне казалось, что он ясно представляет то, что нам предстоит делать в ближайшие годы, он видит огромные трудности, через которые надо будет пройти, и он их не только не пугается, но готов идти, не оглядываясь назад, не поглядывая в стороны. Он ясно видел цели и решил, решил раз и навсегда идти к ним — к этим целям. Это был простой рабочий, прошедший суровую школу жизни, умеющий правильно оценивать реальные условия. Его не могли разочаровать временные неудачи, и он не обольщался отдельными успехами, он был реалистом.

Позже я часто встречал на своем пути таких реальных политиков, которые не так хорошо и складно могли формулировать свои концепции, но это были мудрые политики.

Но таких заседаний было немного. Весь 1919 год был наполнен политическими событиями, которые поглощали все внимание членов ячейки.

Большую дискуссию вызывали вопросы будущего государственного устройства Азербайджана. До революции основная территория, занимаемая республикой, входила в состав двух губерний Российской империи — Бакинской и Елизаветпольской. По вопросу будущего государственного устройства не было единого мнения, часть коммунистов стояла за то, чтобы вновь разделить Азербайджан на губернии и присоединить их к РСФСР, а многие считали необходимым создать самостоятельную Советскую социалистическую республику Азербайджана.

В рабочем клубе

В работе нашей организации, в моей личной жизни Центральный рабочий клуб сыграл огромную роль. Это был центр, направлявший всю жизнь пролетарского Баку. В Рабочем клубе я встречался с товарищами и обсуждал с ними наиболее важные вопросы. На площади перед клубом мы часто собирались на демонстрации. Клуб был местом пребывания нашего руководящего органа — нашего «правительства» — Центральной рабочей конференции, в здании клуба были размещены некоторые профсоюзы.

Инициатором организации рабочего клуба в Баку был Совет профессиональных союзов. Клуб был открыт в апреле 1918 года в большом помещении «Ренессанс» на Думской площади. Работой клуба руководило правление. Затем такие клубы стали создаваться в различных рабочих районах, а рабочий клуб Городского района был переименован в Центральный рабочий клуб и стал координировать и направлять работу всех других клубов.

В руководстве клубной работой активное участие принимали крупнейшие революционные деятели. К клубной работе были привлечены наиболее прогрессивные представители интеллигенции.

Несмотря на мизерные средства, клуб проводил огромную работу. Все члены правления клуба работали бесплатно, а расходы, связанные с оплатой отопления, освещения, содержания и ремонта помещений, покрывались единовременными взносами некоторых профсоюзов и рабочих кооперативов.

Вопрос о поднятии культурного уровня рабочего был поставлен в качестве одной из главных задач в первые же месяцы после революции.

«В революционной стране, где должен господствовать пролетариат в полном смысле, он должен стоять и в культурном отношении на высоте своего положения», — эти слова часто можно было слышать во всех клубах и читать в газетах. Они были в виде лозунгов развешаны на стенах внутри клубных помещений.

Вот теперь, когда я вспоминаю прошлое, мне иногда кажется: неужели все это было в действительности? Голодные, уставшие, с натруженными руками, в которых трудно было удерживать карандаш или кусок мела, вечером рабочие собирались в открытых при клубах школах и учились.

При рабочих клубах, помимо началь-

ных школ, где обучали письму, чтению и арифметике, были созданы также школы повышенного типа, где изучалась история культуры, русская история, природоведение, география. Позже при клубах стали создаваться технические курсы. В клубах устраивались лекции, спектакли, концерты, выставки.

Дошкольный отдел Центрального клуба проводил работу с детьми. Жизнь детей рабочих была тускла и безрадостна, и заботу о детях также взяли на себя клубы.

Поэтому в клубах всегда было много народу и его помещения никогда не пустовали. А эти условия были благоприятными для проведения также и конспиративных совещаний партийных организаций. В Центральном рабочем клубе я бывал по несколько раз каждую неделю.

На рабочие клубы часто совершались полицейские налеты, устраивались облавы. Их закрывали, но вынуждены были все же открывать вновь, уступая тому давлению, которое общественность оказывала на правительство. В рапорте военному генерал-губернатору Баку балаханско-сабунчанский полицмейстер в феврале 1920 года писал: «Существующие во вверенном мне промышленном районе рабочие клубы являются рассадником пропаганды противоправительственных идей. В этих клубах происходят митинги и часто читаются лекции, направленные против существующего порядка и законов республики, причем выносятся резолюции о ниспровержении существующего строя.

Зажигательные речи ораторов разжигают страсти среди разноплеменной рабочей массы и возбуждают в ней стремления к восстанию и беспорядкам... Ввиду изложенных соображений ходатайствую о закрытии этих клубов»⁵.

Как-то, когда я зашел в Центральный рабочий клуб, ко мне подошел Тевосян и сказал:

— Завтра сюда не приходи — полиция делает налет.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Мусеви сказал. Он просил предупредить всех руководящих работников и сказать им, чтобы они в клубе не появлялись. Но чтобы не вызывать подозрений, надо оставить все же кого-нибудь для ареста. Иначе мы поставим в опасное положение Мусеви. (Мусеви по заданию партийной организации работал в полиции.)

В это время к нам подошел один из находившихся в клубе. Тевосян обратился к нему:

— Завтра тебе надо быть здесь. Но имей в виду — полиция может сделать налет. Могут арестовать, поэтому никаких компрометирующих документов не бери с собой. Ну, сунь в карман газету, но не больше. Могут арестовать и даже избить — потерпи. Так надо.

Парень был моих лет. Он нахмурился и сказал:

— Хорошо. Только я прошу, если арестуют, мать навестить и успокоить ее. Еще подумает что-нибудь. Очень она у меня беспокойная.

— Обязательно и отцу и матери скажем, если что случится, — успокаивал его Тевосян.

— Отца у меня нет, — еле слышно произнес парень. — Убили его у Волчьих ворот в сентябре прошлого года. Мы вдвоем с матерью остались.

Тевосян с большим участием посмотрел на парня, и глаза у него заблестели.

— Ты знаешь — завтра сюда лучше не приходи.

— Почему? — тихо спросил парень.

— Не приходи, здесь и так народу много будет, а ты не приходи. Не надо.

Мы разошлись. Через день мы встретились с Тевосяном в гимназии.

— Аскандарьяна арестовали, — сказал он. — и еще семь человек. Ну, тут уж ничего не поделаешь.

А учиться все-таки надо

Из реалистов, с которыми я учился в Балаханском реальном училище, наиболее длительные связи у меня сохранились с двумя — Феликсом Зильбером и Ваней Апряткиным.

Оба они были старше меня. Апряткину в 1917 году было девятнадцать лет, и он успел закончить реальное училище. Весной 1917 года он получил аттестат зрелости и, направив прошение в Петроградский политехнический институт императора Петра Великого, был зачислен студентом металлургического отдела института. Но выехать в Петроград ему не удалось.

Волна революционных событий подняла его, и он оказался вовлеченным в кипучую деятельность профессиональных организаций. В апреле 1918 года он вступил в партию. Когда после окончания оккупации Баку турецкой армией стали восстанавливаться рабочие организации, Апряткин по уши погрузился в работу профес-

⁵ История Азербайджана, ч. I, т. 3, стр. 216.

сиональных союзов. Он был избран членом Президиума Азербайджанского отдела Всероссийского союза горнорабочих и членом Бакинского совета профсоюзов. Он принимал самое непосредственное участие в руководстве забастовками и выработке требований, предъявляемых забастовщиками, обращений и воззваний к рабочим. Одним словом, работы у него хватало. Но все же он не оставлял мысль о продолжении образования и с гордостью показывал полученное им из Петрограда извещение о зачислении его в число студентов Политехнического института.

Зильбер также окончил реальное училище в 1917 году и был принят в число студентов Горного института императрицы Екатерины Великой.

Мне закончить курс обучения не удалось.

Апраткин нередко говорил:

— Как только захватим власть и наш механизм управления начнет действовать, тотчас же уеду в Петроград. Ведь я же студент, надо быстрее закончить курс обучения — и на завод.

У меня при этих разговорах всегда щемило сердце. Он-то может поехать в любое высшее учебное заведение, у него аттестат зрелости. А у меня его нет.

И я поставил перед собой задачу во что бы то ни стало закончить среднее образование и также получить аттестат зрелости. Чего бы мне это ни стоило, но сдать экзамены за весь курс средней школы. После длительных расспросов и консультаций я поступил в вечернюю гимназию. Вот там-то я и встретился впервые с Тевосяном.

У Тевосяна тоже не было законченного среднего образования. Он в это время работал счетоводом в Волжско-Бакинском нефтяном обществе и вел партийную работу, будучи секретарем подпольного районного комитета партии Городского района. Мы были с ним зачислены в один и тот же класс вечерней гимназии, находившейся на Каниталинской улице.

Когда я вошел первый раз в класс вечерней гимназии, во мне пробудилась гамма чувств. Парть! Я вылез из-за парты менее двух лет назад, но что-то стало не то, хотя вид парты волновал. Опять учиться. Вспомнил своих учителей, учеников, сидящих впереди, сзади, справа и слева. Не те — другие ребята. А я тот? Тоже другой. Раньше, когда учитель говорил, я слушал, стараясь запомнить все дословно. Я был своеобразной машиной звуко-

записи. Возникали вопросы? Да, возникали и раньше и теперь. Мы их задавали своим учителям тогда, два-три года назад. Но ответы брали на веру, вопрос повторяли, только когда не понимали ответа. Анализировать и делать свои выводы мы еще не умели. Теперь не то. Теперь мы делаем выводы и заключения и о делах и о людях. Вот он, учитель, излагает урок о ложноклассицизме. А у меня в голове сверлит мысль: «Кто он? Меньшевик или беспартийный? За кем он пойдет, когда мы начнем открытую вооруженную борьбу? Будет он с нами или против нас? Вероятно, будет отсиживаться дома — такие не дерутся. Они в лучшем случае из-за плеча других смотрят на дерущихся. Или уходят в тихие переулки.

Еще попадешь в историю — это запоешь, которой они руководствуются в жизни...»

А учитель излагал существо ложноклассической литературы.

«...ведь это нужно знать. Он меня будет экзаменовать, а учебников нет. Надо слушать. Завтра у нас собрание ячейки. Что скажет Бутиков? Удастся ли нам все же освободить арестованных? Прошлый раз говорили, что попытаются освободить, когда их будут перегонять из Баилловской тюрьмы в Центральную. Их надо будет предупредить о том, чтобы они были готовы к побегу. Нам поручили передать в тюрьму записку. Нашей ячейке это легче сделать. Мы можем попасть в тюрьму. Испортим телефонную связь и потом пойдем ее чинить. Ну как нас не пустишь? Мы телефон чиним. Может быть, и в камеры к заключенным попадем».

«Наиболее ярким представителем ложноклассицизма в русской литературе являлся Тредиаковский. В известном стихотворении, посвященном Байрамовой...»

Что я пишу? Байрамова в тюрьме, ее надо освободить. Требуется проникнуть в камеру, где она сидит, — таково поручение партийной организации.

— В стихотворении, посвященном Екатерине II, Тредиаковский... — глухо звучит голос учителя.

А может быть, не вовремя я занялся «завершением образования»? Нам надо «завершать революцию».

И все-таки голос разума подсказывал — без знаний, без образования нам невозможно будет строить новое общество. Да о чем я рассуждаю? Ведь о необходимости поднимать грамотность пишут наши

газеты — эти вопросы ставят перед нами наши вожди.

Значит, надо найти в себе силы делать и то и другое. Найду ли? Несомненно.

Боевое задание

Шел уже 1920 год. В воскресенье в конце апреля я пошел в рабочий клуб. Было около двенадцати часов дня. В эти часы в клубе бывало народу мало. Здесь собирались обычно к вечеру.

— А я тебя разыскиваю. Хотел было уже за тобой домой посылать. Вот хорошо, что встретились! — И Тевосян, взяв меня за рукав, увлек в одну из комнат клуба. — Нам надо направить в сторону Хачмаса несколько человек. Следует провести одну операцию.

В ночь с 26 на 27 апреля Красная Армия перейдет границу и направится в Баку. Чтобы власти не могли оказать сопротивления и чтобы избежать кровопролития, необходимо перервать всю связь между границей и городом. Очень важно все это проделать за несколько часов до начала наступления. Об этом тебе подробно расскажут. Сейчас же иди в Черный город. Ты знаешь черноморский клуб? Так вот, войдешь в клуб и сядешь в зрительном зале в двенадцатом ряду. К тебе подойдут и скажут, что надо будет делать дальше.

— А кто подойдет?

Тевосян так выразительно посмотрел на меня, что я смутился.

— Кому надо, тот и подойдет.

...В зрительном зале клуба шла репетиция какого-то спектакля. Я прошел к двенадцатому ряду и сел на стул у прохода. Не прошло и пяти минут, как ко мне подошел молодой парень моего возраста и, наклонившись, произнес:

— Иди за мной.

Я поднялся и последовал за незнакомцем. Мы подошли к рампе и через узенькую дверь сбоку от рампы вошли за кулисы. В небольшом коридорчике было три двери. Идущий впереди меня открыл одну из них и сказал:

— Входи.

В небольшой комнате с одним окном, нижняя часть которого была завешена старой газетой, находились всего один небольшой стол и стул. У стола стоял человек. Один глаз у него был закрыт черной узкой повязкой. Это был, как я узнал уже позже от Тевосяна, Чикарев, один из активных организаторов восстания и создания первых органов Советской власти

в Баку. На столе перед Чикаревым лежал темно-коричневый кулек.

— Красная Армия перейдет в наступление в ночь с 26 на 27 апреля. Ровно в двенадцать часов. Надо перервать всю телефонную и телеграфную связь между городом и границей.

Сделать это надо по крайней мере в трех местах. Один пункт должен быть поближе к Баку, например, за Хурдаланами, второй пункт — поближе к границе, ну хотя бы у станции Килязи, а третью точку надо выбрать между Хурдаланами и Килязи.

Следовательно, нам надо послать три группы. По два человека в каждой группе. Можете выделить для этой операции шесть человек? — На меня пристально смотрел одним глазом стоящий у стола человек.

— Сможем. К Килязи поеду я сам.

Чикарев услышал слова «я сам», улыбнулся и спросил:

— А сколько тебе лет?

— Уже двадцатый год пошел.

— Когда? Вчера? — И он снова улыбнулся, а взгляд излучал какую-то нежность.

— Во вторую группу я пошлю брата, а на третью группу подберу кого-нибудь еще.

— Но это трое, а надо шесть. Ведь одному-то на столб не взобраться. Потребуется помощник, который мог бы подсадить.

«Кого взять помощником? Может быть, Левку?» — подумал я.

— А беспартийного можно с собой взять? — спросил я Чикарева.

— Можно, если ты ему доверяешь. Имей в виду, что если он тебя предаст, то пострадает не только дело, которое мы тебе поручаем, но и ты сам. Можешь кого угодно привлечь, но помни об ответственности. Теперь коротко о том, как будут в эти дни развиваться события. Красная Армия перейдет границу и начнет наступление на Баку. Конные части через горы направятся к Нухе, а затем к станции Пойлы и перережут железную дорогу Баку — Тифлис. А катера прорвутся к Баку и блокируют город с моря. Ты это должен знать, так как будешь находиться в тылу и тебя информировать будет некому.

Операция задумана так, как я тебе рассказываю, но ведь разное в жизни бывает — тогда действуй сообразно обстоятельствам. Если будут бои и они затянутся, находишь все время в тылу и наносишь больше урона врагу, как можно больше. — И единственный глаз Чикарева загорелся

гневом и ненавистью. — Когда район будет занят Красной Армией, то доложи о том, что тобой сделано, первому же командиру Красной Армии. Расскажи, что тебя послала на выполнение задания подпольная организация, и дальше выполняй то, что поручит тебе этот командир. Вот тебе деньги на дорогу и на расходы. Если попадешься и надо откупиться, откупайся. — Чикарев опустил руку в бумажный пакет, находившийся на столе, и вынул пачку денег. — Ты сколько в месяц получаешь?

— Семьсот рублей.

— Здесь двадцать пять тысяч.

Таких денег я никогда в своих руках не держал.

— Вот тебе острогубцы и тонкий кабель. Там, где перервать проволоку нельзя, надо будет «короткое» сделать или «землю», — так ведь это у вас, телефонистов, называется? — на меня бросил умный взгляд Чикарев. — Ну вот и все. Паспорт-то у тебя в порядке? Не «засвечен»?

О ужас! Паспорта у меня не было. Неделю тому назад паспорт у меня забрал Тевосян.

— С моим паспортом «человека» в Москву послали, — с горечью в растерянности сказал я Чикареву.

— Ну ничего. Я скажу Бархашеву, он тебе паспорт достанет. Отберет у кого-нибудь из комсомольцев и даст тебе. Ты ведь знаешь Бархашева?

Бархашев был секретарем комсомольской организации в Баку.

— Знаю, — уныло произнес я.

— Разыщи его, я скажу, чтобы он паспорт тебе достал. Выезжать нужно двадцать шестого вечером. Так что ты свяжись с Бархашевым или сегодня вечером, или завтра утром. Ну, желаю удачи. — И Чикарев, пожав мне руку, похлопал по плечу.

Паспорт я получил утром. Но открыл его — и расстроился. Ну как я поеду в пограничный район с таким паспортом! Имя владельца было Иегудиил. Фамилию я уже не помню.

Ну какой же я Иегудиил!

Но делать нечего — времени нет, надо ехать. Зашел к Левке. С Левкой мы вместе учились в реальном училище. Он был круглый сирота и жил вместе с братом. Брата дома не оказалось. Войдя в комнату, я скороговоркой произнес:

— Мнюю получено задание ехать к границе и перервать всю связь.

— Вот здорово!

— Хочешь, поедем вместе?

Левка снял с вешалки куртку, надел ее, застегнул пуговицы и взял фуражку.

— Да не сейчас, а завтра вечером. Ты знаешь, это опасно, могут арестовать. — Левка так на меня посмотрел, что мне стыдно стало продолжать разговор.

— Где встретимся? — сердито спросил он.

— Давай ровно в шесть часов у главного входа на вокзал.

— Брать с собой нужно что-нибудь?

— Нет, ничего не нужно. Я возьму пару лепешек, нам на день хватит, а там с нашими встретимся.

На следующий день в шесть часов, когда я подходил к вокзалу, то издали увидел реалиста. Левка в черной шинели с золотыми пуговицами и в форменной фуражке уже ждал. Мы прошли к кассам, взяли два билета до станции Киязиди и пошли к платформе.

Но не тут-то было!

Вход на платформу закрывала деревянная решетка, в которой был устроен проход. У него стояли трое. Жандарм и двое в штатском. Они проверяли документы. К ним тянулась очередь человек пятнадцать.

Я видел, как пристально всматривались в паспорта отъезжающих.

Один из штатских поднял голову, и я чуть не вскрикнул — это был Мешков, ученик нашего реального училища. Мы с ним пять лет учились в одном классе!

Меня и Левку он, конечно, знал очень хорошо, но Левка-то Левка, а вот какой я Иегудиил! Что же теперь будет?

Стоящие в очереди медленно передвигались к проходу на перрон. Как же быть? Выйти из очереди? Нельзя. Ведь сейчас здесь, на вокзале, меня арестуют. Даже выехать нельзя будет. Мешков-то хорошо знает нас обоих.

Обычная находчивость в этот момент покинула меня. Я не знал, что делать. Левка стоял сзади и, вероятно, ничего не заметил.

Впереди оставались четыре человека, и вдруг я услышал:

— Мешков, тебя начальник зовет. — Мешков повернулся и пошел вдоль перрона. Мне казалось, что очередь стала двигаться еще медленнее. Так хотелось скорее пройти контрольный пункт. Но вот мой паспорт в руках контролера. Он перелистал страницы и вернул его мне. Я быстро прошел к вагону и стал ждать Лев-

ку. Наконец-то и Левка. Мы вошли в вагон и стали в тамбуре.

Когда поезд тронулся, я сказал ему:

— Ты знаешь, кто документы проверял?

— Нет, а что?

— Мешков. Помнишь, в нашем классе был. Он, вероятно, в сыском отделении служит. Вот если бы его начальник не вызвал, как бы я тогда объяснил ему, почему я Иегудилом стал.

— Почему нельзя? Это очень просто и объясняется: литературный псевдоним. Ты стал писать стихи и, как многие поэты и писатели, выбрал себе псевдоним. Ты ведь помнишь, что Максим Горький тоже однажды был Иегудилом. Он так и подписывался — Иегудил Хламида.

— Чужой паспорт — это не литературный псевдоним, а что-то уголовно наказуемое.

— А ведь и мне нельзя объяснить, почему это я вдруг в Килязи задумал ехать. Надо хоть какую-нибудь историю сочинить.

Мы стали импровизировать. Левка просто меня провожает, а я еду разыскивать отца. Отец две недели тому назад уехал с одним знакомым в район станции Килязи на заработки.

Мы знали, что недалеко от Килязей находится рыбный промысел. Этим наши знания местности и ограничивались.

Уже стемнело, когда мы подъехали к станции. Поезд остановился, и мы вошли, но на противоположной стороне от станции платформа была с одной стороны и железнодорожный путь состоял из одной колеи. Вагоны скрывали нас от тех, кто находился на перроне. Мы быстро стали передвигаться к строениям на берегу моря. Пока поезд стоял, мы уже были далеко, а вот и небольшая ложбинка. Мы спустились в нее, пригнувшись, а затем залегли. Паровоз издал пронзительный свисток и тронулся дальше по направлению к границе. Ну, теперь все, проскочили. Стемнеет, и двинемся вдоль берега, а затем повернем к железнодорожной линии.

Ночь лунная, и так тихо, что, кажется, слышен каждый шорох.

К десяти часам мы были у первого телеграфного столба. Влезть на столб для меня было пустяковым делом — работая на телефонной станции, я напрактиковался в этом.

— Прежде всего я «короткое» сделалю, — сказал я Левке.

— А что это значит?

— Ну, соединю все провода один с другим кабелем, вот и все. Это можно

быстро сделать. А затем будем срезать одну проволоку за другой. Я буду обрезать, а ты сматывай ее и разбрасывай по направлению к промыслам. Пусть думают, что туда ушли, а мы, когда закончим, уйдем в горы — там легче укрыться.

Сделав «короткое», я слез с первого столба, и мы направились ко второму.

Перекусить маленькими кусочками толстую телеграфную проволоку было трудно, но вот, наконец, она срезана, и с сильным звоном конец ее упал на землю. Левка начал сматывать проволоку, передвигаясь к следующему столбу.

Один за другим я срезал все двенадцать проводов, затем свернул один за другим все изоляторы и сбросил Левке, а он зарыл их в песок железнодорожной насыпи.

На третьем столбе я решил устроить «землю». Соединил все провода тонким кабелем, а конец его спустил по столбу и зарыл в землю.

Я так увлекся работой, что долго не мог расслышать тревожный шепот Левки. Но, наконец, до меня донеслось: «Скорее слезай, слезай!»

И вдруг я увидел, как Левка шмыгнул от телеграфного столба к насыпи и залег в густой траве.

Рядом с железнодорожной линией проходила колея проселочной дороги. По ней медленно двигалась арба. Я услышал скрип ее колес и мурлыканье едущего на ней.

Увидел! Теперь приедет и расскажет, что видел человека на столбе. Район пограничный, могут послать кого-то на поиски. И нас поймают.

Что делать? Мозг лихорадочно работал. Надо сделать так, чтобы его рассказу не поверили. Я, держась за столб и проволоку ногами, замахал руками и полами пиджака и стал шипеть и издавать гортанные нечеловеческие звуки. Седок на арбе дико закричал и начал хлестать по лошади.

До меня донеслось одно-единственное слово — шайтан.

...Уже много позже, в феврале 1921 года, я попал в этот район снова. Производилась перерегистрация членов партии, и я участвовал в работе по перерегистрации. После партийного собрания мы разговорились с его участниками. Один из них сказал мне, что у них в ауле есть человек, который сам видел шайтана. Он сидел на столбе и запутался, вероятно, в проволоке. От него шел дым, и он пытался лететь, но не мог.

Вот и заставьте после этого не верить в шайтана.

...Ну, кажется, все. У Левки были карманные часы.

— Сколько времени? — спросил я, слезая с последнего столба.

— Ровно двенадцать.

— Наши перешли в наступление. Здесь будут завтра в четыре-пять часов вечера, так сказал Чикарев.

— Надо идти теперь в горы и ждать своих.

Ночью, как известно, расстояние определять очень трудно. Казалось, что горная гряда совсем рядом, но мы долго передвигались по освещенной лунным светом равнине, и нам казалось, что находимся у же самого подножья горы.

Теперь можно лечь и подождать рассвета. Мы легли и моментально заснули, а когда проснулись, солнце уже было высоко.

— Ну пошли.

Но только мы поднялись, как услышали собачий лай и гортанный голос крикнул по-азербайджански:

— Подожди!

Мы, делая вид, что не слышим, ускорили шаги.

— Остановитесь! — вновь раздался окрик.

Я оглянулся и увидел, как двое пастухов бежали к нам. Впереди них неслись собаки.

— Стой, — сказал я Левке. — Все равно от собак не уйдешь.

Мы остановились. Пастухи стали кричать:

— Зачем бежали?

Я сказал, что мы испугались собак. Мы вышли ночью со станции и заблудились. Нам нужно попасть из Килязей на ту станцию, и я показал рукой, куда мы будут ночью хотели добраться.

— На станцию Назарат? — спросил пастух постарше.

— Да, на станцию Назарат.

— Ну идите.

И мы быстро зашагали... к полотну железной дороги.

— Выйдем к морю, — предложил я.

— Но ведь мы туда отвели следы нашей деятельности, — иронически, как мне показалось, произнес Левка.

— В горы-то теперь нельзя, ты сам понимаешь.

— Понимаю.

Мы пересекли полотно железной доро-

ги, вышли на берег моря и направились к постройкам рыбного промысла.

Вблизи от него в небольшом овражке мы прилегли и стали ждать. Было уже около часа дня.

— Через три-четыре часа здесь наши будут, — сказал я. — Давай закусим.

Я вынул из кармана лепешки, и мы стали разжевывать сухие жесткие куски пресного хлеба.

— Нет, я не буду больше, — проговорил Левка. — От них захочешь пить, а ведь воды-то у нас нет.

Мы было задремали, но рычание собак моментально подняло нас на ноги. Перед нами стояли две огромные кавказские овчарки.

Левка хотел было схватить камень, но я крикнул:

— Прыгай в воду, они в воду за нами не пойдут!

Мы вошли по пояс в воду и остановились.

Собаки тоже встали на берегу, лениво несколько раз тявкнули и затем медленно пошли к промыслу. Но только нам стоило выйти на берег, как собаки снова бросились к нам.

Мы опять ушли в море и, стоя по пояс в воде, стали ждать, когда собаки уйдут и оставят нас в покое.

— Пойдем назад морем, не выходя на берег, — предложил я.

— Пойдем, надо же что-нибудь делать.

Собаки конвоировали нас, следуя за нами по берегу. Наконец они остановились и потом затрусили опять к строениям рыбного промысла.

Мокрые, уставшие, мы вышли на берег. Недалеко были развалины небольшого домика. Три полуразрушенные стены, и больше ничего.

Мы вошли в это укрытие, разделись, отжали воду из одежды и сели на камни.

Уже четыре часа, а никаких признаков наступления нет.

— А может быть, оно отложено. Что же тогда нам делать?

— Не знаю.

Левка стал вслух размышлять:

— На станцию нам идти нельзя. Там, конечно, уже знают о том, что телеграфная линия повреждена. К промыслам идти нельзя, там собаки. Может быть, зайти в какой-нибудь домок в станционном поселке? А ведь там водочка работает, смотри. — Нам был виден каменный дом, у дверей которого стояли двое в кепках.

Раз в кепках, значит русские — азербайджанцы здесь носили только папахи. — Подойдем к ним и объясним, что ищем твоего отца, который две недели тому назад уехал на заработки, — мне опять послышалась в голосе Левки ирония.

— Ну чего ты иронизируешь? Не нравится моя история с отцом — придумай что-нибудь лучше.

— Да ты не сердись... Подождем еще часок, пообсохнем и пойдем.

Снова сели за стенами дома.

— Пошли на водокачку.

Когда мы подошли к зданию, из дверей вышел один из работавших у дизеля.

Я обомлел. Это был хороший знакомый отца, его земляк. Вот так встреча! Он всего две недели тому назад был у нас дома, и отец, показывая на нас с братом Николаем, сказал: «А это мои старшие».

Вся выдуманная мною история с отцом полетела прахом.

Теперь все дело в том, узнает он меня или нет. Тогда он был под хмельком и видел меня издали. Может быть, и не узнает.

Мы поздоровались. Я рассказал историю с отъездом отца на заработки и попросил воды. У нас во рту со вчерашнего вечера росинки не было. Он подошел к бочке и зачерпнул из нее большой эмалированной кружкой воду.

— А куда отец-то уехал, в какие места?

— Он сказал, что попробует поискать работы в Сумгаите или Килязях.

— Да здесь промысел-то закрыт. Только один сторож живет да две собаки при нем. Один он поехал-то?

— Нет, не один, к нам приходил какой-то рыбак.

— Высокий, худой?

— Да, высокий и худой.

— Рыжий?

— Кажется, рыжий — он был в кепке.

— А звать не знаешь как? Не Степаном?

— Степан, Степан, я слышал, как его отец называл Степаном.

— Чего это он кепку-то надел — я у него никогда и не видел кепки-то. Он и зимой и летом с непокрытой головой ходит. Так это вам надо до следующей станции добираться — до Назарата. Там как раз и промысел есть, и Степан там живет. Он как раз недавно в Баку был.

«Какая удача! — подумал я. — Даже не одна, а две. Во-первых, он меня не узнал, а во-вторых, мы теперь смело можем говорить о том, куда мы пробираемся — в Назарат, к рыбаку Степану.

Во время нашего разговора я заметил жандарма, который стоял на платформе и смотрел в нашу сторону.

От водокачки мы направились в сторону Назарата. Но не сделали и нескольких шагов, как раздался дребезжащий свисток жандарма. Мы остановились. Жандарм махал нам рукой, зовя к себе. Мы подошли и поздоровались.

— Куда идете?

— На станцию Назарат, к рыбаку Степану.

И я вновь рассказал историю отъезда отца, но уточнил ее некоторыми подробностями — отец уехал вместе со Степаном.

— Я только что был там и видел его. У него никого нет!

— Но он, может быть, знает, куда уехал отец и что с ним, — они вместе из Баку-то выехали, — произнес я.

— Ну что же, идите, только когда подойдете вон к тому промыслу, сверните влево от железной дороги — там собаки, искушать могут.

«Мы уже знаем о них!» — подумал я, и, поблагодарив жандарма за добрый совет, мы пошли к Назарату.

Шел пятый час.

— Ты не спеши, — сказал я Левке. В нашем положении надо тянуть время — встреча со Степаном нам не предвещает ничего хорошего.

— В этом районе двадцать седьмого апреля в четыре-пять часов вечера появятся части Красной Армии — так, что ли? — спросил Левка. — Что-то нет ни одного предвестника их появления.

И вдруг я услышал глухой артиллерийский выстрел.

— Что это? Ты слышал? — спросил я Левку.

— Что слышал?

— Выстрел.

— Нет, не слышал. Это у тебя начинается галлюцинация слуха. Если процесс пойдет дальше, то это перейдет в галлюцинацию зрения. Это бывает. Скоро ты, вероятно, увидишь скачущих на белых конях всадников с блестящими на солнце клинками.

Но вот впереди появился дымок паровоза. Мы сошли с железнодорожного пути, по которому двигались из Килязей, и пошли по солончаковой равнине, поросшей верблюжьей колючкой.

Навстречу нам шел бронепоезд.

Когда паровоз проходил мимо, машинист стал жестами показывать нам, что там, впереди, стреляют и надо бежать.

«Вот этого-то мы и ждем!» — с радостью подумал я. Мы с Левкой обезумели от счастья и бросились бежать, но не назад, а вперед. Раз азербайджанский бронепоезд удирает — значит у них дело плохо.

Но вот мы увидели опять дымок. Двигался второй бронепоезд. На нем развевался красный флаг, а на платформах за мешками с мукой, как за защитой, стояли солдаты.

«Может быть, это грузинский. Ведь грузинские меньшевики находятся в союзе с азербайджанскими мусаватистами», — подумал я.

Еще дымок — и третий бронепоезд — на нем промелькнула какая-то надпись, но разобрать мы ее не смогли. Мы стали держаться ближе к полотну железной дороги. Впереди снова задымили паровозы, и вот перед нами с грохотом пронеслись еще один бронепоезд — теперь мы могли отчетливо видеть крупные буквы надписи «Красногвардеец». Мы побежали за ним. Стали махать руками и кричать во всю мощь наших голосовых связок «ура, ура!» и еще что-то радостное и ликующее.

За «Красногвардейцем» следовал пятый бронепоезд «Красная Астрахань». Мы продолжали бежать за бронепоездами, спотыкаясь и падая. Вот и станция Киязлы, на перроне собрался народ — у всех радостные лица, путая русские и азербайджанские слова, все говорят. Как хорошо — никто не стреляет, солдаты смеются и машут нам руками.

Но вот бронепоезд «Красная Астрахань» замедлил ход и, проехав станцию Киязлы, остановился — дымили бунсы у одного из вагонов. Мы с Левкой бросились к нему. Солдаты поливали нагретые бунсы чем могли. Мы успели добраться до командира бронепоезда и рассказать ему, кто мы, зачем посланы и что нами проделано.

Командир сказал: «Забирайтесь на платформу — мы трогаемся».

И вот мы среди красноармейцев мчимся к Баку и рассказываем, рассказываем им, что делается в Баку. Мы говорим о подготовке восстания, о том, что теперь уже, вероятно, мусаватистское правительство арестовано. Там теперь мы хозяева.

Часа в четыре утра бронепоезд прибыл в Баладжары. Мы с Левкой соскочили с платформы и решили через Арменикенд двигаться в город.

— Я пойду домой, — сказал Левка, — брат, вероятно, уже с ума сходит — ведь я ему не сказал, что уезжаю.

— И я зайду домой — все равно мимо идти, а затем отправлюсь прямо на телефонную станцию.

Когда я пришел домой, отец обувался — собирался идти на работу. Он в это время работал плотником в Черном городе.

— Ты куда? — спросил я его, здороваясь.

— Куда — на работу.

— Не ходи, сегодня никто работать не будет.

— Это еще почему, праздник, что ли?

— Да, праздник. Теперь в Баку снова наша власть — в городе уже красноармейцы.

— Да что ты?

Я быстро рассказал отцу все, что произошло.

— Нет, пойду к вокзалу — сам посмотрю.

И мы пошли — я на телефонную станцию, а отец к вокзалу.

На станции оживление — многие рабочие с оружием. Я нашел членов нашей партийной организации Бутикова и Умнова.

— А где мне достать оружие? — спросил я Умнова.

— Иди, — и он сказал мне адрес райкома, — там получишь.

Перед зданием райкома толпа. Я с трудом пробрался в помещение и увидел Тевосяна.

— Ну как, все в порядке?

— Да.

И я получил новое задание.

...Чикарева я встретил через несколько дней.

— Ты читал, что о ваших делах написано в газетах? Вот смотри: «Злоумышленники разрушили телефонную линию между станциями Киязлы и Назарат. В злоумышленниках видны специалисты своего дела». — И далее следовали некоторые подробности того, что нами было сделано.

Две другие группы не могли выполнить порученного задания. Брат со своим напарником был арестован, когда он пытался подняться на телеграфный столб, а третья пара даже не сумела выехать из Баку.

Нам посчастливилось.

Г. Семенов

Из дневника фронтальной бригады

В годы Великой Отечественной войны в тылу — в промышленности и в сельском хозяйстве — по инициативе комсомольцев началось движение двухсотников. Их лозунг был: «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт», выполнять не меньше двух норм. Это движение захватило сотни тысяч людей. Фронтальные бригады — также почин комсомола. Звание фронтальной бригады надо было заслужить отличной работой, дисциплиной. За это звание боролись, им гордились.

С буднями и редкими праздниками одной из таких бригад нас знакомит дневник Геннадия Семенова, бригадира фронтальной бригады моторостроительного завода в Перми. Дневник хранится в Центральном архиве ВЛКСМ. Здесь он приводится с некоторыми сокращениями.

Публикация подготовлена Е. Щагиной.

Книжка стахановца-двухсотника. 1942 г.

Фамилия Семенов
 Имя Геннадий
 Отчество Федорович
 Профессия слесарь
 Стаж работы на заводе 15/II-1939г.
 Подпись директора з-да Колесов
 Секретарь парт. ком. з-да Александров
 Председатель стачкома Колесов
 Секретарь ЭК. ВЛКСМ Колесов

Дата выдачи 22 II 1942 г.

Участие в общественно-политических мероприятиях

Дата	Содержание
29/II-42	Работал 40 часов не отходя с места и выполнил задачи догоспо, во контора было дано 5 часов (на неделю) 40ч учета Геннадий Семенов 1/II-42

ДНЕВНИК

фронтовой бригады цеха

Бригадир тов. Семенов Г. Ф.

Политрук тов. Пермяков Я. А.

Секретарь бюро ВЛКСМ т. Кулик

Состав бригады:

1. Семенов Геннадий Федорович — бригадир

2. Пепеляев Иван Петрович — слесарь

3. Пермяков Яков Афанасьевич — слесарь

4. Филиппов Сергей Павлович — слесарь

5. Балашов Владимир Иванович — слесарь

6. Моздаков Иван Иванович — слесарь.

Бригада организовалась 15/1 1942 года по инициативе комсорга тов. Малахова и нач. участка комсомольца Колчанова.

Январскую программу бригада выполнила на 219 процентов. В феврале бригада добилась более высоких показателей, выполнив программу на 230 процентов.

5/III [1942 г.]. Вчера у всех, кроме Пермякова, низкие показатели. Ребята выполняли очень трудоемкую операцию, на которой другие рабочие и нормы не дают. Слесарь т. Казанцев нарезал всего 160 шт. при норме 192 шт., а наш Моздаков сделал 205 шт., Балашов — 200 шт., хотя оба они имеют меньше опыта в работе, чем Казанцев. На этой же детали Филиппов нарезал 300 шт.

6/III. Моздаков до гудка кончил работу. Я ему заметил, что фронтовики так не делают. Моздаков ответил: «Пожалуйста, выйду из бригады». Я сказал об этом членам бригады. Обсудили поведение Моздакова. Ребята все, как один, доказывали ему, что он не прав.

7/III. Сегодня производили генеральную чистку рабочего места. Плохо, что мы сделали это только после того, как начальник участка тов. Колчанов подсказал нам...

10/III. Когда бригада работает в разные часы, мне плохо виден ход работы каждого. Догадываюсь по процентам. Моздаков и Филиппов работают с утра, потому что вечером они учатся — это будущие снайперы. Сегодня Филиппов и Моздаков дали малый процент выполнения. Ребята работали честно, но две нормы на этой операции им, видимо, пока еще не под силу. Моздаков сказал, что завтра даст 300 процентов.

11/III. Сегодня бригада работала хорошо — выполнение 260 процентов. Моздаков сдержал свое слово и дал 303 процента. Приходил товарищ из обкома ВЛКСМ, интересовался работой бригады. Пепеляева и Балашова вызывали на бюро райкома ВЛКСМ. Отныне они комсомольцы.

13/III. Плохо налажен учет работы. Сегодня я еще не знаю, как работала бригада вчера. Раньше, когда работали в одну смену, я сам предварительно подсчитывал и знал, как каждый работал.

Заключили соцдоговоры. Все члены бригады обязались выполнять не менее двух норм.

Секретарь бюро ВЛКСМ т. Малахов сказал, что на 2-м участке организуется вторая фронтовая бригада. Это хорошо! Будем с ними соревноваться.

14/III. Ребята очень интересуются событиями на фронте. Решили ежедневно проводить читку газет.

Сегодня Филиппов и Моздаков работали на детали, которая требует больших физических усилий и умения. Моздаков даже вначале испугался: «Мне, — говорит, — и полноры не сделать». Филиппов его подбодрил, и принялись за работу вместе. Моздаков слабее, но при поддержке Филиппова они оба успешно справились с заданием. «Пришлось мне сегодня крепко поднажать, — сказал Сергей Филиппов, — но все же по норме дали». Под словом «норма» фронтовики подразумевают 200 процентов.

15/III. Я и Пермяков получили письма с фронта. Обсуждали всей бригадой. Делились мнениями о последних сообщениях Советского Информбюро. Наши братья славно бьют немчуру, значит, и мы должны работать, не отставая от фронтовиков. Их успехи во многом зависят от нас. Будем работать так, чтобы наши братья навсегда отбили желание у немецких солдат «прогуливаться» по странам Европы.

17/III. Моздаков опять не хочет идти на слет фронтовых бригад. И что это за человек, я просто не могу понять! Фотографироваться для газеты с нами не ходил. И вообще он все время старается уединиться...

27/III. Сегодня все члены бригады дали более 2 норм, а Пепеляев 300 процентов. В 12 часов пришел диспетчер цеха и сказал, что нужно продвинуть партию дефицитных деталей. Я спросил ребят, кто желает остаться. Филиппов сразу согласился; немного подумав, к нему присоединился Пермяков. Балашов и Пепеляев стали отговариваться. Я отпустил их домой. Детали требуются очень срочно. Буду сам помогать ребятам.

30/III. Выполнение за сегодняшний день 204 процента. Балашов дал 225 процен-

4 апреля коллективно идем в цирк.

1/IV. Кончился месяц. Выполнили мартовское задание на 210 процентов. Против прошлых месяцев это мало, но все же неплохо. Надо отметить, что в марте было много новых деталей, которые осваивали. Пермяков месячное задание выполнил на 221 процент, Пепеляев — 216 процентов, Балашов — 205 процентов, Моздаков — 205 процентов, Филиппов — 200 процентов.

Начинается новый месяц. Вступаем в предмайское соревнование.

4/IV. Сегодня Балашову дали увольнение — он заболел. Бригада выполнила задание на 207 процентов.

6/IV. Вчера бригада выходила на воскресник. Сегодня выполнение 229 процентов.

9/IV. В обед читал ребятам отрывки «Оптимистической трагедии».

10/IV. Пепеляев и Филиппов дали 185 процентов. Но они работали честно. Слишком большая норма. Нужно к ней приспособиться.

13/IV. Вчера все, кроме Моздакова, были на воскреснике по сбору металлолома.

14/IV. Вечером 13 апреля было передано по радио постановление правительства о выпуске нового военного займа. Ребята с радостью встретили эту весть. 6 членов бригады дали взаймы своей Родине 4500 рублей. Это добавочно к нашему труду.

15/IV. Комсорг ЦК ВЛКСМ т. Котельников позвонил мне, чтобы я со своей бригадой после работы зашел в завком. Когда ребята сдали смену, я познакомил сменного бригадира с заданием, и мы ушли в комитет комсомола.

Товарищ Котельников много расспрашивал о работе бригады и даже похвалил нас...

Ребята ушли... Я торопился, так как знал, что ребята ждут меня в коридоре. Нагруженные ящиками, шли навстречу мои хлопцы.

— Трудимся! — крикнул на ходу Володя Балашов. Пока я разговаривал с комсоргом, они, оказывается, решили помочь двум старым рабочим. Молодцы ребята, правильно сделали!

Сходили домой, переоделись и все — в театр. Смотрели «Егор Булычов». Пьеса очень понравилась. Возвращались домой вместе, говорили о Горьком, о жизни рабочих до революции, о будущем.

16/IV. Горячо обсуждали вопрос о вступлении в комсомол. «Вы поймите, — говорил Пепеляев, — что, работая во

фронтной бригаде, вы просто не имеете права быть некомсомольцами».

В обед читали газету. Пришел комсорг цеха т. Малахов — самый близкий друг фронтной бригады. Все ребята уважают его...

Я уже сдал смену, когда начальник участка т. Колчанов сказал, что нужно выточить оправку для резбобфрезерных станков. Осталось. Через час оправку сделал, еще раз проверил, как идет работа у сменившего меня бригадира, и ушел из цеха.

27/IV. Пермяков Яков вчера долго прогулял и сегодня на работе хотел спать. Когда я пришел на смену, ко мне подбежал Моздаков, козырнув по-военному, сказал: «Разрешите доложить, товарищу бригадир, что гвардеец Яков Пермяков вчера познакомился с девушкой и в течение ночи не спал ни одного часа». Что прикажете сделать с этим человеком?

28/IV. 12 часов ночи. Конец смены. Поступил срочный заказ: к утру нужно сделать несколько партий разных деталей. Я собрал ребят, которые уже собирались уходить домой, и попросил их остаться. Все пятеро, как один, согласились. Сейчас идем обедать.

Шутки и смех не смолкают. Не верится, что эти веселые парни 16 часов провели в упорном труде.

В цех пришел т. Долгинцев. Я сдал смену и иду работать со своей бригадой. Ребята приготовили инструмент. Через несколько минут не слышно стало шуток и смеха, все напряженно работают...

5 часов утра. Светает. Немного хочется спать. Предлагаю спеть. Работаем и поем.

В 8 часов иду домой, потому что мне нужно к 4.30 явиться на смену. Ребята остаются работать до 12 часов дня.

29/IV. К 8 часам вечера вся бригада снова в цехе. Иду помогать ребятам. В час ночи провели летучее собрание.

1 Мая будем работать, чтобы больше дать продукции фронту, скорее завоевать себе такое будущее, когда каждый день жизни и труда будет радостным праздником.

30/IV. В 4.30 все на местах. Начинаем работу. Все удивляются: «Как это вы не утомляетесь? Работаете по 2—3 смены и еще песни поете!»

Хотя 1 Мая и будем работать, а чувствуется, что завтра праздник. В час отдыха читал ребятам свои стихи. Пели песни. Их любит вся бригада.

1 Мая. 8 часов утра. Пришел мас-

тер т. Долгинцев. Нужно сдать партию деталей в количестве 1000 шт. и вторую — 500 шт. Остаемся еще всей бригадой. Готовые детали складываются «в общий котел», как выражается Балашов. Нарезет он деталь, бросит ее в банку и говорит: «Это первомайский подарок немцам». «А это им за наши разрушенные города и села», — вторит ему Моздаков. Балашов и Моздаков послабее остальных ребят, поэтому мы чаще разрешаем им отдыхать.

Работа, которую рассчитали на две смены, мы выполнили за 4 часа. Больше в цехе делать пока нечего. Сейчас уходим домой...

4/V. Все ребята бодрые, настроение боевое. Готовы к тяжелому и упорному труду. Мастер т. Долгинцев собрал нас и познакомил с увеличенной программой мая. Особенно много работы выпадает на долю фронтовиков. А слесарей стало меньше. Раньше еще ремесленники помогали, а сейчас их перевели в другой цех. Значит, вся программа лежит на фронтовой бригаде. Уверен, что и новое задание будет выполнено.

2 мая днем мы собрались у Пепеляева. Получилось как-то стихийно. Все пришли к нему. Читали газету, затем стихи В. Маяковского, Кирсанова и Влока. Вечером ходили на вечер, посвященный возвращению делегатов, ездивших в Англию. С большим интересом слушали товарища, который рассказывал нам, что он видел там...

5/V. Весь день был занят и с ребятами встретился только вечером. Все мы, кроме Моздакова, ходили на вечер молодежи. Девушки (большинство из них работают у нас в цехе) встретили нас возгласами: «Фронтовики пришли!» На вечере мои ребята вели себя по-фронтовому, то есть и в веселии всегда впереди. Пепеляев и Пермяков — зачинщики игр, плясок. А когда я запевал, то фронтовики дружно подхватывали песню. Веселье ребят, потому и девушки уважают их и даже с какой-то гордостью произносят слово «фронтовики».

6/V. Кипит работа. Сейчас ходил к начальнику инструментальной кладовой и ругался насчет метчиков. Ребята откуда-то узнали, что пересматривают нормы. Приятно слышать, когда эти парни, которые своим трудом содержат всю семью, говорят: «Правильно, расценки на кое-какие детали надо поурезать. Мы можем давать деталей еще больше и тем самым

удержим наш заработок на прежнем уровне».

7/V. 12 часов дня. Обед. Яков Пермяков читает последние известия. Вокруг него собрались не только фронтовики, но и остальная молодежь участка. Все со вниманием слушают. Пришел комсорг Малахов. Что-то он сегодня запоздал немного, обычно же всегда приходил к самому началу. Дослушав чтение, комсорг стал беседовать с ребятами о трудностях наших дней, о том, что нужно сделать, чтобы победить. Потом говорил о сплоченности молодежи, о комсомоле и комсомольцах. Его беседы дают результаты. Многие ребята и девушки вступают в комсомол. Сегодня беседа проходит еще оживленнее, чем когда-либо.

9/V. Из-за нехватки электроэнергии сегодня наш участок не работает. Всех отпустили домой. Мы остались. «У нас всегда ток есть», — шутят ребята.

Получили приглашение на слет фронтовых бригад. В 7 ч. 30 м. вечера кончили работу, через полчаса уйдем в клуб. Подсчитали результаты сегодняшнего дня. Пермяков за 11 часов выполнил норму на 450 процентов, Моздаков — на 400 процентов, Балашов — на 340 процентов, Пепеляев — на 300 процентов, Филиппов — на 350 процентов.

11/V. Пришел в цех раньше своей смены, чтобы оформить номер «Крокодила». Ребята были еще в цехе. Они с радостью приняли весть о том, что организуется вторая фронтовая бригада. Мои друзья с уверенностью заявляют, что будут первыми в цехе. Включаемся во Всесоюзное социалистическое соревнование. Завтра утром примем конкретные обязательства.

19/V. После работы ходили на слет фронтовых бригад. Я выступил и коротенько рассказал о том, как мы работаем. Всем ребятам понравились дела фронтовой бригады т. Лекомцева. Энергичный парень!

22/V. Комната. У окна стоит фортепиано. За него сидит седой сгорбленный человек. Тихо. И вдруг в зал врывается поток звуков. В них стоны и скорбь человеческая, потерянные надежды, несбывшиеся мечты. Затем зазвучала мягкая нежная музыка. Казалось, самая ранняя весна запела чудным голосом, самая сильная любовь поведала свои чувства. Может быть, я делаю нехорошо — в дневник фронтовой бригады записываю свои чувства. Но я смотрел вчера «Дворянское гнездо» Тургенева, и судьба музыканта Лемма меня так

тронула, что и на работе я все думаю о нем. Лемм приехал в Россию с Запада. Там его презирали. Нынче с Запада на нас идут по колено в крови потомки этих бездушных людей. Если бы фашистам удалось поработить нашу Родину — погибли бы все таланты русского народа. Но нет, никогда не бывает этому!

3/VI. Трудная работа выпадает на членов бригады: чтобы выполнять новые нормы на 200 процентов, нужно здорово работать.

Ребята успешно справляются и дают даже при новых нормах 150—270 процентов.

Правда, сейчас стали очень заметны скачки в работе — то 150 процентов, а завтра этот же рабочий дает 270 процентов. Этому причиной — трудность чисто физическая. Наша цель — уничтожить

скачкообразность в работе. Сегодня в обед читали газету «Звезда», кроме того, я прочел ребятам свое стихотворение. Ребята посоветовали мне записать стих в дневник. Я понимаю, что это сырой материал, но нужно выполнять просьбу друзей.

Для будущих лет поколений
 Пусть труд наш примером звучит,
 Пепел сожженных селений
 В сердцах патриотов стучит.
 Мы горя не знали; как в песне —
 Молодость наша цвела,
 День ото дня интересней
 Жизнь сулила... звала.
 Но вдруг роковое свершилось —
 В просторы советских полей
 Пьяная рвань обрушилась,
 Посевы сгубил суховей.

На улицах Ленинграда. 1941 г.

Мы помним скрижали истории,
И горечь в сердцах велика,
Все, по своей траектории
Двигаясь, сходит в века.
Взлеты фашистской теории
И все, что чумой рождено,
На нашей родной территории
Нам истребить суждено.
Мы все отдаем нашей Родине
В тяжелый решительный час —
Гибель нацистской уродины
Каждый готовит из нас.

9/VI. Случилось серьезное. Я и политрук Яков Пермяков вдруг заболели. Вот сидим сейчас и смотрим на свои синенькие листки. Бюллетенщики!

Постараемся побыстрее покончить с врагом — болезнью.

14/VI. Воскресенье. Бригада вся полностью работает...

15/VI. Наш цех идет одним из первых по заводу. В этом немалая заслуга фронтовиков, так как почти все детали идут на сдачу от нас.

Ребята это понимают и стараются работать как можно лучше.

Сегодня хорошо работает Пермяков — 294 процента, Пепеляев — 211 процентов.

19/VI 1942 г. Вчера сделал проступок — ушел с работы раньше времени. Обещаю, что больше это не повторится. Член бригады Филиппов.

22/VI. Сегодня работаю с 8 вечера.

Бригада уже давно разбита в разные смены. Это очень неудобно. Но это нужно, чтобы бесперебойно выполнять сменно-субточные задания.

Вчера был выходной день. Я, Пепеляев, Пермяков, Балашов и братья Филипповы ходили на стадион, где происходил очень интересный матч — встреча футбольной команды нашего завода и соседей.

Всей бригадой болели за команду нашего завода.

25/VI. Проводили беседы о договоре между СССР и Великобританией, о соглашении между СССР и США. О приеме и одобрении договора и соглашения на сессии Верховного Совета.

Особенно всех рабочих интересует второй фронт.

Пермяков и Пепеляев дали по 270 процентов.

26/VI. Проводил беседу о Южном фронте. Рассказывал ребятам о героическом Севастополе.

28/VI. Вновь проводил зарядку насчет трудовой дисциплины. Члены фронтовой бригады Балашов и Моздаков работают

в другой смене, и на них за последнее время стали поступать жалобы. Говорил мастеру о необходимости разведения этих ребят в разные смены.

Они оба молодые парнишки, и их нужно постоянно контролировать.

29/VI 1942 г. Сегодня моему ученику Бакланову мастер дал задание — сделать очень трудоемкие детали норму 150 шт. и за это пообещал дать 3-й разряд. Бакланов это задание выполнил. Я очень рад, что он добился таких хороших результатов.

30/VI 1942 г. В последние дни месяца бригада работает с большим подъемом, для того чтобы обеспечить выполнение программы участка и в целом цеха. Выполнение норм за 11 часов в среднем по бригаде 210—235 процентов, в обеденный перерыв проводим чистку текущего материала.

1/VII. Кончился месяц. В основном бригада работала в июне месяце хорошо. Особенно отличались Пермяков и Пепеляев...

Бригада июньскую программу выполнила на 180 процентов. Это первый месяц, когда процент выполнения ниже 200 процентов. Я считаю, и, по-моему, я прав, что бригада работала не хуже, а, наоборот, лучше предыдущих месяцев.

Процент выполнения меньше потому, что сейчас у нас новые, довольно-таки жесткие нормы.

2/VII. Собирали десятиминутку, говорили о работе завода и о наших задачах на июль месяц.

3/VII. Балашова выбрали ответственным по Осоавиахиму за участок. Я посоветовал, чтобы его выбрали. Хочу, чтобы все мои ребята несли какую-нибудь общественную работу.

Пермяков — член цехового бюро, Пепеляев — профгруппорг, чтобы фронтовики были связаны с рабочими, чтобы они были агитаторами.

6/VII. Вчера был выходной день. Ходили на стадион.

Работая на новой операции, Пермяков и Пепеляев дают по 270—285 процентов. Сейчас проценты подсчитывают за 11 часов.

Значит, если рабочий одиннадцатичасовую норму выполнил на 285 процентов, то восьмичасовая норма была бы у него не менее как на 300—330 процентов.

7/VII. Долг фронтовой бригады — укреплять и увеличивать свой личный состав.

Сегодня на десятиминутке вновь пред-

лагал ввести слесаря Бакланова в состав бригады. Ребята не против. Дали наказ Пепеляеву — подготовить Бакланова, завтра будем принимать его в бригаду.

Мы принимаем во фронтовую бригаду не просто — записали, и все, а делаем вроде того, как делается, например, когда на собрании принимают в комсомол. Предлагаем новому члену, чтобы он дал слово, что будет подчиняться нашей внутренней дисциплине, и т. д.

8/VII. Принимали Бакланова в бригаду. Балашова Владимира выбрали комсоргом группы.

9/VII. В цех приходил представитель из Москвы, фотографировались всей бригадой у доски показателей и у знамени, которое получила наша комсомольская организация. Бакланов оправдывает имя фронтовика, обрабатывая остродефицитную деталь, сегодня он дал 260 процентов.

10/VII. В обед читал газету и пояснял

ребятам положение на фронтах и нашу роль в борьбе за освобождение родных земель.

Пепеляев, обрабатывая дефицитную партию деталей, раньше срока подготовил ее к сдаче.

11/VII. Перед сменой собирали десятиминутку.

Заслушивал, как работают члены бригады, которые работают не в моей смене.

Интересовались, как идет учение у Сергея Филиппова, он учится на курсах шоферов. Сергей с гордостью заявляет, что он уже почти мобилизованный. Сергей работает все время с утра.

12/VII. В первую смену была цеховая зарядка, в обед, на которой вручали переходящее Красное знамя нашему участку. От стахановцев участка выступал Балашов.

13/VII. ...Сегодня на десятиминутке говорили о наших успехах: Пепеляев высказал интересную мысль.

«Почему, — говорит он, — когда приходят корреспонденты, то спрашивают: «Как это вы бились? Почему стали давать больше?» Я ответил ему, что это им нужно, чтобы передать наш опыт другим. «Но ведь геройского мы ничего не делаем, — не унимался Пепеляев, — а стали давать деталей больше, потому что этого требует фронт».

14/VII. Меня 9 июля выбрали комсоргом участка.

Член бригады Балашов

18/VII 1942 г. Сегодня радостный день, который вдохновляет нас, фронтовиков, к новым производственным победам — вручается знамя Комитета Оборона нашему заводу — [в] 8 часов вечера 18/VII 1942 г. Вручалось это знамя на митинге у завода, где присутствовали все рабочие нашего завода. Директор завода сказал в своем выступлении: сработали мы в июне месяце хорошо, а в июле должны сработать еще лучше и сдержаться за собой знамя Комитета Оборона.

Перед нами, фронтовиками, стоит большая задача — давать больше продукции и лучшего качества, и на этом мы поддержим слова директора завода.

Член бригады Пепеляев

26/VII. Нашему заводу вручено знамя Комитета Оборона. Мы горды, что наш родной завод вышел из задних рядов в передовые. Мы стали работать лучше...

Те же самые люди стали работать вдвое лучше.

Идут жестокие бои на берегах Дона.

Мы понимаем, что эти дни решают участь Родины, участь советского народа.

В эти дни мы работаем еще больше, еще лучше. Работаем по две, по три и даже иногда по 4 с половиной смены. Боремся с нежелающими работать, воспитываем их в интересах сегодняшних дней.

10/VIII. Давно не писал в дневник, получил это потому, что дневник был у корреспондента «Труда».

За эти дни бригада ни на йоту не сдала стахановских темпов.

Сергей Филиппов нашел выход, благодаря которому намного увеличилось количество деталей, которое рабочий может сделать за смену. Это даже нельзя назвать изобретением, это я бы назвал приспособлением в работе.

Дело вот в чем: когда-то мы эту деталь нарезали вручную, только две нитки намечали на станке.

Затем, посоветовавшись между собой, мы испробовали нарезку на станке предварительным метчиком глубже. Окончательным метчиком стало легче нарезать.

23/VIII. Сегодня хотя и воскресенье, но мы работаем 16 часов. Наша смена работает 16 часов, а другая смена строит дорогу.

27/VIII. Ходили на строительство железной дороги.

1/IX. С сегодняшнего дня Яков Пермяков работает бригадиром. Так растут люди моей бригады. Заступая на должность бригадира, Пермяков дал слово бригаде (нашей фронтовой), что не осрамит звания фронтовика и с честью справится со своей новой работой.

5/IX. Читал ребятам о героях Южного фронта. Я, Пермяков и Пепеляев работали 16 часов.

7/IX. Вчера был выходной день.

20/IX. Воскресенье. Работаем.

Все фронтовики, кроме Моздакова, вышли на работу.

В состав бригады включили токаря Надю Морозову. Это моя ученица, я ее обучил работать, и надо сказать — работает она хорошо.

Морозова работает на одной очень важной детали, ее сменщица делает этой детали по 150—200 (норма 200), а Морозова дает по 250—300 штук. Морозова вступает в ряды ВЛКСМ.

5/X. У меня в бригаде четверо ремесленников. Очень трудно работать с этими

экземплярами. К каждому стараюсь подойти отдельно.

Иногда дружески, а другой раз как непосредственный командир.

11/X. Воскресенье. Все вышли на работу. Работа кипит, как в обычный день.

20/X. Веду график, где кривой показываю выполнение заданий бригадой. Не было ни одного дня, чтобы процент выполнения был ниже взятых обязательств.

5/XI. Мне дали бирки на картошку и овощи. Кроме меня, бирки получили С. Филиппов и И. Пепеляев. Сегодня я Наде Морозовой давал задание — сделай 300 штук и иди домой. Надя к 4.30 сделала триста штук, но, узнав, что к заданию директора это очень мало, она добровольно осталась и работала еще 4 часа, помогая своей ученице т. Уткиной.

...Всю эту неделю мы с Яковом работали по 16 часов на выполнении остродефицитных работ.

9/XI. Сегодня не ходил домой.

Работую по 16 часов. Сплю в цехе. В цехе организована комната отдыха с койками.

10/XI. Сегодня я заметил, что Надежда Морозова очень печальная. Я спросил, в чем дело. Надя мне на это ничего не ответила. Другая работница попыталась от нее, в чем дело, и сообщила комсору т. Малахову. Оказывается, ее притесняет отец.

Я переговорил с Надей, и мы решили, что ей нужно переехать в общежитие. Переговорю с Малаховым.

12/XI. Ночевал в цехе. Работаем и работаем.

Сегодня в цехе очень много говорят об открытии второго фронта. В обед читал газету.

Все очень рады успеху англо-американских войск.

10/XII. В цехах завода идет жестокая битва за выполнение годового плана. Наш цех чертовски отстает. Просто сердце сжимит, когда смотришь на показатели работы цехов, что у проходных завода. Хочется сделать что-то такое, чтобы быть впереди. А работаем мы много. Даже дневник писать мне некогда.

17/XII. В бригаде Пермякова работает молодой работник Кузнецов. За последние дни мы с Яковом стали замечать, что Кузнецов ходит грустный и в обед не обедает. Спрашиваем: что с тобой? Молчит.

Сегодня я не вытерпел и не отошел от него до тех пор, пока не добился того, что

он мне признался, что утерять все карточки. Что делать? Потерять карточки — это большое несчастье. Но как-то надо помогать мальцу.

18/XII. Утром сразу же после прихода на работу тащу Кузнецова к Малахову. Только секретарь может помочь, помочь по-хорошему. Долго судили, рядили. Малахов советовался с парторгом т. Стародумовой и убежал в комитет. Они хотят что-то предпринять. Сегодня пока я достал два коммерческих обеда через начальника участка. Кузнецов заметно повеселел. Трудненько жить, мне самому часто приходится на голодуху ложиться спать, неплохо бы получать побольше пищи. Терпение!

20/XII. Все-таки великое же это дело — комсомол, и не менее хорошее дело дей-

ствительно комсомольский секретарь. Малахов добился для Кузнецова пропуска в столовую, где обедают учащиеся ФЗО. Там ему дают по 400 граммов хлеба коммерческого, кроме того, в цехе для Кузнецова мы с Пермяковым каждый день покупаем обед. Это немного, но Кузнецов бесконечно рад этому.

12/I [1943 г.]. Трудно сейчас жить из-за питания. Жаль людей. Вот мастер Долгинцев — очень плохо живет, его семья в деревне, знакомых никого нет. Продает вещи и покупает на базаре мерзлую картошку. Мне кажется, немного нужно помогать честным работникам. Часто можно слышать разговоры о трудном житье. Скоро ли кончится война? Этот вопрос у всех на уме.

13/I. Сегодня в обеденный перерыв я

Цех спецкомбината № 1, оборудованный под землей в заброшенной штольне. Севастополь. Май 1942 года.

Только рабочие ушли домой, как диспетчер прибежал и, буквально запыхавшись, заявил, вернее, закричал: «Включайте все станки». Вот и попробуй включай все станки, когда всех домой отпустили. Не знаю, кто здесь виноват, но должно же начальство знать, когда и сколько давать энергии.

Вчера при распределении, кому пойти на строительство ТЭЦ, я был свидетелем того, как молодые рабочие сами напрашивались на трудную работу. Сергей Филиппов, Борис Бузов и даже маленький Толя Александров ни за что не пожелали остаться в цехе, а потребовали, чтобы их отпустили работать на строительство ТЭЦ. «Надоело так работать, как мы вынуждены сейчас работать», — говорят они.

Вчера лично по моей вине рабочий Волков запорол 14 штук узла. Моя вина в том, что я не проследил и не проинструктировал Волкова. Он раньше делал сборку этого узла, но забыл, а я понадеялся на него.

Я не оправдываю себя тем, что я болен и мне трудно все время бегать от одного рабочего к другому. Это значит нужно раньше готовить каждого рабочего ко всем видам работы, а не делать, как говорится, «когда на охоту идти, тогда и собак кормить».

Трудно работать, когда болеешь. Я подбадриваю себя немеркнущим образом Н. Островского. Что бы то ни было с тобой, бейся до последнего вздоха — вот девиз коммуниста. Конечно, не надо слишком «картинничать» и как можно дольше не испытывать этого «последнего вздоха».

Нужно требовать, чтобы лечили. Да, нас обязаны лечить. Если мы по-честному трудимся, государство нас должно лечить. Наш долг не хныкать, а требовать от соотвествующих людей чуткого отношения.

Очень часто наши начальники с молодыми рабочими разговаривают только о «дефицитах», а если коснешься о своей жизни, они немые и глухи.

12/II. Цех работает полностью. Труденько справляться с людьми, после того как несколько дней не работали. Некоторые изменились. Приходится брать на себя инициативу непосредственно в работе. Не всегда у Ивана Пепеляева хорошо получается в работе, он еще недавно работает бригадиром, и рабочие не так слушают его, мне приходится быть постоянно за его спиной.

13/II. 3 часа ночи. Рабочих отпустили

домой, остались только на дефицитных деталях.

Приглушенно шумят несколько станков. Снова цех как бы замер. В такие часы злорада давит сердце. Работать как следует не работаешь и, не зная отдыха, носишься по цеху, собирая жалкие крохи срочно требуемых деталей.

Болит голова. Сегодня я нисколько не спал.

Получил письмо от брата с фронта и весь день продумал и (что за нервы, подумаешь!) никак не мог заснуть.

Брат пишет, что он находится на Западном фронте, работает во фронтовой красноармейской газете. Мне, как младшему брату, он наказывает работать, «как истинно русский человек».

Узнал адрес младшей сестры, которая также находится на фронте. Ее мне, по совести признаться, жаль, мне нужно быть там, а не ей. Война требует жертв, Ольга, по-моему, будет жертвой войны, так мне думается, потому что не верю я в ее силы, слишком хрупкая она.

Ну, надо бросать, а то что-то я расчувствовался слишком и занялся семейной хроникой. Бегу «продвигать дефициты», рвать, метать, работать так, чтобы была надежда на радостную встречу с родными после скорой победы. Разобьем в пух и прах немецкую сволочь, а потом отдохнем и выпьем, как подобает солдатам великой войны.

Брат пишет, что на фронте нас считают тоже солдатами, ибо они понимают, что работать по 12—16 и даже более часов на скудном пайке военного времени ничуть не легче, чем с оружием в руках громить врага.

Я лично думаю, что здесь еще труднее (если работать честно). Там делается все быстро, молниеносно и безотлагательно. Здесь как-то больше приходится думать, больше нервничать и все ту же и ту же затягивать ремень.

Амба! Бросаю и бегу, один из моих «гвардейцев» сообщает, что инспектор «привязывается» при приемке деталей.

15/II. Наши войска взяли Ростов-на-Дону и Ворошиловград. У всех радостное настроение. Ребята собираются к лету в западные области на восстановление народного хозяйства.

Один выбирает местом своей будущей работы Одессу, второй — Харьков, и вообще все полны мечтаний.

Вчера был выходной день. Фронтвики

ходили в клуб на вечер. Я работал до двух часов дня, сдавали необходимые для сборки детали. Написал текст для рисунков в «Крокодил».

16/II. Половина второго. Некоторые ребята ушли сдавать нормы по лыжам. Мы остались работать на срочной работе.

Выпустил номер «Крокодила». С интересом обсуждают карикатуры. Одна карикатура затрагивает уборную, где вечно грязь и вода. После того как был вывешен «Крокодил», в уборной навели чистоту. Работы мало. Смена кажется нестерпимо длинной. Сейчас прочел маленькую книжечку «Борджиа». Сильные люди, топчя ногами слабых, поднимаются на высоту величия. Загнивающий Рим.

Вчера после смены занимался кружок по истории партии. Пречодает член партии т. Чащин. Я нахожу, что он обладает некоторым даром преподавания — говорит живо и образно, а это главное в такой, я бы сказал, политической науке, как курс истории партии.

17/II. 6 ч. 30 м. вечера. Выключили весь цех. Рабочие ушли на лыжный кросс. Сергей Филиппов работает. Павлик Филиппов, как заядлый лыжник, ушел на кросс.

В цехе холодно, таскают новые станки-автоматы. Станки американские, «коны-автоматы» шестизиндельные.

Утром собирались члены фронтовой бригады. Поделались радостными вестями в связи со взятием нашими войсками Харькова.

Теперь немец не удержится в Донбассе, такое мнение всех. Я коснулся наших обязательств к 25-й годовщине Красной Армии.

Ребята в недоумении — нет электроэнергии, зачем говорить об обязательстве, все равно половина не работает.

Я объяснил как умею: быстро выполнять дефицитные работы, живо откликаться на все мероприятия цеховой администрации, участие в лыжном кроссе — вот наше выполнение.

Иван Пепеляев поделился с нами радостью — он на билет второй денежно-вещевой лотереи выиграл отрез на костюм стоимостью 950 рублей. Поздравили.

Много значит живое отношение к работникам. Старому опытному бригадиру, члену ВКП(б) с 1928 года т. Оборину цеховой комитет вырешил отрез на костюм и брезентовые полуботинки. Оборин обременен большой семьей, помимо него никто не работает. Неописуемо рад Оборин, что ему оказали помощь...

Три брата у Оборина на фронте, сам он (как мы много раз делились мнениями) не прочь пойти на фронт, несмотря на то, что осталась бы большая семья.

— Я же жил еще хорошо, — говорит он, — рано женился, обложился детьми, но надеюсь, что после войны еще увижу хорошую жизнь.

Великая вещь вера в будущее, вера в победу. Эта вера не дает нам терять самообладание, не дает власть в уныние в дни действительно тяжелые.

Крепимся! И никакая сила не столкнет, не поколеблет нас. Каждый раз перед обедом, когда все мы страшно хотим «жрать» (это слово лучше подходит к тому состоянию), мы не говорим о том, что все надоело, что очень трудно, мы говорим о том, что скоро все это кончится, что мы вздохнем полной грудью, что вновь будет счастья наша молодежь. Мы мысленно уносимся в то светлое будущее, когда мы, счастливые, будем пожинать плоды нашего стоицизма.

10 часов вечера. Тишина. В диспетчерской тихо говорит радио. Цех молчит. Сажу в кабинете парторга. Сейчас только окончилось совещание агитаторов. Все ушли, я остался, нужно дочитать книгу Л. Толстого «Война и мир» и написать письма родным, а дома нет света.

К парторгу в мое присутствие приходила с жалобой работница-красноармейка. Сидит без дров. Парторг пообещал завтра сам сходить на склад и договориться. Работница успокоилась. Характерно, что сейчас со всеми вопросами люди обращаются к парторгу и комсоргу. Это показывает, что им верят больше всего. Мы, комсомольцы, должны брать львиную долю во всех делах цеха...

...Внезапно погас огонь. Станки остановились. В цех ворвался мрак. Ребята неохотно кладут на верстак пилы и метчики. «Только начали!» — недовольно бурчат некоторые из них.

Ощупью находим места и присаживаемся. С минуту все молчат.

— Что ж, перекурим это дело, — предлагает Сергей Филиппов.

— Дай бумажки, — неизвестно у кого просит Боря Бузов.

— Закуривай! — как всегда весело, кричит Павел Филиппов.

Через минуту в темноте яркими точками горят несколько папиросок. Курят понемногу. Покурив, один передает другому.

3/III. Утро. Окончилась смена...

Сегодня суточное задание выполнили намного меньше ста процентов, это сказывается недисциплинированность. Нужно трубить тревогу, ибо это не шутка...

Ребята с первого участка подали заявление добровольцами в танковый корпус. Узнаю хорошенько и тоже подам. Только отпустят ли, я уже несколько раз пытался уйти в армию, и все не отпускают.

10 часов вечера. Был в парткоме у т. Булышева. Подал заявление в особый добровольческий танковый корпус. Желаю с оружием в руках защищать Родину. Я думаю, что меня должны отпустить. В моей бригаде выросли такие люди, как Пермяков, Пепеляев, любой из них может заменить меня, если я уйду в армию. Дня через три узнаю результат. Seriously, не могу дождаться, когда это будет. Неужели не отпустят? Должны же сочувствовать людям, желающим драться за общее благо в жизни.

4/III. Вечер. Сегодня утром после работы заходил в партком к т. Булышеву.

Удивительно много желающих пойти добровольцами в армию.

7/III. Воскресенье. В цехе работает несколько станков. Иван Пепеляев работает на токарном. В первую смену вызывался на работу Балашов.

12 часов ночи. Все, что требовалось, мы сделали. Работниц отпустил домой. С Иваном остаемся ночевать в цехе. Плохо здесь спать, но приходится, завтра работать с утра.

— Сейчас бы поесть не мешало, — говорит Иван.

— Да, — соглашаюсь я и предлагаю ему... закурить.

Лежим на составленных вместе столах, курим и, как всегда, говорим о том времени, когда кончится война.

14/III. 5 часов дня. Совершенно некогда вести дневник. Работы край непочтитель. Цех вновь сорвался с графика. Много деталей в директорском дефиците. Говорят, что с 20/III наш цех разделится на два цеха. Из нашего одного участка будет

Комсомольская
Оправда
в СТАЛИНГРАДЕ

№ 17
5 июля
1943

КОМСОМЛ—ШЕФ СТАЛИНГРАДА!

Стоят безмолвные машины.
И мы обязаны вдохнуть
отвагу пополам с бензином
в их бронированную грудь.
Чтобы врагам

на Южном фронте,
на окровавленной траве
всю злость,
что получил в ремонте
отдал в сражениях „КВ“.

С. Гудков.

**МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ! КАЖДЫЙ ТАНК
ОТРЕМОНТИРОВАННЫЙ ТВОИМИ РУКАМИ
ПРИБЛИЖАЕТ ЧАС ПОБЕДЫ над ВРАГОМ!**

цех. Тогда работать будет легче. В эти дни было комсомольское собрание. На собрании комсомольцы брали сообразительства к Первому мая.

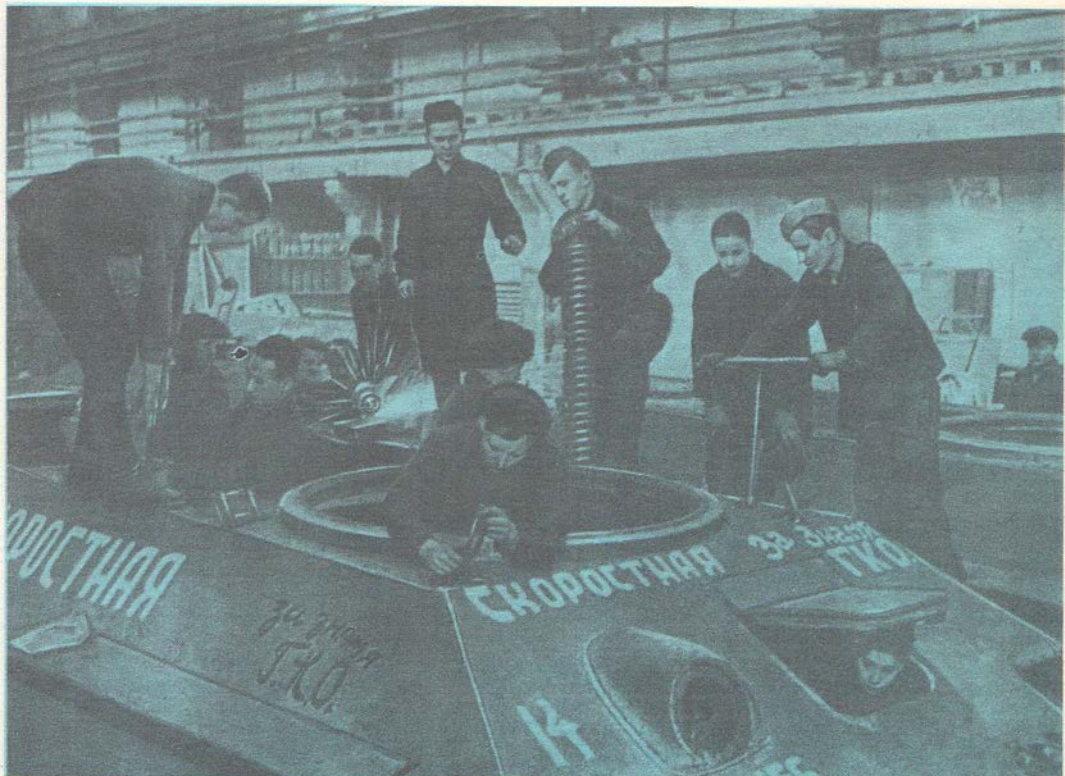
15/IV. После длительного перерыва снова начинаю вести дневник. За этот период у нас в цехе произошло много перемен. Сам цех теперь уже не № 30, а № 42. Старый цех был очень большой, и в нем было трудно наладить работу. Цех разбили на два. Наш цех № 42 выкроился почти из одного бывшего нашего участка, если не считать несколько автоматов, в общем одной группы мастера Юшнова, которую нам дали из состава теперешнего цеха № 30. В цехе сейчас нет участков, а группы. Всего в цехе 6 групп. Во главе групп стоят старшие мастера, которые всецело отвечают за свою группу. Я работаю

в группе № 3 у старшего мастера т. Долгинцева. Работаю бригадиром.

Судьба фронтовой бригады такова: всех ребят разбросали по разным группам. Пепеляев работает на группе 5 бригадиром, Пермяков на 3-й группе тоже бригадиром, Сергей Филиппов и Бакланов у нас же слесарями. Павел Филиппов на группе 4 слесарем, Балашов на группе 2. Морозова и Кучумова работают на группе 5 под началом у Пепеляева...

При разбивке цехов перетаскивали с места на место все станки, в эти дни членам бригады пришлось много поработать. Ребята помогали перетаскивать станки, чтобы не остановить сборку моторов и не сорвать работу завода. Мы делали вручную многие детали, необходимые для сборки. Ходили в другие цехи, занимали станки и

В помощь фронту.

делали дефицит. В эти дни все члены бригады показали себя как честные работники. Весь цех стоял. Слесари одни делали дефицит вручную и работали на фрезерных и токарных станках.

19/IV. Вернее, уже 20/IV. 6 часов утра.

На улице светло. Электро еще не включено, но в цехе заметен дневной свет. Работаем с 8 вечера, сегодня мне придется работать с утра, то есть сутки. Меня переводят работать сменным мастером. Сергей Филиппов будет бригадиром вместо меня.

Итак, вся старая фронтовая бригада, кроме двух человек, уже выросла. Наша цель — руководить новыми рабочими. Я надумал новое дело. Хочу создать фронтовой отряд. В отряде будет три звена.

Пепеляев, Пермяков и Филиппов будут

командирами звеньев. Сегодня побеседую с партгоргом. По-моему, дело пойдет на славу.

Во фронтовой отряд запишем новых ребят. Новый комсорг т. Евсеева уже заказала доску для показа работы отряда.

Ну, много писать некогда, нужно «продвигать» детали по заданию.

В воскресенье не пользовались отдыхом, а работали фронтовики Бакланов и Балашов.

Бакланов за 6 часов сделал три нормы, и я его отпустил домой, все-таки парню погулять надо.

29/IV. Итак, подходим к знаменательной дате. К празднику мы приготовили нашей Родине хороший подарок. В апреле наш цех каждый день работает по графику. Наша группа идет впереди на 2 с лиш-

Фронтовая комсомольско-молодежная бригада. 1944 г.

ним процента. Такой успех не достался нам даром. Приходится работать по 14—16 часов, несмотря ни на что, не уходим из цеха, пока не выполним задания. Все, начиная от мастера, кончая рабочим, полны трудового энтузиазма. Всем надоело слыть за невыполняющих.

5/V. Прошел праздник. Славно отдохнули два дня и снова принялись за работу. К Первому мая дирекция премировала лучшие фронтовые бригады.

Получилось довольно глупо. Целый год наша бригада держала первенство — и вдруг нас как будто нет. С разбивкой цеха разбили всю нашу работу. А ведь мы много сделали, это видно хотя бы из того, что наша бригада не просто распалась, а все почти члены ее выросли. Ребята обидятся, что много нам обещали и ничего не дали. Ну ничего, организуем фронтовой отряд и докажем, что мы не разучились работать. Вчера т. Базаров обещал мне организовать фронтовой отряд...

6/V. Стоит замечательная солнечная погода. Лучи солнца полосами проникают в цех. Хорошо бы сейчас на улицу. Сегодня радостные вести обсуждаем: наши войска заняли несколько населенных пунктов. Пусть немцы знают, что и летом наши бойцы могут их бить.

Не хватает станков. Приспосабливаем станки, на которых эти операции никогда не делали. Вот сейчас пришел Пермьяков и доложил, что сделали 105 штук деталей, которые раньше на этом станке делать и не думали. Значит, сегодня сборка узла обеспечена, детали сделаны без вреда другим деталям. Пришлось бы расстраивать другую деталь, загружать другой станок.

Работаем напряженно и дружно. Если на одной группе станок освободится, делают детали другой группы.

Братья Филипповы, Пепеляев и другие ребята готовятся к участию в кроссе. В столовой ежедневно им выдают коммерческий обед и 200 граммов хлеба.

Разговаривал с ученицей ФЗО Меркушевой. Она мобилизована из Вологодской области. Это маленькая беловолосая крестьянская девочка. Хочется, говорит, домой. Я объяснял ей, почему и для чего их привезли сюда. Затем подробно рассказал станок и обрабатываемые детали. Молодой рабочий Ваганов безобразно относился к себе: хлебную карточку проедал и променивал за полмесяца всю. Мы решили побеспокоиться о нем. Т. Долгинцев взял его карточки себе и дает подекадно.

Ваганов понял, что это ему же лучше, и сейчас, улыбаясь, заявляет, что весь месяц будет сытый и тарелки лизать не придется.

Хорошо стал работать слесарь Боря Кузов. Научился выполнять сложные операции и на них делает по две нормы.

Разговаривал с ребятами о фронтовом отряде. Некоторые согласны, а другие не хотят. Надо еще и еще раз объяснить и на примерах доказывать.

10/V. В обед собирал членов старой фронтовой бригады и вновь вступающих товарищей.

«Старым» я сказал, что наша цель не заглушать, не обрывать жизнь фронтовой бригады, а расширять ее путем вовлечения новых молодых рабочих. Поделились воспоминаниями о прошлых днях напряженной работы. Получилось что-то вроде передачи боевого опыта...

Новички обещали не подкачать в работе.

2/VI. Новый месяц. Приближается вторая годовщина Отечественной войны. Чувствуется, сейчас особенно чувствуется день близкой победы над врагом. В ходе войны наша страна окрепла.

Помню, зимой первого года войны какие трудности мы переживали — в столовой кормили плохо, и вообще была видна какая-то суматоха, а сейчас уже не то, мы твердо встали на ноги. Налажено, и хорошо налажено, питание рабочих, а это, по-моему, главное.

КИМ — школа интернационализма, мужества и героизма

Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ) был создан в 1919 году в борьбе против войны, за диктатуру пролетариата и социализм. Он возник на идейных и организационных принципах, разработанных В. И. Лениным, как резерв и помощник Коммунистического Интернационала. КИМ объединил в своих рядах наиболее передовую, наиболее самоотверженную и преданную часть рабочей молодежи.

Еще в предвоенные и военные годы лучшие представители социалистического движения молодежи своей мужественной борьбой против милитаризма, капиталистического гнета и политической реакции вписали яркие страницы в историю международного революционного юношеского движения. В январе 1917 года, выступая на собрании швейцарской рабочей молодежи, В. И. Ленин сказал:

«...Я могу, думаю, мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»¹.

Революционные события во всем мире, развернувшиеся вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией, втянули в классовую борьбу широкие слои рабочей молодежи. Тысячи молодых борцов, проявляя беспримерное мужество, пали на баррикадах революции. Контрреволюция нанесла жестокий удар международному рабочему движению, подло убив Карла Либкнехта и Розу Люксембург, которые были также вождями рабочей молодежи.

Первый конгресс КИМа, собравшийся в ноябре 1919 года в Берлине, почтил память погибших борцов и направил приветствие находящимся в тюрьмах революционерам. В этом документе говорится: «Международный конгресс социалистических организаций молодежи, происходящий в Берлине, с глубокой печалью вспоминает о тех, кто заплатил тюрьмой, каторгой и даже своей жизнью за свою самоотверженность и верность Социалистическому Интернационалу Молодежи. Многие погибли от разбойничьих пуль варварских военных судов и трусливых убийц из-за угля; мно-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 328.

Выступление Владимира Ильича Ленина на III конгрессе Коминтерна. Москва, 1921 г.

Знамя советской секции КИМа, присланное IV съезду мексиканского комсомола. Мексика, 1932 г.

гие окончили свою юную жизнь за мрачными стенами тюрьмы.

Их имена, имена Карла Либкнехта, Катанези, Мариноцци, Томаса Меабе, Машке, Макса Борддорфа и сотен других товарищей запечатлены навек в сердцах миллионов рабочих.

Конгресс посылает выражение своего горячо сочувствия и братский привет всем товарищам, томящимся в тюрьмах... Память о погибших самоотверженных борцах и мысль о находящихся еще в казематах друзьях побудит нас удвоить наши усилия, чтобы скорейшей победой пролетарской революции открыть врата свободы всем заключенным борцам, братьям и сестрам».

Вся история Коммунистического Интернационала Молодежи (он прекратил свое существование в 1943 году) — это история борьбы за завоевание рабочей молодежи на сторону коммунистических партий, за установление единого фронта пролетарской молодежи против фашизма и реакции, за защиту Советского Союза как отечества всех угнетенных, за пролетарский интернационализм, за политические, экономические интересы широких слоев пролетарской молодежи. Национальные секции КИМа — коммунистические союзы мо-

лодежи под руководством коммунистических партий были авангардом всей рабочей и трудящейся молодежи. Буржуазия обрушивала тяжелые удары на организации коммунистической молодежи. Особенно жестокий характер носил белый террор в Германии, Италии, Болгарии, Румынии, Польше и других странах.

Жесточайшие преследования со стороны полиции, тысячи приговоров, сотни лет тюремного заключения, истязания и казни лучших членов КСМ не могли подавить коммунистического движения молодежи.

КИМ воспитал в своих рядах тысячи героев, чья жизнь служит ярким примером для современной молодежи.

«Изучение жизни и деятельности выдающихся пролетарских революционеров, — писал генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. М. Димитров, — имеет огромное значение для воспитания трудящейся молодежи. На примерах борьбы выдающихся революционных борцов подрастающее поколение учится, как надо работать и бороться за дело рабочего класса, чему следует подражать, каких слабостей и ошибок необходимо остерегаться и избегать. Из опыта пролетарских борцов, героев и вождей молодежь черпает новые силы для

преодоления трудностей и опасностей на пути своего собственного развития, черпает новую уверенность в победе».

Идя под красным флагом на демонстрациях навстречу солдатским штыкам, спокойно вслушивая приговор прокурора, с возгласом «Да здравствует коммунистическая партия!» идя на казнь, лежа за пулеметом в окопах Испании, юные герои не боялись смерти, так как знали, что дело, за которое они борются, будет подхвачено новыми борцами. На смену одним шли другие, не менее самоотверженные герои. И так до полной победы над буржуазией.

Вот что писал один из юных политзаключенных из Двинской тюрьмы буржуазной Латвии: «...Я не унываю, зная, что не за горами светлое, счастливое будущее, которое даст счастье миллионам людей, без различия пола и расы. А что будущее принесет счастье в полном смысле слова, я в этом не сомневаюсь и лишь с еще большей силой и энергией стараюсь быть достойным звания «человека будущего».

Жертвы были не напрасны. Это будущее уже наступило для молодежи стран социалистического лагеря. Оно наступит и для молодежи других стран.

В предлагаемых документах освещена роль Владимира Ильича Ленина в создании Коммунистического Интернационала Молодежи, показаны мужество и стойкость, а также глубокий пролетарский интернационализм руководителей работников КИМа и КСМ и рядовых комсомольцев. Большая часть документов публикуется впервые. Часть документов перепечатана из журнала «Интернационал Молодежи» и других изданий.

Публикация подготовлена научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М. М. Мухамеджановым.

АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА

Нас вел Ленин

Курелла Альфред (род. в 1895 г.) — видный политический и общественный деятель ГДР, член народной палаты, писатель, публицист, профессор.

В 1918—1924 годах принимал активное участие в коммунистическом движении молодежи. Один из организаторов и делегат первого конгресса КИМа.

Воспоминания А. Курелла «Нас вел Ленин» ни разу не публиковались на русском языке.

Кто знает историю международного рабочего движения периода мировой войны, тому известно, что Ленин, который жил в Швейцарии как политический эмигрант, уделяя особое внимание международному движению рабочей молодежи и часто своими советами оказывал помощь Бюро Интернационала Молодежи.

В противоположность II Интернационалу, который с началом войны в результате измены своих вождей потерпел крах, Международное объединение социалистиче-

ских организаций молодежи стало центром борьбы юношества против империалистической войны. Новое Международное бюро, избранное Бернской конференцией весной 1915 года², издавало в Швейцарии на нескольких языках журнал «Интернационал Молодежи». Через него поддерживалась связь с организациями молодежи, которые в воюющих странах остались верными социализму и в большинстве своем были вынуждены работать нелегально.

С окончанием войны появилась возможность полностью воссоздать Интернационал Молодежи как последовательную социалистическую организацию. Почти во всех странах, участвовавших в войне, организации рабочей молодежи после 1918 года вновь получили легальность и быстро превратились во влиятельные союзы.

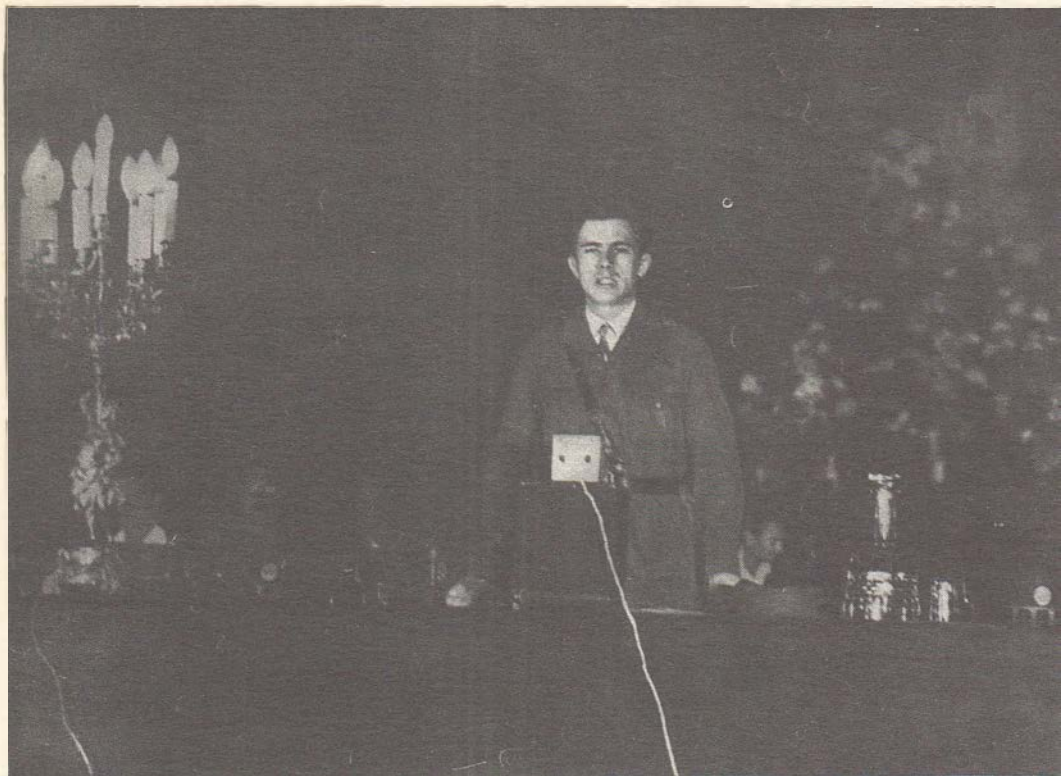
Несмотря на благоприятные предпосылки, восстановление интернациональных связей затянулось еще на долгое время. Одна из причин этого состояла в том, что Международное бюро, находившееся в Швейцарии, после окончания войны в силу ряда обстоятельств раскололось и распалось на несколько групп.

Несколько попыток, предпринятых в ряде мест зимой 1918/19 года, по созданию единого центра и созыву международного конгресса для формального восстановления Интернационала Молодежи, остались безуспешными.

Однако была и другая, более значительная трудность: отсутствие политической ясности в отношении принципов восстановления Интернационала Молодежи. В первый послевоенный год началась (этому способствовало восстановление легальности) острая дискуссия в организациях рабочего класса. Как раньше в России, теперь возникли коммунистические партии и в других странах. Немецкий пример, когда центристское направление, лавируя между коммунизмом и социал-шовинизмом, пыталось идти «третьим путем», что нашло свое выражение в создании НСПГ³, оказался за-

² Конференция проходила 4—6 апреля 1915 года.

³ Независимая социал-демократическая партия Германии — центристская партия, образовавшаяся в апреле 1917 года на Учредительном съезде в Готе. В октябре 1920 года на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол; значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии.

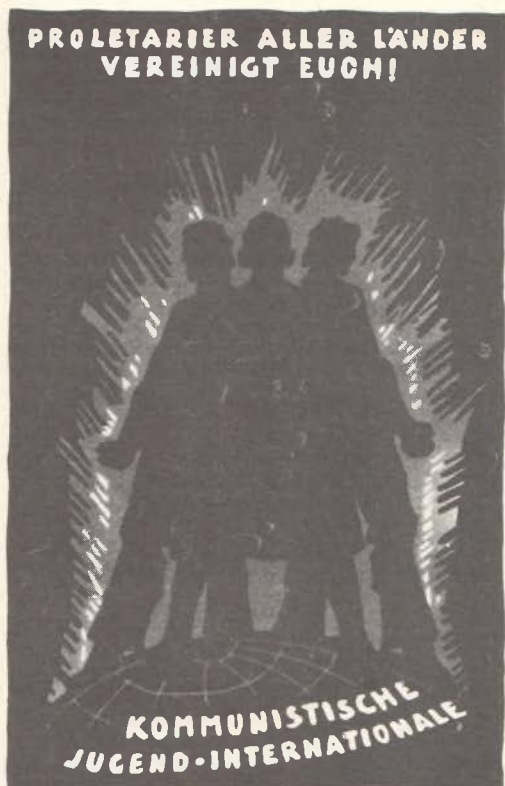

Рафаэль Хитаров на трибуне
V конгресса КИМа. Москва, 1928 г.

разительным. И в других странах, например в Италии, Австрии и Чехословакии, возникли подобные формирования. Эти партии стремились либо присоединиться к соответствующим организациям молодежи, либо привлечь на свою сторону существующие. В этих условиях надо было решить, какую позицию должно занять Международное объединение социалистических организаций молодежи. Различные приглашения на международный конгресс, которые были посланы почти одновременно в начале 1919 года из Цюриха, Вены и Штутгарта, оставили этот вопрос открытым. В некоторых случаях приглашения были направлены также откровенным социал-шовинистским союзам. Сошлись только на том, что конгресс должен собраться в конце августа 1919 года в Вене.

Подготовка конгресса была поручена венским товарищам. И тут же начались трудности. Дело в том, что в Вене существовали две группы: центристская под руководством Даннеберга, бывшего секретаря Международного объединения, который в августе 1914 года изменил принципам пролетарского интернационализма, и коммунистическая молодежь, возникающая из тех групп, которые во время войны поддерживали связь с Международным бюро в Швейцарии.

Выход из этого положения был все же найден. Весной 1919 года немецкие и венгерские организации пролетарской молодежи установили связь с Российским союзом молодежи. По случаю праздника Первого мая из Будапешта в Москву прибыл Тибор Самуэли, в прошлом участник

Открытка, выпущенная Исполкомом КИМа.

LIEBKNECHT-FONDS

EXEKUTIV-KOMITEE DER KOMMUNISTISCHEN
JUGEND-INTERNATIONALE

Карточка для сбора средств в фонд Карла Либкнехта. Выпущена Исполкомом КИМа. 20-е годы.

юношеского движения. В это время я также находился в столице Советской России и установил здесь связь с Центральным Комитетом Коммунистического Союза Молодежи. Как раз в то время в Москве находился также секретарь Литовского союза молодежи Виктор⁴ Грейфенбергер, который позднее играл значительную роль в коммунистическом движении молодежи. (Тибора Самуэли и Виктора Грейфенбергера сегодня нет в живых. Самуэли был зверски убит белогвардейцами после поражения Венгерской советской республики в августе 1919 года; Виктор Грейфенбергер был одним из тех трех руководящих коммунистов, которые были расстреляны по приказу правительства Вольдемара в канун нового, 1924 года.)

В начале мая мы впервые встретились

в помещении русского союза молодежи в классной комнате бывшей французской школы на нынешней улице Мархлевского. Здесь было решено взять на себя инициативу созыва международного конгресса молодежи. Самуэли сообщил нам, что правительство Венгерской советской республики готово принять делегатов в Будапеште. Мы договорились о том, что конференция пролетарских организаций молодежи должна следовать политической линии, которая была выработана два месяца тому назад при создании III Интернационала. Это решение означало не что иное, как логическое продолжение развития, которое

⁴ «Виктор» — подпольная кличка Иосифа Грейфенбергера.

DIMITROFF vous crie : Libérez Thaelmann et tous les antifascistes emprisonnés!
DIMITROFF talks : Free Thaelmann and the imprisoned antifascists!

Открытка, изданная Всемирным комитетом против войны и фашизма. 30-е годы.

организации молодежи начали во время войны.

Вскоре после этого мы получили сообщение, что Ленин приглашает секретаря русского комсомола и меня, чтобы поговорить с нами о создании Интернационала Молодежи. Беседа длилась недолго. Ленин был подробно осведомлен о положении дела. Он полностью одобрил принципиальную сторону наших предложений. В свойственной ему простой и ясной манере, он еще раз обосновал, почему в данный момент так важно объединить политически сильно выросшие организации молодежи в строго организованный юношеский Интернационал, который твердо стоял бы на платформе Коминтерна. Он посоветовал нам еще здесь, в Москве, выработать проекты основополагающих документов, кото-

рые затем должны быть предложены конгрессу, и обещал лично посмотреть наши проекты перед отъездом делегатов.

Первым результатом переговоров с Лениным было то, что Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала 29 мая 1919 года опубликовал обращение к международному рабочему движению, в котором содержался призыв к созданию Коммунистического Интернационала Молодежи. Перед отъездом венгерских товарищей мы договорились с ними о том, что они должны послать приглашения на эту международную конференцию. При этом мы были единодушны в том отношении, что должны быть приглашены только те союзы, которые в свое время присоединились к радикальной программе Бернской международной конференции молодежи

в 1915 году, участвовали в международных кампаниях или в другой форме доказали честное желание для проведения революционной программы Интернационала Молодежи.

Летом состоялось несколько заседаний нашей комиссии. В середине июля мы смогли представить Ленину проект программы и предложение по уставу новой организации. Во введении программа характеризовала международное положение и излагала задачи борьбы международного рабочего класса. Участие рабочей молодежи в этой борьбе вытекало из принадлежности к рабочему классу и из растущей эксплуатации, которой подвергается молодежь при империализме. Политическая агитация, организация и проведение политических выступлений, а также воспитание молодежи для участия в них и в строительстве нового общества были отмечены в качестве важнейших задач организаций молодежи. Особая глава характеризовала организацию и течения рабочего движения, с которыми молодежь не должна идти ни на какие компромиссы.

В отношении войны и милитаризма проект программы осуждал всякий либеральный пацифизм и высказывался против милитаризма. Совершенно новым в этом документе было то, что были сформулированы задачи, которые встанут перед организациями рабочей молодежи в социалистическом государстве после завоевания власти пролетариатом. В этом нашел свое выражение факт, что впервые перед частью международного юношеского движения практически встали такие задачи. Благодаря этому вся программа и вместе с ней новая международная организация получили более далекие и ясные перспективы, чем раньше. Документ заканчивался абзацем об организационном принципе, согласно которому все секции подчинялись единому руководству в лице выборного Исполнительного Комитета Интернационала Молодежи.

Следует сказать несколько слов о внешних обстоятельствах, при которых мы вели тогда в Москве работу по подготовке конгресса.

Когда мы утром по пути в здание Центрального Комитета шли через Театральную площадь (ныне площадь Свердлова), мы проходили мимо огромного стенда с картой Европейской России, сооруженного перед фасадом Большого театра. Красными нитками, натянутыми на гвоздиках, на карте были отмечены зигзагообразные линии: они показывали положение на фронтах граж-

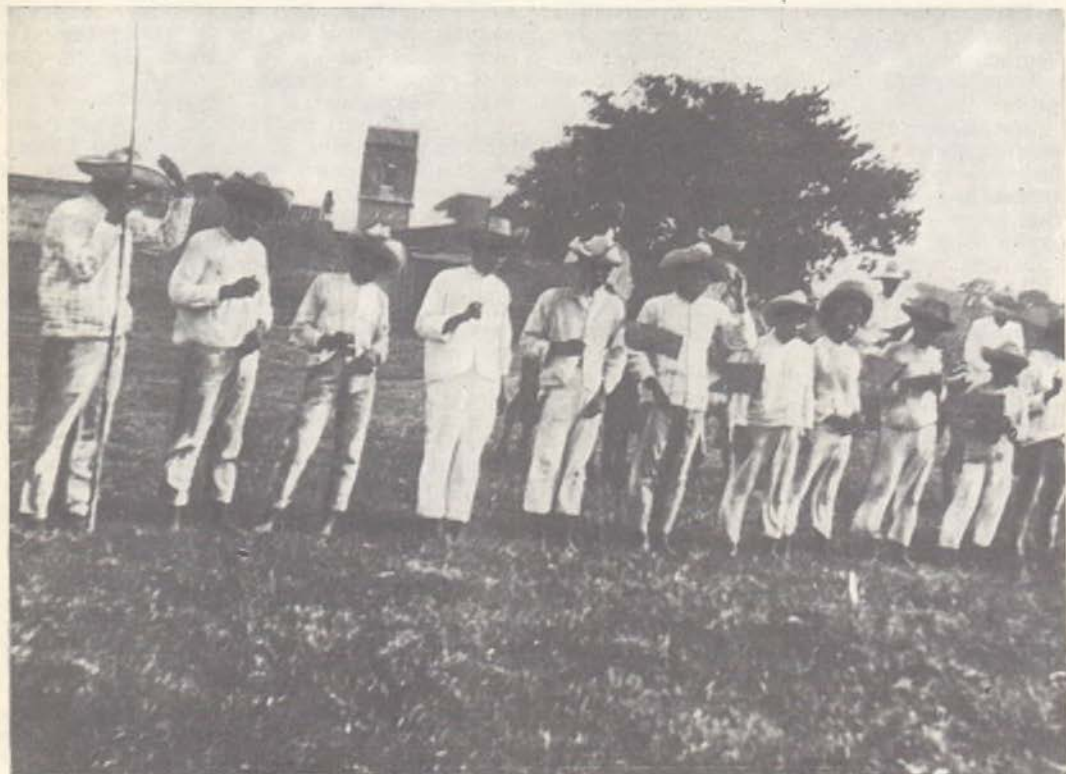
данской войны. Кто видел эту картину впервые, тот не мог не содрогнуться. От собственно России — Сибирь и другие азиатские части старой империи не были даже обозначены — осталась небольшая часть. Острыми или тупыми, широкими или узкими клиньями со всех четырех сторон глубоко в Россию вторгся враг. Когда я после своего прибытия утром проходил мимо этого стенда, мой взгляд невольно искал местечко под Паневежисом, где мы по пути в Москву переходили через линию фронта. Этот пункт находился уже довольно далеко на западе от красной нити: значит, Красная Армия меньше чем за неделю отступила еще дальше. Зато утешительными были изменения, которые почти изо дня в день происходили на правой стороне стенда: там клин становился все тупее и тупее и превратился, наконец, в линию, которая проходила за Уралом. Однажды, я думаю, это было в конце июня, мы отметили праздник: город Екатеринбург (ныне Свердловск), столица Урала, был освобожден⁵. Это был в то же время и прощальный праздник, так как три члена Центрального Комитета РКСМ, с которыми мы особенно подружились, возвращались на Урал, молодежь которого они представляли. Впрочем, «праздновать» — это несколько громкое слово для тех проводов. Угощение состояло из черствого черного хлеба и не совсем свежего сала и заливало это кипятком. Да, не очень спокойно и не очень роскошно жили в первые годы русской революции! И в столице и в «руководящих кругах».

Экономика и вся жизнь протекали под знаком гражданской войны. Немногие действующие промышленные предприятия работали для фронта. Предметы потребления почти не производились. Торговые лавки были заколочены досками. Мелкой торговли не было; все необходимое получали (если имелось) по ордерам, которые выдавались по месту работы. На свободном рынке деньги на глазах теряли покупательную способность, и крестьяне все меньше продуктов поставляли в город.

Но, несмотря на это, наше настроение было чудесным не только на этом маленьком празднике, но в течение всего времени. Мы были полны энергии и уверенности.

В конце июля я выехал из Москвы вме-

⁵ Город Екатеринбург был освобожден Красной Армией 14 июля 1919 года.

Группа комсомольцев Аргентины.

сте с одним из членов комиссии. Различными путями мы поехали в Будапешт, чтобы там подготовить конференцию. По пути через Германию я должен был известить центральное руководство Союза свободной социалистической молодежи в Берлине и членов Международного бюро, находившихся в Штутгарте, и взять с собою в Будапешт их делегатов. Другой член комиссии избрал южный путь, через Украину, половина которой была еще оккупирована украинскими националистами и войсками Деникина, и через Румынию. В середине августа мы хотели встретиться в Будапеште. Эти поездки оказались полными приключений, как и почти все поездки в то время, и было уже начало августа, когда я приехал в Берлин. Здесь меня застали два сообщения, которые совершенно изменили положение.

Будапешт как место работы нашего конгресса должен был отпасть: Венгерской советской республики больше не существовало. Она погибла под ударами объединенной венгерской и румынской реакции, подержанной Антантой. Швейцарская группа Международного бюро (здесь они ничего не знали о нашей московско-будапештской инициативе) сообщила о созыве всемирного международного конгресса молодежи 25 августа в Вене.

Теперь нельзя было медлить. Как представитель Подготовительного комитета, я договорился с руководством немецкого союза молодежи и находящимися в Германии членами Международного бюро о соединении обеих инициатив. Организации, приглашенные нами в Будапешт, по мере возможности получили указание к этому

же сроку послать своих делегатов в Вену. Эта встреча должна была носить характер подготовительной конференции.

Мои берлинские друзья и товарищи с большим воодушевлением приветствовали меня прежде всего потому, что я рассказал им о тесной связи с русской коммунистической молодежью и об интересе Ленина к нашей работе. Радость нашей встречи была вызвана еще и тем, что в Берлине имели хождение самые невероятные сведения о «трагической судьбе», которая постигла меня в России. Тот факт, что я пешком отправился в Москву, между тем стал известен здесь многим. По одним сведениям я был расстрелян при попытке перейти границу, по другим сведениям я заболел в Москве тифом и умер на руках у Чичерина, по третьим сообщениям, особенно богатым фантазией, я, разочаровавшись, отошел от политики и жил в пещере недалеко от Москвы, питаюсь кореньями.

Мы от души смеялись, обмениваясь этими новостями, но я прежде всего попросил друзей не опровергать этих слухов. Документы, с которыми я тогда ездил, не имели ничего общего с тем Альфредом Курелла, и я не имел ничего против того, что он умер.

После необходимой подготовки мы выехали в Вену. Наша пограничная служба у Пассау работала неплохо; тамошние представители молодежи провели нас ночью в Австрию. Через день мы были в Вене. Мы думали, что здесь будет достаточно безопасно, так как в Австрии социал-демократическое правительство и некоторые наши делегаты даже лично знали Реннера⁶, Бауэра⁷ и других членов правительства.

24 августа собрались уже 16 делегатов, которые представляли Германию, Россию, Польшу, Венгрию, Италию и Австрию — достаточно правомочное число участников для подготовительной конференции. Меня беспокоило то, что делегат Российского союза молодежи, который вместе со мной выехал из Москвы, еще не прибыл и не подавал даже никаких признаков жизни. Он должен был прибыть в Венгрию как раз в те дни, когда белогвардейская военщина особенно свирепо расправлялась с рабочим классом, если он еще раньше не погиб от рук петлюровцев или денкинцев.

Мы собрались на первое заседание 25 августа в редакции «Венской рабочей газеты». Я был теперь единственный, кто мог здесь защищать выработанную в Моск-

Y
C
L

**LENIN
LEIBKNECHT LUXEMBURG**
ANNIVERSARY COMMEMORATION
CAMPAIGN

Young Workers!
Join the Ranks of the
Young Communist League

Fill in this form and hand to the
«stewards at meeting or return to
the comrade who gave you the
form.

Name _____

Address _____

Age _____ Are you employed _____ Date _____

Young Communist League, 10, King St., Covent Garden, London.

Карточка-обращение к молодежи с призывом вступить в комсомол Англии.

ве программу и мысли, которые высказал нам Ленин о будущем Интернационале Молодежи, прожая нас в путь. Уже с самого начала переговоров с делегатами мне

⁶ Реннер Карл (1870—1950) — австрийский политический деятель, лидер и теоретик австрийских правых социал-демократов. Один из идеологов так называемого «австромарксизма» и автор буржуазно-националистической теории «культурно-национальной автономии». В 1919—1920 годах — канцлер Австрии, в 1945—1950 годах — президент Австрии.

⁷ Бауэр Отто (1882—1938) — один из лидеров правого крыла австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог так называемого «австромарксизма». В 1918—1919 годах был министром иностранных дел Австрийской буржуазной республики. Яркий сторонник антикоммунизма, неоднократно участвовал в подавлении революционных выступлений рабочего класса Австрии.

Вместо помощи — трудовая повинность. Отбывающие трудовую повинность у окна барака. Берлин, август 1932 года.

стало ясно, что провести нашу программу будет нелегко.

Я был чрезвычайно обрадован, когда уже в первый день работы нашей конференции освободился от сомнения о местонахождении моего товарища. В первой половине дня меня попросили по телефону в редакцию коммунистической ежедневной газеты «Роте фане», там меня кто-то спрашивал.

Прошло несколько минут, прежде чем я узнал в совершенно оборванном, грязном, обросшем густой бородой существе, которое стояло передо мной, секретаря Рос-

сийского Коммунистического Союза Молодежи. Ему действительно пришлось тяжело: он был трижды арестован, а еще раньше дочиста ограблен. С пустым желудком, полупутными средствами, под вагонами товарного поезда пробивался он через многие границы и фронты, сквозь карательные экспедиции и банды мародеров, прежде чем добрался до Вены — с опозданием всего в один день!

Теперь впервые в нашем кругу был настоящий представитель РКСМ, и только теперь конференция пошла своим порядком. Дискуссия стала довольно острой, ког-

да речь зашла о том, кто должен быть приглашен на учредительный конгресс будущего Интернационала Молодежи. Правда, только представители Австрийского союза молодых рабочих и два члена старого Международного бюро требовали приглашения и правосоциалистических организаций, но этого было достаточно, чтобы начать дискуссии.

Другие разногласия состояли в следующем. Прибыв в Вену, делегаты получили распоряжение Цюрихского секретариата, которое отменяло эту конференцию. О прибытии делегатов было открыто сообщено в «Венской рабочей газете», хотя некоторые из представленных организаций находились на нелегальном положении и не могли легально послать своих делегатов. По вопросу, должен ли новый Интернационал Молодежи возвратиться на позиции, которые он занимал до Бернской конференции 1915 года, а организационно опираться на социал-демократические и профсоюзные организации молодежи или только на организации, которые признали выработанную в Москве политическую программу, произошел раскол. Делегаты Австрийского союза молодых рабочих и бывший секретарь Международного бюро молодежи Даннеберг покинули заседание после того, как они во всех решающих вопросах были побеждены большинством голосов.

Результатом переговоров было избрание Временного комитета, перед которым была поставлена задача созвать в октябре этого же года международный конгресс молодежи. Кроме двух бывших секретарей Международного бюро, в комитет вошли представители России, Германии, Италии и Скандинавских стран. Комитет начал (пока без скандинавского представителя) свою работу еще в Вене. 28 августа был разослан первый циркуляр всем союзам, приглашенным на конгресс. Он содержал краткий отчет о венском совещании и приглашение на конгресс.

Наша дальнейшая работа была внезапно прервана. Утром 29 августа полиция ворвалась в номера гостиницы и арестовала нас. «Вот вам гостеприимство Австрии!» — сказал один из наших немецких товарищей. Отколовшиеся австрийские социал-демократы натравили на нас венскую полицию. Теперь стало совершенно ясно, что и в Австрии, несмотря на «личное знакомство» с «австромарксизмом», мы не были в безопасности. Мы послали едкую телеграмму Реннеру и Бауэру. Но работа была прерва-

на, и через четыре дня мы все вместе этапным порядком были доставлены на германскую границу.

В начале сентября большинство членов комитета было в Берлине и приняло участие в большой демонстрации молодежи по случаю Международного юношеского дня, проведение которого было установлено Бернской конференцией в 1915 году.

Политическое положение в Берлине было очень беспокойным. Демонстрация была запрещена, и когда она все-таки состоялась в Пихельсберге, то была разогнана и обстреляна полицией. При такой ситуации местопребывание комитета было перенесено в Штутгарт. В то время в Германии это было наиболее спокойное место.

Из Штутгарта был разослан потом второй циркуляр о подготовке к конгрессу. В этом циркуляре более ясно и четко были сформулированы как цели конгресса, так и условия для делегатов, дополнена повестка дня пунктом «Политическое положение», и в качестве докладчика по этому вопросу комитет утвердил представителя III, Коммунистического, Интернационала.

Несколько недель совместной серьезной, а порой и веселой работы, несколько недель политических дискуссий и организационного сотрудничества между немецкими и русскими молодыми коммунистами, которые как в Вене, так и в комитете играли ведущую роль, было достаточно, чтобы преодолеть политические ошибки, которые до сих пор имели место при подготовке конгресса. Еще не по всем вопросам было единство взглядов, но в главных пунктах Подготовительный комитет признал директивы, которые были выработаны ранее.

Мысли Ленина о политических и организационных основах международной организации молодежи, которую нужно создать, начали проводиться в жизнь.

Так были созданы предпосылки того, что первый конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, учредительный конгресс⁸, прошел под знаком ясных революционных взглядов.

Всемирный союз демократической молодежи имеет сегодня другие формы, другой масштаб и более широкую базу. Но ан-

⁸ Первый конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи состоялся в Берлине 20—26 ноября 1919 года. На конгрессе присутствовало 19 делегатов от 14 союзов молодежи, насчитывающих 229 000 членов

тимилитаристские лозунги коммунистического движения молодежи, которое символизируется вошедшим во все языки словом «комсомол», написаны также на его знаменах.

„Deutschlands junge Garde“, Bd. 1, Verlag Neues Leben, Berlin, 1959, s. 166—178.

Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи к рабочей и крестьянской молодежи всего мира

1924 г.

Товарищи!

Еще одно ужасное преступление пополнило длинный перечень преступлений, совершенных польской буржуазией. Военно-полевым судом приговорен к смертной казни и после утверждения приговора президентом Польской республики казнен наш молодой товарищ Энгель⁹. Ему было 18 лет¹⁰. Краткая телеграмма принесла нам это невероятное сообщение. Это позорное убийство уже вызвало в польском пролетариате бурю негодования... Из-за страха перед ростом нелегальной и жестоко преследуемой Коммунистической партии и Коммунистического союза молодежи Польши совершенно потерявшая голову польская буржуазия пускается на чудовищные преступления, от которых вынуждена отказаться даже буржуазная демократия.

Молодые рабочие и крестьяне Польши!

Рабочая и крестьянская молодежь всего мира разделяет с вами вашу скорбь и выражает свою искреннюю солидарность. Она убеждена в том, что ни сотни приговоров к заключению в каторжной тюрьме, ни жестокие казни не сломят революционного духа коммунистической молодежи Польши, ее решимости бороться до полной победы над буржуазией и ее социал-демократическими лакеями.

Рабочая молодежь всех стран!

Перед свежей могилой нашего товарища Энгеля поклоняемся всеми нашими силами поддержать наших молодых товарищей в Польше! Память о тов. Энгеле будет жить всегда в рядах революционной молодежи всего мира. Его пример должен стать блестящим образцом в нашей борьбе не на жизнь, а на смерть против капиталистического режима.

Долой польскую реакцию и ее прислужников!

Да здравствует коммунистическая молодежь Польши!

Да здравствует мировая революция!

ИК КИМ

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ).
Перевод с немецкого языка.

Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи ко всем молодым рабочим и крестьянам

1924 г.

Молодые товарищи!

Свирепствующий в Эстонии белый террор растет и обрушивается на бурющийся рабочий класс новыми ударами. Буржуазия желает во что бы то ни стало уничтожить рабочее движение, принимающее угрожающие размеры и развивающееся вследствие катастрофического экономического положения страны, и применяет для этого все имеющиеся средства.

Не довольствуясь тем, что в начале этого года охранкой были разгромлены и закрыты все профессиональные союзы и организации рабочего класса и рабочей молодежи (299 организаций) и арестованы все видные работники рабочего движения, около 150 человек, эстонская буржуазия в августе сего года начала новый поход против рабочего класса.

Первым актом этого похода был разгром и закрытие организованных заново профсоюзов и организаций рабочей молодежи. За этим последовало закрытие всех рабочих газет, аресты редакторов и усиление гонений против работающих нелегально Коммунистической партии и Коммунистического союза молодежи Эстонии.

22 августа был в Ревеле арестован 19-летний молодой пролетарий Мартын Нурк с пачкой воззваний КПЭ, выпущенных по поводу убийства члена парламента, перебежчика из коммунистической фракции

⁹ Самуил Энгель (1904—1924) — член КСМ Польши. Первоначально состоял в организации «Стрелок». Однако он быстро убедился в антипролетарском характере стрелеческой организации, покинул ее ряды и примкнул к комсомолу. В короткое время показал себя настоящим революционером. Именно поэтому организация поручила ему уничтожение предателя. Порученное дело он выполнил с честью. Однако он был пойман полицией, предан военно-полевому суду и расстрелян.

¹⁰ В тексте ошибочно написано «18 лет»

Празднование Международного юношеского дня. Германия, 1930 г.

в лагерь буржуазии. Арестованный молодой товарищ был предан военно-полевому суду и в течение 24 часов приговорен к **пожизненной каторге**.

Злорадствующая социал-демократическая буржуазная пресса, комментируя этот неслыханный по жестокости приговор, сообщает, что только ввиду несовершеннолетия нашего молодого товарища он не был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Этот факт классового судопроизводства показывает, что эстонская буржуазия намерена так же бесцеремонно расправиться и с теми 149 товарищами, среди них человек 80 молодых рабочих и работниц, которые на днях предстанут перед военно-окружным судом в Ревеле. Эти 149 товарищей все — активные деятели легальных

рабочих и юношеских организаций, члены комфракции парламента и т. д. — обвиняются в принадлежности к КП и КСМ Эстонии. Им угрожает участь нашего товарища Нурка или еще худшая.

Товарищи молодые рабочие и крестьяне всех стран! Призываем вас протестовать против белого террора и насилия буржуазии над рабочим классом и бедняцкой частью крестьян в Эстонии.

Требуйте освобождения наших арестованных товарищей и соратников в Эстонии! Протестуйте и требуйте прекращения суда над 149 представителями рабочего класса и рабочей молодежи Эстонии! Заявляйте свою солидарность с бойцами, находящимися в плену у эстонской буржуазии!

Заклученным в казематы эстонской буржуазии пролетариям и молодым рабочим

шлет КИМ боевой привет миллионов молодых революционеров и крестьян.

Будьте стойки и в тюрьме, ведь и там вы на боевом посту!

Будьте стойки и на суде классовых врагов, и там вы на боевом посту для разоблачения буржуазии!

Рабочая молодежь всего мира с вами!

ИК КИМ

ЦПА ИМЛ.

Еситора Кавай

Он — чернорабочий. В ранней юности он уже принимает участие в рабочем движении. Он — один из организаторов профсоюза горнорабочих и, еще будучи совершенно молодым юношей, руководит крупной забастовкой.

Его деятельность скоро привлекает внимание полиции, и его арестовывают и приговаривают к шестимесячному тюремному заключению. Но приговор его не пугает, и он только еще с большей энергией окупается в рабочем движении.

Японская буржуазия хочет провести милитаризацию школ, и революционное студенчество отвечает на эту попытку грандиозной антимилитаристской демонстрацией, организатором которой является товарищ Кавай.

В 1923 году японская молодежь впервые хотела отпраздновать Международный юношеский день, и главным организатором был опять товарищ Кавай. Буржуазная пресса открывает широкую кампанию против этого движения молодежи, но молодежь продолжает готовиться к Международному юношескому дню, этому торжественному празднику интернационализма. Но 2 сентября, когда должен был состояться Международный юношеский день, на Японию обрушилось небывалое землетрясение. Многие тысячи, десятки тысяч людей умирают под развалинами, десятки тысяч лишены хлеба, и вместо того, чтобы поспешить на помощь, японская буржуазия пользуется всеобщим смятением, чтобы уничтожить революционное движение.

В эти дни наемными убийцами были истреблены лучшие японские революционеры, и в числе жертв были также товарищ Кавай и еще один комсомолец. В их лице японская коммунистическая молодежь лишилась своих лучших бойцов.

«Комсомол в тюрьмах. Герои и мученики КИМа». М., «Молодая гвардия», 1925, стр. 74—75.

«Дофтана» верит: «Придет, настанет жданный час».

Перед нами один из номеров рукописной газеты румынских политических заключенных «Дофтана» — узник печально известной тюрьмы Румынии «Дофтана».

«Дофтана», — говорится в редакционной статье газеты, — это суровое слово, которое заставляет содрогнуться не только рядового обывателя и здесь и за рубежом, но и закоренелого преступника».

Многие руководители рабочего движения и рядовые борцы против румынской реакции, люди преклонного возраста и юноши, только вступившие на путь политической борьбы, провели в этой румынской Бастилии не один год своей жизни. Наиболее стойкие и мужественные из них не переставали бороться и в казематах этой крепости.

В номере рукописной газеты «Дофтана», выпущенном 1 мая 1927 года, ярко отражены страдания и упорство, бодрость духа и боевая готовность политзаключенных. Одну из задач газета видела в том, чтобы воспитать новых борцов, закалить их характер, подготовиться к предстоящим боям. Интересно отметить, что в номере, наряду с материалами о празднике 1 Мая, международном положении, о задачах организованной борьбы и др., есть статья «К 20-летию Штутгартской конференции рабочей молодежи», которая оканчивается призывом немедленно начать приготовления для сплочения рабочей молодежи под знаменем КИМа.

Мы перепечатаем из этого номера газеты два стихотворения неизвестных авторов, написанные, как и вся газета, на русском языке

Первое мая

Вступает заря во мгле прозрачной,
Пугливо гаснет ночи тень;
За стенами темницы мрачной
Готов зажечься новый день.

Наш день; кровавыми слезами
Ковался нами он века;
И в этот день не раз штыками
Встречали нас царей войска.

Теперь разбитые оковы
Со звоном пали с рук и ног;
Наш день встает во славе новой
И близок нам, хоть нас далек.

Мы здесь, мы скованы цепями,
Но приказать нельзя сердцам;
Нельзя порыв замкнуть стенами...
Мы здесь, но сердце наше — там!

Там, где в потоке жизни бурном,
В стенах Кремля, в тени веков,
Застыл под знаменем пурпурным
Лес ошетиленных штыков.

Далеко, за туманной далью,
Сомкнулся тесно красный строй.
Штыки сверкают синей сталью
России Красной Риемль живой!

Мы здесь в цепях, но верим свято,
Придет, настанет жданный час;
Найдет кровавая расплата
Всех тех, кто так терзает нас.

Вершится все по воле рока,
И, развернувшись вдаль и вширь,
Из-за туманного Востока
Придет родимый Богатырь.

Перуны войн сверкнут зигзагом,
Взметнутся искры от костра,
И ОН шагнет могучим шагом
За волны тихого Днестра.

Тогда зловещею зарницей
Заблещут звонкие мечи,
И солнце вспыхнет над темницей,
Роняя жаркие лучи.

Терпенье, братья! В горне муки
Мы закалим свои сердца,
Сольем в пожатье крепком руки
И будем тверды до конца.

Як. 1927 г.

Рабочий

Я рабочим живу и рабочим умру;
На руках мозоли никогда не сотру.
Я всю жизнь провожу весь оборван,
худой...
Я лопату ношу на плече за собой.

Я дороги провел и туннели пробил,
И по ним же стрелой я машину пустил,
Я настроил дворцов и роскошных палат
И сады насадил и цветов целый ряд.

Вот все то, что добыл я лопатой моей.
На мое мне кричат: «Прикоснуться не
смей!»
И в душе со злобой до поры я молчу
И лопату мою все о землю точу.

Икс. 1927 г.

ЦПА имл.

Герои итальянского комсомола

Коммунистическому союзу молодежи Италии
пришлось работать в суровых условиях фа-
шистской диктатуры. Уже в первые годы не-
законной деятельности комсомол Италии

понес большие потери. Аресты, ссылки, тюрем-
ные заключения и смертные приговоры лиши-
ли союз лучших работников. Чтение нелегаль-
ной литературы, неосторожно сказанное сло-
во, просто подозрение служили достаточным
основанием для приговора к 5—10 годам тю-
ремного заключения. В одном только 1927 го-
ду было арестовано 1500 комсомольцев.

На эту реакцию героический итальянский
комсомол ответил усилением своей револю-
ционной деятельности. Террор закалил ряды
КСМ Италии. В жестоких кровавых боях с фа-
шизмом выросли мужественные борцы, кото-
рых не сломали ни полицейский террор, ни
пытки, ни каторга, ни ссылка. Полиция не
церемонилась с теми, кто попадал в ее лапы.
В ее застенках применялись самые ужасные
пытки. Многие не выдерживали, умирали в по-
лицейской камере, не проронив ни слова.

В 1927 году в Милане после зверских пыток
умер 24-летний Гастон Соцци. Первым, к кому
итальянский фашизм применил закон о смерт-
ной казни, был Микелле Дела-Маджиора. Он
погиб как герой с возгласом: «Долой фа-
шизм!» В 1929 году был расстрелян комсомо-
лец Владимир Гордан. На десятки лет фашизм
зачтил в тюрьме известных деятелей рабоче-
го и молодежного движения Эдуарда
Д'Онофрио, Петро Секкья, Джанкарло Пайетта
и других.

Героическое поведение комсомольцев перед
фашистским судом поднимало новые силы из
массы пролетарской молодежи для борьбы
против фашизма.

Исполком КИМА и коммунистические союзы
молодежи вели непримиримую борьбу против
жестокого белого террора, мобилизуя моло-
дежь и прогрессивную общественность для
спасения жертв реакции, используя каждый
случай полицейского произвола для укрепле-
ния международной пролетарской солидар-
ности молодежи. Перед вами один из докумен-
тов Исполкома КИМА — обращение по случаю
расправы полиции города Болоньи над ита-
льянским комсомольцем Карлом Альпи.

В полицейском участке
в Болонье убивают
коммунистов!

Обращение Исполнительного
Комитета Коммунистического
Интернационала Молодежи

4 декабря 1931 г.

Мы получили из Болоньи сообщение
о том, что арестованный комсомолец Карл
Альпи подвержен страшным пыткам и до-
ставлен в тюрьму в полуживом состоянии.

Карл Альпи — работник Коммунистиче-
ского союза молодежи Италии, который
известен своей революционной работой
среди молодых эмигрантов в Бельгии и
Франции. Затем он приехал в Италию и
активно работал в комсомоле в Эмилии
вплоть до своего ареста. Его мужественное,
революционное поведение перед лицом фа-
шистской полиции, перед пастором, кото-

Jungarbeiter! Lehrlinge! Jugendgenossinnen!
Heraus zum
Anti-Kriegs
Tag=
Am 4. u. 5. August
in Eßlingen a.N.

TREFFPUNKT: Für Stuttgart x Sonntag 5. Aug. 8 Uhr =Hauptbahnhof,
 Für Cañstatt x " 5. Aug. " =Cañst. Bahnhof,

Листовка с призывом отметить день борьбы против войны. Германия, 30-е годы.

рый является начальником кровавой политической полиции в Болонье, послужило поводом для зверских истязаний. Фашистское правительство не разрешило нашему товарищу, истекавшему кровью, оказать какую-либо врачебную помощь. Он находится в одной из самых страшных тюрем Италии, в Сан-Джованни-аль-Монте. В этой тюрьме в последние годы умерли коммунисты Манцони и Фантини. Сотни наших товарищей подверглись истязаниям пастора. В этой тюрьме, так же как и в других тюрьмах Италии, коммунисты призывают к солидарности пролетариата всего мира.

Долой фашистскую кровавую полицию ОВРА!

Долой пасторов всех типов!

Долой чрезвычайный трибунал и фашистских убийц!

ЦПА ИМЛ. Перевод с немецкого языка.

Из героической борьбы германского комсомола

1934 г.

400 комсомольцев убито. 5 тысяч комсомольцев в тюрьмах и концентрационных лагерях. Две цифры, которые говорят больше, чем целые тома. Сколько нужды и горя, сколько мучений и пыток, сколько славного героизма скрывают эти сухие цифры!

Молодые рабочие, выросшие в нищете и нужде, охвачены горячим стремлением покончить с существующим положением, ста-

JONGE ARBEIDERS EN ARBEIDSTERS!

Strijdt met ons tegen den Oorlog

Kiest gedelegeerden naar de

Jeugd-Anti-Oorlogs-Conferenties

19 Juni te Amsterdam en Rotterdam

Communistische Jeugd.
R.V.O.-Jeugd.

Листовка комсомола Голландии.

новятся антифашистами, сознательными революционерами и героями пролетарских классовых боев. Они боролись и умирали за дело социализма. Действительно, для жизни молодежи в гитлеровском царстве рабства более всего подходят строки из нашей боевой песни:

Мы сами испытали подневольный труд,
Мы юности не знали в тенетах рабских
пут.

Под ударами озверелого фашистского террора Коммунистический союз молодежи Германии выковал из молодых рабочих, подчас еще полудетей в возрасте от 15 до 16 лет, крепких революционеров, душой и телом преданных революции. В борьбе наш германский комсомол выдвинул из гуци

молодежной массы героев нелегальной работы, которые, несмотря на все преследования фашистов, призывают массы к дальнейшей борьбе.

Герои повседневной классовой борьбы, мы приветствуем вас. Ваша нелегальная работа, ваши герои — германские комсомольцы должны служить нам всем примером в день 15-летия существования КИМа. Послушаем несколько отрывков из симфонии борьбы нашего героического Коммунистического союза молодежи Германии.

Эрих Майер убит фашистами 11 марта 1933 года. Жизнь Эриха Майера похожа на жизнь тысяч других молодых рабочих. Безработица, нищета и нужда. В 1931 году он перешел из соцмола в Коммунистический союз молодежи. Как один из самых активных, он смело и бес-

страшно боролся против капитализма, направляя всю свою силу для установления единого фронта борьбы пролетариата. Через свою работу, частые выступления на собраниях, организацию демонстраций и т. д. он скоро стал известным. Его ненавидели, его боялись враги рабочего класса.

После захвата власти Гитлером он вынужден был жить и работать в подполье. Но ни в коем случае он не хотел уйти от своих прежних товарищей и оставить свою работу в Берлин-Шпандау. Фашисты узнали, однако, где он будет в эту ночь. Они окружили дом, где он находился, послали 12 штурмовиков. Это было в три часа ночи. Эрих Майер с револьвером в руках встал между шкафом и печью для того, чтобы отдать свою жизнь за возможно дорогую цену. Но хозяйка дома крикнула: «Эрих, не стреляй, сделай это ради моих детей!» Тогда он положил револьвер на стол. Штурмовики накинулись на него и стали избивать рукоятками револьверов. Когда он поднялся, весь облитый кровью, и хотел одеться, они сказали ему, что там, куда они его отправят, ему ничего не нужно. Они повезли его в казарму штурмовиков на Вильгельмштрассе в Шпандау. Там они зверски пытали его, требуя адресов. Эрих ничего не сказал им.

Затем они повезли его на поле. Когда в ответ на выкрики штурмовиков: «Скоро тебе крышка!» — Эрих сделал четыре шага, они выстрелили в него. Пронзенный двенадцатью пулями, Эрих упал. Перед лицом смерти он остался таким же смелым и бесстрашным, каким был в жизни.

1 августа 1933 года в Альтоне были казнены Август Людгенс, Вернер Мюллер, Бруно Теш и Альберт Вольф. Их «вина» состояла в том, что они в июле 1932 года вместе с тысячами социал-демократических и коммунистических рабочих защищали свои квартиры от фашистских банд. На казнь фашисты отправили 75 узников из концентрационных лагерей — друзей и товарищей этих четырех, для того чтобы показать им этот устрашающий пример. Первым взшел на эшафот моряк Людгенс, который уже во время процесса проявил героизм, не уступающий героизму Димитрова и Тельмана. На предложение прокурора о смертной казни он ответил, что он может его лишь поблагодарить за эту высшую честь для пролетарского революционера. Перед эшафотом он обратился к нескольким свидетелям казни, поднял руку и воскликнул: «Я умираю за дело пролетарской

¡Jóvenes obreros y obreras!
¡Jóvenes estudiantes y soldados!

EL SABADO

aparecerá el número 26 de

JUVENTUD ROJA

¡Dos colores! ¡6 páginas!

¡15 céntimos!

¡Comprad este número! ¡Defended a vuestro periódico! ¡En cada lugar de trabajo nombrad un corresponsal de JUVENTUD ROJA!

¡El sábado, día 18, gran número extraordinario! ¡6 páginas, 15 céntimos!

¡Leedla!

¡Difundidla!

¡Defendedla!

Листовка с призывом покупать специальный номер газеты «Красная молодежь». Испания.

революции, рот фронт!» Затем... он был казнен.

Девятнадцатилетнего комсомольца Вольфа перед казнью спросили, имеет ли он еще какое-нибудь желание. «Да, я хотел бы еще раз размять свои члены». На мгновение сняли с него оковы. И тогда он нанес мощный удар руководителю штурмовиков и выбил ему все передние зубы. И затем умер так, как перед ним умирали Людгенс и после него Мюллер и Теш с возгласом: «Рот фронт!»

Германский рабочий класс понимает то завещание, которое хотел передать товарищ Вольф своим последним ударом. Он знает, что придет тот день расплаты, когда пролетариат отомстит за наших замученных товарищей.

30 ноября 1933 года в тюрьме Клингель-

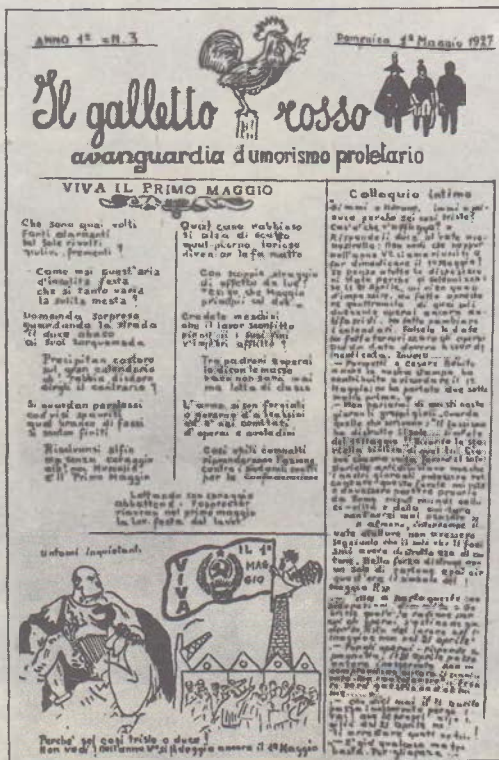

Испанская компартия на выборах в кортесы. Комсомольцы получают литературу в агитавтомobile компартии. Мадрид, ноябрь 1933 года.

путц в Кёльне были казнены шесть антифашистов: Вассер, Хамахер, Вильмс, Хорш, Мориц и Энгель. Все шесть крикнули перед казнью: «Да здравствует мировая революция!» Немедленно схватили палачи одного из осужденных и потащили его к эшафоту. Они не успели еще притянуть его к эшафоту, как палач отсек ему голову сильным ударом топора. Второй и третий из осужденных были обезглавлены таким же образом. Но когда очередь дошла до четвертого, то палач, который, так же как и его помощник, выпил значительное количество водки, ударил неверно. Топор остался на затылке осужденного. Он ударил вторично, но опять неудачно, и только третьим ударом он обезглавил свою несчастную жертву. Этот случай неслышанно взволновал присутствующих, вызвав от-

ращение и возмущение у всех тех, у которых остались человеческие чувства. В связи с этим общим возбуждением также и при казни пятого палач промахнулся и только после второго удара обезглавил свою жертву. Казнь шестого товарища была проведена одним жутким ударом топора.

В маленьком городе Пайне недалеко от Ганновера был в одно утро арестован комсомолец Х. Его потащили в гестапо. В подвалах гестапо его зверски пытали потому лишь, что он не хотел предать своих товарищей. Когда его вели из подвала в другую комнату, он вырвался, подбежал к двери, чтобы пробраться на улицу. Дверь была заперта. Он повернулся назад, собрал все свои силы и выбежал вверх на лестницу. Штурмовики открыли по нему стрель-

«Галлетто rosso» («Маленький золотой петушок»). Нелегальный юмористический журнал, издававшийся ЦК комсомола Италии. 1927 г.

«Фанчулло пролетарио» («Пролетарские дети»). Нелегальный журнал для детей, издававшийся ЦК комсомола Италии. 1927 г.

бу. Он пробрался на крышу и закрыл окно, выходящее на крышу. Из-за выстрелов и криков, преследующих товарища Х., во всех окнах и на улицах появились люди. Вдруг все одновременно вскрикнули от удивления. На краю крыши стоял наш товарищ. Его одежда была в крови и разорвана. Все автомобили и трамваи остановились. Товарищ поднял руку и крикнул так громко, как только смог: «Так мучают людей, которые борются за свои убеждения! Рот фронт жив!»

На улице появились пожарные. Они поставили спасательное полотно, и в окне крыши появилась голова штурмовика. Наш товарищ продолжал кричать и тогда, когда

его преследователи уже появились на крыше: «Долой убийц рабочих, долой правительство голода, долой поджигателей войны, да здравствует Коммунистическая партия Германии!»

Когда штурмовики, которые осторожно пытались приблизиться к нему, хотели схватить его, он прыгнул с крыши. Его поймали при помощи спасательного полотна и немедленно потащили в гестапо. Этот товарищ сегодня еще сидит в концлагерном лагере...¹¹

ЦПА ИМЛ.

¹¹ Конец документа утерян.

СТАМЕН ЖЕЛЕЗАРОВ

«Одни вели себя, как я, а другие — смелее».

Трудный, но героический путь прошел Болгарский коммунистический союз молодежи (БКСМ). Он был создан в 1919 году и с момента основания КИМа вошел в его состав. Под руководством Болгарской коммунистической партии БКСМ быстро превратился в авангард трудящейся молодежи страны. Коммунистическая молодежь Болгарии, подавая пример всей рабочей, крестьянской и учащейся молодежи, активно участвовала в классовой борьбе. В 1923 году она вместе со взрослыми с оружием в руках боролась на баррикадах Сентябрьского восстания. Несмотря на свирепый террор, установленный после подавления восстания, болгарский комсомол вел мужественную борьбу в трудных нелегальных условиях. В стране царил террор. Десятки молодых революционеров были расстреляны. Тюрьмы были переполнены. Против комсомола и созданного по указанию партии в 1928 году легального Союза рабочей молодежи (РМС) было организовано множество процессов. В 1931 году были казнены руководители комсомола Йордан Лютибродский, Александр Войнов и член ЦК РМС Асен Трайчев. Героическое поведение на суде Лютибродского и других комсомольцев служило примером для сотен молодых борцов против фашизма и реакции. Участвуя в ожесточенной классовой борьбе, рабочая молодежь Болгарии получила суровую закалку.

19 мая 1934 года в результате военного переворота в Болгарии была установлена открытая военно-фашистская диктатура. Все прогрессивные политические организации в стране были запрещены. В Софии, Пловдиве, Хаскове и других городах были проведены массовые аресты. Среди арестованных было много молодых рабочих, студентов, солдат и матросов. Смертные приговоры следовали один за другим. Однако боевой дух болгарской антифашистской молодежи не был сломлен. Комсомольцы и члены РМС вели агитационную работу в легальных организациях. На рост милитаризации они ответили усилением антимилитаристской деятельности. Антифашисты, призванные в армию, создавали в своих подразделениях антимилитаристские ячейки, вели революционную пропаганду среди солдат.

Твердость, мужество, героизм, преданность делу коммунистической партии — такова норма поведения большинства молодых болгарских борцов, попавших в руки фашистской инквизиции. Один из таких борцов-солдат — Стамен Железаров, в 1935 году был приговорен к смертной казни за революционную работу в армии. Но прежде чем отправить его на виселицу, фашисты подвергли отважного героя варварским истязаниям. Стамен не выдал своих товарищей по борьбе. Он пошел на смерть за свободную Болгарию. Ниже публикуются записки Стамена Железарова, написанные им перед казнью. Документ хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Учитывая то, что эти записки являются недостаточно квалифицированным переводом с болгарского языка на русский, а также не имея возможности сделать новый перевод из-за отсутствия подлинника, мы сочли необходимым сделать незначительные стилистические поправки и сокращения.

Еще в первый вечер после моего ареста меня завязали в узел с колом между рук и ног под коленями. Положили меня между двумя высокими столами, и я повис, как летучая мышь, и в таком положении начали меня избивать резиновыми дубинками и палками по ногам, ступням, по спине и по всему телу. Били как попало, пока мое тело не опухло, и не покраснело, как ржаной хлеб. Я чувствовал, как все мое тело горело под пламенем этих жестоких ударов от резины и палок. Кровь напирала на кожу и жгла. Глаза затуманились от боли и слез. Со рта шла кровь и пена. Заткнули рот мой грязным мешком и подметками от своих сапог. Они выпучили глаза. Обливали меня холодной водой из ведра и при первом же признаке жизни начали снова бить. После этого бросили [меня] полу-

JOVENES:

**Обреры ocupados y sin trabajo, Estu-
diantes pobres, soldados y policías:**

CELEBREMOS dignamente la Jornada Internacional de la Juventud Trabajadora el día 7 de Septiembre asistiendo al GRAN MITIN QUE SE EFECTUARA EN EL JARDIN DE SANTO DOMINGO A LAS 7 DE LA NOCHE.

La juventud trabajadora es uno de los sectores más explotados del proletariado. Ella cada vez más está sustituyendo a los trabajadores adultos en las fábricas, talleres, etc. donde por largas jornadas de trabajo recibe salarios miserables que no le alcanza para sus más indispensables necesidades. Por ello la juventud demuestra su descontento y su decisión de lucha el 7 de Septiembre, Día Internacional de la Juventud.

Luchemos abiertamente contra la explotación de que somos víctimas Exijamos 6 horas de trabajo con salario de 8; por comedores, dormitorios, ropa, etc. para los jóvenes desocupados; por un peso diario como salario mínimo para los aprendices; por el no pago de matrículas y útiles escolares para los estudiantes pobres; contra la militarización de las escuelas; contra el envío de materiales de guerra al Japón; **CONTRA LA GUERRA IMPERIALISTA. DEFENDAMOS A LA UNION SOVIETICA, DEFENDAMOS LA REVOLUCION Y AL PUEBLO CHINO; EXIJAMOS EL REGRESO INMEDIATO DE LOS DEPORTADOS REVOLUCIONARIOS A LAS ISLAS MARIAS; EXIJAMOS LA LIBERTAD DE LOS NUEVE JOVENES NEGROS DE SCOTTSBORO** cuya causa se verá por última vez el 14 de octubre.

Jóvenes trabajadores; Todos a asistir al Mitin el día 7 en Sto. Domingo!

SEPTIEMBRE 5 DE 1932

*El Comité Regional del D. F. de la Federación
Juvenil Comunista de México.*

Листовка регионального комитета коммунистической молодежи Мексики. 1932 г.

мертвым и начали [бить] других, третьих, четвертых, десятки душ сразу. Страшнее выдуманных басней о жестокостях людоедов и ужасов средневековых инквизиций были эти ночи в полицейской инспекции и в казармах. Палачи издевались над нами, толкали нас ногами, и, когда мы были полумертвыми, они кричали:

— Признаешь ли?
— Что вам признать?

— [Существование] ячейки, коммунистической организации в казармах, амиячейки!¹²

Многие не разбирались, что это [за] амиячейка. Были и совсем молодые среди нас. Но когда они поняли, что от них хотят признания [в том], что они коммунисты, они отчаянно кричали:

— Да, коммунист, я коммунист!

— Кто твои товарищи?

— Я один, нет у меня товарищей!

Но больше от нас ничего не могли добиться. И тогда опять начинают тот самый номер, усиленный еще большими мучениями. Опять кол или винтовку между коленями и связанными руками. Опять повисли, как летучие мыши, как ягнята для жарения, между столами. И опять побой, а после того обжигание ног раскаленным железом и бензином. Сжимали до боли пальцы рук, запускали раскаленные спицы под ногти. Тыкали в нос хлопок, намоченный терпентином...

¹² Сокращенное название антимилитаристской ячейки, которые создавались в армии коммунистами и комсомольцами.

Похороны комсомольца Стиф-Корвица, убитого полицией во время стачки поваров. Нью-Йорк, 1930 г.

Какие страшные были боли! Одному за другим поливали нам ноги бензином до бедер и после этого зажигали спичкой бензин — волосы горели. Кожа, сморщенная и обожженная, покрывалась синими кровавыми пузырями, а спицы под ногтями так страшно кололи, как будто бы кололи в мозг. Меньше была бы боль, если бы сразу отрезали мне руку.

Но все это было только начало. Группу наиболее избитых солдат заперли в одно казарменное отделение; с нами были полицейский и два офицера. Они били нас прикладами по спинам и бокам. Били нас кулаками по челюстям. Толкали нас своими сапогами. Выткали нам во рты стволы своих револьверов. Кричали озлобленно:

— Сейчас же укажите коммунистов в роте! Указывайте подряд!

Во дворе была выстроена вся рота. Мы хорошо видели солдат, они нас видели не очень хорошо. Тогда Николай Дринов (тот самый, которого будут вешать вместе со мной) смятым от побоя и хриплым голосом закричал:

— Коммунистов ли хотите, господа, поймайте? Вся рота солдат является коммунистами.

— Указывайте! — кричал худой, с усами á la Гитлер поручик Танчев.

Глаза его воспламенились, впивали какое-то удовольствие. Он вцепился своими пальцами в шею обезумевшего товарища.

— Указывай!

— Первый, второй, третий, четвертый, шестой...

— Не так... Через одного!

Секретарь ЦК комсомола США выступает на митинге бастующих швейников. 30-е годы.

— Хорошо, господин поручик¹³, третий, четвертый и шестой.

— Через три, через четыре! — командовал недовольный и взбесившийся поручик Танчев...

Окруженные холодными черными глазами винтовок, пулеметов, орудий, заключенные, как звери, за железную решетку, но все же внушающие им страх, мы были связаны и повалены на землю. Поручик Танчев в бледно-синей пелерине танцует, как молодая возбужденная дама, по бетонному паркету в обширном салоне. Он наслаждался кучами поваленных и битых палками, резной и прикладами солдат... А после того сам поручик, разъяренный, как зверь, бросил свою перелину и взял бич. Давал пример, как надо инквизировать.

— Ударь так, чтобы кровь выступила!.. Давай бензин, давай терпентин! Толкай, толкай! Сельский дурак, коммунизмом будешь заниматься! Ха!..

Даже ротный [командир] и еще один маленький офицер, которые невозмутимо били палками, посмотрели на поручика со смущением. Хотя и с завязанными глазами, мы их узнали. А знакомый крик Танчева выдавал их. Но мы еще раньше знали наших палачей. В казарменной жизни они себя раньше «хорошо» проявили.

¹³ В тексте «капитан». В дальнейшем изложении автор называет Танчева то поручиком, то капитаном. В целях единообразия, а также учитывая то, что в большинстве случаев Танчев назван поручиком, мы во всех случаях поставили «поручик Танчев».

Всеамериканский юношеский день. Демонстрация рабочей молодежи. На плакатах лозунги: «Свободу Тельману!», «Борьба против фашизма», «Борьба против войны!» Демонстрация проходила в тот час, когда на Пятой авеню был организован военный парад. Нью-Йорк, май 1934 года.

Сцена была такова, что один пожилой офицер, который молчаливо наблюдал, посмотрел вокруг и с искривленным и возмущенным лицом плюнул и удалился. Да, это я хорошо видел, потому что повязка с моих глаз спала.

Били прикладами, били палками, штыками, сапогами, блестящими сапогами офицеров и модными ботинками полицейских-фашистов по телам связанных солдат. Крики и рев избитых солдат наполняли весь железобетонный парк и поглощались открытыми стволами орудий. Арестантские машины тархтели с одной казармы в другую и об-

ратно. Перевозили арестованных и избитых. Спешили за новыми жертвами...

Делали и очную ставку. И попробуй отказать, что ты знаешь этих людей, которых они тебе выпячивают и которых они хотят, чтобы ты признал, что ты их знаешь, что они работали в организации.

Когда меня заставляли, чтобы я сознался, что знаю солдат и держал связь с артиллерией и инженерным батальоном, я отказался. Взбесились. Хотели расстрелять.

И снова меня возвращают в оружейный парк. Силы меня уже оставили. Тело мое

Jeunes! Vous voulez vivre!

Le capitalisme vous affame dans le civil et fait mourir, dans ses casernes, les jeunes soldats maltraités et surmenés pour préparer la guerre (250 décès à l'armée en Janvier-Février 1935)

DEFENDEZ-VOUS!

Adhérez aux Jeunesses Communistes
Région Paris-Ville, 57, Rue Charlot (3e)

Листовка, изданная французским комсомолом с призывом бороться против войны. Франция, 1934 г.

измятое, и я еле-еле ползал. Хотелось умереть...

Девять дней держали меня в больнице, пока мне зашили живот и залечили раны. В этой самой больнице были еще десять товарищей: солдаты и рабочие... У одного были обожжены ноги бензином — кожа на бедрах рвалась, как гнилые кальсоны. Кожа падала кусками. Один был с разбитым черепом. Табачный рабочий Т. Христов, любимец масс, коммунистический вожь нашего города, был с перевязанными ступнями. Правду сказать, ступни его висели, так как [будто] ноги его резали пилой. Он умер на другой день, не проговорив ничего о том, что хотели [узнать] офицеры и подлейские.

Я слышал, как один солдат, часовой в

дверях, со слезами на глазах говорил своему товарищу на посту в коридоре:

— Один пост освободился.

— Да, — ответил другой солдат, — но еще один пост поставят — на кладбище!

На кладбище часовые охраняют новые могилы пяти убитых солдат. Похоронили их тайно от их родителей. Взяли их из морга закованных в ящики, как умерших от заразных болезней.

Когда я пришел в сознание на девятый день (но нитки шитой раны еще не были выдернуты), меня возвратили в казарму. Подвергли меня новым истязаниям и побоям. Как ловил я момент, чтобы, как мой товарищ Иван, броситься с верхнего этажа казармы... Такие невыносимые были боли и страдания от инквизиции. А я не хотел их остановить, став предателем своих товарищей, своей партии, своего дела. Но палачи строго меня охраняли. Они не хотели сразу, одной пулей, одним ударом ножа, а [хотели] медленно, мучая меня, убить. Для примера, для назидания другим. Я знаю, еще тогда, в ту черную и кровавую, продолжавшуюся два месяца ночь, палачи выковыляли виселицы...

Председатель не позволил, безусловно, перед судом сказать мне все это. Спокойные маски судей порвались бы, обнажив под ними свирепые образы собратьев поручика Танчева. С усиками à la Гитлер и элегантной походкой дамы с пелериной...

Еще с первых слов, когда я заговорил о небезопасности в казарме и о побоях, наносимых офицерами, круглая светло-бронзовая голова полковника Бербова зачалась гневно на позолоченных плечах.

— Как! Побои от господ офицеров, небезопасность в казармах! Страх от революции! Солдат, прекрати! Марш!

— Но вот, смотрите, смотрите, смотрите! — Я повернулся к публике и к караулившим нас солдатам, показал свой живот с красными рубцами зарастающей раны. Поднял штанину, чтобы видели выжженное тело. Поднял свои ноги, чтобы видели выпавшие ногти. — Смотрите-е-е! — На миг зал вздрогнул. Судьи поднялись, как на пружинах. Поднялись адвокаты, публика встала и повернула вперед головы, караульные солдаты впились глазами. Но в следующий миг прокурор проревел:

— Марш! Марш! Марш!

Караульный унтер-офицер грубо дернул меня в сторону, всыпал прикладом по плечам и направил мне в лицо штык своей винтовки: «Убью!»

Демонстрация коммунистической молодежи в защиту СССР от империалистов. Париж, 30-е годы.

Это был мой допрос. Так продолжался допрос и других солдат. Одни вели себя, как я, а другие смелее.

цпа имл.

Победа Антонио Арче

Первый день был самым трудным. Никогда бы Антонио не поверил, что жидкая каша, которой его кормили вот уже четырнадцать дней, может иметь такую притягательную силу.

Сегодня утром он объявил голодовку и поставил об этом в известность своего тюремщика. Теперь он лежит на грязном порванном матраце в подземной камере тюрьмы «Ла Хабана» и старается не смотреть в сторону миски, которую, невзирая на его протесты, оставил в камере смотритель.

Еще раз он мысленно пробегает события последних дней. Ему кажется, что уже прошло бесконечно много времени с тех пор, как он со своей группой пионеров организовал забастовку школьников Гаваны. Они ходили из школы в школу и выводили детей из классов. Белые и черные ребята шли сомкнутыми рядами по улице. Учителя также объявили забастовку. Школьники требовали горячих завтраков и бесплатных учебников и тетрадей, учителя — выплаты зарплаты, которую задерживали месяцами.

Потом к движению примкнули государственные служащие. А через несколько дней объявленная революционными профсоюзами генеральная забастовка уже охватила сотни тысяч рабочих и служащих.

На демонстрации в одном из буржуазных кварталов Гаваны между стачечника-

Au Jour du 7ème Anniversaire de la Révolution Russe :
Les Ouvriers et Paysans Russes libres et à la Tête du Monde.
Les Ouvriers Allemands esclaves du capitalisme international.
Les Ouvriers et Paysans Français sous la dictature capitaliste

Qui a choisi la juste voie?

Parti et Fédération des Jeunesses Communistes de France.
 Parti et Fédération des Jeunesses Communistes d'Allemagne.

Листовка, выпущенная французским комсомолом в связи с VII годовщиной Октябрьской революции. Франция, 1924 г.

ми и войсками произошло столкновение. Среди других был арестован и комсомолец Антонио Арче.

Солдаты отвели его в крепость «Ла Кабана» и бросили в темный подвал. Четырнадцать дней он оставался в полном одиночестве. Никто не допрашивал его, не предъявлял обвинения. Тогда он решил объявить голодовку.

Медленно тянулось время. Против своей воли Антонио с вождением посмотрел на чуть видневшуюся во мраке миску с едой. Затем он решительно поднялся и выплеснул ее в угол. Теперь он стал гораздо спокойнее, хотя голодный желудок сводило по-прежнему.

В полдень он нашел в себе силы решительно отказаться от обеда. На прогулке он шепнул товарищу, что начал голодовку. Но зритель закричал на него, и товарищ не мог ему ответить.

Потом остаток дня мысли Антонио невольно все возвращались к еде. Его воображению рисовалась всевозможная еда. Раньше ему часто случалось проходить по

богатым кварталам Гаваны. Теперь он представлял себе яства, которые тогда видел в витринах.

На другое утро он почувствовал себя ослабевшим и пролежал на койке добрую часть дня. К нему никто не приходил в камеру. Тюремщик даже не вывел его на прогулку.

На третий день Антонио стал испытывать сильные боли в желудке. Он лежал с закрытыми глазами на койке и громко стонал.

В полдень пришел тюремщик и подсел к нему на постель.

— Знаешь, что ты натворил? Вслед за тобой объявили голодовку все политические заключенные «Ла Кабана». Каким-то образом об этом узнали в Гаване, и сегодня газеты уже кричат о том, что и там пятьсот политических заключенных объявили голодовку. МОПР выпустил листовки.

Эта весть укрепила его намерение продолжать борьбу. Теперь он знал, что товарищи на воле осведомлены об его голодовке.

На четвертый день он ослабел еще больше, но боли прекратились. Он чувствовал себя свободно и легко, как никогда в жизни. Голод его уже не мучил, и он совсем не думал об еде.

Неожиданно дверь камеры распахнулась, и вошли несколько человек. Один из них протянул ему стакан с молоком. Антонио отрицательно покачал головой.

— Пей, — сказал он ему, — теперь ты свободен.

Другой добавил:

— Мы тебя освобождаем, потому что ты еще так молод.

— Нет, неправда, не потому, что я молод, а потому, что вы боитесь рабочих, — прервал его Антонио.

Когда лодка, на которой Антонио везли из тюрьмы в Гавану, приблизилась к берегу, он увидел, что на берегу собралась толпа. Люди что-то кричали. Когда лодка подъехала близко, он услышал:

— Да здравствует наш герой Антонио! Ура!

Эрих Рихтер, Юные герои революции.
М., 1936, стр. 33—36.

«Мы с тобой, Испания»

Помощь испанскому народу в его борьбе против фашизма одно из ярких проявлений пролетарского интернационализма в деятельности коммунистических союзов молодежи. Когда в Испании началась гражданская война, когда германский и итальянский фашизм послал свои войска для поддержки Франко, тысячи юношей-антифашистов, проявляя готовность с оружием в руках сражаться за свободу Испании, пришли на помощь испанскому народу. Сотни юношей отдали свою жизнь в этой борьбе. Они погибли как герои. Среди них немало комсомольцев.

Коммунистическая молодежь Англии никогда не забудет имена бесстрашных антифашистов, погибших на полях Испании: Сиднея Эвнера, Рея Кокса, Фрэнка Мессера, Артура Ньюсама, Джеймса Хайндмана и др. Шведский комсомолец потерял на фронтах Испании своего воспитанника пулеметчика Улле Марлингга. На боевом посту был убит Петер Ф. Давидсен, славный член датского комсомола. Швейцарские комсомольцы навсегда сохраняют в памяти имена Франца Винклера и Эрнста Фюллемана. Героическая смерть Антека Коханека, командира батальона польских антифашистов, овеяла славой борьбу батальона, который носил имя Ярослава Домбровского. Член ЦК КСМ Италии Нино Нанетти был первым итальянцем, приехавшим в Испанию. Он дрался и погиб как герой. Когда уже закончились бои, в одном из концлагерей в фашистской Испании был убит один из наиболее выдающихся работников комсомола Германии и член Исполкома КИМА, Артур Бекнер. Его имя стало символом преданности и стойкости в революционной борьбе.

Очерк «Он умер сражаясь», который мы перепечатаем из журнала «Интернационал Молодежи», посвящен славному сыну американского народа Дэйву Дорану, погибшему за свободу Испании.

Получив сообщение о смерти руководителя американского комсомола, X национальный съезд Коммунистической партии США принял следующую резолюцию:

«Все делегаты нашего съезда были глубоко потрясены известием о смерти на поле битвы в Испании нашего отважного товарища Дэйва Дорана. Известие о его беспримерной отваге, о том, каким вдохновляющим примером он служил для своих товарищей из батальона Вашингтона — Линкольна, сражавшихся за демократию в Испании, дошло до нас прежде, чем мы узнали, что он своей жизнью запечатлел преданность демократии. Мы выражаем сердечное соболезнование его семье и любимым их руки в этот час общего горя, вызванного тяжелой потерей. Взволнованные его безаветным самопожертвованием, мы обещаем продолжать борьбу с уверенностью, что тов. Доран умер не напрасно. Мы снова, с еще большей энергией и жаром, посвящаем себя борьбе против фашизма. Мы обещаем удвоить наши усилия, борясь за отмену позорного эмбарго, направленного против Испанской республики, за оказание той помощи Испании, которая принесет демократию ее народу и мир всему миру.»

Он умер сражаясь

Дэйв Доран — сын рабочего. Несмотря на свою молодость, он в течение многих лет был моряком. В 1930 году Дэйв вступил в Коммунистический союз молодежи. Вскоре он, не колеблясь, занял трудный и ответственный пост районного организатора комсомола. В условиях террора и преследований Дэйв сумел создать на юге США первые комсомольские группы.

Ряд лет Доран был районным организатором комсомола в западной Пенсильвании. Неустанной работой он завоевал уважение горняков и рабочих стальной промышленности. Везде, где были трудности, везде, где требовались отвага и стойкость, появлялся Доран.

Рабочие Питтсбурга хорошо знали и любили Дорана. В прошлом году он руководил знаменитой стачкой в Амбридже. Рабочие Амбриджа вспоминают о том, как Доран появился у стачечников, атакуемых полицией. Ночью, по темным улицам, переходя из дома в дом, рискуя жизнью — на каждом углу стояли вооруженные отряды штрейкбрехеров, — Дэйв пробрался к стачечникам, чтобы ободрить и организовать их.

Электрики Амбриджа, сталелитейщики Западной Пенсильвании, негры района Хилла, комсомольцы и вся передовая молодежь США оплакивают смерть чудесного товарища, талантливого руководителя, по-

UČNOVŠKA ČITANKA

1. číslo.

Praha, dne 7. února 1926.

Ulademe do Vašich rukou časopis Vámi a pro Vás psaný, který chce dáti výraz všemu tomu, co potřebujete, žádáte čím trpíte, časopis, jenž necmezi se však na pouhé vypočítávání Vašich bolestí a strastí, nýbrž bude Vám rádcem a vůdcem v každém boji, jež za sebe menší, sebe skromnější požadavek musíte vésti. Bude bojovným listem všech učnu této školy.

Vy, kteří v neútlejších letech těžce pracujete, při čemž odměnou ješť Vám hlad a bída, Vy, kteří místo zábav, jež jsou výsadou bohatých musíte se rváti o kus žvance. Vy, caudi, odstrkovani, za-

nedbaní asklamani jistě žiznivě přitisknete rty ke zdrcji, z něhož budete čerpáti sílu k těm bojům, které musíme svesti se svým nepřitelem/měšťaky-boháči abychom tentestát měšťaků činili státem dělníků, státem našám, abychom vybojovali si život, jež bude nám radostí nikoliv utrpením. Učnovská čítanka bude Vám v těchto

bojích oporou a na Vás je abyste kšžde slovo, jež v ni se dočtete utvrdili činem.

PaK splní sve poslání.

литкомиссара 15-й бригады республиканской армии Испании Дэйва Дорана.

Командир 15-й бригады Копик рассказывает:

«Наш политический комиссар Стив Нэльсон должен был вернуться в Америку, когда перед бригадой стояли очень сложные задачи: менять комиссара в такое время было очень трудным делом. Когда мне представили Дорана, как нового литкомиссара, моя первая мысль была: «А сможет ли этот молодой парень справиться со всеми сложными задачами, которые ему придется разрешать?»

Однако через несколько дней все мои опасения рассеялись — я был в восторге

от такого помощника, каким оказался Дэйв. Мы скоро увидели его прекрасные качества: скромность, исключительную верность слову, способность жертвовать собой. Не теряя времени, он с энтузиазмом принялся за свои новые обязанности. Замечательно было то, что он, не имея опыта в военном деле, сразу понял наши военные задачи и энергично стал укреплять боеспособность бригады. Бригада усиленно подготавливала себя к боям. Дэйв, переходя от одного батальона в другой, терпеливо и обстоятельно разъяснял необходимость напряженной подготовки, неустанно боролся за дисциплину. В бою Дэйв был бесстрашным руководителем. Он постоянно находился на передовых линиях. Он всегда считал

Die Arbeiterjugend ist vor den Wagen des Kapitalismus gespannt.

Täglich werdet ihr ausgebeutet!

Helft mit, Euch von dieser Knechtschaft zu befreien!

Kommt und demonstriert mit den Jungkommunisten am 7. September

zum X. Internationalen Jugendtag gegen die Unterdrückung und Ausbeutung der Arbeiterjugend!

Druck und Verlag von Runge & Co. in Reichenberg.

Призыв к молодежи выйти на демонстрацию в честь X годовщины Международного юношеского дня. Чехословакия, 1924 г.

Ученический журнал. Прага, 1926 г.

первой обязанностью своей следить за тем, чтобы бойцы были обеспечены питанием, боеприпасами, медицинской помощью. В то время как в других бригадах бойцы нередко оставались по неделям без горячей пищи, наша бригада даже в самых трудных условиях всегда была обеспечена всем необходимым. В этом огромная заслуга Дэйва, который проявлял исключительную заботу о рядовых бойцах.

В короткое время Дэйв приобрел большой военный опыт. Часто он оставался фактическим командиром бригады и не раз руководил боевыми операциями.

Трудно поверить, что Дэйв погиб. Трудно поверить, что умолк голос, который так часто ободрял бойцов 15-й бригады. Но для

нас, кто имел счастье работать с Дэйвом, кто слышал его голос и видел его глаза, для нас он живет! Он живет во всех тех, кто продолжает борьбу за прекрасное дело, которому он отдал себя до конца!»

Тысячи новых бойцов за мир, против фашизма должны заменить Дэйва Дорана — так отвечают американские комсомольцы на смерть своего героя.

К Международному антивоенному дню — к 1 августа — было решено вовлечь в ряды комсомола 5 тысяч новых членов.

«Интернационал Молодежи», 1938, № 7—8, стр. 41—42.

ПРОЛЕТЕРИ СВИХ ЗЕМАЉА УЈЕДИНИТЕ СЕ!

РАДНИЧКА ОМЛАДИНО, НАПРЕД!

**Друже, другарице,
млади радници,
млада раднице!**

Листовка, выпущенная газетой «Млади радник». Белград.

Письмо венских комсомольцев
с фронта

1938 г.

Дорогие товарищи!

Мы, венские комсомольцы из батальона имени Чапаева с Кордовского фронта, шлем вам боевой братский привет. Мы счастливы, что нам привелось с оружием в руках сразиться с ненавистным фашизмом. Мы теперь убедились, что фашистам никогда не удастся поработить испанский народ и превратить Испанию в колонию Гитлера и Муссолини. Это знают и наши враги. Вот почему они в своей слепой ярости не брезгают никакими средствами, лишь бы отомстить героическому народу за свои неудачи.

Когда наши товарищи из Второй бригады штурмовали Вирхен де ла Кабеса, фашисты выставили на передовых линиях 900 женщин и детей, взятых в плен в окрестных селах. Красные «варвары» в течение пяти месяцев не вели наступления, не желая направлять орудия против женщин и детей. За два дня до наступления к фашистам были посланы представители Красного Креста с целью уговорить их выдать

женщин и детей. Фашисты и на этот раз отказались освободить заложников. После шестичасовой борьбы Вирхен де ла Кабеса был взят, а заложники остались живы.

Теперь, когда фашизм вступил в стадию кризиса, он через своих помощников пытается внести замешательство в ряды трудящихся. Однако и это ему не удастся. Лакеям фашизма, троцкистам, никогда не разорвать наших рядов, скрепленных кровью многих наших мужественных товарищей. Коммунистическая партия Испании и Народный фронт начеку!

...Дорогие товарищи! Это письмо мы вам пишем в блиндаже на передовой линии Кордовского фронта. Нас очень радует, что мы можем переписываться с вами и открыто высказать свои взгляды. С гордостью мы носим значок интернациональной бригады. Мы обещаем вам, что выполним свой долг и возвратимся на родину закаленными революционерами.

С пролетарским приветом!

Курт Лампа, Карл Криц,
Вилли Яро, Роберт В.

«Интернационал Молодежи», 1938, № 2, стр. 23.

Гнев молодежи Франции

Сообщение Раймона Гюйо для передачи по радио

29 августа 1941 г.

В среду вечером во всем мире распространилось известие, как молния озарившая небо, омраченное тучами. Предатели французского народа Лаваль и Деа, всеми проклинаемые и ненавидимые, получили от 20-летнего юноши Поля Коллета возмездие за свое предательство. Во всем мире к молодому французскому герою Полю Коллету растет чувство уважения и восхищения.

Своим поступком Поль Коллет выразил гнев всего народа и его гордой молодежи. Гнев против гитлеровских орд, которые грабят и оскорбляют землю Франции; гнев и презрение против продажных предателей типа Лавалья и Деа, которые, служа врагу, предали родину.

Из рядов французской молодежи, молодежи, которой Гитлер грозит уничтожением, вышел 20-летний юноша. Пули мстителя Поля Коллета поразили тех, кто стал сообщником палача французского народа. Они поразили тех, кто в течение 15 месяцев обрекает французскую молодежь на голод и рабство. Всем известен преступный план Гитлера: чтобы уничтожить Францию, нужно физически разрушить, окончательно уничтожить молодое поколение.

Французское молодое поколение непобедимо, потому что непобедим французский народ. Солдаты Франции героически сражались в Дюнкерке и на Сомме, под Парижем и в Вогезах; если они были побеждены, то это потому, что их предали люди, пробравшиеся к власти и в генеральный штаб, предатели, вроде Лавалья и Деа. С июня 1940 года французская молодежь ни на минуту не прекращала своей мужественной борьбы против захватчиков. В демонстрациях 14 июля в Париже, в стачках на севере и на юге, в актах саботажа, разрушающих фашистский транспорт, склады снаряжения гитлеровских гарнизонов, французская молодежь претендует на место в первых рядах, потому что в этом честь, в этом спасение родины. Поступок Поля Коллета является частью этой великой борьбы, которая будет расширяться до победы, до освобождения Франции.

Лаваль и Деа, так же как и их хозяин Гитлер, не знают французской молодежи. Они думали, что после того, как они призывали молодых французов «не умирать за

Дандиг», они могут предложить им сражаться в пользу палача Франции в так называемом крестовом походе против большевизма. Ответ молодежи был ясен. Кампания по вербовке добровольцев в легион Лавалья и Деа закончилась сокрушительным провалом. 14 июля народ Парижа разгромил вербовочное бюро. Наконец, когда удалось создать небольшой отряд, которому предатели производили смотр в Версале, первый выстрел, раздавшийся из рядов добровольцев, был направлен против предателей. Плохое предсказание для гитлеровских бандитов и их подлых лакеев!

Поступок Поля Коллета, юного французского патриота, найдет отклик во всей Франции и за ее пределами, во всей Европе, стонущей под кровавым сапогом гитлеровской Германии. Волна священной ненависти к фашистскому врагу и его агентам ширится во всех оккупированных странах. Смертельный страх овладевает преступниками, вставшими на службу Гитлеру.

Французская молодежь с возрастающим жаром и энтузиазмом, с растущей организованностью и самоотверженностью будет развивать с каждым днем все больше и больше гигантскую массовую борьбу французского народа за свое освобождение во всех формах и всеми средствами. Франция снова будет жить свободной и независимой.

ЦПА имл.

Дьюла Альпари: «Партия для меня самое дорогое, что у меня есть».

Сын венгерского народа Дьюла Альпари свою жизнь посвятил борьбе за интересы пролетарской революции. Он был известным деятелем не только венгерского, но и международного коммунистического движения. Много сил и энергии он отдал революционному воспитанию подрастающего поколения пролетариата. Он по праву считается одним из основоположников международного революционного движения рабочей молодежи. В августе 1907 года на первой международной конференции социалистических организаций молодежи он выступил с докладом об экономической борьбе рабочей молодежи. Основные задачи, выдвинутые в докладе, служили программой борьбы юношества за свои экономические интересы на протяжении ряда лет.

В 1918 году Д. Альпари вступил в члены Коммунистической партии Венгрии. В период существования Венгерской советской республики он был заместителем наркома иностранных дел. После поражения венгерской революции эмигрировал и принимал активное участие в деятельности КП Чехословакии, Австрии, Германии, Швейцарии, Франции. На протяжении многих лет он был редактором международных коммунистических органов.

Как ветеран международного юношеского движения, Д. Альпари часто встречался с молодежью, рассказывал о первых шагах социа-

Забастовщики-рабочие идут на демонстрацию. Токио.

листического молодежного движения. Популярностью среди молодежи пользовались его воспоминания о создании Социалистического Интернационала Молодежи.

В 1940 году он был арестован агентами гестапо в Париже и посажен в отдельную темную камеру специальной тюрьмы в концентрационном лагере Заксенхаузен недалеко от Берлина.

17 июля 1944 года Дьюла Альпари в возрасте 62 лет в концлагере Заксенхаузен был убит гитлеровцами.

О его мужественном поведении в этом лагере смерти рассказывает следующий документ, обнаруженный нами в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Отчет Ганса Поинтнера
о пребывании Дьюла Альпари
в концлагере Заксенхаузен
7 августа 1945 г.

У меня были хорошие политические отношения с товарищем Гансом Аппелем (Гамбург), который в течение нескольких лет в концентрационном лагере Заксенхаузен работал истопником и уборщиком в тюрьме для одиночного заключения. Эта тюрьма

является особым зданием внутри лагеря. Местные жители были строго изолированы и не имели с внешним миром никаких связей. Среди узников этой тюрьмы находился венгерский товарищ Альпари.

Ганс Аппель рассказал мне подробности пребывания товарища Альпари в камере одиночного заключения. Тов. Альпари попал в концентрационный лагерь в 1940 или 1941 году и был сразу же посажен в тюрьму, в темную одиночную камеру. В ней провел Альпари свыше двух лет в суровых условиях, имея вместо постели доски и одно одеяло. Несмотря на то, что он физически из-за своего возраста и без того не был способен к сопротивлению, его зверски пытали. Медленно и систематически эсэсовцы калечили его тело, но дух его не был сломлен до конца...

Тов. Альпари рассказывал, что он был арестован в Париже, что его жена погибла в женском лагере Равенсбрюк. «Нет никакого сомнения в том, — говорил он, — что

я тоже буду убит». Во время одной из таких бесед он расспросил о находящихся в лагере коммунистах и последних политических новостях.

После роспуска Коммунистического Интернационала Альпари был переведен в Берлин (ул. Принца Альбрехта — главный штаб гестапо). Здесь гестапо потребовало от него, чтобы он написал свою биографию и о роли Коммунистического Интернационала, а также о всех лицах, с которыми он работал и какую роль они играли. Далее от него потребовали изложить свою точку зрения на роспуск Коммунистического Интернационала. Тов. Альпари отказался от этих предложений, сказав, что он не знает, что произошло в мире в последние годы, в период его заключения. Кроме того, он сказал, что многое он позабыл. После этого его вновь посадили в одиночную камеру концентрационного лагеря Заксенхаузен.

Однажды тов. Альпари сказал: «Передай от меня привет партии и товарищам. Скажи им, что партия для меня самое дорогое, что у меня есть. Я никогда не изменю ей. Я знаю, что я буду убит эсэсовцами здесь или в другом месте. Но я твердо верю, я убежден, что наше правое дело победит».

Товарищу Аппелю под угрозой самого тяжелого наказания запрещалось разговаривать с заключенными или, что еще хуже, сказать кому-нибудь в лагере о том, кто находится в камерах одиночного заключения и что там делается. Для того чтобы поддерживать прямую связь с товарищами и никого не подвергнуть опасности, кроме нас двоих, был информирован об этом еще один товарищ. По желанию тов. Альпари надо было передать еще нескольким товарищам в лагере о беседах с ним, с тем чтобы в случае «ликвидации» одного или

другого товарища все-таки весть дошла до партии.

Как-то тов. Альпари сказал, что он хотел бы узнать наше мнение о роспуске Коммунистического Интернационала. Мы обдумывали вопрос о том, стоит ли посылать ему записку. Нас удерживало то, что при обнаружении эта записка может стоить жизни как тов. Альпари, так и Аппелю. Тов. Аппель сообщил ему нашу точку зрения по этим вопросам и передал ему сообщение Московского радио. Спустя несколько дней он сообщил нам, что он тщательно обдумал эти вопросы и пришел к такому же мнению, какое высказали мы. Он был очень доволен этим. В то время тов. Альпари мог читать газету «Фолькшпер беобахтер»¹⁴. Однажды мы получили от него крайне интересное политическое сообщение. За несколько недель до краха Италии он сказал: «Поражение фашистской империи в Африке, кризис внутри итальянской буржуазии, продолжительная война и, что самое важное, недовольство итальянских масс, антифашистское движение в стране, бедность и нужда народа предвещают Италии скорый крах». Через две недели после того, как мы получили от него это сообщение, фашистская Италия и Муссолини потерпели крах.

Тов. Альпари был, согласно записи руководства СС, списан как «освобожденный». «Освобожденный» в этом случае обозначает «убитый».

Ганс Поинтнер (Вена)

ЦПА ИМЛ.
Перевод с немецкого.

¹⁴ Центральный орган фашистской партии Германии.

Книги боевой славы

Книги, журналы боевой славы, журналы героических дел — любопытные документы Великой Отечественной войны. Создавались и хранились эти книги в комсомольских организациях воинских частей, в политотделах. В них заносили имена героев, рассказывали о боевом пути части, описывали боевые эпизоды и подвиги. Эти книги — своего рода летопись суровых будней войны.

Имена «летописцев», имена самодеятельных художников, оформлявших книги, до нас не дошли. В большинстве случаев это, по всей вероятности, были комсорги, работники политотделов.

Записи подчас очень лаконичны: «Кр-ц, член ВЛКСМ Шилин в р-не Ново-Цимлянка из пулемета сбил трехмоторный самолет, представлен к правительственной награде — ордену Отечественной войны 2-й ст.». Или: «Кр-ц, комсомолец Ноздрин В. А., 1923 [очевидно, года рождения], из роты ПТР, в боях за высоту 74, когда шли на него танки, подбил 1 танк и 1 автомашину с фрицами (до 10 чел.).»

В каждой записи всего по три строчки. На первый взгляд они могут показаться неинтересными: сбил самолет, подбил танк. Мы привыкли уже к описаниям подвигов, к рассказам о героях. Но если вдуматься в эти строчки, увидишь за ними огромное мужество рядовых великой войны. Сбил самолет из пулемета. Значит, на небольшой высоте шел самолет, возможно, обстреливал наши позиции. Или двадцатилетний комсомолец Ноздрин (запись относится к началу 1943 года) подбил танк и автомашину, «когда шли на него танки». Из таких ежедневных, ежечасных дел рядовых фронта складывалась наша победа.

И пожалуй, эти короткие строки производят более сильное впечатление, чем подробное описание подвига в такой же книге, когда неизвестный нам автор пытается писать «красиво, литературно».

По характеру записей, по виду книги (а книги и журналы весьма разнообразны: есть и обычные школьные тетради, и трофейные блокноты, и специально сделанные альбомы) можно догадаться, в каких условиях создавалась она.

Вышеприведенные строки взяты из Книги героических дел комсомольцев 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Первая запись в ней сделана 20 декабря 1942 года на Сталинградском фронте. Эта книга отличается и своим внешним видом. Обычная двойная

Плакат военных лет.

Медсестра комсомолка Антипова оказывает первую помощь на поле боя. Район Севастополя, 1942 г.

школьная тетрадь. Все записи в ней предельно кратки, сделаны от руки, нет в ней ни рисунков, ни фотографий, только заголовки выделены красным и синим карандашами.

Журнал боевой славы 6-го артиллерийского Краснознаменного полка ведется в толстой трофейной тетради. В ней есть и рисунки и фотографии. Чувствуется, что создавалась она в более спокойной обстановке.

То же можно сказать и о журнале 930-го комсомольского полка ночных легких бомбардировщиков. Специально сделанный альбом с рисунками и фотографиями, текст отпечатан на машинке. История полка, дружба с шефами, боевой путь, боевые эпизоды изложены довольно подробно. Возможно, этот альбом был сделан как своеобразный отчет Центральному Комитету комсомола, по инициативе которого был создан полк. По инициативе ЦК ВЛКСМ было сформировано не одно комсомольское соединение. Успешно сражались на фронте 1-я инженерно-саперная Смоленская штурмовая бригада, Московский комсомольский минометный полк, танковая бригада «Челябинский комсомолец», женский авиаполк ночных бомбардировщиков. Через линию фронта ушел в тыл врага партизанский отряд имени Гастелло, отряд комсомольцев-москвичей.

Книги и журналы боевой славы наряду с листовками, фотографиями и другими документами приходили в Москву на выставку ЦК ВЛКСМ «Комсомол в Отечественной войне»

или в Комиссию по сбору материалов об участии комсомола в Великой Отечественной войне, работавшую в ЦК ВЛКСМ. Присылались эти материалы из Политуправления Советской Армии, а иногда и непосредственно из воинских частей, с фронта.

Сейчас эти документы хранятся в Центральном архиве ВЛКСМ.

Публикация подготовлена Е. Щагиной.

ИЗ КНИГИ ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЛ КОМСОМОЛЬЦЕВ 1-ГО ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Героические подвиги комсомольцев в боях с фашистскими захватчиками

20 декабря [1942]

Командир взвода роты ПТР ГСП 24 ГСД комсомолец тов. Кулдышев А. И. совер-

Бои под Москвой. Танки идут в атаку.
1941 г.

шил героический поступок. Из противотанкового [ружья] Кулдышев поджег танк врага. Фашисты открыли по Кулдышеву арт-огонь. Осколком снаряда Кулдышеву оторвало руку. Превозмогая сильную боль, Кулдышев схватил левой рукой противотанковую гранату и бросился с ней под танк врага...

Командир орудия 4-й батареи 153-го артиллерийского полка 98-й СД, комсомолец, мл. сержант тов. Русских и наводчик красноармеец Постников метким и точным огнем подбили 4 фашистских танка.

23 декабря

Гвардии красноармеец, комсомолец стрелковой роты т. Рец М. М. во время боя, когда выбыл из строя 1-й номер расчета станков, пулемета, заменил его, под-

держал огнем пулемета свою наступавшую роту и истребил 20 гитлеровцев. Когда кончились патроны и гитлеровцы стали заходить с тыла, Рец один пошел в штыковую атаку против врага. В штыковом бою с 5 гитлеровцами Рец заколол штыком 3 из них, а остальных обратил в бегство.

Гвардии красноармейцы тт. Киселев и Алексеев, комсомольцы из минометной роты, были ранены, но отказались идти на перевязку и остались на огневой позиции. Огнем своих минометов они уничтожили до 50 гитлеровцев и подавили огонь 2 ст. пулеметов.

Гвардии красноармеец, комсомолец из 98-й СД бронейщик т. Блинов из противотанкового ружья уничтожил 6 вражеских танков.

Героические дела гвардейцев-комсомольцев [19]43 год

...Гвардии сержант, член ВЛКСМ Сахно из 45-мм пушки 83-го гв. сп., командир орудия (колхозник) подбил 6-ствольный миномет, 2 укрепленных дома, где уничтожил 5 пулеметов и до 40 немцев, под д. Гапкино, представлен к правительственной награде — Красной Звезде.

...Красноармеец, член ВЛКСМ с 1942 г. Сорокин, рабочий из пешей разведки, 88-го гв. сп., 1922, обр. 5 классов, во время приема в партию дал обещание достать «языка», и, когда было дано задание, т. Сорокин под д. Авилово достал «языка» и представил в часть. Сейчас т. Сорокин принят канд. в чл. ВКП(б).

...Кр-ц, член ВЛКСМ Шилин в р-не Ново-Цимлянка из пулемета сбил трехмоторный самолет...

...Кр-ц, комсомолец Ноздрин В. А., 1923, из роты ПТР, в боях за высоту 74, когда шли на него танки, подбил 1 танк и 1 автомашину с фрицами (до 10 чел.).

...Гв. мл. л-т, член ВЛКСМ с 1940, командир взвода ПТР в одном бою лично подбил танк, автомашину, автокухню: награжден орденом Отечественной войны 2-й ст.

...Кр-ц, член ВЛКСМ Сагаяков, ком-р орудия, 76-мм. 59-го артполка 1-го дивизиона, и наводчик комсомолец Мороков подбили 2 танка, танковая атака продолжалась 2 раза, до 25 танков противника, но все же они поста боевого не покинули и дрались до тех пор, когда уже танк подошел вплотную; кр-ц Мороков не растерялся, ухватился за танк и ходил вокруг него. Танк ушел, а сам Мороков вышел невредим, представлен к награде.

...17 января 1943 г. при выполнении боевой задачи комсомолец, секретарь президиума Попов В. С., Корнеев Михаил А. под покровом ночи пробрались в тыл противника, забросали гранатами штаб и 8 зданий, где помещались гитлеровцы, подорвали 7 автомашин, перерезали 4 телефонных кабеля и захватили 4 пленных, 6 лошадей вместе с походной кухней. Все возвратились в свое подразделение.

...Санитарка Архипова Мария, член ВЛКСМ, вынесла с поля боя 48 раненых бойцов и командиров с их личным оружием и оказала им первую помощь.

Центральный архив ВЛКСМ.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВОЙ СЛАВЫ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ 6-ГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КРАСНОЗНАМЕННОГО ПОЛКА

Комсомольцы — отличники учебы

В ноябре 42-го года в село Свишня Орловской области, где формировался 6-й артиллерийский полк, прибывала молодежь Орловской и Курской областей, Белорусской и Таджикской ССР, чтобы объединиться в единый полк, в единую батарею и выполнить наказ Родины.

Формирование полка и последующая учеба показали, что комсомольцы стараются отдать все силы для того, чтобы в кратчайший срок изучить прекрасную технику — пушки и гаубицы.

Перед боем молодежь вступает в комсомол

Стоял июльский жаркий день. Наш артиллерийский полк занимал оборону во втором эшелоне Орловско-Курской дуги в деревнях Гриневка, Протасово. Это первые фронтовые дни для артиллеристов. Здесь в 8 км от фронта они строили прочную оборону: рыли хода сообщения, блиндажи, огневые позиции для орудий.

Разведчики выбирали НП...

...Приступили к работе огневики комсомольцы Алимов, Баранов, Сергеев. Хорошо окопали свои орудия, соединили их ходами сообщения, перекрыли в 3 ряда щели от бомбежек и осколков.

...Следом за комсомольцами Егоровым и Русановым тянулись телефонные нити. Молодой боец Кугаков с искусством ловкого сапера закапывал линию в землю, а где было можно, направлял ее в траншею.

Ну, вот все готово. Вечером 3 июля комсомольское собрание батареи.

Повестка дня: прием в члены ВЛКСМ...

Орловско-Курская битва

...На рассвете 5 июля 43-го года черная свора, скрежеща гусеницами, под звуки бомбовых сирен пошла в наступление.

Но не дрогнули воины Красной Армии, не дрогнули сердца бойцов 6-го артполка. Верные заветам великого Ленина, не щадя сил и жизни, защищали они завоевания Октябрьской революции.

8 яростных атак дали возможность немцам продвинуться только на 1 км.

2-й дивизион занимал оборону в селе Протасовка. Огневые 4-й батареи были направлены на деревню Гриневка. Вечером 4 июля состоялось общепатрульное собрание личного состава.

Повестка дня: 1. Предстоящие бои на Орловской дуге.

В своем докладе командир батареи лейтенант Сонин призывал коммунистов и комсомольцев стоять насмерть на нашем рубеже. В своем выступлении командир первого орудия ст. сержант Кряжевский призывал комсомольцев и молодежь к стойкости и мужеству.

— Нам некуда отступать, наши братья и сестры, отцы и матери стонут под пятой оккупантов. Ни шагу назад! — так закончил выступление пом. наводчика Алимов.

6 июля. Чуть брезжит июльский рассвет. Разведчики комсомольцы Борисевич, Малинин, Старых работают возле наблюдательных приборов, стереотрубы и биноклей...

— Тов. Сонин, ориентир № 2, правее 0,05 4-орудийная 105-мм батарея противника, — доложил комсорг батареи разведчик Крюков.

И первые снаряды полетели по врагу. 5 часов утра. Немцы предприняли артподготовку, и целый день летали снаряды, мины, целый день со свистом сирен падали бомбы. Не осталось 5 кв. м земли, где не упал бы снаряд, не было бы воронки от мины.

Телефонная связь нарушена. В пороховом дыму, в пыли в период бомбежки комсомолец Русанов перебежками, ползком по-пластунски бежал по линии. В 10 м упала бомба. Комсомолец Русанов ранен и контужен. Придя в сознание, связал перебитую телефонную линию и, изнемогая от боли, ползком добрался до НП.

Славный комсомолец не ушел с поля боя, а лишь перевязал рану, остался дежурить у телефона.

В этот день телефонная связь протяжением 1800 м была перебита в 37 местах, и все же батарея вела огонь по целям, выявленным разведчиками. Вечером командир отделения связи комсомолец Купаев обратился к лейтенанту Сониному:

— Разрешите натянуть запасную линию.

— Кабеля-то не хватит.

— Мы пойдем к немцу и принесем.

Так Купаев и Егоров под прикрытием ночи пошли на передний край, нашли немецкий кабель, обрезали длиной 2 км и вытащили за один конец на НП.

...Ночью старший на батарее лейтенант комсомолец Кулеш подводил итоги дня с огневиками. Выпущено 736 снарядов. Отбито 8 атак. Уничтожено: один танк, 2 орудия на прямой наводке. Убито около 500 солдат и офицеров. Подавлен огонь 75-мм батареи 3-орудийного состава и 81-мм минбатареи 3-ствольного состава.

— Молодцы, огневики, объявляю благодарность! — по телефону передал комбат Сонин.

Героическая смерть комсорга Егорова

Каждый кустик, каждый бугорок был пристрелян орудиями 4 батарей. Утром 8 июля разведчики, наблюдая за указанными районами, выявили, что на их участке сосредоточилось много пехоты и танков противника.

— Батареей 8 беглых. Огонь! — раздалась команда комбата. Заработали расчеты, полетели снаряды. Они точно накрыли более 300 солдат и 9 ползущих танков. С общим гулом слились 2 сильных взрыва. Среди дыма и пыли были заметны 2 пламени, охватившие в свои объятия немецкие танки.

Последовала следующая команда:

— Батареей 6 беглых. Огонь!

И в течение часа от дыма здесь не было видно ни одного танка, кроме 3 горящих «тигров».

В этот день батареей отбито 11 атак полупуляных немцев, сожжено 4 танка и уничтожено более 150 немецких солдат и офицеров. Здесь, в районе Протасовка, в ложине, что идет северо-восточнее деревни, погиб храбрый и смелый комсомолец связист Егоров.

На линии его ранило в ногу, но раненый не вернулся назад. Он полз, оставляя кровавый след, к месту прорыва. Связал 2 конца перебитого провода, но здесь, в 5 м от линии, в эту минуту упал вражеский снаряд. Осколком снаряда был насмерть убит решительный и смелый комсомолец Егоров...

Бои в Сталинграде. 1942 г.

Разведчик и телефонист

После ликвидации Яско-Кишиневской группировки наши войска продолжали стремительное наступление на запад — ломали промежуточные рубежи обороны противника.

Наш полк, пройдя предгорья Карпат, вышел в район города Турно-Северин (Румыния). Под ударами наших частей немецкие войска были выброшены за реку Дунай на 15 км за село Слатина (Югославия).

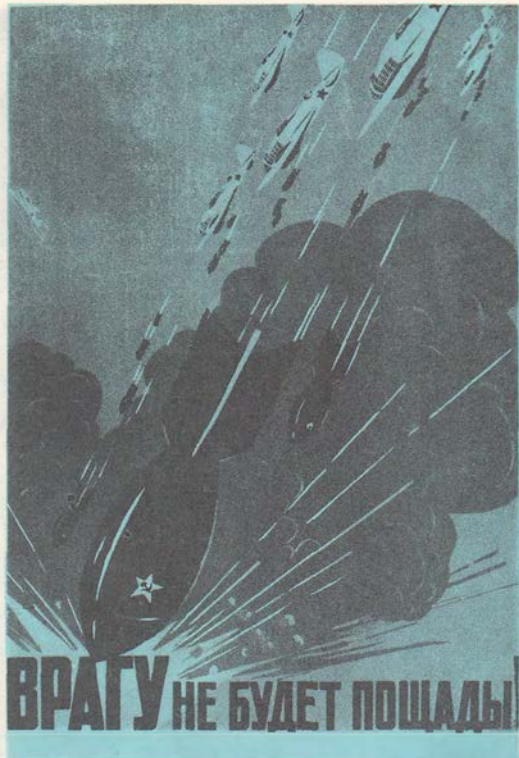
Немецкое командование поставило своей целью выбросить наши части за Дунай, тем самым ликвидировать наш плацдарм на правом берегу. С этой целью собрало большие силы пехоты, танков и артиллерии.

Над дунайскими равнинами разнеслось ответное эхо нашей артиллерии.

Впереди своих бойцов был разведчик Тюков, своевременно выявлял цели противника, докладывал об огневых средствах и их расположении. Противник обнаружил НП, и прицельным огнем из танка было разрушено НП, одновременно был ранен осколком разведчик Тюков. Его заменил телефонист Савин. Наблюдая за взрывами наших снарядов, сам же по телефону результаты передавал огневицам.

Следующим артиллерийским налетом был ранен Савин. Он, сообщив последние цели командиру орудия, только тогда покинул НП.

Благодаря наблюдению Савина и Тюкова точно и метко вело огонь орудие, где наводчиком комсомолец Семин. Его 122-мм

орудие клало точно снаряды по атакующим цепям пехоты и рычащим танкам противника. Борясь с немецкими танками, комсомолец Семин подбил 1 самоходку. Не удалось немцам выполнить свой замысел. Их планы разбились о стойкость наших бойцов, о силу воли наших комсомольцев.

Комсомолец Быстров заменил весь расчет

Командиру расчета Герою Советского Союза Захарову был дан приказ занять огневые на высоте 333, но, перейдя в контратаку, противник опередил расчет Героя. Решительный командир с наводчиком Быстровым установили орудие на прямой наводке слева от дороги и метким огнем уничтожили одну минбатарею, 2 станковых пулемета и около 30 гитлеровцев.

У орудия Головина весь расчет был выведен из строя. По приказу командира комсомолец Быстров был переброшен туда.

Находясь один у орудия, отважный ком-

сомолец вел губительный огонь по немецкой пехоте, тем самым дал возможность всей батарее переместиться на новые огневые позиции. И только с разрешения командира батареи, под пулеметным огнем на 4 лошадей комсомолец Быстров вытащил свое 122-мм орудие.

Герой-комсомолец награжден медалью «За отвагу».

Центральный архив ВЛКСМ.

ПУТЬ К СЛАВЕ

Из книги боевой славы
930-го Комсомольского авиационного полка

На краю селения, под низкорослыми деревьями стоят легкие бомбардировщики У-2. За селением — поле. Его нельзя назвать аэродромом. Это маленькая площадка. Днем над ней никого не видно. Только механики и оружейники суетятся у само-

летов. Они получают боевые задачи и взлетают в ночное небо. Но до линии фронта отсюда, как говорят, рукой подать. Отчетливо слышен гул артиллерийских орудий, а порой вдруг запылывает зарево пожара: горит склад с горючим или боеприпасами — результаты ударов летчиков-ночников по переднему краю немцев.

Так работает Комсомольский авиаполк легких ночных бомбардировщиков У-2. Командир его — член Центрального Комитета ВЛКСМ майор Михаил Дмитриевич Еренков.

Полк сформирован по инициативе Центрального Комитета ВЛКСМ и по своему составу был назван Комсомольским...

Боевое крещение полк получил в июле 1942 года под Ржевом, когда велись активные боевые действия. Враг стянул тогда на Центральный фронт большие силы и готовился к новому броску на Москву. Наши войска наносили врагу удар за ударом и заняли несколько населенных пунктов. Летчики Комсомольского полка оказывали нашим наземным войскам большую помощь. С наступлением темноты появлялись они над передним краем немцев и до рассвета не давали им ни минуты покоя. Они летали также в ближние тылы неприятеля, разрушали с воздуха полотно железных дорог, уничтожали эшелоны с боеприпасами и продовольствием, срывали движение автотранспорта по шоссе и грунтовыми дорогам, взрывали мосты и переправы немцев.

...Летный состав полка был молод. Большинство летчиков пришли со школьной скамьи. И командир со своим заместителем упорно и настойчиво прививали комсомольцам стремление постоянно учиться в боях и извлекать уроки из каждого боевого вылета. После первых же полетов была проведена тактическая конференция с соседним полком ночников, имевших уже боевой опыт.

Тактические конференции, проводившиеся несколько раз, и систематические разборы ночных полетов явились школой по изучению и обобщению боевого опыта.

...Осенью 1942 года, когда метеорологические условия ухудшились, основной работой полка была разведка. Комсомольцы летали в ближний тыл врага и вели непрерывные наблюдения за его перевозками по железным и шоссе дорогам, а также наносили бомбовые удары по скоплениям войск, складам с горючим, с боеприпасами и продовольствием...

Летчики Комсомольского полка производили разведку не только ночью, но и днем. Как-то раз надо было уничтожить скопление немецкой пехоты. С этой задачей вылетел на своем У-2 младший лейтенант Даев. Он пересек линию фронта, маскируясь в облаках. Но вот самолет стал обледеневать. Даев опустил его и пошел ниже облаков. И тогда с земли со всех сторон потянулись к самолету огненные трассы. Даев видел это, но, маневрируя, продолжал выполнять задание. Возвратившись на аэродром на продырявленной во многих местах машине, он доложил ценные сведения. Через полчаса наши артиллеристы мощным огнем уничтожили до полка немецкой пехоты, а еще через час Даева вызвал генерал...

Много еще можно рассказать также о боевых делах Климова и Трушкина, Жарликова и Муратова, Анисимова и Томилова, Шабалина и Угроватова. Это они доставляли боеприпасы и продовольствие нашим частям, находившимся в тылу вра-

га, и поддерживали связь с ними, а во время бездорожья подбрасывали боеприпасы и продукты передовым частям, садясь у самой линии фронта под огнем артиллерии и минометов противника.

В ноябре полк принимал активное участие в операции по освобождению города Великие Луки...

В первые же месяцы боевой работы комсомольцы с честью оправдали название своего полка и доверие Центрального Комитета ВЛКСМ. Попытка немцев начать новое «генеральное наступление» на Москву была сорвана. В этом успехе есть доля и летчиков Комсомольского полка.

Шефы полка

...Комсомол Татарской АССР взял шефство над полком.

В конце августа 1942 года шефы прислали в полк свой первый подарок: шесть новых самолетов, построенных на средства молодежи...

В начале октября 1942 года в полк пришла от шефов делегация с новыми подарками...

Еще один самый ценный подарок вручили делегаты летчикам — шефское Красное знамя...

Через месяц в полк пришло известие: комсомольцы и молодежь Татарской АССР приобрели на свои средства еще десять самолетов и просят своих подшефных друзей приехать за ними.

Полк заслужил эту заботу своих шефов. В первые же два месяца летчики-комсомольцы совершили свыше двух тысяч ночных боевых вылетов и нанесли противнику большой урон. Бомбардировочными действиями они подавили огонь 39 артиллерийских и минометных батарей, разрушили 15 переправ, создали 83 очага пожара в тылу врага, взорвали два склада с боеприпасами и горючим, разгромили штаб армейского корпуса противника, разбросали среди вражеских войск свыше полтора миллионов листовок. Кроме этого, полк выполнял много специальных заданий командования, в том числе подготовил свыше 400 парашютистов для десантных войск...

Полеты к партизанам

В декабре 1942 года Комсомольский авиаполк завязал тесную связь с партизанами Белоруссии и Калининской области...

Отважные комсомольцы, забрасывая пар-

тизанам оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, сами стали, таким образом, народными мстителями...

Партизаны находились около 140 километров от линии фронта в тылу врага. Приходилось брать с собой запасной бачок с горючим, чтобы дозаправить самолет в обратный путь. Старший лейтенант Кричевский и штурман Томилов обычно летели первыми. Они садились на площадку и давали подходовым вслед за ними экипажам условный сигнал ракетой, что немцев нет, можно производить посадку.

Был случай: летчики садились на площадку, когда немцы окружили партизан. Пришлось производить посадку и взлет под пулеметным огнем противника. Кричевский выделил экипаж Федорова для прикрытия, и его штурман Угроватов огнем пулемета заставил молчать немцев до тех пор, пока экипажи закончили разгрузку всего привезенного.

Одно время снежные метели несколько ночей подряд не давали подняться в воздух. От партизанского отряда не было известий. Когда непогода прошла, Кричевский, как всегда, вылетел первым. Но когда стал садиться, то увидел бегущих к самолету немцев. Оказывается, партизаны переменили место стоянки, а немцы охотились за группой Кричевского. Партизаны рассказывали потом летчикам, что гитлеровцы даже оценили в значительную сумму голову каждого. Это показывает, как насолили им комсомольцы.

...В полку хорошо запомнился интересный случай, который произошел с летчиком майором Чернобуровым и штурманом старшим лейтенантом Глинкиным. Их самолет был подбит огнем зенитной артиллерии, и они произвели посадку на территории, занятой врагом. Через двое суток крестьяне провели их к партизанам. Но у летчиков не было документов, и вначале к ним отнеслись с подозрением. Потом дежурный по штабу предложил начальнику:

— Товарищ начальник, спросите их о Кричевском. Если они и вправду советские летчики, то должны знать его.

Доверие партизан было восстановлено...

133 полета с посадкой в тылу врага и 60 полетов на сбрасывание грузов партизанам совершила группа Кричевского. Славная боевая работа летчиков и штурманов — комсомольцев оценена по заслугам. Все они награждены орденами, а также медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Механики, обслуживавшие самолеты этой группы, комсомоль-

цы Варламов, Хаилов, Коваль и Холоденко награждены медалями «Партизану Отечественной войны» 2-й степени...

За Украину

Комсомольский авиаполк прибыл на наш фронт 13 августа прошлого [1943] года, в те дни, когда велись ожесточенные битвы уже на украинской земле. И в первую же ночь легкие бомбардировщики У-2 пошли на выполнение боевых задач...

Бывший механик, а сейчас отважный летчик лейтенант Михаил Николаев написал песню. В этой песне есть такие слова:

Партией вскормленные,
В битвах закаленные,
Мы перед Отчиной
Выполним свой долг.
И силен и молод —
Гордость комсомола —
Авиационный Комсомольский полк.

...Ночью, когда пять экипажей находились в воздухе, аэродром был внезапно закрыт густым туманом. Младший лейтенант Шабалин, выполнив задание, первым возвратился домой. Но садиться было нельзя. Взяв курс по ветру, он обогнал туман, выбрал ровную площадку и сел. Это было убранное от посева поле. Зная, что друзья тоже не смогут сесть на своем аэродроме, Шабалин осмотрел площадку и стал давать ракеты. Вот и знакомый шум мотора У-2. Шабалин и штурман Костров зажгли солому и выложили посадочные знаки по всем правилам ночного старта.

У-2 сел. Это был Жарликов. Вскоре на «аэродром» Шабалина приземлились все пять машин.

Утром туман рассеялся. Шабалин выпустил машины в воздух, последний взлетел сам. Впоследствии на эту площадку не приходилось производить посадки, но все штурманы поставили на картах точку и подписали: «Аэродром Шабалина».

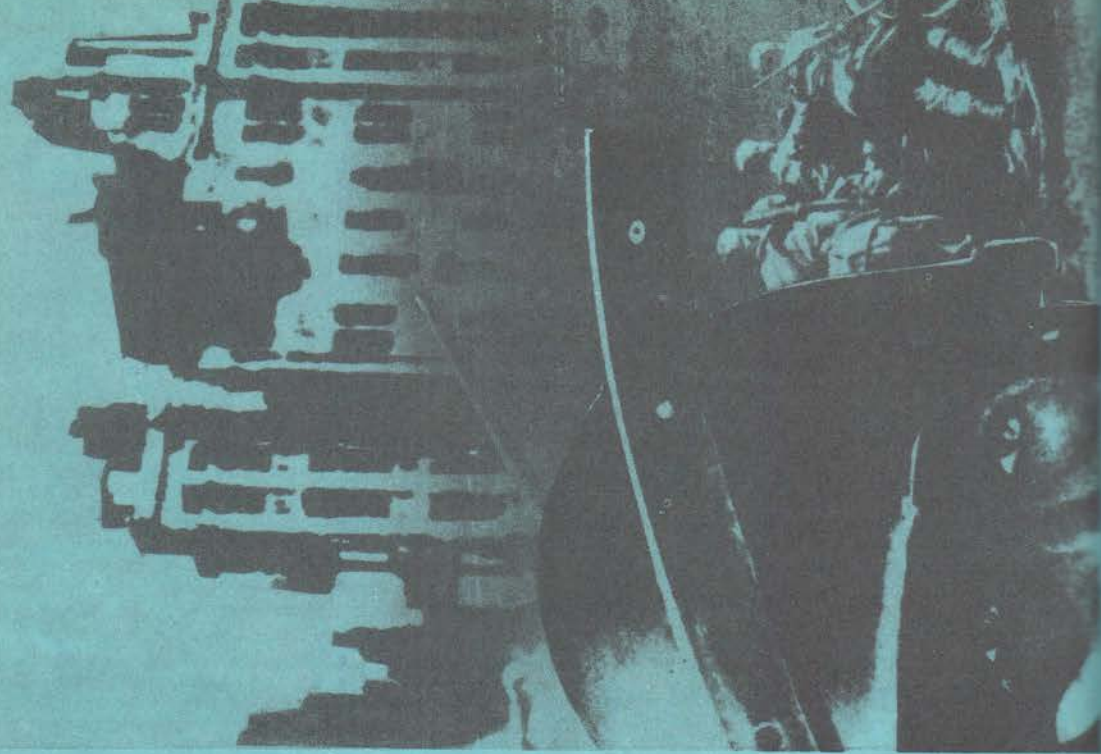
...В ночь на 14 октября легкие бомбардировщики совершили налеты на вражеский аэродром около населенного пункта Березовка. Ночь была лунная. Аэродром охранялся множеством зенитных орудий. Шесть прожекторов бороздили ночное небо. Но ничто не могло помешать комсомольцам в выполнении боевой задачи. Группами по 8—10 самолетов с небольшими интервалами подходили они к цели, пробивались сквозь зенитный огонь и наносили точные удары.

В одном из налетов штурманы младшие лейтенанты Муратов и Ланцов были тяжело ранены. Они сообщили об этом своим летчикам и указали, как скрытно выйти на свою территорию. Но летчикам Жарликову и Шмелеву не удалось довести самолеты до своего аэродрома. Машины были также сильно повреждены осколками снарядов. Пришлось сесть на вынужденную. Оказав необходимую помощь раненым друзьям, Жарликов и Шмелев сумели сами устранить повреждения на самолетах и с рассветом прилетели домой.

Центральный архив ВЛКСМ.

1945

За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и за большую работу по воспитанию советской молодежи в духе беззаветной преданности Отечеству наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина.

Наша молодость была
не длинной,
Покрывалась ранней
сединой.
Нашу молодость рвало
на минах,
Заливало таллиннской
волной.

Наша молодость началась
тараном —
Сокрушить германский
самолет.
Чтоб огонь ослабить
ураганный —
Падала на вражий
пулемет.

Прямо сердцем дуло
прикрывая,
Падала, чтоб армия
прошла...
Страшная, неистовая,
злая —
Вот какая молодость была.

Ольга Берггольц

Герой Советского Союза
Николай Гастелло.

Герой Советского Союза
Виктор Талалихин.

На строительстве
оборонительных укреплений
под Москвой. 1941 г.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

Александр
Твардовский

Руководители подпольной
комсомольской организации
«Молодая гвардия»:

Герой Советского Союза
Ульяна Громова.

Герой Советского Союза
Любовь Шевцова.

Герой Советского Союза
Олег Кошевой.

Герой Советского Союза
Сергей Тюленин.

Герой Советского Союза
Иван Земнухов.

Иван Туркенич.

Виктор Гретьякенич.

Герой Советского Союза
Марите Мельникайте.

Когда б не бой, не вечные
исканья
крутых путей к последней
высоте...

Николай Майоров

Колхозница А. П. Гныш
проживает вуков-
партизан на боевое задание.
БССР, 1944 г.

Герой Советского Союза
Юрий Смирнов.

Еще война. Но мы упрямо
верим,
Что будет день — мы
выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь
раскроет двери,
С рассветом новым встанет
тишина.

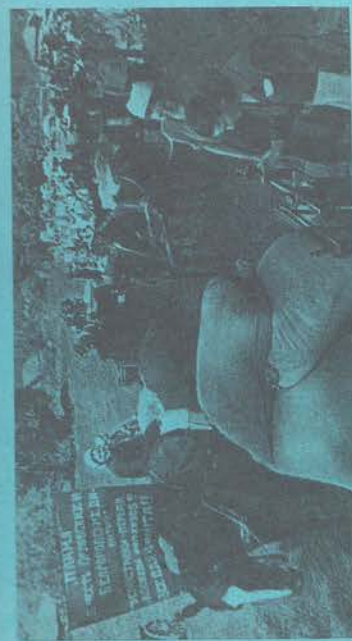
Георгий Суворов

В Сталинграде.

Красный обоз колхоза
«Шлаги», 1943 г.

Герой Советского Союза
Людмила Павличенко.
Севастополь, 1942 г.

Комсомольцы передают
готовые танки танковому
экипажу, прибывшему
с фронта, 1942 г.

Грамота Президиума
Верховного Совета СССР
о награждении комсомола
орденом Ленина. 1945 г.

Примечание: при просмотре

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СФСР
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССРСР
ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ
НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СССР, ЮКОЗ, ВОСТОЧНАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ОБЛАСТЬ, АЛТАЙСКИЙ КРАЙ, ЧУКОТКА,
РЕСПУБЛИКА ТУВА, ЧИТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
КАМЧАТКА, КОЛЫМАНСКО-ТАТАРСКИЙ
КАНТОН, ЧУКОТСКИЙ РАЙОН

ГРАМОТА

ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

на основании письма отряда добровольцев Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровских захватчиков из числа добровольцев, вышедших из числа учащихся, в числе выдающихся заслугами отличившихся, Указом от 16 июня 1945 года назначен Всесоюзным Ленинским Коммунистическим союз молодежи

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Михайла Президиума Верховного Совета Союза ССР
Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР

КОСЫН-ЖЕЛМА, 16 июня 1945 г.

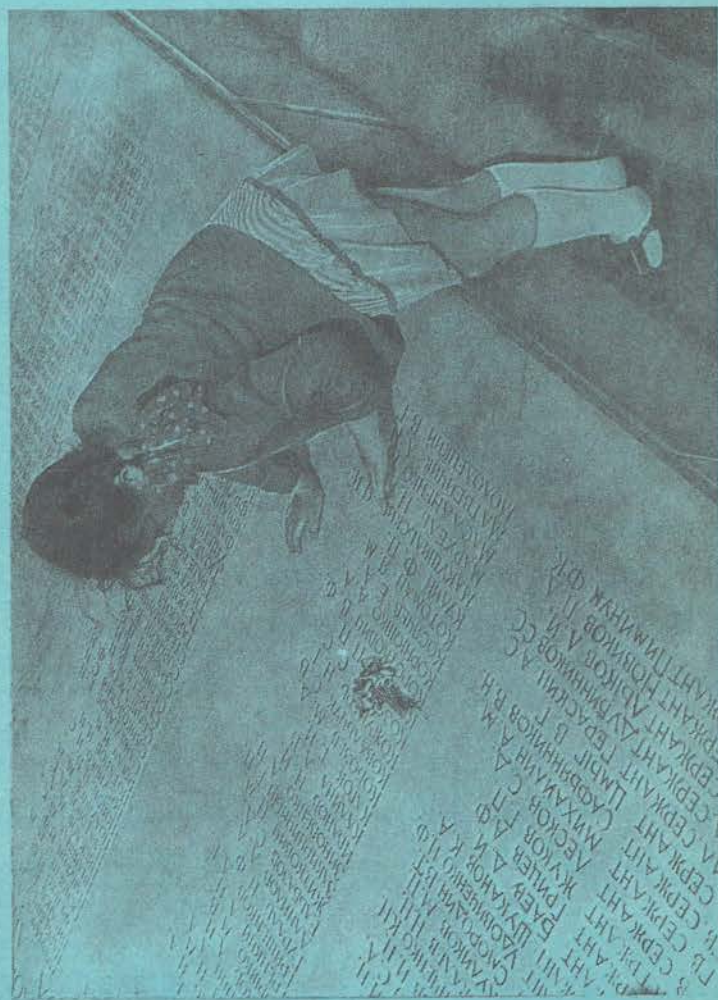
М.М.С.С.С.

Герой Советского Союза
Михаил Егоров.

Герой Советского Союза
Мелитон Кантария.

Свой добрый век мы
прожили как люди —
и для людей.

Георгий Суворов

В тылу врага

В последние годы значительно возросло число изданий, публикующих те или иные документы о славном героическом прошлом советского народа. Подвиги комсомольцев на фронтах Великой Отечественной войны освещены многообразно и ярко. Документов же о борьбе молодежи в тылу врага опубликовано значительно меньше. Недостаточно опубликовано, в частности, документов о борьбе смоленских партизан, внесших существенный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине. По указанию и под руководством партии в Смоленской области были созданы многочисленные партизанские группы и отряды, которые, слившись впоследствии, образовали партизанское соединение. Во главе его был поставлен один из выдающихся организаторов и руководителей партизанской борьбы на Смоленщине, старый коммунист, партизан еще времен гражданской войны Н. З. Коляда (партизанская кличка «Батя»).

Соединение состояло из 30 партизанских отрядов, 23 из которых были объединены в бригады. В одном из отрядов сражался 17-летний комсомолец Владимир Куриленко. В годы Великой Отечественной войны он был одним из первых комсомольцев-партизан удостоен звания Героя Советского Союза.

К сентябрю 1942 года соединение «Бати» насчитывало около 2400 человек. Соединение провело сотни боевых операций; были уничтожены тысячи фашистов, сотни автомашин и т. д. Большая заслуга принадлежит этому соединению в создании на северо-западе Смоленской области партизанского края. Осенью 1942 года партизанского соединения «Бати» сорвали замысел немецкого командования, которое стремилось окружить и ликвидировать через «Слободские ворота» 4-ю ударную армию.

Часть бригад соединения «Бати» волилась в подразделения 4-й ударной армии, а другие продолжали действовать в тылу врага вплоть до 1944 года.

Публикация данных документов осуществляется впервые. Ранее был издан ряд сборников статей и документов, характеризующих деятельность смоленских партизан, но о деятельности соединения «Бати» мы находим только отдельные сведения в сборнике «Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины 1941—1943 гг. Документы и материалы», Смоленск, 1962. При составлении вышеназванного сборника документов исследователи использовали лишь документы крупнейшей архивной Смоленской области; ими совершенно не учтены документальные материалы, хранящиеся в отделе рукописных фондов Института истории АН СССР, в Центральном архиве ВЛКСМ.

Нижеприведенные документы рассказывают о подвигах комсомольцев соединения «Бати», героически боровшихся против немецко-фашистских оккупантов.

Публикация подготовлена Н. Андреевой, публикация документов Центрального архива ВЛКСМ Е. Щагиной.

Приказ № 8 командира соединения «Бати» партизанским бригадам о присвоении отряду Шлапакова имени Володи Куриленко

27 мая 1942 г.
д. Корево

13 мая 1942 года смертью героя погиб комсомолец-партизан, секретарь президиума ВЛКСМ отряда № 5, где командир отряда ст. лейтенант Шлапаков И. Р., — КУРИЛЕНКО Владимир Алексеевич¹. Воспитанник комсомола, преданный сын Родины, Владимир Куриленко с начала Отечественной войны стал активным борцом против фашистских мерзавцев. Еще в сентябре 1941 года Володя собирает оружие, снабжает им партизанские отряды и организует налеты на немецкие машины. В партизанском отряде тов. Шлапакова Куриленко проявил себя как один из лучших бойцов — патриот Советской Родины.

Участвуя в боевых операциях отряда, он является примером героизма, мужества и отваги. В ночь на 30 марта на железной дороге Смоленск — Витебск, между станциями Куприно — Лелеквинская вместе с Ивановым Константином спустили под откос эшелон с фашистскими солдатами и этим положили начало боевой диверсионной работе на этой железной дороге. За полтора месяца Володя Куриленко спустил под откос 5 немецких эшелонов с воинскими грузами и людским составом и один паровоз. В последнюю свою операцию Володя Куриленко спустил под откос немецкий пассажирский поезд, где было уничтожено свыше 300 немецких солдат и офицеров.

За время операций уничтожено свыше тысячи солдат и офицеров. Возвращаясь с этой операции в д. Салинки, группа Володи была окружена фашистским карательным отрядом. Приняв неравный бой, Володя Куриленко был дважды ранен. Изнемогая от боли и истекая кровью, Володя со своей группой прорвал вражеское окружение, но раны его оказались смертельными, и он погиб на боевом посту.

Не стало боевого товарища, но его героически-мужественный отряд² будет веч-

¹ Надо Тимофеевич.

² В тексте опечатка. Следует читать «образ»

Комсомольское собрание в партизанском отряде имени Котовского, БССР, 1943 г.

но в наших сердцах, будет служить примером сотням и тысячам советских патриотов, борющихся против немецких оккупантов за нашу великую Родину, за нашу землю.

Удовлетворяя просьбу партизан отряда т. Шлапакова, приказываю:

§ 1

Присвоить отряду т. Шлапакова имя Володи Куриленко.

§ 2

Всему личному составу отрядов в борьбе с фашистскими оккупантами следовать героическому примеру Володи Куриленко.

Приказ довести до всего личного состава отрядов.

Командир партизанских отрядов «Батя»
Комиссар п/о Соколов
Начальник штаба
лейтенант Журавлев

Воспоминания Бати, командира партизанских отрядов Северо-западных районов Смоленской области

Он стоит перед моими глазами, как живой, — простой русский парень, каких тысячи, голубоглазый, русоволосый. Был он совсем молод — в партизанском отряде ему исполнилось 17 лет. А ведь какую жизнь прожил и какую память оставил по себе!

Не забудут его смоленские партизаны — товарищи его уже присвоили своему отряду имя Володи Куриленко, и бес-

пощадно мстит этот отряд фашистским извергам за смерть славного патриота.

Будет помнить проклятый враг о Володе Куриленко, дорого обошлась фашистам жизнь комсомольца!

О жизни его должна узнать вся молодежь, весь народ великой нашей Родины. Он был верным ее сыном...

Родился Володя Куриленко на Витебщине, в селе Бабиничи. Отец и мать его — оба учителя. Рос он, как миллионы советских детей. Был октябренок, был пионером, в 1938 году вступил в комсомол. Белоручкой не был. Деревенский

мальчик, он умел делать всякую сельскохозяйственную работу. В школе считался лучшим общественником. Увлекался техникой.

С детства любил оружие, военные игры. Мечтал о подвигах. И, нетерпеливо стремясь мечты свои превратить в дело, создал из школьников отряд юных моряков, хотя и моря там никакого не было, а только река, так и называли этих «моряков» — Володин отряд.

Вырасти бы ему в хорошего гражданина нашей страны. Кончая школу, решил он посвятить себя военному делу; собирался в военно-инженерное училище. Да не пришлось...

Вражеская орда ворвалась в тот район, где жил Володя. Гитлеровские разбойники шли поработить свободный советский народ, уничтожить советский строй, все то, чем жил Володя.

Он встретил фашистов с оружием в руках. В школе выучился метко стрелять, теперь это пригодилось. Со своим отцом и с братом, 15-летним Геннадием, он из засады обстрелял из пулемета передовой отряд немцев — в панике фашисты повернули, наткнулись на регулярные части Красной Армии и были разбиты.

Это было началом партизанской жизни Владимира Куриленко. Как в школе он командовал своими «юными моряками», так и теперь он собрал вокруг себя сверстников, деревенских юношей, образовал молодежный отряд. И повел его мстить заклятому врагу за поруганную родную землю.

В это время — это было летом прошлого [1941] года — фрицы нагло разъезжали по деревням оккупированного района, думая, что им черт не брат. Территорию трех сельсоветов объезжала машина за молочной данью: фрицы отбирали у колхозников все молоко. Но однажды, когда машина с бидонами шла по лесной дороге, из-за кустов раздалась выстрелы. Володя со своим отрядом вступился за обиды колхозников. Немецкий офицер и солдат были убиты. «Молочные грабители» больше не решались показываться. А колхозники долго не знали имен своих заступников...

Никто не подсказывал этим юношам, почти мальчикам, что именно надо делать, как и где бить врага. Никто не обучал их раньше военному делу, партизанской жизни в лесах, в невероятно трудных условиях, во вражеском тылу. Ненависть,

святая ненависть к фашистским извергам, любовь к Родине и молодая смелость вели юных мстителей.

Они уничтожали фашистов поодиночке и маленькими группами, добывали оружие, расстреливали машины на большаках, проселках. Однажды, когда два наших танковых экипажа попали в окружение, Володя пробрался к ним, сообщил о движении немецкой автоколонны, указал танкистам удобное место для засады и вместе с ними вступил в бой с наступающим, во много раз численно превосходящим противником.

Прежде всего помогать Красной Армии, спешить на выручку товарищам — этим важным партизанским закопедам не надо было обучать Володю, они были у него в крови, привитые всем воспитанием советского юноши.

Осенью немцы двинули специальные отряды карателей на горстку отважных товарищей Куриленко. Юноши были окружены, многие попали в руки немцев. С безумной дерзостью ускользнул Володя из-под самого носа фашистов.

Некоторое время он скрывался в одной из деревень. Но не таков он был, чтобы сидеть сложа руки. Он смонтировал радиоприемник, принимал советские радиопередачи, сводки Информбюро и, обходя район из конца в конец, оповещал о них колхозников.

В ту пору много отрядов и небольших партизанских групп по несколько человек бродило в смоленских лесах. Володя связывался с ними, доставал им оружие. Он переходил фронт и доставлял важные сведения частям Красной Армии. Не раз с двумя-тремя товарищами он вступал в бой с фашистами, и, когда отходил, расстреляв все патроны, на нашей советской земле становилось несколькими фрицами меньше.

Ему предлагали оставаться с регулярными частями Красной Армии. Но он предпочитал трудную, опаснейшую работу в немецком тылу.

Когда он вступил в один из наших отрядов, мы увидели уже зрелого, закаленного бойца, скромного, дисциплинированного — быстро растут, быстро мужают люди на войне и в партизанской жизни!

Много оружия он доставил нашим партизанам. До сих пор один из отрядов бьет врага из четырех пулеметов, доставленных Володей. Тут было трофейное оружие, отнятое у немцев, тут было оружие,

добытое в лесах, под снегом, где лежало оно со времени прошлогодних боев. У Куриленко были золотые руки. Как любовно, как ловко приводил он в порядок, разбираал, собирал, исправлял негодное оружие, счищал ржавчину, въевшуюся за месяцы лежания в сырости в земле, в снегу!

Он был неутомим. Мы, старые партизаны, удивлялись неиссякаемой энергии этого паренька. Не бывало так, чтобы он ничего не делал в ожидании задания. Помню, едва вернувшись с одного трудного, опасного задания, он, не заходя в палатку, отпросился на другое, еще более опасное и сложное, — план выполнения этого задания уже был разработан им во всех подробностях. Партизаны немногословны и нехвастливы. Выполнив свое дело, Володя скупко сообщал: «Еще четырех фрицев не стало». Был он бесстрашен, но светлая голова, так обдумывал самые дерзкие свои операции, что врагу не поздоровится, а сам с товарищами уйдет невредимым.

Скоро он командовал у нас партизанским взводом, и опытные командиры могли бы поучиться у него приемам партизанской борьбы.

Был он чутким, любящим товарищем, всегда готовым подать руку помощи. Много значит это в суровой нашей жизни. И его любили все. Незадолго до его гибели комсомольцы избрали его секретарем президиума ВЛКСМ.

Немало сделал он за десять месяцев своей партизанской жизни славных дел. Он выбирал себе самые трудные, самые опасные, самые большие дела.

С немногими товарищами разгромил он полицейско-фашистский аппарат в двух созданных оккупантами волостях — Мало-Дубровенской и Каменской.

Возвращаясь в партизанский край из частей Красной Армии, он, перейдя фронт, наткнулся со своим товарищем лейтенантом Гераськиным на два немецких артиллерийских расчета. Советские патриоты бесстрашно вступили в бой. Смертью отважных пал Гераськин. Но оба артиллерийских расчета были выведены из строя.

Куриленко взрывал мосты на железных дорогах, и наши летчики бомбили скопления фашистских эшелонов на станциях.

Вспоминаю одну операцию, проведенную им 13 апреля. Была весенняя распутица, последний снег набух талой водой, по-

ля стали болотами, река отрезала путь к цели. Володя настойчиво вел своих двух товарищей. По шаткому весеннему льду перешли реку. Пересекли бурный ручей, мокрые по пояс подобрались к мосту. Когда закладывали кеглю, наблюдающий сигнализирует: идет немецкая машина. Володя решил и работу на мосту закончить и машину подбить. А ведь место такое, что кругом немцы. Залегли прямо в воду. Володя был совершенно спокоен (иным и не видали его партизаны). Свет фар машины побежал по воде, Володя вынул гранату. Машину подкинуло, но она все двигалась. Тогда трое партизан обстреляли ее. Четырех немцев убили, пятерых ранили. Уже бежала, беспорядочно стреляя, толпа полуодетых немцев из соседнего поселка (до него рукой подать), а партизаны ползком, по воде, по болоту скрылись и были таковы.

«Люблю чистую и большую работу», — не раз говаривал Володя. Он взялся за самую сложную — подрыв фашистских эшелонов.

Немцы охраняют магистрали, надо обходить десятки километров, чтобы подыскать удобное место, долгими часами таиться, зарывшись в снег (дело было зимой), чтобы улучшить момент, заложить взрывчатку. Володя ни перед чем не отступал. Четыре эшелона пустил Володя под откос, пятым был взорванный Володей паровоз.

Последний раз он уничтожил воинский поезд в ночь на 13 мая. Отойдя несколько километров, ненадолго остановились партизаны в деревне Салинки. Тут фашисты окружили хату, где был Володя с двумя товарищами, и стали обстреливать. Володя был ранен в голову и живот. Но до конца не сдавались партизаны. С дерзкой смелостью привели они фашистов в замешательство, выскочили через окно и уже прорвались через вражеское кольцо, уже ушли, но по дороге к своим, на телеге, умер от потери крови Владимир Тимофеевич Куриленко, славный партизан, доблестный комсомолец-патриот.

Тысячу фашистов истребил он. Тысяча подлых вражеских жизней — вот цена его жизни.

Никогда не победить, не поработить нас подлому врагу, когда есть у нас такие люди!

На место Володи Куриленко стали в нашем партизанском краю новые мстители. Нас теперь много в смоленских лесах.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!**К МОЛОДЕЖИ РАЙОНОВ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

(Обращение комсомольской конференции партизан Слуцкой зоны)

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ, ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!

Два года как народы Советского Союза ведут напряженную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В ходе боев на советско-германском фронте полностью провалились авантюристические планы германских империалистов, рассчитанные на порабощение народов Советского Союза.

В героической борьбе, которую ведут народы нашей страны, комсомол, вся советская молодежь отдадут все силы и жизнь, отстаивая честь, свободу и независимость своей Родины.

Неувядаемой славой овеяны боевые дела молодых защитников Севастополя, Одессы, Ленинграда, Сталинграда. Из каждого пяти комсомольцев Ленинграда четыре ушло на фронт.

В момент, когда Красная Армия в союзе со всеми свободолюбивыми народами мира готовилась нанести решающий удар по немецко-фашистским полчищам, мы молодые советские патриоты Слуцкой зоны, борющиеся за скорейшее освобождение нашей белорусской земли от фашистских мерзавцев, обращаемся ко всей молодежи районов Минской области.

ЮНОШИ И ДЕВУШКИ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Вы являетесь свидетелями и жертвами неслыханных злодеяний немецко-фашистских людоедов, творимых на нашей белой русской земле, почему Вы равнодушно смотрите на кровавадых фашистских гадов, заливших всю белорусскую землю кровью наших советских людей, до каких пор Вы будете терпеть немецких палачей?

К мести ненавистным оккупантам зовут Вас тысячи расстрелянных, заживо сожженных, изуродованных мучительными пытками Ваших братьев и сестер, отцов и матерей.

К мести зовут Вас ваши братья и сестры, увезенные на немецкую каторгу.

Отостим же за девушку Надю из Узденского района и тысячи других, увезенных фашистами в Германию, которые в письмах домой завидуют своим давно умершим братьям и сестрам.

Отостим же за смерть патриота, недавно повешенного фашистскими палачами в Слуцке, мужественно умирая который сказал: „Знай фашистская гадина, Красная Армия придет и тогда ты будешь висеть на этой веревке“.

Смотри на обороте

Обращение комсомольской конференции партизан Слуцкой зоны к молодежи районов Минской области. Листовка издана в тылу врага.

Нас многие тысячи. С каждым днем нас становится все больше. Знают гитлеровские разбойники, что недолго им еще поганить нашу землю. И ничто им не поможет — ни пытки, ни виселицы, ни карательные отряды, ни страшные зверства в захваченных городах и деревнях.

Пусть же захлебнутся в своей черной крови захватчики на нашей священной земле!

Б А Т Я,

командир партизанских отрядов Северозападных районов Смоленской области

Центральный архив ВЛКСМ

Приказ пом. начальника штаба партизанских отрядов «Бати» Однолеткова командирам и комиссарам бригад о получении литературы и распространении среди местного населения в тылу противника

16 июля 1942 г.

Командир п/о приказал:

Выслать по одной повозке с представителем от каждой бригады для получения агитационной литературы.

Вышеуказанную литературу распространить среди местного населения, в глубоком тылу противника, а также и среди немецких солдат, применяя для этого всевоз-

Партизаны перед казнью.

возможные методы, как-то: путем запаковки в бутылки и пускания их по водным массивам, расклеивания их диверсионными группами и т. д.

Листовки «Вести с Советской Родины» от 19 июля и «Итоги года войны» довести до сведения каждого партизана и местного населения путем проведения бесед и митингов.

Срок явки за получением строго к 10.00 17/07 1942 г.

Пом. начальника штаба п/о лейтенант (Однолетков)

ОРФ Института истории АН СССР, ф. ВОВ, раздел II, оп. 22, д. 5, л. 29.

Донесение командира 5 п/бригады Шлапакова командиру партизанским соединением «Бате» о боевых действиях партизан

22 августа 1942 г.

Доношу, что высылаемая диверсионная группа в район ст. Присельская 12/08 1942 года, старший группы Куряков Алексей, возвратилась. 17/08 1942 г. в 6.00 группа заминировала полотно железной дороги, идущей из Смоленска на Ярцево, в 4 км от ст. Присельская к Ярцеву, и в этот момент показался товарный эшелон. Старший группы Куряков, видя, что пер-

Д О Н Е С Е Н И Е .

За период боев с регулярными частями и карательным отрядом противника с 24 декабря 1942г. по 6 января 1943г. группа подрывников 3-го отряда [redacted] приняла самое активное участие

в отражении натиска противника.

Подрывниками-минерами отряда [redacted] совместно с 3 и 4 отрядами нашей бригады в районе деревень [redacted] созданы минные противопехотные поля, на которых взорвалось 30 человек немецких солдат.

Оторванная миной рука немецкого солдата висела на сучьях до 31 декабря как свидетельство удачных работ баокаковцев.

На противотанковых минах, оставленных [redacted] на дорогах и большаках в районах [redacted]

30 декабря 1942г. взорвался один танк, 2 бронемшины и две автомашины.

На противопехотных минах в районе дер. [redacted], 1 января 1943г. взорвалось 7 немцев.

Не ограничиваясь этим, баокаковцы проникли на ж.л. дорогу [redacted] и спустились 29/хII-42г. под откос вражеский Эшелон.

Отряд тов.т [redacted] все время держал непрерывную связь с нами и принимал активное участие в боях совместно с нашей бригадой.

Весь личный состав бригады тов. [redacted] исключительно дисциплинирован, решителен, смел.

От имени командования бригады выноим всему личному составу отряда тов. [redacted] благодарность.

Донесение о боевой деятельности партизанской бригады Васнакова, ВССР, 1943 г. Донесение напечатано на куске полотна, имена и названия населенных пунктов зачеркнуты при пересылке на Большую землю.

вые вагоны идут с неизвестным грузом, решил было пропустить его и ждать другой поезд, но когда заметил, что эшелон имеет платформы с артиллерией и из вагонов показались немецкие солдаты, Куряков дернул шнур — и первый вагон полетел в воздух, а за ним остальные свалились под откос.

Паровоз успел пройти мину и, видимо, остался не поврежден.

Высылаемая группа 2 п/о в район Агапоново возвратилась 21/08 1942 г. Группой заминированы дороги, идущие из Каспли на Смоленск в четырех местах.

21/08 1942 г. в 12.00 из Смоленска в Касплю шло 8 автомашин, одна из них легковая, 3 грузовые, и одна легковая машина, наехав на мины, взорвалась, в результате убито 22 немца и 10 полицей-

ских. После взрыва машин немцы, ехавшие на других машинах, под прикрытием пулеметного огня начали убирать убитых. Трофей взять не удалось.

Партизан Фадленков этой же группы, посланный в разведку, пропал без вести.

22/08 1942 г. в 5.30 противник из д. Кислое пулеметным и минометным огнем обстрелял д. Кадичи у р. Жерепя под Кислым. В ответ на обстрел противника командир 1-го взвода 2-го п/о Анисимов из 45-мм пушки обстрелял д. Кислое, в результате обстрела было попадание в дом, откуда выбегали немцы с винтовками, переодетые в женское платье.

Группа, высылаемая 1-м п/отрядом в район Пелисларь, возвратилась; к месту назначения группа не прошла, в д. Самолюбово группа была обстреляна, завяза-

Комсомолец — командир партизанского отряда беседует с партизанами. 1942 г.

лась перестрелка, в результате перестрелки убито 2 немца.

Командир 5 п/бр. (подпись)³

Комиссар 5 п/бр. (Гольнев)

Начальник штаба 5 п/бр (Шалыкин)

ОРФ Института истории АН СССР, ф. ВОВ, раздел II, оп. 22, д. 24, л. 53.

Сообщение «Комсомольской правды» о постановке агитационно-массовой работы в одном из отрядов соединения Бати

25 августа 1942 г.

Проводить больше бесед с населением. Хорошо поставлена агитационно-массовая работа в комсомольской организации отряда тов. П. За два месяца комсомольцы выпустили 15 боевых листовок, провели три беседы с населением об уборке урожая и несколько читок газет.

Беседы с населением проходят всегда в дружеской обстановке. Крестьяне интересуются всем, что происходит на Большой земле.

Эта работа помогает комсомольцам еще самоотверженнее громить врага. В отряде нет комсомольца, который не уничтожил бы хоть одного фрица или не нанес врагу какой-либо другой ущерб. Ряд комсомольцев за последние 2 месяца уничтожили по 10, 20 и больше офицеров. Особенно отличился тов. Р. — он подорвал 20 автомашин, уничтожив при этом 130 гитлеровцев.

«Комсомольская правда» при штабе смоленских партизан Бати, 25 августа 1942 г. № 4, стр. 2.

³ Подпись отсутствует.

Из отчета о проделанной партийно-политической работе в партизанских отрядах Бати за период с 1 августа по 29 августа 1942 г.

Не ранее 29 августа 1942 г. 4. Состав партийных организаций и расстановка партийных сил:

На 29 августа в отрядах Бати членов партии — 89, кандидатов — 83, комсомольцев — 418. Имеют на руках партдокументы 46 членов и кандидатов ВКП(б). Низовых парторганизаций — 14. Первичных парторганизаций — 6. В составе первичных парторганизаций — партбюро, в низовых парторганизациях — парторги.

1-я партизанская бригада: членов ВКП(б) — 23, кандидатов — 27, комсомольцев — 34.

2-я партизанская бригада: членов ВКП(б) — 10, кандидатов — 14, комсомольцев — 93.

3-я партизанская бригада: членов ВКП(б) — 25, кандидатов — 15, комсомольцев — 121.

4-я партизанская бригада: сведений нет.

5-я партизанская бригада: членов ВКП(б) — 13, кандидатов — 9, комсомольцев — 70.

Партизанский полк № 13: членов ВКП(б) — 18, кандидатов — 18, комсомольцев — нет сведений.

Численный состав коммунистов 11 специальных партизанских отрядов, действующих в глубоком тылу противника, дан в составе парторганизаций бригад. Строевые комсомольские организации по типу партийных.

2. Внутрипартийная работа

Имея основной состав членов и кандидатов ВКП(б) без партдокументов, парторганизациями и политаппаратом проводятся большая работа по установлению их партийных принадлежностей. Но эта работа не закончена вследствие еще нерешенного этого вопроса в вышестоящих партийных инстанциях.

В отрядах партсоборания проводятся 1—2 раза в месяц. В бригадах 1 раз в месяц, преимущественно делегатские. Партсоборания обсуждают вопросы боевой деятельности коммунистов и их авангардной роли в бою... Партсоборания проходят активно, протоколы хранятся в бригадах... 28 августа было проведено инструктивное совещание оргсектора комсомольского бюро по вопросу обмена опытом работы и дальнейшие задачи комсомольских организаций.

Смерть немецким оккупантам!

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ ЧЕРВЕНЬСКОГО РАЙОНА

Юноши и девушки! Товарищи и друзья!

Уже близок час освобождения от немецко-фашистских мерзавцев наших когда-то цветущих городов и деревень. Фашистские бандиты, находясь на краю пропастей, стремятся уничтожить советский народ и в первую очередь вас, молодежь. Эти гитлеровские разбойники отняли у вас счастливую и радостную жизнь и заменили ее вискалой на катурку, камуфлетерию, шеселцами и кнутами. Только по одному Червеньскому району в шлозменное рабство гитлеровцы загнали более 1500 юношей и девушек, замучили, расстреляли и заживо сожгли несколько сот молодежи.

Бывавшие час расплаты с гитлеровскими извергами. Красная Армия, продолжая свое победоносное наступление, захватывает освобождение от немецкой банды Украину, Ленинградскую и Калининскую области, успешно громит фашистских оккупантов в Молдавии, Эстонии и Белорусии. В Молдавии советские воиска заняли ряд городов и находится всего в нескольких километрах от Румынии. Идет массовое плавание немецких оккупантов из Белоруссии; уже полностью очищены от немецко-фашистских разбойников Гомельская и Гродненская области, ряд районов Могилевской и Витебской областей. Советские воиска находятся всего в 150 километрах от города Минска.

В немецком тылу слабые партизаны ежедневно пускают под откос десятки вражеских поездов, разбивают автомашины, сотни немецких солдат и офицеров гибнут от партизанских пуль.

Видя свою неминуемую гибель подлый враг стремится уничтожить советский народ, нашу молодежь, опустошить наши города и села, сделать их безжизненными. Гитлеровские бандиты хотят всех мужчин насильно забрать в немецкую армию и погнать против своих братьев и товарищей, сражающихся в Красной Армии, за освобождение белорусского народа от фашистского рабства. Подлые гитлеровцы хотят учить наших девушек и женщин в ненавистную Германию на мушкетера и смерть.

Юноши и девушки! Уже немного осталось ожидать прихода Красной Армии в наши города и села. Настал час, когда больше нельзя оставаться в стороне от борьбы с подлыми немецкими бандитами. Все, как один, поднимайтесь на борьбу против немцев. Не ожидайте последних минут, ибо коварный враг уронит вас на катурку, на мученица и смерть. Немедля уходите в партизанские отряды. Беспощадно истребляйте гитлеровских бандитов. Всем, чем только можете, помогите Красной Армии и партизанам разбить немецкую банду. Не идите в немецкую армию и недопускайте идти в нее своих родных и близких, спасайтесь от урона в немецкое рабство.

Смерть немецким захватчикам!

ЧЕРВЕНЬСКИЙ ПОДПОЛЫНЫЙ РК ЛКСМБ.

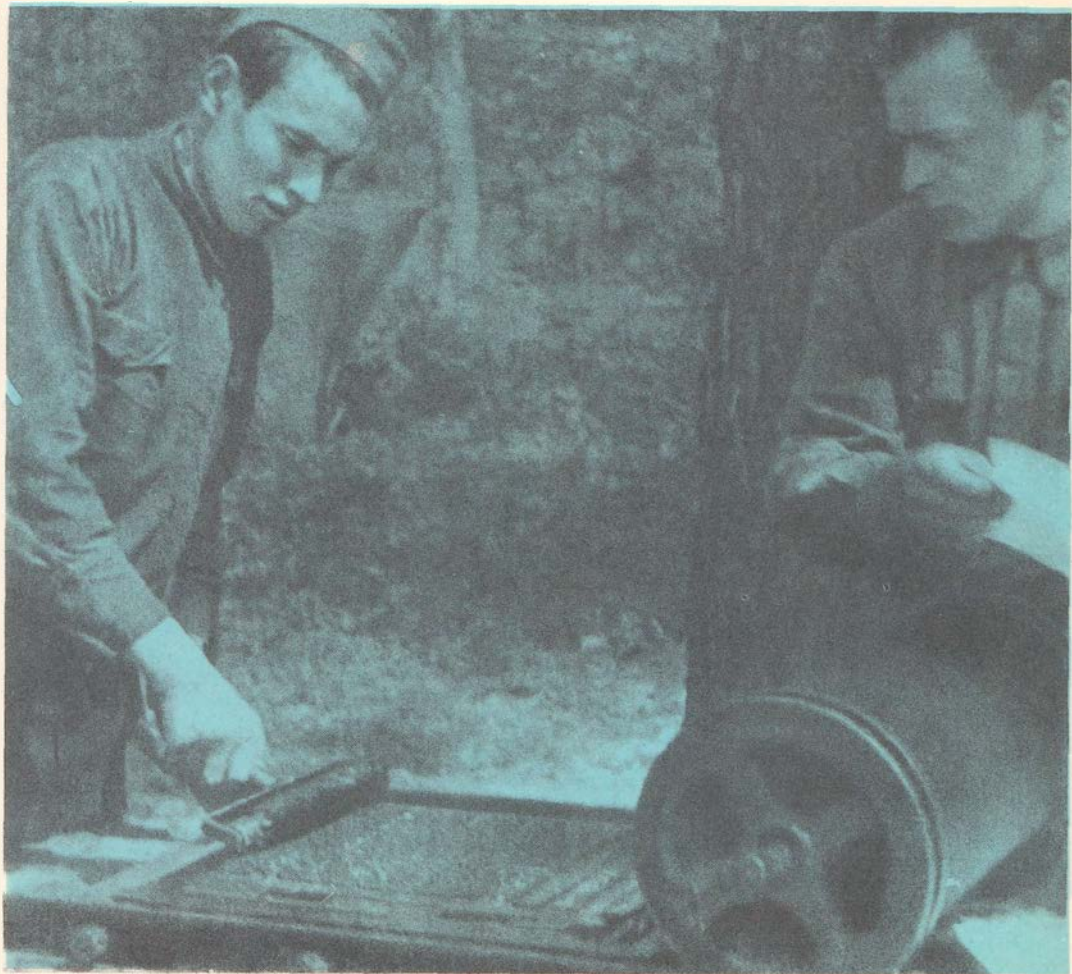
№ 156. П. г-ты „4 П“.

25 марта 1944 года.

Обращение подпольного РК ЛКСМБ к молодежи Червеньского района. Март, 1944. Обращение напечатано на обоях.

3. Политмассовая работа внутри отрядов
...Проведено 7 лекций квалифицированными лекторами Обкома ВКП(б) и ЦК ВКП(б). На 27 августа были проведены митинги в отрядах по вопросу прорыва

⁴ Дата установлена на том основании, что в отчет вошли сведения за 29 августа.

В лесной партизанской типографии.
Брянская область.

нашими частями на Западном и Калининском фронтах фронта противника.

4. Политмассовая работа среди населения

Для работы среди местного населения и в отрядах созданы агитгруппы из числа политически грамотных коммунистов и комсомольцев. Проведено более 35 собраний и бесед. Основной вопрос был посвя-

щен уборке урожая в прифронтовой полосе. Также были проведены беседы о международном положении. Взаимоотношение с населением хорошее.

5. Политико-моральное состояние партизанских отрядов

Политико-моральное состояние личного состава партизанских отрядов вполне устой-

Я перед лицом моей Родины, перед лицом моего народа КЛЯНУСЬ

До последнего дыхания быть преданным великому делу освобождения моей Родины.

Быть смелым, мужественным, беспощадным в борьбе с оккупантами.

Держать в строгой тайне существование и деятельность организации.

Бесприкословно выполнять все распоряжения моих руководителей.

А если придется погибнуть от руки врага, то умру честно, — не попросив у врага пощады, не выдав товарищей.

Если же по трусости или по злему умыслу я нарушу, данную мной, клятву, то пусть наказанием мне будет всеобщее презрение и смерть от руки моих товарищей.

Морозов.

Клятва партизана.

чивое. Партизаны ежедневно находятся в засадах и боевых операциях. 11 партизанских отрядов действуют в глубоком тылу противника, из них 9 в треугольнике Смоленск — Витебск — Орша. Преодолевая трудности борьбы в тылу противника, партизаны высказывают личную ненависть к врагу и стремление как можно больше уничтожить фашистских мерзавцев, сорвать коммуникации противника...

И. о. командира парт. отрядов Бати
старший политрук

(Вбронцов)

ОРФ Института истории АН СССР, ф. ВОВ,
раздел 11, оп. 22, д. 25-б, лл. 38—39.

Протокол № 1
совещания секретарей первичных
комсомольских организаций
Навлинского р-на от 21/VII 1942 г.
(находящихся в тылу врага)

Присутствовали 13 секретарей.

Повестка дня:

1. Об участии комсомола в уборочной кампании.

Слушали: Об участии комсомола в уборочной кампании зав. райзо т. Хенкина.

Высказались:

Слушали: т. Киреевская — секретарь

Секретарь комсомольской организации
Первой украинской партизанской
дивизии имени С. А. Ковпака
М. Андросов у знамени ЦК ВЛКСМ.
Июнь 1944 г.

к-та ВЛКСМ при п/отряде им. Пархоменко, которая сказала, что комсомольская организация уже включилась в подготовительную работу по уборочной кампании. Принимали участие в прополочной кампании и в уборке сена. Все колхозники проводят подготовку к уборочной по бригадам. В каждую бригаду комсомольской организацией послано по 3 комсомольца, которые будут проводить читки, беседы и организовывать социалистическое соревнование на быстрейшее проведение уборочной кампании. Для уборки урожая в зоне, которая граничит с терри-

торией полицейско-немецкой и находится под обстрелом со стороны полиции, созданы уборочные молодежно-комсомольские бригады, которые в полном боевом будут убирать рожь. Настроение молодежи и комсомольцев боевое — хлеба своего полиции не отдадим.

Слушали: т. Бухарова — секретарь к-та ВЛКСМ при партизанском отряде... который сказал, что условия уборочной в колхозах нашего отряда очень трудные, т. к. весь озимый посев граничит с пунктами, занятыми немцами с полицией. Придется убирать с боем. Колхоз-

ники в этих местах убирать боятся, так что мы решили убрать силами молодежи и комсомольцев, только будем просить райком комсомола, чтобы нам дали помощь другие комсомольские организации, так как своей силы у нас мало.

Плохо дело у нас обстоит в отношении инвентаря, нет ничего, т. к. села, которые принадлежат нашему отряду, все выжжены немцами. В этом тоже будем просить комсомольцев нашего р-на оказать нам помощь. Но какие бы трудности ни предстояли, все же урожай немцам и полиции не отдадим.

Слушали: Порцевского — секретарь к-та ВЛКСМ при п/отряде им. Кирова, который сказал, что уборка сена прошла хорошо, все скошено и заскирдовано, прополка проса еще не окончена. Инвентарь к уборке зерновых подготовлен. Благодаря партизанам наша деревня ничем не пострадала от немцев, так что мы лишние серпы, косы и др. собрали и вывезли в райисполком. Уборка урожая должна пройти за 3 дня, комсомольцы работают все по-ударному. Зернохранилище еще не подготовлено, но в течение этой недели будет готово.

Слушали: т. Штанько — секретарь к-та ВЛКСМ при п/отряде им. Свердлова. «Комсомольцы нашей организации активно участвовали в уборке клевера, сена и в прополочной кампании. Комсомольцы идут на работу с газетами и со сводками Совинформбюро, где они на обеденном перерыве проводили читки и беседы, колхозницы были очень довольны. Вместе с этим комсомольцы показывают образцы в работе. Уборка хлеба пройдет еще лучше, т. к. у нас уже весь инвентарь готов и люди кипят желанием идти на работу. Зернохранилище начали готовить».

Слушали: т. Финахина — секретарь к-та ВЛКСМ при п/отряде им. Шаумяна. «Уборка клевера и сена прошла не плохо. Уборка зерновых у нас совпала с большими трудностями, т. к. мы находимся всего в 2 километрах от вражеской заставы, откуда постоянно ведется обстрел из орудий, минометов и автоматического оружия. Но весь хлеб мы убрали сами. Сейчас идет подготовка инвентаря. За подготовку инвентаря отвечают комсомольцы. Два комсомольца ремонтируют жнейку. Хорошо работают девушки-комсомолки к-за «1 Мая». Сейчас организована охрана полей. Комсомольцами проводятся беседы и читки с колхозниками».

Слушали: комиссара райштаба по руководству парт. отрядами т. Бойко.

«Нашей молодежи гордится вся страна. Дела молодежи заслуживают этого. Вот молодежь нашего р-на, находясь в глубоком тылу противника, творит замечательные дела. Комсомол нашего района по праву носит великое звание Ленинского комсомола. За время работы в тылу наша молодежь покрыла себя неуязвимой славой в борьбе с немецкими оккупантами. Комсомольцы показывают образцы мужества и героизма, занимая авангардную роль среди молодежи. Мы имеем десятки комсомольцев, о делах которых говорит вся страна, как т. Стрелец, Блинов, Береснев, Весков и ряд других. Но с хорошими сторонами у нас есть целый ряд существенных недостатков. Мы знаем, что враг всеми силами пытается сорвать нам уборку. Мы должны быть всегда начеку. Все силы надо бросить на уборку урожая. Вместе с этим мы должны всеми способами не давать возможности врагу подбрасывать на фронт технику и живую силу, этим самым мы ускорим приход нашей родной Красной Армии».

Слушали: Карпову — секретаря РК ВЛКСМ.

«Товарищи, в этом году у нас уборочная проходит в такой обстановке, когда нас со всех сторон окружает враг, каждую минуту мы ожидаем нападения, и каждый из нас всегда готов дать отпор кровожадным гитлеровским собакам. Но в особенности сейчас, когда поспевает рожь, враг становится еще злее, т. к. германские варвары не утолили еще свой голод кровью русского народа, они тянут свои кровавые ручки и на наш хлеб. Наша задача — не дать со своей территории ни грамма хлеба немецким псам. Комсомольские организации в уборке должны занять авангардную роль. Мобилизовать всех трудоспособных на уборку урожая. Организовать соцсоревнование на быстрейшее выполнение уборочной кампании. Там, где не будет возможности убирать днем, будем убирать ночью. Секретари комсомольских организаций должны вместе с пред. колхозами просмотреть весь инвентарь и наметить план уборки, помочь колхозам в строительстве зернохранилищ. В опасных местах провести уборку ржи силами комсомольцев и молодежи, которая должна выходить на уборку в полном боевом, в случае нападения врага, чтобы серпы и косы сменить на винтовки и санитарные сумки. Под руководством

к-та провести комсомольско-молодежные воскресники. Вместе с этим усилить политико-агитационную и разъяснительную работу среди населения, для чего выделить лучших комсомольцев агитаторами. Наравне с этой громадной задачей мы должны и врагу не давать покоя на всех дорогах, всеми силами надо мешать движению ж. дорожному транспорту и автотранспорту, каждый пущенный вражеский эшелон под откос, каждая автомашина с немчурой и боеприпасами приближают к нам нашу родную Красную Армию».

РЕШЕНИЕ

Заслушав и обсудив доклад об участии комсомола в уборочной кампании, совещание секретарей первичных организаций отмечает, что уборка урожая территории партизанского района будет связана с большими трудностями и потребует напряжения всех сил у трудоспособного населения и в особенности у комсомольцев. Враг будет пытаться уничтожить урожай на корню и в скирдах. Поэтому борьба за хлеб явится борьбой за укрепление и развитие партизанского движения. Бюро РК ВЛКСМ постановляет:

1. Обязать первичные комсомольские организации заняться конкретно делом оказания колхозам практической помощи в проведении уборки урожая.

2. Выделить специальных людей, [которые] знают с/х производство, и проверить готовность колхозов к уборке: ремонт с/х инвентаря, машин, транспорта, строительст-

во зернохранилищ, и оказать практическую помощь в ремонте, в приведении в порядок инвентаря.

3. Организовать вооруженную охрану силами молодежи хлебов в период созревания, путем патрулирования по хлебным полям.

4. Использовать всех комсомольцев и несоюзную молодежь, свободную от боевых операций и занятых на обороне, караульной службе на уборке урожая; дорожить каждым часом свободного времени.

5. Договориться с командованием на местах об освобождении в отдельные дни комсомольских групп для организации воскресников по уборке, увеличив время несения караульной службы для комсомольцев и молодежи, оставленных для этой цели и не участвующих в тот день в уборке.

6. Развернуть социалистическое соревнование между комсомольцами и несоюзной молодежью, между комсомольскими организациями на лучшее участие в уборочных работах. Вести учет выполненных уборочных работ комсомольской организацией и каждым комсомольцем в отдельности.

7. Комитетам ВЛКСМ организовать читку газет, сводок Совинформбюро и проведение бесед на поле, для чего выделить лучших товарищей чтецами и беседчиками.

Секретарь РК ВЛКСМ Карпова

Центральный архив ВЛКСМ. Материалы
Брянского обкома комсомола за 1942 г.,
лл. 1—5.

Александр Гладков

О Викторе Кине

Осенью 1924 года на перрон Казанского вокзала в Москве из уральского поезда вышел невысокий, худощавый, русый молодой человек — Виктор Павлович Суrowикин. Ему недавно исполнился двадцать один год, но за его плечами было два фронта гражданской войны, подполье на Дальнем Востоке, комсомольская работа в Екатеринбурге, наивная и пыльная провинциальная журналистика.

Как и все его ровесники, он больше всего на свете хотел одного — учиться. Он выдержал экзамен и поступил в ГИЖ (Государственный институт журналистики), а когда весной 1925 года в Москве пошли разговоры о создании большой всесоюзной молодежной газеты, Виктор Суrowикин понял, что это, наконец, его настоящее дело. Он стал сотрудником «Комсомольской правды» за несколько недель до выхода первого номера, и на протяжении полутора лет на страницах газеты каждые два-три дня появлялись короткие, острые, яркие фельетоны Виктора Кина (его литературный псевдоним). В конце 1926 года он начал работать над романом «По ту сторону». В это время Кин уже перешел в «Правду». В 1928 году роман вышел в свет.

Институт красной профессуры и философские семинары, корреспондентская работа в Риме и Париже, снова редакторская работа в Москве; новые большие замыслы и работы груды исписанных страниц — вплоть до безвременной смерти в расцвете сил, дарований и надежд. Много лет спустя после его смерти были опубликованы фрагменты оставшихся незаконченными романов «Лилль» — о первой мировой войне — и большого романа о журналистах, своего рода продолжение «По ту сторону»...

Жизнь Виктора Кина стремительна, насыщена, кажется, что в ней ни одной потерянной минуты. В пятнадцать лет — участник революции, в шестнадцать — боец на фронтах гражданской войны, в восемнадцать — подпольщик на Дальнем Востоке, в двадцать — комсомольский работник, в двадцать один — редактор губернской газеты, в двадцать два — ведущий сотрудник большой всесоюзной газеты, в двадцать четыре он пишет роман, в двадцать пять лет он его напечатал...

Роман «По ту сторону» имел огромный читательский успех. Он выдержал в нашей стране 16 изданий. Общий тираж уже давно перевалил за миллион экземпляров. Книга вышла в Англии, Франции, Чехословакии, Болгарии, ГДР и в других странах. Она была дважды инсценирована для кино и театра.

Среди рабочих записей Кина к незаконченному роману о журналистах есть одна такая: «Парень, который пишет роман, рассказывает, как это трудно». Парней, которые писали романы в очень молодых по возрасту редакциях «Комсомольской правды» и «Правды» среди-

Париж, 1934 г.

ны двадцатых годов, было несколько. Первым вышел и завоевал известность роман Кина, и вряд ли автор, чтобы сделать подобное признание, нуждался в чужом опыте.

Конечно, писать по-настоящему — всегда трудно; но этот счет обманываются только графоманы, но «трудно» бывает по-разному. Виктор Кин хорошо знал и любил мускулистую, энергичную, остро сюжетную литературу вечных юношеских книжных паек: Стенвенсона, Джена Лондона, Киплингга, А. Бирса, и мне думается, что композиция романа далась ему без большого труда. Это умение было у него как бы в крови. Он обладал и великолепным знанием матернала: инстинкт писателя пророснулся в нем очень рано, и все годы работы на Дальнем Востоке и даже в подполье, когда он носил фамилию-кличку «М. Корнев», он вел дневник и сохранил его. Многие в этом дневнике уже было отдаленным прообразом романа.

Передо мною лежит тетрадь в картонном переплете, олеенная черным колленкором, вероятно купленная где-нибудь во Владивостоке, где было в те годы много китайских торговцев: на ее обложке два иероглифа. Это дневник девятнадцатилетнего Кина. Впереди вклеены линованные листки с записями, сделанными в ноябре 1921 года, когда Кин еще только уезжал из Москвы. Далее идут позднейшие дневниковые записи, рисунки, наброски стихотворений в планетарно-революционном духе (подражание Маяковскому и Верхарну), черновики писем, списки прочитанных книг, цитаты и конспекты и даже ноты японского национального гимна: кто знает, зачем это могло понадобиться молодому подпольщику? А вот черновой набросок заявления: «В Амурский обком РКСМ. От секретаря Вочкаревского укома РКСМ заявление. Прошу обком снять меня с работы и отправить на фронт в случае, если Япония объявит войну. Заместителем останется Власов. В. Су р о в и к и н. 7 марта 22 года. Александровское». Записи частушек, конспекты биографии Чернышевского, Герцена и Верхарна, снова рисунки и стихи... Перелистываешь тетрадь, и из всего этого хаотического беспорядка личных, деловых и шуточных записей встает на редкость цельная фигура самого автора дневника, невольно трансформирующая в нашем сознании читателей и друзей романа «По ту сторону» в любимого героя писателя В. Кина — Безайса. Не станем сейчас докапываться, полностью или нет идентичны оба ровесника — герой и автор: пожалуй, с одинаковой убедительностью легко доказать как одно, так и другое. На одной из первых страниц тетради с веселой радостью узнавания можно встретить колонки цифр, какие-то подсчеты и карандашную заметку о том, что за столько-то верст пути секундная стрелка карманных часов сделала 2 версты и 165 сажен: да это писал не кто иной, как наш старый знакомец Безайс! Но есть и записи совсем другого рода. В Кин с юных лет обладал редким и драгоценным свойством — он относился с юмором к собственной персоне. Это его личная черта сквозит на многих страницах дневника, но в романе этот всепроникающий и всеосвещающий юмор уже не персонафицирован в Безайсе: его сберег для себя автор-рассказчик: Безайс и прямолинейнее и наивнее. Отдав своему герою многое, писатель оставил кое-что и для самого себя.

Впрочем, писать свой первый роман Виктору Кину было «трудно» и еще по многим причинам...

Роман «По ту сторону» писался в большой

коммунальной квартире в доме на Гоголевском бульваре, где в одной комнате жили молодой писатель (тогда еще фельетонист «Правды»), его жена, недавно родивший сын и огромная немецкая овчарка. Днем Кин был занят в редакции, и для работы над рукописью романа ему оставалось только позднее ночное время. Он много курил, а в комнате, где спит ребенок, курить было нельзя. Поэтому Кин, дождавшись заветного часа, когда шумная жизнь квартиры затихала, уходил на кухню и писал там на углу хозяйственного стола, окутанный клубами дыма. В старом доме под полами жили крысы, и, видимо считая, что ночное время принадлежит только им, они бегали под ногами по кухне без всякого страха. Однажды Кин, оторвавшись от очередного приключения своих героев, подстерг и убил крысу.

Публикуемый в «Прометее» отрывок из черновых вариантов романа «По ту сторону» долгие годы пролежал в желтой папке с надписью «Потерянное время», куда Виктор Кин складывал все написанное для романа и не вошедшее в него. Ц. И. Кин, вдова писателя, вспоминает: «Он безжалостно исключал целые эпизоды, отлично написанные, если, по его мнению, они хоть чем-нибудь нарушали архитектурный замысел, ритм книги. Бывало, я прямо-таки умоляла Кина не выкидывать какую-нибудь сцену, которая мне особенно нравилась, но Кин был совершенно непреклонен: «Не лезет», — и спорить было бесполезно...»

К таким отлично написанным, хотя и забракованным автором, сценам, несомненно, принадлежат и публикуемые главы.

В вышедшем семь лет назад томике В. Кина «Избранное» помещен еще один отрывок из черновой редакции романа. Сохранилось еще несколько. Некоторые из них я прочитал. Ц. И. Кин права: многие из них написаны смелой, уверенной рукой, и можно только удивляться, почему автор так строго к ним отнесся. Иногда, видимо, это приходилось делать потому, что по мере написания перестраивался сюжет. Изменялись и люди — герои книги. Так, например, Варя-комсомолка превратилась в Варю — славную, но недалекую метцаночку. Выгоды подобной трансформации очевидны: рядом с такой Варей и ее родными суровая чистота и «безытийность» Матвеева и Безайса и их романтическое бескорыстие предстают рельефнее: от контраста их фигуры выигрывают. Да и к тому же этот прием дает возможность автору показать подвиг юных подпольщиков на реалистическом, традиционно выпущенном фоне чеховско-чирикловской провинции: умный и выгодный контраст.

Но было бы неверным, ошибочным предполагать, что эти отрывки и варианты представляют только историко-литературный интерес. Сам роман Виктора Кина «По ту сторону» для нас, младших современников Кина, и для его нынешних новых читателей является как бы только одним слагаемым, одним звеном в большом, увлекательном и поучительном романе всей жизни писателя, открывшемся нам после публикации набросков превосходно начатого романа о журналистах, продолжающего «По ту сторону», его записных книжек, писем и пока еще немногих, к сожалению, отрывков из дневников. В этом удивительном «романе» Виктор Кин уже не только автор или прототип одного из героев, а сам герой. И в увлекательном сюжете романа жизни Виктора Кина все эти фрагменты и наброски существуют уже на равных правах с отделанными главами и автобиографическими документами

Виктор Кин

По ту сторону

(Отрывки и варианты)

Первый вариант начала «По ту сторону»

До отъезда поезда Москва — Чита осталось пять минут.

По перрону переливалось густое человеческое месиво, груженное мешками, сундуками и чемоданами. Искали вагоны, звали носильщиков, прощались, целовались и всхлипывали. В вагонах, наступая на ноги и вещи, пассажиры разыскивали свои места. В темноте, пропитанной запахом свежей краски и махорочным дымом, стоял шум. Звали проводника. Гармонь пела про Марусю и яблочко. Толстой женщине закапали стеариновой свечкой меховое пальто.

— А вы слышали, говорят, наш поезд дальше Омска не пойдет?

— Как это то есть? У меня билет до Иркутска!

— Мало ли что! Говорят, что Омск взят бандитами. Только об этом запреще-но говорить...

В воздухе задрожал третий звонок. Новый взрыв восклицаний («Нельзя ли по-вежливее, сволочь», «Куда прешь, мать!..» «Не выражайтесь, граждане, поскольку тут дамы»), вызванный тем, что через баррикады тел и узлов в вагон пробивался новый пассажир.

Тяжело дыша и извиняясь, он опустил мешок на колени закапанной стеарином дамы и едва не уселся на чей-то разложен-ный на скамейке ужин. Толчок тронувшего поезда бросил его в объятия задремавшего бородатого мужчины, после чего все купе хором пожелало новоприбывшему сдохнуть, провалиться и вообще, наконец, найти свое место.

Новый пассажир кротко извинился и залез на верхнюю полку. Во всякое другое время он не остался бы в долгу и ответил бы своим спутникам как следует. Но сейчас он был в очень радостном настроении. Давно уже замечено, что поезда сплоски и рядом запаздывают на несколько часов, когда надо очень спешить. Но если

надо, чтобы поезд запоздал на минуту — на полминуты! — он обязательно уйдет вовремя. А известно, что нет более тяжелого зрелища, как хвост уходящего поезда, на котором ты должен был бы уехать. Жертвой этого вопиющего явления явился новый пассажир, — он дважды опаздывал на полминуты и теперь лежал на полке с чувством охотника, загнавшего, наконец, дичь.

Поезд прибавлял ходу. Сквозь щели забитых окон в темный вагон просочился багровый свет засыпающей Москвы. Над городом дрожало мутное зарево фонарей. С темного неба шелушился мелкий сухой снег. Новый пассажир приподнялся на локте и провожал взглядом исчезающее зарево. Наконец он улегся и проснулся только утром, — его дергали за ноги и просили документы для проверки.

Он встал и размотал клетчатый шарф, освободив рот с двумя резкими складками около губ и твердый подбородок с неясными намеками на бороду. Из-под широкого кепи появились на свет остальные принадлежности его лица: веселые серые глаза, выпуклый лоб и светлые волосы неопределенного цвета.

Толстая дама, рассказывавшая о том, как жида на пасху получали белую муку для мацы, замолчала, увидев комсомольский значок на его рубашке.

Получив документы, он снова залез на полку, улегся и закурил. Дама напрасно опасалась его комсомольского значка: разглядывая кольца дыма, он раздумывал о своей странной судьбе и не слышал ничего.

Неделю назад он и не думал о Чите. О поездке в Читу он думал еще меньше. Неожиданный случай сунул ему билет, нахлобучил кепку и отправил на поезд.

Обстоятельства, личные вкусы и ЦК комсомола забросили его, Виктора Безайса, в 20-м году из уезда Тамбовской губернии на польский фронт. Пройдя Польшу с 5-й ротой 67-го полка от Березины до Варшавы и обратно, он после Рижского мира сменил красноармейскую звезду на комсомольский значок и снова вернулся в Тамбовскую губернию секретарем N-ского укома комсомола.

В 21-м году, осенью, после IV Всероссийского съезда, Безайс решил переменить место работы. Блуждая глазами по карте республики, он остановился на Бухаре. Из энциклопедического словаря он узнал, что в Бухаре есть тигры, Аму-Дарья и континентальный климат. Из «Юного коммуниста» — что там есть комсомол, пока

Свердловск, 1923 г.

еще слабый, с националистическими уклонами, и что недавно там был съезд.

Сумма этих соображений привела к тому, что в ноябре 21-го года Безайс сидел в приемной ЦК на Воздвиженке, 10, и писал заявление:

«Прошу ЦК РКСМ...»

— Подвиньтесь, товарищ, — услышал он.

Безайс подвинулся и дал место высокому черноволосому парню.

— Вы где работаете? — продолжал тот.

— Я... тамбовский, — ответил Безайс, опуская перо в чернильницу, — а вы?

— Я с Дальнего Востока. Из Забайкалья, нерченский.

«...перебросить меня...» — продолжал Безайс.

— Большая там организация?

— В Забайкалье — три тысячи.

«...на работу на Дальний Восток... — машинально закончил Безайс. — Я работаю в РКСМ с 1918 года, в РКП...»

Через три дня он пришел за результатами.

Поймав секретаря ЦК, рыжего Шохина, мотавшегося от посетителей к телефону и обратно, Безайс спросил его о заявлении.

— Заявление удовлетворили, — сообщил Шохин, роясь в портфеле, — вот оно. Езжай.

— Прекрасно, — обрадовался Безайс. — Меня немного смущает, что я не знаю бухарского языка, но как-нибудь справлюсь.

— Ничего, — ободрил его Шохин, — тем более что в Дальневосточной республике по-бухарски, кажется, не говорят...

— Но зато говорят в Бухаре, — резонно возразил Безайс. — Ну, всего доброго!

И только в учраспреде пораженный Безайс выяснил, что он согласно заявлению командирован на Дальний Восток.

Энциклопедический словарь вторично разъяснил ему, что Дальний Восток «очень большая область», что там тоже есть кон-

тинентальный климат и, кроме того, тайга и сопки.

Сборы были недолгие. Было взято самое необходимое: папиросы, комплект «Юного коммуниста» за 21-й год, белье... и в целях марксистского самообразования — том Плеханова. И теперь, в поезде, лежа на полке, Безайс пускал кольца дыма и думал о ДВР...

Первая встреча Безайса и Матвеева

В Омск поезд пришел поздно ночью. Здесь была пересадка на читинский поезд. Безайс спрыгнул на заметенный снегом перрон и протиснулся в вокзал.

Вокзала, собственно, не было — сожгли белые. Вместо него стоял бревенчатый барак, до отказа набитый людьми и багажом. На черных стенах висели плакаты о дезертирах и Антанте. На полу, на столах, на лавках, в шелухе семечек и окурков лежали и сидели люди. В углу прислонилась библиотека агитпункта.

Посадка на поезд должна была начаться через пять часов. Безайс долго бродил по вокзалу в надежде найти себе место. Наконец он решил залезть под стол, где было немного свободнее.

Он подложил под голову чемодан и собирался закутить, когда чей-то решительный голос попросил его не класть ноги на чужую спину. Безайс поджал ноги. Темный сверток у его ног, который он принял сначала за мешок, завозился, звучно зевнул и сел.

— Черт поberi этот мороз, — сказал он, зевая. — На дворе по крайней мере градусов тридцать. А что же будет дальше, в Чите?

— В Чите, — ответил Безайс, — морозы доходят до пятидесяти градусов. Вы что, едете в Читу?

— Да, — ответил тот. — А вы?

— Я тоже.

— Едете в командировку?

«Да», — хотел ответить Безайс, но остановился. В ЦК Шохин предупреждал его, что в дороге надо держать себя осторожно. На Дальний Восток тянулася темная публика. И Безайс решил рта не разевать.

— О нет, — ответил он развязно. — Еду по личному делу.

— А вы бывали в Чите?

— Да, — нахально ответил Безайс.

Его собеседник подвинулся ближе.

— Расскажите мне о Чите, — попросил он.

О Чите Безайс знал очень немного. Прежде всего — мороз. Потом сопки. И еще адрес: угол Софийской и Сунгарийской — Дальбюро комсомола.

— Город как город, — начал Безайс осторожно. — Вокруг окружен сопками. Очень холодно — континентальный климат.

— Ну, а Забайкалье?

Безайс помолчал.

— Это очень большая область, — ответил он наконец, вспоминая энциклопедический словарь. — Кстати, я недавно слышал, что патриарх Тихон снова выступил против изъятия церковных ценностей.

— Есть ли в Чите трамвай?

— Есть, — ответил Безайс с отчаяньем. — Выкрашены в синюю краску. Десять номеров. Билет — пять копеек. Мне хочется спать. Покойной ночи.

— Спасибо. Нет ли у вас спичек?

Безайс протянул ему коробку. При свете спички он разглядел лицо своего собеседника — угрюмое лицо в очках, с глубоко посаженными глазами, копна черных волос и крупные челюсти, заросшие небритой шерстью.

Безайс отвернулся и, закрыв глаза, начал размышлять о ДВР...

Безайс и эсер

...Обстановка демократической республики, куда Безайс попал сразу из уездного комсомольского комитета, затерянного в тамбовских просторах, поразила его. Красный, с синим квадратом флага ДВР, парламент, министерства вызывали в нем ощущение морской качки. Безайс почувствовал, как родная, исхоженная советская земля уходит из-под ног, как он мало-помалу терлет равновесие в этой чуждой, странной обстановке.

Первым представителем этой новой обстановки был молодой парень, встреченный Безайсом в Чите по дороге с вокзала. Безайс тащил чемодан на одном плече и мешок на другом, благодаря чему видел только ноги своего собеседника. Он остановил его и, задыхаясь, обратился к желтым ботинкам с вопросом о местонахождении Дальбюро комсомола.

— Это недалеко, — ответил тот. — Идите прямо, через два квартала поверните направо и отсчитайте от угла пятнадцать шагов. Окно лилового забора стоит китаец, попросите его, и он проводит вас дальше.

Ошеломленный Безайс разом опустил

чемодан и мешок на землю, снял без видимой причины перчатку и в замешательстве почесал мизинцем левый глаз. Некоторое время он колебался: обидеться ему или улыбнуться, обратив это происшествие в шутку.

— Вы что-то очень веселы сегодня, — пробормотал он наконец. — Наверное, сегодня мама ошиблась и дала вам на завтрак двугривенный вместо пятака?

Будь на месте Безайса Матвеев, он окинул бы обидчика угрюмым взглядом своих маленьких глаз и ушел бы, не теряя слов. Но в Безайсе бродил еще молодой, зеленый сок его восемнадцати лет. Он склонил голову набок и повертел пальцем вокруг лба. Из этой позы его внезапно вывел неожиданный удар по уху.

Милиционер, с холодным безразличием наблюдавший эту сцену, подошел уже тогда, когда Безайс обметал снег со своих брюк студенческой фуражкой незнакомца, стоявшего рядом и пытавшегося унять платком текущую из носа кровь. В участке Безайс и незнакомец, назвавший себя председателем коллектива молодых эсеров, уплатили по три рубля. Этот случай внушил Безайсу острую неприязнь к демократическим нравам республики.

Наконец Дальбюро было найдено. Безайс ожидал увидеть новые странности, но оказалось, что на комсомольский комитет не оказали влияния местные условия: он как две капли воды походил на любой комитет Советской Федерации.

На стенах — портреты, плакаты, лозунги, расписания, списки, только по дыре в одной надписи («Все на помощь фронту») можно было догадаться, что комната оклеена зелеными обоями.

В комнате четыре односпальных и три двуспальных стола.

Пахло родным, даже тамбовским уютом...

Секретарь был коренастый, с широким лицом, в пенсне, по фамилии Агапов. Через пять минут они перешли на «ты» и, перебивая друг друга, разговаривали о московских новостях. Рассказав все, Безайс поинтересовался своей дальнейшей судьбой.

— Куда ты думаешь меня направить?

Агапов почесал карандашом переносицу.

— Подумаем. Может быть, в Харбин. Или Приморье. Или здесь оставим.

— Когда это выяснится?

— Завтра вечером у нас будет заседание бюро. Поставим вопрос о вас.

— О ком это — о вас?

Москва, 1937 г.

— Тут сегодня еще один парень приехал из Москвы. Матвеев.

Собрав эти общие сведения, Безайс перешел к бытовой стороне вопроса. Ему вручили ордера на обеды и общежитие. И Безайс снова отправился на поиски.

Общежитие было как тысячи других общежитий, «домов крестьянина», «дворцов рабочего», в изобилии рассыпанных по республике на потребу приезжим: в нем было все — от кипяченой воды до плакатов, за исключением, впрочем, столов и стульев. Безайс разыскал свободную кровать и расположился насколько мог удобно.

Быстро темнело. Зазвенел звонок, темные фигуры поднялись с кроватей и, бренча чайниками, отправились вниз за кипятком. Комната опустела, сделалась еще больше и неуютней. Пахло дезинфекцией и крашеными полами.

Безайс лежал, курил и подводил итоги первого дня, проведенного в Чите...

— Черт побери этот мороз! — донеслось до него с соседней кровати. — Если так пойдет дальше, то можно остаться без ушей.

— Ну, у меня более широкие планы, — отозвался Безайс. — Я имею надежду довести до Москвы оба уха.

— Вы из Москвы давно? Давно?

— Сегодня приехал.

— И я тоже.

— Вы не Матвеев, случаем?

— Да.

— А я Безайс.

— А, слышал...

В темноте они обменялись рукопожатием. Матвеев оказался не очень разговорчивым. Безайс с трудом вытягивал из него слово за словом. Он узнал, что Матвеев не очень доволен своим назначением: он собирался на Кавказ, но... ЦК играет человеком и т. д.

Безайс рассказал ему о своем приключении с эсером, и разговор оборвался.

— Давай закурим, — предложил Матвеев.

— Давай.

Матвеев заскрипел кроватью, зажег спичку, и папираса выпала из пальцев пораженного Безайса — спичка осветила знакомые очки, угрюмое лицо и копну черных волос.

— А... почему же здесь папирасы? — только и нашелся сказать Безайс. Смущенный, потерявший грань между призраком и действительностью, он растерянно глядел на Матвеева.

— Братишка, — сказал Матвеев, — а ты непременно тифом заболел, мать его в три гроба. На тебе лица нет...

— И не надо, — отрезал Безайс.

Когда на заседании Дальбюро Безайса и Матвеева решили послать в Приморье, где не было ни парламента, ни эсеров, а только белые и красные, дробь пулеметных выстрелов и глухое подполье в белом тылу, Безайс очень обрадовался. Он был вполне спокоен за свою судьбу. В 18 лет нет ничего страшного. Над поездкой за 3 тысячи верст он задумывался не более, чем над трамвайной станцией.

— Я страшно рад, — говорил он Матвееву, раскачиваясь на спинках двух кроватей в общежитии, — что мы уезжаем из этих проклятых мест, где с пострадавшего берут штраф, вместо того чтобы выразить ему сочувствие. Мне не трех рублей жаль, а возмущает людское бессердечие...

— Это уж не ты ли пострадавший?

— А то кто же?

— А почему у эсера кровь из носа текла?

— От полнокровия, должно быть. Чего ты ко мне пристал?

[Пропуск. Затем Безайс и Матвеев, названные в этом отрывке Кин и Антонов, выслушивают какие-то речи «демократических» ораторов и отправляются на комсомольское собрание.]

...Кин мотнул затуманенной головой.

— Мы, по справедливости, заслужили себе отдых, добросовестно выслушав этих демократических олухов. Но меня мучит любопытство: хочется взглянуть на комсомольскую яичку. Похожи ли здешние ребята на наших, советских?

— Я тоже порядочно устал. Но если хочешь, пойдем. Поздняков говорил мне, что сегодня районное собрание.

— Где?

— В клубе.

Проклиная пыль, мороз и тротуары, они отправились на поиски клуба.

Опасения Кина не имели оснований: на комсомольскую породу ничто не оказало влияния.

В облаках табачного дыма около сотни комсомольцев разговаривали разом. На эстраде под красным знаменем «Трепещи, буржуазия!» сидел только что избранный президиум. На стенах — путаница сосновых веток, лозунгов, плакатов. Не было ни Читы, ни парламента, ни синей заплаты на красном знамени — был свой, до мелочей знакомый комсомол.

На эстраду вышел лохматый парень, одетый с комсомольской небрежностью, махнул рукой и начал доклад.

Вначале докладчик говорил о коварстве международного империализма и о завоеваниях Октябрьской революции. Представив неизбежное посягательство буржуазии, оратор перешел к работе райкома за последние три месяца. В первой части доклада комса непринужденно курила, переговаривалась и встретила с редким хладнокровием кровожадные размышления докладчика о мировой буржуазии. Зато работа райкома вызвала записки, возгласы с мест и другие признаки близких прений.

После полутора часов доклад, к общему облегчению, был кончен. Председатель встал и вместо прений объявил, что группа молодых эсеров просит внеочередного слова для декларации.

Собрание неопределенно заговорило. На эстраду вышел оратор, в котором Кин без труда узнал своего партнера по вчерашней драке. «Группа» — парень с золотыми зубами, в мятой студенческой фуражке воинственно мигал на собрание белыми ресницами и всем своим видом показывал, что с молодыми эсерами шутить не следует.

Владелец золотых зубов поклонился собранию и выгащил лист бумаги.

— С вашего позволения, уважаемые сограждане, я по поручению группы молодых эсеров...

— Долой эсеров! — единодушно отозвались «сограждане».

— ...зачитаю вам текст декларации группы:

«Крестьяне! Рабочие! Граждане!

Тяжелое испытание постигло нашу молодую Республику. Иноземцы и враги народа вновь потрясают оружием, угрожая новыми бедствиями защитникам свободы...»

— Этому самому я насовал вчера на память под ребра, — наклонился Кин к Антонову.

Антонов одобрительно прищурился:

— Разве это он?

— Он самый.

— «...несмотря на грозную опасность, политические распри вспыхнули с новым ожесточением. Мы являемся свидетелями партийных раздоров, чреватых гибельными последствиями. Даже в Народном собрании, которому народ с упованием вручил судьбу страны, мы видим пагубные последствия политической нетерпимости...»

Удрученный политическими распрями, оратор шумно вздохнул и проникновенно

взглянул на собрание. Он был высок, белокур и худ. В его костлявом теле мяса не хватало бы даже на бутерброд. Глаза светлые, холодные; нижняя губа несколько отвисала, обнажая блеск золотых зубов.

— «... в этот ответственный исторический момент группа молодых эсеров в полном сознании встающих перед ними задач обращается ко всем честным гражданам страны с призывом сплотиться во имя защиты демократии. Именно теперь, перед лицом надвигающейся опасности, мы особенно должны дать твердый отпор политическим интриганам, посягающим на демократию, стремящимся осуществить свою диктатуру над волей народа.

Вперед, на защиту демократии!

Будем бодрствовать на страже свободы!»

Оратор кончил, свернул декларацию и спрятал ее в карман.

— К этому я имею добавить, граждане, — продолжал он, глядя на собрание немигающими глазами, — что молодые эсеры протягивают вам руку и предлагают помощь и единение в смысле изложенных принципов.

Собрание молчало. Глухо, мутно пружинилась злоба на «принципы», «демократию», золотые зубы, комсомольцы сверлили ненавидящими глазами длинную раскачивающуюся фигуру — руки в карманах, ленивый, холодный взгляд, глупое мещанское пятно на красном полотнище «Трепещи, буржуазия!».

Враг — тот в погонах, шея в жирных складках, блестит наганом. А этот — в зеленом шарфе, с проваленной грудью, худой, съеденный латынью и цифрами ублодок, — тоже враг?

Так просто, мешается.

Дать ему раз, и все тут...

И когда на трибуну полез Гошка Котов, секретарь мастерских Читы-1, чувствовали ребята, что крепко отошьет Гошка молодого эсера.

Котов — кепка набок, непослушные волосы копной, веснушки — был настроен серьезно. Знали за Гошкой слабость крепко выражаться, и из президиума конфиденциально шептались:

— Ты, Гошка, не очень...

— Ребята, — закричал Гошка так, что зал вздрогнул, — этот желторотый предлагает нам, то есть комсомольцам и другим ребятам, которые наши, идти к эсерам на соглашение. Мы заслушали ихнюю декларацию, которая указывает, что на нас нападают и надо защищаться.

Кто нападает? Белые. А от кого они

звуют нас защищаться? От коммунистов. Выходит так, что на фронте нас будут бить, а мы тут с эсерами будем защищать свободу от коммунистов.

Эти штуки мы знаем, это не впервой. Слышали, что в Благовещенске эсеры отомчили? Была у них боевая дружина. Когда белые начали наступление, принесли эсеры винтовки в ЧОН, — мы, говорят, против гражданской войны и не хотим проливать кровь...

Грабитель

...Поезд снова тронулся. Матвеев задумчиво жевал, перебирая мысленно ожидавшие их опасности, когда вдруг глаза его широко раскрылись и кусок застрял в горле. Дверь вагона медленно отворилась и пропустила темную фигуру. Первое, что бросилось в глаза Матвееву, был браунинг в вытянутой руке незнакомца, направленный прямо на него.

Мысли Матвеева мгновенно приняли другое направление. Вообще он был нетороплив в размышлениях и обычно не спешил принимать какое-либо решение, не обдумав всесторонне данный предмет. Вид дула, направленного в лоб, застал его настолько врасплох, что он не нашел ничего лучшего, как пожать ногу Безайсу, уведолив его таким образом о надвигающейся опасности.

— Руки вверх! — сказал вошедший. — Спротивление бесполезно, я стреляю при первом вашем движении...

У Матвеева внезапно зачесался глаз, затем лопатка, нога. Он нерешительно поставил кружку на стол и, скосив глаза, оглядел вагон. Дрова лежали у печки, в трех шагах. Обороняться складным ножом против револьвера... Прыгать в окно?..

— Только не раздражайте меня, — продолжал грабитель. — Давайте деньги. Мелочь можете оставить себе.

Безайс засмеялся.

— Вы и представить себе не можете, как вы меня напугали, — сказал он, укладывая в кобуру вынутый было револьвер. — Дайте мне опомниться. Мне от испуга показалось, что пришел кондуктор сказать, что наш вагон отцепят!

Грабитель нахмурился.

— Ну, живо! — крикнул он. — Не доводите меня до крайностей! Два часа назад я застрелил двух человек и теперь немного волнуясь!..

— Э, бросьте, — ответил Безайс, снова принимаясь за молоко, — я видел ваш

револьвер. Неужели вы забыли, что вчера на станции вы предлагали мне купить зажигалку изумительной работы, сделанную в форме браунинга? Бросьте, я вам говорю! Слышите, бросьте! А не то я задушу этой скамейкой!

— В самом деле, что за дурацкие штуки, — сказал Матвеев, складывая вынутый из кармана нож. — Лезет с какой-то зажигалкой! Не на таких напал!

— Ну, ну, вы уж и рассердились, — пробормотал грабитель, — вам уж и слова сказать нельзя — сразу начинаете бросаться скамейками. Нечего сказать, дожили до времени!

Он подошел к двери и взялся за ручку.

— Тоже нашли из-за чего кричать, — продолжал он. — Чего вы, в самом деле, на меня кричите? Какое вы имеете право? Это вам не царский режим — бросать в человека скамейки, за это вы ответить можете.

— Кто же на вас кричит? — пробормотал ошеломленный Безайс.

— Ага, теперь — кто кричит? Вы со мной поосторожнее: я нервнობольной, и в солнечную погоду со мной сплошь и рядом бывают припадки. Как начнется припадок, меня десять человек не могут удержать — все бью, ломаю...

— А вот я встану и выброшу вас из вагона, — рассердился, наконец, Безайс. — Скажите, пожалуйста, он еще разговаривает! Убирайтесь вон!

— Ну ладно, ладно, — ответил грабитель. — Вам слово скажешь, а вы десять. Хорошо, я погорячился. беру свои слова обратно. В молодости я был такой же вспыльчивый. Но в этом случае вы, ей-богу, не правы. Честное слово!

Настала неловкая пауза. Наглость этого бродяги обезоруживала обоих друзей. Он вел себя так уверенно и обижался с такой естественной простотой, точно не он, а ему самому угрожали револьвером, требуя денег. Во всей его фигуре, от кончиков платка с крапинками вокруг шеи до носков рыхлых ботинок, чувствовались обида и горечь на испорченность людей.

Он был среднего роста. Его лицо производило такое впечатление, точно оно было собрано из отдельных частей. Маленькие, крысиные глаза были одолжены у шулера, а прямой нос и рот с трагическими складками около губ принадлежали провинциальному актеру, исполнителю драматических ролей. В его движениях чувствовалась та непринужденность, которую приобретают люди, путешествуя без бага-

жа и билета. Он был одет в костюм цвета осенней ночи — что-то темное, переходящее местами из серого в черный. Безайс осмотрел все это, делая вид, что он старается разглядеть висящий на стене позади бродяги плакат.

Бродяга сделал несколько шагов вперед.

— Отчего же вы не пригласите меня к столу, как это принято между порядочными людьми? — спросил он тоном человека, решившего идти на компромисс.

Матвеев со стесненным сердцем подвинул ему хлеб и ветчину. Он был недоволен собой и кисло поглядывал на Безайса — не заметил ли тот его растерянности и перочинного ножа? Кроме того, он чувствовал некоторую неловкость, завтракая с человеком, который несколько минут назад обещал его застрелить. Ко всему этому его мучало предчувствие, что придется мыть третий стакан.

— Кушайте... пожалуйста, — сказал он, глядя в сторону, — вилок, извиняюсь, у нас нет, — продолжал он, внутренне удивляясь этой внезапной вежливости.

— И не надо, — ответил бродяга. — Я привык к лишениям. Вы не стесняйтесь, я не придаю никакого значения этим условностям. — Он снял шапку, обнаружив лысеющую голову, и, вздохнув, принялся есть.

Матвеев снова взглянул на Безайса, сердясь, что он молчит и ничем не выдает своего отношения к происходящему. Он страшно боялся, как бы Безайс не подумал, что он испугался зажигалки. Но, с другой стороны, он не мог заставить себя отвечать грубостью на просительный тон бродяги. Матвеев вынул папиросу и ушел на сцену искать зажатые в руке спички. Вскоре к нему присоединился Безайс.

— Каков? — спросил Матвеев вполголоса, испытующе глядя на товарища.

— Хорошо бы выбросить его из вагона, — неуверенно ответил Безайс, царапая пятно на брюках.

— Я сию же минуту иду отколотить его, — сказал Матвеев, усаживаясь на декоративный пенёк. — Хамство какое! «Буду стрелять!» Уселся, ветчину, жрет!..

— Что тебе, ветчины, что ли, жалко? Пусть себе ест...

— А я вот пойду и пырну его ножом, — продолжал Матвеев с кровожадным смехом. — Пусть ест. А кто будет стаканы мыть?

— Ну что ты к нему привязался? Выгонять — так надо было сразу. А то как ты теперь его прогонишь?

— Это хотя верно, — согласился Матвеев, успокоенный нейтральным тоном Безайса. — Он, наверное, с голоду пустился на грабеж. Заметил, как он одет? Ладно, пусть подкормится.

Безайс вспомнил мороз, прорехи на живописных лохмотьях бродяги и почувствовал, что у него не подымется рука вывести на станции этого лысеющего, с худой морщинистой шеей человека. В нем шевельнулось то чувство жалости, которого как огня бояться в 18 лет из опасения показаться сентиментальным. Он был одним из тех, которые могут спокойно застрелить врага и бледнеют, когда при них режут курицу.

— О чем ты задумался?

— У меня чешутся руки отколотить его, — ответил Безайс, сосредоточенно глядя на огонь папиросы, — но если он взял нас нахрапом и мы не сделали этого, когда он лез с зажигалкой, то не будем его трогать. Пускай он едет, вагон большой.

Он запнулся.

— Ты помнишь, — продолжал он с усилием, — мою ватную телогрейку? Я давно хотел с ней разделаться, так уж отдам лучше ему.

[Утеряно несколько листов. Дальше события — я хорошо это помню — развивались так: Безайс отдал бродяге телогрейку, Матвеев дал ему денег и среди них слегка порванную японскую иену, от которой также «хотел отделаться». Ночью бродяга скрылся, захватив чемоданы Матвеева и Безайса. Проснувшись и увидев, что случилось, друзья взбешены и ругают друг друга за головотяпство.]

...Мысленно он уже свалил грабителя с ног ударом под челюсть и собирался как следует двинуть его по затылку.

— «Пусть ест!» — продолжал Матвеев желчным тоном. — «Ветчины не жалко!» А ведь он сделал недурной бутерброд из наших чемоданов, не правда ли?

Безайс подбирал слова, желая намекнуть на порванную с одного края иену, но в этот момент случилось нечто необыкновенное. Внезапно рояль сорвался с места, рыча струнами, пронесся через вагон и кинулся на сцену. Страшный толчок подбросил Безайса и зарыл головой в декорацию...

Семен Гудзенко

Из писем к матери

Семен Гудзенко, студент ИФЛИ.
Москва, 1941 г.

12.VII[1941 г].

...Я жив, здоров. Работаю. Из Москвы не уезжаю. Питаюсь хорошо. Mamochka, от вас нет давно писем. Где Миша?¹ Очень прошу написать мне о нем. В Москве спокойно, но все для войны. Порядок в городе образцовый.

Жду писем...

21.VII.

...Я жив, здоров. Работаю. Последнее время я работаю для радио и получаю неплохо. Я пишу для них стихи на животрепещущие темы. Питаюсь хорошо. Все у меня в полном порядке. Скоро или даже завтра уеду со всеми институтскими товарищами в военные лагеря². Я тебе оттуда пришло письмо и свой адрес. Деньги мне не высылай, ибо у меня есть и еще должен получить. После лагерей что будет, еще не знаю, но сама ведь понимаешь, время военное...

10.IX.41 г.

...Ты, конечно, уже знаешь, что Миша приехал в Москву в военную академию. Ты себе представляешь мою радость, когда я его узрел. Он приезжал ко мне...

Mamochka, еще раз прошу не волноваться. Огромное счастье, и фатальное при этом, обучиться двум братьям в Москве во время войны. Миша о себе напишет сам. Он очень хорошо выглядит. Настроение как всегда...

16.IX.41 г.

...Сегодня получил твое письмо. Раньше всего: прошу тебя, не забывай, что в школе ты принесешь больше пользы, чем где бы то ни было. Не думай о другой работе, раз ты уже устроилась в школе. О Мише ты, наверное, уже знаешь. Mamochka, еще раз тебе сообщаю, что я получаю на всем готовом 300 р. каждый месяц (деньги получаю обычно 21—23 числа). Из этих денег я тебе буду посылать 100 р. ежемесячно. Мне ничего не нужно. Миша тебе о себе написал и, наверно, уже выслал или тоже вышлет деньги. Mamochka, мне ничего не нужно. Я ни в чем не нуждаюсь. Я хорошо живу. Большой привет всем нашим.

¹ Старший брат Семена Гудзенко Михаил, инженер, во время войны был сапером. Погиб на фронте в 1943 году.

² В июле 1941 года С. Гудзенко добровольцем вступил в ряды Красной Армии, но матери сразу не сообщил об этом, постепенно готовя ее к тому, что и он будет на фронте. Забота о матери, желание успокоить ее характерны для писем С. Гудзенко. Отсюда постоянные сообщения о том, что он здоров, питается хорошо, денег получает достаточно.

10.X.41 г.

...Пишу много песен для строя и самодеятельности. Стихи для стенной газеты. Письмо тебе пишу самопишущей ручкой, которую получил от командования за строевую песню. Отношение ко мне и другим ифлийцам со стороны командования очень хорощее...

6.I.42 г.

...Извини, что молчал, но сама понимаешь! Возможно, что промолчу еще более продолжительное время³, но ты не волнуйся. Я жив, здоров. От Миши имел очень

рез деньков 7—8 снова таким же, как прежде, приеду в Москву.

Сейчас я в госпитале в Рязанской обл. ...

27 февраля 1942 года

...Телеграммы сегодня получил. Я жив, здоров. Все у меня в полном порядке. Ранен я был в живот. Касательное ранение, только мягких тканей. Рана небольшая 1×5. Но это все было, т[ак] к[ак]сейчас уже почти совсем затянулась. Маленький шрам, который скоро совсем закрепится, и тогда вытишусь...

Мамочка, ты меня поймешь, если я и не

С работниками выездной редакции «Комсомольской правды» в Сталинграде. 1943 г.

хорошее братское письмо. Мамочка, еще раз прошу тебя, не волнуйся. Я очень тепло одет — валенки, ватные брюки и куртка, теплое белье и теплые портянки. Не волнуйся...

14.II.42.

...Я жив и здоров. Временно я из Москвы выезжал. Так что твои письма уже месяц не читал. Сейчас я легко ранен⁴ и че-

буду описывать тебе всех и всяких подробностей. Настроение хорошее и бодрое. Сейчас много читаю. Хотя на $\frac{1}{100}$ наверставаю упущенное. Напиши все о Мише, о родных и знакомых...

³ Чтобы не волновать мать, С. Гудзенко не писал ей, что участвовал в боях под Москвой.

⁴ На самом деле ранение было тяжелым.

3.IV.42 г.

...Пишу из Москвы. Был у себя в институте. Приятно вспомнить. Мама, у меня все в полном порядке, здоров, как всегда. Получил письма и телеграммы от киевлян... Они случайно узнали мой адрес. Мамочка, напиши о себе. Обо мне не волнуйся. Все

своих товарищей, среди которых много студентов ИФЛИ. Многих друзей уже нет. Они или погибли, или в командировках. Часто бываю в своем институте. 28го был на первоммайском вечере. Мамочка, очень тронут денежным переводом, но деньги мне абсолютно не нужны. Ты не обижайся,

Признаюсь, был сорис неграмотен.

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА
В СТАЛИНГРАДЕ

№ 150
31
00020
1942

**РОДИМЫЕ ДОРОГИ
РОДНЫЕ ХУТОРА
БЕЖИТ ИЗ ТАГАНРОГА,
ИЗ ЕЛЬНИ НЕМЧУРА.**

**КАЗАКИ БЬЮТ НА МЕСТЕ
ИХ ШАШКАМИ С ПЛЕЧА.
НЕТ! НЕ УЙТИ ОТ МЕСТИ
КРОВАВЫМ ПАЛАЧАМ!**

Листовка, выпущенная выездной редакцией «Комсомольской правды» в Сталинграде со стихами С. Гудзенко. 1942 г.

будет хорошо. От Миши получил трогательное письмо. Наставления старшего брата для младшего в бою.

1.V.42 г.

...Признаюсь, я очень беспокоился о твоём благополучии. Если бы еще день без вестей, телеграфировал бы в Петровск.

Мамочка, я жив и абсолютно здоров. Нахожусь по-прежнему в своей части, в Особых войсках НКВД. Нахожусь среди

но твой подарок я перешлю тебе. Деньги у меня есть... деньги тебе нужнее...

Имел письмо от Миши. Пишет, что стал на старости лет студентом. Кончит он, по моим предположениям, военным инженером. Это очень хорошая специальность...

9.X.42 г.

...Наконец-то получил от тебя письмо. У меня все по-старому. Очень рад за тебя, что живешь с родными. И это хоть немно-

го скрашивает путь от Саратова до Ишима. Я себе представляю эту дорогу...

...Времени совсем нет. Очень много работаю. Работа интересная. Пишу. Переписываюсь с институтскими друзьями. На всех фронтах, во всех газетах товарищи.

Вчера отослал тебе открытку. В свобод-

Обязательно напиши. У меня все по-прежнему. Работаю там же. Много пишу. Скоро пришлю тебе. Праздники провел с товарищами по Литературному институту. Очень славные ребята...

Жду твоих писем. Пиши чаще, хоть и кратко, а то волнуюсь. Ей-богу.

СЕГОДНЯ НА СТРОЙКЕ—
ЗАВТРА В БОЮ!

**Рабочий умелый
нужен стране**

**так же, как смелый
боец на войне.**

Листовка, выпущенная выездной редакцией «Комсомольской правды» в Сталинграде со стихами С. Гудзенко. 1943 г.

ное время бываю на концертах и в театрах. В Москве по-прежнему много интересного.

Постигаю газетное ремесло: верстку, правку и проч. Сейчас новая специальность — военный журналист...

9.XI.42 г.

...Почему нет от тебя писем? Миша тоже молчит... Напиши о себе, как твое житье. Может быть, чего-нибудь смогу послать.

17.XI.42 г.

...Почему нет от тебя так долго ответа? Может быть, что случилось? Волнуюсь очень. Немедленно напиши... Написал брошюру об одном герое⁵, ее будут издавать... Денька через два вышлю тебе деньги. Жду

⁵ Очерк об однополчанине Гудзенко Лазаре Папернике, погибшем в январе 1942 года и удостоенном посмертно звания Героя Советского Союза.

писем твоих. Мамочка, ей-богу, не могу ни о чем писать.

Пиши скорей...

Родные! Если что случилось — напишите.

28.XI.42 г.

...Не хочу думать, что произошло несчастье, пусть лучше письма не доходят. Я телеграфировал, но ответа вот уже неделю нет. Писем тоже очень давно нет.

Проездом в Москве был Миша. Видел его, поговорили о многом. Я его проводил. Выглядит он прекрасно, настроение — очень хорошее. Он уже кончил. Специальность у него во всех отношениях — великолепная.

Мамочка! Жду писем, жду хоть строчку.

Родные! Если что-нибудь случилось — не скрывайте. Я солдат — все перенесу, но не молчание и неизвестность.

8.XII.42 г.

...Мама! Потерял уже всякую надежду. Нет от тебя писем. Нет ответа на телеграмму. Если что-нибудь случилось, то прошу тебя и родных не скрывать от меня. Я чувствую, что у тебя какое-то несчастье. Мамочка, напиши хотя бы одну строчку. Я не могу больше ждать ни одного дня.

Все у меня по-старому.

Сегодня опять тебе телеграфировал.

Жду писем.

14.XII.42 г.

...Больше не могу находиться в неизвестности. Что случилось? Почему нет от тебя писем? Родные, хотя бы вы написали! Неужели нет никого? Соседки, напишите вы! Что случилось с Гудзенко Ольгой Исаевной, матерью моей? Почему нет писем?!

Мамочка, родная, хочу быть уверен, что это проделки почты.

15.XII.42 г.

Дорогая мамочка!

Наконец-то я получил от тебя весть. Ты представляешь себе мое ощущение, когда я получил обратно свое письмо со страшной пометкой: «Адресат выбыл». Мамочка, дорогая, мне очень тяжело читать письмо твое. На старости лет ты странству-

ешь: Киев — Волга — Сибирь. Тяжело не только за тебя, но и за всю Россию. И письмо твое и образ твой. С мешком за плечами — это так матерински, так все и у всех.

Я сейчас в Москве. Много, очень много пишу. Печатаюсь. Кое-что посылаю. Пришло еще...

16.XII.[42]

...Наконец-то сегодня я получил от тебя письмо. Как говорится, пять гор с плеч. Волновался здорово[о] — так долго молчала (вернее, не ты, а почта). У меня все по-старому. О Мише: выглядит он хорошо, почти не изменился. Те же хохмы. Уехал он на Запад, ближе к фронту. Новая его специальность очень похожа на прежнюю. Говорил, что, вероятно, скоро будет работать совсем по специальности. У меня дела неплохие. Посылаю тебе 4 вырезки — последние самые. Недавно читал стихи в Лит[ературном] институте им. Горького, слушал их и Н. Н. Асеев. Очень (неожиданно для меня) хвалил их. Читал я многие ненапечатанные. Завтра читаю на вечеру в Московском ун[иверситете] им. Ломоносова. Так что постепенно кое-чего добиваемся. Настроение сейчас хорошее. Был вчера в клубе писателей на вечеру Б. Пастернака. Он читал великолепные стихи. Впечатление огромное...

9.IV.43 г.

..Самое главное: очень прошу тебя, не волнуйся — у меня все в полном порядке, чувствую себя великолепно. Теперь то, о чем я тебе сообщал: из печати вышли журналы «Знамя» и «Смена» и моя книга о Папернике, переведенная на еврейский язык. В журналах — мои стихи. Мамочка, дней через 7, получив авторские экземпляры, вышло тебе бандеролью.

Но самое замечательное — у меня выходит в Гослитиздате книга стихов⁶. Она получила высокую оценку И. Эренбурга, который ее рекомендовал. О книге очень хорошо отзываются и другие поэты и писатели: Асеев, Алигер, Маркиш, Анткольский и др. И недавно в клубе писателей на совещании о литературе в Отечественной войне Эренбург цитировал мои стихи и сказал о них: прекрасные. Успех меня окрыляет, но не кружит голову — я все понимаю не очень плохо. Конечно,

⁶ Речь идет о книжке «Однополчане», вышедшей в Гослитиздате в 1944 году.

мне очень приятно, что в 21 год я начал свою поэтическую судьбу и решительно и твердо. Не хочется думать и загадывать: а что будет дальше? Но сейчас на литературном фронте у меня наступление.

21.IV.43 г.

...Сегодня у меня торжественный день: в клубе писателей состоится мой творческий вечер.

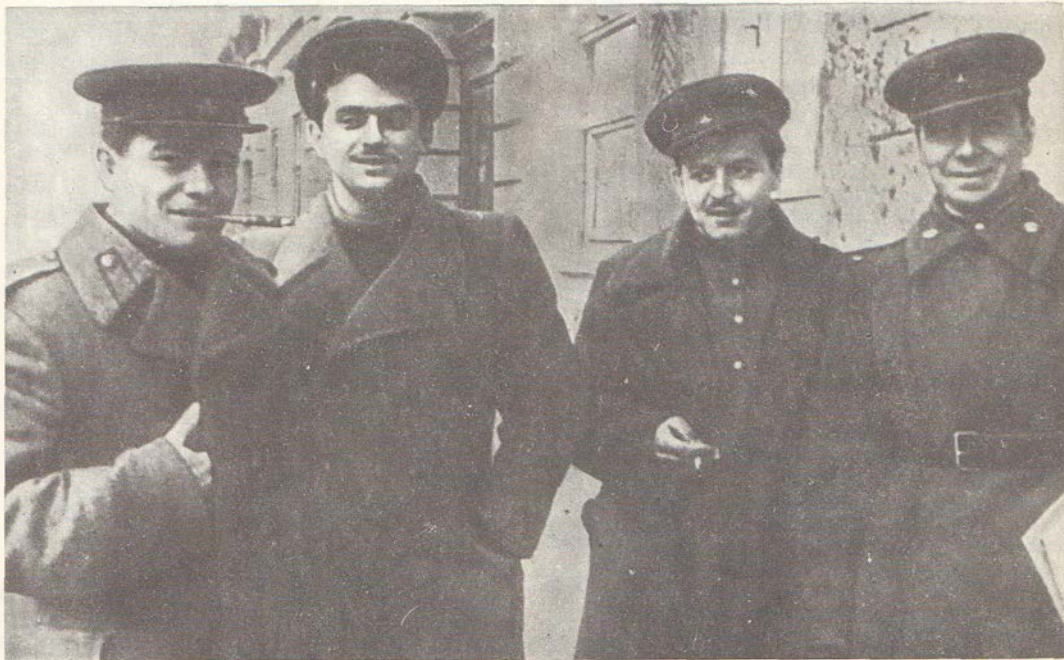
Вступительное слово — Илья Эренбург. Волнуюсь, конечно. Опишу тебе все подробно — завтра. Этот вечер — признание писателей. Для меня это важно — начало.

Мамочка, не волнуйся за меня. Как мне тяжело читать о грязи и огороде. При первой же возможности встретимся. Я бы сделал все, но пока я еще бессилён. При первой возможности встретимся.

Мамочка! Не думай беречь деньги для нас — тратить их только на себя. Хоть одну луковницу купи на 100 рублей. Умоляю, не сберегай для нас.

28.IV.[1943 г.]

...Вечер прошел неожиданно прекрасно. Я не думал, что так все это будет. Говорят, что два года не было столько народу.

«Ребята из газеты «Родина зовет».
1944 г. Второй слева — С. Гудзенко,
третий — Ю. Левитанский.

Мамочка, как видишь, дела только успешные. Через дней 5—6 еду в командировку в Сталинград. Туда выезжает бригада «Комсомольской правды» для выпуска на месте газеты. С трудом меня выпросили в нашей военной газете на время. Думаю, что пробуду там 2—2½ месяца. Это очень интересное дело. Я думаю, что доверие оправдаю — поработаю честно. И для меня это полезно — новые места, впечатления, люди, Волга.

Вступительное слово сделал Илья Эренбург. После этого я читал книгу стихов «Однополчане» и другие. Выступали в прениях Антокольский, Алигер, Щипачев, Галкин, проф. Розанов и много других. Вечер по праву был назван моими именами. Все говорили о рождении настоящего поэта и т. д. Как мне хотелось, чтобы ты услышала все это! В «Лит[ературной] газете» был дан отчет о вечере. Достану вырезку, пришлю тебе.

14.V.43 г.

...Вчера прибыл в Сталинград. Я здоров. Товарищи по бригаде прекрасные. Здесь будем выпускать газеты. Думаю в Москву вернуться к августу. Жара. Зрелище мертвого города, развалины. Напоминает Киев. Улицы, скверы, зеленые садики. Счастлив, что пришлось приехать сюда и здесь работать.

18.VII.43 г.

...Извини, что снова долго не писал. Времени не было. Был в отъезде. Сейчас снова дома. Да, дома. Опять часто бываю в Москве. Миша прислал деньги «на зелень» (так и пишет). Чудак по-прежнему. Не думайте мне посылать деньги. Мне они не нужны...

18.IX.43 г.

...Почему от тебя так долго нет писем? Я опять в Сталинграде, но уже собираюсь на Украину. Какие дела! Блестящие! Киевское направление! Нежин!

...Вероятно, в середине октября вся наша выездная редакция переберется в Харьков, а потом и в Киев. Настроение у меня, как и у всего народа, сейчас прекрасное. Жаль, что в такие дни я ничего не знаю о тебе и о Мише...

21.IX.43 г.

Родная мамочка! У меня все по-старому, но вот от тебя снова нет писем. Сейчас, когда к нашему Киеву все ближе и ближе подходят красные солдаты, мне особенно хочется снова, всей семьей быть на родине. Пока я еще в Сталинграде, но через месяц буду, по всей вероятности, на Украине — в Харькове, а может быть, и в Киеве. Вот так. Посылаю тебе книжку стихов, изданную в Сталинграде⁷. Московскую книгу видел, но экземпляров тиража не дождался — уехал. Мне пришлют — я тебе вышлю. Жду от тебя писем.

Здесь совсем случайно я встретил Фиму, одноклассника. Он практикант инженер-строитель. Привет тебе от него большой. Мамочка, скоро, скоро мы будем вместе.

4.X.[43 г.]

...Жив и здоров. Все у меня по-старому. Знаешь, так ко всему здесь привык, что даже не замечаешь руин. Сталинград оживает на глазах. Работы много. Но все же мечтаю о новых местах. Такой уж я. Думаю, что в ноябре буду на Украине.

Хотя, возможно, заеду в Москву. [Письмо порвано.]

Мамочка, жду твоих писем. Напиши мне, что есть от Миши. Я здесь в свободное время плотничаю. Это лучший отдых. Вспоминаю детство. Мастерил я лучше, чем стихи пишу. Вот так.

3.XI.43 г.

...Наконец-то пишу тебе из Москвы. Здесь я уже вторую неделю, но писать не мог, т[ак] к[ак] не знал, что со мной будет через день. Дело в том, что «Комсомольская правда» предложила мне 3-месячную поездку (один) по Украине. Это то, о чем я мечтаю. Но после всех удач в этом деле снова встал вопрос о демобилизации. Я снова отказался. Пока я остался на прежнем месте в Москве. Адрес немного изменился. Мамочка, здесь у меня блестящие условия для стихов, но я знаю, что через месяц — 1½ надоест сидеть в Москве, и тогда попробую уехать... пойми, что я еще не могу вызвать тебя сюда. Я — солдат. Но как только будет возможность, я все для этого сделаю. Верь мне, я об этом мечтаю. Мы будем жить вместе. С книгой была загвоздка, но теперь она уже подписана к печати...

24.XI.43 г.

...У меня все хорошо. Сообщения об Украине вдохновляют. Все ближе и ближе к Киеву...

...Сейчас удается бывать в театре. Смотрел уже много постановок МХАТа, Малого театра и т. д. То, что не занимало до войны, сейчас особенно волнует.

1944 г. [Начало письма утеряно].

...Теперь о себе. Ты меня ругаешь, что мало тебе пишу, что все такое прочее. Когда мы поговорим, ты меня поймешь лучше. Мне сейчас очень нелегко писать стихи. То ли от встречи с Киевом, то ли от чего другого. Я пишу сейчас не так, как мне хочется, а это для меня тяжелее всего. Поэтому у меня подчас паршивое настроение, и ты меня не ругай за то, что не шлю стихов. Мамочка, я упрямый и своего добьюсь, но временами бывает такое. Сама понимаешь.

До скорой встречи в Москве или в Киеве...

⁷ «Сталинградская тетрадь» издана выездной редакцией «Комсомольской правды» в Сталинграде.

24 декабря 1944 г.

...Это письмо пишется в Трансильвании, в городе Быстрица. Мы уже проехали несколько румынских городов, сегодня будем в г. Клуж, а завтра — в Венгрии. Поездка замечательная, но о встречах нужно рассказывать, а не писать.

Здесь встретили рождество. Праздновали очень любопытно, вчера были на балу, в общем ведем светский образ жизни. Много интересного. Немного пишу стихи, но больше смотрю и запоминаю...

22.II.45 г.

...Пишу тебе из той же столицы. Я решил немного задержаться — попросили поработать во фронтовой газете. Коллектив очень хороший, работа интересная. Все документы мне продлили согласно переговорам с политуправлением... Свое 23-летие встречу, конечно, на фронте. Целую тебя, родившую такого беспутного пиита. Первый бокал вина подниму за твоё здоровье...

Посылаю тебе стихи. Пишу много. В редакцию пошлю сам.

7.III.45 г.

...Думаю, что все предыдущие письма до тебя дошли. Я жив и здоров. Работаю. Доволен. Давно не имел возможности трудиться в полную мощность. Пишу все: очерки, стихи для газеты и стихи для себя. Все печатают здесь. А самое заветное готовлю для Москвы. Кое-что уже послал в редакции. Думаю, что часть будет напечатана. Хочется мне здесь остаться. Думаю, что выйдет. Если здесь будут оформлять, сообщу. Я по-прежнему в той же столице. Часто выезжаю, это для меня как хлеб. Был у институтского лучшего друга Юрия Левитанского. Он работает в одной армейской газете. Он приехал ко мне 5 марта⁸, и отмечали по-фронтовому. На столе стояла бутылка вина, лежали колбаса, сало и хлеб. Пили за тебя. И так, мне 23 года. Мало сделано, много пройдено. Черт его знает, куда занесет меня судьба? Но пока я на нее не в обиде. Все это очень интересно. И не хочется возвращаться, не побывав в Германии. Думаю, что там скоро буду, а значит, что и дома скоро. На пути моем Вена. Город, говорят, чудесный. Да и Будапешт очень красивый город. Правда, немного мрачноватый, тяжеловатый в архитектуре и скульптуре (страшно много памятников на всех площадях). Мамочка, волнуясь за тебя, но что я могу поделать. Опять мы в разлу-

ке. Ничего, наверно, очень скоро кончится война и очень скоро встретимся...

8 марта — завтра ваш день.

Поздравляю тебя, тетю и всех соседок и всех знакомок!

Целую.

18.III.45 г.

...Я все такой же. Живу, работаю, разъезжаю. Пишу, как никогда, много. Это меня очень радует и бодрит. Вопрос о моей судьбе еще не решился. Но я уверен, что решится он очень хорошо, потому что такие писаки, как я, здесь нужны. Был уже в Словакии. Очень интересная страна. Живописные горы, чудесные местечки — древние, пестрые, ароматные.

...Посылаю тебе два фото. Это я снят с друзьями из двух газет. Я стал очень толстый и усатый...

25 марта [1945 г.]

...Пока единственное, что я от тебя получил, это древнее письмо, пересланное мне Гуторовичем. Кстати, статейка в «Комс. правде», ругнувшая его и меня, — пустяки. Ты абсолютно будь в этом отношении спокойной и в дальнейшем. Раз уж ты мать поэта — терпи подобные штуки. А ругать меня еще будут здорово. Это вообще на послевоенные годы. Шучу. Все это дребедень.

Мамочка, только вчера вернулся из очередной командировки... Поездил интересно. Много очень любопытного, как всегда, на войне и фронтовых дорогах, но об этом нужно рассказывать. Сегодня второй раз ходил в Будапештский королевский оперный театр. Слушал «Фауста», а на той неделе — «Богему». Театр вроде киевского, артисты неплохие, художник чудесный, публика местная очень занятная.

...По-прежнему много работаю. Пишу все. Много стихов...

Я с каждым днем все больше и больше становлюсь человеком этого фронта, т. е. возвращаюсь за несколько месяцев до конца войны, не побывав в Вене и Праге, Мюнхене и Берлине, мне, по совести говоря, не хочется...

ЦГАЛИ СССР, ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 107.

⁸ 5 марта — день рождения С. Гудзенко.

Борис Горбатов

Автобиографические записи

Есть в русском языке хорошее слово: «работа». Упругость, напряжение, мускулистость в нем. И приятная усталость мастера.

Встречаясь, писатели спрашивают друг друга: «Товарищ, над чем работаете?»

Не похлопывают друг друга по коленкам: «Чего пописываете?», не делают страшных глаз: «Творите, коллега, что?», а просто и мужественно: «Над чем работаете, товарищ?».

Вы заметили: старые романы часто начинались так: «В одно прекрасное утро 188... года...» Было все равно — в 1883 или в 1887 году происходит дело — жизнь текла по желобам годов безбурно. Поэтому: «в одно прекрасное утро 188... года».

Вы заметили — у нас сейчас так не пишут. Нельзя так писать. Потому что 1920-й год совсем не 1921-й и 1927-й ничуть не 1929-й.

С каждым годом меняется лицо страны, в которой мы работаем. Меняются лица людей — и не только внутренне, но и внешне. Биографии людей (и писателей в том числе) тоже изменились. Совсем не такие биографии были раньше.

Я не стыжусь написать здесь: родился в 1908 году. Знаю, что бесовестно молод. Но это моя единственная творческая перспектива. Я родился в Донбассе на, Петро-марьевском руднике Луганского округа. В Донбассе — детство, отрочество и юность. В Донбассе — первый заработанный кусок хлеба. В Донбассе — вступление в детскую коммунистическую группу (1921 г.), переход в комсомол и потом в партию.

Первая литературная работа там же, в Донбассе.

Работу пером я начал как стенгазетчик, потом как рабкор донецкой газеты «Кочегарка», потом как ее сотрудник.

Вы помните газеты тысяча девятьсот

Борис Горбатов.

двадцать второго года? Они вопили о голоде в Поволжье, но голод был всюду, во всем: не было хлеба, не было денег, не было работников, машин, бумаги. Губернская наша газета часто выходила на оберточной бумаге. Иногда на тяжелой, буркоричневой, как кора старых сосен. Иногда на юной, розовой, как платице девушки к пасхальному дню. Иногда на казенной синей — похоже было не то на чертежи, что валяются в конторке мастера, не то на бумагу для упаковки сахарных голов.

В эти замечательные дни и родилось слово «рабкор». Четырнадцать лет отроду я был рабкором и сотрудником нашей «Кочегарки».

Говорят: газета губит писателя. Может быть, не знаю...

Но вредные иллюзии она губит. И барское отношение к работе губит. И (если газета большевистская, а я только о такой

и говорю) и розовую либеральность, бесхребетность, посторонность уничтожает в корне.

У газетчика скептически прищуривается глаз. Газетчика не обманешь. Всякую вещь он берет на ощупь, на зуб. И если радуется — так делу, и если поет песнопение — так за дело.

Поверьте: газетчик постыдится написать триста страниц романа о том, как некий N устраивал лад в своей душе и приводил в порядок никчемные свои любвишки.

У большевика-газетчика всегда целеустремленность, всегда — масштаб, всегда — коллектив.

Я горжусь, что больше десяти лет работаю в большевистской печати. Сейчас я в «Правде», о которой Безыменский уже писал, что это лучшая большевистская школа для коммуниста-писателя.

«Правда» посылает меня на новостройки, на старые заводы, на шахты. Я еду по делу. Поэтому я не только вижу, как великолепно польхает закат над домной, выдающей плавку, — я могу и ощупать завод по-хозяйски, в деталях, по-деловому, без дураков.

Но я отлично знаю: много, ой много нужно газетчику, чтобы стать писателем. Слово — железо. Из него можно выковать и добрый топор, и острый резец, и блестящий кинжал.

Каждому свое. Кто к чему приставлен — как говорил мне как-то доменный мастер Иов Тимофеевич Кабанов.

Я писал раньше стихи. Кто в восемнадцать лет не писал стихов — пусть бросит в меня камнем! Стихи даже печатались.

Мне кажется, я вовремя понял, что я никакой не поэт.

Сейчас, когда пишу эти строки, мне думается, еще не пришло время понять, что я и не беллетрист: мне всего 25.

Первая книжка «Ячейка» была первой пробой. Я писал ее и мучился: да так ли вообще пишутся литературные произведения? Каждое место вызывало сомнения: литературно ли, так ли, как у людей? Живые люди, те, с которыми работал рядом, памятные факты, случаи. Большие и малые, но одинаково трогательные и дорогие мне ячейковые события — все упорно наступало на молодого автора.

Они заглядывали через плечо, как я пишу, они властно диктовали свою волю. Это была борьба неумелого подмастерья с сопротивляющимся и имеющим свои законы материалом.

Вы видели, как дают плавку? Горячий,

белый как молоко чугуна, пузырятся и искрятся, вырывается из летки и рвется в желоба. Горе, если желоба плохо обмазаны, если малы перевалы, если не умелы горновые и чугунышки, если плохи ковши — неукротимый чугуна залет литейный двор, сожжет рельсы. Быстро остывающий, он окаменеет, и тогда поди-ка выруби его.

Так застывал в «ячейке» бесформенной грудой живой, горячий материал, тоскующий по руке мастера.

Работа над «Ячейкой» была пробой. Я учился на ней технике истинного мастерства.

Но и тогда уже понимал я, что истинное мастерство в простоте.

Чтобы писать просто, нужно иметь прежде всего большое мужество.

Потому что писать просто — труднее всего. Легко читаемые страницы — наиболее пропитаны потом мастера. Писать просто — это и не так эффектно. Критики благословляют писателя на легкий подвиг: писать с вывертами. Писатели часто ищут эффектного, случайного, трагедийного в языке, в сюжете, в людях. Оскар Уайльд о своем времени хорошо сказал: «В наше время развитые сердца выдерживают много изданий». Не мало и у нас певцов разбитых и неустроенных сердец. Певцы эти объявляют агиткой произведения, пропитанные оптимизмом здоровых людей — работников. Вожди эти ругают эмпиризм произведения, написанные людьми, прощупавшими жизнь собственными руками.

Я знаю: есть простота мастера, в совершенстве владеющего пером, и есть простота, которая хуже воровства. Простота неумения или робкого списывания с великих стариков.

Простой до прозрачности, ясный до стеклянности язык, обладающий в то же время всеми запахами и красками настоящей жизни, самостоятельный, индивидуальный, темпераментный, волнующий не страшными словами, а настоящей жизненной глубиной прочувствованной правдой — вот как бы хотелось написать.

«Ячейка» (и это итоги) заставила меня понять 1, что я еще не умею отдельные факты, житейский материал, натуру людей организовывать и спаивать в цельное художественное произведение, и 2, я вижу еще поверхность явлений, но не добираться до их глубоко идейного смысла, до корня корней, связей, места в эпохе — одним словом, в горе явлений не умею находить «философского камня».

Идеи, которые волнуют меня и страну, в которой я работаю, невысказанные и, что еще хуже, часто недопонятые мной, бьются, туго ворочаются под языком — и нет для них настоящих слов, слов мастера.

Снисходительные друзья, читатели говорят, желая подбодрить:

— Знаете, ваша «ячейка» — ну словно наша! Очень хорошо — очень похоже...

Очень похоже — значит очень хорошо?! «Похоже» — о, это я умею! Ведь я не со стороны пишу. Я — свой. Но мне не хочется писать только: «похоже». Хочется, чтобы читатель ударил себя по лбу: «Батюшки! Да как же я раньше не видел того, не понимал того, что рассказывает писатель?!»

Но объяснить мир затем, чтобы его переделать, — и хочется, чтобы читатель, отшвырнув нетерпеливо книжку в сторону, немедленно побегал что-то делать, строить, ломать, перекраивать, одним словом: делать то, к чему зовет автор.

Так, с такими мыслями и заданиями, подошел я к «Нашгороду».

Я прекрасно понимал, не самообольщаясь: мне нельзя браться за эту тему. Молод. Я отбрасывал ее, боролся с ней. Но ничего другого писать не мог. На моих глазах разыгралось одно из тех «дел», которое называется гнойником. Я работал в этой организации, даже активно работал, думал, что хорошо работаю. И «вдруг»... «гнойник». Как же я этого не видел? Где же я был? Почему? В чем дело?

Это был крепкий удар — и я стал писать «Нашгород», роман о благодушии, оппортунизме, примиренчестве и семейственности.

Писать было еще труднее, чем «Ячейку». Правда, у меня уже был опыт, некоторая техника, некоторое умение. Я подминал материал, не давал ему над собой воли. Я чувствовал, как под моими руками растет стойкий костяк произведения, — у него были голова, плечи, ноги, все как надо. Беда была не здесь. Беда была в том, что этот костяк был мне как раз по росту. Я не мог подняться выше его, опереться на его плечи и заглянуть дальше города Нашгорода, дальше и вокруг.

Остервенело бросал перо, не умея разобратся в глубине тех острейших, основных вопросов, которые сам же призвал к жизни.

Творческой среды тогда у меня не было, ибо группа во главе с Панферовым еще не сорганизовалась. Свою руку к работе над романом приложили те люди, ко-

торые потом зашвыривали грязью автора.

Строки, которые я сейчас пишу, — мое первое высказывание по поводу «Нашгорода». В то время, когда лихие наездники из авербаховской кавалерийской школы упражнялись в приклеивании ко мне и к моим товарищам всяческих ярлыков, — я был далеко, на турецкой границе, в рядах Красной Армии. В печати поэтому не выступал.

Пользуюсь случаем заявить следующее: мне ясны отдельные ошибки политического и творческого характера, допущенные в «Нашгород[е]». На них впервые, между прочим, указал тов. Панферов на диспуте на заводе им. Ильича еще тогда, когда Селивановский и др. пели Осанну «Нашгороду». Я целиком согласен так же со статьей тов. Новича в «Октябре», указывающего на ряд моих ошибок.

Но я не отказываюсь от этого произведения, проникнутого духом яростной ненависти к гнойной, благодушной и антипартийной трегубовщине.

Критики единодушно, и даже самые яростные из них, признавали рост автора «Нашгорода». Это признание, зачастую вынужденное, я принял без какого-то ни было чувства удовлетворения. Честное слово, было бы странно, если бы было иначе: каждое новое произведение молодого автора обязано быть лучше предыдущего. Или — в печку.

Творческий опыт первых двух книг подвел меня к произведению, которое я пишу. И на котором хочу в третий раз сломать шею. Я опять взялся за непосильную тему. Мне хочется развернуть, показать мое поколение, поколение людей, которым в Октябре 17 года было десять лет, которые не делали революции, но росли в революции и сейчас заступают на места стариков. Откуда идет это поколение? Как? Куда идет? Какие идеи несет с собой? Кто они — эти мои ровесники, все ли здесь свои? Какой он — враг моего возраста?

Я знаю: тема непосильна. Но, честное слово, если уж падать — так лучше падать с небоскреба, чем с курятника. Вот все.

В эту книгу, которую я пишу, я вложу все, что видел, все, что думал, чувствовал за всю недолгую свою жизнь. Вложу все, до капли. И останусь пустой, выпотрошенный.

А там — посмотрим!

ЦГАЛИ СССР, ф. 2203, оп. 1, ед. хр. 152.

Публикация подготовлена М. Ситковецкой.

Михаил Голодный

Автобиография

Я родился в 1903 году в городе Бахмуте (Артемовск). После разгрома первой революции семья, кочуя в поисках заработков, осела в городе Екатеринославе (Днепропетровске). Отец работал на пушной фабрике, агентом-сборщиком компании «Зингер», чернорабочим на мельнице. Сейчас он работает на фабрике «Строймат», где, несмотря на свой преклонный возраст, числится ударником.

Мать моя занималась молитвами, проклятиями и поденной работой на дому у имущих.

В начале империалистической войны, не окончив городского училища, ушел на фабрику. Работал штамповщиком, работал подмастерьем, упаковщиком на мануфактурном складе Барага.

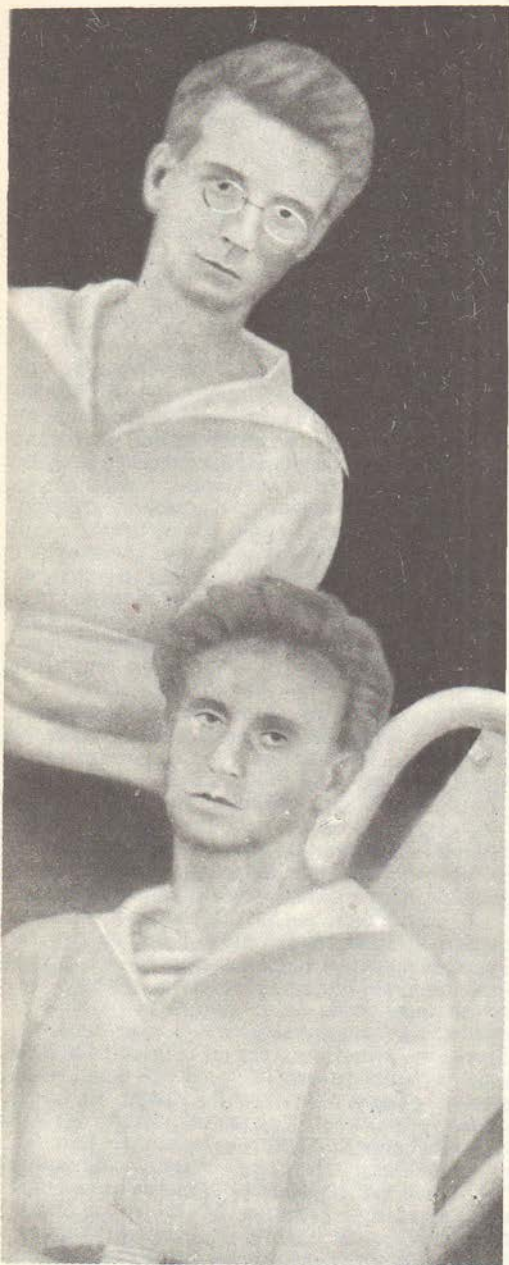
За небольшим перерывом детство провел на улицах Екатеринослава, у берегов Днепра среди детей ремесленников и рабочей бедноты. Трещал бумажный змей над головой, проходили облака, голубело небо. Спасаясь от жары и насекомых, спали на крышах. Захватив краюху хлеба, отправлялись на поиски неоткрытых кладов в курганах в степи. Делали набеги на огороды, сады, бахчи. В зимние вечера дрались с реалистами и гимназистами, не зная пощады, не признавая пленных. Все это прошло как молния — быстро, ярко, неслышно...

Февральские дни. Узнав об отречении Николая Второго, хозяин набавил мне два рубля в месяц, а кадет Жоржик, сын офицера, хотел пожать мне руку, говоря: «Теперь все равны». Декабрь. Город живет той напряженной жизнью, которая понятна только людям гражданской войны, людям подполья на юге. Пустые улицы, заколоченные магазины, неизвестность. Моя тринадцатилетняя (с половиной) голова отказывается понимать начало мировых событий. Тревожные гудки заводов, первые выстрелы на Екатерининском проспекте. Завязывается бой между нашими и гайда-

маками. Будущие организаторы комсомола участвуют в защите Совета. Утро переворота. Митинги. Красногвардейцы. Брожу по улицам, от переулка к переулку, прислушиваясь, разглядывая незнакомых и знакомых. Узнаю о существовании кружков молодежи, но где они находятся, что собой представляют, чего хотят — не знаю. Так проходит месяц, два, три...

В апрельское утро восемнадцатого года увидел впервые каски немецких оккупантов. Командный состав — офицеры и унтеры, чисто выбритые, сытые и довольные, вежливо объяснялись с местной интеллигенцией, звеня шпорами, кокетничая выговором. У почтамта, однако, были выставлены пулеметы, маршировали солдаты, проходили бронемашинны. В полдень перевозили на грузовиках, на подводах расстрелянных, повешенных, зарубленных. Руки, ноги, головы, солнце, зелень на бульварах, ненависть, томление, боль в сердце. Немецкий оркестр в саду; в ресторане «Звезда» толпы нарядных женщин; за столиками офицеры, тянущие из бокалов через соломинку темную, неизвестную мне, наверно, сладкую жидкость. Поглядывая издаലെа, прислушиваясь к музыке, я вдруг понял, что значит чужой праздник.

Центральная рада и гетман Скоропадский. На улицах — вартовые. Однажды вечером ко мне явился с таинственным видом сын рабочего Брянского завода Саша Беликов. Он спросил меня, знаю ли я о существовании рабочих кружков молодежи, помогающих работе Коммунистической партии. Он наштал мне в ухо полный курс стратегии и тактики. Назавтра я отправился на курсы рабочей молодежи, где узнал, что Саша Беликов — не Саша Беликов. И мне сообщили его длинную причудливую подпольную кличку. Через неделю мне было поручено распространить подпольную газету (если не ошибаюсь, «Молот»), что было проделано мною в моем районе с большим сердцебиеием и с большой охотой. Конец восемнадцатого и весь девятнадцатый — как в калейдоскопе: Махно, Деникин, Шкуро, опять Махно, Петлюра, опять Деникин, Григорьев на Кайдаках, Слащев, повешенные, кричащие улицы. К этому времени «спустился» в нижний район города. Узнал, наконец, о других кружках: «Труд и свет», «Маяк», клуб «Третий Интернационал». Городской район — на Казачьей улице. Первый журнал «Юный пролетарий». Среди редакционных работников на-

Михаил Голодный (справа)
и Дмитрий Кедрин.

шел М. Светлова. Первое мое стихотворение напечатано в «Юном пролетарии»¹. Работал в газете «Грядущая смена». Запомнился смутно эпизод. Передовые отряды Махно бродят по улицам. В типографии на проспекте против выставки я и член бюро губкома печатаем праздничный номер газеты. Электрическая станция не работает, энергии нет, и мы приводим в движение машину ручным способом. Один из нас подкладывает белую жесткую бумагу, другой стоит у машины. Высоким, жирным подвалом получается мой рассказ «Ванька». (Впоследствии я передал его для издательства ЦК КСМУ, назвав «Васька с Александровской улицы»². Он попал в хрестоматию, и, услышав о нем, я до сих пор краснею.)

После окончательного разгрома всех сил противников нашими войсками на Украине я был послан представителем губкома комсомола в жилотдел, где попал в комиссию по переселению буржуазии в подвалы рабочих, а рабочих — в дома буржуазии. В этой комиссии рабочий-партиец (Буценко или Быценко) обучал меня закалять свою волю. Увидав меня атакованного просителями с зонтиками, с этжерками на руках, он говорил: «Ты их слезам не верь, сердцу воли не давай... Мы сто лет плакали». Или: «Старушенции эти в семьдесят первом году нам глаза выковыривали — читал?» И почти всегда неизменно прибавлял: «А стишки свои брось, не дело это для нас...» Что может быть среди наших писателей, он не верил, а чужих не любил. Неоднократно мне приходилось сталкиваться с этим отношением к вопросам литературы в рабочей и комсомольской среде, и преодолеть его было трудно. Сейчас эти причины более ясны, но тогда бороться с ними просто не было времени. Особенно тяжело было встречать это отношение со стороны товарищей из интеллигенции, которые, зная цену «надстройкам», однако, отмалчива-

¹ Первое стихотворение М. Голодного было напечатано в екатеринославском журнале «Юный пролетарий» в 1920 году.

² «Васька с Александровской улицы». Харьков, 1923.

лись или, хлопая по плечу, говорили: «Ничего, брат, и мы научимся. Вот Максим Горький — то — великий писатель». Этим мнением как бы подчеркивалась исключительность факта — появление из пролетарских слоев великого писателя. По улыбке, по тону у этих товарищей я догадывался, что они не сознанием — сознание разоблачает их! — а каким-то седьмым, мелким, рабским чувством не верят в культурные силы и возможности рабочего класса.

В двадцатом году я вместе с М. Светловым был командирован губкомом на Всероссийский съезд пролетарских писателей, созданный ЦК Пролеткультов. Эта поездка незабываема по приключениям и воспоминаниям. К моменту моего возвращения в Харькове Врангель прорвался к Днепропетровску, разезды его подбирались к станции Синельниково. В ЦК КСМУ меня снабдили документами, и я отправился кружным путем — через Полтаву, Кременчуг. Не помню уже, каким образом снова встретился с М. Светловым (он остался в Москве в тифозном бреду) в Крымско-Донбасском оргбюро Пролеткульта. Восемь месяцев мы разъезжали по Крыму и Донбассу в двух отдельных вагонах со штатом сотрудников, с книгами, пьесами Пролеткульта. У нас был комендант, несколько красноармейцев, граммофон, гитара и два пуда манной крупы. Я был завредиздат, Светлов — орготдел, но не было необходимости издавать и не было кем руководить. Иногда у нас начинались перестрелки, иногда формальный бой с отставшими матросами или заградительным отрядом, не признающим нашего мандата. Тогда мы в виде не то перемирия, не то в виде угрозы привешивали к окну нашу вывеску «Крымско-Донбасское орг. бюро Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткультов». Разъезжая от города к городу, я убедился в моей популярности во «многих лицах». Десятки и сотни стихотворений, лозунгов, басен, надписей к плакатам, сюжетных баллад! Они рассыпались по газетам комсомола, перепечатывались в военных летучках, висели на стенах клубов, на улицах городов. У меня было пять псевдонимов для «черной работы» и только один для той, которую я считал главной. Никогда не признавался я, что обслуживаю еще пять поэтов, ибо М. Светлов был тогда имажинистом, а я считал себя «комсомольским лириком». Но бывало, что, подавая приступам тщеславия, я, тыкая

пальцем в какую-нибудь газету с моим стихотворением, говорил красноармейцу Епифантьеву (я печатал стихи и под его фамилией): «Ваня, а ведь это — мое». Но товарищ мой был неграмотен и, ткнувшись лицом в газету, отвечал односложно: «Да-а, того... я... не разберу...» Или: «Темно... того-этого». Никогда и нигде не издавал я этих стихов, о чем ничуть не жалею.

Еще раз при помощи губкома комсомола я был отозван в распоряжение ЦК КСМУ. Работал в коллегии Политпросвета ЦК. Дважды на бюро ЦК ставился вопрос об издании моей первой книги стихов. Наконец, несмотря на недостаток бумаги, было принято решение издать ее³. Она выдержала два издания. «Сваи» были первой книгой комсомольской лирики на Украине. Помню статью Брюсова «Вчера, сегодня и завтра в русской поэзии». Он нашел какие-то новые, не проторенные пути в этой книге. Какие? До сего дня я не знаю, что он хотел этим сказать. В этой книге риторика заглушала лирику, и небольшой налет имажинизма делал ее на новом материале свежей других. Впрочем, каждый находит то, что ищет.

Вскоре в Харькове вышла моя вторая книга — «Земное»⁴. Редакция журнала «Молодая гвардия» в Москве перепечатала оттуда стихотворение «Со станком». Кажется, это стихотворение действительно стало популярным. Написанное вдруг, оно по форме своей было примитивным, но на нем лежала та необъяснимая печать удачи, которая всегда будет темной для защитников формального метода.

К концу двадцать третьего года я в Москве. Рабфак имени Покровского. Диспуты, лекции, выступления. Работа в журнале «Молодая гвардия», состою в группе «Октябрь»⁵. Печатаю стихи в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия». В газетах «Комсомольская правда»,

³ «Сваи» — изд-во ЦК КСМУ, Харьков, 1922.

⁴ «Земное» — изд-во «Пролетарий». Харьков, 1924.

⁵ Группа «Октябрь» — литературная группа пролетарских писателей. Организовалась в 1922 году. Ядро группы составили вышедшие из «Кузницы» (А. Малышкин, С. Родов и др.), члены группы «Молодая гвардия» (А. Веселый, А. Везьменский и др.), члены группы «Рабочая весна» и др. Группой издавались журналы «Октябрь» и «На посту». Группа просуществовала до 1925 года.

«Правда». Выходят при моем участии комсомольские альманахи. В издательстве «Молодая гвардия» выходят мои стихи в дешевой массовой библиотечке. Там же — второе издание «Земного». В издательстве «Новая Москва» — «Дороги».

Заострив свои разногласия с группой товарищей из «Октября», ухажу работать к А. Воронскому. Со мной — М. Светлов, Н. Кузнецов, А. Веселый, В. Казин из «Кузницы»⁶. Организовываем альманах «Перевал»⁷. Хвастаю позицией качества, не зная еще, куда она может привести. Мучительно работаю над творческим методом, стараясь выработать свое отношение к материалу: слову, языку, синтаксису, рифме. Люблю полную рифму! Даже глагольную! Печатаю стихи: в «Красной нови», в «Новом мире», в «Красной ниве», «Перевале». В издательстве «Молодая гвардия» — книга «Новые стихотворения»⁸. Пятнадцать стихотворений написаны в этой книге за трое суток, и это кажется мне лучшим, что я написал. Все чаще печатаюсь в «Прожекторе». Лучшие статьи о поэтах первого, второго и третьего призыва прошли через руки редактора «Прожектора» Л. Ю. Шмидта. Не в пример другим у него отсутствовало трусливо-осторожное отношение к молодым, и помощь его заключалась не в нравочении, а в подлинном товариществе.

К началу двадцать восьмого года «Перевал» стал не тем, кем хотел быть в дни его организации комсомольцами и партийцами. Позиция качества окрасилась в явные политические цвета, враждебные рабочему государству. «Лишний человек» шестидесятих годов Аполлон Григорьев избирается в вожди. На местах в провинции среди перевальцев все чаще попадают молодые люди с признаками юродства. Они разговаривают мистическими жеманами, быстро и нервно тянут воздух, шмыгая носом, и ноздри у них при этом подозрительно белеют. Но самым печальным было не это. Удручающе и страшно было слышать слова одобрения с их языка.

Возвратившись из поездки по провинции, я решительно порвал с группой «Перевал» и ушел снова в Ассоциацию пролетарских писателей⁹.

В издательстве «Огонек» вышла моя книга «Избранные стихи»¹⁰. В ГИЗе — первая книга лирики «Стихи и песни»¹¹.

Все лето тридцатого года работал над переводами поэтов из народов СССР: переводил татар, грузин, белорусов, евреев, украинцев, чеченцев, узбеков. В свою

очередь, читал свои стихи в переводах украинских и еврейских поэтов. Встречал свои стихи в переводе иностранных авторов: на немецком в «Югенд-интернационале», на английском — «Октябрь в русской литературе» переводы Д. Кюница. Осенью — у себя в Днепропетровске с А. Безыменским на заводах. Писал снова лозунги, эпиграммы, басни, песни, «состязаясь на скорость», вспоминая девятнадцатый год. Ничего из этих работ не издавал и не печатал в центральной прессе. Писали о моем творчестве иногда в общих, иногда в отдельных самостоятельных статьях Л. Лелевич, Г. Горбачев, Львов-Рогачевский, А. Лежнев, А. Воронский, М. Зенкевич, А. Селивановский, В. Полонский, Л. Авербах, Н. Осинский и др. Встречал интервью о себе и Светлове в ленинградской газете «Смена» А. Луначарского. Кажется, он там подержал нас. В той же газете статья-обзор

⁶ «Кузница» — литературное объединение, существовавшее в Москве в 1920—1931 годы. Ядро «Кузницы» составила группа пролетарских поэтов, вышедшая из Пролеткульта (В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин и др.).

⁷ «Перевал» — литературная группировка 1923—1932 годов. Организована под руководством А. Воронского при журнале «Красная новь». Первоначально объединяла литературных (главным образом поэтический) молодых (М. Светлов, М. Голодный и др.), отколовшись от «Молодой гвардии» и «Октября». Вскоре в «Перевал» вошли писатели-прозаики (А. Малышкин, И. Катаев, А. Веселый, П. Павленко и др.), поэты и критики.

Группой издавался альманах «Перевал».

⁸ «Новые стихотворения». М., изд-во «Молодая гвардия», 1928.

⁹ РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей. Оформилась в 1925 году под названием Всероссийской АПП (ВАПП) и объединила основные пролетарские кадры на литературном фронте. РАПП отстаивал принципы классовости в вопросах как художественного творчества, так и общего развития культурной революции. Вопросам учебы, творческого самоопределения придавалось особое значение в работе организации.

РАПП не был свободен от ряда грубых литературно-политических ошибок — групповщины, элементов обособления, преувеличенного представления о своей роли, отрыва от практики социалистического строительства и пр. В связи с успехами социалистического строительства нужда в особой организации пролетарских писателей отпала. Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года РАПП был ликвидирован.

¹⁰ «Избранные стихи». М., изд-во «Огонек», 1927.

¹¹ «Стихи и песни» — 1930 г.

Н. Асеева: он тоже там поддержал нас. Наиболее интересную статью о себе читал в ленинградском журнале, перепечатанную в сборнике «Молодая поэзия». Заглавие статьи — «Поэт без маски», автор — А. Горелов.

Имеются биографические сведения обо мне в советских энциклопедиях: в Большой, Малой и Литературной.

За тридцатый — тридцать первый годы напечатал ряд новых стихов в «Новом мире» и «Прожекторе». Стихи эти собраны мною в отдельную книгу.

25/VIII 1932

Мих. Голодный

ЦГАЛИ СССР, ф. 1624, оп. 1, ед. хр. 42.

Публикация подготовлена А. Важенковой.

Джек Алтаузен

Из дневника

Алтаузен Джек (Яков Моисеевич) родился в 1907 году на одном из золотых приисков Сибири. Обошел и объездил Дальний Восток. Много повидал, многому научился. Первые стихи опубликовал в 1922 году в Иркутске. Алтаузена привлекали пафос труда, горячий задор первых строителей новой жизни. Много писал о комсомольцах, одержимых и самоотверженных. Писал стихи для детей. А когда началась война с белофиннами, пошел работать во фронтовую печать.

К началу Отечественной войны Алтаузен уже был опытным фронтовым газетчиком.

Он писал о подвигах, о героизме, о мужестве и стойкости советских людей, об их горячей вере в победу.

В 1942 году, когда его часть попала в окружение, он отказался вылететь в Большую землю и погиб в бою под Харьковом.

Публикация подготовлена Т. Кошелевой.

1928 г.

Иногда хочется кое-что записать.

Сейчас я работаю над поэмой «Опасный сосед».

Мучаюсь, а что выйдет? Мне кажется, я над этим много думал, и все-таки я имею право пользоваться счастьем поэтического труда. У бездарности не может быть такого

благоговения, такой любви, какая есть у меня к моему труду. Выйдет ли из меня поэт? Я думаю, что да, если не помешают объективные причины. Я чувствую, что где-то там под слудом лежит многое, о чем бы я мог сказать. А как горько сознавать, что ты еще ничего не сделал! Как больно думать, что, может быть, и не сделаешь. Самоусовершенствование — вот что мне нужно. Неужели я простой графоман, которых так много развелось в «подлунном мире»? Боюсь этому верить. Нам, молодежи, вышедшей из малокультурной среды... до сознательного возраста... почти ничему не учились.

То, что в культурной среде усваивается сызмальства, входит в плоть и в кровь, то нам, после, дается с большим трудом. Надо переварить очень многое сразу. Мне скоро 22, а что я знаю — ничего. Я невежествен убийственно. «А невежество — никогда не торжествовало» (Маркс). Что у меня? Мрачное детство, в 16 лет я был серьезен до глупости (это от одиночества). От 11 до 14 — чужие люди (Шанхай и проч.). Потом бревна на Ушакове, потом Иосиф [Уткин] (счастливая звезда). Москва, 4 года пустой стиходелаческой работы.

Как я счастлив, что, наконец, понял, какая огромная радость — стихи, как надо беречь себя от всякой пошлости. Пошлость и поэзия несовместимы (это я говорю без уездной высокопарности). У Лермонтова — пошлость напускная, это стиль (видите, какой я циник, какой я отпетый негодяй, и я знаю, что я вам нравлюсь), если бы он не был убежден, что...

15 октября 1928 г.

Вчера приехала мать.

Два дня не работал над поэмой. Ночью видел сон, будто все, что сейчас пишу (поэма), чувствую. Я прочел, надо мной издевались. Проснулся с холодным потом. Ах, как не хватает культуры! Иногда чувствуешь себя рыбой, выброшенной на песок, которая тщетно хочет вдохнуть полными жабрами. Куда ни тынешься — ничего не знаешь. Бьет до кости врожденная малограмотность. (Университет даже, если иметь жизненный максимум и посещать его аккурратно, ничего не дает. Студенты — большинство с низким уровнем, а к тому же там скучно.) Чего-то нет...

Прочел статью Белинского о Полежаеве, ах, милый умница, как четко сформулировано и как злободневно для нас! Всякий талантливый писатель, кроме всего прочего, должен быть документом своей эпохи... Я убежден, что писатель может быть одина-

Джек Алтаузен.

ково развит и политически и литературно. Быть развитым литературно — это значит, ой, как много знать. А где же при нашей малокультурности разбрасываться! Политически нужно, конечно, быть грамотным, это абсурд, что без этого можно быть писателем.

20 октября. Поэма почти кончена, то есть приведена в такое состояние, когда ее без особого страха можно продиктовать на машинку. По-моему, или величайшая дрянь, или определенно хорошая вещь, которая вызовет толки. Ох, если б это было так! Тут дело не в честолюбии, но неужели я бездарь и не имею права писать? Если поэма будет обречена на неудачу, я не знаю, что со мной будет. Милые, дорогие, неужели это будет так?..

Из дневника Финского фронта. 1940 г.

13 марта 1940 г.

В 10 утра мы узнали, что военные действия с финнами будут к 12 часам прекращены. Осипов, Бершадский и я ринулись на передовые позиции; к 11 мы были там, артиллерия уже не работала, с правого фланга еще действовали финские автоматы и минометы, за сопкой Черная шло последнее сражение.

Мы вошли в блиндаж к комбригу. Перед блиндажом стояли бойцы и радостно обсуждали конец войны. У всех взволнованное, приподнятое, праздничное настроение.

В блиндаже у комбрига сидел пленный финн. Его только что привели. Попади он вчера, его бы закололи на месте, а сегодня он сидит и ест сало, испуг прошел, мирно рассказывает, что давно думал сдаться. Щупленький, с рязанской простоватостью в лице, он похож на поросенка, которого уже никто не трогает, и поэтому он не визжит. Мне кажется, что это финский дезертир, который, узнав об окончании войны, решил сдаться в плен и этим уберечь себя от обвинения в дезертирстве.

В 12 часов мы вышли из блиндажа комбрига и пошли пешком к высоте Черная, за которую шел двухнедельный бой...

...Возвращаясь обратно к штабу корпуса, я напоролся на свалку трофейного оружия. Меня особенно поразили торчащие из этой груды штыки, на которых застыли ручки крови и мелкие обрывки человеческого мяса. Штыки удивили меня, они сверкали на солнце, это была деталь, которая натянула мои нервы до предела. С закрытыми глазами я сел в машину и боялся раскрыть их, чтобы еще раз не увидеть торчащие над полем боя окровавленные штыки.

До Суоярви мы ехали с остановками, машина застревала, пропускала колонны, в одном месте вытаскивать застрявшую нашу машину подошел боец в каске; мы дали ему закурить, он заплакал, вчера у него убило двух братьев. Они все втроем служили в одном батальоне, в одном взводе, в наступ-

ление пошли вместе, снаряд разорвался рядом, братья были убиты на месте, а он остался жив. Все комсомольцы. Мы крепко пожалы ему руки и поехали дальше...

К вечеру приехали в Суоярви. Ужинать я не стал. Пришел в каморку, где я живу с Колей Богдановым, — он сейчас в отъезде, — закрыл двери на задвижку и долго думал о виденном и пережитом. Многие обиды и неудачи, склоки в союзе и личные неурядицы показались мне мелкими и ничтожными. Война кончилась. Раздвоенное чувство пережил я за этот день. С одной стороны, было горько, что мне еще раз не повезло — стоило ли ехать сюда, чтобы так мало поработать, а ведь только размахнулся, настроился, можно было бы многое сделать и даже как-то отличиться, а с другой стороны, я понял на опыте пережитого и виденного, как мудро поступило правительство, что прекратило войну, сколько жизней чудесных советских людей сохранено, сколько слез не пролито.

Я рад, что мне удалось хоть краешком заглянуть в страшный бездонный колодезь войны, увидеть смерть в ее массовом наиболее ужасном проявлении. Это поможет мне больше любить жизнь и ценить ее. Если будет новая война, я обязательно одним из первых пойду на фронт, но уже с другим чувством, лишенным всякого романтического восхищения войной, всякого любования ею, пойду зрело и трезво отстаивать самое дорогое на земле — жизнь.

ЦГАЛИ СССР, ф. 1203, оп. 1, ед. хр. 54.

Ян Сашин

Отрывки из фронтовых записей

Ян Александрович Сашин родился в 1911 году. Литературную деятельность начал в 1938 году после окончания Литературного института. В это время он пишет много сатирических стихов, литературных пародий, эпиграмм и фельетонов.

С первых дней Великой Отечественной войны Ян Сашин на фронте. Он работает военным корреспондентом газеты «Красный черноморец».

По заданию редакции был в героической Одессе, одним из последних покинул истерзаный Севастополь. Все свои наблюдения, мысли и чувства, сомнения и переживания он

старался запечатлеть в коротких записях, чтобы впоследствии честно и открыто написать о первых, самых тяжелых, самых трагических месяцах войны. К сожалению, все записи Я. Сашина погибли. Позднее он пытался восстановить утраченное по памяти. Но эта попытка осталась незавершенной.

Умер Я. А. Сашин в 1954 году.

Публикация подготовлена Т. Кошелевой.

Вместо предисловия

С самого начала войны я систематически вел записи встреч и событий. Я знал, что никакие воспоминания в дальнейшем не смогут заменить живую запись, весь смысл которой состоит в возможности восстановления реальной картины и обстановки прошлого. Что до воспоминаний, то они всегда представляют собой материал, отобранный и систематизированный с новой точки зрения. То, что казалось нам важным в 1941 году, теперь, в 1944-м, кажется малоинтересным, и мы отмечаем это событие или встречу, совершая при этом большую ошибку.

Но такова уж логика времени.

И все же мой труд оказался потраченным почти впустую. В октябре 1941 года при отходе из Одессы мне пришлось пересаживаться в море с одного катера на другой. Во время этой операции каким-то образом сорвалась и полетела в воду моя полевая сумка.

Так как дело происходило ночью и вообще было не до меня, поиски моего багажа было организовать невозможно. Таким образом все записи, относящиеся к первому, наиболее яркому по восприятиям периоду войны на юге и к обороне Одессы, оказались утраченными.

В дальнейшем при разных обстоятельствах я трижды лишался своих записных книжек.

И все же я берусь ныне восстановить в памяти некоторые эпизоды военных лет. Я делаю это еще и потому, что в своих «свидетельских показаниях» я касаюсь не парадных и исключительных событий и встреч, а маленьких событий и характеристик, т. к. именно они определили все то большое и значительное, что стало достоянием многих описаний.

Севастополь — Одесса

Где фронт?

Плотным кольцом окружили фашистские войска Одессу с трех сторон. Связь с ми-

Ян Сашин.

ром осуществляется только морем. Уже месяц, как осажденная с трех сторон Одесса героически сражается с превосходящим по численности врагом. Лузановка — в руках фашистов. Их войска стоят у самой Одессы. Наши передовые позиции очень близко. Немцы стоят в четырех километрах от города на некоторых участках, на некоторых — до 18—20 километров. Сейчас они обстреливают город из орудий и минометов. Все время стоит канонада. Иногда снаряды рвутся совсем близко. Ночью фашистский снаряд разорвался у нас под окном. Город простреливается со всех сторон, и сейчас через каждые 6—8 секунд я слышу разрывы снарядов вражеской дальнбойной артиллерии.

Воздушные тревоги объявляются по десятку раз в день, к ним многие привыкли.

С вечера начинается большая тревога — бомбежка до утра. Многие жители Одессы эвакуировались, но треть населения осталась в городе. Оно ночует в катакомбах (катакомбоубежище).

В городе очень трудно раздобыть воду. Воды мало. Она выдается по карточкам. Одесское водохранилище захвачено фашистами. Эта сволочь разбрасывает листовки такого примерно содержания: «Прекратите сопротивление, мы дадим вам воду», или: «Переходите на нашу сторону, и вы получите по 10 рублей и по стакану чаю с сахаром».

В городе возведены баррикады. Неузнаем этот чудесный город. Одесса сейчас сражается так же, как и Ханко. Очень много схожего в судьбе этих маленьких, но сильных участков земли.

Одесса — это фронт. Фронт на любой улице. В любом доме.

8 сентября 1941 г. Ночь в подвале, который прыгал от бомб.

9 сентября. Сегодня дом, в котором мы разместились, дом морской базы, нащупала вражеская артиллерия. С утра снаряды рвались все ближе и ближе от нас. Я сидел у рояля. Играл. Потом стало ясно, что еще несколько залпов и нас накроет. Пришлось всем срочно переселяться.

Вчера ночью в садике возле нашего дома упала пятисотка. Утром вылезли из сырого подвала и пошли посмотреть, что произошло.

Бомба угодила в старое толстое дерево, которое, как щепочка, вылетело вон. Большая воронка посреди земляной площади. Вчера еще здесь была высокая трава, кустарники, деревья. От мраморного Амура осталась одна ступня (это парк бывшего санатория), от двух грузовиков — одна пружинка от сиденья. Металлический столб с электрическими часами отлетел в сторону и лежал, запутавшись в проводах. От часов осталась погнутая оправа. Признаков самих часов нигде не обнаружили.

По вечерам мы идем спать в подземную галерею, сырую и темную. Это наше убежище. До этого здесь был морг.

11 сентября. Сегодня днем едем на фронт. Достал машину. Еще не успели мы отъехать и километра от штаба, как появились фашистские бомбардировщики. На этот раз им удалось поджечь нефть. Громадный столб черного дыма поднялся над этой частью города. За последние 5—

6 дней Одесса очень сильно пострадала от бомбардировок.

18 сентября. Совсем не было времени писать. Прибыл в штаб дивизии. Пригласили поест, предложили вина. Вдруг опять фашистские самолеты! Опять война. Летят осколки. Несколько бомб сброшено на город. По облачнообразным дымам пытаемся определить район падения. Кидается тяжелыми. Сели на машину, стали подвигаться к передовым позициям. Машина дальше идти не может. Очень опасно. И так стреляют по дороге. Машина ушла. Сошли с дороги в поле. Попались нам навстречу несколько красноармейцев. Спрашиваем: где румын? Отвечают: наши сегодня отступили. Румын сейчас вон за этой балной. Они показали на бугорок в метрах около 1500. Пошли пригибаясь. Канонада усилилась. Наша артиллерия ведет подготовку. Стало заметно темнеть.

Где-то недалеко разорвалась мина. Отвратительный вой и шарахающий, кашляющий разрыв. Набрели на нашу батарею. Узнаем, как идти дальше. Миновал штаб полка, направились в батальон. Долго ищем. Наконец нашли. Обрадовались и хотели было уж бежать, оставалось метров 50. Вдруг — резкий свисток. Кто-то сзади меня сильно толкнул. Я, не понимая, что произошло, упал, ничуть не испугавшись. Уже когда лежал, понял, что нас заметили (наша морская форма очень ярка) и начали обстреливать. Вокруг, поднимая пучки пыли, ложились пули, издавая звук, похожий на шелест кузнечиков. Свисток был предупреждением об опасности. Дальше пришлось ползти на животе. Очень мешал противогаз. Здесь выяснилось, что я очень плохой солдат.

Мы попали сюда во время наступления наших частей. Накануне противник прорвал нашу линию обороны и образовал мешок. Надо было сейчас, наступая, выровнять линию фронта.

Кругом шла довольно сильная пальба. Было уже совсем темно. Было непонятно, кто, где и в кого стреляет. Мы сидели в землянке. Бревенчатый потолок. Свеча, присобаченная к ящику. Встретили очень радушно. Усадили, дали вина со спиртом. Сразу стало все как-то не очень страшно, даже захотелось спать. Легко подружился с батальонным комиссаром Карпушей. Много говорили. Потом принесли олады, поели. Я собрал материал о людях, о ком бы лучше написать. Потом уснул. Проснулся я

от какого-то толчка — видимо, где-нибудь близко разорвался снаряд. Мне снился совсем мирный сон: я дома, все меня любят, и мне очень хорошо.

В землянке я один. Я слышу голос Карпуши. Он говорит по телефону:

— Немедленно примите меры, выровняйте линию фронта в течение ночи. Желаю успеха.

Потом снова разрывы снарядов, гудки телефона и снова голос, на этот раз командира...

...После атаки выясняли местоположение наших людей в районе боя. На командном пункте все время гудел телефон, беспокойно верещала морзянка.

12 ноября 1941 г. Севастополь.

«Червона Украина» стоит у Интернациональной пристани. Сегодня во время налетов она получила повреждения и начала тонуть.

Бомбежка не прекращается с утра ни на минуту. Нет света. Нет воды. Хлебозавод разрушен. Наш камбуз — тоже. Долго сидели без еды. Потом с удовольствием поели колбасу со сладким печеньем.

Немцы сегодня нападают большими группами. В городе большие разрушения. Одна вражеская машина сбита... Все время рвутся бомбы. Война довольно шумное дело. Наша авиация улетела. Ей уже негде сидеть. Все же несколько машин осталось. Героически работают. Аэродром изрыт воронками. Каждую минуту их становится все больше. И все же наши летчики ухитряются взлетать.

Нескончаемый гул от близких разрывов. В нашей редакции горят огарки свечей. Играет патефон. Несколько человек танцуют фокстрот. Длинные тени ложатся от свечей. Какая-то женщина, хорошо одетая, сидит прямо на полу. Она с ужасом смотрит на танцующих. Вдрагивают ее плечи. Вдрагивает здание. Это рвутся бомбы. Где-то совсем рядом. Мы слышим свист бомб. Танцы продолжают. Люди, укрывшиеся от бомбежки в нашем ветхом подвальчике, не понимают, почему люди в такое время завели патефон и танцуют. Но потом под влиянием общего настроения с их лиц сходит тень ужаса, они становятся спокойнее.

Как ужасны эти часы!

Все это время не удавалось читать. Сегодня во время адовой бомбежки читал Эрэма. Какая прелесть!

Часть наших людей сегодня должна уйти на Кавказ.

Обстрел и бомбежка начались в восьмом часу утра. Сейчас седьмой час вечера. А конца не видно.

19 февраля 42 г. [Керчь]

В 15 часов подошли к пирусу Камыш Бурн. Долго швартовались. Мешал лед, нагоняемый прибором. Везде валяются обломки железа. Куски от противогазов. Нет ни одного неразрушенного здания. У невысокого развороченного сарая стоит брошенная штабная машина. Неподдалеку неразорвавшаяся мина. Селения выжжены дотла. Торчат лишь трубы, печи.

По взрыхленной гусеничным следом дороге идут небольшие группы красноармейцев. У обочины дороги, ведущей в Керчь, валяются скелеты автомашин. По форме капота сразу можно узнать иностранную машину. Еще не убраны трупы людей и животных. У дороги лежит убитый человек. В двух шагах от него — простреленная каска. Запах тления.

В Керчи много разрушений. У многих зданий нет крыш. В окнах нет стекол. На одной из городских стен висит приказ, вывешенный гитлеровцами. Они требуют сдачи продуктов и вещей. За неподчинение угрожают смертью. Смерть — это германский «закон».

7000 человек они расстреляли в этом маленьком городе. Это было лишь начало германского «порядка». Еще десятки тысяч людей должны были заполнить страшный противотанковый ров. Фашистам не удалось это осуществить. Советская Армия освободила людей от смерти. Эти строки я пишу в доме, где помещалось гестапо. Здесь фашистские дикари намечали жертвы. Здесь заискивающе улыбались и расшаркивались перед фашистскими громилами предатели.

Тихо и тревожно в городе.

8 января 1942 года «Керченский рабочий» напечатал объявление: «Комиссия горкома ВКП(б) и горсовета по похоронам извещает всех жителей гор. Керчи о том, что 9 января 42 года в 11 часов дня в Клубе промкооперации состоится прощание с жертвами фашистского террора. Вынос тел в 3 ч. дня.

Комиссия по похоронам».

Еще объявление:

«Комиссия горкома ВКП(б) и горсовета

по организации похорон извещает, что у Багерова производится раскопка трупов граждан, зверски расстрелянных немецкими палачами.

Граждане, у которых имеются родственники, расстрелянные немецкими извергами, могут 10 и 11 января опознавать их. 13 января все жертвы фашистского террора, не опознанные родственниками, будут похоронены в братских могилах...»

...Бомбой совершенно разрушен двухэтажный дом. Остались лишь стены и груды камней и извести. Под развалинами погибли жильцы этого дома.

В развалинах сидит собака. Жалкая, голодная, она лежит целыми днями на груде камней и бросается на тех, кто осмеливается близко подходить к этому пепелищу.

ЦГАПИ СССР, ф. 2240, оп. 1, ед. хр. 33.

Алексей Недогонов

Из дневника 1943

Алексей Иванович Недогонов тоже воспитанник Литературного института поэт. Родился в 1914 году в шахтерском поселке. Начал печататься в 1934 году. После окончания института много работал в поэтическом жанре. В финскую войну был на фронте. Писал очерки и стихи о боевых делах красноармейцев.

В годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом армейской, а затем фронтовой газеты «Советский воин». Как работнику фронтовой печати Недогонову пришлось заниматься массой самых разнообразных дел: писать фельетоны и частушки, оформлять боевые листки и стенгазеты, писать поэмы и очерки о героических подвигах советских солдат и развозить фронтовые газеты по передовым позициям. В короткие минуты затишья он работал над «Историей Первой гвардейской армии».

Во фронтовых записях Недогонова, простых и будничных, отражена повседневная, многогранная, полная опасностей и фронтовых тягот работа военного корреспондента.

Умер А. И. Недогонов в 1948 году.

Публикация подготовлена Т. Кошелевой.

Начало февраля. Несколько дней в Новом Айдаре. Переезд в Лисичанск. Давно не видел Баукова, там его встретил. Переписывались у него. Были соседи. Население радо приходу Красной Армии. Вымирили

люди в этом городе. Шахты не работали, учреждения тоже. Запустение, нищета, голод. В Лисичанске немцы расстреляли более 400 человек. Всех юношей вывезли в Германию, всех девушек выловили и в рабство отправили...

18 марта 1943 года группа редакционных работников едет на передовую. 22 марта из-под Святогорска приезжает редактор без Л. Вышеславского. Леонид лег в госпиталь.

24 марта приходит телеграмма из Политуправления фронта, в которой говорится, что дивизионных, корпусных, армейских писателей освободить на 8—9 дней от всяких обязанностей с тем, чтобы они написали одну вещь о герое, поныне действующем в наших частях. Ночью меня вызывают в редакцию. Дают читать телеграмму. спрашивают, на ком бы я хотел остановиться. Я выбрал довольно колоритную фигуру — трижды орденосца снайпера Ник. Ив. Галущкина.

С 25 по 27 марта написал командировочное удостоверение и пешком отправился в Банное. Шел — Донский хутор, Лозовая, Кравцовка, Яски, Коровий Яр, Шандрыголовка, Новоселовка, Яровая, Татьяновка: около 40 километров.

Дошел лишь до Шандрыголовки. Жутко устал. Переночевал у одного небедного мужичка. Покушал кислого молока с добротным домашним хлебом. Вышеславского не нашел — госпиталь выехал на 1 час раньше.

Итак, я в Татьяновке, что по ту сторону Северного Донца. Переправу миновал по льду. За мной следовал обоз. Взрыв разорвавшегося снаряда похоронил подо льдом лошадей. Точно корректируют огонь. Я спасся в неглубоком ерике на берегу Донца. 200 метров прошел хозяйским шагом. У плетня спросил Галущкина.

— Я Галущкин, — сказал бледнолицый молодой лейтенант. Познакомились. Вошли в хату.

Стали разговаривать на «ты». Николай был взволнован: сегодня немец вывел из строя двух отличных снайперов их полка — Василия Литвинова, сибиряка, и Григория Турганова, татарина. Они были ученики Николая, друзья хорошие. Галущкин ушел к майору Харламову, комполка. Я остался один. Входит санинструктор:

— Товарищ лейтенант, принесли тяжелораненого. Ваш? Посмотрите.

Я вышел на улицу. На носилках с за-

бинтованной головой лежит боец. Смертельно бледное лицо. Кровавые подтеки. Ранение тяжелое — в череп.

— А где Турганов? — спрашиваю я.

Раненый с трудом показывает пальцем на правую сторону груди. Я подумал, что у него осколки в груди. Подходит Николай Галущкин. Посмотрел и тут же отошел.

— Это Турганов, — говорит он мне, — отойдемте, не расстраивайте.

Николай рад, что Турганов жив. А ведь говорили, что он был насмерть поражен. Мы в хате. Входит старик хозяин, Кирилл Трифонович Кирпач.

— Гриша жив, дедушка, — говорит Николай старику, который очень любил татарина.

— Жив? Слава богу... — Встает и крестится так искренне и долго. — Хороший був хлопэц.

До вечера разговариваю с Николаем. В хату вваливается человек. Подержанная шуба, на поясе одна РТД, две лимонки, драные валенки, винтовка...

— Это Чапай, — говорит мне Галущкин.

Я уже слышал о Чапае Абдулле. Я усаживаю Абдулла рядом.

— Ну, с монастыря, Абдулла?

— Да.

— Сколько убил?

— Мало. Пять штуку.

И мило, добродушно улыбается. Абдулла говорит очень и очень забавно. Он говорит «снапери» и др.

— Весь землем засипали, немца ротным минам била, начал пулем била...

Фрицев считает штуками. О последней жертве так рассказал:

— Немца смотрела в труба. Знаешь, труба такой?

— Знаю, знаю, Абдулла, это стереотруба.

— Да, стерватруба. И вот я — пук! Она верых нагама! Ну, Чапай, говорила камандыра, ты метко стирляешь. А чего же, говорю, их жалети...

Чудил Чапай здорово... Мы с Николаем хохотали до упаду.

— Чапай, знаешь ли, на какой колокольне ты сидишь? — спрашивает Николай.

Николай становится на стул и вилкой показывает. На стене картина «Вид Успенской Святогорской общинной пустыни»... Николай показывает вилкой монастырь:

— Вот здесь, Абдулла.

— Эге, вот куда мы забрался, — заинтересованно говорит он. А потом удивленно: — А где же памятник Артема?

Мне кажется искренне детским его вопрос.

— Чапай, дорогой, ведь эту картину мы нахри рисовали 50 лет тому назад, а памятник Артему 15 лет стоит. Тут его нет.

Абдулла понимает и, улыбаясь, качает головой. Согласен.

...К ночи трое полезли к Артему. Я взял лимонку, и, кроме нее и пистолета, у меня ничего на вооружении не было. Добрались до Артема. Луна. Артем весь издырявлен пулями и осколками. До немецкой обороны 40 метров. Монастырь рядом. Чапай Абдулла со своей неизменной улыбкой пожелал нам всего хорошего и полез на «охоту».

На следующий день, раздобыв около четырехсот патронов для ТТ, я отправился к себе...

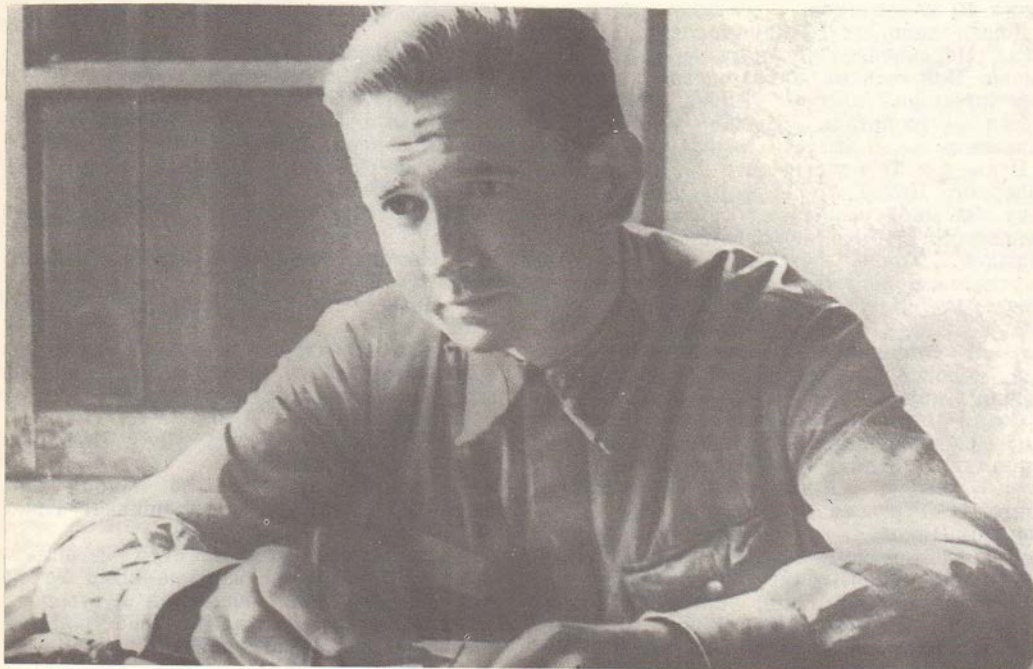
29 — 30 — 31 марта. Писал поэму «Фронтвики». Первый день ни строки не

вышло, а затем — сразу около 200. Прочел редакторам — понравилось. Сделали замечания по ряду мест. Переделать не пришлось — стали собираться к отъезду...

6 апреля из фронта приехал редактор т. Киперман. Был на совещании. Привез мне привет от поэта Ивана Молчанова, который на совещании говорил о моей поэме «Тринадцать» с положительной стороны. Я очень рад, что два месяца с лишним тому назад напечатана моя поэма о тринадцати, а сегодня узнаю, что моим героям правительством присвоило звание Героев Советского Союза.

8 апреля. Вечером меня вызывает т. Хейфец и предлагает 9 апреля ехать в «увлекательную» командировку: от армейской базы, через обменный пункт, дивизионные ППС следовать за газетой до полка, батальона, роты, взвода, окопа. Выехал с 6 утра. До Радьковских песков доехал на машине, оттуда пешком за таратайкой с

Алексей Недогонов. 1943 г.

экспедитором 35 километров до Дробышева. Вечером присутствовал на операциях. Прекрасный ведущий хирург Владимир Викторович Харитонов (?) оперировал двух бойцов (заворот кишок и аппендицит). Смело резал, орудовал с кишками, как хозяин. Я через 10 минут почувствовал головокружение, тошноту — не мог перенести. Вышел из операционной. Пошел вторично. Также не вынес. Смеялись надо мной. Этот хирург за свою короткую деятельность произвел свыше 15 000 операций, из них сложных — более 3 тысяч.

На следующее утро двинул в 49-й стрелковый полк.

В лесу встретил артиллеристов. Представился. Взял много интересного материала. Оказывается, с 6 по 11 апреля в Татьяновке шел грандиозный бой. «Маленьким Сталинградом» называют его бойцы.

Неполнокомплектный наш батальон разбил два немецких полка, недавно прибывших из Франции: 680 и 681. Более 700 трупов валялось на улицах Татьяновки и на вершине, вокруг памятника Артему. Здесь немцы наступали при поддержке бешеного артогня, бомбежки с воздуха и 18 танков. И батальон бился шесть дней!

Не опрокинули в С. Донец русских! И те и другие, потрепанные в бою, отошли.

12 апреля встретил Николая Галушкина. Разговорились... Он за эти бои уничтожил 53 немца. На его счету сейчас 186 гитлеровцев...

...На следующий день ходил на берег С. Донца к минометчикам. Наблюдательный пункт приютился на крыше дачного домика, чудом уцелевшего, в застекленной беседке. В бинокль рассмотрел сектор правого берега в один километр, Артем доковырял, но стоит еще с подставленной ладонью дождю. Фрицы строят укрепление. Слышно — стучат топоры, визжат пилы. Догадываемся, к переправе, наверное, готовятся.

Два дня брал материал у стрелков, минометчиков, разведчиков. В ночь на 29-е или 30-е группа разведчиков в составе 41 чел. ходила в тыл к немцам за 4—5 километров с целью разгромить штаб, захватить документы командира батальона, порвать связь, в общем, как говорят разведчики, «шухеру наделать». Трогательная сцена! Сдают ребята в палатке документы — партийные и комсомольские билеты, фотографии матерей, жен, невест, оставляют письма. И шутят! Как будто на гулянье

веселое идут. На рассвете они вернулись, не все. Один убит, восемь раненых. Убитого вытащить не смогли. Не удалась разведка. Фрицы предупредили эту дерзкую вылазку наших ребят — переехали на несколько часов раньше в лес, в землянки. Но зато несколько десятков фрицев попербили разведчики.

...С 8 по 10 мая, по сведениям агентурной разведки, немцы во всех батальонах и полках проводили химические учения.

11-го нам выдали противогазы.

По слухам, во фронт, а затем в армию пришла шифровка из Москвы о готовности наступления немцев в районе Изюма, Орла или Брянска. О готовности предупреждены.

13 июня...

Хейфец сообщил мне, что моя персона исключена в работу по истории 1-й гвардейской армии.

Когда начнется работа?

С 15 июня по 10 июля — обычная жизнь. Пишу для книги «История Первой гвардейской армии» начальную главу — период формирования дивизий перед наступлением. Закончил перед отъездом под Изюм...

25—26 июня ждали немецкого наступления. Минуло.

1—3 июля также были предупреждены Ставкой о предполагаемом немецком наступлении. Минуло (точно даты не помню!). 10 июля армия передвинулась к Изюму. По слухам, приехал маршал Тимошенко. До 15 июля должны идти в наступление. Ждем.

10—11-го переехали в село, 18 километров от Изюма.

Закончил по 4-му и 6-му корпусам главу о формировании армии. Приступил к главе «Прорыв обороны противника в р-не Ср. Дона». Редактор стал чуть-чуть помягче. Взаимоотношения налаживаются. После такого редактора любая газетная работа не будет страшна. Пришел к выводу, что он настоящий газетчик.

13 июля. Слушали сицилийские раскаты орудий, ждем нашего наступления. Что будет завтра, послезавтра? Должно быть, что-то приятное.

ЦГАЛИ СССР, ф. 2178, оп. 1, ед. хр. 49.

«Безумству храбрых поем мы славу»

(По страницам книги „Безумству храбрых поем мы славу“. Памяти комсомольцев, погибших в гражданской войне и на комсомольской работе)

Книга эта вышла в 1929 году в издательстве «Молодая гвардия» тиражом в 4 тысячи экземпляров. Истмол готовил сборник к 10-летию ВЛКСМ. Материалы местных истмолов и губкомов, местных сборников, воспоминания отдельных лиц, статьи, некрологи и просто заметки, опубликованные в центральной и местной печати, составили эту книгу.

Принцип отбора имен изложен в обращении Истмола к читателю: «Составители сборника не могли ограничиться только погибшими непосредственно в боях; тиф косил не меньше людей, чем пули. Точно так же нельзя было не включить в сборник товарищей, уцелевших на фронте, но подорвавших там свои силы и умерших впоследствии. Нельзя было вычеркивать из него и товарищей, отдавших всего себя союзу и сгоревших на комсомольской работе, или умерших от социальных болезней, например туберкулеза, или погибших от несчастного случая на субботнике, от неосторожного обращения с оружием. Наконец, составители сочли уместным поместить в сборник и имена тех комсомольцев, кто сегодня в условиях вновь обостряющейся классовой борьбы погибает под пулями кулацких обрезов».

Не все товарищи, не все местные организации откликнулись на призыв Истмола. О деревенских комсомольцах, о комсомольцах национальных республик, далеких окраин Советского Союза в печати было очень мало материалов, и в книге они представлены слабо. И все-таки в нее вошло более тысячи имен. Некоторые страницы сборника мы и приводим ниже.

АБРОСИМОВ Григорий. Гриша Абросимов родился в 1899 году в городе Новохоперске Воронежской губернии. Отец его — рабочий, участник революции 1905 года, коммунист с 1917 года.

Гриша учился в жел.-дор. техникуме при ст. Борисоглебск. В 1918 году он вступил в партию и в комсомол. Работал в бюро укома ВЛКСМ. Вскоре он пошел в Красную Армию, был пулеметчиком в отряде Сиверса.

В одном из боев под Комыком (Борисо-

глебского уезда) отряд был частью разбит белыми, частью взят в плен. В плен попал и Гриша Абросимов, но ночью ему удалось бежать. Три дня скрывался он в подсолнухах, питаясь семенами и водой. На четвертые сутки, ночью, он пробрался к одной крестьянке, оделся сельским парнем и в красной рубашке, с вязанкой лука пошел с крестьянкой в Борисоглебск на базар. Там он прятался до возвращения Красной Армии.

Участвуя в боях, Гриша был несколько раз ранен и контужен. Однажды он не погиб только потому, что пуля ударилась о металлический портсигар, лежавший в грудном кармане. Как-то во время боя Абросимов остановил бегущих в панике красноармейцев левого фланга и, воодушевив их, вернул в строй.

В 1921 году Абросимова командировали в Горный институт, на Кавказ. Однако гражданская война еще не была кончена, и Гриша вместо учебы снова вступил в Красную Армию — добывать остатки врангелевских войск. В схватке с белыми черкесами в ноябре 1921 года во время разведки он был убит.

За свои боевые заслуги Абросимов был награжден орденом Красного Знамени.

АЛЕКСЕЕВ Василий. В XIV МЮД, 2 сентября 1928 года, рабочая молодежь Ленинграда поставила памятник Васе Алексееву.

Всяя Алексеев — один из основателей юношеского движения в России, один из первых положивших начало Питерскому социалистическому союзу рабочей молодежи.

Рабочий Путиловского завода, Алексеев начал рано свою революционную работу. Он имел за собой и опыт борьбы с царизмом. Окунувшись с головой в партийную деятельность, он успевает приобрести запас знаний, выработавших из него марксиста.

Приобретенные им знания он старался всегда передавать другим, жаждавшим их. Энтузиаст по натуре, Алексеев носился по Нарвско-Петергофскому району, всюду и везде послевая. Вся его фигура дышала энергией, его речи (несмотря на то, что он заикался) были увлекающими и горячими.

То обстоятельство, что он сразу принялся за работу среди молодежи, показывает, насколько ему удалось угадать те силы, которые таились в нарождающемся юношеском движении. Здесь его кипучая энергия нашла себе полное применение. Агитирует, организует, собирает, обсуждает. Его усилиями создается ядро передовой рабочей

молодежи, раскалывающей «Труд и свет» (организацию, при помощи которой буржуазия пыталась отвлечь рабочую молодежь от классовой борьбы) и послужившей зародышем коммунистического юношеского движения.

В первом Питерском комитете союза Вася был товарищем председателя. Кроме того, Вася был первым редактором и основателем «Юного пролетаря» — старейшего комсомольского журнала. «Юный пролетарий» создан руками Васи, который чуть ли не один заполнял все его номера.

Товарищи любили Васю не только как работника. За неисчерпаемую энергию, за бодрость и веселье, за умение близко подойти и чутко откликнуться на запросы окружающих его крепко любили все, кто знал его.

«Бывало, — рассказывает Е. Герр, — льет унылый питерский дождь. Неустанно моет он стекла домов и кости прохожих. Васе нипочем: натянув кепку, застегнув обтрепанное пальтишко, под музыку дырявых, промокших сапог идет он себе своей дорогой, являясь в ПК или в район прямо с работы.

А тут уже ждут его. Кто по делу, кто стихи показать, а кто просто душу отвести, совет получить. Картинка: кончилось какое-то заседание; Вася хочет использовать время и быстро углубляется в чтение газеты. Но не тут-то было. Кому-нибудь уже нужно его авторитетное слово для доказательства противнику своей правоты. Нужны его удивительно остроумные шутки — и газета исчезает в кармане. Василий уже в центре внимания. Горят его прекрасные карие глаза, мастерски метко направляет он беседу, им уже кинута острота, и даже молчаливый Леске раздражается хохотом».

Худощавый, маленький рабочий-революционер, кипучий работник и прекрасный человек, Алексеев был олицетворением стремлений рабочего юношества.

Уйдя с союзной работы в конце 1917 года, Вася с головой окупнулся в партийно-советскую. Он член райкома партии, председатель народного суда.

Но вот Питеру угрожает белая опасность. Вася в рядах красноармейцев. Он и здесь общий любимец и здесь выделяется из окружающей среды своими способностями и характером.

В декабре 1919 года Вася едет в Ленинград и по дороге схватывает какое-то воспаление. Несколько дней тяжелой болезни — и 28 декабря 1919 года коммунистическое юношеское движение лишается одного из

своих самых лучших и преданных борцов. Вася умирает, имея всего 23 года от роду...

Наш союз увековечил память Васи в ряде литературных памятников — в виде брошюр и книг. Последний поставленный ему памятник — гранитный — будет всегда напоминать рабочей молодежи Ленинграда и всего Советского Союза о том, кого она потеряла.

БЕРНАЦКИЙ. «Бернацкий, — пишет тов. Хоруужая¹, — погиб в то время, когда вся Белоруссия горела в огне бандитизма, когда десятками гибли бойцы революции.

В маленьком Ельске Мозырского уезда родился и вырос Бернацкий. Он был рабочий-сапожник. Еще задолго до вступления в комсомол он уже был на революционной работе — в местечковом Совете, а потом в политбюро (так назывались уездные ЧК).

Летом 1921 года в Ельске организуется комсомольская ячейка, и Бернацкий становится комсомольцем. Ему 18 лет. Еще горячее берется он за работу.

А бандитизм в это время растет, разливается все шире. Комсомолец Бернацкий в самых бандитских волостях. Свою опасную работу по борьбе с бандитизмом он совмещает с не менее опасной в то время — продналоговой.

Бандиты его уже знают. Вот едет он из одной волости в другую. На несколько километров вокруг лес и лес. Вдруг сзади: «Стой!» Трое их. Вооружены с ног до головы. Бежать? Бесплезная попытка. Бернацкий остановился и ждет врагов. В руке у него бомба. Он не сдастся ни живым, ни мертвым; вместе с ним погибнут и враги его.

Минута между жизнью и смертью. Бандиты с проклятиями и угрозами сворачивают в сторону. Бернацкий спасен.

Еще месяц величайшего напряжения. Бернацкий носится из одной волости в другую, иногда проездом заглядывает в Мозырь. И тогда комсомольцы видят его высокую, статную фигуру в клубе. Там он проводит целый вечер. На вопросы товарищей, не хочет ли он теперь попасть на рабфак, Бернацкий говорит:

— Да что вы, товарищи! Разве можно в такое время спокойно сидеть и учиться? И наутро опять исчезает.

А бандиты его стерегут, не теряют надежды его укокошить. Целая бандитская

¹ В книге допущена опечатка: следует читать Хоруужая.

организация раскинулась по уезду. Даже сельсоветы доставляли ей подводы, оружие — все, что было нужно.

Бернацкому срочно надо быть в Буйновиках. Председатель сельсовета любезно предоставляет ему подводу. Даже двоих спутников дает: время, мол, опасное, втроем веселей ехать будет.

У бандитов все рассчитано, предусмотрено. Только скрыл лес деревню, как невинные спутники набросились на Бернацкого. Миг — и руки скручены. В упор глядят два глаза — дула револьверов. Теперь он безопасен. Теперь бомба его не спасет.

И расправились с ним по-бандитски, по-своему. На следующий день проезжавший мимо крестьянин нашел окровавленную шапку и листок комсомольского членского билета...

А еще через день в лесной чаще был найден обезображенный, окровавленный труп...»

ДЕМЧЕНКО Иван. Сын рабочего, старого революционера; родился в 1900 году в городе Бобринце бывшей Херсонской губернии. В 1919 году вступил в Красную Армию добровольцем, был на фронтах; оставшись при отступлении Красной Армии на Украине, работал в подполье. После освобождения Украины активно работает в комсомоле, избирается секретарем райкома.

На город наступают махновские банды. Демченко первый с винтовкой в руках бросается на его защиту, но бандиты окружают горсточку защитников города и зверски убивают их.

ЕРЕМИН Василий. Василий работал в Екатеринбурге на заводе Ятес (теперь «Металлист») и был председателем созданной там ячейки Союза рабочей молодежи.

На I Уральском областном съезде ССРМ в ноябре 1917 года он был избран в члены областного комитета и работал в нем секретарем вплоть до поездки на Дутовский фронт, работая одновременно и на заводе.

В то же время он является и членом Екатеринбургского общегородского комитета ССРМ, принимает деятельное участие в работе городской организации, входит в отряд юношеской Красной гвардии и участвует в областном органе союза «Юный пролетарий Урала», куда он писал под псевдонимом «Неудачник».

Бойцы Первой Конной армии на митинге. 1920 г.

При поездке на Дутовский фронт Еремин был избран вторым помощником начальника сотни Петра Типикина (Плясунова), но на фронте заболел и, не дождавшись конца кампании, по предложению врачей уехал в Екатеринбург. Здесь, больной, еле передвигая ноги, он принимает участие в восстановлении екатеринбургской организации, несколько разложившейся вследствие отъезда руководителей на фронт. К моменту приезда сотни он успеваеет организацию значительно оживить.

Чехословацкое восстание. Еремин остается в Екатеринбурге для подпольной работы. Он решает поступить добровольцем в ряды белой армии. Его назначают в отряд личной охраны генерала Гайда.

Здесь он внешне меняется до неузнаваемости. Беспрекословно выполняет все поручения и задания белых. Но одновременно не забывает и бесед в группе старых членов ССРМ, по разным причинам не успевших выбраться из города и работавших на заводе Ятес.

Василий Еремин, работая у белых, вел дневник, к сожалению, до нас не дошедший.

Однажды, за несколько дней до взятия нашими войсками Екатеринбурга, белые, начавшие уже давно подозревать Василия, устраивают у него на квартире внезапный обыск. Как раз перед самым приходом охранников Василий сделал последнюю запись в дневнике и, не ожидая прихода врагов, оставил его на столе, выйдя во двор наколоть дров. Дневник в руках охранников. Большевик Еремина очевиден. Его арестовывают. Под влиянием этого ареста умирает его мать. А через несколько дней, после пыток и издевательств, и только за два дня до взятия Екатеринбурга Красной Армией, Василия Еремина расстреляли.

ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ Алексей. Златопольский — самое дорогое и памятное для каждого одесского комсомольца имя. Свою революционную работу Алеша начал еще до революции в подпольных социал-демократических кружках.

В союз Алеша вошел летом 1917 года, когда руководство организацией перешло в руки рабочих. Златопольский работал тогда в трамвайных мастерских. Руководящую роль он начал играть сейчас же и стал фактическим председателем комитета.

Похороны комсомолки Вали Карасевой, убитой кулаками во время спектакля, агитирующего за вступление в колхоз Белая Глина, 1929 г.

Высокий, широкоплечий, уже сравнительно взрослый, спокойный — он был центральной фигурой союза, его мнение считалось решающим. Кругом кипело и бурлило, союз объединял самые различные группы. В нем были, помимо большевиков, эсеры, меньшевики, анархисты и пр. Линию Златопольский держал твердую — на расширение союза только за счет рабочей молодежи.

Его вдумчивость, сознательное и критическое отношение ко всему окружающему заставляли считать с его мнениями и глубоко уважать его. Несмотря на свою молодость, он всегда умел охлаждать излишний пыл и фантастические увлечения своих товарищей. Он отличался удивительной выдержанностью, прямоотой и кристаллической честностью.

С возникновением дружины рабочей молодежи Златопольский принимает в ней активнейшее участие.

Октябрьская революция докатилась до Украины лишь в январе 1918 года. Борьба за власть Советов велась в Одессе с гайдамаками. В одном из боев с ними Алеша был убит.

«Много стойких и преданных бойцов отдали свою жизнь за дело революции, — пишет знавший Алешу товарищ, — но гибель Златопольского вызывает у меня особенную горечь, особенную печаль... Я знал его давно, когда еще в самом интимном кругу не решались говорить при всех громко о революции, о забастовках, о подпольной организации. Уже тогда тов. Златопольский проявил особенную преданность рабочему движению.

Весть о гибели Алексея отозвалась глубоко печально в сердцах многих знавших его».

ИВШИН Леонид. Родился в 1899 году. В январе 1918 года вступил в Златоустовский (Урал) социалистический союз рабочей молодежи «III Интернационал», а 28 мая ушел в Красную Армию для подавления чехословацкого восстания.

В 1919 году Ившина командировали на курсы в Ленинград. Там, на курсах, он учится до марта 1921 года. Вспыхивает кронштадтский мятеж. Ившин немедленно отправляется под Кронштадт. В ночь на 18 марта начинается штурм крепости. В первых рядах штурмующих с красным знаменем в одной руке и винтовкой в другой — Ившин. Пуля мятежников поражает его.

КРАСНОЩЕКИНА Ида. Казнена в Одес-

се денкинской контрразведкой по «делу 17-ти» в январе 1920 года.

Когда огласили приговор, в котором девять человек были присуждены к смертной казни, Ида насмешливо спросила:

— Только и всего? Знайте же: хотя бы вы каждый день убивали по десять человек, наши товарищи каждый день берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких бойцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы спели ее нам.

Во время следствия осужденных жестоко пытали. Особенно потрудились белые палачи над Идой. Они не пощадил ни ее молодости (ей еще не было полных 20 лет), ни ее слабого здоровья. Ее били перед каждым допросом. Били по голому телу резиной, шомполами, затыкая рот тряпкой, душили и катались на ней. Ей вырывали ногти, кололи булавками тело, продельвали тысячи постыднейших и мучительнейших издевательства словами и действиями, требуя, чтобы она выдала подпольный комитет Коммунистической партии. Ида молчала или отвечала незнанием. Три дня она не могла очнуться от побоев, и бывшие с ней товарищи боялись, что она умрет. Били и пытали и остальных товарищей, но все же потом снова и снова обращались к Иде, считая ее самой видной, центральной фигурой процесса.

Действительно, чтобы выгородить других товарищей, Ида все брала на себя. В прощальном письме Ида обращалась к родным и товарищам:

«Милые, родные! Через 24 часа меня повесят в назидание потомству. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж? Глубоко убеждена, что «процесс 17-ти» имеет большее значение для революции, чем смерть 9 человек из числа их. Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Заверяю твоему малышу сделать то, что не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодрa, удивительно спокойна, и не только ко, но и все остальные поем, ведем беседы на политические темы; после двух недель ареста сразу почувствовала себя свободной. Только жалею и тужу, что осудили многих слишком строго. Мне 20 лет, но я чувствую, что я стала за это время гораздо старше. Мое желание в настоящий момент, чтобы все мне близкие отнеслись к моей смерти так, как отношусь я, — легко и сознательно.

Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция! И. Краснощекина».

МАТВЕЕВ Александр. Родился в 1904 году. Работал батраком, затем жел.-дор. рабочим. Организовал комсомольскую ячейку на ст. Валот. Был назначен командиром экспедиционного отряда в городе Обдорске (Сибирь). По служебной командировке поехал в 1921 году в местечко Пунко.

В это время Обдорск заняли белые. Возвратившийся в город Матвеев был ими схвачен и после пыток расстрелян. Последние слова были: «Будьте вы прокляты, белая банда! Хоть вы меня и расстреляете, но наша партия крепка, жива и никогда не погибнет!»

МУРАТБАЕВ Гани. Член Исполкома КИМа и бюро ЦК ВЛКСМ². Умер 15 апреля 1925 года от туберкулеза легких, кишечника и брюшины.

«Умер Гани Муратбаев, — писал о нем тов. Н. Фокин, — ушел лучший из лучших комсомольцев. Ушел преждевременно он, олицетворявший пробужденные Октябрем творческие силы угнетенной царизмом нации.

Трудно писать о Гани — этой прекрасной, колоритной фигуре советского Востока.

Гани — сын бедного чарва (кочевника-скотовода), киргиза Казалинских степей. Отец умирает, оставляя жену и 4-летнего Гани без всяких средств к существованию.

Приходится идти в город. Только город дает хлеб беднякам степи. И малолетний Гани сначала помощник у своей матери — прачки, прислуги, портнихи, потом сам «мальчик» в услужении. Выбиваясь из последних сил, мать дает возможность Гани учиться, а потом, ценой многих усилий, определяет его в интернат городской школы.

Февральская, затем Октябрьская революция застает 15-летнего Гани в городе, в школе. Отдаленные раскаты ударов гражданской войны в центре сначала привлекают чуткое внимание Гани, а затем уже поглощают его целиком, безраздельно. Гани обрывает учение, бросается в родные аулы, зовет молодежь к действию, будит взрослых, ведет борьбу со стариками, являясь непременным членом всех аульных, волостных и уездных съездов Советов.

В конце 1918 года Гани, не будучи еще ни комсомольцем, ни членом партии, зовет киргизскую молодежь в ряды Красной гвардии. Одновременно принимает участие в работе казалинского кружка молодежи, с которым порывает всякую связь, как только замечает в его направлении националистические уклоны.

В 1919 году Гани бросается в Ташкент учиться. Дни и ночи напролет сидит над книгами. Затем в 1920 году едет в Джетысуйскую область, где читает лекции, агитирует. Гани формирует новые кадры молодой интеллигенции, которая держит курс на отсталого культурно и экономически киргизского кочевника, батрака; он сам является наиболее яркой и действенной фигурой этой новой, молодой киргизской общественности.

В начале 1921 года Гани привлекается к непосредственно массовой организационной работе комсомола Туркестана, который начинает с 1921 года принимать действительно интернациональный характер и по составу, и по направлению, и по содержанию работы, вбирая в себя и воспитывая до 50 000 молодых рабочих, крестьян, ремесленников, пастухов из киргизов, узбеков, туркмен и т. д.

В деле вовлечения широкой туземной массы молодежи в комсомол Гани играет крупнейшую роль в качестве председателя киргизского бюро при ЦК КСМТ и редактора массово-популярной газеты молодежи «Жас алаш» («Молодой киргиз»), а также в качестве лучшего массового агитатора, организатора, публициста.

Его чрезвычайно быстрый общественно-политический рост, размах работы, глубокая интимная связь с широкими киргизскими, да и не только киргизскими, трудовыми массами быстро выдвинули его в руководители среднеазиатского комсомола. Работая в качестве генерального секретаря ЦК КСМТ, члена ЦК ВЛКСМ, члена среднеазиатского бюро ЦК ВЛКСМ, ЦК КПТ, ТурЦИКа и т. п., Гани проделывал невероятно тяжелую работу.

Гани, сгорая на работе, молчит. Лишь изредка, когда подтачивавшая его болезнь мешает работать, он в интимной товарищеской беседе пожалуется на состояние своего здоровья.

Два раза сваливался с ног. Два раза подымался, отдаваясь опять целиком работе, работе и работе.

Последний конгресс КИМа избрал его в состав Исполкома и поручил руководить восточным отделом ИК КИМа... Но здесь не удалось Гани ни поработать, ни развернуться...

Медленно гас, судорожно цепляясь за жизнь, но не выдержал и умер».

² В книге допущена опечатка: следует читать РЛКСМ.

После смерти Муратбаева ЦК ВЛКСМ обратился с воззванием:

«Ко всем организациям комсомола, ко всем членам ВЛКСМ.

15 апреля умер член ЦК ВЛКСМ, член Исполкома КИМа тов. Гани Муратбаев.

Тов. Муратбаев являлся одним из выдающихся работников нашего союза, талантливейшим представителем революционной молодежи советского Востока. Гани Муратбаев принадлежал к новому поколению Востока, рожденному в огне пролетарской борьбы, не знающему национальной ограниченности, свободному от проклятых националистических пережитков прошлого. С молодых лет, начиная с 1918 года, Муратбаев активный участник в революционной борьбе и работе. Он был ярким ненавистником буржуазно-националистических течений киргизской общественности. Всегда и везде в трудной и сложной обстановке Туркестана он проводил в жизнь выдержанную пролетарскую линию, укрепляя союз трудящихся Туркестана с российским пролетариатом. Муратбаев известен в широких массах киргизской трудящейся молодежи. Его смерть — тяжелый удар для комсомольцев и коммунистов Киргизии, для всего нашего союза.

Тов. Муратбаев за последнее время оформлялся как комсомольский работник крупного масштаба. В КИМе он руководил восточным отделом. Но на этом поприще ему развернуться не удалось.

Тяжелая болезнь еще с осени 1924 года, а затем и смерть оторвала его от нас и работы.

Гани Муратбаева нет. Но киргизская и вся трудящаяся молодежь Востока на его место должна выделить десятки и сотни самоотверженных работников. Рабочая и крестьянская молодежь России должна еще больше укреплять братские узы, связывающие ее с молодыми тружениками Востока.

Да здравствует молодой революционный Восток! ЦК ВЛКСМ».

ПЫЛАЕВА Елизавета. Старейший активный работник ленинградской организации союза. Умерла 18 марта 1926 года в Москве.

«Пылаева, — вспоминает тов. А. Гольцман, — была исключительной по натуре личностью, с 17 лет отдавшей себя без остатка революции. В дни февральского переворота она, уже член партии большевиков, ведет большевистскую пропаганду везде где только можно.

Тотчас после июля она работает помощником секретаря Петроградского комитета

РСДРП (большевиков). Здесь застают ее корниловские дни и Октябрьское восстание, в подготовке которого она принимает энергичное участие. После Октября Пылаева вместе с другими товарищами создает петроградскую организацию комсомола. Здесь она работает в качестве члена Питерского комитета до февраля 1918 года, когда отправляется на фронт, на Урал.

По окончании гражданской войны Пылаева ищет применения своей неиссякаемой энергии на новых фронтах. В 1920 году она едет в Донбасс, еще не окончательно освобожденный от белых и бандитских шаек.

По ликвидации топливного голода Пылаева, чувствуя, что начинается новая полоса революции, что требуется пополнение знаний, садится за учебу. Работая секретарем Главного электротехнического управления ВСНХ, она учится на вечернем рабфаке в Замоскворечье.

В 1924 году Пылаева — член Рогожско-Симоновского райсовета. В 1925 году снова избирается в его состав. Сидя ночами за книгой, она выдерживает, наконец, испытания для поступления в Институт красной профессуры. Однако ее богатырский организм уже подкошен прошедшими годами борьбы и испытаний. Злокачественная болезнь, отравлявшая ее организм, берет верх.

В день годовщины Парижской коммуны Пылаевой не стало.

Лиза Пылаева была дочерью революции в подлинном смысле этого слова. Она умела жить, полной грудью впитывая в себя все соки жизни, и вместе с тем умела, не задумываясь, бросаться в борьбу, ставя свою жизнь под риск, умела увлекать за собой и вдохновлять окружающую ее массу, внедрять в нее дух боевого задора, борьбы. Жизнь никогда не замыкалась у нее в ее личной скорлупе, а, наоборот, раскрывалась и приобретала смысл лишь с народом, с классом, из которого она вышла. Поэтому на баррикады, на фронт, на смерть она всегда шла с раскрытой душой.

Молодежи, и в особенности девушкам, нужно учиться у Пылаевой. Это как раз тот тип простых жизнерадостных людей, все существо которых неотделимо от масс. Таковыми были женщины-коммунарки, умиравшие в 1871 году на парижских баррикадах; таковыми должны быть русские коммунарки, ведущие за собой миллионные массы женщин, пробудившихся для строительства новой, социалистической жизни...»

ТОРМОЗОВА. Московская работница,

входила в кружок молодежи, группировавшейся вокруг Хамовнического райкома партии весной 1917 года. После Октябрьской революции отправилась с продотрядом в провинцию и была там зверски убита бандитами.

УШЕРЕНКО Яков. Активный комсомольский работник на Украине и в Сибири. В 1924 году ушел с комсомольской работы в армию и был направлен в Среднюю Азию. В 1927 году, командуя одной из наших частей, оперировавших в Средней Азии против басмачей, был тяжело ранен. Перевезенный в Москву, несколько месяцев пролежал в госпитале, борясь со смертью; умер в августе 1928 года.

«Яша скончался... — писали о нем товарищи. — В героической схватке с басмачами несколько месяцев тому назад он был тяжело ранен. Хороший партиец и комсомолец, Яша оказался первым не только на фронте союзной работы, но и на фронте гражданской войны.

Вступив в союз в 1919 году и в партию в 1921 году, Яша сразу же стал активистом. Сначала в Сибири, затем на Украине провел он годы гражданской войны и послевоенного строительства. На любой работе — секретарем укома, губкома комсомола — он оставался прекрасным товарищем. По любому вопросу работы и личной жизни всегда могли ребята поговорить с Яшей и получить от него совет. В тяжелой обстановке, живя впроголодь, он не забывал о работе над собой, читал книги, тщательно обдумывая и подготавливая каждый шаг проводимой работы.

В армии Яша сразу становится активным политработником — сначала инструктором подива, а затем военкомом эскадрона одной из частей, расположенных на далекой окраине СССР. Любимый красноармейцами, он неоднократно увлекал их за собой в боях с басмачами. Так было и последний раз, когда Яша, командуя группой, смело вел ее за собой против басмачей, отдавая последнее распоряжение, уже будучи тяжело раненным...

За боевые заслуги Яша Ушеренко был Реввоенсоветом награжден орденом Красного Знамени».

ХРОМОВ Павел. Уроженец Вельского уезда Вологодской губернии, учащийся Учительской семинарии города Тотьмы. В 1918 году был одним из организаторов союза учащихся-коммунистов. В апреле

1919 года ведет работу по созданию боевого отряда комсомольцев, отправившегося вскоре на колчаковский фронт.

Хромов был трибуном отряда. В бою он отличался беспрецедентной смелостью и хладнокровием. Погиб в июне 1919 года в бою под деревней Мухино (около села Зятцы) Вотской автономной области, при отступлении попал в плен и будучи зверски растерзан колчаковцами.

ХУДЯКОВ Николай. Член Московского социалистического союза рабочей молодежи, красногвардеец, рабочий (медно-музыкальный мастер). В союзе его звали «Ходик». В октябре 1917 года был ранен в живот на баррикадах возле гостиницы «Метрополь» и в тот же день, перенесенный в госпиталь, умер.

«Ходик был всегда каким-то вялым», — вспоминают о нем товарищи. «Серый он какой-то», — говорили мы о нем. Но вот начался бой, и Ходик — в первых рядах. Он сразу вырос, стал ярким, сильным. За день до победы его убили на баррикадах.

Идя в последний раз в битву, он говорил близким товарищам: «Для меня нет жизни вне пролетарской борьбы, с радостью отдам я этой борьбе всего себя...»

ШНУРОВСКИЙ Яков. Один из основателей Социалистического союза рабочей молодежи в Уфе. Погиб на фронте.

«Еще в пятнадцатом году, — вспоминают о Шнуровском знавшие его товарищи, — Яков начинает свою революционную работу. Живя в Уфе, он организует кружок молодежи по изучению марксизма. В кружок входила лучшая часть пролетарской учащейся молодежи и наиболее развитые товарищи из рабочей молодежи.

В 1917 году, после Февральской революции, с созданием ССРМ Шнуровский, уже тогда член РСДРП(б), принимает в его работе деятельное участие, являясь одним из основателей и руководителей союза.

Во время чехословацкого мятежа Шнуровский отступает из Уфы вместе с коммунистическим полком. Он делается пулеметчиком полка.

Однажды в бою под Бугульмой, когда наши были разбиты белогвардейцами, Яков, прикрывая отступление, остается один с пулеметом против наступающих белых банд. Пока были патроны, он сдерживал наступление. Расстреляв их все, он успел вынуть и спрятать замок от пулемета. Чехи убили его штыками».

Фототрилогия

О

КОМСОМОЛЕ

«История ВЛКСМ». Живая летопись в трех тетрадах. Составитель П. Серебrenников. Текст С. Лесневского и П. Серебrenникова. Художник Н. Коробейников. Тетрадь первая (1917—1928 гг.), М., «Молодая гвардия», 1966, 192 стр., тираж 65 000 экз. Тетрадь вторая (1929—1945 гг.), М., 1967, 344 стр., тираж 100 000 экз. Тетрадь третья (1946—1968 гг.), М., 1968, 312 стр., тираж 100 000 экз.

Эти книги — путь и память. Они появились как нельзя кстати и отвечают настойчивому стремлению нынешней молодежи познать прошлое, чтобы найти свое подлинное место в настоящем и быть хозяевами в будущем.

Чем же примечательны эти книги?

Первая страница летописи... И с первых же строчек ты попадаешь во власть доброго собеседника, который, словно опасаясь, чтобы книжка не была тут же захлопнута, предупреждает: «Это как бы сама история, ожившая в доподлинных фотокадрах и картинах художников. Это ее голос. Это отцовское напутствие сыну и дочери».

Как живые, проходят перед нами лица известных и безымянных героев. Их в трех тетрадах — тысячи. И они дают возможность сегодняшним ребятам и девчатам, участвующим в строительстве коммунизма и пожинаящим плоды всенародных полудекадных усилий, воочию представить и запомнить великую дорогу, которую плечом к плечу с партией, с народом прошагала молодежь гвардия рабочих и крестьян.

Чтобы с обязательной для

такого типа издания объективностью воссоздать жизнь и подвиги разных поколений молодежи и комсомольцев, составителю потребовалось просмотреть свыше десяти тысяч самых различных фотографий, рисунков и картин. Ему помогали сотрудники Центрального Государственного архива кино-, фото- и фонодокументов; Центрального архива ВЛКСМ; фотохроника ТАСС; журналов и газет. Откликнулись и ведущие наши фотомастера М. Альперт, Г. Зельма, В. Кудояров, С. Коротков, В. Тарасевич, Е. Халдей, И. Шагин...

Но отобрать полторы тысячи снимков — это еще было полдела. После этого требовалось создать макет, то есть определенным образом выстроить все это фотобогатство.

Не менее сложная задача была и у авторов текста. Ведь им предстояло вместить в емкий и краткий текст все 50 лет жизни и творчества комсомола. Той организации, которая впервые в истории так полно и органически слилась с социально молодым движением обновления, освобождения человечества. С коммунистическим движением.

Авторы органично сумели показать всю многогранную деятельность ВЛКСМ на фоне эпохи и в тесной связи с общественным движением, с его радостями и тревогами, успехами и неудачами.

В этой работе раскрылось авторское умение — о значительных вещах говорить коротко и просто. И все это в гармоническом слиянии со зрительным образом, где так легко сделать ошибку и нарушить эту гармонию. Откроем любую тетрадь.

Тетрадь первая... Трое мальчуганов стоят около разрушенного памятника царю. «Теперь уже никогда-никогда не подниматься этой голве! Теперь она — лишь символ повергнутого чудовища. Эти дети сильнее ее, потому что будущее — всегда сильнее».

Или — рядом два исторических снимка. И эти слова: «Новая эра! Новые времена! Мы штурмуем небо! Орудийным грохотом «Авроры» история вынесла свой приговор. Вот он, крейсер, мирно стоит сегодня, но залп его продолжает потрясать мир».

Воины Октября. Как вы молодцы! Никогда вам не состариться. Навени в нашей памяти ваши весенние русские лица. Мы победили. Мы победим!»

Тетрадь вторая... Казалось бы, столько написано больших

и малых статей и книжек о героических делах комсомола в годы первых пятилеток. Давно уже стали хрестоматийными Магнитка и Днепротэкс, Новокузнецк и Комсомольск-на-Амуре. А вот смотришь на фотографии и как будто по-новому начинаешь воспринимать и осмысливать неповторимость комсомольских дел. «Флаг поднят! Город будет. Саду цвести. Убогие землянки были у строителей Комсомольска-на-Амуре? Нет, гордые землянки». С них начинался Комсомольск-на-Амуре. Весь комсомол строил город. Вручную корчевали вековой лес. Нынешней техникой не было. Были люди — такие люди! На нас смотрит один из строителей города молодости — Алексей Маресьев, будущий герой войны с фашистами. Маресьев приехал строить новый город в 1934 году по путевке Камышинского райкома комсомола... Через много лет был найден дневник одного из строителей, подписанный «А. В. Комсомолец», в дневнике есть такие слова: «Помните, что скучают только близорукие. Давайте волю своему воображению, сила его необычна. Воспитаем в себе чувство времени и чувство будущего!»

...Минули времена. Где землянки? Где тайга? На их месте — Комсомольск. Как песня о молодости — дома и проспекты. Стоят на улице ветераны, солидные уже люди, вспоминают те первые зори... «А помнишь?.. А помнишь?..» Они через тридцать лет навестили свое детище. С балконов только что построенных домов им приветно машет новая молодость. Комсомольск-на-Амуре построен. Комсомольск-на-Амуре строится.

Смотришь, читаешь... и начинаешь ловить себя на том, что тебе стало созвучно то время, что к тебе пришло ощущение сопричастности ему. И хотя ты и не жил, к примеру, в 30-е годы, они для тебя как свои. Близко к сердцу приняла наша молодежь дело построения социализма. Сражались с кулачем и неграмотностью, с отсталостью и темнотой. Учились, учились и учились. Гибли от пуль врагов. Строили заводы и колхозы. Строили новую культуру. Создавали комсомольские тракторные колонны. Писали книги. Везли красивые хлебные обозы. Открывали звезды. Выходили во всеосознанные походы против сорняков. В труде и борьбе новали сталь комсомольского характера. Как поэму, как песню, прозвонили слова: индустриализация, коллективиза-

ция, социализм. Жили одной жизнью с партией и народом. Растили поколение молодых строителей коммунизма.

«Мне бы жить и жить, свозь годы мчась...» Над жизнью наших детей, над нашим завтрашним днем, над самим существованием Советской страны, Революции, надо всеми нашими завоеваниями нависла смертельная угроза. Против нас двинулись 5,5 миллиона фашистских завоевателей — 181 дивизия и 10 бригад, 3700 танков и штурмовых орудий, 4950 самолетов. Против нас двинулись варварство и членоконенавистничество, вооруженные новейшей техникой. Такой войны еще не знала история. Перелистаем же страницы этой истории... Концлагерь. «Слова немеют. Об этом не расскажешь. Говорят мертвые. Кричат замученные. Вопиет молчание. Есть ли обвинения, неопровержимее таких свидетельств? Можно ли яснее сказать, что несет народам фашизм?.. Ведь это дети. Подумать только! Дети... Ни в чем не виновные, чистые, беззащитные. Дети! И больше — ни слова».

«Нет, этого мы не забудем! Не забудем, как фашистские надсмотрщики издевались над советскими людьми, как передавали Круппу наши, нами построенные заводы, как писали: «Русские должны умереть, чтобы жили мы» и после с идиотскими улыбками фотографировались «на память». Мы не собирались уничтожать немецкий народ. Но не было и не могло быть у нас иной клятвы, чем клятва: «Смерть фашистским оккупантам!»

Во второй тетради есть драматичный фотомонтаж. На фоне бесконечного кладбища два немца прикрыли глаза рукой. «Они погибли во имя бредовых членоконенавистнических фашистских планов. Время сровняло их могилы с землей».

Людские потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили свыше 20 миллионов человек.

На фотографии изрезанное морщинами лицо матери. «Обнажите головы! Мать скорбит о сыне. Она о чем-то вспоминает. О чем?.. Военный корреспондент заснял сына всего за день до его гибели. Эту фотографию, где сын как живой, мать увидела только через двадцать лет...»

Последняя страница второй тетради. Мать держит малыша... «Война окончена. Уже десятки раз пробивалась с тех пор молодая трава на безымянных высотах, обильно политых нашей кровью. Уже подросли и стали взрослыми дети, кото-

рые никогда-никогда своими глазами не видели подлинного лица войны».

Война окончена. Борьба продолжается. Нам нужен мир, мирное небо — крыша мира над мирным нашим домом. Коммунизм и Мир неразделимы.

На наших стройках, у наших ракет, на форумах мира несем мы бессонную вахту во имя мира. Во имя павших, во имя живых, во имя юности, во имя детей.

Новые поколения влились в Ленинский комсомол. Комсомольская летопись устремляется в будущее...

В третьей тетради — образ нашего молодого современника, наш нынешний комсомол.

В книгу смотрит задумавшийся юноша. В его глазах не один вопрос: «Что я значу? Кто я людям? Кто они мне?» Он вступил в комсомол как в уже сложившуюся организацию с давними традициями. Из первой и второй тетрадью он узнал о том времени, когда комсомол только еще создавался, и создавался творчеством сотен тысяч юных! И он пришел в комсомол, чтобы продолжить творчество!

В третьей тетради неожиданно проясняется общая сверхзадача — раскрыть на разных этапах черты комсомольского характера, пробудить в юном читателе мысль об ответственности за все сделанное и что еще сделать предстоит. Ненавязчиво, как бы исподволь авторская мысль подводит юного читателя к потрясающему открытию. В этой тетради или в следующей могут быть и я. И это очень просто. Только надо идти наравне с веком и непременно по главной дороге жизни.

И вот еще о чем подумалось. Вся трилогия смотрится, как увлекательный фильм, чей бег умышленно остановлен, чтобы можно было все как следует рассмотреть.

Я далек был от мысли пересказать хотя бы выборочно содержание этих тетрадей. Издание это таково, что любой пересказ будет далеко не полным. Я попытался передать впечатление, которое оно вызывает. Любого, кто еще не знаком с этими тетрадями, они не оставят равнодушным. Их непременно надо читать и видеть.

А. Евстугов

Юность, которая спасла мир

«Юность мужала в боях». Статьи, очерки, документы. Составитель майор А. Д. Ковалев. М., Воениздат, 1966, 416 стр., тираж 42 000 экз.

3 миллиона 500 тысяч комсомольцев в годы Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями, 7 тысячам комсомольцев и воспитанников комсомола присвоено звание Героя Советского Союза, 40 молодым новаторам присвоено звание Героя Социалистического Труда, более 50 тысяч молодых партизан и партизанок награждены орденами и медалями — 99 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

Те, кому сейчас двадцать, уже настолько привыкли к солнечному июньскому небу, к счастливым глазам любимых, к радостному смеху детей, что иногда им кажется: так было всегда. Нет, они, конечно, знают о войне. По рассказам старших, по кинофильмам, по книгам. Но очень уж трудно себе представить всю тяжесть беды, свалившейся на наш народ в сорок первом, если ты родился в сорок восьмом. Трудно в полной мере представить напряженные тех огненных лет, понять до конца звериную сущность фашизма, если после победы прошло уже почти четверть века.

Те же, кому было двадцать в сорок первом, кто сам до конца испытал горькую чашу войны, пройдя нелегкими дорогами отступлений от западных границ до Москвы и потом еще более тяжелых ими, но редостными дорогами побед от Москвы до Берлина, помнят все.

Потому что, пока стучит сердце, этого не забыть. Они не молчат, они рассказывают юным друзьям о своей юности, пришедшей на четыре года войны. Они пишут об этом очерки и статьи, из которых слагаются книги, еще и еще раз напоминая молодежи, что не всегда в июне ярко светило солнце, не всегда раздавался радостный детский смех. Было время, когда солнце в нашем небе, словно черные тучи, заслоняли вражеские стервятники. Было время, когда дети умирали от голода и бомбежек. Было время, когда двадцатилетние юнцы, защищая честь и свободу Родины, совершали чудеса беспримерной храбрости, отдавали свои жизни во имя будущих светлых дней.

Да, об этом суровом, героическом времени написано немало книг. Мне хочется поговорить об одной из них, которую, по моему, нельзя читать без волнения и которая, несомненно, заинтересует и тех, кому сейчас двадцать, потому что от нее веет горячим дыханием военных лет, и тех, кому было двадцать в сорок первом, потому что в ее героях они узнают самих себя. Выпущена она Военным издательством. Называется — «Юность мужала в боях».

Книга составлена из стихов, очерков, писем и дневников. Она сделана с большой любовью, умно и тактично.

Среди ее авторов мы встречаем фамилии и прославленных офицеров и генералов (И. Сорокин, В. Чуйков, Г. Шатунов, В. Зайцев, Г. Арутюнянц, А. Маресьев, В. Комиссаров), и известных писателей и журналистов (Б. Горбатов, С. Смирнов, С. Наровчатов, Ю. Друнина, Н. Тихонов, Е. Кононенко, В. Шефнер). Это коллективный труд о войне. Труд тех, кто не раз смотрел смерти прямо в глаза, заставляя ее отступать, кто на себе испытал, что такое война.

Под названием книги, объясняя, так сказать, ее жанр, написано: «Статьи, очерки, документы». Но, право же, она вся от первой и до последней строки — ценный волнующий документ, документ военной эпохи, который предьявляет юности 40-х годов юности 60-х, как бы говоря: так мы жили, так любили и ненавидели, так воевали и побеждали.

Давайте же заглянем в этот документ.

В начале книги помещена фотография — «Первая бомбежка». Пятеро семи-восемилетних мальчиков и девочек застыли в неестественных позах. Они с удивлением и страхом смотрят в небо, несущее им вместо солнца — смерть. Еще несколько минут назад они беззаботно играли, радуясь ясному дню, а сейчас, глядя на страшные взрывы, они заслоняют ручонками головы... Так началось детство, так начиналась война.

В первый же день войны ЦК ВЛКСМ принимает постановление, в котором «требует, чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего, знавшего врага, за Родину, за честь, за свободу».

Десятками тысяч заявлений с просьбой послать их на фронт откликнулись на этот призыв комсомольцы. Вчерашние молодые рабочие, колхозники, школьники, студенты стали красноармейцами. Они клянутся «в бою с врагами Родины показывать пример мужества, стойкости и героизма, драться с врагом до последнего снаряда, до последнего патрона... до тех пор, пока будут биться сердца, и одержать победу». Комсомольцы держат свою клятву. Почти на каждой странице книги рассказывается о героях. Читатель встретит и широко известные имена: Виктора Талалихина, Рубена Ибаррури, Марию Мельникайте, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло, Тимура Фрунзе, и имена менее знакомые: Павла Зайцева, Чолпонбая Тулебердиева, Якоба Кундера (все они повторили подвиг А. Матросова), Феодосия Смолячкова, сразившего 125 фашистов, танкиста Михаила Криворотова, который горящую машину повел на батарею противника и уничтожил ее, и многих, многих других.

Сборник «Юность мужала в боях» интересен и тем, что в нем по крупицам собраны материалы (а это было сделать нелегко), рассказывающие об опыте комсомольской работы на войне. Комсомольцы везде остаются комсомольцами. И на фронте они проводят комсомольские собрания, выпускают боевые листки, там, где позволяет обстановка, оборудуют ленинские комбаты, оформляют походные

альбомы, устраивают коллективные чтения полюбившихся солдатам книг и даже создают бригады художественной самодеятельности. Все это помогало молодым патриотам побеждать врага, воспитывало у них жгучую ненависть к фашистам и неизмеримую любовь к Родине, к Коммунистической партии, укрепляло дружбу между народами единой советской семьи.

О том, как изо дня в день росла эта дружба, рассказывается в статье полковника Н. Лойко «Чтобы крепла дружба боевая», рассказывается во многих солдатских письмах. Вот что пишет своей матери русский комсомолец Казьмин: «Не листай, мама... листы древних книг... не ищи... святого чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, — мы побеждаем ее потому, что мы деремся не только за свою жизнь: мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых — Родину. Когда я произношу это слово, мне хочется стать на колени». Как перекликается с этими замечательными словами письмо узбекского воина Каюма Рахманова: «Жизнь — это Родина. Родина — это моя семья, мое село, вся моя Советская страна... Когда фашисты ворвались в Советскую страну, я почувствовал, как задрожала Ферганская долина. И каждый, в ком билось сердце патриота, сказал себе: «Иди вперед, останови врага». И вот я поехал в Ленинград».

Комсомольцам во всех делах помогали их старшие товарищи — коммунисты. Молодежь свято верила в идеалы Коммунистической партии, проливая за них кровь, а если требовалось — отдавала жизни. Не случайно перед боем многие комсомольцы произносили фразу, ставшую потом крылатой: «Если погибну, считайте меня коммунистом». И правдивыми эти слова, давались до последних сил. Сергей Григорий Кагамлы в одной из жарких схваток с врагом был тяжело ранен, но не ушел с поля боя. Вынул комсомольский билет и кровью написал в нем: «Умру, но не отступлю ни шагу назад, клянусь своей кровью».

Так воевали комсомольцы на фронте.

Но и в занятых фашистами районах они ни на минуту не прекращали борьбы с врагом. Они вступают в партизанские отряды, создают подпольные молодежные организации. Сейчас трудно встретить человека, который не знал бы о подвигах краснодонских молодоговардейцев. О них написано много, и кажется, потомкам о героях известно все. Но это не так. В сборнике приводится очерк бывшего члена «Молодой гвардии» подполковника Г. Арутюнянца. Он рассказывает о неизвестных ранее подробностях о том, как в организации родился замысел сжечь немецкую биржу труда вместе с хранившимися в ней списками советских людей, которых фашисты наметили отправить в Германию.

В партизанских отрядах, как и на фронте, комсомольцы занимаются агитационно-массовой работой. Они выпускают боевые листки, распространяют листовки, воззвания, газеты среди местного населения, воспитывают других личным примером.

«Партизан, выполняй с честью свои обязательства в предоктябрьском социалистическом соревновании:

1. Повышай честь народного мстителя — бей всюду гитлеровского грабителя.

2. Очищай воздух от собачьего лая — уничтожай полицию...

4. Поджигай склады, громи базы, не давай житья фашистской заразе...

Нам Родина дорога — разобьем заклятого врага».

Эта выписка из боевого листа одного из партизанских отрядов Орловщины (октябрь 1942 года) свидетельствует о том, что предстоящий праздник Великого Октября молодые патриоты призывали встретить конкретными, направленными против «гитлеровских грабителей» делами.

И они вершат эти дела, мстя «фашистской заразе» за слезы и горе своих матерей, за надругательство над любимой Родиной.

Беспримерный героизм проявил партизан-комсомолец Михаил Сильницкий. «С пулеметом он забрался на чердак дома, чтобы прикрыть отступление своих товарищей. Михаил подпустил гитлеровцев на 25—30 метров и метким огнем

сразил фашистов. Отряд отступил без потерь, но Сильницкому не удалось уйти незамеченным. Враги его окружили».

Михаилу первому из бело-русских комсомольцев было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Но ведь герои не умирают, они живут в наших сердцах, в названиях улиц, о них пишут книги.

Авторы сборника показывают, что комсомольцы сознательно шли на смерть, отдавая свои жизни за честь и свободу Отчизны и думая при этом о нас — о людях, которые будут жить после войны. Одним из таких комсомольцев был Иммант Судмалис, руководитель подпольной организации в Латвии, на счету которого было немало боевых подвигов. В 1943 году в Риге его схватили гитлеровцы, и после сорокадневных пыток он погиб в Центральной тюрьме. Незадолго до смерти Иммант Судмалис писал жене: «Дорогая Марусите! Аинька, Сармител! Не знаю, прочтете ли вы когда-нибудь эти мои последние слова, но все же я их пишу. Через несколько часов приведут в исполнение смертный приговор. Суд был еще 13 мая, так что у меня было достаточно времени продумать свою жизнь. Я оглянулся на пройденный путь, и не в чем мне себя упрекнуть — в эти решающие для человечества дни я был человеком и борцом. Лишь бы будущее было лучше и счастливее! Оно должно быть таким!» Эти строки нельзя читать без волнения. Из таких строк состоит почти вся книга.

Один из разделов сборника называется «Гвардейцы тыла». В нем помещены статьи, очерки, справки, рассказывающие о героическом труде юношей и девушек, заменивших у станков тех, кто ушел на фронт.

По всей стране на заводах создаются фронтовые комсомольско-молодежные бригады, девушки переучиваются «на разные мужские профессии», подают заявления с просьбой принять их в ряды доноров.

На Горьковском автозаводе прославилась фронтовая бригада комсомольца Василия Шубина: 24 годовые нормы выполнила она за годы войны. Так работали многие комсомольцы, потому что знали: для победы над врагом Красной Армии надо иметь тысячи

танков и самолетов, пулеметов и пушек.

В очерке «Хлеб военных лет» Ю. Шакутин тепло говорит о тружениках деревень. Очерк заканчивается такими словами: «Люди, о которых я рассказал, не ходили в атаку. Они не взрывали вражеские шлоны. Они просто кормили страну и армию хлебом. Но тогда в солнечный майский день у Кремлевской стены прогремел победный салют, я верил — он был и в их честь».

Да, судьба нашей страны рехалась не только теми, кто воевал на фронте, но и теми, кто в это время выращивал хлеб, кто стоял у станков, выдавая в день по четыре нормы, кто, как мы говорим, ковал победу в тылу. В книге об этом рассказано ярко и убедительно.

День Победы. Как бы ни было тяжело, в него верили, его ждали, за него дрались. Но прошло целых четыре года, прежде чем он наступил. Один он застал в Берлине, и они, счастливые, размахисто пишут свои фамилии на стенах рейхстага, других — в госпиталях, третьих — в бою за какое-нибудь местечко. Радостная весть стремительно облетела весь мир. Вот что пишет об этом дне бывший радист, старшина запаса Вениамин Ломасов: «За фронтовые годы мне пришлось принять тысячи радиogramм. Принял я и первую радиogramму Мира. В ней сообщалось о великой победе советского народа над фашизмом. Когда я принимал эту радиogramму (она шла открытым текстом), слезы капали на бланк...»

В этот день многие не скрывали слез. Это были слезы радости, слезы счастья. Мир был спасен, и в этом немалая заслуга воспитанников комсомола, тех, чья юность вобрала в себя четыре года войны.

После победы прошло 23 года. Те, кому в сорок первом было двадцать, сейчас достигли расцвета сил и духовных и физических, вместе со всем народом строят коммунизм. Но, занимаясь мирным трудом, они призывают молодежь и своих ровесников быть бдительными, быть на страже завоеваний Великого Октября. «Во Вьетнаме льется невинная кровь, — пишет Герой Советского Союза Алексей Маресьев. — В од-

А полный человек — это нечто совсем другое. Это человек всесторонне развитый: физически, умственно, способный глубоко чувствовать, обладающий высокими моральными качествами, смелостью, правдивостью, чуткостью и т. п. Я тоже хочу быть таким человеком, это трудно, но я хочу... Я прежде всего хочу любить, а потом писать про любовь, прежде хочу видеть, жить, потом уже писать о жизни». Пока Сергей прежде пишет.

1929 год. Сергей поступает в Воронежский сельскохозяйственный институт. «Живу хорошо, на аппетит не жалеюся, скорее он жалуется на меня». На завтрак — сыр, на ужин — «раствор кипятка с сахаром и кусок хлеба». Да, жизнь трудна. Но важно другое — Сергей живет!

На практику Сергея посылают в Уральскую область. «Его (Сергея) «гоняли» по разным районам и селам и не давали возможности поработать в одном каком-нибудь месте хотя бы месяц. И, несмотря на это, юноша сразу сумел увидеть главные недостатки в работе сельской комсомольской организации.» И он помогает комсомольцам устранить их.

Интерес к политике у Чекарарева огромен. Вот что он пишет своему младшему брату, начинающему искать свое место в жизни: «В твоём генеральном плане, несмотря на большое место, отведенное политике, видна определенная аполитичность... Ты сначала должен поставить вопрос: «А что нужно знать мне, как строителю социализма, живущему в двадцатом веке и пока в Большом Сухаревском переулке, но неизвестно куда впоследствии попадущему?» ...Не думай, что ты зряч. Ты видишь эту фабрику? Ты думаешь, она стоит? Нет, она идет! Куда идет? Все это надо знать и видеть, надо усвоить, чтобы определить свой путь.

...Но мало одной политики. ...Политика должна связываться с техникой.

...На помощь политике с техникой должна прийти наука. ...Нужно проработать углубленно сочинения Энгельса, Маркса и Ленина...» Это программа человека, стремящегося расковать себя для того, чтобы самостоятельно мыслить, оценивать и попытаться действовать.

Внутренняя борьба не

прекращается и в Башкирии, куда Сергей поехал после института. Но победа, столь необходимая Сергею, видимо, близка.

Остались стихи, остались письма. Последние несколько литературны, переполнены метафорами, сравнениями: «Я рад, что перебрался в эти края, густо заросшие лесом, в эти горы, словно давно не бритые, покрытые мохнатыми елками и колючим сосняком... Мы в шубе из мохнатых гор и в теплой лесной фуфайке. Правда, мороз тут бывает крепчайший — по количеству градусов равняется русской горью. И мороз этот не любит, чтобы кто-нибудь совал нос в его дела...» Но это уже совсем небольшая ловушка. Условия в Башкирии действительно тяжелые. И Сергей относится с юмором к себе и к своим злоключениям.

Секретарь партийной ячейки в Инякском совхозе Елена Владимировна Юрьева вспоминает о Сергее Чекараре: «Когда он выступал, то всегда краснел, и чувствовалось, что говорит он не ради формальной необходимости, а от всего сердца». Людям, которые говорят от всего сердца, не надо добиваться уважения, их и так уважают.

Да и поэзия Чекарарева набирала силы, и недаром такой прямой человек, как Михаил Аркадьевич Светлов, писал: «Он очень простой и как будто весь как на ладони, и вместе с тем очень сложный и глубокий».

«Первую половину жизни я буду писать для себя, вторую — для всех», — говорил Сергей Чекарарев. Второй половины жизни не получилось. А вот насчет первой он был не прав: и тогда он все же писал для людей.

Работа биографа имеет две стадии. Первая — это собирание материала, вторая — собственно писание. Автор книги С. Ильичева буквально по крупицам собрала интересный и обширный материал. С этой задачей она отлично справилась. Сюда еще надо добавить любовное отношение автора к своему герою.

Издательство политической литературы начало большое дело, открыв серию «Когда им было двадцать...» книгой — «Сергей Чекарарев».

А. Иванов

Они были первыми

Юность комсомольская. Воспоминания первых кубанских комсомольцев. Составитель Т. Н. Багратян, литературная обработка А. С. Коновалова. Краснодарское книжное издательство, 1965, 224 стр., тираж 15 000 экз.

На знамени новороссийской организации комсомола было написано: «Будущее принадлежит нам, и горе тем, кто нам дорогу посмеет назло преградить». Эти гордые слова на красном полотнище как нельзя лучше отражали боевой дух комсомольцев 20-х годов, их стремление построить собственными руками светлое здание нового, коммунистического общества.

О незабываемых годах становления и упрочения Советской власти на Кубани, о славных делах первого поколения кубанского комсомола рассказывают воспоминания первых кубанских комсомольцев и комсомолок.

Перед читателем проходят образы комсомольцев тех далеких лет. Одни — в красноармейских шлемах-буденовках, с винтовкой за плечами; другие — в кожанках, с наганом за поясом; третьи — в скромном костюмчике, полученном по ордеру, с книгами в руках».

Авторы напоминают читателю о суровой и беспощадной борьбе с классовыми врагами, о том, что счастливый сегодняшний день завоеван ценою жизни многих комсомольцев, таких, как Иван Сидоренко, Миша Полуян, Вася Журадьель, Миша Ермаков, Андрей Нандинцев и другие. Все они отдали свои жизни за свободу Советскую республи-

ку, за будущее нашей молодежи.

Нелегкими были первые шаги комсомольской организации Кубани, и заслуга авторов воспоминаний в том, что они показали не только трудности и лишения, но и рассказали об интересной организаторской комсомольской работе. Молодые парни и девушки боролись за ликвидацию неграмотности, собирали беспризорную детвору, учились на рабаках и в совпартшколах, с большим увлечением брались комсомольцы за культурно-просветительную работу: устраивали вечера вопросов и ответов, концерты художественной самодеятельности, диспуты. Диспуты шли на такие темы: «Когда начнется мировая революция?», «Что такое любовь, и существует ли она на свете?», «Скоро ли мы полетим на Луну и Марс?», «Можно ли носить галстук?» и т. д.

Странички сборника рассказывают о большом опыте пропагандистской работы, который накопили комсомольцы 20-х годов. Организация и методы работы кружков политграмоты, диспуты на политические темы, лекции, доклады, литературные суды — все это могут поизмыслить комсомольцы наших дней у своих отцов и дедов.

Г. Донченко использует в своих воспоминаниях документы комсомольских организаций 20-х годов, хранящиеся в государственных и местных архивах. Скучные строки документов раскрывают героические дела комсомола. Особый интерес представляют документы из Краснодарского партийного архива. Это протоколы заседаний станичных комсомольских ячеек, районных съездов комсомола. Пожелтевшие листки, написанные иногда малограмотной рукой на оберточной бумаге, живо восстанавливают прошлое. Вот решение Краснодарского отдельского комитета комсомола, принятое в ноябре 1921 года. «О распределении двух комплектов обмундирования, полученных для членов комитета». В решении записано: «Выдать т. Гайдуку пальто и верхнюю рубашку; т. Котельникову — пару ботинок и рубашку верхнюю; т. Каблучко — шапку; т. Муравченко — шапку и кальсоны; т. Глущенко — брюки, нижнюю рубашку и кальсоны».

Автор публикует «анкету для изучения быта», которая в 1923 году была составлена Краснодарским горкомом РКСМ. Анкета содержит такие вопросы:

а) отношение комсомольца к религии — к праздникам и обрядам;

б) отношение к семье и семье к нему;

в) отношение в ячейке между юношами и девушками и другие.

Можно пожалеть, что не сохранилось ответов.

Анкета еще раз свидетельствует о том, что наряду с хозяйственными кампаниями и политическим просвещением комсомольцы занимались бытом и другими делами, формируя в борьбе, труде, учении свое коммунистическое мировоззрение.

Г. Донченко приводит лишь несколько документов, в архиве их хранится значительно больше, и все они должны стать достоянием массового читателя.

Направляя работу молодежи партия. И о ее руководящей роли говорят в своих воспоминаниях А. Каварьянц, И. Матвийчук, Т. Багратян. У колыхали комсомола Кубани стояли известные деятели большевистской партии, прошедшие школу подполья и гражданской войны: Р. С. Землячка (в 1924 году она заведовала организационным отделом Кубано-Черноморского обкома партии), А. И. Микоян — секретарь Кавказского краевого комитета партии, Я. К. Оболин — секретарь Кубано-Черноморского обкома партии, Михаил Маслиев, заведующий агитационно-пропагандистским отделом обкома партии.

Внимательно руководил большими и малыми делами комсомольцев областной комитет партии, партийные организации заводов поручали комсомольцам проведение ответственных политических мероприятий, и комсомольцы с честью выполняли задания партии. А. Мильчаков вспоминает, как А. И. Микоян учил комсомольцев вовлекать казачью молодежь в ряды комсомола. «Без участия в работе комсомола казачьей молодежи из станичной бедноты и середняков, — говорил он, — комсомол на Кубани не будет массовой организацией». И в первые годы Советской власти комсомол под руководством Коммунистической партии проч-

но завоевал влияние среди молодых рабочих, батраков и бедняков.

«Областной комитет партии, — вспоминает И. Рыбак, — предложил комитету комсомола подготовить большой отряд комсомольцев для направления на учебу в школу партийного и советского строительства. Это поручение комсомольцы быстро выполнили».

В нелегкие 20-е годы комсомол Кубани вырастил замечательный коммунистический актив, проявивший себя и тогда и спустя многие годы в хозяйственном и культурном строительстве, в защите Страны Советов от вооруженного врага. Авторы воспоминаний — предшественники этого актива. Мы с интересом узнаем биографию первых кубанских комсомольцев.

Боевой путь комсомольского актива прошел Трдат Багратян. В 1919 году он в станице Славянской вместе с друзьями ведет подпольную работу против белых. С приходом Красной Армии Трдат становится одним из организаторов комсомола в Славянской. В дни высадки на Кубани врангелевского белоградского десанта Багратян вместе с другими комсомольцами — боец ЧОНа. В 1920 году Багратян вступил в партию. Осенью 1921 года его послали работать в областной комитет РКСМ. В 1924 году избрали секретарем Кубанского окружкома.

Бывший студент строительного института Багратян участвует в сооружении первой очереди Московского метрополитена, во время Великой Отечественной войны командует батальоном ПВО в столице и строит оборонительные рубежи под Москвой, по окончании войны восстанавливает правительственные здания, работает в строительном главке. Сейчас, находясь на пенсии, он участвует в жизни краснодарской комсомольской организации, выезжает на Кубань, выступает с воспоминаниями и лекциями, помогает создавать историю комсомола для воспитания подрастающего поколения на революционных традициях.

Таких биографий десятки. Живет сейчас в Старополе Николай Коптев — бывший секретарь ейской организации комсомола в начале 20-х годов, один из первых организаторов пионерского

движения на Кубани, позднее редактор комсомольской газеты «Большевицкая смена» в Ростове-на-Дону.

В комсомоле Кубани получил первую закладку Пантелеймон Пономаренко, краснодарский железнодорожник, секретарь ячеек РКСМ. В 1923 году комсомол послал Пономаренко на Кубанский рабфак, открыв дверь к знаниям, а затем — к большой партийной и государственной работе.

Пантелеймон Пономаренко был секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, председателем Совета Министров Белорусской ССР, секретарем ЦК КПСС, во время Великой Отечественной войны руководил штабом партизанского движения страны. Сейчас он персональный пенсионер.

Семнадцатилетней вступила в ряды партии большевиков Нина Васильцова. Она была бойцом отрядов ЧОНа, инструктором Краснодарского городского комитета РКСМ, секретарем Туапсинского райкома комсомола. В 1941 году Нина Михайловна ушла добровольцем на фронт, была политруком части и заместителем командира по полиработе отдельного стрелкового батальона.

Жаль, что нет фотографий и кратких биографий всех авторов воспоминаний, было бы интересно узнать об их дальнейшей судьбе.

«Прошли годы... немного уже осталось нас, — пишут комсомольцы 20-х годов, — но не иссякла наша вера в идеалы юности, не постыдели мы душой, любим мы по-прежнему нашу советскую жизнь и нашу Коммунистическую партию». И эту любовь и веру они передают как эстафету новому поколению, которое учится у них жить, любить, бороться, верить.

Л. Гафт

Книги, адресованные романтикам

Каждый раз я волнуюсь, встречаясь с книгами, прочитанными в детстве. Я вырос, стал взрослым. Но ведь и они теперь «повзрослели» для меня, и то, что раньше проходило мимо сознания, стало восприниматься как нечто очень важное для понимания книги, как уголок души писателя, ранее не замеченный мною. «Я снова раскинул палатку в краю моего детства» (Р. Роллан), но пришел в него уже обогащенный взрослым опытом.

Все эти ощущения я испытал и три года назад, в 1965 году, когда согласился написать послесловие к «Дикой собаке Динго» Р. Фраермана — одной из моих самых любимых книг. Начинать работу было страшновато: я боялся упростить, огрубить лиризм повести прикосновением «критического пера». Не очень много даже в такой богатой литературе, как наша, советская, книг, столь тонко изображающих отрочество — самый трудный возраст. Возраст, когда человек особенно мучается от противоречивости жизненных впечатлений, потому что в нем, по словам Р. Роллана, в это время обязательно «есть частица души Гамлета». Самый высокий романтизм и самый трезвый, подчас даже грубый реализм борются в юном сердце.

И все-таки я осмелился написать послесловие к «Дикой собаке Динго» (как позднее и к фурмановскому «Чапаеву»), потому что понял: никакого «ученого» анализа здесь не требуется. Книга входила в серию «Тембе в дорогу, романтик», которую тогда уже третий год издавала «Молодая гвардия» и которая уже успела заслужить популярность. Нужен был живой разговор о писателе, о книге, обо

всем, что встает над ее страницами и волнует начинающих жить». Давно написанной книге предстояло встретиться с новым читателем, с тем, кому незнакома ее история, кому пока еще нет дела до ее славы, до ее места в литературе...

Когда возникла мысль о создании серии, перед работниками редакции литературы для подростков и юношества встало много дискуссионных вопросов. Какие произведения будут включаться в серию? Следует ли вводить какие-либо жанровые ограничения? Каким должен быть сопроводительный материал? Словом, было над чем подумать. И решение нашли самое верное. Не нужны никакие «железные» ограничения. Здесь они только помешают. Подросток читает книги самые разнообразные, и надо только одно: так составить его библиотечку, чтобы он не ощущал каждую минуту, что его «воспитывают». Ведь еще Марк Твен напомнил, что дети не любят «воскресных чтений». Им должно быть интересно, какой бы серьезной по своей «значинке» ни была книга. Ребятам 60-х годов нужно обязательно встретиться с теми полными романтического духа книгами, которые взахлеб читались их родителями. Поэтому в серию так естественно вошли «Старая крепость» В. Беляева, «Вратарь республики» Л. Кассиля, «Повесть о суровом друге» Л. Жарикова, «Джурга» Г. Тушкана, «Мужество» В. Кетлинской, «Два капитана» В. Каверина, «Звезда» Э. Казакевича. Произведения о людях трудной и героической биографии, о борцах за высокие гражданские идеалы, о тех, чьи романтические мечты никогда не оставались комнатными, а осуществлялись ценой суровой борьбы, отказа от личных благ, ценой крови, а иногда и жизни. Нельзя обойтись и без ставших советской классикой «Чапаева», романов Н. Островского, «Молодой гвардии».

Но возникает вопрос, ведь все эти книги неоднократно переиздавались и переиздаются сейчас многими издательствами нашей страны — так оправдано ли их включение в серию, не произойдет ли ненужного дублирования? Однако самая большая заслуга «молодогвардейцев» в том-то, может

быть, и заключается, что они решительно отказались от принципа простого переиздания. Входящие в библиотечку произведения — будь то «Мое поколение» Б. Горбатова, «Повесть о настоящем человеке», «Сильные духом», «Брестская крепость» или менее знаменитые, но так естественно оказавшиеся здесь повести П. Нилина «Жестокость» и «Испытательный срок», трилогия Ю. Германа — должны сопровождаться чьим-то сердечным, достаточно серьезным, но, как я уже говорил, отнюдь не «академичным» разговором о писателе, его героях, истории книги. Хотелось не просто дать юному читателю книгу (и обязательно интересную), не просто сообщить ему какой-то запас знаний о жизни, но увлечь его, незаметно привить вкус к знанию, воспитать любознательность, стремление расширять диапазон своего чтения. Обратите внимание на то, какой материал сопровождает многие произведения серии. Об Этель Лилян Войнич и истории ее «Овода» мы узнаем из послесловия к роману, которое в форме письма Павлу Корчагину написано известной исследовательницей творчества Войнич Е. Таратутой. Стиль ее работ лишен сухости, назидательности, история ее литературоведческих изысканий не менее интересна, чем «Лермонтовиа» Ираклия Андроникова.

Вместо простой биографической справки на обороте титульного листа или скучного анализа романа Н. Бирюкова подросток найдет в книге эмоционально, страстно, с большой любовью написанный очерк Г. Ершова, Л. Жарикова и М. Котова «Комсомольское сердце». И, таким образом, в дороге романтику будет теперь светить образ не только комсомолки-партизанки Кати Волгиной, но и самого автора — старого комсомольца, по духу родного брата Николая Островского.

Читатель, увлекающийся спортом, взяв в руки сборник Л. Кассила «Два кубка» («Вратарь республики», «Ход Белой Королевы»), прочтет предисловие, принадлежащее перу кумира многих мальчишек Юрия Власова и живо написанную статью И. Рахтанова о Л. Кассиле «Полпред советских болельщиков». И кто

знает, может быть, эта книга о романтике и подвиге в спорте станет одной из тех, которые прихотят много эрудированного болельщика, но малокавалифицированного читателя к художественной литературе. Затем Ираклий Андроников расскажет ему о С. С. Смирнове, а доктор медицинских наук Т. Арьев — о своем друге Ю. Германе, посвятившем последние три романа благородному труду советских медиков. Дочитав воспевающую советских полярников «Ледовую книгу» Ю. Смуула, участвовавшего в 3-й советской антарктической экспедиции, юный романтик еще раз встретится с уже знакомой ему фамилией начальника 2-й экспедиции А. Ф. Трешникова. Маститый ученый-географ очень просто, совсем «по-домашнему», поделится воспоминаниями о своей первой встрече с Юханом Смуулом, о достойной большого уважения работе этого писателя, вечного «бродяги»-путешественника.

А теперь обратите внимание и на другое: как умно подобраны произведения в сборниках «Избранного». Встреча в серии с Роменом Ролланом для многих юных — первое знакомство с этим писателем, который «горел в вечном огне духовной работы» и был одним из самых последовательных романтиков и вместе с тем самых трезвых реалистов в европейской литературе. Понимая это, издатели начинают книгу с ярких воспоминаний К. Федина о Роллане, а после «Юла Брюнона», «Пьера и Люс» помещают воспоминания Роллана о его юности и великодушные по уму и сердечности письма писателя к Серреже Кудашеву, его приемному сыну, жившему в Москве (впоследствии он погиб на фронте Отечественной войны). Старый писатель делится с юнойшей мыслью о дружбе и счастье, о литературе и искусстве, о революционном интернационализме... Разговор этот, как бы продолжая произведения, напечатанные в сборнике, сам продолжается в содержательной, серьезной и вместе с тем очень легко читающейся статье Т. Мотылевой о знаменитом французском писателе. Прочтя один этот томик, человек узнает уже столько интересного о Роллане, так ясно представит себе его не только писательский, но и

человеческий облик, что ему, конечно, захочется прочесть и «Жана Кристофа», и «Очарованную душу», и очерки Роллана о деятелях искусства и литературы. Столь же интересно и содержание книги Ю. Фучика. Открывает ее письмо революционера подпольщика к своему еще не родившемуся сыну. В этом письме — «бутылке с запиской, брошенной в море времени», человеку будущего рассказывают о трудных и героических годах, когда все честные люди боролись с фашизмом, не желая видеть, как унижается справедливость.

«В глубине ночи, как из глубокого колодца, все мы видели звезды белого дня... Прочти о нас и о современных нам людях. Чтобы понять нас, мой близкий и незнакомый» — так заканчивается это письмо. «Ты вырастешь и задашь мне вопрос — называется ли неоконченный роман Фучика о чехословацкой молодежи. Это как бы продолжение письма. Начатый в 1939 году, в ночь, когда гитлеровцы вступили на улицы Праги, он должен был стать расширенным ответом на те вопросы о жизни, ее цели и смысле, которые писатель услышал из будущего. Фучик успел только начать роман, но ответ все же дан. Дан в его статьях и выступлениях, в «Репортаже с петлей на шее». Все это, сопровождаемое блестящими воспоминаниями о Фучике А. Гоффмейстера, вошло в книгу. Фучик — талантливый литературный критик, блестящий оратор и журналист, литератор с яркими задатками оригинального романиста — во весь рост встает с этих страниц. Прекрасно сделали составители и издатели, вспомнив и о юношеских записках книжках Фучика. 16—19-летние читатели с изумлением увидят, каким богатым был духовный мир писателя уже в их возрасте.

Может быть, даже и все суждения его о произведениях чешской, русской, вообще европейской литературы будут сразу же понятны юным читателям. Но ведь многие книги серии не случайно строятся так, что через некоторое время хочется вернуться к ним и перечитать ряд страниц выборочно, закрепить в сознании то, о чем впервые узнал раньше.

«Прочитай! Прочитай!

И все-таки только до свидания!» — такими словами заканчиваются «Записные книжки» Фучика. Так, по мере складываются и отношения юного читателя с книгами серии «Тебе в дорогу, романтик».

Он еще не раз перелистает и сборник «О Ленине», и «Избранное» М. Горького, и томик А. С. Пушкина, составленный из его романтических, мятежных юношеских стихотворений, и «Песнь любви» — антологию любовной лирики русских поэтов XIX—XX веков. Последняя из названных книг включает в себя множество имен — от Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Никитина, Тютчева и Фета, Полонского и Надсона, Блока и Маяковского до талантливых поэтов нашего времени, в том числе совсем молодых, еще не имевших к выходу антологии в свет первого своего сборника.

Рядом с такими книгами, как «Песнь любви» или «Испанский дневник» М. Кольцова, повести Ч. Айтматова, «Спартак» Джованьоли, совсем иного жанра произведения, тоже привлекут внимание издательства. Я имею в виду сборники писем и дневников замечательных людей — всемирно известных и совсем, казалось бы, рядовых, но выразивших всей своей жизнью, всем своим гражданским облик характернейшие героико-романтические черты своего времени. Таковы сборники «Из дневников современников» (письма и дневники Л. Лисиновой, В. Кубанева, В. Горбатова и других), «Дневник заключенного» — письма Ф. Э. Дзержинского, «Высоких чувств высокие стремленья» (в него войдет, например, переписка А. Г. Чернышевского,

Н. И. Герцена, Н. П. Огарева, Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойского). Глубокую благодарность к составителям испытываешь, читая книгу «Сквозь время», воскресившую для юного читателя целую плеяду русских революционеров — узников и победителей Шлиссельбургской крепости. Роман Семенчиков, Борис Ждановский, Владимир Лихтенштадт, Исая Наханович, Федор Лыткин и многие другие превратили романовский застенок в настоящую школу революционного мужества. Их письма и дневники, сопровождающиеся содержательными и эмоцио-

нальными комментариями, делают близкими и родными нам этих людей — таких разных, но объединенных общим участием в великой революции, идеями которой были возвеличены их трудные и славные судьбы.

Мне приходилось писать в журнале «Молодой коммунист» об этой книге еще до ее выхода, и я рад, что она уже легла на стол юного и пытливого читателя.

О многом нужно было бы поговорить еще в связи с изданием серии. Хотелось бы на примере подготовки томика Н. Островского рассказать о том, какую трудную текстологическую работу приходится подчас продолжать ее редакторам, устанавливая первоначальный, апробированный давно умершим автором текст и освобождая его от поздних наслоений. Хотелось бы также проанализировать составительскую и редакторскую работу над сборником произведений А. Грина, ярко и разносторонне представляющим этого удивительно своеобразного и многогранного писателя.

Интересно прочитать поток писем, получаемых редакцией от читателей «Девчат» Д. Бедного (как видите, широкая популярность фильма не испугала издателей, включивших эту повесть в свой план и не помешала читателям прочитать книгу!) или «Перекрестка» Ю. Слепухина — нового для большинства из нас писателя, выдержавшего трудную конкуренцию с именами, представленными в серии...

Но всего не расскажешь. Книги, издаваемые в характерных серийных обложках, — перед вами. Прочтите одну, другую — и вы уже будете искать на прилавке новые, соседствующие с ними в длинном списке вышедших и намеченных к выпуску книг. И когда вы будете читать их, обратите внимание еще на одну особенность серии: ее оформление. Фотографии не просто иллюстрируют текст, они продолжают и дополняют его. Иногда в книге мы находим целый фотоальбом, рассказывающий о жизни писателя и его произведениях. А листая, например, «Ледовую книгу», вы узнаете о том, что происходило в местах, описанных автором, через десять лет после его путешествия — именно тогда сде-

лал свои интереснейшие снимки фотокорреспондент «Огонька» Г. Колосов.

...«Мы — единой лирики лента», — писал Маяковский, думая о поэзии Лермонтова. Наверное, начиная работу над изданием серии, «молодогвардейцы» не вспоминали этих слов. Но мне они вспомнились не случайно. В серии «Тебе в дорогу, романтик» книги дружат между собой. И юный читатель начинает понимать единство лучших, прогрессивных традиций в мировой литературе, какими бы различными по манере, по стилю ни были представленные в этой библиотеке произведения. Он причащается, читая их, не расставляя писательские имена в шеренгу, «по росту», а благодарно воспринимать все, что расскажут ему и маститый классик прошлого и современник — каждый в меру отпущенного ему природой таланта, но оба — по велению сердца и совести.

Сегодняшнюю литературу для юношества уже трудно представить себе без книг этой серии, которых не было «в краю моего детства» и которые издаются так творчески, так изобретательно...

Виктор Гиленко

Письмо комсомольцев А. В. Луначарскому

Молодежь 1920-х годов. Какая она? Чем жила? Ее думы и мечты... В наших глазах она представляется в романтическом ореоле борьбы и подвига, в огне пожара и выстрелов из-за угла. Революция, гражданская война всколыхнули самые отдаленные, самые тихие уголки России, вызвали необыкновенную жажду знаний среди молодежи. Повседневная работа подсказывала необходимость учиться. Учиться — это был наказ Ленина и первая задача комсомола.

Наркомпрос, возглавляемый А. В. Луначарским, проводил огромную работу по созданию новой системы советского народного образования. Произошла ломка старой системы школьного обучения, введены новые программы, созданы рабфаки, проводилась большая пропагандистская работа. И все это, несмотря на ограниченность материальных средств, нехватку учебников, отсутствие библиотек.

Из средств, полученных от платных выступлений А. В. Луначарского, был создан фонд помощи, который шел на стипендии студентам художественных вузов, единовременные пособия, на покупку книг для библиотек.

Публикуемое письмо комсомольцев города Духовщина Смоленской губернии — свидетельство жизни и настроений молодежи тех дней. Искренно и непосредственно рассказывают комсомольцы о своих интересах и трудностях.

Публикация подготовлена Е. Лямкиной.

А. В. Луначарский среди рабфаковцев.
1929 г.

30 марта 1924 г.

Дорогой старший товарищ
Анатолий Васильевич,

Ответное письмо Ваше получили, и оно влило нам больше бодрости и энергии в работе по воспитанию из себя юных ленинцев, в то же время борясь с косностью, нас окружающей.

Эта работа еще более будет плодотворна, когда мы сознаем, что наши вожди, занятые усиленной работой по созданию пролетарского государства, все же уделяют часть своего времени и не забывают нас, комсомольцев данного глухого уголка.

Город, где находится наша ячейка, представляет из себя одну из глухих merchantских трущоб, где единственным светочем является комсомол. Ячейка наша по составу из беднейших крестьян и пролетариев, сейчас же никого не принимаем, укрепляя себя.

Но как ни трудна наша работа, все же бодрый революционный дух не покинет нас до самой смерти в борьбе за мировую революцию.

Хотя и не хотелось напоминать о материальных предпосылках, но мы смотрим на это коммунистически, а поэтому отвечаем, что библиотеки у нас нет совсем, и присланные вами книги, которые мы изучаем, послужат основой дальнейшего изучения трудов человека, именем которого мы зовемся.

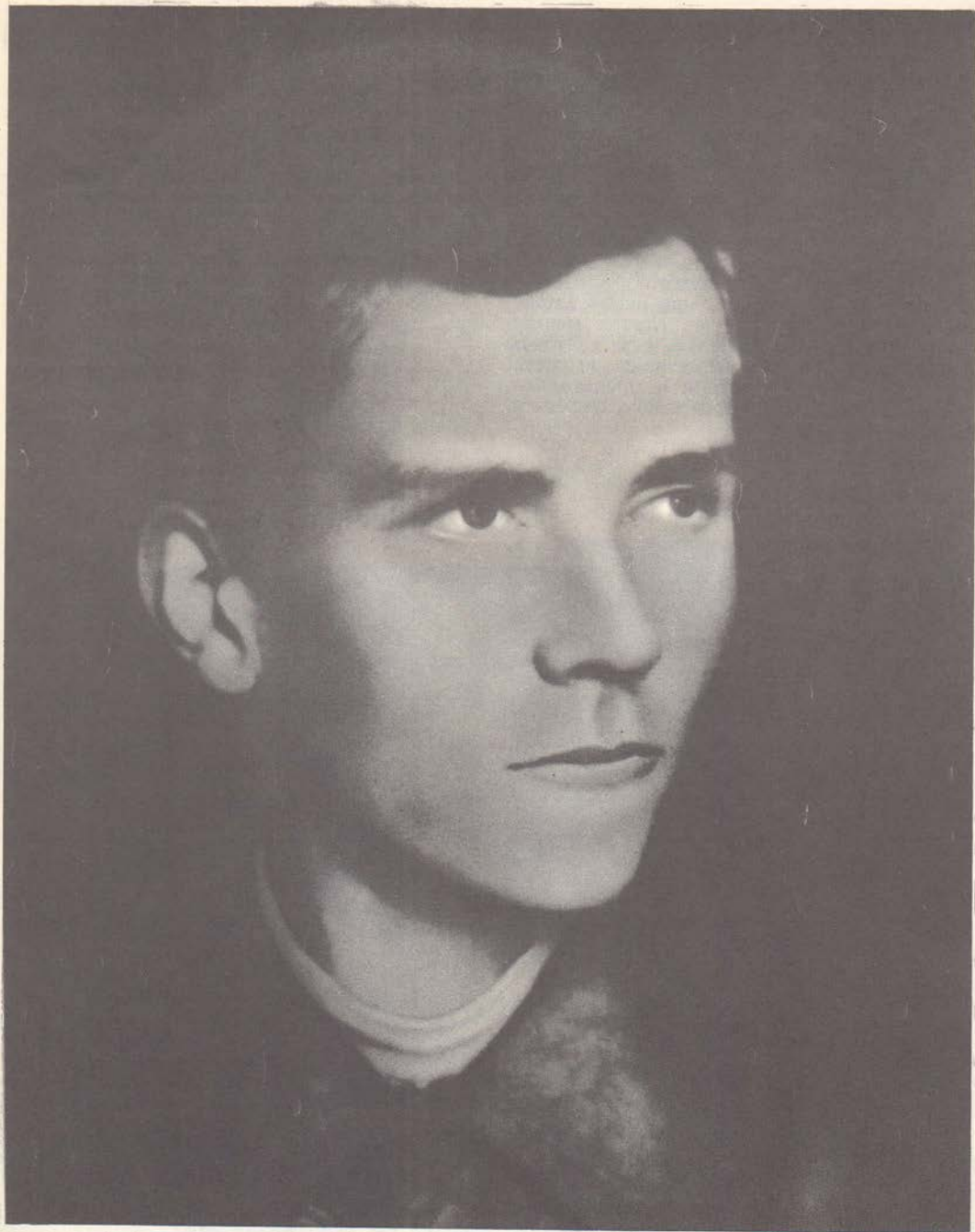
С комсомольским приветом
по поручению ячейки
за секретаря Н. Шиманов.

Адрес:
Гор. Духовщина Смоленской губернии,
ячейка РКСМ имени Луначарского при
1-й школе II ступени.

ЦГАЛИ СССР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 28.

А. В. Луначарский на октябринах
в рабочем клубе. Москва, 1924 г.

Из писем читателей Н. А. Островскому

Имя Николая Алексеевича Островского встало в первые ряды молодой советской литературы вместе с публикацией первой части его романа «Как закалялась сталь», который печатался в журнале «Молодая гвардия» с апреля 1932 года.

После того как вышли в свет обе части романа «Как закалялась сталь» в октябре 1934 года, поток писем со всех концов страны в адрес Николая Островского стал особенно интенсивным. Только за 1935 год им было получено около 6000 писем. Ему писали комсомольцы и школьники, рабочие и колхозники, целые коллективы фабрик, заводов, воинских частей, народных театров. Эти письма, полные любви и восхищения, единодушно говорили о том, насколько своевременной и необходимой была эта книга.

В ЦГАЛИ СССР можно найти множество писем адресованных Николаю Алексеевичу Островскому. Несколько отрывков из них публикуются ниже.

Публикация подготовлена И. Бармаш.

Из письма Н. А. Островскому от М. Марголина

Дорогой друг Николай Алексеевич!

Так и не удалось попасть к тебе в Москву, хоть я всячески стремился к этому. Нам следовало бы лично ближе познакомиться. Надеюсь, что когда-нибудь это мы осуществим. Ведь мы (хоть и в разных масштабах) прошли одинаковую школу боевой революционной молодости, комсомольской работы и борьбы с охвостьями контрреволюции и троцкизма. Оба мы пережили отчаянное состояние инвалидности, безнадежные попытки лечения и моральный гнет сознания никчемности и ненужности своего существ-

ования. И каждый своим путем вышел победителем в трудной борьбе, прочно стал на ноги и завоевал себе право быть активистом Партии и общества.

В 1924 году сквозное пулевое ранение в голову повредило зрительные нервы, и я совершенно потерял зрение.

Но военную работу не бросил, переключился на вневойсковую. Три года был военоргом Замоскворецкого райкома комсомола. Работал в Осоавиахиме на выборных и штатных должностях.

Ко мне привыкли настолько, что инвалидность уже не служила препятствием даже для таких заданий, как командирование в Среднюю Азию для обследования работы Туркменского осоавиахима.

Больше всего меня интересовала и интересует военная техника. Эту область, хоть и самую трудную без зрения, я выбрал своей специальностью и теперь работаю оружейником-конструктором (на автоматических системах), получаю задания от НКО и бесконечно рад, что приношу пользу именно на этом участке. Много трудностей преодолел, много их еще впереди, но энергии и настойчивости тоже, черт возьми, достаточно.

Ты сам понимаешь, как на меня подействовала твоя книга. Самого бездушного человека она проймет, а меня, пережившего так много, она просто потрясла. Читаешь многое в ней как бы про себя. Главное — то, что в результате она дает мощную зарядку и так подхлестывает, что трудности кажутся мелочами и хочется горы двигать.

Очень хочется знать, какими способами ты работаешь. Мне приходится пользоваться чтением (ежедневно по три часа). Успеваю читать техническую, политическую литературу и беллетристику. В работе вместо чертежа делаю схематическую модель и скульптурные эскизы из пластилина. Приходится также заниматься «литературным трудом» для наших журналов и газет.

Нагрузки за последние годы были все время — парторгом и по работе с молодежью.

Много помогает мне жена, Тоня Рязанова, она служит в Наркомземе, и главная ее помощь, которая особенно важна для меня, это бодрость, дружеская поддержка и серьезное, сознательное отношение к моим работам. Она просит передать тебе привет...

Июнь 1936 года, г. Москва.

ЦГАЛИ СССР, ф. 363, оп. 1, ед. хр. 130,
лл. 226—227.

Николай Островский. 20-е годы.

Из письма Н. А. Островскому от Н. Я. Плосского

...В наш район прибыл один экземпляр Вашей книги, но пока я добрался до районного центра, то за этой книгой оказалась большая очередь, и я записался уже 158-м.

Ждать очереди у меня не хватило терпения, и я начал подымать «бузу» в райкоме комсомола. Но это мало помогло.

Наконец приятная новость! Райком комсомола получил пять экз[емпляров] Вашей книги. И только тогда я смог удовлетворить свое желание.

Секретарь РК выручил!

Я позавчера прочитал Вашу книгу и два дня нахожусь под сильным впечатлением прочитанного.

Я много читал и читаю, но не помню ни одной книги, которая могла бы произвести на меня такое сильное впечатление. Помню, в детстве мать мне рассказывала одну страшную сказку и вселила в мою душу страх. Я долго помнил эту сказку, но прошли мятежные годы детства, канул в бездну детский страх перед необъяснимым, а теперь мне это кажется немного глуповатым. Когда прочитал Вашу книгу, не страх почувствовал я, нет. Я почувствовал бодрость, жажду к жизни, уверенность в силе. Кроме всего этого, она, эта Ваша увлекательная книга о комсомоле, исчерпывающе дала мне ответы на ряд вопросов, о которых я так много думал, особенно последнее время. Не знаю, после чего я вообразил себя уже стариком в комсомоле. Вся работа комсомола для меня стала как бы пройденным этапом. Мне скучно уже было, и у меня рождалась глупая мысль оставить комсомол. Говорить в райкоме на эту тему не хотелось, могли ведь не понять и сделать «строгие оргвыводы». На мой взгляд, заслуга Вашей книги в том, что она открывает глаза таким преждевременно состарившимся комсомольцам и снова возвращает им молодость, бодрость и возбуждает новый, более сильный интерес к комсомольской работе.

Каждый молодой человек, прочитавший Вашу книгу, получает зарядку в работе, в борьбе и в жизни. Передо мной встала вся история моего комсомола, передо мной стоит образ героя-комсомольца Корчагина — Островского. Я его полюбил так, как еще не любил никого из героев прочитанных книг. Я его понимаю всей душой. Я его люблю. Он мой идеал. Я хочу быть таким, как он. В нем я узнал много характерных черт и переживаний...

Не хочу попадать в роль литературного критика, по-моему, они уже сказали свое слово по поводу Вашей книги. Хочу сказать так, по-комсомольски, что Вы, товарищ Николай, первый комсомольский писатель, которого мы так долго ждали. О комсомоле писали много, но мало это было похоже на настоящий, живой комсомол.

Разве только Сашка Жаров, и то мне его лирика не особенно нравится, а последнее время он что-то вообще замолчал.

По-моему, чтобы писать о комсомоле, нужно быть самому комсомольцем, нужно жить комсомолом! Желаю Вам долго еще жить и написать много таких хороших книг о комсомоле, как Ваша первая книга.

Вы меня извините, что я Вам пишу такое длинное письмо, но все чувства не передашь в письме. Я хотел бы с Вами лично видетсья и подробно поговорить. Я имею возможность в этом году быть на Кавказе, и если Вы разрешите, то я заеду к Вам в Сочи со своим товарищем (директор школы, тоже комсомолец). Но просил бы Вас соблюдать одно условие — если наш визит не отнимет у Вас время и не оторвет Вас от такой ценной работы.

И еще у меня есть к Вам одна просьба (соблюдая также наше прежнее условие). Я и вся наша комсомольская организация желает с Вами иметь переписку. Не считайте за большой труд, а для нас это будет большая радость, напишите нам, как Ваше здоровье и над какой вещью Вы работаете. Если сможем быть хоть чем-нибудь полезны Вам, то для меня и для всей нашей организации будет большое счастье.

С комсомольским приветом

Н. Плосский

4/VI—36 г.

Мой адрес (до 20 июня 1936 г.):

Крым, Лариндорфский район, дер. Акчора, средняя школа, учителю Плосскому Николаю Яковлевичу.

(после 20-го июня с. г.)

Крым, Симферопольский р-н, Мамут-Султан, дер. Джалман, Плоской Ирине Дмитриевне для Плосского Николая Яковлевича.

ЦГАЛИ СССР, ф. 363, оп. 1, ед. хр. 131,
лл. 14—16 об.

Письмо Н. А. Островскому от комсомольского коллектива Магнитогорского театра рабочей молодежи

Дорогой товарищ Островский!

Пишу Вам по поручению художественного руководства и комсомольского кол-

лектива театра рабочей молодежи из далекого Магнитогорска. У подножия горы Магнитной, в молодом городе растет культурный цех Магнитки — театр молодежи, руководимый большевиками и комсомольей Магнитогорска и творчески выращиваемый Московским Малым академическим театром. Весной 1937 г. мы будем праздновать первое пятилетие своей творческой жизни, а это в условиях крупнейшей стройки Урала дело трудное и редкое, ибо пять лет нашей жизни — это пять лет целеустремленной борьбы, преодоления трудностей, борьбы за сплоченный и здоровый коллектив. Представители Малого театра неустанно растят нас, недавно отошедших с конструкций и монтажа стройки, бывших слесарей, прокатчиков и фабрайцев Магнитогорского завода. Мы имеем большую поддержку в лице т. Хитарова, руководителя магнитогорских большевиков, и крепко верим, что создадим театр, достойный черной жемчужины Советского Союза — Магнитогорского комбината. В коллективе театра работают бывшие беспризорники, воры и хулиганы, умелое воспитание считало с них ненужный шлак и развило большие способности и таланты. Летом успешно провели мы вторую гастрольную поездку по Уралу. Ставили пьесы А. Н. Островского: «Грозу» и «Бедность не порок», Гоголя «Женитьбу», Киршона «Чудесный сплав», Левина «Родиону», Амоглобели «Хорошую жизнь». Мы хотим подробнее познакомить Вас, дорогой герой, с нашей жизнью. К весне думаем выпустить книжонку о том, как чудесно растет творчество в молодом городе Магнитке, как поновому создаются советские театры, и мы эту книжку пришлем Вам.

Дорогой т. Островский! Центральной линией в нашем репертуаре является показ истории молодого человека в различных

эпохах и условиях. Сейчас мы работаем над трагедией Шиллера «Коварство и любовь», затем будем ставить «Бесприданницу» Островского и весной — в дни пятилетия — пьесу о герое нашего времени.

Но такой полноценной пьесы у нас еще нет. Мы имеем сведения о том, что Ваш роман «Как закалялась сталь» кем-то уже, с Вашего разрешения, инсценирован для театра. Мы влюблены в эту книгу, равной по силе правды второй такой книги нет, мечтой нашей является желание показать жизнь Корчагина на сцене передовикам Магнитки, стахановцам и молодым металлургам. Мы очень Вас просим, дорогой товарищ Островский, ответить нам, где мы можем найти эту пьесу. Вы ведь, наверное, имеете несколько таких просьб от театров, но мы просим услышать голос Магнитогорского комсомольского театра и выслать нам эту пьесу. Если драматургу, который переделал этот роман, нужно наше официальное письмо, то мы ему отдельно напишем. Будем с нетерпением ждать от Вас хотя несколько строчек ответа. Помогите нам, т. Островский, хорошо провести юбилей театра. Мы даем Вам слово, что работать над пьесой будем много, упорно и добьемся хороших результатов. Ждем Вашего письма.

Желаем Вам здоровья, полнокровного творческого подъема, ибо Ваша работа — это слава всей нашей Советской страны и литературы. Ждем выпуска в свет «Рожденные бурей». Привет Вам и Вашим друзьям от Магнитогорского театра молодежи.

По поручению коллектива инспектор труппы Владимир Толкачев
11/X 1936 г.

ЦГАЛИ СССР, ф. 363, оп. 1, ед. хр. 131,
лл. 169, 169 об.

Тая! Приходите
с Марусей в 9 час
вечера к Минею
сегодня. Будем

Записка М. Аммосова об очередном собрании у Е. М. Ярославского. 1917 г.

Е. Розенталь

К истории одной записки

«Тая! Приходите с Марусей в 9 час. вечера к Минею сегодня. Будем ждать. Максим».

Этой короткой записке более 50 лет¹... Далекий, занесенный снегами, морозный Якутск. Зима 1916 года. В маленьком флигеле во дворе якутского музея-библиотеки, где жил Е. М. Ярославский («Миней»)², исполнявший обязанности консерватора музея, собирались политические ссыльные. «В небольшой комнате в 9 ша-

¹ Записку сохранила и передала в Государственный Исторический музей Капитолина Николаевна Атласова-Юхневич.

² Е. М. Ярославский (Миней Израилевич Губельман, 1878—1943) приехал на поселение в Якутск в 1914 году, отбыв нерчинскую каторгу.

гов в длину и 8 в ширину набивалось сколько влезет», — вспоминал позднее Е. М. Ярославский. Иногда собиралось по 40—50 и более человек³. Здесь происходили узкопартийные собрания большевиков и горячие дискуссии большевиков с меньшевиками и эсерами по самым острым вопросам революционной борьбы и ее тактики. Е. М. Ярославский, устанавливавший связи с местным населением, привлек к участию в этих собраниях и якутскую учащуюся молодежь.

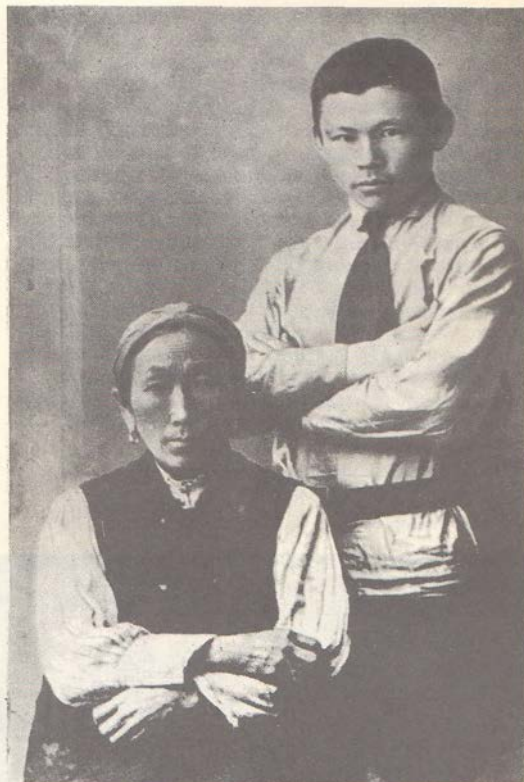
Между представителями трех партий разгорелась борьба за ту смену, которая здесь, в Якутске, за тысячи километров от крупных революционных центров, будет продолжать дело революции. На чьи позиции встанет эта молодежь, какими путями пойдет?

Первыми на собраниях ссыльных появились воспитанники Якутской учительской семинарии Максим Аммосов и Плетон Ойунский (Слепцов)⁴. Оба они подростками приехали в Якутск из улусов и, окончив здесь четырехклассное городское училище, занимались в учительской семинарии. В 1913—1915 годах они были активными членами тайных кружков якутской учащейся молодежи, ставившей перед собой задачи самообразования. На собраниях этих кружков, происходивших под видом танцев, велись споры на религиозные и политические темы⁵.

Деятельность кружков обратила на себя внимание политических ссыльных. На первых порах П. Ойунского и М. Аммосова пленил своей живостью, красивой, хлесткой фразой меньшевик Охнянский, квартировавший с ними в одном доме. По признанию П. Ойунского, Охнянский казался им тогда «более левым и более решительным, чем все остальные»⁶.

Знакомство с Е. М. Ярославским, встречи с Г. И. Петровским, депутатом IV Государственной думы, сосланным в Якутию, с Г. К. Орджоникидзе, отбывавшим ссылку в селе Покровском и приезжавшим в Якутск, разило первые впечатления. От влияния меньшевика-интернационалиста Г. О. Охнянского, который, как вспоминал Е. М. Ярославский, «метался между К. Либнехтом и Г. Плехановым»⁷, не осталось и следа.

Беседы с большевиками, их последовательная и четкая позиция в оценке самодержавия, империалистической войны, задач социалистической революции привлекала молодежь. Вместе с М. Аммосовым и П. Ойунским на беседы и занятия с «Ми-

М. Аммосов с матерью. С. Намцы, 1917 г.

неем» стали приходиться их товарищи по семинарии и ученическим кружкам С. Аржаков, И. Барахов, С. Гоголев, С. Васильев и др. В маленьком флигеле у Е. М. Ярославского стали бывать и старшклас-

³ ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 68, л. 10. Всего в Якутске в 1914—1916 годах было около 300 политических ссыльных.

⁴ П. Ойунский в 1918 году вступил в партию большевиков. Вместе с М. Аммосовым участвовал в борьбе за установление и укрепление Советской власти в Якутии. В дальнейшем — основатель якутской советской литературы.

⁵ Сб. воспоминаний «Вперед, заре навстречу». Якутск, 1958, стр. 18.

⁶ Там же.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 68, л. 4.

сницы женской гимназии, в том числе Талья Атласова и Маруся Потапова, которых извещал Максим Аммосов своей запиской об очередном собрании.

Два кружка учащейся молодежи, организованные Е. М. Ярославским и работавшие под его руководством, отличались от существовавших ранее кружков учащихся своей политической направленностью. Их члены читали нелегальную социал-демократическую литературу, изучали марксизм, обсуждали задачи социалистической революции. Большая группа учащейся якутской молодежи участвовала в мае 1916 года, организованной политическими ссыльными⁸.

В марте 1917 года, когда запорошенный снегами Якутск всколыхнуло известие о свержении самодержавия, когда над городом впервые после знаменитой «романов-

ки»⁹ вновь взвился красный флаг, якутская молодежь была в первых рядах тех, кто встал под знамя революции.

Под революционными знаменами рядом с седовласыми революционерами, за плечами которых была работа в подполье, тюрьмы, каторга, шли подростки — юноши и девушки, только что вступившие в революцию. В марте 1917 года из кружка

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 68, лл. 8, 11. Сб. «Вперед, заре навстречу», стр. 24; П. Петров. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952, стр. 125—131.

⁹ Вооруженный протест политических ссыльных, забаррикадировавшихся в доме якута Романова (1904 г.). 18 дней над этим осажденным домом развевался красный флаг.

Члены кружка учащейся молодежи Якутска «Рассвет». Апрель — май 1917 г. В центре — Е. М. Ярославский и К. И. Кирсанова.

Е. М. Ярославского оформилась молодежная организация «Юный социал-демократ». В числе самых активных ее членов был Максим Аммосов. Белая рубашка и красный галстук — такова форма членов организации. Красный галстук носил и Е. М. Ярославский, признанный руководитель якутской молодежи.

Благодаря активной деятельности членов «Юного социал-демократа» «мы в первые же дни революции 1917 года, — вспоминал Е. М. Ярославский, — услышали программные марксистские речи на якутском языке, мы сумели прямо издать листовки на якутском языке, мы получили первый, основной кадр якутов, будущих большевиков, ленинцев, марксистов»¹⁰. М. К. Аммосов был в числе первых, основных кадров

большевиков Якутии. Он вступил в члены РСДРП в марте 1917 года.

После первых своих речей на собраниях якутов города в связи с победой Февральской революции М. Аммосов и П. Ойунский неоднократно выступали на собраниях и митингах. На родном якутском языке они разоблачали местную буржуазию, тойонов, и защищали интересы трудового населения. Е. М. Ярославский считал их «лучшими ораторами из якутской молодежи, с первых же дней революции определившихся как большевики»¹¹.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 68, л. 8.

¹¹ Е. М. Ярославский, Что было 9 лет назад в Якутске. В ж-ле «По заветам Ильича» (Якутск), 1926, № 3—4, стр. 25.

Демонстрация
в Якутске в связи с победой
Февральской революции. 1917 г.

«Героем дня», по признанию С. Орджоникидзе, был М. Аммосов на I съезде якутов и русских крестьян. По его предложению и под влиянием его яркой речи и решительных действий съездом были приняты решения об установлении 8-часового рабочего дня и об отделении церкви от государства.

Вместе с П. Ойунским М. Аммосов организовал союз чернорабочих из разоренных тойонами и кулаками скотоводов, пришедших на заработки в Якутск. От союза чернорабочих М. Аммосов был избран в апреле 1917 года в Совет рабочих депутатов.

Весной у себя на родине, в Намском улусе, он организовал союз батраков, а затем летом по его инициативе союзы чернорабочих и батраков возникли в городе Вилюйске и его уезде.

В весенние дни 1917 года М. Аммосов участвовал в издании и распространении социал-демократических листовок на якутском и русском языках. Наряду с признанными лекторами, как Е. М. Ярославский, К. Кирсанова и др., он выступал с докладами и рефератами на занятиях кружков молодежи, собраниях учащихся Якутска. В эти месяцы 20-летний М. Аммосов стал одним из видных и наиболее популярных среди якутского населения политических деятелей¹².

В июне 1917 года, как только вскрылась ото льда река Лена, с первым пароходом уехали в Центральную Россию большинст-

¹² Г. Г. Макаров, Предисловие к сборнику «М. К. Аммосов, С помощью русских рабочих и крестьян (статьи, воспоминания, письма)». Якутск, 1967, стр. 10—13.

Члены большевистской группы якутской организации РСДРП. В первом ряду — М. Аммосов (слева) и дети М. М. Виленской. Лето 1917 г.

во бывших политических ссыльных. Члены «Юного социал-демократа» во главе с М. Аммосовым сопровожали их до села Покровского. Дружеские связи и переписка со многими из них сохранялись долгие годы.

После отъезда ведущей группы политических ссыльных большевиков руководство объединенной социал-демократической организацией Якутска захватили меньшевики, которые составляли в ней большинство.

На плечи воспитанников Е. М. Ярославского легла особенно большая ответственность. Чтобы тверже отстаивать свою принципиальную позицию, они оформились в большевистскую группу. В нее вошли представители старшего поколения из ссыльных, оставшихся в Якутске, и группа членов «Юного социал-демократа» во главе с Аммосовым. Влилось пополнение в кружок «Юный социал-демократ»: в результате партийного размежевания распался второй кружок Е. М. Ярославского «Рассвет» и часть его членов, в том числе В. Синеглазова, Р. Цугель¹³, Г. Тахватуллин и др., вошла в «Юный социал-демократ», остальные, находившиеся под влиянием эсера Бланкова, образовали кружок «Юный эсер».

«Работайте, не теряйте бодрости оттого, что вас мало, — писал Максиму Аммосову Е. М. Ярославский, — тем более должны вы наращивать силы, чтобы удержать влияние»¹⁴.

В чрезвычайно сложной обстановке продолжали большевики Якутска и их актив — члены «Юного социал-демократа» упорную борьбу с эсерами за власть Советов в Якутии. Она была завоевана в июле 1918 года, но ненадолго.

За 35 дней ее существования М. Аммосов, секретарь исполкома Совета и нарком просвещения, среди тысяч дел, связанных с формированием вооруженных отрядов, национализацией частных предприятий, созданием первых советских школ в Якутии, занимался и организацией работы «Якутского клуба пролетарско-социалистической молодежи» для объединения и политического воспитания трудящейся молодежи¹⁵.

В августе Советская власть в Якутии пала под ударами отрядов временного «сибирского правительства», которое затем сменила военная диктатура Колчака.

Максим Аммосов в 1918 году был вынужден покинуть захваченную Колчаком Якутию в числе более 300 сочувствующих Советской власти он был выслан за ее пределы. В рядах Красной Армии сражался он за установление Советской власти в

Сибири. В 1919 году по заданию ЦК партии переходил линию фронта для связи с подпольными организациями сибирских большевиков и докладывал в штабе V армии о работе местных партийных организаций в тылу Колчака. Имеются сведения, что кандидатура М. Аммосова для выполнения этого задания была согласована с В. И. Лениным и одобрена им¹⁶.

В освобожденных частями Красной Армии и партизанами Омске (ноябрь 1919 г.), Красноярске (январь 1920 г.) и Иркутске (февраль 1920 г.) Максим Аммосов был в числе первых организаторов комсомола.

На митингах, собраниях и конференциях молодежи этих городов Сибири, со страниц молодежных газет М. Аммосов горячо и страстно пропагандировал задачи коммунистического союза молодежи как помощника и опоры партии большевиков в борьбе за укрепление Советской власти, за торжество коммунизма. Он рассказывал об истории возникновения РКСМ и первых шагах в деятельности союза на территории Европейской России, на Урале, в Западной Сибири, о героизме юных комсомольцев на фронтах гражданской войны, подчеркивал роль комсомола как организации прежде всего пролетарской молодежи, давал практические советы, как проводить «дни» и «недели» красной молодежи, как привлечь в союз крестьянскую молодежь, о работе с учащейся молодежью¹⁷.

В марте 1920 года Сибирский революционный комитет назначил М. Аммосова своим уполномоченным по организации Советской власти в Якутии, в декабре 1919 года освободившейся от колчаковщины. Ис-

¹³ Р. И. Цугель - Аммосова, друг и жена М. К. Аммосова, ныне персональный пенсионер, живет в Москве. Ею были переданы в Государственный Исторический музей фотографии из личного архива М. К. Аммосова и часть его библиотеки.

¹⁴ Г. Г. Макаров, Предисловие к сборнику «М. К. Аммосов, С помощью русских рабочих и крестьян (статьи, воспоминания, письма)». Якутск, 1967, стр. 14.

¹⁵ Там же, стр. 17—19; Я. К. Свинцов, В дни борьбы с колчаковщиной. Сб. «За Советскую власть в Якутии», стр. 224—229.

¹⁶ Г. Г. Макаров, Предисловие к сборнику..., стр. 18.

¹⁷ А. Д. Сыроватский, Из документов о революционной и общественно-политической деятельности М. К. Аммосова в Сибири. Сб. научных статей Якутского республиканского краеведческого музея имени Ем. Ярославского, вып. III. Якутск, 1960, стр. 111—138.

пользуя вынужденное пребывание в Иркутске до открытия навигации по реке Лене, Аммосов готовил к возвращению и работе в Якутии большую группу партийных и советских работников, высланных, как и он, в 1918 году. В их числе были его близкие друзья, воспитанники «Юного социал-демократа» П. Ойунский, А. Попов, И. Барахов, С. Васильев, П. Редников, Д. Жиркова, В. Синеглазова, Р. Цугель и др. С ними М. Аммосов, теперь опытный партийный работник, пропагандист и организатор комсомола, в июне 1920 года приехал в Якутск.

В течение 8 лет, в обстановке ожесточенной борьбы с кулацко-белогвардейскими мятежниками, М. К. Аммосов возглавлял областную партийную организацию, Совет Народных Комиссаров, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Якутии. С его именем связаны все важнейшие мероприятия по созданию органов Советской власти и социалистическому строительству в Якутии. М. Аммосов был одним из инициаторов образования Якутской АССР в 1922 году и организации планомерного научного изучения природных богатств и производительных сил республики в 1924 году. Участвуя в работе партийных съездов, конференций, съездов Советов, М. К. Аммосов неоднократно встречался с Владимиром Ильичем Лениным, беседовал с ним¹⁸.

Детищем М. Аммосова и его товарищей по «Юному социал-демократу» был и якутский комсомол.

Непосредственным предшественником якутской областной организации РКСМ был кружок трудящейся молодежи «Юный коммунист», созданный в Якутске в декабре 1919 года, сразу же после освобождения от колчаовщины. Кружком руководили коммунисты М. В. Мегежекский и В. Д. Котенко. Оформление рабочих кружков, действовавших под руководством членов партии, в якутскую областную органи-

зацию комсомола произошло в апреле 1920 года. Однако массовой организацией трудящейся молодежи она стала во второй половине 1920 года, благодаря помощи областной партийной организации, возглавляемой М. Аммосовым. Именно поэтому в 1925 году, в год своего первого пятилетия, якутская областная организация РЛКСМ избрала М. К. Аммосова своим почетным членом¹⁹.

Последующие несколько лет М. К. Аммосов работал в Москве, в аппарате ЦК партии, учился в Институте красной профессуры.

В 1932—1937 годах он возглавлял западноказахстанскую, затем североказахстанскую (позднее карагандинскую) партийные организации сформированных в 1932 году новых областей Казахской республики.

Главной его заботой была строящаяся Караганда, обеспечение ее новейшей техникой.

Особым вниманием Аммосова и здесь пользовался комсомол. В нем Аммосов видел важную силу в строительстве третьей угольной кочегарки. Он был непосредственно связан с комсомольцами-стахановцами, молодыми инженерами, комсомольскими работниками, следил за их работой, заботился о быте и учебе молодежи, об ее политическом воспитании.

В 1937 году М. Аммосов был избран первым секретарем ЦК КП(б) Киргизии. Жизнь Максима Кировича Аммосова трагически оборвалась в 1939 году.

В наши дни люди с уважением вспоминают о М. К. Аммосове, партийном и государственном деятеле, борце за установление Советской власти в Якутии, одном из организаторов сибирского комсомола.

¹⁸ Г. Г. Макаров, Предисловие к сборнику..., стр. 20—28.

¹⁹ Сб. «Вперед, заре навстречу», стр. 5.

Ал. Мильчаков

Дорогой отважных

(Слово о Благое Попове)

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко ввязавшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем.

В. И. Ленин

Начинаю с письма моего друга Благоя: «Нелегким, тернистым был путь нашей молодости. Наряду с добрыми делами, героизмом и самоотверженной работой совершали мы иногда и ошибки. Однако в одном мы оставались безупречными — в безграничной любви и преданности нашей партии, комсомолу, делу коммунизма, за торжество которого отдали всю свою молодость без остатка. Я отдал комсомолу шестнадцать лет, и это была самая лучшая, яркая и счастливая пора моей жизни!

Теперь я, когда мне исполняется 65 лет и волосы мои поседел, не могу без волнения вспоминать о ней...»

Родился Благой Попов в 1902 году в болгарском селе Дрен в семье учителя. Учился в сельской школе, потом в реальном училище города Дупница, ныне город Станке Димитров.

Бурные политические события в Болгарии и в этом уездном городке, развернувшиеся после первой мировой войны, вовлекли в свой круговорот и Благоя. Весной 1919 года он вступил в комсомол и стал секретарем ученической ячейки, действовавшей тайно от начальства.

Все более наглед фашизм и рвался к власти. А рабочие, прежде всего многочисленные в городе табачники, шли за коммунистами. Уже третий год городское самоуправление было в руках коммунистов.

Назревал «взрыв», и он произошел.

В 1922 году в городе состоялся слет туристов. Союзом туристов заправляли сынки богатей и офицеров. Они задумали устроить этот слет с целью ослабить влияние коммунистов на молодежь. Тогда комсомольцы города решили провести свой слет, спортивную встречу рабочей и крестьянской молодежи. У фашистов — митинг с провокационной истерикой, у комсомольцев митинг — боевой смотр сил трудящейся молодежи. Обе демонстрации встретились на перекрестке, и грянул бой! Пошли в ход палки, камни, ножи, поднялась стрельба! Много раненых унесли с обеих сторон. Одного фашиста убили.

В жаркой схватке Попов был тяжело ранен в голову выстрелом из револьвера, пролежал в больнице четыре месяца, вследствие ранения оглох на правое ухо. Благой получил первое боевое крещение как борец за освобождение рабочего класса. Осенью того же года он стал членом героической партии болгарских коммунистов.

Переехал в Софию, поступил в университет, но жить было не на что. Искал работу, но никто не брал «подозрительного». Жил с товарищем, соучастником драки с фашистами, укрывавшимся от полиции, у одной доброй старушки, которая, жалея бедных студентов, ставила на стол в отсутствие жильцов тарелку супа. Было стыдно, но голодать еще хуже... Ели.

Летом 1923 года в стране совершился фашистский переворот. Попов назначен руководителем нелегального комсомола района «Георгий Кирков». Комсомол столицы возглавляли Коста Шулев и Димитрий Грынчаров.

По стране прокатилась волна арестов коммунистов. Руководители партии Георгий Димитров и Василь Коларов успели скрыться. Полиция пронюхала, что коммунисты вместе с крестьянской партией готовят народное восстание для свержения фашистского правительства. Восстание было назначено на 22 сентября 1923 года. Но в провинции оно началось 19 сентября.

После двухнедельных героических боев восстание было подавлено. Тысячи коммунистов погибли расстрелянными, повешенными... В стране свирепствовал фашистский террор.

Попов находился в городе Видине, откуда после поражения многие эмигрировали в Югославию. Арестованных бросили в товарные баржи на Дунае, превращенные в тюрьмы. Попову удалось укрыться, никто его не видал.

Секретарь ЦК партии, любимец рабочих Станке Димитров, знавший Попова как активного комсомольца еще по городу Дупница, вызвал Благоя в Софию и предложил заняться восстановлением разгромленных партийных и комсомольских организаций в округе. Снабдил Попова шифром, особыми чернилами для секретной переписки, адресами, явками, дал денег для помощи семьям погибших повстанцев.

И стал работать Попов членом окружного комитета партии и комсомола, осуществляющим связи с центральными комитетами партии и союза молодежи. А по пятам шли полицейские ищейки в поисках того, кто держит в своих руках связи партийных центров...

Весной 1924 года неподалеку от Софии состоялась первая нелегальная национальная конференция болгарского комсомола. Попов представлял Видинский округ. На конференции участвовали представители ЦК партии и ЦК комсомола — лучшие сыны болгарского народа, чьи светлые имена и славные дела вошли в историю революционного движения Болгарии.

Прежде всего надо сказать о секретаре Центрального комитета БКП Станке Димитрове, работавшем потом в Москве в Исполкоме Коммунистического Интернационала под именем Марек. Через десять лет он снова станет секретарем ЦК партии и проведет в Болгарии нелегально два года, имея за собой приговор к смертной казни. В 1944 году во время войны с фашизмом он погиб в воздушной катастрофе, когда нелегально возвращался в родную Болгарию...

От софийской организации комсомола на конференции был ее секретарь, двадцатилетний Никола Кофарджиев, известный под именем Сашо. Много раз вырвался Сашо из окружения полиции благодаря своей изумительной смелости и находчивости. Неоднократно пересекал границы балканских государств и извещал тюрьмы Болгарии, Югославии, Австрии. В 1928 — 1930 годах он, руководитель болгарского комсомола, был членом президиума Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Погиб герой Кофарджиев в 1931 году в Софии в перестрелке с полицией. На месте его гибели установлен барельеф с его портретом и рядом в сквере — памятник...

Участником конференции был и член ЦК комсомола Коста Шулев, также друг и

боевой товарищ Попова. Шулев руководил работой в армии. Будучи арестованным в 1925 году, он унес в могилу сведения о коммунистах в армии: выбросился из окна четвертого этажа охранки и погиб...

Совсем юный Эмил Марков был в числе тех, кто оберегал работу нелегальной конференции. Он тогда начинал свой тернистый путь революционера. Через два десятка лет, в 1943 году, будучи членом Политбюро ЦК партии, Эмил Марков геройски погиб, отстреливаясь от полицейской облавы в Софии...

Перечень погибших героев первой нелегальной конференции болгарского комсомола не кончается только названными именами... всех бойцов за победу коммунизма помнит и чтит болгарская молодежь. К ним обращена память наших сердец.

Осенью 1924 года в Видине случился крупный провал в нелегальных коммунистических организациях. Попову удалось вырваться из полицейского окружения и добраться до Софии. Попова судили заочно и приговорили к 15 годам тюремного заключения. ЦК партии перебросил Благоя в Югославию, где жили тогда многие болгарские политэмигранты. В апреле 1925 года, после нашумевшего взрыва Софийского собора, фашисты учинили кровавую расправу над болгарскими коммунистами. Опять тысячи арестованных погибли на виселицах, в тюрьмах, многие были вынуждены бежать за границу.

По решению ЦК БКП Попова вместе с другими товарищами отправили в Москву на партийную учебу. Попов обложился книгами и усердно занимался. К 1929 году он окончил Академию коммунистического воспитания имени Крупской.

Тогда Кофарджиев, представитель болгарского комсомола в Исполкоме КИМа, предложил Попову подготовиться к возвращению в Болгарию на нелегальную комсомольскую работу.

Попов ближе познакомился с деятельностью Исполкома Коминтерна Молодежи и его работниками. Это были секретари Исполкома — представитель ВЛКСМ Рафаэль Хитаров и представитель комсомола Югославии Милан Горкич, посланец комсомола Австрии Фридль Фюрнберг и героическая дочь немецкого пролетариата Ольга Бенарю, организовавшая смелый побег из германской тюрьмы видного работника партии, замученная позднее фашистскими палачами в лагере смерти...

Осенью 1929 года Благой нелегально

вернулся в Софию и возглавил ЦК комсомола. Партийные организации были разгромлены, работники партии томились в застенках или находились за рубежом. Аресты коснулись и членов ЦК комсомола, но условия большого города позволяли скрытно вести коммунистическую работу, используя для встреч и нелегальных действий ночные часы...

Хочется напомнить о выступлении Н. К. Крупской перед комсомольцами, собравшимися в августе 1929 года на Международную пионерскую конференцию. Надежда Константиновна приводила слова Ленина о том, каким должен быть коммунист.

«Ленин писал, что коммунист должен быть готов на все, что он должен быть готов отдать свою жизнь за рабочее дело, готов работать в подполье — скрываться и работать так, чтобы никто не знал даже его имени. Он должен вести, не покладая рук, повседневную борьбу. Если развернется гражданская война, нужно, чтобы он умел взять винтовку и бороться на баррикадах. Нужно, чтобы он сумел делать и повседневную, самую простую, незаметную, но нужную для дела работу».

Таковыми вот коммунистами-ленинцами и были лучшие сыны и дочери болгарского народа.

Имена Попова и еще трех членов ЦК партии, вернувшихся в болгарское революционное подполье, стали известны полиции, объявившей об их розыске.

По решению ЦК Попов едет в Берлин на конференцию комсомола балканских стран, пробираясь туда нелегально через Добруджу, Румынию, Чехословакию, минуя пограничные посты пешком...

Затем Попову предложили поехать на время в Москву, чтобы следы его в Болгарии полиция потеряла.

Попов был избран в президиум Исполкома КИМа, где дружно работал с советскими товарищами Василием Чемодановым, Семеном Федоровым и другими, был делегатом КИМа на IX съезде ВЛКСМ.

Пленум ЦК Болгарской компартии избрал Попова кандидатом в члены Политбюро ЦК. И в августе Благой снова отправился на родину, перейдя румыно-болгарскую границу ночью пешком.

Революционное движение в стране ширилось и крепло. Рабочая партия, руководимая коммунистами, на выборах в парламент завоевала 33 места — большая победа! Усилились полицейские репрессии. Провокатор выдал члена Политбюро ЦК БКП

Сашо Кофарджиева. Сашо однажды уже вырвался из кольца полицейских, подняв стрельбу на улице и вызвав панику у преследователей. Но 30 октября, за день до отъезда за границу, Сашо снова был окружен полицейскими, в перестрелке был смертельно ранен и, не желая быть схваченным, последнюю пулю пустил себе в лоб... Погиб легендарный народный герой, истинный ленинец-интернационалист, отдавший жизнь свою за счастье народной Болгарии! Накануне гибели Сашо Попов был с ним вместе. Сашо предостерег Благоя. Но ночью Попов был арестован. Ему удалось во время обыска в квартире убежать. Снова срочно осудили Попова на двенадцать с половиной лет тюремного заключения...

Осенью 1932 года Благой Попов был командирован в Берлин по делам Болгарской компартии. А весной 1933 года был арестован фашистами по ложному обвинению в поджоге германского рейхстага вместе с членом ЦК БКП Василием Таневым и выдающимся деятелем Болгарской партии и Коминтерна Георгием Димитровым. Что из этой фашистской провокации вышло, скоро узнал весь мир, поднявшийся на защиту трех болгарских коммунистов против гитлеровских палачей!

В Болгарии опубликованы воспоминания Благоя Попова о лейпцигском процессе, названные «Год под тенью виселицы». Попов вспоминает: «До тех пор я не носил и даже не видел оков, о которых сложено так много грустных тюремных песен. Теперь мне надели их на руки. Кандалы были похожи на клещи огромного насекомого и запирались на ключ. Когда я случайно на них нажимал, они защелкивались на следующей «зуб» и стягивали руку еще сильнее. Они были прикреплены к широкому поясу, который застегивался на поясице. Я оказался крепко связанным и скованным — тяжелое истязание. Пять месяцев в оковах, днем и ночью, один в камере — это было страшной пыткой!»

Выступления Димитрова на суде, исключительные по политической глубине и революционной страсти, его обвинения, смело брошенные в лицо разбушевавшимся фашистам, произвели огромное впечатление и вызвали восхищение во всем мире. Суд был вынужден оправдать коммунистов. И хотя гитлеровцы снова ввергли трех болгарских коммунистов в тюрьму, Советское правительство спасло их, приняв в гражданство СССР.

Самолет доставил героев в Москву, где их встретили ликующие массы. Впереди — деятели Коминтерна — Коларов, Мануильский, Куусинен, Лозовский...

Листаю московские газеты тех дней начиная с 28 февраля 1934 года...

Беседа Георгия Димитрова с журналистами:

«Наше первое слово — это безграничная благодарность международному пролетариату, самым широким слоям трудящихся и честной интеллигенции всех стран, которые боролись за наше освобождение, и в первую очередь — горячая благодарность рабочим и колхозникам Советской страны — нашей страны».

О процессе Димитров сказал, что из процесса антикоммунистического он превратился в грандиозную антифашистскую демонстрацию и в позорное фиаско для фашизма.

Советский поэт Демьян Бедный восклицал на страницах «Комсомольской правды»:

Ликует весь Союз. Со всех его концов
Гремят приветы тем, чей подвиг образцов,
Чья боевая жизнь для молодежи — школа.
Их три, а каждый был в бою богатырем.
Привет согражданам! Привет горячий трем
Почетным членам комсомола!

Газеты печатали приветствия Димитрову, Попову и Таневу от рабочих, комсомольцев, пионеров, писателей, ветеранов революционного движения.

Благой Попов через «Комсомольскую правду» направил боевой привет советским комсомольцам, борцам против фашистской реакции.

После лечения Попов по настоянию Димитрова вернулся в Исполком КИМа. К этому времени относятся встречи Попова с руководителем венгерских коммунистов Вела Куном, с французским писателем Анри Барбюсом, сотрудничество в КИМе с Раймондом Гюйо и Джоном Голаном, ныне видными деятелями компартий в своих

странах, с немецким товарищем Беккером и испанцем Пересом, отдавшим свою жизнь в боях с фашистами в Испании...

Осенью 1935 года мы встретились с Благоем в учебных кабинетах Промышленной академии как студенты, пока наша учеба не оборвалась в 1937 году...

В 1954 году Благой вернулся на родину. Около десяти лет наш дорогой друг работал в министерстве иностранных дел советником, а потом в дипломатическом ранге полномочного министра.

Родина наградила своего верного сына медалью за участие в сентябрьском восстании 1923 года, орденом «За народную свободу» I степени за участие в антифашистской борьбе 1919—1944 годов, орденом «Народной Республики Болгарии» I степени за участие в революционной борьбе и в связи с его 60-летием.

По случаю двадцатилетия Победы над германским фашизмом Попов награжден правительством ГДР медалью «Борец против фашизма».

Кажется, совсем недавно Благой и его замечательная подруга — коммунистка Надя, дочь безвременно погибшего болгарского революционера, гостили в Москве.

Мы не могли наговориться, «вечные комсомольцы»... Условились: в юбилейный год 50-летия комсомола встретимся в Болгарии.

Благой, представитель славного кимовского племени, приближается к полувековому юбилею своей революционной деятельности. Опыт ветеранов надо передавать нашей молодежи. Заканчиваю свое слово о Попове последней фразой его письма:

«Вспоминаю пережитое, пишу воспоминания... Наш долг — оставаться борцами до последнего вздоха».

...Не прочтет и не услышит мое слово сам Благой. Из Софии пришла телеграмма Нади: «Благой скончался 28 сентября». Нет предела скорби...

Н. Михайлова

Один из комсомольцев 30-х годов

20 февраля 1942 года в газете «Красный Балтийский флот» появилась заметка «Дерзкий разведчик».

«С группой разведчиков, пробравшихся в расположение врага, младший лейтенант С. А. Филипченко нанес противнику большой урон. Было истреблено 188 солдат и 3 офицера. Сожжено несколько домов, в которых засели немцы. Уничтожено 5 противотанковых орудий, 6 дзотов, захвачено много ценных документов. Исключительное мужество и отвагу проявил Филипченко при исполнении другой операции. Красноармейцам было дано задание пробраться на берег, занимаемый врагом. Когда балтийцы подошли к цели, противник открыл пулеметно-ружейный огонь. Краснофлотцы залегли на льду. Отважный командир с пятью бойцами сделал смелый бросок на берег, уничтожил дзот с пулеметом, преграждавший путь разведчикам, и дал возможность остальным бойцам выйти на берег. Младший лейтенант С. А. Филипченко награжден орденом боевого Красного Знамени».

Это сообщение говорит об одном из многих подвигов, совершенных в дни войны одним из рядовых ее героев. Просто о нем мы можем рассказать немного подробней.

Степан Александрович Филипченко принадлежал к тому поколению комсомольцев 30-х годов, которые первыми вступили в бой с фашизмом, к тому поколению, о судьбе которого еще до войны писал Павел Коган:

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь...

И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы,

Степан Филипченко.

И уж не встать, и не попасть в анналы, И даже близким славы не сыскать.

Схватка с фашизмом неумолимо надвигалась, а пока... молодые люди работали, учились, мечтали, ходили в кино.

«Видел третью серию о Максиме, — писал в 1939 году Степан Филипченко матери, — фильм совершенно исклчительноный. Чирков превзошел все мои ожидания. Недаром, когда он сейчас появляется на собрании или в театре, публика, особенно ребята, стоя приветствует Максима. Он сумел показать, как из задушевного простого парня с гитарой, у которого в первой части только намечается черточка непреклонного пламенного большевика (сцена с меньшевиками), совершенно естественно и просто война выковала тип трибуна, борца, строителя, образ которого не копирует историческую личность, а является действительным синтезом таких людей, как Киров, Дзержинский и тысячи других, более мелких участников 1917 года. В то же время в нем остались его мягкость и его молодость. «Он к товарищу милел людскую лаской. Он к врагу вставал железа тверже» (М а я к о в с к и й). Одним словом, весь фильм сидишь как зачарованный. Ну, надо кончать...»

Жил Степан Филипченко в Ленинграде. Накануне войны он работал в университете ассистентом на кафедре генетики.

В первые же дни войны, призванный в армию, Степан стал добиваться назначения в десантный отряд парашютистов, но вышло иначе. Он стал разведчиком в отряде морской пехоты.

Случилось так, что опытные поля мичуринского кружка, созданного им до войны в университете, находились в Старом Петергофе.

Степан же был послан, как разведчик, именно в эти места, «на пятачок». Старый Петергоф и Ораниенбаум были у нас, а Новый Петергоф — у немцев.

«Удивительная игра судьбы, — писал он по этому поводу своему товарищу, — мне уже пришлось и впредь еще придется буквально защищать землю, нашу землю, которую мы сами копали, подкармливали и пр. ...Я восхищаюсь своей бригадой — они весь урожай в зерне, в снопах и колосьях вывезли из института в Ленинград, несмотря на обстрел и дикие крики работников института. Материал весь вывезен, а Зина получила контузию не от криков, а от снаряда».

Семья Степана: жена, сын и мать нахо-

дились в Ленинграде. Всем, чем мог, он старался помочь им. «Завтра едут мои бойцы в город, — писал он матери. — С ними отправлю это письмо и маленькую посылочку — то, что сумел скопить. Это все для вас с Котей, и просьба не расстраивать, так как Алешка (сын) свое получил. Неноторые комментарии к посылке:

1) Папиросы — Коте.
2) Масло — обоим хоть чуть-чуть (было граммов 50).

3) Сахар тоже, а глюкоза очень полезна, особенно тебе, мама.

При первой возможности пришлю еще. К великому сожалению, у меня нет способности к воровству и вообще к гешефтам. Поэтому затрудняюсь послать много. Пожалуйста, всячески берегите себя».

«Эта посылка пришла очень кстати, — вспоминает мать Степана, Анна Васильевна Филипченко. — Мы дошли до очень тяжелого состояния... Он еще несколько раз посылал нам, что мог скопить, и раз привез довольно много черных сухарей, которые сам засушил на печурке, а также седелки и немного масла. Этим он сильно поддержал нас... В сентябре он был ранен и привезен в Ленинград. Вот как мы узнали об этом. Моя приятельница Леля, будучи медицинской сестрой, поступила в госпиталь на проспекте Кирова, в здании бывшего лицея, где мы с мужем и со Степой жили в 1923—1924 годах. Когда Леля пришла к себе в Государственную Публичную библиотеку, то одна из ее сослуживиц, которая тоже работала в этом госпитале, сказала: «Ой, какого в мое дежурство раненого привезли! Красавец какой! И держится на большой палец. Его перевязывают, а он улыбается». — «Как его фамилия?» — спросила Леля. «Филипченко», — ответила ей. Леля так и подскочила и сразу помчалась в госпиталь и ко мне. Я пришла в госпиталь и увидела его в той самой комнате, где мы жили с мужем, превращенной в палату. Он лежал на тюфяке на полу. Лицо его сильно осунулось. Он был весел и нежен».

Из госпиталя Степан писал своему приятелю Сергею: «...Лежу уже 34 дня, а бок еще не зарос. Если бы не научная работа, сказался бы тут от скуки. Надеюсь, что через 6—7 дней выпишут, через 10—15 — вернусь в отряд. Подробно рассказывать о своем ранении мне трудно. Я это сделал, вероятно, 1000 раз. Буду краток. Последнее время я был начальником разведки и командиром РО, особой бригады моряков. 15 сентября я вернулся в отряд из доволь-

но глубокой разведки по тылам немцев. Сама прогулка была очень интересная. Необходимо сказать, что вооружен я был немецким автоматом, и как раз в это утро у меня кончились к нему патроны. Достать их можно только у фрицев. И вот, узнав от командира бригады, что наши части только что выбили немцев из соседней деревни, я отправился в нее с двумя бойцами поискать патронов. Вся глупость оказалась в том, что в этой деревне немцы как раз были. Мы вышли из леса и по полю направились к самой деревне, разговаривая, кажется, о погоде. На крайнем огороде сидели немцы, которые, к счастью, не выдержали, и один из них начал с расстояния 70—80 шагов стрелять. Положение создалось довольно неважное. Оно осложнялось тем, что вся наша огневая мощь заключалась в моем пистолете. Винтовки (будь они многократно прокляты) моих бойцов после первого выстрела заело, и они отказали. Представляешь положение? Одним словом, очень быстро был убит один боец, ранен второй, и мне в правое плечо попала пуля. Приказав бойцу ползти в лес, я сам пулял из пистолета и зарабатал пулю в левое плечо. Немцы стали перебегать и кидать гранаты. К счастью, недокидывали. Наконец решил, что пора и мне уходить, ибо боец вполз уже в лес, но как раз я получил пулю в бок. Ползти не было сил. Умереть желания не было. Выкатился до леса «катышем», временами постреливая из пистолета ТТ. В лесу встал и умудрился проковылять до командного пункта 2 километра. Там, увидев своих, лишился сил (не чувств).

В середине ноября 1941 года Степан вернулся в строй.

«Здравствуй, мама. Привет Коте. Вот уже 1/2 месяца, как я вернулся к работе. Чувствую себя прекрасно. На лыжах хожу легко и много. Бок почти не мешает. Когда я сюда прибыл, то узнал, что за мою работу, до ранения, командование представило меня вне очереди к званию старшего лейтенанта и к ордену Красного Знамени. Из этого, конечно, может, ничего не выйдет. Учитывая проблематичность этого, прошу не болтать. Ясно?»

17 декабря 1941 года Анна Васильевна отвечает сыну:

«Дорогой мой мальчик. Поздравляю тебя с Клином и Калинином. Ну, теперь стало у нас светло и без электричества. Мы сидим при коптилке, но это пустяки. Вода идет редко. Это тоже ерунда. Твой сын с мамой и другой бабушкой переехал к те-

те Наде. Я теперь немного более спокойна за них. Вчера получила твое письмо. Молодец, что вспомнил мать и написал! Твое письмо доставило мне много радости и гордости. Утвердят или нет — все равно честь велика. Но как ни огромна честь иметь орден Красного Знамени, я все же больше желаю тебе производства в старшие лейтенанты. Тогда ты сможешь иметь более широкий круг деятельности и приносить больше пользы. Я смотрю на тебя теперь совершенно определенно... Когда я видела тебя раненым, я все время наблюдала тебя и вынесла твердое убеждение, что ты относишься к этой войне так, как этого можно желать от настоящего человека и гражданина. Для тебя эта война не жертва, не подвиг, а это просто твое собственное дело, без которого ты не можешь жить. Таким людям, как ты, с таким отношением к делу надо дать поле деятельности пошире. Вот почему я, так неожиданно и странно для меня, хочу твоего производства. А орден — это дело другое. Тут главное — честь. Во всяком случае, поздравляю и целую. Котя от тебя в полном восторге».

Орден боевого Красного Знамени Степан получил 19 февраля 1942 года.

«Он был счастлив и горд, как ребенок, — пишет Анна Васильевна. — Он мне сознался в один из приездов, что ничто не могло ему доставить больше радости, как именно орден Красного Знамени. «Ведь он дается за личное мужество, понимаешь, мама».

Очень странно, что Степан ничего почти не рассказывал про свою работу, про похождения, полные риска. Раз как-то он сказал своей жене: «Я чувствую себя все время, как должны чувствовать себя акробаты, когда они висят над ареной, а сетки нет. Словом, сплошное салто-мортале. Первое время было тяжело, теперь — привык». Мне он отвечал: «Когда-нибудь я расскажу тебе подробно, бездна интересных вещей, много удивительных людей приходится встречать. Особенно хочется рассказать про замечательную девушку-разведчицу из крестьян-партизан. Но сейчас я не могу, я все кратко записываю, чтобы не забыть». Бедный мальчик верил, что он будет жить и все расскажет мне. Он твердо верил, что мы войдем в Берлин, и подробно изучал план Берлина в надежде, что он туда вступит с нашими войсками. После его гибели я не получила никаких его вещей, никаких заметок. Где все это — не знаю.

В один из первых приездов я заметила, что у него нет перочинного ножа, который я ему дала. Я сказала: «Ага, потерял папин нож! Я говорила тебе, чтобы ты его берег». Он ответил: «Ну, потерял я его при таких обстоятельствах, что ты бы не стала ворчать». Он по моей просьбе рассказал следующее: «Я шел с одним товарищем посмотреть что к чему. Немцы были очень близко. Вдруг раздался взрыв, мой товарищ упал. Взорвалась мина и ранила его в ногу. Я опустился около него и, умоляя, чтобы он не стонал, начал его перевязывать. Вынул папин нож, чтобы разрезать индивидуальный пакет, и стал его бинтовать. Когда дело приближалось к концу, вдруг мой бинокль, который висел у меня на шее, обо что-то стукнулся. Я полулежал на земле. Я мигом понял — ударился об мину. И сразу мысль — смерть, вырвет сердце, смерть неминуемая. Я ничего не стал предпринимать, даже не выпустил бинта из рук, и стал считать: раз, два, три, четыре... Так до шестидесяти и — конец. Я все считал. Никогда еще смерть не была так близка, так реальна. Досчитал до 60 — все тихо. Считаю дальше, уже с надеждой, а потом с уверенностью, что опасность миновала. Я осмотрел предмет, о который ударился бинокль, — мина. Посмотрел кругом внимательно и понял — мы попали на заминированное поле. Надо было выбиратья из него с огромной осторожностью, таща на себе товарища. Согласись, что я мог забыть там нож, хотя это и был папин нож». Я была пристыжена. «Очень было страшно тебе, когда ты понял, что это смерть?» — спросил Котя. «Представьте, нет. На меня нашло какое-то абсолютное спокойствие и даже как бы равнодушие, я сам был удивлен», — ответил Степа. И вот это он рассказал случайно, чтобы объяснить пропажу ножа».

Осенью 1942 года Анна Васильевна, жена и сын Степана эвакуировались из Ленинграда. «Завезли нас далеко в Сибирь, — пишет Анна Васильевна, — в село около Новосибирска. Моя невестка Маруся поступила работать врачом. Прожили мы там полтора года. Однажды, смотря на солнце, я сказала трехлетнему Алеше: «Вот, может быть, твой папа сейчас смотрит тоже на это солнце». Алеша спросил: «Как, разве солнце одно?» Я ответила: «Конечно, одно». Тогда он убежденно, с возмущением мне возразил: «Ну, уж у Гитлера-то другое солнце». Я была поражена. Ему было 3½ года. Мы получили поздравительную телеграмму от Сте-

пы по поводу сталинградской победы. Я была счастлива вдвойне, ибо узнала таким образом, что Степа жив. От него давно не было сведений. Потом опять долго не было писем. В августе 1943 года сослуживица Маруся, врач, пришла и сказала, что в военкомате есть сведения о том, что Степа ранен. Я обрадовалась. Помню, что я готовила обед и все время говорила себе: «Лишь бы жил, пусть без ног, пусть даже без глаз. Лишь бы жил. Я буду служить ему глазами». Маруся пошла в военкомат узнать и долго не возвращалась. Я сидела на дворе и ждала ее. Вдруг я увидела ее издали. Она шла очень медленно, едва передвигая ноги. Я сразу насторожилась. Когда она подошла ко мне, я взглянула на ее лицо и сказала: «Убит?» Она без слов протянула мне извещение...»

Приятельница Анны Васильевны Елена Моисеевна, оставшаяся в Ленинграде, рассказала о последних месяцах жизни Степана Филипченко:

«Степа часто бывал в городе. Он был тогда страшно увлечен работой, и я помогала ему разыскивать в библиотеке всякие нужные ему материалы (описания и снимки местностей, занятых немцами). Насторожение у него было тогда хорошее, бодрое, молодое. Потом я долго его не видела, но имела о нем сведения, ибо от него иногда приезжали за материалами в библиотеку, я знаю, что он на довольно долгий промежуток времени опять уезжал в тыл к немцам. Потом, уже к концу зимы, он стал снова заходить в библиотеку. Он был полон планов. К 1 апреля ему обещали отпуск, и он хотел попробовать на 2—3 дня съездить к родным. Он много рассказывал о своем Алеше и просто потряс меня глубокой нежностью, заботливостью и пониманием, с которой он обо всех говорил. Мы долго сидели с ним в пустой библиотечной комнате. Вид у него был очень утомленный, но он был по-прежнему очень красив и как-то особенно привлекателен. Потом он бывал еще в библиотеке в апреле и в мае, один и с помощником. Он сказал, что отпуска получить не смог... Потом я опять не видела его с месяц. В июне настроен он был хуже, чем весной. Он хотел переменить работу (он обучал разведке и жил в Ленинграде на острове Голодай). Он хотел вернуться опять в отряд, на фронт. Он усиленно и настойчиво добивался возвращения в отряд, на фронтную работу. В последний раз я видела Степу перед его отъездом в

отряд. Он был в библиотеке и меня не застал. Мы встретились с ним случайно на улице. Был сильный артиллерийский обстрел, и нам пришлось стоять в подворотне дома, где облздравотдел. Он был в военном френче с золотыми погонами и в фуражке, а не в пилотке. Я сказала, что это ему идет. Он ответил: «О нет, единственное, что мне идет, это форма немецкого фельдфебеля». Вообще же часто он ходил в штатском, это ему полагалось по роду его работы. Мы встретились с ним в разгар орловского наступления. Он придавал ему огромное значение. Сказал, что Орел будет для немцев вторым Сталинградом и началом настоящего конца. Больше я его не видела».

А вот последнее письмо о сыне, которое Анна Васильевна получила от старшины Люси Храпуновой. Она писала: «Меня зовут Люся, я бывшая студентка истфака ЛГУ. Сейчас уже третий год служу в КБФ. Последний год моей работы почти весь прошел под руководством Вашего сына старшего лейтенанта С. А. Филипченко.

Память о работе с этим изумительным человеком останется во мне навсегда, и боюсь, что потеря его будет неизгладима в нашей замечательно интересной работе. Этот человек буквально горел на работе, и не было вокруг него людей, которых он не мог бы заразить этим горением. Я знала его, еще будучи в ЛГУ, в основном по комсомольской работе. Я всегда удивлялась его работоспособности, и на новом месте, куда бросила его война, он всюду был первым. Уходя в последнее задание, он подал заявление о приеме его кандидатом в члены ВКП(б). Все мои друзья до сих пор остро чувствуют эту утрату. Он часто вспоминал Вас, и глаза его при этом светились такой любовью к Вам, что все мы, не зная Вас, чувствовали к Вам любовь и уважение. Последняя встреча с ним у меня была 21 июля. Он шел на задание в прекрасном, бодром настроении и сказал, чтобы его ждали к 5 августа. Но вот минуло 5 августа и еще несколько дней, и я узнала страшную весть. Я работаю, следуя во всем его советам и указаниям».

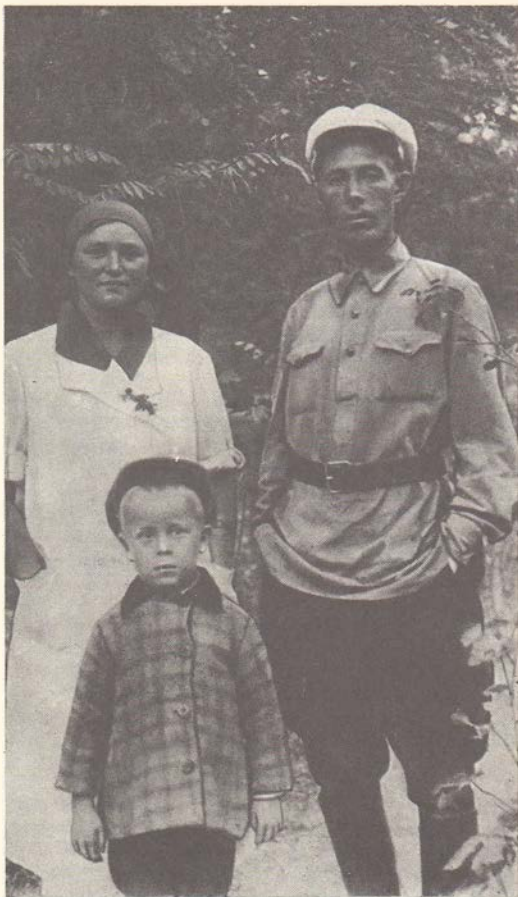
А. Башкиров

Семь старых фотографий

В Ленинабаде, как и в сотнях других наших городов, имеется Клуб революционной и трудовой славы. Здесь встречаются люди, с юных лет отдавшие свою жизнь революции, те, кто защищал ее завоевания с оружием в руках, те, кто строил новую жизнь в Таджикистане. Судьбы этих людей — таджиков и русских — неразрывно сплелись с историей республики. В 1917 году была создана Туркестанская республика, в состав которой до 1924 года входили северные районы Таджикистана, в том числе и Ходжент (с 1925 г. — город Ленинабад). Затем стала автономная Таджикская республика в составе Узбекской ССР, а с 1929 года — Таджикская ССР.

Среди пришедших сюда из России был Иван Кузин, рабочий Тульских оружейных заводов, вступивший в Красную Армию в 1919 году. Он воевал против белоказаков и денкинцев, потом был направлен на курсы красных командиров, а в августе 1920 года в составе 3-го полка 2-й Московской бригады отправился на Кавказ против белых банд. Когда он был уже в Баку, в часть пришел приказ: отправить 50 человек в Ташкент, в распоряжение штаба Туркфронта. Среди пятидесяти оказался и Иван Кузин. Это было в мае 1921 года. Снова пришлось воевать: Фергана, Джалал-Абад, Карасу. Однажды в селении Кашгаркишлак взвод Кузина (а к этому времени он стал командиром взвода) три дня отбивался от банды басмачей, пока не подошел кавполк, не снял окружение.

Потом были тиф и служба в Ходжентской крепости. Снова бои с басмачами, тяжелейшие переходы по горным дорогам. Бойцы оголодали — иногда приходилось жевать лишь тутовник, но никто не роптал.

Иван Кузин с женой и сыном.

Правда, местные жители делились чем могли, но у самих не густо было с едой. Бедняки помогали чинить дороги в горах, мосты, разрушенные басмачами. Взяли Гарм. Остатки басмачей бежали в Афганистан.

Осенью 1923 года отряд красноармейцев прибыл в Самарканд. Их встречали с музыкой, с флагами. Они шли оборванные, измученные, в развалившихся сапогах, но счастливые — рядовые революции, выполнившие свой долг. Полк в награду за доблесть получил Красное знамя.

С. Запольский с группой бойцов добротряда. 1931 г.

О том, как устанавливалась Советская власть в этих местах, как закреплялся каждый шаг революции, рассказывают документы, хранящиеся в краеведческом музее и городском архиве Ленинабада.

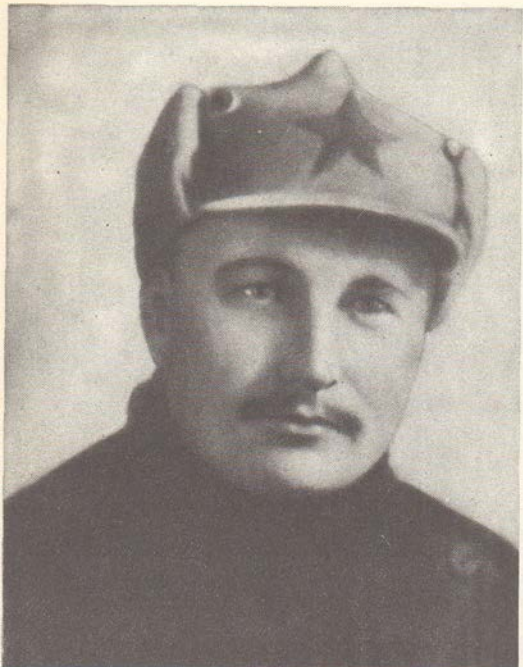
Главной ареной басмаческого движения в Туркестане в 1918—1919 годах стала Ферганская долина. Первые же отряды басмачей появились в 1917 году в Кюканде. Формирование и обучение басмаческих шаек взяли на себя английские, турецкие и белогвардейские офицеры.

За дальностью расстояния белогвардей-

скому командованию трудно было поддерживать связь и контролировать действия руководителей басмаческих банд, и они пытались всяческими велеречивыми посланиями установить такой контакт. Вот что писал известный своей жестокостью генерал Дутов:

Начальнику Мусульманского
партизанского отряда
в Ферганской области
ИРГАШ-БАЮ

Мне, атаману всех Казачьих войск Рос-

Серафим Запольский —
командир добротряда. 1931 г.

сийской Армии, известно, что Вы, доблестный вождь славных Ферганских джигитов, будучи верным охранителем интересов России в Фергане, ведете неустанную борьбу с большевиками, преступно захватившими власть в Туркестане и поправшими право, честь и религию предков всех народов, населяющих Великую Россию.

Время их торжества так же коротко, как время тьмы от заката до восхода солнца...

Не сегодня-завтра придет поддержка и к Вам со стороны славных Оренбургских казаков и всего казачества.

...за особые отличия в борьбе с врагами — большевиками произвожу Вас в солдники с зачислением по Оренбургскому Казачьему войску и вручаю Вам свой портрет и боевые подарки, как наихрабрейшему воину в Фергане.

Да поможет Вам Аллах и великий пророк его Магомет в дальнейшей борьбе с насильниками и хулителями Бога — большевиками, которые дерзнули пося-

нуть на религию предков и принесли миру голод, нищету и разорение.

Генерального штаба
генерал-лейтенант Дутов
Вр. и д. начальника штаба

Зайцев»¹.

Но вряд ли так уж важны были для Иргаш-Бая портрет Дутова и производство в солдники по Оренбургскому казачьему войску. Его, бесспорно, интересовали другие, более материальные проблемы. Чем же в действительности занимался этот и ему подобные «наихрабрейшие воины», защитники веры? Ответ на это дает уже совсем другой документ.

«23 февраля 1919 г.

Из рапорта командира отряда
Ходжентскому Исполкому о борьбе
с басмачеством

По прибытии из Той-Тюбе мною были получены сведения с дачи Яушева, где был организован оборонительный пост в 25 человек, состоящий из коммунистов, о нападении шайки Иргаша на селение Ханобод и об ограблении там товарообменного пункта краевой продовольственной дирекции, откуда взято 150 000 руб. денег, 25 ящиков чаю и 11 500 аршин мануфактуры, кроме того, убито 4 и увезено с собой 2 человека. Мною лично пойман сын ташкентского генерала Еникеева, который был инструктором в шайке Иргаша и Курбаши Раиберды, командовавший 75 человекими...

Сей рапорт подтвержден красноармейцами — подписи.

Командующий отряда — подпись»².

Тактика басмачей сводилась к внезапным налетам на советские воинские части, промышленные объекты, железнодорожные станции, склады, сопровождавшимся убийствами, поджогами, разрушениями. Со страшной жестокостью басмачи расправлялись с партийными и советскими работниками, с женщинами, сбросившими паранджу.

Наградные листы 20-х годов, обнаруженные нами в Ленинабадском городском архиве, немногословно рассказывают об

¹ Ленинабадский городской историко-краеведческий музей.

² Ленинабадский филиал Центрального государственного архива Таджикской ССР.

Первый красный обоз с хлопком, выращенным колхозниками Ташарабада. 1934 г.

участии в борьбе с басмачами комсомольцев и молодых коммунистов того времени.

«Наградной лист
на гражданина Хасанова
Абдусаттар

Приложение к приказу
РВСР № 1071

Тов. Хасанов Абдусаттар, состоя [с] 1919 г. по 15/III 24 г. на должностях председателя Уральского, Дальверзинского, Бокса-Исфанийского и Чапулукского волревкомов, энергично и неутомимо вел борьбу с басмачеством. В результате работы т. Хасанова... сдалась масса джигитов из шайки Аманкула с оружием в руках. Также им доставлено много оружия и скота басмачей.

Тов. Хасанов в июле месяце 1923 г. при встрече в Уральской волости с тремя басмачами... бросился в атаку на означенных басмачей; после продолжительной перестрелки т. Хасановым были отбиты 2 лошади и убит один из басмачей. В означен-

ной перестрелке т. Хасанов получил ранение пулей в правую руку. Тов. Хасанов, как храбрый и энергичный работник, был переброшен из одной волости в другую, более охваченную басмачеством. Ходж, уездно-городской исполком ходатайствует о награждении его орденом боевого Красного Знамени».

«Наградной лист на
Раджабова Шарифа

Приложение
к приказу
РВСР № 1071

Быв. нач. политического бюро, ныне студент Ленинградского университета.

...неутомимо работал в области ликвидации басмачества в Ходжентском уезде; в результате его умелой постановки агентурной и агитационной работы среди басмаческих шаек, убив своих главарей, перешла на сторону Советской власти вся шайка Курбаши Наркузы. Также сдалась шайка Курбаши Ляхайн.

На занятиях в школе трактористов.
Вторая слева директор школы
Ойша Рахматбаева

Тов. Раджабов в течение всей своей службы энергично работал по искоренению басмачества уезда.

Перечислив выше заслуги тов. Раджабова Шарифа, угорном КПУЗ и угорисполком Ходжентского уезда Самобласти ходатайствует о награждении его орденом боевого Красного Знамени».

«Наградной лист

на тов. Мавлямбекова Бабабек

Приложение к приказу
РВСР № 1071

...особо уполномоченный по ликвидации шаек Турдыбая и Саид Мурада... неутомимо работал по ликвидации басмаческих банд, оперирующих в Ходжентском уезде. В результате его умелой и энергичной работы за этот период (1920—1923 гг.)

сдался со своей шайкой... Курбаши Аманкул. Также благодаря умелого подхода т. Мавлямбекова были ликвидированы все мелкие шайки, скрывающиеся в Уральской волости.

Тов. Мавлямбеков в 21 г. [при] поездке на переговоры с Аманкулом был им схвачен и подвергнулся лишению жизни; был освобожден лишь после представления выкупа населением. В мае м-це 1923 г. т. Мавлямбеков участвовал в операциях против шайки Турдыбая, в результате его умелого руководства отрядом красных частей был убит один из главных помощников... Турдыбая — Масали Пансат. В том же году... из шайки Турдыбая сдались более 30 джигитов с оружием в руках.

13 сентября 1923 года по личным заданиям т. Мавлямбекова были захвачены

Таким встретил революцию Андрей Климук.

Пансат Турдыбая — Карим-Булулс и главный советник его Махмуд.

Благодаря его умелой постановке агитационной работы среди басмаческих шаек в 1923 г. сдался с 45 джигитами с оружием в руках Курбаши Кабул... из шайки Холбуты сдались 20 джигитов. Одновременно со сдачей Кабула сдался личный секретарь матчинского бека, сдача которого способствовала окончательному разложению и распаду шайки матчинского бека.

Результат сдачи Кабула повел за собой сдачу Мулла Газы Пансата с 32 джигитами.

...ходатайствуют о награждении орденом боевого Красного Знамени»³.

Этим людям не раз приходилось прони-

кать в отряды басмачей, подвергая свою жизнь смертельной опасности.

Они объясняли заблуждающимся и темным дехканам, оказавшимся в лагере врага, бессмысленность борьбы против Советской власти. Они сражались не только оружием, но и словом.

Отряды басмачей, несмотря на серьезные поражения, продолжали орудовать на территории Средней Азии до середины 30-х годов.

В эти годы люди мирных профессий одновременно становились солдатами. Таким был и комсомолец Серафим Запольский.

Любопытный документ, напоминающий

³ Ленинабадский филиал Центрального государственного архива Таджикской ССР.

о тех днях, сохранился у Серафима Алексеевича:

«3 мая 1933 г.

№ 65 УДОСТОВЕРЕНИЕ

Тов. Запольский состоял командиром Национально-добровольческого отряда весной 1931 года по борьбе с басмачеством Ибрагим-Бека, а также был в добротраде в 1933 году с 1 января по 4 апреля. Проявил себя действительным бойцом по охране мирного строительства колхозов...
Подпись».

А на фотографии мы видим С. Запольского с группой бойцов его отряда.

В Среднюю Азию Запольский попал с Волги. В 1920 году 15-летний паренек поступил работать в военный комиссариат Казани. Оттуда его послали учиться. В 1927 году Запольский вступил в комсомол и в том же году, окончив сельскохозяйственную школу, по путевке ВЦСПС уехал в Душанбе. Там на месте старого кишлака должен был строиться новый, социалистический город. Два года выращивал лесовод Запольский саженцы для будущего города. Потом уехал озеленять Вахшскую долину. Басмачи напали на экспедицию Вахшстроя, убили 23 человека. Запольскому и десяткам других пришлось налаживать сельское хозяйство, не выпуская винтовки из рук.

В республиках Средней Азии шла борьба за «белое золото» — за хлопок. На фотографиях — первые переселенцы Вахшской долины и первый красный обоз с хлопком (осень 1934 г.). Его организовала МТС, где начальником политотдела был Семен Корсаков, молодой коммунист, приехавший в Вахшскую долину в начале 1934 года.

Поднимать сельское хозяйство можно было только с помощью машин. Страна давала тракторы республикам Средней Азии, а здесь, на месте, готовили трактористов. На фотографии группа учащихся Ширнаузской школы трактористов и ее директор Ойша Рахматбаева.

Ее выдали замуж 14 лет. Теперь Ойша ходила в парандже и должна была избраться из себя взрослую женщину. Только эта маленькая Ойша была своенравной и хотела учиться. Долгие споры с мужем окончились тем, что она стала ходить в школу, правда, в парандже. И остальные девушки были в паранджах, и даже учительница не снимала черную волосную накидку на уроках. Было это в 1924 году.

Однажды учительница сказала девуш-

кам, что в городе открылся женский клуб и что там есть отдел по раскрепощению женщин. Ойша пошла вместе с подругами в этот клуб. Ее влекло не праздное любопытство, ей необходимо было знать, что делать, что говорить женщинам, чтобы научить их видеть солнце, чтобы научить их бороться за свои человеческие права. Впрочем, и в женский клуб эти женщины-дети приходили в паранджах. Только там, переступив порог, снимали их и с удивлением разглядывали друг друга.

И вот они решили больше не носить эту черную сетку. Мало того, собравшись по трое, они стали ходить в старые ходженские кварталы и агитировать женщин, чтобы они сбросили паранджу, отдавали девочек в школу, шли работать, получали специальность. Вслед неслись угрозы, брань, проклятия разгневанных мулл, а частенько камни и палки. Но эти ходженские девушки не были пугливы и продолжали начатое дело.

В 1928 году окружной женотдел направил Ойшу Рахматбаеву учиться в Самарканд. Там вступила она в комсомол.

1930 год. Первая женщина-секретарь Ленинадского горкома комсомола Рахматбаева (ей 20 лет). Почти никто из девушек не приходит на комсомольское собрание, а одна протягивает Ойше свой комсомольский билет.

— Не могу больше. Убьют меня. Грозят все время. Уйду я.

— А ты думаешь, мне не грозят? — спрашивает Ойша. — Может быть, мне тоже уйти? И всем нам?

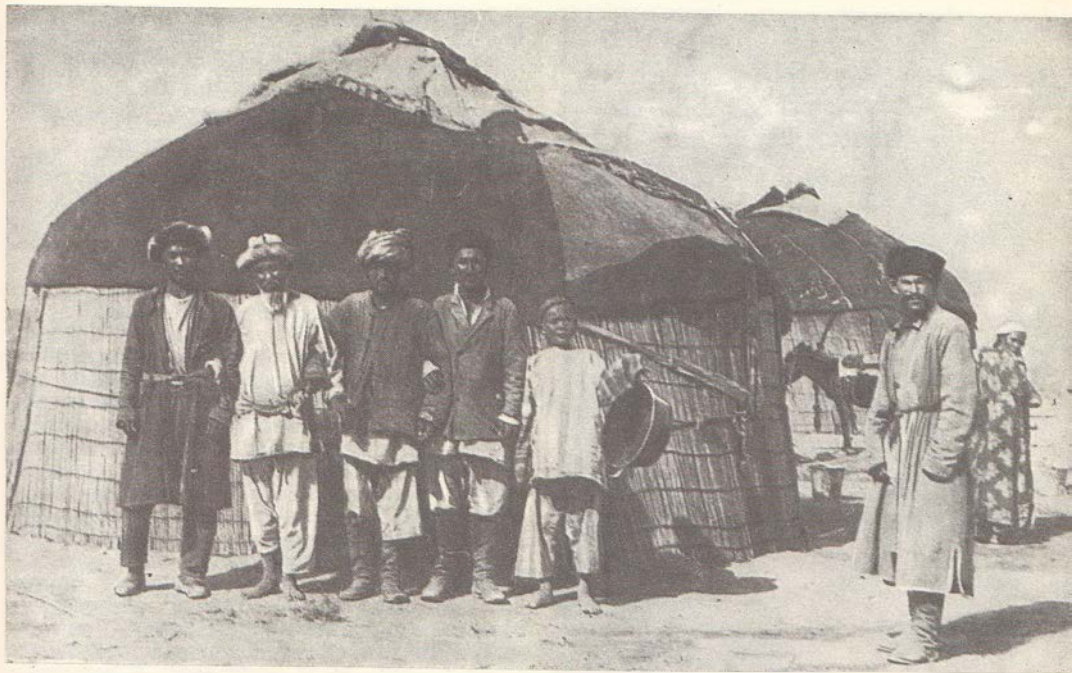
Она работала инструктором по работе среди женщин на шелкоткацкой фабрике, была председателем детской комиссии при горсовете, директором тракторной школы. В 1930 году ее избрали секретарем ЦК комсомола Таджикистана.

6 августа 1925 года «Комсомольская правда» писала:

«Молодежь должна уничтожить неграмотность.

...По данным ЦК, имеется 50 221 неграмотный комсомолец, что составляет 4,9 проц. к общему числу членов союза...» Далее сообщалось, что в Средней Азии 30,5 процента неграмотных. Но ведь это сказано только о комсомольцах.

Борьба с неграмотностью здесь шла еще тяжелее, чем в России, не хватало кадров. Мешали предрассудки, веками тяготившие над забитыми дехканами. На помощь таджикам пришли друзья. На фо-

Первые переселенцы Вахшской долины.

тографии Андрей Климуk, солдат. Таким он встретил Октябрьскую революцию и вступил в ряды Красной Армии, о чем свидетельствует следующая «Аттестация»:

«Аттестация

Дана сия бойцу 51-го кавалерийского полка 9-й Крымской Кавалерийской Дивизии Климуку Андрею, как преданному красноармейцу и честному работнику. Товарищ Климуk вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии добровольно еще в стадии ее формирования в 1917 году и принимал активное участие в подавлении белогвардейских банд Врангеля, Деникина, чехословаков, Махно и др...

Командир 51-го Кавполка

Шестопалов

Военком Чепига
Начальник штаба 51-го
Кавполка Тихонов.
30/IV—24 г.».

В 1924 году Андрей Климуk демобилизовался из Красной Армии, работал наливщиком нефти и учился на вечернем отделении рабфака. В 1933 году, окончив Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, Андрей Климуk получил назначение в Ходжент. Он ездил по области, создавал общеобразовательные школы и вечерние ликбезы. Битва за грамоту, за культуру для него была такой же битвой, в каких участвовал он в годы гражданской войны. Слова из грамоты, подписанной легендарным Котовским, которую он получил, уходя из армии, стали для него девизом всей жизни.

«...Если будут предстоять новые битвы с врагом, то знай — мы снова будем на конях и снова под руководством нашего вождя — Коммунистической партии будем сражаться и побеждать, проводя в жизнь великие заветы дорогого вождя нашего Владимира Ильича Ленина».

Хаджи Гасаналиев.

И. Пятнова

Хаджи

Об отце Хаджи почти никогда не рассказывал, не вспоминал. Зато матери было отведено совершенно определенное место и в рассказах и, видимо, в жизни. Здесь, в Москве, она олицетворяла собой дом, Баку, Азербайджан. От нее оттуда шли письма. Она привыкла обсуждать все важнейшие дела с Хаджи — старшим сыном, который был моложе ее всего на 16 лет. Она привыкла часть ответственности и житей-

ских тягот перекладывать на его плечи. Он охотно по мере сил все это принимал.

Может быть, поэтому он казался в институте чуть старше сверстников и держался степенней остальных, говорливых, оживленных, шумных ифлийцев?

А может быть, мешали ему природная застенчивость и удивительная скромность? А может быть, какую-то роль играло и безупречное знание русского языка?

Как бы то ни было в начале первого курса Хаджи Гасаналиев — студент французской группы западного отделения — мало участвовал в общих взволнованных разговорах о Паустовском, Хемингуэе, Олдингтоне, о последнем номере «Интернациональной литературы», о собственных ифлийских поэтах и о работе в редколлегии факультетской газеты «Комсомолия». Раз два-три пытались однокурсники вовлечь его в коллективные прогулки, совместные походы в театр, кино, но под тем или иным благовидным предлогом Хаджи уклонялся.

Первое «знакомство» с ним было довольно интересным. Преподавательница французского языка — Равикович — слегка прихварывала и предложила всей группе приехать на занятия к ней домой. Совместное путешествие из Сокольников в центр само по себе было приятным. А занятия и вовсе оказались забавными и веселыми. «Француженка» Вера Михайловна, укутанная в плед, в роговых очках, сидела в кресле на фоне старинного камина, а мы пристроились вокруг нее: кто на стульях, кто на низеньких скамеечках. К этому еще следует добавить, что занимались мы в доме на Суворовском бульваре, где когда-то жил Гоголь. Посыпались шутки, остроты. И хотя старались изо всех сил, оказалось, что острить по-французски на первом курсе не так-то просто. Оживился и Хаджи. Стал непривычно разговорчив и активен. Звонка, как в институте, по истечении академического часа не последовало, и занятия продолжались целых три.

Видимо, с самого начала года Вера Михайловна руководила занятиями Хаджи не только французским языком, но и русским. Он много читал по-русски и по-французски. С ее помощью он основательно познакомился с классиками французской поэзии. Гюго, Мюссе, Ламартин и другие были ему хорошо знакомы. Он читал их нам наизусть. Труднее давались Бодлер и Готье.

Интерес Хаджи к французам был не «бескорыстен» — он переводил их на восточные языки. Когда же его попросили прочесть переводы, Хаджи без малейшего

кривляния стал читать. А потом прочел нам и свои стихи. И хотя никто из нас не понимал ни единого слова, все уловили музыкальность и поэтичность прочитанного.

Очень жаль, что найти стихи Хаджи пока не удалось. Вначале он был слишком скромен, чтобы пытаться их опубликовать, а потом война...

После чтения переводов и собственных стихов мы попросили Хаджи почитать нам что-нибудь из классики. Хотите Фирдоуси? Хотим. А Низами? Тоже хотим. Стал читать. Услышав доступные нам «бюль-бюль» или «Лейли», «Меджнун» и другие имена героев всемирно известных поэм Низами, мы переглядывались с удовлетворением. Хаджи вводил нас в восточную поэзию. Незадолго перед этим кто-то из преподавателей института, кажется Николая Калининича Гудзий, привез на лекцию по фольклору двух колоритнейших киргизов в национальных костюмах и меховых шапках. Это были народные сказители. Они исполняли киргизский эпос — «Манас». В отличие от акынов, как мы узнали, они и называются «манасчи». Теперь же наш товарищ, одноклассник, читал нам в подлиннике недоступные нам творенья перса и азербайджанца.

К концу первого курса Хаджи совершенно свободно говорил по-русски. Разве только иногда у него проскакивали, как у Киршонового Двали, забавнейшие выражения. По-французски же он обогнал многих, кто начал вместе с ним в сентябре 1938 года.

Но не только языки и литература составляли круг его интересов. Похоже было, что он попал в Москву с совершенно определенной целью: «зарядиться», впитать все, что только возможно и где только можно. Источником новых сведений и впечатлений были музеи, консерватория и театры. Правда, у театра был один недостаток — он не всегда был по карману, да и интерес к нему у молодого азербайджанца, видимо, уступал возросшему интересу к музыке. До приезда в Москву представление о русской музыке ограничивалось у Хаджи самыми популярными произведениями. И он как бы наверстывал упущенное. Узнав, что мы слушали в записи Шостаковича у двух наших одноклассников, счастливых обладателей радиол (а это в довоенные годы было большой редкостью), он сделал нам выговор, что его не пригласили, и тут же потребовал отчета: какие именно вещи слушали и в чьем исполнении. Ходил

слушать Хаджи и новые произведения Прокофьева.

Однажды к нам в институт приехал консерваторский преподаватель теории музыки, наш курс усадили в самой большой — 15-й аудитории. И после исполнения нескольких фортепьянных пьес предложили каждому написать, известны ли исполненные вещи и какое впечатление произвели. После коротенького перерыва (пока консерваторцы прочли наши отзывы) наиболее интересные из них огласили, а среди них и отклик Хаджи.

Даже в дни войны, едва вернувшись со строительства оборонительных сооружений на Смоленщине (кажется, в сентябре 1941 года), когда Хаджи увидел на афише: Скрябин «Поэма экстаза», сейчас же уговорил товарищей отправиться слушать не исполнявшееся прежде произведение.

— Просто необходимо познакомиться! — уговаривал он. Наскребли на билеты. Пошли. Наверное, впечатление от Скрябина было очень сильным еще и потому, что в те дни музыка воспринималась с особой остротой. Каждая вновь услышанная вещь врзалась в память. Своеобразие и глубокий драматизм поэмы на недавнего строителя оборонительных сооружений произвели большое впечатление. Из консерватории Хаджи вышел потрясенный. Но высказался по обыкновению сдержанно и лаконично. И конечно, он испытывал странное чувство, покидая зал с овальными портретами композиторов и огромным органом. Совсем недавно он был так близко от войны, где пылали города, гибли люди.

Оттуда, с оборонительных укреплений, от азербайджанца Хаджи в Москву шли письма, и он рассказывал о «хорошенькой русской деревне», где их расселили по избам. Сначала вместе с многими сотнями студентов ИФЛИ и других институтов Гасаналиев рыл противотанковые рвы, а потом он сообщал товарищам: «Я и Виктор Леви теперь сменили лопату на винтовки и живем в другой деревне, отдаленно от наших ребят (ночью охраняем деревню). Работа «веселая». Только хочется в Москву. Из дому я ничего не могу получить, так как они пижут мне в Москву. Надеюсь, скоро приеду и расскажу о новом романтическом герое à la Иващенко» (преподаватель ИФЛИ. — И. П.).

А когда строительство оборонительных сооружений под Смоленском было закончено, в Москве, в общезнании товарищи нашли на двери приколотой веселую записку: «Постучал — ни звуку, ни духу. Не-

уже ли в институте? Неужели учиться? Тогда примите и сакулинского сторожа. Хаджи».

Недолго продолжались занятия. Институт был эвакуирован из Москвы. Хаджи вместе с институтом отправился в Ашхабад. Путешествие военного времени затянулось. Студенческий эшелон часто и подолгу останавливался. Для Хаджи это имело свои преимущества. Он получил широкие возможности увидеть и узнать свою страну. Сначала средняя Россия. (С ней он впервые познакомился на смоленских окопах.) А вот уже пейзажи Поволжья сменились Уралом. А дальше дорога пошла через республики Средней Азии. И здесь появилось новое интересное занятие — выходить на остановках и разговаривать с местными жителями. Торжествующий возвращался Хаджи в вагон. Немного угловатый, тонкий, черный, сообщал он друзьям, радостно потирая руки: «Меня уже понимают!» Видимо, знание многих восточных языков и удивительные способности к их изучению помогали ему с редкой быстротой осваиваться с речью каждой новой республики.

Институт осел в Ашхабаде. Начались занятия. Филология. Лингвистика. Испанский язык. Разве легко было заставить себя обратиться к учебникам и добросовестно выучивать Superlativ'ы и Conjunction'ы или монологи Сида? Жажда полезной деятельности, такой деятельности, чтобы она соответствовала задачам времени, обуревает Хаджи. Он пишет друзьям, что никак не сможет остаться мирным студентом военных лет. Он найдет себе такое дело, чтобы чувствовать себя полезным Родине. И наконец, в письмах появляются строки: «У меня сейчас столько работы!.. Занятия совершенно запустил. Зимнюю сессию еще не кончил сдавать (это в апреле-то!). Не знаю, что будет с моим образованием! Вот уже месяц, как я работаю инструктором ЦК комсомола Туркмении. Я никогда не ожидал, что когда-нибудь стану комсомольским работником. Меня туда взяли неожиданно, и я решил работать. Работа с командировками, поездками, перелетами через пустыню etc. Словом, я почти что доволен» (30 апреля 1942 г.). А через некоторое время сообщает, что едет дней на 10 в район проверить готовность сельхозинвентаря, и восклицает: «Каков я, а?»

Но и эта бурная, кипучая жизнь не могла его удовлетворить. Любим путем на фронт! В действующую армию! Тыл при самой напряженной деятельности оставался тылом. Почувствовать себя на месте,

приносящим пользу Отечеству можно было только на фронте. Хаджи поступает в танковое училище, занимается, знакомится с бронированной военной машиной и ждет, с нетерпением ждет, когда и для него начнется «настоящая война». Рассчитывает, что по всей вероятности... в начале нового 1944 года.

К сожалению, никому из нас, товарищей Хаджи по институту, так и не удалось встретиться с теми, кто служил с ним в армии. Поэтому все, что говорится об армейской службе Хаджи, удается восстановить только по его письмам. Письма эти рассказывали о том, что происходило с ним, о том, что приходилось ему видеть, и о том, что следовало решить тогда — ответить на вопросы, которые перед каждым из нас ставило время.

И хотя, по существу, они были очень серьезные, но писал их Хаджи шутивно, с налетом озорства. Это был своеобразный «камуфляж». Юмористический тон позволял автору писем избегать напыщенности (он ее чурался) и прятать патетику (а ее он стыдился), чтобы не выдать глубокой взволнованности.

Но и среди непривычных военных теоретических и тактических занятий, утомительных и регулярных, находится время читать, поддерживать связь и с родными, и с друзьями по институту, и с преподавателями. («Мне приятно было узнать, что Вера Михайловна снова в Москве».) Жадно и неутомимо Хаджи поглощает книги. Обилие впечатлений, раздумья требуют собеседников: «О братишке, который выехал из Баку месяца три назад, ничего не знаю. Многих я потерял на фронте и в тылу! Но это положение почти общее. Прочел «Юность Генриха». Раньше я вряд ли так понял бы эту книгу. Переоценка ценностей... Каких? Ценностей прошлого, конечно... Настоящие еще должны быть созданы. Мне нравится Монтень, который стал солдатом, чтобы испытать себя на войне. (Это не сравнение!) Зато Францию сегодняшнюю можно сравнить с тогдашней. Только спасение не в умеренности. Все это после книги». И не то со вздохом, не то с сознанием несвоевременности: «А музам пока я дал отставку...» (1 декабря 1943 г., Самарканд, 2-е ХТУ).

Военное обучение закончено. В Самарканде из танкового училища выходит младший лейтенант Гасаналиев. Это еще приближает к фронту, к войне. Но сначала та же война перебрасывает вновь испеченного танкиста в запасной полк. И он вместо

действующей армии оказывается в лесу, в лагере. В такой непосредственной близости с русской природой не проходила еще ни одна весна в жизни Хаджи. Осень, военную суровую осень 1941 года он провел между Смоленском и Вязмой. «Я еще в Горьком. Надеюсь, что к 1 мая удастся выехать отсюда. Живем далеко от города — в лесу, на берегу Оки. Только в эти дни здесь чувствуется весна, правда, запоздалая и ничем не похожая на нашу южную.

В Москве в день отъезда я был у Веры Михайловны — всего минут десяток. Она лежала больная, постарела. Она по-прежнему такая же добрая, отзывчивая. Хотела дать мне почитать, не нашла, обещала переслать мне литературу на фронт (только с возвратом, разумеется)» (20 апреля 1944 г.).

А рядом новые друзья, с которыми вместе предстоит Хаджи воевать.

«Людей уже я получил — народ хороший: молодой белокурый паренек из Курской области — мой водитель, такой же молодой наводчик и «старик» образца 1904 года (возраст моей мамы) заряжающий» (там же).

Маленький коллектив экипажа танка быстро подружился и чувствует себя хорошо. И Хаджи знакомит своих институтских друзей с теми, с кем пойдет на войну, рассказывает о них в письмах охотно и тепло.

Танковый завод. Предстоит вручение машин. Процедура длительная. Надо ждать. Хаджи проник в библиотеку, пристроился у окна в читальном зале, раздобыл «Гёте» и «Бетховена» Ромена Роллана. В записную книжку идут афоризмы — разве можно удержать все в памяти, когда огромный, невиданный доселе мир в годы таких грандиозных потрясений все шире раздвигает свои границы. Все, что в литературе хоть как-то соответствует жизни, берется на вооружение. А в письмах друзьям появляются строки о том, что он не заботится о прибытии на место. Его интересует лишь дорога.

«Вот я и приехал (28 мая 1944 года. Полевая почта 22110). Нахожусь недалеко от города, который вырос в своих стенах Вовку Гальперина. Это не так уж далеко от тех мест, где я был в начале войны. Кругом болото. Комары покоя не дают. Скучновато. Если бы вы писали не пись-

ма, а целые романы, читать время нашел бы. Так что пишите».

Сидеть сложа руки в ожидании наступления невозможно. Наконец выход найден — начать заниматься немецким языком. Воевать с немцами и не знать их языка?! «Думаю изучать немецкий язык. Шлите самые легкие тексты — только не учебники! Привет всем-всем!» (там же).

Белоруссия. 15 июня 1944 года. Хаджи пишет: «Я нахожусь там, где недавно освободили восемь тысяч белорусов. Если бы вы их видели! Старики и дети».

И самому младшему лейтенанту Гасаналиеву военные годы принесли много горя. Младший братишка, призванный из Баку в армию, так и не подает о себе никаких вестей. Ни одного письма не получила мать, не получал их и Хаджи. А после сообщения из дому о том, что тяжело болен отец, оборвалась связь с матерью. Постоянные перемены адреса не позволяют поддерживать регулярную переписку.

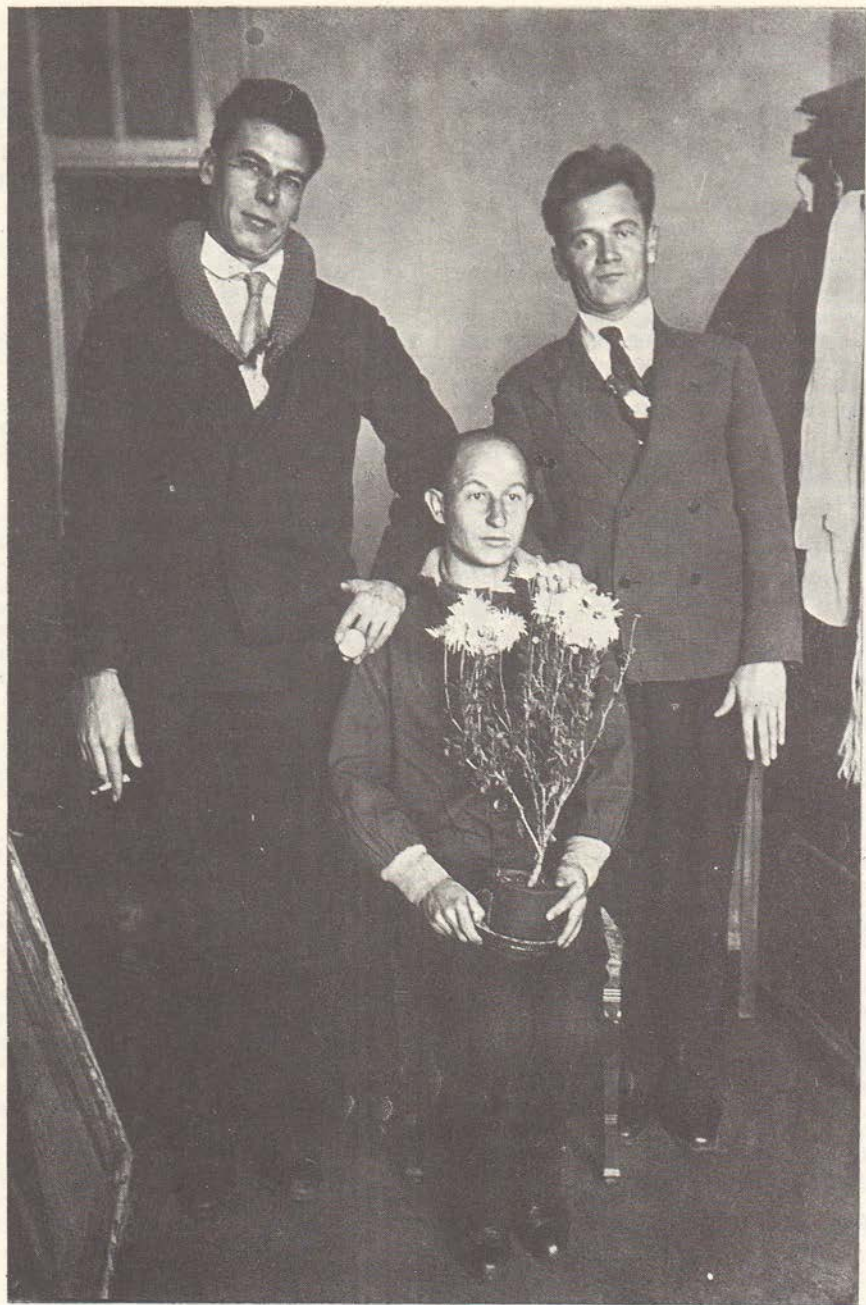
И третья беда, которая потребовала от Хаджи огромного напряжения сил, внутренней собранности, — на его плечи тяжелым бременем легла большая личная драма.

Но в каких бы условиях он ни оказывался, он всегда умел ценить лучшие стороны жизни, проинтерально вглядываться в суть явлений, отбрасывать все мелкое. Залог хорошего самочувствия, по мнению Хаджи, в том, что он «в стороне от тех мелочей, которые портят жизнь часто многим хорошим людям. Ни авансов мне, ни квартир — пока это именно так» (июнь 1944 года).

Двигается танковое соединение, где служит экипаж под командованием бывшего студента ИФЛИ Гасаналиева. Вот уже окрестности Минска.

Письма Хаджи обрываются. Стало не до них. Советские войска ведут напряженнейшие бои под Витебском, Бобруйском, Могилевом. Советские Вооруженные Силы разбили немецкую группу армий «Центр» и завершили свой удар окружением 30 немецких дивизий восточнее Минска.

...А 23 июня, как сообщил заместитель командира части майор Барбашин, «Хаджи Гасаналиев вместе со своим экипажем героически погиб юго-восточнее Витебска, у реки Суходревки, в деревне Каземирово».

Илья Френкель

Так мы начинали

РАННИЕ КУКРЫНИКСЫ

Улица называлась Мясницкой — имя не так чтобы красивое. Во всяком случае, Мясницкая вряд ли ассоциируется с представлением о красоте, об искусстве. Тем не менее там жили художники — много художников, теперь очень известных. В первые годы Советской власти в доме № 21, напротив почтамта, помещалось студенческое общежитие ВХУТЕМАСа (Высшие художественно-театральные мастерские).

Веселая, голодная и шумная молодежь буквально ворвалась в жизнь юного советского искусства: «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры!» Этот пароль Маяковского сделался призывом вхутемасовцев к бурной деятельности. Ребята отличались изобретательностью, прямо-таки органической потребностью в новшествах. Кстати, такая игра, как волейбол, впервые нашла своих мастеров в стенах ВХУТЕМАСа. Первые стенные газеты оформлялись студентами этой школы. Первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка оформлялась силами многих молодых графиков и монументалистов.

Комсомолец Миша Куприянов и его коллеги Порфиша Крылов и Коля Соколов объединили свои таланты (рисунок, живопись и портрет) в жанре карикатуры. Родился коллектив под смешным прозвищем КУКРЫНИКСЫ — тройка веселых, смелых и подчас злых снайперов, искавших и находивших свои «движущиеся» мишени всюду. Отделы юмора газет и журналов не обходились без участия талантливой группы. Естественно, что органы комсомола привлекли художников для кипучей и интересной работы. Читатель любит меткую и горячую критику. А что может быть нагляднее, чем смешная и острая карикатура или шарж? Вскоре Кукрыниксы вошли в плеяду любимых народом мастеров. Диапазон тем, оригинальность манеры, глубокое

«Мирное бытие» А. Безмыенского.

знание предмета и выдающаяся оперативность, отклик именно на злобу дня — все эти качества нашли применение и заслужили признание у нас в стране и за рубежом.

Историю комсомольской печати нельзя представить без Кукрыниксов; невозможно даже подсчитать, сколько рисунков сделано ими в двадцатых годах. Это требует очень серьезного научного анализа. Здесь хочется привести лишь несколько образцов кукрыниксовского творчества. И эти несколько рисунков дадут целый разрез жизни молодежи той поры. Не надо быть знатоком истории, чтобы удивиться наблюдательности авторов. Типы бюрократов, хулиганов, пьяниц, просто отсталых и косных людей — не правда ли, они удались на славу? А что стоит великолепная галерея «воспитателей»? Добрый и меткий шарж на друга Кукрыниксов Александра Безмыенского, тогда возвратившегося из поездки во Францию. Особо хочется отметить рисунок «В погоне за модой». Разве в наши дни эта карикатура, во всех деталях верная, не кажется только что созданной?

Я много лет люблю своих друзей Кукрыниксов, уважаю их редкое единство, восхищаюсь талантом и трудолюбием и с большой радостью убеждаюсь, что есть еще комсомольский порох в арсенале нашей маститой тройки.

«Это еще цветочки...»

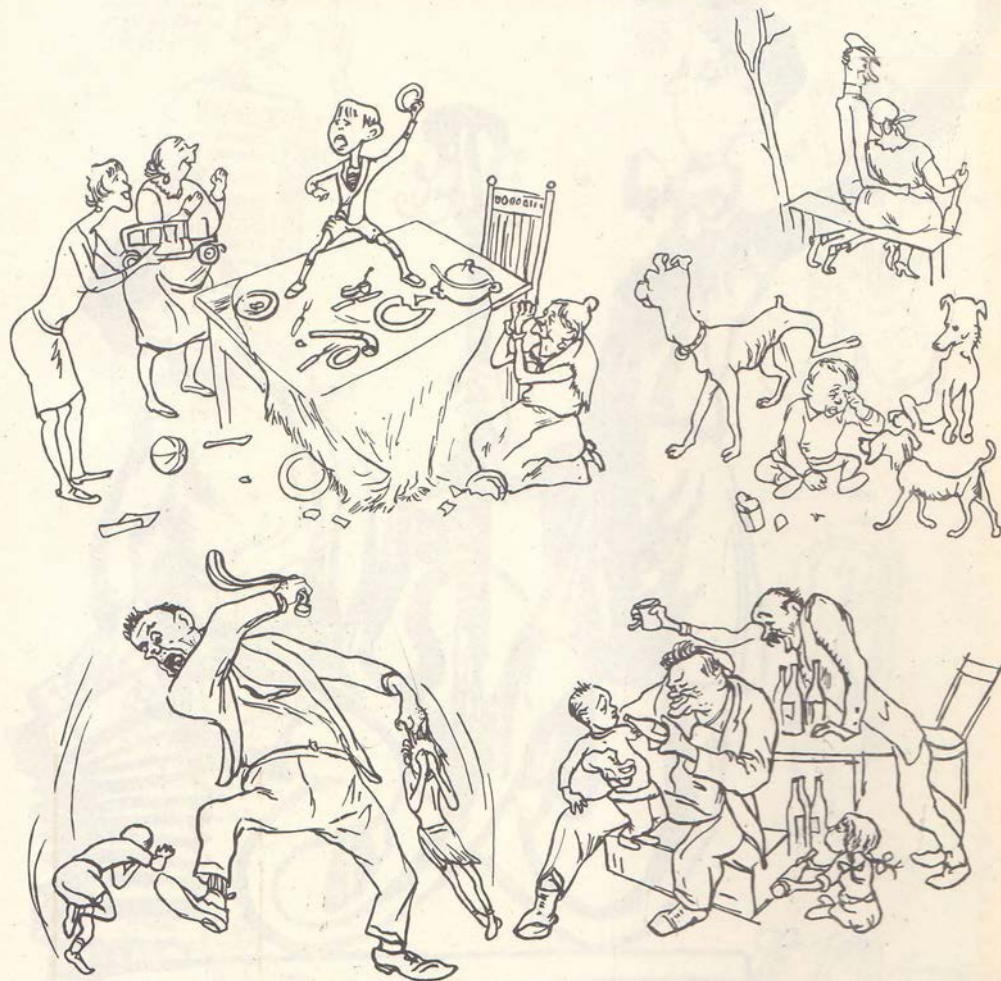
Кукрыниксы, шуточная фотография.
20-е гг. Сидит: П. Н. Крылов, стоят
слева направо: М. В. Куприянов,
Н. А. Соколов.

В ПОГОНЕ ЗА МОДОЙ.

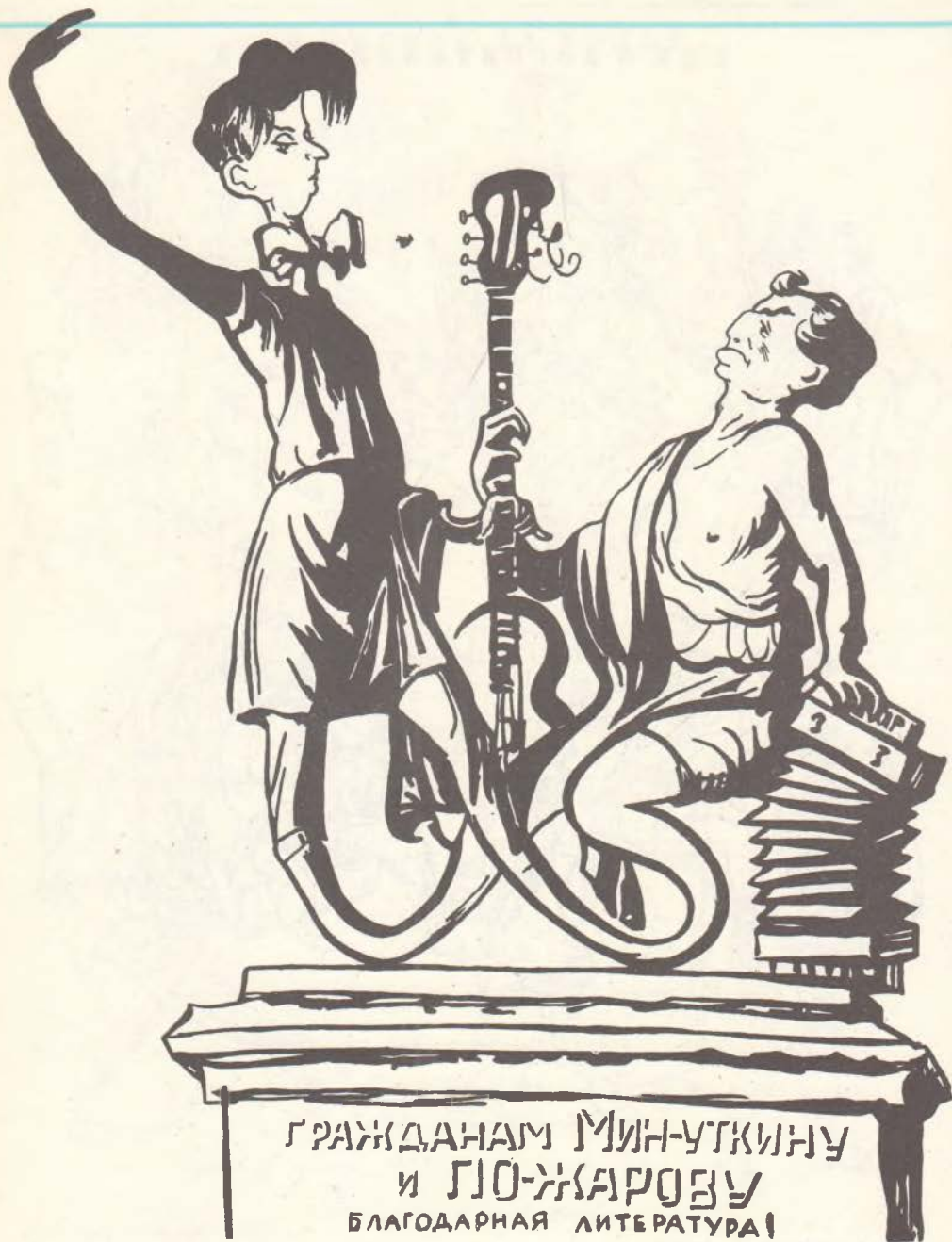

«В погоне за модой». 1928 г.

ЕЩЕ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ.

«Еще о воспитании детей».

Дружеский шарж. И. Уткин и А. Жаров.

не человек

а должность

Есть такие деятели
и в комсомоле.

БЕССОННИЦА ХУДОЖНИКА (Из дневника)

Мне было шестнадцать лет. Бежал я в отцовской кожанке с подвернутыми внутрь рукавами, острый, тяжелый наган в кармане, рыскал, выслеживал всякую сволочь — шпиона, пробравшегося во всеобщ, доктора с красным крестом на рукаве, женщину с ребенком на руках, одолженным у знакомых, чтобы легче спекулировать продовольственными карточками. Я работал в Чека и думал не о стихах, а старался заглянуть в будущее: перебьем в конце концов всю контрреволюцию — что тогда?! И не представлял ничего, а только пытался смотреть, как смотрят на солнце и ничего не видят, кроме ослепительных черных пятен с невысказанными алыми краешками.

Был, говорят, я хороший, веселый мальчишка. Я любил песни и запевал, когда выезжали мы в мороз, в метель, когда оглушительные теплушки, наполненные шипеньем ветра, подпрыгивали, стукали друг дружку, а мы, мальчишки, лежали на дырявом полу в обнимку — чтобы теплей, — и нас дергало и катало, и снег терся своими шершавыми боками о дерево и словно тыкался большой мохнатой головой в стенки вагона, то справа, то слева, просился к нам, большевикам, непонятным людям — полуголодным, и веселым, и злым. И я не думал о стихах, а если бы кто прочел:

Солнце в комнату вломилось
И застало нас двоих.
Почему, скажи на милость,
Я не вижу глаз твоих?..
Так любовь отводит очи
От небесного огня.
И не лучше ль сумрак ночи
Для тебя и для меня? —

я не знаю, что бы я сказал или сделал. А песни мы любили: и «Интернационал» пели так, как никакой капелле не спеть — ей и не полагается, впрочем... Мальчишество без девчонок, стихов, озорства!..

Тяжелые бревна на субботниках, ночные обыски в обледеневших квартирах у трясущихся, одетых в теплые шубы буржуев и попов, кепка Владимира Ильича, смена караула в штабе ЧОН с длинными итальянскими винтовками, лепешки из картофельных очисток и не сутки, а какие-то сточасовые единицы времени, хоть были и газеты — серые, с тусклым шрифтом и грубыми, шевелящими душу словами. Не чувств-

вал я себя, как не чувствуешь сердце, когда оно здоровое...

Стихи пришли после рисования. В районе обо мне шла слава: художник. Я хорошо рисовал буквы на плакатах и написал их штук тысячу, если не больше, и они ходили на Красную площадь, их, может быть, Ленин читал... Запах столлярного клея, ощущение, когда жесткой кистью ведешь по туго натянутой материи — выводешь и спиной чувствуешь, с каким уважением смотрят на тебя и твою работу... А я и не собирался стать художником, и когда попал в класс художественных мастерских, то с интересом смотрел на голую женщину, у ног которой гремели четыре примуса, и если мне было стыдно, то потому только, что я боялся на чистом четырехугольном холсте намалевать зеленоватую обезьяну с коричневыми сосцами и красным носом, какая в разных ракурсах смотрела с множества холстов. А женское тело меня волновало, и я, расстроенный, удирал из класса и больше не возвращался...

24/V. Вспомнил о моем друге Васье Андрееве. Председатель Астраханского ЧК, матрос с «Гангута», он мечтал: «Кончится гражданская война, построим коммунизм. И вот представляю я, как буду лежать под деревом весной на зеленом лугу. Рядом ходят коровы. Ветерок, понимаешь. А я лежу и читаю «Капитал», том первый!..»

26/V. Бессонница молодости. И притом не бдение фанатика, не беспутное мотовство физической силы. Нельзя сомкнуть глаз, обращенных к порученному предмету, — это даже не суровое блюение правил караула, это тревожное и радостное напоминание сердца, зрения, когда не хочется пропустить чего-нибудь: ведь революция! Ведь первые дни! Это бессонница художника. Он захвачен работой, страстью, он еще только увидел натуру и, ничего другого не видя, опьяненный ею, трясущимися руками шарирует карандаш, мысленно восклицает: «А, черт!..» Если попробовать его грубо обратить в другую сторону, он, пожалуй, оттолкнет вас; будете нажимать — убьет... Но он чувствует, что каждую секунду меняется свет, натура изменяет положение, новые повороты, новая прелесть... А, черт!..

Я не хотел, не думал становиться художником. Я был участником, маленькой деталью. Но ведь и революция творит самое себя, и в лихорадке созидания, в непрерывном бодрствовании есть наслаждение высшего порядка. Какое вдохновение, какая зависть!

КЛЕШ

Только-только ушли Николай и Федя: замесились сборкой и разборкой затвора. Странное дело: при них я с легкостью собирал все детали. А когда остался один, сразу попробовал повторить хотя бы названья и позабыл три. В затворе же семь частей: стебель с курком и пуговкой, ударник и пружина, а вот теперь и четыре позабылись, черт их дери совсем!

Завтра Анисимов назначил экзамен по затвору. Стебель с курком и пуговицей, боевая личинка, ударник... Смотри-ка, откуда-то личинка выскочила! Стебель, личинка, ударник. Ну и ну! Опять четыре части ускользнули. Надо будет встать ночью: начну разбирать и все вспомню.

Я собирался лечь спать, когда мама приоткрыла дверь:

— Опять к тебе. Вы не засиживайтесь, ладно? А то утром не добудисься.

Постучались. Пришел Митька гознаковский с братом, сопливым пареньком лет восьми в материнской кофте и в ее же стоптанных башмаках: дома оставить не с кем. На кой нам этот сопляк?

— Митя, к чему это? Уложил бы спать.

— Укладывал, дак он днем выспался. Видишь, ни в одном глазу. Дай-ка ему картинку посмотреть...

Полой пиджака он ловко утер братику нос. Я сунул малышу «Ниву» за 1897 год, толстую, как перина, с перинным нафталиновым запахом. Там были занятные снимочки. Из жизни царей. Санька засопел над «Нивой», и мы с Митькой взяли за свое.

Оказалось, Митька еще хуже меня знал затвор. Я быстро свинтил курок. Вот так фунт! Курок-то ведь сам часть затвора. Вот она где, четвертая-то часть! Пятая, шестая и седьмая так и не вспомнились. Вдобавок из стебля со свистом выпрыгнула спиральная пружина и куда-то делась. Саньке велели зажигать спички, а мы на четвереньках, стучаясь головами друг о друга и обо все что попало, ползали по полу — искали эту чертову пружину. Удовольствие получал один Санька. Он зажигал спички, что родители строго запретили в первую очередь.

Сам Митька носил клеш — ему шил старший брат, мастер на все руки. Этот его брат был уже старый, лет тридцати двух. Теперь он вот уж с месяц был мобилизованный в Конармию Буденного, куда-то в Донбасс. А клеш он пошил Митьке в ночь перед отправкой на фронт из своих граждан-

ских брюк, ловко объединив их с жилеткой, которая была ни к чему.

Митька очень курнос, обстрижен тем же старшим братом наголо, вернее, лестницами. А до этого Митька выделялся из всех ребят большой головой с огненно-рыжими космами и той картавостью, которая так неожиданна в исконно русских парнишках и так часто у них случается. «Здогово, гебята» — вот что у него получалось.

Теперь-то он стрижен, так что шапка съезжает на самые плечи. Так глядеть — ничего не скажешь: крепенький мальчишка, только ноги с заметной кривинкой, «колесиком». А клеш ему очень кстати — развеивается при каждом шаге, и не так заметно, что штилеты у него отцовские, огромные и какие-то обгрызенные. У меня тоже такие — от футбола, вернее, от ударов по другим ногам.

Мы с ним давно сговорились: шить клеш мне. И вот он стоит в клеше, рыжий, ладный и подтянутый. Даже похлопал себя по ляжкам, и клеш слегка, но соблазнительно колыхнулся. Ему определенно шло это одеяние матросов-комиссаров, наших любимых героев. Что касается произношения, то Митька божился:

— Это ж у меня наследственное. От брата.

А моя мама объяснила, что от рахита. Кто прав — неизвестно. Только в Митьке все это очень удачно соединилось — кривоногость, картавое «г», рыжина и клеш.

Вообще сегодня здорово. Сегодня ток был часа три, не меньше. Значит, там, в Донбассе, белых отогнали от шахт. Значит уголь в МОГЭСе есть, и дали ток на целый вечер. Ну, сейчас, правда, свет не горит. Зато есть серные спички — сутки вонь, секунду огонь. А у меня в под сумке для патронов хранится свечной огарок: чтобы ночью вставать — читать или разбирать затвор. Из-за того и пружину потеряли, что как раз свет выключился. Нечего делать, зажег огарок. И представьте — Санька моментально нашел нашу пружину. Дуракам счастье. Вдруг опять включился свет, и стало все видно. Я сказал:

— Буденный дал белым гадам. Наверно, усакали из Донбасса.

Митька посмотрел на меня с уважением: он ничего не знал про Донбасс, даже не мог связать электричество с каким-то там Донбассом. Кое-что я им выложил — ну, про этот уголь, МОГЭС и прочее. Чтобы не потерять пружину, решили поскорей собрать затвор. И опять этот сопляк Санька отли-

чился — повертел, повертел ударник, пошмурыгал и, глотая сопли, в два счета собрал. Митька со злостью зашипел.

— Подумаешь, всякий оголец от горшка два вершка, а суется не в свое дело. Вери вот журнал. Читай себе.

И опять утер ему нос пиджаком, так что даже противно было смотреть.

Собрав затвор, мы взялись за то, из-за чего пришел Митька: условлено было, что он поможет мне шить клеш. Штаны такие матросские, в виде колокола; все гознаковские парни носят, взяли моду у моряков Балтийского флота. Митька принес с собой кусок мела и осколок бритвы «Жилетт». Как я мог забыть, что Митька придет для этого самого! Да разве все удержать в памяти? Затвор, Донбасс, электричество.

Очень здорово выглядел Митька: отцовский пиджак, а на ногах клеш. Признаюсь — я завидовал ему.

Ходить в клеше надо враскорячку, пошире расставлять ноги. Иначе запутаешься, как в юбке, в этих самых клешинах. Матросов, надо полагать, учат ходить. А я себе не представляю, как на качающейся в шторм палубе, под ударами ветра и струй тропического ливня — как возможно в этой юбке не только передвигаться, но и дело делать: дранть что-то, заряжать пушку, выбирать и отдавать якорь или вертеть штурвал. Их, конечно, там выучивают. Постепенно увеличивая клеш. То есть сначала на матросе обыкновенные брюки, в виде трубочек, — они равномерные по ширине. Потом прибавляют по сантиметру, то есть обменивают штаны. Богатый у нас флот — штанов хватает.

— Ну, скидайвай, — сказал, наконец, мой приятель. Саньку поставил спиной к двери: чтобы мама не зашла. И я расстегнул пуговицы, которых было не больше двух.

В это время свет опять погас — черт те что творилось в этом самом Донбассе! Мы взволнованно молчали. Только слышно было громкое Санькино шмурыганье. Потом я, неуклюже прыгая в полуопущенных штанах, нашел огарок. Спички же не находились из-за этого дурака Саньки. И вдруг свет опять зажегся — помигал сначала, чуть-чуть посветил красненькой проволочкой и разгорелся будь здоров как! И тут мы в моих штанах нашли спички. Только они были пока не нужны. Санька принялся за картинки.

Вжик! — и одна штанина почти что раздвоилась в Митькиных руках. У меня замерло сердце, как от чего-то непоправимо-

го. И ладони вспотели. Митька, по-моему, сам испугался. А Санька сказал простуженным басом:

— Вот скажу отцу...

Без штанов мне стало холодно. Зубы стучали. Я обернул свои тощие коленки одеялом и попросил:

— Ты, Митька, все-таки не тово... Как говорится, семь раз отрежь.

— А я только один раз, — оправдался Митька, — ну, не хочешь, дак я вторую брючину не стану...

Меня аж в пот всего ударило. А тут свет опять выключился. Черт те что! И я закрычал дрожащим визгливым голосом:

— Не желаю ходить с одной брючиной! Сделай опять, как раньше, дурак!

— Не ори ты, — зашептал Митька, — я тебе свои отдам, если не веришь. Связался на свою голову.

Назревала ссора. В темноте. Санька перестал шмурыгаться — ему было интересно: вдруг подерутся? Все-таки подлый был парень. Но я еще не совсем спятил — драться в одном одеяле, без штанов, да еще в такой темнотище. Пусть только зажгут свет. Очень мне нужны Митькины штаны! Вот пусть только дадут ток, я ему дам.

— Знаешь что? Заткнись ты со своими портками, — грубо сказал Митька. — Идем, Санька. Ну его...

Потом случилось страшное — дверь скрипнула и стукнула. Я остался один в необитаемом мире. Голый, то есть без штанов. Я стал зажигать спички, — неизвестно, куда делся огарок, наверно, унес тот сопливый черт. Спички горели хуже обычного, хотя и воняли сильнее. Темнота пахла серой, как в аду. И одеяло все время раскутывалось. Я кинулся было в погоню за Митькой, наткнулся на стул и загремел.

— Что у тебя? — закричала мама из соседней комнаты. — Спи уже.

Я затаил дыхание, ощущал стул и неслышно уселся, кутаясь в одеяло. Потом вдруг в этой крошечной мгле, пропитанной вулканическим смрадом, мне показалось, что меня куда-то несет капитанский мостик. Дует дьявольский норд-ост. И срывает с меня одежду. Щелкают во мраке затворы, как зубы взбесившихся крокодилов. Жутко на этом «Летучем голландце», и все предвещает беду: бунт или пожар. Без кораблекрушения, видимо, не обойдется. Бац! Паденье чье-то тела на палубу. Оказывается, упал я сам. Спал, как видно.

Вот ведь какие сны: кажется, всю ночь его смотришь, да еще в страшных местах не можешь проснуться. А весь-то сон с

гулькин нос: какие-то две секунды! Так мне сказал Митька. Они с Санькой, оказывается, постояли немного за дверью. Как только включили свет, ребята тихонько вошли ко мне. А я — понимаешь — храплю на полу.

— Я тебе искусственное дыхание делал — ей-богу, не вру... — врал Митька. — Санька, правда?

— Правда, — басом подтвердил Санька, устраиваясь на моей кровати с «Нивой».

Здорово, что свет горит! Митька тоже снял свой клеш и орудует мелом и бритвой. Я рассказываю свои байки. Мы с Митькой иногда отчаянно зеваем и таращим друг на друга слипающиеся глаза. А Санька шмырывает себе над «Нивой». Он ни в одном глазу. Даром что такой хилый, а голова большая, как у Митьки. Тоже наследственное.

И свет опять сиял — радостный, победный, беспощадный. Вот при этом свете всю ночь кроили из старой жилетки так называемые клинья — куски материи, которые кое-как вшивали в распоротые места штанов.

Это было очень интересно, потому что клеш мне все-таки смастерили: немного разные получились колокола, здорово заметные клинья были. А один клин я ошибся и пришел не той стороной.

И вот все. Оба мы, я и Митька, надели свои штаны. Оба торжественно умолкли. Оба ревниво оглядываем друг друга, ищем изъяны. Но их нет!

— Сменяемся или как? — спросил кокетливо Митька, смахивая меловые пылинки с моих штанов.

— Вот скажу отцу-то! — уже сонно басыт железный Санька, отваливаясь от журналы и тоже зевая беззубым ртом.

И я мысленно представляю, как я крадусь, если хоть чуть похож на Митьку. Стройный, подтянутый, с шелестящими при каждом шаге лихими клешинами. Моряк с «Авроры» — только что без ленточек. А тагуировку на руке мне сделают, будьте уверены.

Недолго пришлось уговаривать Митьку лечь вместе с Санькой у меня. А я их потом разбужу, когда вернусь из райкома. Митька с Санькой уснули на моей кровати.

Наступило утро. С гудящими от бессонницы висками я крадучись шел враскорячку, по-флотски из дому. Утренний патруль ЧОН, два старика наборщика с длиннющими винтовками «виттерли», которые они носили вверх прикладом на ремне за плечом, — этот патруль остановил меня. Старший старик повернул меня этак за локоть туда-сюда и сказал:

— Вот, Петров, чего комсомольцы надумали — продукцию травят.

Они меня, впрочем, отпустили с миром. Но взгляд их старых покрасневших глаз я чувствовал, пока, раскорячиваясь, не повернул за угол.

Через два дня я сменял клеш на так называемые бриджи, согласно фасону, именуемые «заячьими ушами». Но их фиолетовые на зеленом фоне нашлепки на коленях и заду — для кавалерийских целей — оттолкнули от меня всех девчат. На следующий же день я обменял «заячьи уши» на две лепешки у смоленского торговца. И с удовольствием съел эти лепешки.

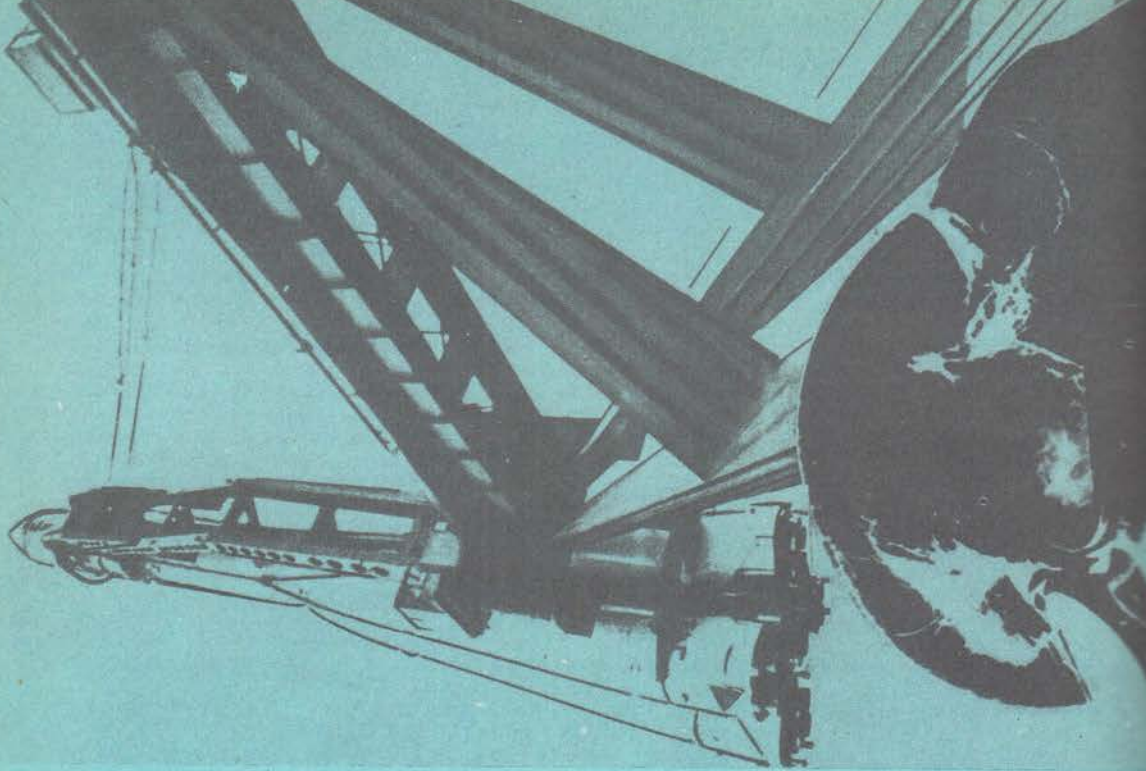
Мама отыскала в тряпье старые мой гимназические брюки, очень уже короткие и выпачканные чернилами, еще дореволюционной выработки. И я ходил в этих штанах очень даже хорошо и долго.

1948

За выдающиеся заслуги перед Родиной в деле коммунистического воспитания советской молодежи и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ награждать Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина.

1956

Учитывая большие заслуги комсомольцев и советской молодежи в социалистическом строительстве, всегда горячо откликающихся на призывы Коммунистической партии и Советского правительства, и особо отмечая самоотверженный и плодотворный труд комсомольцев, советских юношей и девушек в успешном освоении целинных и залежных земель, награждать Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина.

1968

За выдающиеся заслуги и большой вклад комсомольцев, советской молодежи в становление и укрепление Советской власти, мужество и героизм, проявленные в боях с врагами нашей Родины, активное участие в социалистическом и коммунистическом строительстве, за плодотворную работу по воспитанию подрастающих поколений в духе преданности заветам В. И. Ленина и в связи с 50-летием ВЛКСМ наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Октябрьской Революции.

В зале заседаний XV съезда
ВЛКСМ. Москва, 1966 г.

Секретарь РК ВЛКСМ
вручает школьнице
комсомольский билет и
значок. Москва.

Повсеместно,
Где сирещены трассы
свинца,
Или там, где кипенье
великих работ,

Сквозь века,
на века,
навсегда,

до конца:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты,
вперед!

Александр Межиров

В тот край не ходят
электрички,
Лишь паровоз гремит
на стыках.
Там будет трудно
без привычки,
Еще труднее —
не привыкнуть.

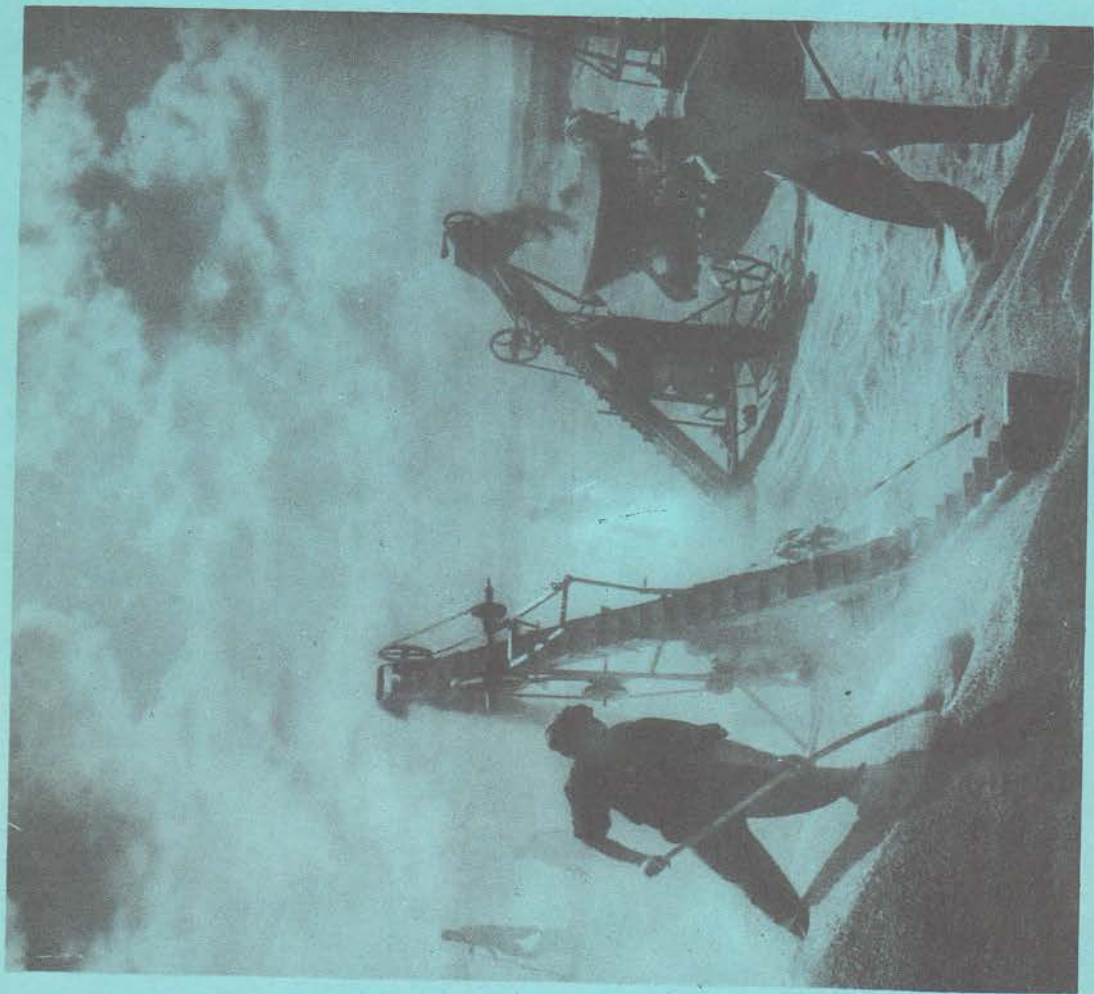
В. Губанов

На целинные земли. 1955 г.

Стрелковый отряд
студентов МИСИ в совхозе
«Ижевский». Казахская
ССР.

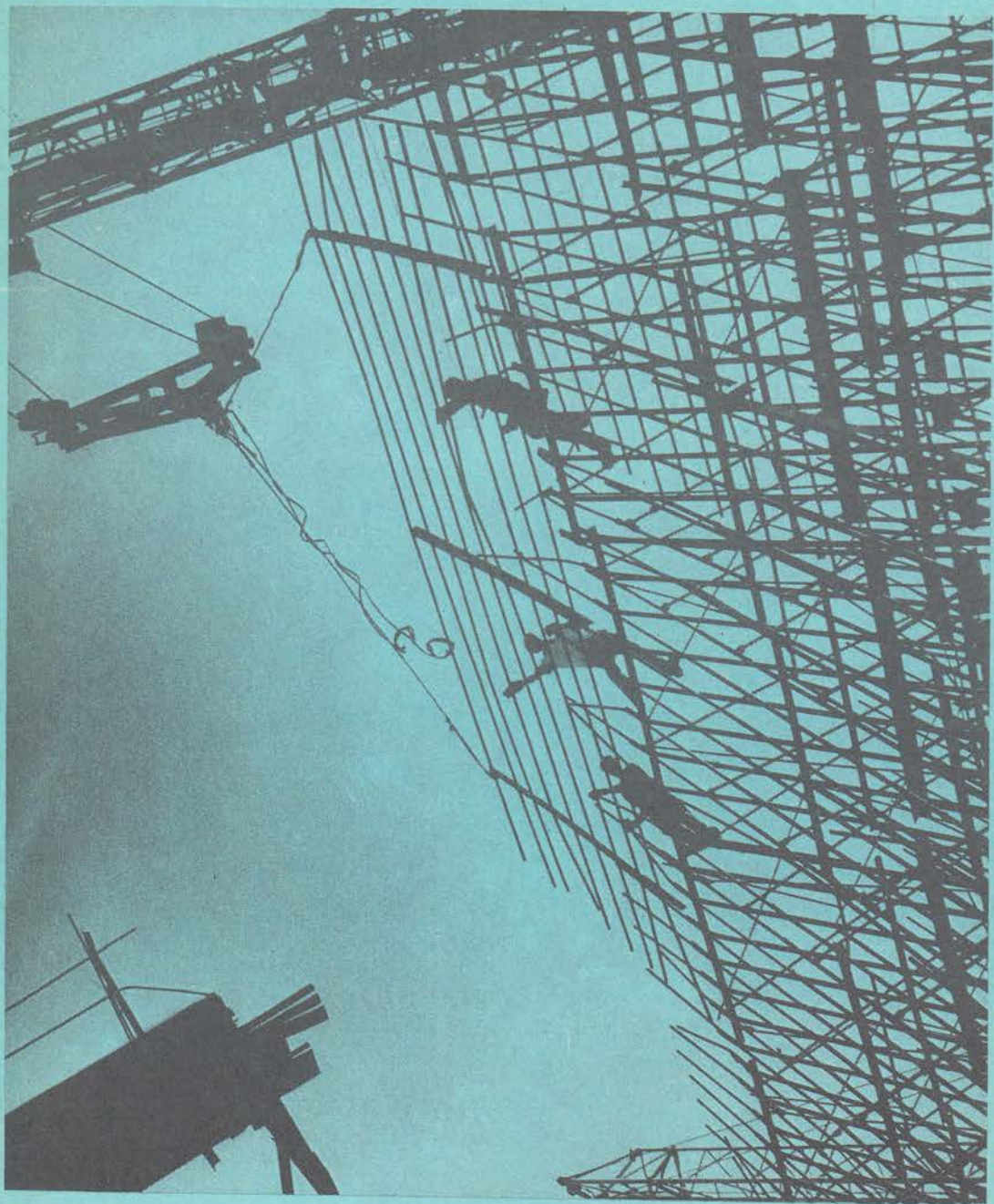
Хлеб,
лежащий на наших
столах, —
память
о бурных минувших годах,
о мужестве
тружеников земли.

Раим Фархад

Комсомольцы
механизаторы бригады
И. Рудского, прибывшие
в Джаркскую МТС на
освоение целины. 1954 г.

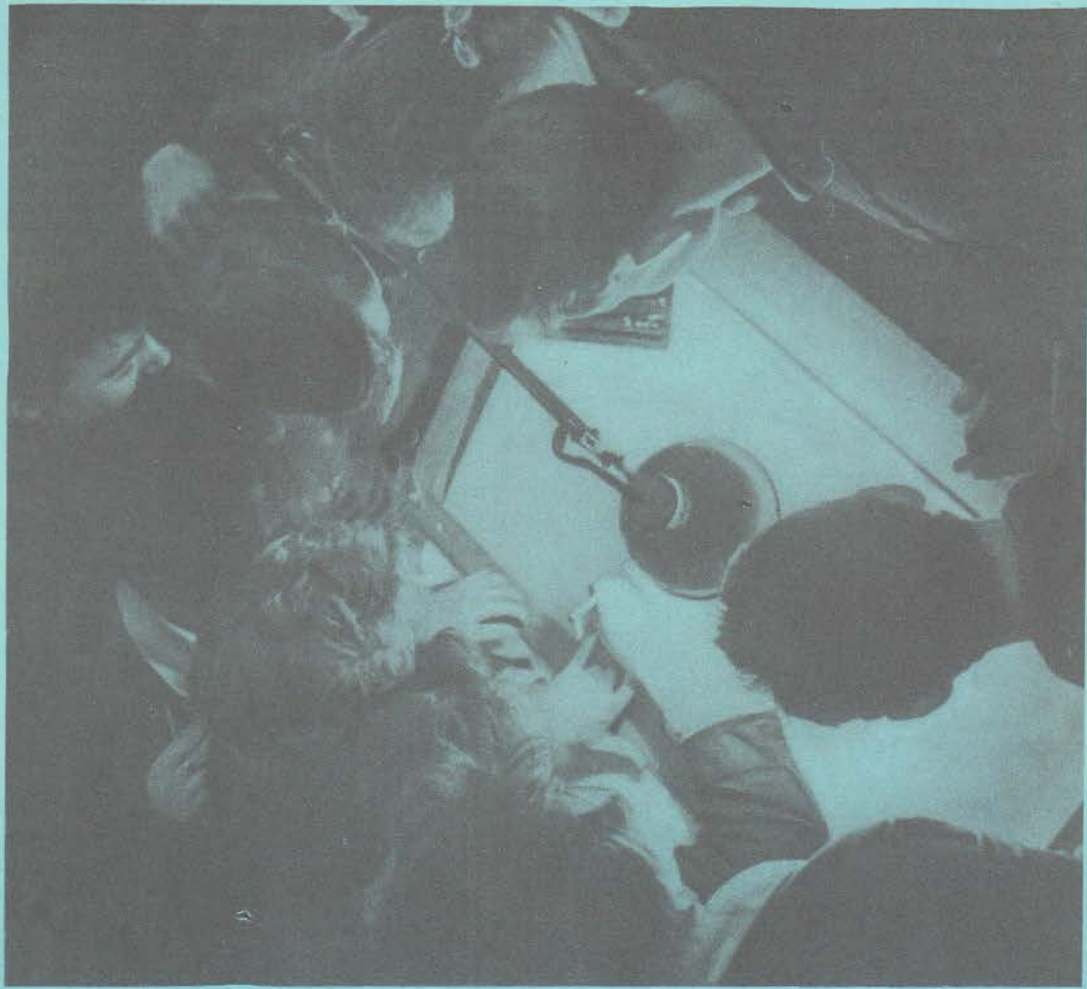
Титул «Мисс Энергия»
присвоили Оле Гусановой
студенты МЭИ, работавшие
во время каникул на
целине.

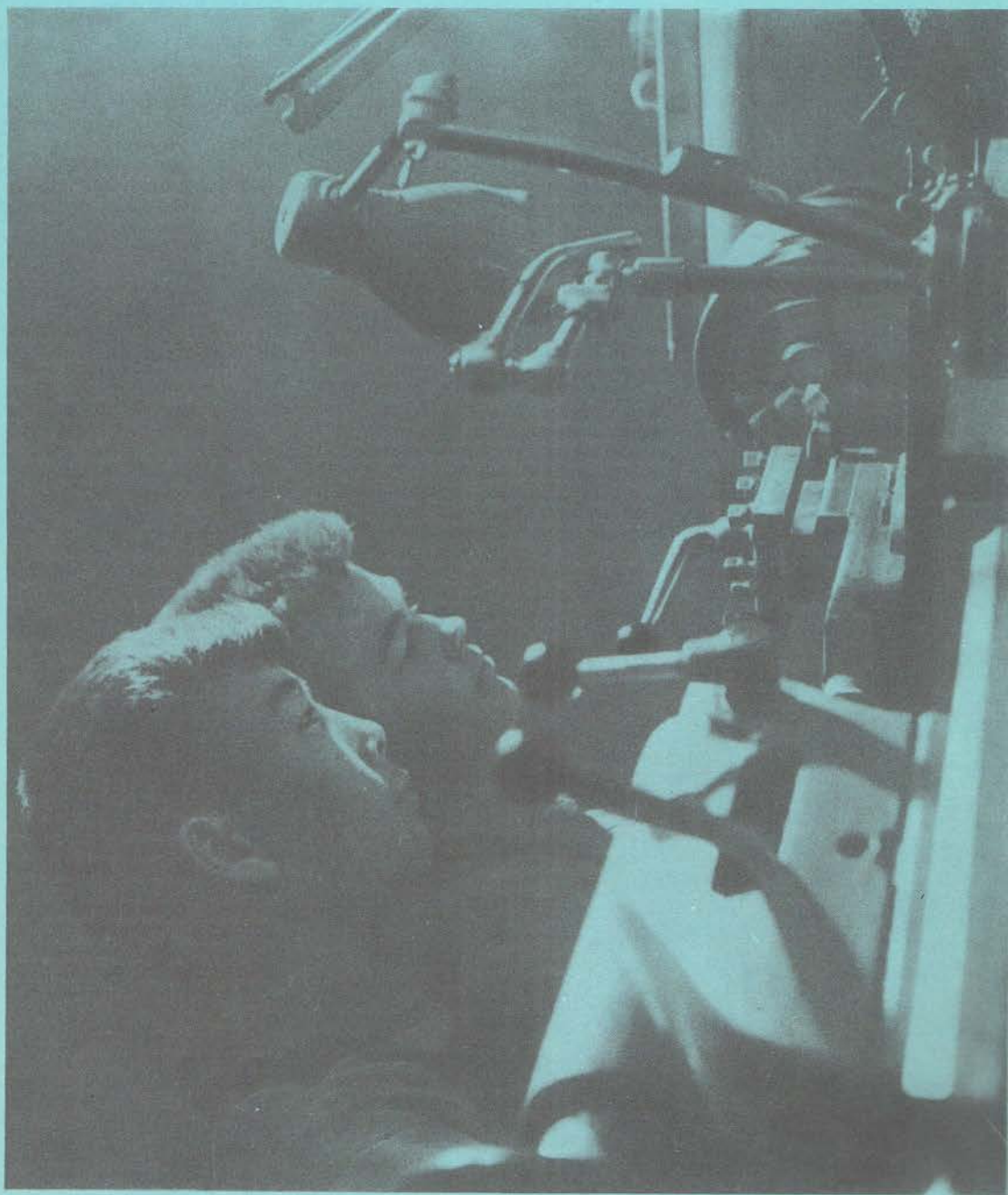

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славно солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!

Михаил
Кульчицкий

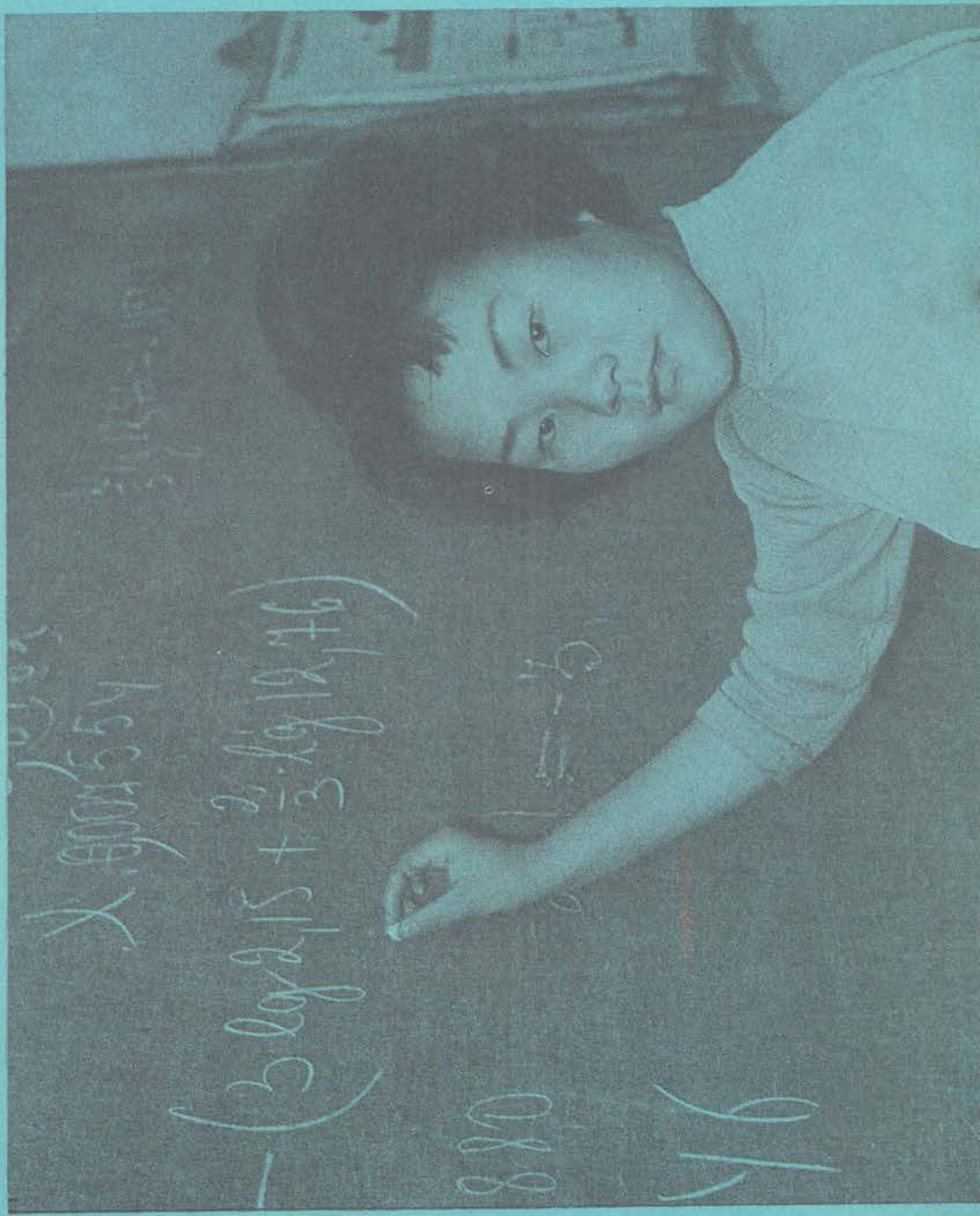
В механических мастерских
Центральной детской
станции. Фрунзе.

В школе юных математиков.
Новосибирск.

Студентка Дудинского
зооветеринарного техникума
эвенка Клавдия Хунончар.

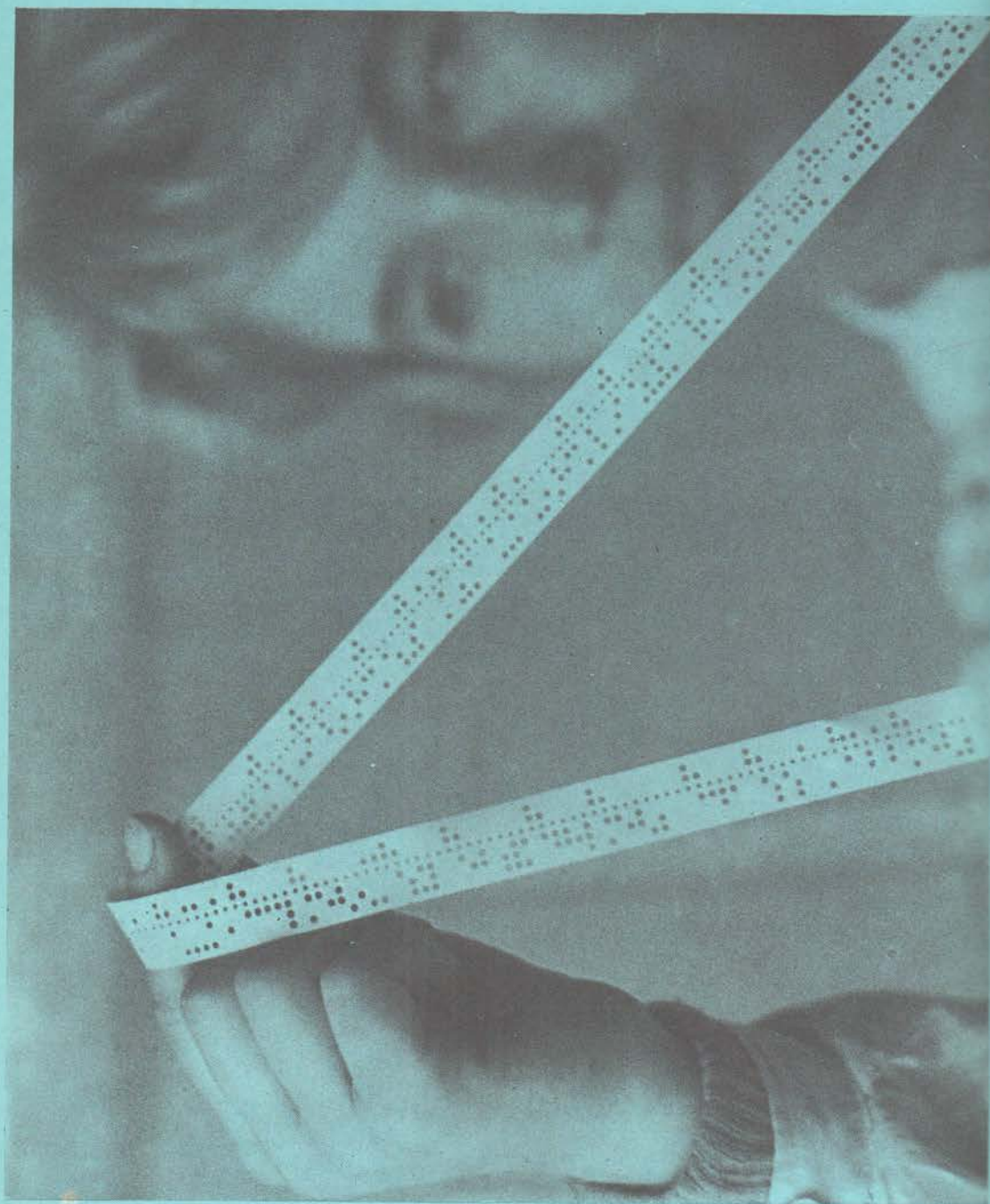
X 554

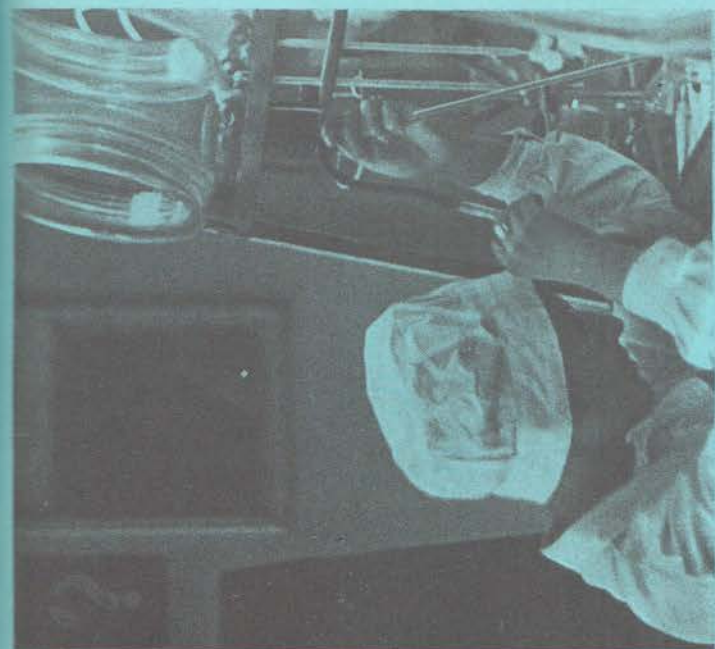
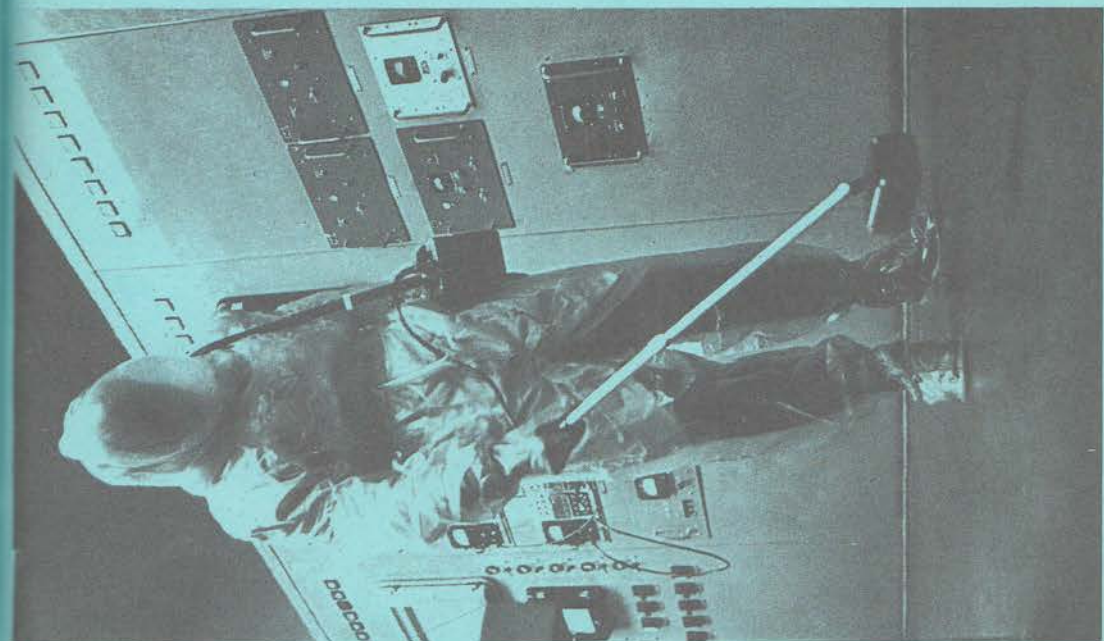
$$-\left(3 \log 2.15 + \frac{2}{3} \log 12.76\right)$$

880

116

2
—
15

В Прибалтийском институте атомных исследований.

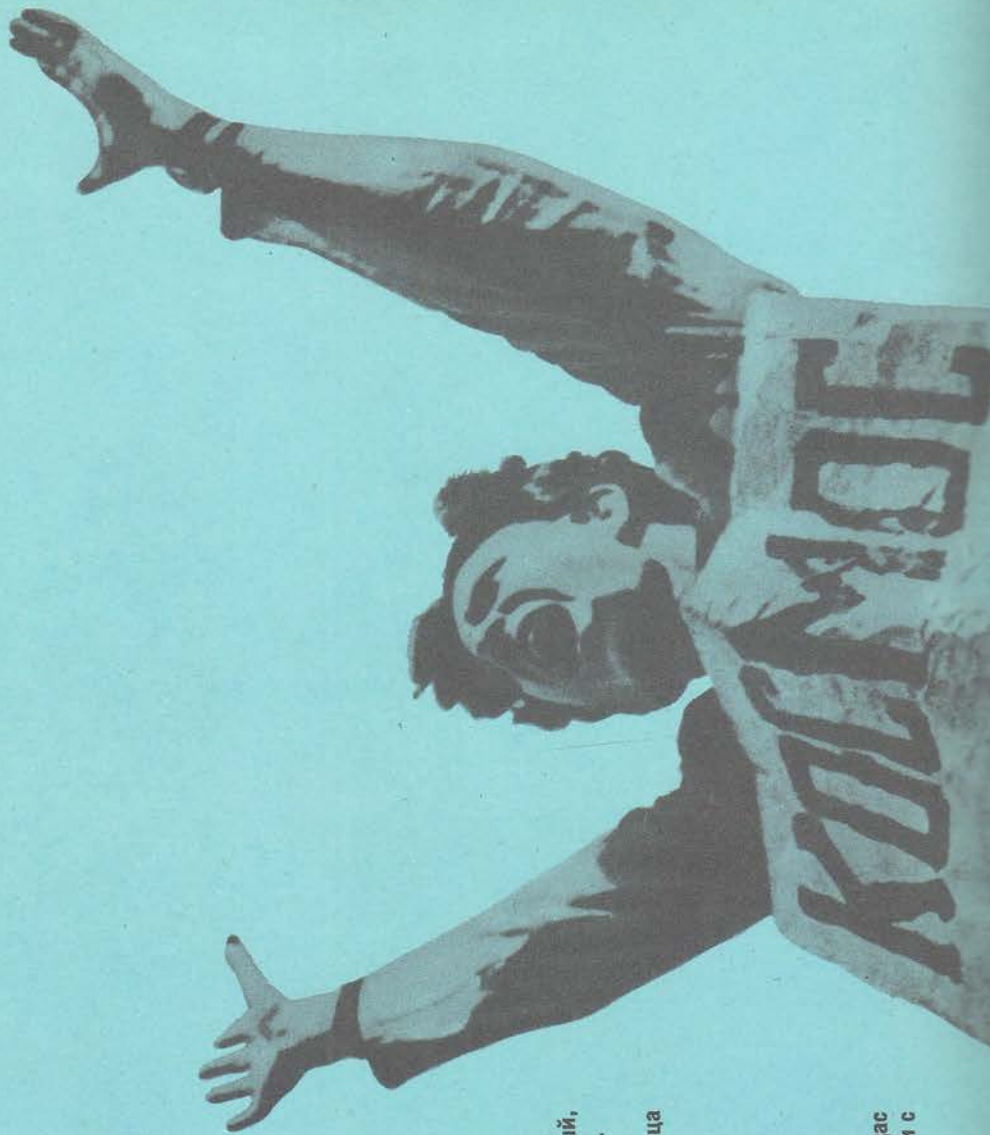
На просторе. 1961 г.

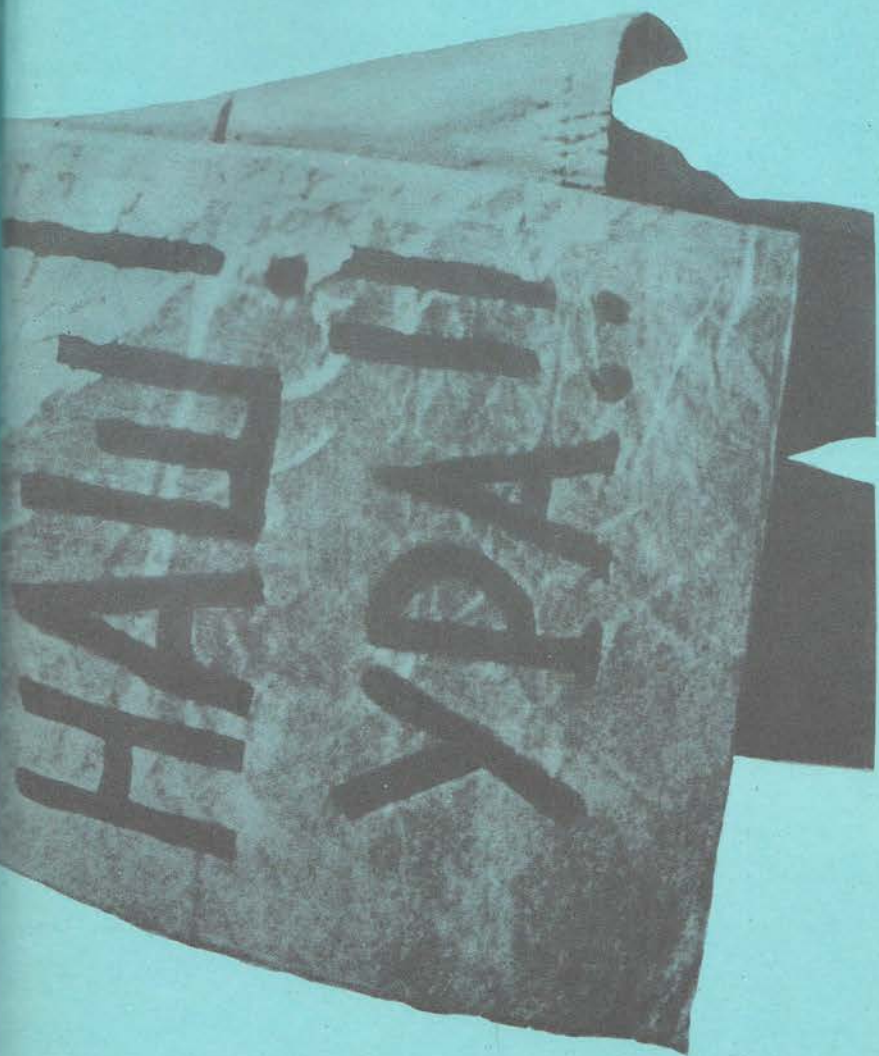
Молодые альпинисты
Георгий Зумбадзе и
Вахтанг Лаперашвили
готовятся к восхождению
на пик Ленина высотой
7134 метра.

Так стою:
Прекрасный, мудрый,
твердый,
Мускулистый, плечистый.
От земли вырастаю
до самого солнца
И бросаю на землю
Улыбки солнца
На восток, на запад,
На север, на юг.
Так стою:
Я, человек,
Я, коммунист.

Здурдас
Межелайтис

ПРОМЕТЕЙ.

Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 6. М., «Молодая гвардия». 1968.

472 с., с илл.

мага офсетная № 1. Печ. л. 29,5 (усл. 34,51).
Уч.-изд. л. 45,6. Тираж 100 000 экз. Цена
1 р. 53 к. Т. П. 1968 г., № 453. Заказ 796.

